

*Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 4(105) 2025 г.*

**ОРЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИМЕНИ В.В. ЛУКЬЯНОВА**

ISSN 2713-2536

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ОРЛОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ В.В. ЛУКЬЯНОВА

*Электронный журнал
№ 4(105) 2025 г.*

**Орел
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2025**

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова [электронный ресурс]: электронный журнал Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. – Электр. текстовые данные (5,2 МБ). – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025. – 1 компакт-диск: 12 см.

Журнал является периодическим электронным изданием, в котором публикуются результаты научных исследований ведущих ученых и молодых авторов по юридическим отраслям науки, а также передовому опыту борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Минимальные системные требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0 и выше; дисковод; мышь.

Текстовое электронное издание.

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025

Электронное издание создано
при использовании программного обеспечения:
Microsoft Word, Adobe Acrobat Reader.
Редакторы *С.Ю. Клевцова, Н.Н. Зайцева*

Дата выхода в свет: 25.12.2025.
Объем издания: 5,2 МБ.
Комплектация издания: 1 компакт-диск: 12 см.
Тираж: 25 компакт-дисков
16+

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор).

Реестровая запись
от 14.08.2020 серия Эл № ФС 77-78909
распространяется бесплатно

учредитель:
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова».

адрес редакции и издателя:
302027, Орел, ул. Игнатова, 2.
Тел. 8 (4862) 423114.
E-mail: niirio.oryui@yandex.ru
<http://www.orui.mvd.ru>.

Журнал включён в Научную электронную библиотеку, в систему Российского индекса научного цитирования URL: <http://www.elibrary.ru>, в актуальную версию Единого государственного перечня научных изданий – «Белого списка» и в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в отрасли «Юридические науки» по специальностям:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова».

© Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025.

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

Редакционная коллегия:

Главный редактор – начальник
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Д.Л. Проказин

Заместитель главного редактора – заместитель начальника
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
по научной работе кандидат юридических наук, доцент Д.Ф. Флоря

Члены редакционной коллегии:
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Л.А. Алексеева;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова,
доктор юридических наук, профессор А.А. Аубакирова;

профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета
доктор юридических наук, доцент А.Б. Баумштейн;

заместитель начальника кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент М.В. Баранчикова;

начальник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
доктор юридических наук, доцент С.С. Безруков;

главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
доктор юридических наук, профессор В.Ф. Васюков;

профессор кафедры государственного и муниципального права
Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
доктор юридических наук, профессор В.В. Головкин;

заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе
кандидат юридических наук, доцент П.В. Гридюшко;

заместитель начальника Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина по научной работе
доктор юридических наук, доцент О.А. Дизер;

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии
доктор юридических наук, доцент И.А. Ефремова;

первый заместитель начальника Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор О.В. Зиборов;

начальник кафедры «Автомобильной подготовки» Академии МВД Республики Узбекистан
кандидат технических наук, профессор С.А. Калауов;

начальник кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор А.И. Клименко;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Новосибирского военного ордена Жукова института имени
генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
доктор юридических наук, доцент Н.Ю. Лебедев;

профессор кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя Заслуженный работник высшей школы,
почетный работник высшего профессионального образования,
доктор юридических наук, профессор В.П. Малахов;

профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной
Российского государственного университета правосудия
доктор юридических наук, доцент Е.В. Марковичева;

профессор кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
доктор юридических наук, доцент К.В. Муравьев;

главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор В.В. Николюк;

ученый секретарь ученого совета, профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
доктор юридических наук, доцент А.В. Никуленко;

начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных
кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор Р.Б. Осокин;

начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России
доктор юридических наук, профессор А.В. Победин;

начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Е.А. Семенов
(ответственный секретарь);

первый заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор О.И. Цоколова;

профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности
Тульского института (филиала) (РПА Минюста России)
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России
доктор юридических наук, профессор Н.Г. Шурухнов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

Бирюкова М.С. ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МАРГИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	15
Власов В.В. ПОЗИТИВНОЕ ПРАВО, АДАТ И ШАРИАТ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ.....	27
Выходов А.А. МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВА: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ И СТРУКТУРЫ В ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	36
Гарина О.В. ЗНАЧЕНИЕ МИЛОСТИ В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XVII ВЕКА.....	44
Мартынова Н.А. «РУССКАЯ ПРАВДА» КАК ОТРАЖЕНИЕ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА.....	51
Римский А.В. ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И МЕХАНИЗМЫ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТОВ: ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СФЕРА.....	57
Фомичев А.Ю. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ПОЛИЦИИ В ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ПЕРИОД С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XIX ВЕКА.....	63
Черный А.И. ЦИФРОВОЙ ПОДХОД К ТИПОЛОГИИ ГОСУДАРСТВ: НОВЕЛЛА СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.....	75
Шурухнов Н.Г. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: УСИЛЕННАЯ И ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ОХРАНА ПО ЗАКОНУ ОТ 14 АВГУСТА 1881 ГОДА.....	83

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Ахтанина Н.А., Трофимов В.Е. ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ СИСТЕМАТИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ.....	94
Базарнова А.А., Лаптев В.И. О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МВД РОССИИ.....	103
Барышников М.В. ДОПУСК К УПРАВЛЕНИЮ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	111
Беженцев А.А. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОСОБЕННОСТИ НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	119
Бровчук О.В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	126
Жбанова С.А., Темняков Д.А., Жилина И.А. МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ КОНТРАВАРИЙНОМУ ВОЖДЕНИЮ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ.....	134
Капустина Е.Г. НОВЫЙ УРОВЕНЬ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	147

Карманов О.А. ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ЗА НЕСОБЛЮЖДЕНИЕ ЛИЦЕНЗИОННЫХ ТРЕБОВАНИЙ ПРИ УПРАВЛЕНИИ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ (УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ КОНТРТЕРРОСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ).....	156
Карпушина А.В. ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОВОЛЬНОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СБОРА, ОБРАБОТКИ И ХРАНЕНИЯ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ.....	165
Коробов А.А. О НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ.....	174
Королева Е.Г. ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТА В ПРОПАГАНДЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ.....	184
Кошелев Д.А. МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ...190	
Мешев И.Х. ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТРЕНИРОВОЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ К ДЕЙСТВИЯМ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ.....	196
Набока А.А., Турская Е.Р. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	202
Никоноров Е.А., Морозов П.В. ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ ОБХОД КАК ФОРМА НЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ.....	209
Сидорова М.В., Хажироков В.А. ТАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ПРИ ПОДГОТОВКЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ.....	217
Шмендель С.М. ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ СВЕТОЗВУКОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	225
Шумилин В.П., Шумилина Н.Г. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ...232	
Шурухнова Д.Н. АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В МЕХАНИЗМЕ КОНТРОЛЬНОЙ (НАДЗОРНОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	244

Уголовно-правовые науки

Адамович В.В. НОВЫЕ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫЕ ПСИХОАКТИВНЫЕ ВЕЩЕСТВА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ.....	253
Азаренкова Е.А., Ивлев К.А. ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА.....	261
Баранова Ю.В. ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ.....	269
Безлепкина О.В., Молчанова М.С. РОЛЬ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	275

Власов К.А., Ермакова А.Л. ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ШВЕЙЦАРИИ.....	282
Гаврилин С.А. ЭВТАНАЗИЯ: КОРРЕЛЯЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ И УГОЛОВНО- НАКАЗУЕМОГО ДЕЯНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯТРОГЕНИИ..	292
Демидова А.Е. ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА.....	298
Елесина И.Г., Сухарева Е.В. СИСТЕМА И МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ.....	303
Есина А.В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	309
Каримова Г.Ю. ПРИНЦИПЫ ЗАКОННОСТИ, РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ И СУДОМ, СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ КАК ОТДЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	315
Козлова Е.Л., Барина Е.Д. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ НА СУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	322
Красильников А.В. ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ «ОБЩЕЕ» И «ОСОБЕННОЕ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	327
Кузенков С.В., Белевский Р.А., Каширский Д.Ю. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СТАТУСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ.....	336
Кузнецов Д.Ю. ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ НЕВМЕНЯЕМОСТИ.....	343
Кураков Д.В., Приходько Н.Ю. НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ДИСТАНЦИОННЫХ МОШЕННИЧЕСТВ И ИНСТРУМЕНТЫ ИХ СОВЕРШЕНИЯ.....	352
Миликова А.В. ЗНАЧЕНИЕ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ «ТЕЛЕФОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА».....	360
Назарова М.Д., Кадукова Р.Р. ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ВСЛЕДСТВИЕ НЕЗАКОННОГО НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО: КАКОВ ПОРЯДОК ВОЗМЕЩЕНИЯ?.....	367
Никуленко А.В., Смирнов М.А. ОТ ЗАЩИТЫ К ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....	374
Отческая Т.И. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ.....	384
Погорелова К.Р. ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В ПАРАДИГМЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ.....	391
Подчерняев А.Н. ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ.....	399

Полякова А.В., Залива А.С. ДИСТАНЦИОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	406
Русина Т.С. НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОРГАНИЗАЦИЯХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ.....	414
Садиокова У.В., Асяев А.Р. ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА РАССЛЕДОВАНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ.....	422
Семенов В.Р., Рахимов Э.Х. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРЕСТУПНИКУ ПРИ ЕГО ЗАДЕРЖАНИИ.....	429
Сидорова Е.З. О НЕКОТОРЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ РИСКАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ	436
Смоляков Д.А. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПУБЛИЧНОГО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (ДЕЛА) ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ.....	444
Сретенцев А.Н. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ.....	451
Сучков А.И. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОЗАПИСЕЙ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ.....	461
Сущенко С.А. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ.....	471
Сырецкий М.В. СВЕДЕНИЯ О ТРАНСПОРТНОМ СРЕДСТВЕ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В СФЕРЕ ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК.....	477
Табурченко П.А. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СПОРТСМЕНАМИ.....	487
Ткачёва Е.С. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ.....	496
Тучков А.Ю. КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ: АНАЛИЗ УГРОЗ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ.....	504
Федотова О.В. ПРИЧИНЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЕМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ.....	514
Хузиахметов Д.М. О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПРОВОКАЦИИ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	525
Яшин В.Н. МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ.....	533
Информация для авторов.....	537

CONTENTS

Theoretical-historical legal sciences

Biryukova M.S. LEGAL NIHILISM AS A COMPONENT OF MARGINAL LAWFUL BEHAVIOR.....	15
Vlasov V.V. POSITIVE LAW, ADAT AND SHARIA IN THE NORTH CAUCASUS.....	27
Vykhodov A.A. THE MECHANISM OF THE STATE: EVOLUTION OF THE CONCEPT AND STRUCTURE IN THEORETICAL AND LEGAL SCIENCE.....	36
Garina O.V. THE MEANING OF MERCY IN THE LEGAL ACTS OF THE RUSSIAN STATE IN THE XVII CENTURY.....	44
Martynova N.A. RUSSKAYA PRAVDA (RUSSIAN TRUTH) AS A REFLECTION OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM.....	51
Rimsky A.V. LEGAL BASES AND MECHANISMS OF DIGITAL IDENTIFICATION OF SUBJECTS IN THE STATE-LEGAL SPHERE.....	57
Fomichev A.Y. SOME ASPECTS OF POLICE INVOLVEMENT IN THE PERFORMANCE OF PUBLIC AUTHORITY TASKS IN THE PERIOD FROM ANCIENT TIMES TO THE END OF THE XIX CENTURY.....	63
Chernyi A.I. A DIGITAL APPROACH TO THE TYPOLOGY OF STATES: A NOVEL IN THE MODERN THEORY OF STATE AND LAW.....	75
Shurukhnov N.G. EXCLUSIVE STATUS OF CERTAIN TERRITORIES OF THE RUSSIAN EMPIRE: STRENGTHENED AND EXTRAORDINARY PROTECTION UNDER THE LAW OF AUGUST 14, 1881.....	83

Public-law (state-legal) sciences

Akhtanina N.A., Trofimov V.E. THE SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE COMMISSION OF SYSTEMATIC OFFENSES IN THE FIELD OF TRAFFIC.....	94
Bazarnova A.A., Laptev V.I. TO THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF THE ISOD OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA.....	103
Baryshnikov M.V. ACCESS TO DRIVING IN EUROPEAN COUNTRIES: A COMPARATIVE ANALYSIS.....	111
Bezhentsev A.A. ADMINISTRATIVE PROCESS: FEATURES OF SUPERVISORY ACTIVITIES.....	119
Brovchuk O.V. CURRENT PROBLEMS AND RISKS ILLEGAL LABOR MIGRATION AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF MODERN RUSSIA.....	126
Zhbanova S.A., Temnyakov D.A., Zhilina I.A. TEACHING POLICE OFFICERS HOW TO DRIVE SAFELY.....	134
Kapustina E.G. A NEW LEVEL OF MIGRATION POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION.....	147

Karmanov O.A. FEATURES OF INITIATING ADMINISTRATIVE OFFENSES FOR NON-COMPLIANCE WITH LICENSE REQUIREMENTS IN MANAGING MULTIPLE-APARTMENT BUILDINGS DURING A COUNTERTERRORIST OPERATION.....	156
Karpushina A.V. ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE PRINCIPLE OF VOLUNTARINESS IN THE COLLECTION, PROCESSING AND STORAGE OF BIOMETRIC PERSONAL DATA.....	165
Korobov A.A. ON SOME LEGAL ASPECTS OF DERADICALIZATION.....	174
Koroleva E.G. FEATURES OF USING INTERNET CONTENT IN ROAD SAFETY PROPAGANDA.....	184
Koshelev D.A. MEASURES TO SECURITY PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES: A COMPARATIVE LEGAL STUDY OF THE LEGISLATION OF RUSSIA AND BELARUS.....	190
Meshov I.K. APPLICATION OF INNOVATIVE TRAINING TECHNOLOGIES IN PREPARING POLICE OFFICERS FOR SPECIAL CONDITIONS: ADMINISTRATIVE CONTEXT.....	196
Naboka A.A., Turskaya E.R. CURRENT ISSUES OF THE ACTIVITIES OF THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE DEPARTMENTS TO ENSURING ROAD SAFETY IN MODERN CONDITIONS.....	202
Nikonorov E.A., Morozov P.V. PREVENTIVE ROUNDS AS A FORM OF SERVICE BY DISTRICT POLICE OFFICERS.....	209
Sidorova M.V., Khazhirokov V.A. TACTICAL BASES OF USING FORCED MEASURES AS A FORCEFUL DETENTION IN THE TRAINING OF STUDENTS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS.....	217
Shmendel S.M. LEGAL PECULIARITIES OF USING LIGHT AND SOUND DEVICES.....	225
Shumilin V.P., Shumilina N.G. SOME QUESTIONS ABOUT THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ACTIVITIES OF THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE.....	232
Shurukhnova D.N. ADMINISTRATIVE LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN THE MECHANISM OF CONTROL (SUPERVISORY) ACTIVITIES.....	244

Criminal Law Sciences

Adamovich V.V. ABOUT THE CONTENT OF THE SIGNS OF THE CRIME OBJECT IN THE FORM OF NEW POTENTIALLY DANGEROUS PSYCHOACTIVE SUBSTANCES.....	253
Azarenkova E.A., Ivlev K.A. FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE REHABILITATION OF NAZISM.....	261
Baranova Y.V. VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF FRAUD COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES IN RUSSIA.....	269
Bezlepkina O.V., Molchanova M.S. THE ROLE OF THE CRIMINAL LAW IN ENSURING THE INFORMATION SECURITY OF MINORS.....	275

Vlasov C.A., Ermakova A.L. FEATURES OF LEGAL REGULATION OF SWISS PRE-TRIAL DETENTION REVISITED.....	282
Gavrilin S.A. EUTHANASIA: THE CALLIGRAPHY OF A SOCIAL PHENOMENON AND A CRIMINALLY PUNISHABLE ACT IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF IATROGENY.....	292
Demidova A.E. SPECIAL SUBJECT OF PROOF IN CRIMINAL CASES CONCERNING THE USE OF COMPULSORY MEASURES OF A MEDICAL NATURE.....	298
Yelesina I.G., Sukhareva E.V. THE SYSTEM AND METHODS OF SOCIAL CONTROL OVER CRIME.....	303
Esina A.V. PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF HARASSMENT AND THEIR SIGNIFICANCE FOR CRIMINAL LAW.....	309
Karimova G.Y. THE PRINCIPLES OF LEGALITY, EQUALITY OF ALL BEFORE THE LAW AND THE COURT, AND COMPETITION AS SEPARATE COMPONENTS OF THE IDEOLOGY OF RUSSIAN CRIMINAL JUSTICE.....	315
Kozlova E.L., Barinova E.D. ABOUT SOME FEATURES OF USING VIDEO CONFERENCE COMMUNICATIONS AT THE TRIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS.....	322
Krasilnikov A.V. PHILOSOPHICAL CATEGORIES OF «GENERAL» AND «SPECIFIC» IN THE CRIMINAL PROCESS.....	327
Kuzenkov S.V., Belevsky R.A., Kashirsky D.Y. DOCTRINAL AND ENFORCEMENT PROBLEMS OF DIFFERENTIATING THE STATUS OF SUSPECTS AND ACCUSED IN CRIMINAL PROCEEDINGS.....	336
Kuznetsov D.Y. DOCTRINAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING THE CRIMINAL-LEGAL CATEGORY OF INSANITY.....	343
Kurakov D.V., Prikhodko N.Y. SOME TYPES OF REMOTE FRAUD AND THE TOOLS FOR THEIR COMMISSION.....	352
Milikova A.V. THE IMPORTANCE OF DOCUMENTATION IN THE INVESTIGATION OF "PHONE SCAM".....	360
Nazarova M.D., Kadukova R.R. DAMAGE CAUSED AS A RESULT OF ILLEGAL SEIZURE OF PROPERTY: WHAT IS THE REFUND PROCEDURE?.....	367
Nikulenko A.V., Smirnov M.A. FROM PROTECTION TO ABUSE: THE TRANSFORMATION OF ESSENTIALITY IN MODERN LAW.....	374
Otcheskaya T.I. IMPROVEMENT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE SPHERE OF LAND RESOURCES CONSERVATION AS A CONDITION FOR ACHIEVING NATIONAL GOALS.....	384
Pogorelova K.R. COMPENSATION FOR HARM CAUSED BY A CRIME IN THE PARADIGM OF RESTORATIVE JUSTICE.....	391
Podchernyaev A.N. ISSUES OF CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF HOOLIGAN MOTIONS.....	399
Polyakova A.V., Zaliva A.S. REMOTE FRAUD AS A TYPE OF CRIME COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES.....	406

Rusina T.S. DIRECT INVOLVEMENT OF YOUTH IN EXTREMIST AND TERRORIST ACTIVITIES IN ORGANIZATIONS AND INSTITUTIONS.....	414
Sadiokova U.V., Asyaev A.R. ORGANIZATIONAL SUPPORT FOR DEPARTMENTAL OVERSIGHT OF CRIME INVESTIGATIONS BY PRELIMINARY INVESTIGATION AGENCIES IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA.....	422
Semenov V.R., Rakhimov E.K. SOME QUESTIONS REGARDING THE LEGALITY OF CAUSING HARM TO A CRIMINAL DURING HIS ARREST.....	429
Sidorova E.Z. ABOUT SOME OF THE CRIMINAL LAW RISKS OF USING UNMANNED VEHICLES	436
Smolyakov D.A. PROBLEMATIC ISSUES OF PUBLIC CRIMINAL PROSECUTION(CASE) TERMINATION ON NON-REHABILITATING GROUNDS...	444
Sretentsev A.N. ON THE USE OF PERSPECTIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE METHODS IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES.....	451
Suchkov A.I. USE OF VIDEO RECORDS AS EVIDENCE IN ROAD TRANSPORT CRIMES.....	461
Sushchenko S.A. PRESENTATION OF THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES: CURRENT STATE AND PROBLEMS.....	471
Syretsky M.V. VEHICLE INFORMATION AS A FORENSIC CHARACTERISTIC ELEMENT OF CRIMES RELATED TO VIOLATIONS OF TRAFFIC RULES AND VEHICLE OPERATION IN PASSENGER TRANSPORTATION.....	477
Taburchenko P.A. SOME QUESTIONS OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS CRIMES COMMITTED BY ATHLETES.....	487
Tkacheva E.S. SELECTED ISSUES OF IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF PRESERVATIVE MEASURES.....	496
Tuchkov A.Y. CYBERCRIME IN RUSSIA: THREAT ANALYSIS AND COUNTERACTION.....	504
Fedotova O.V. CAUSING PROPERTY DAMAGE BY DECEPTION OR ABUSE OF TRUST: QUALIFICATION ISSUES.....	514
Khuziahmetov D.M. ON THE LEGAL NATURE OF THE PROVOCATION OF A CORRUPTION CRIME.....	525
Yashin V.N. MODERNIZATION OF THE INSTITUTION OF TERMINATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINAL PROSECUTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS JUDICIAL PROCEEDINGS IN RUSSIA.....	533
Information for authors	537

Научная статья

УДК 340.1

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МАРГИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Бирюкова Марина Сергеевна

Луганский филиал Воронежского института МВД России, Луганская Народная Республика, Луганск, Россия

bms-lavd@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы правового нигилизма как составляющей маргинального правомерного поведения, являющегося существенным препятствием для эффективного функционирования современного правосознания российского общества. В статье проанализированы исторические истоки, раскрыта природа данного явления, выделены основные причины его возникновения и актуальные формы проявления, внутренние и внешние факторы, способствующие распространению правового нигилизма. Акцентируется внимание на необходимости формирования адекватных стратегий преодоления правового нигилизма как составляющей маргинального поведения, даны конкретные рекомендации, направленные на повышение правовой культуры населения. Рассмотрены теоретические подходы к пониманию сущности правового нигилизма, приведён критический обзор аргументов его приверженцев и предложены практические шаги для нейтрализации его негативных последствий.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правосознание, правовое поведение, маргинальность, маргинальное поведение.

Для цитирования: Бирюкова М. С. Правовой нигилизм как составляющая маргинального поведения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 15–26.

LEGAL NIGILISM AS AN ELEMENT OF MARGINAL BEHAVIOR

Marina S. Biryukova

Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Lugansk People's Republic, Lugansk, Russia

bms-lavd@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the study of the problem of legal nihilism as a component of marginal lawful behavior, which is a significant obstacle to the effective functioning of modern legal consciousness of Russian society. The article analyzes the historical origins, reveals the nature of this phenomenon, highlights the main reasons for its occurrence and current forms of manifestation, internal and external factors contributing to the spread of legal nihilism. Attention is focused on the need to develop adequate strategies to overcome legal nihilism as a component of marginal behavior, specific recommendations are given aimed at improving the legal culture of the population. Theoretical approaches to

understanding the essence of legal nihilism are considered, a critical review of the arguments of its adherents is given and practical steps are proposed to neutralize its negative consequences.

Keywords: legal nihilism, legal awareness, legal behavior, marginality, and marginal behavior.

For citation: Biryukova M. S. Legal nihilism as an element of marginal behavior // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 15–26.

Ряд нерешённых проблем, связанных как с теоретическими, так и с практическими вопросами, существующими в общей теории маргинальности и относящихся непосредственно к концепции маргинального поведения, приводит к тому, что ситуативность, калейдоскопичность, мозаичность нашей жизни становятся во многом нормой современного общества. Также становится нормой явление маргинальности – вечный спутник и следствие роста темпов цивилизационных напряжений, ускорения бытия современного человека. Маргинальное становится существенным признаком настоящего. Его влияние на общественные процессы, жизнь современного человека невероятно возросло, и этот процесс только ускоряется.

Масштабные проявления правового нигилизма как составляющей маргинального поведения имеют вектор на глобальное разрушение отношений власти и общества к существующему правопорядку, что вообще угрожает существующему государству. Президент Российской Федерации Владимир Путин акцентировал внимание на необходимости добиваться неукоснительного и единообразного исполнения законов на всей территории РФ, противостоять любым проявлениям произвола и правового нигилизма»¹.

Такое негативное явление, как правовой нигилизм, рассматривалось различными учёными и практиками, среди которых стоит выделить, таких как Д. Ю. Айдинян, С. С. Алексеев, К. Д., Андриянова, С. К. Апресян, В. К. Бабаев, П.П. Баранов, В.И. Гойман, А.Н. Зрякина, Е.А., Коледа, К.А. Костина, Д.Д. Ларюшина, И.А. Лапшина, Н.И. Матузов, В.П. Сальников, В.А. Туманов, Ю.Э. Ханукаев и другие.

Однако стоит признать, что, несмотря на существующие научные труды в области правового нигилизма, обозначенная проблема по-прежнему остаётся решённой не до конца.

Анализ многочисленных информационных ресурсов и научных исследований позволяет сделать вывод о том, что феномен правового нигилизма как составляющей маргинального поведения является чрезвычайно сложным и многомерным. Существует значительное разнообразие подходов к определению понятий нигилизма вообще и правового нигилизма в частности, отсутствует единая точка зрения среди исследователей относительно природы происхождения правовых установок и проявлений негативного отношения к праву. Помимо этого, остаётся открытым вопрос классификации различных форм правового нигилизма и выявления основных факторов, способствующих его развитию.

Эти обстоятельства указывают на необходимость глубокого научного осмысления существующих проблем и разработки новых теоретико-методологических основ изучения правового нигилизма. В условиях активного развития российского государства и становления нового типа общественных отношений углублённое изучение феномена правового нигилизма приобретает особую важность, поскольку игнорирование или недостаточное внимание к нему может привести к дестабилизации общественного порядка и снижению эффективности функционирования правовой системы страны в целом.

¹ Путин запретил прокурорам руководствоваться целесообразностью [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/politics/2019-03-19/3_7534_prokuratura.html (дата обращения: 19.09.2025).

Выбранная исследователем тема является весьма актуальной сегодня, ведь явление правового нигилизма в Российской Федерации распространено, и эта проблема требует скорейшего решения с целью её устранения из жизни общества. Следует отметить, что маргинальное поведение тесно связано с явлением маргинальности, где первое является внешним выражением второго. Маргинальность человека обусловлена не только внутренним отношением к миру, но, главное, определёнными внешними факторами: социальными, экономическими, политическими, нравственными правовыми.

Существуют различные подходы к классификации маргинальных групп. Наиболее полная классификация, на наш взгляд, выглядит следующим образом:

- этнические маргиналы – мигранты;
- биологические маргиналы – люди, чьё здоровье перестаёт быть заботой общества;
- социальные маргиналы – группы, которые ещё не завершили процесс социального перемещения;
- возрастные маргиналы – группы людей, которые появились вследствие разрыва интеграции поколений;
- политические маргиналы – люди, которые не имеют возможности и юридических правил правомерной социально-политической оппозиционной борьбы;
- экономические маргиналы – люди, утратившие постоянные источники дохода вследствие экономических кризисов, пандемии, вооружённых конфликтов, экологических бедствий и т. д.;
- религиозные маргиналы – люди, не относящиеся ни к одной из господствующих религий или состоящие в запрещённых религиозных организациях;
- криминологические маргинальные группы [1, с. 263].

Каждая из вышеперечисленных групп является потенциальным источником нигилизма, в том числе и правового. Особое внимание заслуживает в этом контексте группа политических маргиналов, именно они являются одними из наиболее активных распространителей правового нигилизма.

Любое развитое государство, включая Россию, базируется на социальной системе, нуждающейся в эффективном управлении общественными связями, объединении членов социума и согласовании их действий. Такое упорядочивание осуществляется посредством введения определённых норм, закрепляющих общественные ценности и существующий правопорядок. Представить себе любое общество без установленных правил поведения и иных регуляторов попросту невозможно, ведь именно они позволяют поддерживать его нормальное функционирование. Такая система формируется главным образом исходя из текущих потребностей общества, диктуемых необходимостью организованного взаимодействия между людьми и упорядочивания отношений между ними и государством. Однако в этой общей системе регуляторов общественных отношений главенствующее место остаётся за правом. Термин «право» является для нас привычным, как и осознание того, что нормы права (законы) создаются государством и служат для регулирования общественных отношений [2, с. 4]. Соответственно, исходя из этого можно сделать логичный вывод, что правовое регулирование занимает особое место в системе социального регулирования.

Н. Л. Гранат считает, что правовое регулирование включает в себя все виды воздействия правовых норм на сознание и поведение людей, призванного обеспечить достижение интересов общества в целом [4, с. 378-395].

Важно подчеркнуть, что правовое регулирование тесно переплетается с другими формами организации общественных отношений, такими как мораль, этика, эстетика, политика и прочие. Эти формы взаимозависимы и взаимосвязаны, образуя единый механизм взаимодействия. На практике нельзя исключать или заменять одну форму другой, равно как недопустимо противопоставлять их друг другу. Они составляют целост-

ную систему социального регулирования, обеспечивающую гармоничное сосуществование и взаимодействие различных аспектов общественной жизни.

При этом воспитание у людей достаточно высокого уровня правовой культуры и правового сознания является одним из главных условий создания и функционирования правового государства. Правосознание – это система отражения правовой действительности во взглядах, теориях, концепциях, чувствах, представлениях людей о праве, его месте и роли в обеспечении свободы личности и других общечеловеческих ценностей. Существует несколько типов правосознания: обыденное, теоретическое и профессиональное, которое обычно выражается в правовом поведении народа. Но наряду с этим существует и противоположное этому явление – правовой нигилизм [3, с. 131].

Сегодня термин «правовой нигилизм» широко используется практически во всех областях общественной жизни, однако для адекватного понимания сути данного явления важно предварительно обратиться к современному толкованию самого понятия «нигилизм». Исторически слово «нигилизм» берёт своё начало от латинского термина «*nihil*», означающего буквально «ничего». Этимология данного термина восходит к выражению «*nihilum*», которое дословно означает отсутствие какой бы то ни было ценности («ни нити, ни волоска»). Таким образом, изначально оно отражало отрицательное отношение ко всему существующему порядку вещей, принципам морали и традиционным ценностям.

Современное понимание правового нигилизма значительно шире и глубже, охватывает широкий спектр явлений, связанных с пренебрежением законами, недоверием к правовым институтам и отказом признавать обязательность права в повседневной жизни. Для полноценного анализа рассматриваемого феномена необходимо учитывать многообразие взглядов учёных-юристов и социологов, предлагающих разные подходы к пониманию истоков, структуры и последствий правового нигилизма. Только комплексный подход позволит выявить глубинные причины возникновения и распространения правового нигилизма, предложить эффективные меры противодействия этому негативному социальному явлению, а также разработать рекомендации по совершенствованию законодательной базы и правоприменительной практики.

В словаре С. И. Ожегова нигилизм трактуется как «полное отрицание всего, полный скептицизм» [5, с. 546]. В словаре В. И. Даля нигилизм определяется как «безобразное и безнравственное ученье, отвергающее всё, чего нельзя ощупать» [6, с. 1863-1866]. В большом энциклопедическом словаре нигилизм определяется как «отрицание общепринятых ценностей: идеалов, моральных норм, культуры, форм общественной жизни» [7, с. 1632]. В Большой российской энциклопедии нигилизм определяется как «термин, употребляющийся для обозначения различных мировоззренческих (религиозных, философских, этических, эстетических) направлений и социально-психологических установок, для которых характерно отрицание общепринятых ценностей, норм, традиций и устоев [8]».

Нигилизм традиционно воспринимается как негативное явление, обозначающее полное неприятие определённых идей, принципов или установок. Индивид, занимающий позицию критического отношения к различным аспектам социальной действительности, часто характеризуется как нигилист. Сам же термин подразумевает принципиальное отрицание традиционных социальных и нравственных ориентиров, общепринятых стандартов поведения и мировоззрения.

Философская традиция рассматривает нигилизм как особое состояние сознания, предполагающее радикальную переоценку ранее принятых ценностей, утрату веры в смысл существования, крушение привычных жизненных ориентиров. Это мировоззрение охватывает такие аспекты, как утрата доверия к Богу, разрушение представлений о бессмертии души, возможность разумного познания мира, объективность исти-

ны, универсальные этические нормы, культурные основы цивилизации, национальные идеи и исторический прогресс человечества.

Таким образом, нигилизм представляет собой не только форму социального бунта, но и глубокую внутреннюю рефлексию над вопросами смысла жизни, человеческой судьбы и места индивида в мире. Понимание природы и причин возникновения нигилизма имеет важное значение для выработки эффективных стратегий взаимодействия с ним, предупреждения негативных последствий и минимизации рисков деградации духовной культуры современного общества.

Нигилизм подразумевает именно определённый вид отрицания, однако не всякое отрицание является нигилизмом. Нигилизм специфичен тем, что он направлен против нравственных норм, культурных устоев и прочих важных аспектов общественной жизни. Возражение же обозначает всего лишь выражение несогласия с каким-то утверждением или действием, непринятие чего-либо конкретного. Если считать каждое проявление протеста проявлением нигилизма, то сам термин утратил бы свою содержательную глубину и ясность смысла.

Итак, нигилизм – явление неоднозначное и различается по ценностям, которые отрицаются или не признаются. Данное понятие многогранно и охватывает разные аспекты человеческой жизни. Его ключевыми признаками выступают неприятие, отказ или невнимание к общепризнанным нормам, правилам поведения, ценностям, традициям, идеям и другим подобным элементам общественной жизни.

Что же касается правового нигилизма, то современная правовая наука имеет в своём активе значительные достижения как отечественных, так и зарубежных учёных, в настоящее время составляющих основу для дальнейших научных исследований, связанных с этим негативным феноменом. Никто не ставит под сомнение значимость исследования данного феномена, единогласно признавая его социальную угрозу. Основное внимание сегодня уделяется изучению истоков возникновения, форм проявления и причин существования этого явления. При формировании представления о формах выражения правового нигилизма, его структуре и внешних условиях необходимо первоначально установить сущность самого термина «правовой нигилизм». Определение этого понятия предполагает выявление общих признаков, позволяющих отнести его к категории родовых понятий.

На наш взгляд, нельзя ограничивать правовой нигилизм исключительно сферой права. Приведём несколько аргументов по этому поводу:

- во-первых, правовой нигилизм является социальным феноменом и возникает в результате оценочного отношения (отрицательного или положительного) к праву;
- во-вторых, любые сферы общественной жизни (экономическая, политическая, правовая и т. д.) взаимосвязаны между собой. Кроме того, они не могут существовать отдельно. Каждая из них является частью целого и каждый элемент этого целого неразрывно связан между собой и влияет друг на друга;
- в-третьих, право регулирует практически все стороны общественной жизни;
- в-четвёртых, происходит дальнейшее развитие общественных отношений, которые являются предпосылкой возникновения новых проблем, требующих юридического решения и оформления, их нарушение будет являться проявлением нигилизма.

Характеризуя явление правового нигилизма, следует обратить внимание на то, что это понятие нельзя рассматривать только через категорию «отрицание». Как отмечает А. И. Новиков, если каждый нигилизм есть отрицание, то далеко не каждое возражение является нигилизмом. Понятие «отрицания» гораздо шире понятия «нигилизм». Возражения внутренне присущи сознанию и человеческой деятельности. Без них нет ни развития, ни прогресса. Однако не всех, кто отрицает устаревшее в идеях, экономике, политике и культуре, нужно относить к нигилистам. В противном случае сам термин «нигилизм» теряет смысл и растворяется в более широком понятии «отрицание» [9, с. 12].

Для правового нигилизма характерным является также неверие в надёжность права, законность действий должностных лиц государства, психологические попытки высвободиться из-под контроля права, силы, принуждения и т. п.

Носители правового нигилизма, как правило, имеют низкий уровень правосознания и правовой культуры, с одной стороны, и твёрдую уверенность во вседозволенности и правильности своих действий – с другой. Право они считают лишь какой-то прихотью, незначительным препятствием для достижения собственных целей.

При формировании причин появления и проявления правового нигилизма в сознании общества необходимо в какой-то мере абстрагироваться от реальности и посмотреть, в какой мере это явление присуще современному российскому социуму.

Так, Л. А. Петручак указывает на следующие причины появления правового нигилизма:

«1. Кризисное состояние современного общества, о чём свидетельствует снижение уровня жизни населения, коррупция, рост преступности.

2. Несформированность государственной идеологии в правовой сфере. При становлении, развитии и видоизменении правовой системы Российской Федерации, навязанной западными ценностями, в правосознании россиян происходит отказ от прежних традиций, сменяющий их неолиберальными идеями (свободный рынок торговли, приоритет прав человека и т. д.). Здесь возникает опасность усвоения нами идей низших культурных слоёв Запада, которые нам навязываются через СМИ, интернет.

3. Криминальный характер перераспределения собственности, где последствием выступает отчуждение большинства граждан от новой правовой системы. Сейчас главным мотивом общественной жизнедеятельности стало материальное обогащение, что приводит к криминализации правового сознания, где право бессильно радикально изменить ситуацию к лучшему, из-за чего к нему падает уважение среди населения.

4. Несовершенство правовой системы, а именно: завышение показателей в цифрах, наказание невиновных. В общественном сознании прочно утвердилось мнение: преступник не тот, кто совершил преступление, а тот, кто попался и не сумел оправдаться.

5. Противоречивость и нестабильность современного российского законодательства, выражающиеся в несогласованности и в отсутствии контроля за принимаемыми законами, их реализацией, эффективностью действий.

6. Коррупционированность чиновников, где взятки остаются действенным способом решения значительного количества вопросов.

7. Утрата общественного доверия к суду обусловлена такими факторами, как нарушение процессуальных норм, затягивание судебных разбирательств, коррупция среди судей и зависимость судебной системы от органов исполнительной власти [10, с. 21]».

Р. Н. Донченко выделяет следующие причины, обуславливающие возникновение и распространение правового нигилизма:

«1. Намеренное нарушение действующих правовых норм и нормативных актов. Основные факторы, способствующие увеличению количества правонарушений, связаны с дефектами правовой системы, недостаточностью социальной политики государства и общим падением нравственного уровня общества.

2. Доминирование политического и идеологического интересов над соблюдением законности. Государственные деятели, ведомства и общественные силы допускают нелегитимные действия, стремясь удовлетворить собственные интересы вне рамок законности.

3. Широко распространены нарушения прав человека, такие как право на защиту чести и достоинства, неприкосновенность имущества. Недостаточная защита граждан

со стороны государства подрывает доверие к праву и создаёт ощущение бессилия закона, вызывая у граждан чувство раздражения, неудовлетворённость и протест.

4. Издание противоречивых законов и нормативных актов, исключаящих друг друга и ведущих к путанице и неразберихе. Чрезмерное количество нормативно-правовых актов создаёт почву для административного произвола и злоупотреблений [11, с. 16-17]».

На наш взгляд, одной из основных причин роста правового нигилизма, прежде всего, является недостаточный уровень осуществления государством и педагогами законотворческой и правовоспитательной деятельности. Поэтому одной из предпосылок противодействия и преодоления правового нигилизма должно стать целенаправленное и широкомасштабное осуществление превентивных мероприятий такого рода с целью повышения уровня правосознания и правовой культуры общества в целом и молодёжи в частности. Указанное дополнительно обуславливает и увеличивает необходимость исследования проблем, связанных с распространением правового нигилизма и определением мер противодействия этому явлению в современном российском социуме.

Стоит также выделить ещё одну причину, к которой можно отнести массовое неисполнение и нарушение законов, которое зачастую является обычным явлением и даже не вызывает среди населения осуждения. Наблюдая за противоправными и антисоциальными явлениями, человек начинает подражать им, считая, что чем серьёзнее будет нарушение, тем заметнее он станет для общества, нарушив при этом требования правовых норм. В свою очередь, существующая безнаказанность вдохновляет и провоцирует к новым способам совершения преступлений.

Всему этому есть объективные причины, но, чтобы их понять, нужно разобраться с источниками правового нигилизма. На наш взгляд, одним из основных таких источников является «конституционный нигилизм». Именно действие конституционного механизма преодоления правового нигилизма приводит к достижению тех целей, которыми руководствуется государство, считает справедливо Ш. Г. Утарбеков [12, с. 20].

Правовой нигилизм представляется, скорее, следствием социальных взаимодействий, вызванных разнообразием факторов и обстоятельств. Современные политики часто дистанцируются от действительных трудностей в стране, государственные структуры поражены бюрократизмом, законы нарушаются самими политиками, чиновничьи злоупотребления порождают коррупцию, правовые и социальные нормы систематически игнорируются. Всё это формирует двойственное отношение граждан к законодательству и государству, что ведёт в целом к усилению правового нигилизма.

В данный контекст подходит высказывание И. А. Ильина: «Честным, законопослушным можно быть только по личной убеждённости, в силу личного решения. Без этого нет правосознания и лояльности, и гражданин становится не опорой, а брешью в правопорядке [13]».

Дополнительным фактором выступает низкая эффективность властных структур и снижение уровня доверия к ним со стороны граждан. Люди всё чаще стараются избегать обращения в официальные правоохранительные органы, предпочитая решать свои проблемы неофициальными способами, нередко прибегая к помощи криминальных элементов. Для построения справедливой и эффективной правовой системы, независимой судебной власти крайне важно преодолеть сложившийся правовой нигилизм. Вместе с тем следует признать, что эта проблема игнорирования законов и норм права пока ещё не получила должного комплексного подхода и глубокого анализа.

Дальнейшее изучение проявления правового нигилизма заставляет нас не только уяснить толкование правового нигилизма, источники, причины его возникновения, но его формы выражения. Проанализировав труды учёных по данной проблеме, мы пришли к выводу, что как ранее, так и сейчас мало кто классифицирует его формы. Однако

стоит признать, что правовой нигилизм многолик и находит себя в самых различных формах выражения и проявлениях.

В юридической науке существуют различные классификации форм правового нигилизма, одна из которых была разработана известным российским исследователем М. И. Матузовым. Согласно его концепции, выделяются следующие виды проявлений правового нигилизма:

- прямые нарушения законов. Включают умышленное или случайное нарушение правовых норм, будь то государственные служащие или обычные граждане;

- широкомасштабное невыполнение требований законодательства. Граждане и представители властных структур действуют вопреки установленным юридическим предписаниям, предпочитая руководствоваться собственными представлениями о порядке вещей;

- противоречивые правовые акты. Введение в практику противоречащих друг другу нормативных документов, включая подзаконные акты, которые фактически заменяют законы, усиливая хаос в правоприменении;

- замещение принципа законности иными соображениями. Например, политические, экономические или идеологические мотивы ставятся выше строгих правовых принципов, что ведёт к разрушению конституционной основы государства;

- конфликты внутри властных структур. Постоянные споры и разногласия между ветвями власти, что затрудняет эффективное управление страной и подрывает доверие граждан к государству;

- игнорирование базовых прав человека. Регулярное нарушение таких фундаментальных прав, как право на жизнь, собственность, безопасность и личное достоинство, создаёт атмосферу беззакония и нестабильности;

- теоретический правовой нигилизм. Ошибочные или односторонние толкования классических концепций, вроде марксистской идеи отмирания государства и права, приведшие к ошибочным взглядам на роль права в обществе [14, с. 9].

Анализ научных публикаций и исследований по данной тематике позволяет предложить дополнительную классификацию форм проявления правового нигилизма:

- явные нарушения законов, воплощённые преимущественно в преступности, являющейся одним из источников самого нигилизма;

- игнорирование правовых норм, проявление маргинальности, хотя формально и менее вредоносное для общества, однако крайне опасное для установления прочного правопорядка;

- борьба внутри власти и вокруг неё, приводящая к конфликтам и противостоянию различных политических сил.

Таким образом, обе классификации подчёркивают разнообразие проявлений правового нигилизма, предлагая разные перспективы анализа и потенциальные подходы к профилактике и исправлению сложившейся ситуации. Данные классификации помогают глубже понимать природу правового нигилизма и разрабатывать соответствующие профилактические меры для восстановления баланса между правами и обязанностями граждан и государств.

Рассматривая формы проявления правового нигилизма, важно обратить внимание на классификацию по способу реализации юридических норм. Исходя из этого критерия, выделяются две формы выражения правового нигилизма: федеральная и региональная.

Как верно отмечает Н. И. Матузов: «Существует мнение, что война законов ушла в прошлое, что она велась, когда был союзный центр. Это не совсем так. Война законов не прекратилась, а видоизменилась. Конечно, накал её спал, особенно в смысле риторики, эмоций, но она продолжается. Теперь эта война идёт в рамках России между

законами, указами, судебными решениями, правительственными постановлениями, а также между федеральными и региональными актами» [15, с. 126].

Необходимо дальнейшее развитие механизма преодоления правового нигилизма на государственном уровне, который должен заключаться в предоставлении возможности гражданам принимать непосредственное участие в формировании существующих законов, обсуждать эти законы с законодателем через сеть Интернет и, соответственно, предлагать внесение изменений. Предполагается, что таким образом не только будет налажено взаимодействие граждан с государством, но и повысится правовой уровень населения.

Правовой нигилизм выступает важной составляющей маргинального поведения, которое характеризуется переходностью и неопределённостью статуса субъекта в социальной структуре общества. Маргинализация связана с отсутствием чёткой ориентации на правовые нормы и ценности, вследствие чего возникают отклонения от стандартного законопослушного поведения.

Особенности правового нигилизма как компонента маргинального поведения заключаются в следующем:

1. Негативное восприятие права. Индивиды воспринимают право как нечто чуждое, ограничивающее свободу действий и мешающее достижению личных целей. Это формирует стойкую установку на нарушение законов и пренебрежительное отношение к правовым предписаниям.

2. Отсутствие уважения к закону. Отсутствие внутренней убеждённости в справедливости законодательства приводит к формированию установки на уклонение от соблюдения правовых норм и использование различных способов ухода от ответственности.

3. Обоснование противоправных поступков. Под влиянием правового нигилизма формируются убеждения, оправдывающие нарушения закона, такие как отсутствие понимания вредоносности своего проступка, оправдание себя обстоятельствами или внешними факторами.

4. Ограниченность социального взаимодействия. Лицам, склонным к правовому нигилизму, сложно интегрироваться в общество и поддерживать стабильные взаимоотношения с окружающими людьми. Они часто оказываются изолированными и испытывают трудности в адаптации к существующей правовой среде.

5. Приверженность альтернативным формам регулирования отношений. Для таких субъектов характерны обращения к теневым механизмам разрешения конфликтов, использованию криминальных методов решения споров и проблемам легитимации собственной деятельности в рамках правового поля.

Абсолютизация отрицательного начала правового нигилизма как составляющей маргинального поведения зачастую становится препятствием для постижения подлинной сущности данного явления. Именно поэтому целесообразно рассматривать правовой нигилизм не только как простое непризнание установленных порядков, но и как сложное мировосприятие, включающее элементы сомнения, протеста против догматизма, свободы выбора и творческого самовыражения.

Таким образом, в результате проведённого нами исследования мы пришли к выводу, что правовой нигилизм – это многогранная концепция, отражающая разные аспекты человеческой жизни, включающая отказ признавать значимость субъективных прав, объективную ценность правовых норм в обществе, недоверие к надёжности закона и законности, неприятие традиционных ценностей, устоев, норм поведения и принятых взглядов, элементы скептицизма, критического отношения к догмам, свободу личного выбора и стремление к выражению индивидуальности.

Исследование проблемы правового нигилизма как составляющей маргинального поведения и способов противодействия этому явлению позволило сформулировать ряд значимых выводов. Итак, правовой нигилизм:

- представляет собой серьёзную опасность для общественного порядка и государственной безопасности, выражаясь в отказе признавать нормы права и создавая угрозы стабильному развитию страны;
- затрагивает различные сферы жизнедеятельности общества, проявляясь как индивидуально, так и коллективно, влияя на функционирование различных социальных слоёв и организаций;
- требует принятия комплекса целенаправленных мер для устранения негативных последствий и предотвращения дальнейшего распространения.

Для эффективного снижения воздействия правового нигилизма на социум предлагается реализовать комплекс стратегических инициатив, включающих:

- совершенствование действующего законодательства и устранение пробелов и противоречий в правовой сфере;
- дальнейшее развитие судебной системы и обеспечение доступности правосудия для каждого гражданина;
- повышение уровня юридической грамотности среди населения путём просвещения и информирования о правах и обязанностях граждан;
- укрепление авторитета органов власти и правоохранительных органов, формирование доверительных отношений между гражданами и государством;
- активная пропаганда законопослушания и гражданской ответственности, воспитание уважения к закону и правопорядку;
- обеспечение защиты основных прав и свобод человека, предотвращение нарушений закона должностными лицами и государственными структурами;
- формирование высоконравственного общества, ориентированного на духовные ценности и этические принципы, уважение человеческого достоинства и справедливости.

Перевод правового нигилизма из деструктивного явления в конструктивное, то есть изучение и анализ конкретных «претензий и недовольств» законами и при их эффективности использование в законотворческой деятельности государства. Данный вид преодоления правового нигилизма как составляющей маргинального поведения позволит повысить доверие граждан к правовым институтам и государству. Эти меры позволят постепенно снизить уровень правового нигилизма, повысить эффективность функционирования государства и создать условия для устойчивого развития российского правового общества.

-
1. Бирюкова М. С. Маргинальное правомерное поведение: общетеоретический аспект // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 1. С. 261-266.
 2. Левченков А. И. Возможна ли эффективная законодательная деятельность в нестабильных социумах? // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. 2019. № 2 (7). С.4.
 3. Айдинян Д. Ю. О правовом нигилизме в современной России // Ростовский научный журнал. 2019. № 1. С. 131.
 4. Гранат Н.Л. Правосознание и правовое воспитание // Общая теория государства и права. М., 1998. С. 378-395.
 5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М., 1997. С. 546.
 6. Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 томах / Даль В.И. М.: РИПОЛ классик, 2006. / Том 2. И-О. 784 с.
 7. Прохоров А. М. Большой энциклопедический словарь. Издательство: Норинт, 2004 г. 1632 с.

8. Большая Российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL:<https://bigenc.ru/c/nigilizm-bb1383?ysclid=me1ey6enrx951482095> (дата обращения: 05.08.2025).
9. Новиков А. И. Нигилизм и нигилисты. Опыт критической оценки // Ленинград, 1972. 296 с.
10. Петручак Л. А. Причины правового нигилизма в современной России // Актуальные проблемы российского права. 2008. №. 4. С. 17-23.
11. Донченко Р. Н. Правовой нигилизм как устоявшееся общесоциальное явление // Юрист. М.: Юрист, 2005. № 6. С. 14-17.
12. Утарбеков Ш. Г. Уровень правосознания и качество правоприменения как критерии эффективности конституционного механизма преодоления правового нигилизма. Правопорядок: история, теория, практика, 2019. №. 2(21). С. 20-24.
13. Ильин И.А. О свободной лояльности. [Электронный ресурс]. <http://gosudarstvo.voskres.ru/ilin/nz/nz-75.htm> (Дата обращения: 17.07.2025).
14. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 8-10.
15. Матузов Н. И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник М. : Юрист, 2004. 245 с.

1. Biryukova M. S. Marginal`noe pravomernoe povedenie: obshheteoreticheskiy aspekt // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 1. S. 261-266.
2. Levchenkov A. I. Vozmozhna li e`ffektivnaya zakonodatel`naya deyatel`nost` v nestabil`ny`x sociumax? // Vestnik Luganskoj akademii vnutrennix del imeni E`.A. Didorenko. 2019. № 2 (7). S.4.
3. Ajdinyan D. Yu. O pravovom nigilizme v sovremennoj Rossii // Rostovskij nauchny`j zhurnal. 2019. № 1. S. 131.
4. Granat N.L. Pravosoznanie i pravovoe vospitanie // Obshhaya teoriya gosudarstva i prava. M., 1998. S. 378-395.
5. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka: 80 000 slov i frazeologicheskix vy`razhenij. 4-e izd., M., 1997. S. 546.
6. Tolkovy`j slovar` zhivogo velikorusskogo yazy`ka : V 4 tomax / Dal` V.I. M.: RIPOL klassik, 2006. / Tom 2. I-O. 784 s.
7. Proxorov A. M. Bol`shoj e`nciklopedicheskiy slovar`. Izdatel`stvo: Norint, 2004 g. 1632 s.
8. Bol`shaya Rossijskaya e`nciklopediya [E`lektronny`j resurs]. URL:<https://bigenc.ru/c/nigilizm-bb1383?ysclid=me1ey6enrx951482095> (data obrashheniya: 05.08.2025).
9. Novikov A. I. Nigilizm i nigilisty`. Opy`t kriticheskoy ocenki // Leningrad, 1972. 296 s.
10. Petruchak L. A. Prichiny` pravovogo nigilizma v sovremennoj Rossii // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2008. №. 4. S. 17-23.
11. Donchenko R. N. Pravovoj nigilizm kak ustoyavsheesya obshhesocial`noe yavlenie // Yurist. M.: Yurist, 2005. № 6. S. 14-17.
12. Utarbekov Sh. G. Uroven` pravosoznaniya i kachestvo pravoprimeneniya kak kriterii e`ffektivnosti konstitucionnogo mexanizma preodoleniya pravovogo nigilizma. Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika, 2019. №. 2(21). S. 20-24.
13. Il`in I.A. O svobodnoj loyal`nosti. [E`lektronny`j resurs]. <http://gosudarstvo.voskres.ru/ilin/nz/nz-75.htm> (Data obrashheniya: 17.07.2025).
14. Matuzov N.I. Pravovoj nigilizm i pravovoj idealizm kak dve storony` «odnoj medali» // Pravovedenie. 1994. № 2. S. 8-10.
15. Matuzov N. I., Mal`ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik M. : Yurist`, 2004. 245 s.

Информация об авторе

Марина Сергеевна Бирюкова. Начальник учебного отделения, кандидат юридических наук.

Луганский филиал Воронежского института МВД России.

291047, Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Краснодонская, 6.

Information about the author

Marina S. Biryukova. Head of the educational department. Candidate of Law Sciences.

Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

291047, Russia, Lugansk People's Republic, Lugansk, Krasnodonskaya Str., 6.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 16.06.2025; approved after review on 05.12.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ПОЗИТИВНОЕ ПРАВО, АДАТ И ШАРИАТ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Власов Виталий Витальевич

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

vitaliyy_vlasov@ro.ru

Аннотация. Статья посвящена развитию позитивного права, адата (обычного права) и шариата на Северном Кавказе, в первую очередь в Чеченской Республике, Республике Ингушетии и Республике Дагестан. Акцентируется внимание на истории вопроса. Отмечается, что до конца 80-х годов XX века в регионе доминировал адат. Со второй половины 80-х годов XX века, согласно позиции автора, усиливается влияние радикальных проявлений исламского вероучения в виде религиозного течения, получившего название ваххабизм. Выдвигается гипотеза, что в ближайшее десятилетие будет расти количество сторонников шариата и светскости, а значение адата будет снижаться из-за процесса урбанизации населения. Предлагаются политико-правовые меры, направленные на защиту общероссийских интересов и обеспечение стабильности в регионе.

Ключевые слова: позитивное право, адат, шариат, Северный Кавказ, религиозный экстремизм, трансформация традиционного общества, салафизм и суфизм.

Для цитирования: Власов В. В. Позитивное право, адат и шариат на Северном Кавказе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 27–35.

POSITIVE LAW, ADAT AND SHARIA IN THE NORTH CAUCASUS

Vitaly V. Vlasov

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Oryol, Russia

vitaliyy_vlasov@ro.ru

Annotation. The article is devoted to the development of positive law, adat (customary law), and Sharia law in the North Caucasus, primarily in the Chechen Republic, the Republic of Ingushetia, and the Republic of Dagestan. The article focuses on the history of the issue. It is noted that until the late 1980s, adat dominated in the region. According to the author, since the second half of the 1980s, the influence of radical manifestations of Islamic doctrine, such as the religious movement known as Wahhabism, has been increasing. The hypothesis is put forward that in the next decade, the number of supporters of Sharia and secularism will grow, and the importance of Adat will decrease due to the process of urbanization of the population. Political and legal measures are proposed to protect national interests and ensure stability in the region.

Keywords: positive law, adat, sharia, North Caucasus, religious extremism, transformation of traditional society, salafism and sufism.

For citation: Vlasov V. V. Positive law, adat and sharia in the North Caucasus // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 27–35.

Северный Кавказ, занимая важное геополитическое положение между Чёрным и Каспийским морями, имея пёстрый религиозный и национальный состав, всегда был регионом, где сталкивались интересы мировых держав. С момента вхождения в состав России он отличался самобытностью и требовал особого внимания для обеспечения устойчивой государственной власти. Российская империя и Союз Советских Социалистических Республик (далее – СССР) должны были учитывать его специфику. После распада СССР Российской Федерации (далее – РФ) пришлось затратить много сил для укрепления государственного суверенитета в регионе. Были проведены две силовые операции по восстановлению конституционного порядка на территории Чеченской Республики. Первая – с 11 декабря 1994 года по 31 августа 1996 года. Вторая – с 7 августа 1999 года по апрель 2009 года. Несмотря на видимую умиротворённость, ситуация продолжает оставаться сложной. В регионе, особенно среди молодёжи, отмечается стабильно высокий интерес к радикальным проявлениям ислама, а события, произошедшие 29 октября 2023 года в аэропорту города Махачкалы, сопровождавшиеся массовыми беспорядками, обусловленные арабо-израильским противостоянием, показали, что для значительной части населения солидарность на основе религиозных норм важнее соблюдения российского законодательства. Погромщики были готовы применить насилие в отношении своих сограждан другой национальности в интересах палестинской автономии. Это актуализирует вопрос укрепления общенациональной гражданской российской идентичности и формирования уважительного отношения к закону страны, что невозможно без исследования правовых норм, оказывающих влияние на северокавказский социум.

Спецификой региона является то, что здесь сложилась особая правовая атмосфера, где одновременно взаимодействуют три системы права: адат (обычное право), шариат (религиозное право) и российское позитивное право [1, с. 6]. Рассмотрим их более подробно.

Единство народов Северного Кавказа на протяжении веков обеспечивалось морально-этническими кодексами, которые определяли их этническую идентичность (адыггагъэ – адыгство, апсуара – абхазство, нохчалла – чеченость и др.) [2]. Обычное право (далее – адат) возникло в глубокой древности, в период повсеместного исповедания автохтонными народами Северного Кавказа различных форм язычества. Долгое время адат оставался единственным, а потому неоспоримым источником социального регулирования, упорядочивающим повседневную жизнь горцев. Каждый член общества обязан был соблюдать установления адата, в ином случае его ждала смерть, изгнание или, что было самым страшным, несмываемый позор. Строгие и довольно жёсткие его требования соблюдались подавляющим большинством беспрекословно и неукоснительно [3, с. 31], определяя явление, получившее название «культура стыда». В её основе лежит приверженность к своей национальной и социальной группе (клану, тейпу). Она монополизирует оценку действий индивида, регулируя правила дружбы (куначества), приёма гостей, кровной мести, женитьбы и т. д.

Появившись на Северном Кавказе в VII веке н. э., в период Арабского Халифата, ислам долгое время не имел решающего значения в культурной жизни региона, несмотря на влияние Золотой Орды и Османской империи. Это было обусловлено сходством условий жизни различных народов Северного Кавказа, предполагавших организацию общества на основе взаимодействия родовых общин, что способствовало укреплению обычного права (адатов) [4, с. 88]. С конца XVII – начала XVIII века можно говорить о формировании особой горской или северокавказской цивилизации. Её особенностью была многонациональность и сочетание нравственных норм, основанных на различных этических системах (адата, христианства и ислама). Несмотря на попытки окружающих империй утвердить своё влияние в регионе, северокавказский социум преимущественно

регулировался негосударственными нормами, которые нельзя охарактеризовать как догосударственные. Указанная черта стала цивилизационной особенностью региона.

Обстановка существенно изменилась с конца XVIII века, когда началось интенсивное продвижение Российской империи, которая не могла воссоединиться с православной Грузией без установления контроля над Северным Кавказом. Часть горских элит, осознав, что они имеют дело с организованной государственной силой, стали предпринимать попытки по объединению региона для противостояния России. Они понимали, что для борьбы с мощной империей им необходимо государство, а для этого нужна идеология и правовая система, распространяющая своё действие не по принципу крови, как это имело место в адате, а на всю суверенную государственную территорию. И здесь ислам, имеющий развитое учение о праве, регламентирующий все сферы жизни верующего мусульманина от уголовного судопроизводства до личной гигиены, был очень удобен. Он давал идеологическую мотивацию для противостояния православной Российской империи и позволял надеяться на помощь Османского халифата, правитель которого считался покровителем всех мусульман и, соответственно, обязан был их защищать.

В 1829 году был провозглашён имамат, который просуществовал до 1859 года. Учитывая, что в Османской империи доминировал суфизм, то и в имамате за основу был взят суннитский ислам шафиитского мазхаба (правовой школы) в виде суфийских братств (тарикатов). Данное государственное образование последовательно возглавляли имамы: Гази-Мухаммад, Гамзат-Бек и Шамиль. Этот период получил название «эпоха имамата». Для него характерна попытка установления норм шариата и устранение норм адата, противоречащих религиозному исламскому праву. Однако даже в это время в условиях военного противостояния с Россией имамам приходилось сталкиваться с неприятием шариата значительной частью горцев. Российские власти, осознавая имеющийся раскол, стали предпринимать шаги на поддержку правовых норм адата против шариата, так как в последнем видели угрозу турецкого влияния в регионе.

В результате подавляющего военного преимущества, более эффективной государственной организации, а также умелого использования противоречий внутри различных групп северокавказского общества Российской империи удалось одержать победу. Однако суфийский ислам не исчез из жизни горцев, а приобрёл определённую специфику, испытав влияние норм адата, он стал неотъемлемой частью жизни жителей Чечни, Дагестана и Ингушетии.

Начиная со второй половины 1850-х годов (в завершающий период Кавказской войны 1817–1864 гг.) для мирных горцев региона создавалась новая администрация, получившая название военно-народного управления. Её сущность неплохо сформулировал наместник Кавказский (1905–1915) генерал-адъютант граф И. И. Воронцов-Дашков: «Система военно-народного управления, созданная на Кавказе в период борьбы русских войск с местными горцами, основана на сосредоточении административной власти в руках отдельных офицеров, под высшим руководством главнокомандующего Кавказской армией, и на предоставлении населению во внутренних делах вестись по своим адатам» [5, с. 413].

Итак, уже на завершающем этапе Кавказской войны в регионе сложилась ситуация, характерная и для настоящего времени, когда жизнедеятельность северокавказского общества регламентируется государственным правом российского государства, адатом и шариатом. Все указанные правовые системы находятся в состоянии конкуренции между собой. При этом до революции 1917 года в административном управлении регионом доминировало российское законодательство, а во внутренней жизни горцев – адат.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года коммунисты начиная с 20-х годов XX века стали поддерживать шариат против норм адата, видя в них орудие классовой эксплуатации в руках знати. В 1920-х годах советская власть объявила адаты «пережитком феодализма», однако в сельской местности они продолжали

функционировать [6, с. 73]. Хотя постепенно, как и везде по стране, стала утверждаться модель государственно-конфессиональных отношений, получившая в науке название «государственный атеизм», когда подавлялись любые формы религиозности. Установившийся тоталитарный политический режим с идеологией коммунистического модерна достиг существенных успехов в части продвижения норм светского законодательства, особенно в городах. В то же время адат и в меньшей мере шариат продолжали играть существенную роль в повседневной жизни чеченцев, ингушей и народов Дагестана. Так, А. Ю. Коркмазов и З. А. Коркмазова отмечают, что даже в советские времена решение негосударственного суда вайнахов кхела, судящего по нормам обычного права, периодически вступало в противоречие с решениями суда официального. При этом большинство чеченцев и ингушей продолжало признавать верховенство в судебной практике кхела. Кхел не потерял своего значения у вайнахов и в наше время [7, с. 224].

После распада Советского Союза, начиная с конца 80-х годов XX века, на Северном Кавказе отмечается рост интереса к обычному праву горцев (адату) и исламскому религиозному закону (шариату) [8, с. 60]. В первую очередь это касается трёх наиболее исламизированных регионов: Чеченской Республики, Республики Дагестан и Республики Ингушетии. Это было обусловлено идеологическим кризисом, так как в условиях утраты морально-нравственных ориентиров, а также кризиса идентичности религиозная и национальная самоидентификации являются наиболее очевидными. В это же время в регионе отмечается массовая миграция коренного населения из сёл в города. Это привело на первоначальном этапе к переносу ими норм обычного права, а затем росту влияния шариата. Большое влияние также оказывала деятельность иностранных организаций исламистского толка, финансируемых Турцией и некоторыми арабскими государствами.

Ситуация резко усугубилась в период первой контртеррористической операции на территории Чеченской Республики (1994–1996 годы). С этого времени регионе начинают усиливаться позиции представителей так называемого «чистого ислама» (далее ваххабизма). Его активно проповедовали арабские боевики, прибывшие для джихада («священной войны») против России. Последователей указанного течения отличает буквалистская трактовка исламских религиозных догм и нетерпимое отношение к иноверцам, а также враждебность к любым формам светскости. Более того, ваххабиты не считали мусульманами последователей многих других исламских религиозных течений, в том числе представителей традиционного для Северного Кавказа суфийского ислама. Поэтому после окончания первой Чеченской кампании и вывода российских войск между ваххабитами и суфиями стал назревать конфликт, который имел как религиозную, так политическую подоплёку.

Религиозная составляющая противоречий между суфиями и ваххабитами состояла в том, что суфийский ислам на Северном Кавказе испытал существенное влияние местных адатов, в то время как ваххабизм стремился вернуться к «чистому исламу» VII века, времён исламского пророка Мухаммада и первых сподвижников. Ваххабиты обвиняли северокавказских суфиев, у которых имел место культ святых, в нарушении таухида (единобожия), что является самым тяжким грехом в исламе, выводящим из религии. Также они критиковали исполнение чеченцами суфийского громогласного зикра (ритмичное повторение имени Аллаха и молитв, сопровождающееся перемещением по кругу), посещение святых мест и т. д. Мнения ваххабитов и суфиев существенно отличались по вопросам отношения к старшим, женщинам, празднования свадьбы и иных положений, защищаемых адатом.

Политические разногласия суфиев и ваххабитов были обусловлены тем, что первые представляли национальную культуру. На первое место они ставили идеи национальной независимости, в то время как вторые говорили о строительстве «всемирного халифата» или как минимум «кавказского эмирата», в котором приоритет будет иметь религиозная, а не национальная идентичность. Идеи ваххабитов, направленные против патриар-

хальных устоев, основанных на господстве старших, в условиях стремительной урбанизации коренного народа оказались привлекательными для значительной части молодёжи. Для суфиев стало очевидно, что союз Россией, которая не посягает на их религию и устои, является необходимым условием их выживания в противостоянии с ваххабитами. В то же время для России экспансионистские идеи о построении «всемирного халифата» или «кавказского эмирата», проповедуемые ваххабитами, представляли большую опасность, нежели суфийский национализм.

Таким образом, федеральный центр и большинство суфиев в ходе второй антитеррористической операции по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике (1999–2009 годов) выступили единым фронтом против исламистских радикалов, что во многом предопределило успех второй военной чеченской кампании. Несмотря на то что в настоящее время обстановка на Северном Кавказе относительно стабильная, по нашему мнению, имеются серьёзные риски, обусловленные происходящими в регионе процессами модернизации общества. В этих условиях, как показали события в Махачкалинском аэропорту, значительная часть молодёжи движется в направлении исламизации, в то время как роль адата, по нашему мнению, будет падать.

Это обусловлено тем, что на Северном Кавказе почти 84 % молодых людей считают себя верующими [9, с. 108]. Чеченцы, ингуши и коренные народы Дагестана находятся в стадии активной урбанизации, а это приводит к постепенному ослаблению тейповых структур. О постепенной трансформации семьи из большой к малой нуклеарной свидетельствуют данные суммарного коэффициента рождаемости. Так, суммарный коэффициент рождаемости в Республике Дагестан в 1990 году составлял трёх детей на одну женщину, в 2012 году – двух детей на одну женщину, а в 2023 году – 1,75 ребёнка на одну женщину. В Чеченской Республике в 2012 году суммарный коэффициент рождаемости составлял трёх детей на одну женщину, а в 2023 году – 2,66 ребёнка на одну женщину. Если в Республике Ингушетии в 2012 году суммарный коэффициент рождаемости составлял 2,2 ребёнка на одну женщину, то в 2023 году – 1,81 ребёнка на одну женщину¹. Наиболее сильное снижение суммарного коэффициента рождаемости отмечается в Республике Дагестан. В указанном регионе с 1990 года по 2023 год он снизился на 1,24 ребёнка на одну женщину. Это сильно превышает общероссийские темпы снижения рождаемости, которые с 1990 года по 2023 год снизились приблизительно на 0,5 ребёнка на одну женщину. В этой связи нормы адата, органичные для традиционного сельского общества, не соответствуют реалиям городского социума.

Исламизации также способствует следующее:

- процесс трансформации от обычного права к позитивному (государственному) в северокавказском регионе происходит в сжатый с исторической точки зрения период времени, в то время как европейским народам на это понадобились века, а ислам, имея развитую правовую систему, предлагает готовую альтернативу;

- для людей, находящихся в маргинальном (переходном) состоянии, испытывающих кризис идентичности, ислам, подробно регламентируя практически все сферы жизни, становится точкой опоры в новом и непонятном для них мире. Освободившись от контроля старшего поколения, получив свободу, они нуждаются в своеобразной «инструкции» относительно дальнейшей жизни в новых для них условиях;

- ислам более адекватно, нежели адат, регулирует общественные отношения для проживания в городе. В соответствии с шариатом любой совершеннолетний мужчина, способный себя обеспечивать, не обязан подчиняться старшим, являясь хозяином в своей семье. Существенно расширяются права женщины. Её мнение учитывается при выборе будущего мужа. Она имеет право на отдельное жильё или комнату от родителей мужа

¹ Список субъектов Российской Федерации по суммарному коэффициенту рождаемости [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

и не обязана за ними ухаживать. Помимо этого, в определённых случаях она имеет право инициировать развод. В соответствии с шариатом допускается проведение скромной свадьбы с приглашением самых близких людей, что значительно упрощает жизнь молодым в условиях больших городов с высокими ценами на услуги;

- сепаратисты видят в исламе средство борьбы против неверных (кяферов) и российского закона (закона тагута, то есть закона не от бога);

- часть северокавказской молодёжи полагается на ислам как на средство сохранения своей идентичности ввиду отказа от многих норм адата, и в этом случае для многих ислам рассматривается как важное средство, позволяющее не раствориться (ассимилироваться) в условиях большого города.

На руку религиозным экстремистам будет играть отсутствие ясно сформулированного, общего для всех граждан страны наднационального и надрелигиозного светского проекта, а ведь «идеология должна удовлетворять интересы многонационального государства, так как противоречия со стороны меньшинства могут стать фактором раскола в обществе» [10, с. 30].

На рост исламизации указывает также тот факт, что даже лояльные федеральному центру региональные власти пытаются ввести в местное законодательство нормы исламского права, спорные с точки зрения действующего российского законодательства. Например, «31 июля 1999 г. в Республике Ингушетии был принят Закон «О регулировании некоторых вопросов семейно-брачных отношений в Республике Ингушетии», который предоставил лицам мужского пола, зарегистрированным в установленном порядке на территории Республики, «возможность вступать в брак с четырьмя женщинами» [11, с. 40]. Несмотря на то что в дальнейшем этот закон будет отменён, сама попытка указывает на определённые тенденции в северокавказском социуме. На наличие определённого влияния неформальных третейских судов, разбирающих вопросы по шариату, указывает в своём исследовании К. И. Казенин, что подобные решения более актуальны для села, нежели для города. «Жителю сельской местности Северо-Восточного Кавказа невыполнение решения медиатора может грозить реальными проблемами в отношениях с односельчанами вплоть до объявления ему «бойкота» в селе. В городской среде, где социальные связи между жителями, как ожидается, слабее, реальная действенность подобного рода угроз вызывает вопросы и требует дальнейшего изучения, которое, по-видимому, должно будет учитывать имеющееся в городах Северного Кавказа разнообразие форм социальной организации, включая разную степень развитости связей между односельчанами» [12, с. 255].

По нашему мнению, влияние адата будет снижаться не только в пользу ислама. При стабильном социально-экономическом развитии будет возрастать количество приверженцев светской городской культуры, которая будет формировать запрос на защиту гражданских прав и свобод, закреплённых в светском позитивном праве. Об этом свидетельствует появление субкультур, не характерных для шариата и адата у коренных народов региона. В дагестанской блогосфере время от времени всплывает «проблема» неформалов – людей, поведение которых нестандартно с точки зрения местных традиций, но соответствует современному городскому европейскому или российскому мегаполису. Это прослушивание музыки (рэп-музыки), яркая одежда, крашенные волосы и т. д. Среди девушек наряду с традиционной одеждой и хиджабами всё большее распространение получает использование яркой косметики и открытой по местным меркам одежды. Показательным является посещение в 2023 году города Махачкалы исполнителем Василием Вакуленко (Баста), собравшим большую аудиторию. При этом посещение указанных мероприятий, особенно женщинами, не поощряется ни адатом, ни шариатом. Указанный инцидент вызвал дискуссии среди местной общественности о допустимости подобных мероприятий на территории Республики. Мы полагаем, что росту последователей светско-

сти будет способствовать также постепенное увеличение количества потомственных горожан и усвоение ими новых социальных норм.

В этой ситуации есть три основных варианта развития российского законодательства для урегулирования указанной сферы правоотношений:

- первый вариант – законодательно не урегулировать указанную сферу правоотношений, оставив ситуацию как есть, и пусть адат и шариат развиваются внутри северокавказского социума, оставаясь не охваченными российским государственным правом;
- второй вариант – инкорпорация норм адата и шариата, адекватных российскому законодательству, в национальную правовую систему;
- третий вариант – признание законности решений, выносимых третейскими негосударственными «судами», создаваемыми в рамках адата или шариата.

По нашему мнению, наиболее оптимальным представляется второй вариант. Это обусловлено тем, что для нашего государства нежелательно сохранять правовой вакуум в рассматриваемой сфере правоотношений, а тем более формировать де-факто параллельные правовые системы. Российское государственное законодательство позволяет во многих случаях учитывать национальные и религиозные особенности. Например, известно, что порядок наследования по закону в соответствии с российским национальным законодательством и шариатом различается. Тем не менее в российском гражданском законодательстве предусмотрено наследование по завещанию, а в рамках российского семейного права предусмотрена процедура брачного договора и т. д.

Подводя итог, следует отметить:

- спецификой северокавказского региона является то, что здесь сложилась особая правовая атмосфера, где одновременно взаимодействуют три системы права: адат (обычное право), шариат (религиозное право) и российское позитивное право [1, с. 6];
- за исключением «периода имамата» с 1829 по 1859 год, в регионе в качестве правовой основы доминировал адат;
- с утверждением власти с конца 50-х годов XIX века в административном управлении стало превалировать российское, а затем советское светское законодательство, а во внутренней жизни горцев шариат и адат, при большем влиянии последнего;
- со второй половины 80-х годов XX века начинает усиливаться роль «чистого ислама» (ваххабизм). Это приводит к религиозным и политическим противоречиям между сторонниками ваххабизма и сторонниками суфийского ислама (испытавшего сильное влияние адата). Если во время первой антитеррористической операции 1994–1996 годов ваххабиты и суфии вместе противостояли федеральному центру, то в ходе второй антитеррористической операции 1999–2009 годов суфии поддерживали российскую власть, сыграв значительную роль в восстановлении конституционного порядка на территории Чеченской Республики и Северного Кавказа в целом;
- автор полагает, что в ближайшее десятилетие в республиках Северного Кавказа, прежде всего в Чеченской Республике, в Республике Ингушетии и в Республике Дагестан, будет увеличиваться количество сторонников шариата и светскости, а значение адата будет снижаться. Это обусловлено быстрой урбанизацией населения в данном регионе. Если опорой федерального центра в противостоянии с радикальным исламом до настоящего времени были последователи суфийского ислама, тесно переплетённого с адатом, в перспективе важна поддержка сторонников светскости, а это будет зависеть от привлекательности российского государственного проекта, включая его идеологическую составляющую;
- возможны различные модели развития российского законодательства применительно к общественным отношениям, которые в настоящее время на бытовом уровне в условиях северокавказского региона регулируются адатом и шариатом. Наиболее оптимальным представляется инкорпорация норм адата и шариата, адекватных российскому законодательству, в национальную правовую систему. Это обусловлено тем, что для

нашего государства нежелательно сохранять правовой вакуум в рассматриваемой сфере правоотношений, а тем более формировать де-факто параллельные правовые системы. Российское светское законодательство во многих случаях позволяет учитывать национальные и религиозные особенности. Например, известно, что порядок наследования по закону в соответствии с российским национальным законодательством и шариатом различается. Тем не менее в российском гражданском законодательстве предусмотрено наследование по завещанию, а в рамках российского семейного права предусмотрена процедура брачного договора и т. д.

1. Алиева М. О. Полиюридизм в республиках Северного Кавказа как причина правового нигилизма, слабости права // Актуальные исследования. 2023. № 23 (159). С. 6-9.
2. Гозгешева С. М. Феномен традиционных институтов обычного права (адата) и мусульманского (шариата) на Северном Кавказе. Вестник Адыгейского государственного университета. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 3. С. 293-300.
3. Тайгаров М. А. Полиюридизм на Северном Кавказа как фактор влияния на правосознание жителей региона // Право и государство: теория и практика. 2023. № 5(221). С. 31-32.
4. Сальников Е. В., Власов В. В. Ислам как фактор политико-правовой трансформации традиционного общества на Северном Кавказе // Вестник ЗабГУ. 2021. Т. 27. № 8. С. 86-93.
5. Халифаева А. К., Гоов И. М. Соотношение обычного права с шариатом и правом Российской империи на территории Северного Кавказа: общетеоретический и исторический анализ // Право и политика. № 3(195). 2016. С. 410-418.
6. Габазов Т. С. Особенности нахских правовых адатов: традиции и эволюция // Аграрное и земельное право. 2025. № 2. С. 72-74.
7. Коркмазов А. Ю., Коркмазова З. А. Природа и эволюция обычного права народов Северного Кавказа // Вестник Ставропольского государственного университета. 2010. № 2. С. 218-225.
8. Ярлыкапов А. А. Адат, шариат и российское право на современном Северном Кавказе: итоги и перспективы // Россия и мусульманский мир. 2015. № 1. С. 60-69.
9. Апажаева С. С., Мамсилов А. Х., Цолоев Т. С. Северный Кавказ: современная этнополитическая ситуация и перспективы ее стабилизации // История: факты и символы. 2017. № 4(13). С. 101-111.
10. Мадышева А. А. Идеология и ее влияние на актуальные проблемы государственно-правового строительства России: вызовы и перспективы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова № 1(102). 2025 г. С. 30-37.
11. Айбатов М. М. Традиционное общество народов Северного Кавказа и современное российское законодательство // Закон и право. 2019. № 7. С. 39-41.
12. Казенин К. И. Исламское право в ситуации конкуренции правовых систем: случай Северного Кавказа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 234-264.

1. Alieva M. O. Poliyuridizm v respublikax Severnogo Kavkaza kak prichina pravovogo nigilizma, slabosti prava // Aktual'ny'e issledovaniya. 2023. № 23(159). S. 6-9.
2. Gozgesheva S. M. Fenomen tradicionny'x institutov oby'chnogo prava (adata) i musul'manskogo (shariata) na Severnom Kavkaze. Vestnik Ady'gejskogo gosudarstvennogo universiteta. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul'turologiya. 2011. № 3. S. 293-300.

3. Tajgarov M. A. Poliyuridizm na Severnom Kavkaza kak faktor vliyaniya na pravosoznanie zhitelej regiona // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2023. № 5(221). S. 31-32.
4. Sal'nikov E. V., Vlasov V. V. Islam kak faktor politiko-pravovoj transformacii tradicionnogo obshhestva na Severnom Kavkaze // *Vestnik ZabGU*. 2021. T. 27. № 8. S. 86-93.
5. Xalifaeva A. K., Goov I. M. Sootnoshenie oby`chnogo prava s shariatom i pravom Rossijskoj imperii na territorii Severnogo Kavkaza: obshheteoreticheskij i istoricheskij analiz // *Pravo i politika*. № 3 (195). 2016. S. 410-418.
6. Gabazov T. S. Osobennosti naxskix pravovy`x adatov: tradicii i e`volyuciya // *Agrarnoe i zemel`noe pravo*. 2025. № 2. S. 72-74.
7. Korkmazov A. Yu., Korkmazova Z. A. Priroda i e`volyuciya oby`chnogo prava narodov Severnogo Kavkaza // *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 2. S. 218-225.
8. Yarly`kapov A.A. Adat, shariat i rossijskoe pravo na sovremennom Severnom Kavkaze: itogi i perspektivy` // *Rossiya i musul'manskij mir*. 2015. №1. S. 60-69.
9. Apazhaeva S. S., Mamsirov A. X., Czoloev T. S. Severny`j Kavkaz: sovremennaya e`tnopoliticheskaya situaciya i perspektivy` ee stabilizacii // *Istoriya: fakty` i simvoly`*. 2017. № 4 (13). S. 101-111.
10. Mady`sheva A. A. Ideologiya i ee vliyanie na aktual`ny`e problemy` gosudarstvenno-pravovogo stroitel'stva Rossii: vy`zovy` i perspektivy` // *Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova* №1(102). 2025 g. S. 30-37.
11. Ajbatov M. M. Tradicionnoe obshhestvo narodov Severnogo Kavkaza i sovremennoe rossijskoe zakonodatel'stvo // *Zakon i pravo*. 2019. № 7. S. 39-41.
12. Kazenin K. I. Islamskoe pravo v situacii konkurencii pravovy`x sistem: sluchaj Severnogo Kavkaza // *Gosudarstvo, religiya, cerkov` v Rossii i za rubezhom*. 2017. № 3. S. 234-264.

Информация об авторе

Виталий Витальевич Власов. Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат политических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302028, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Vitaly V. Vlasov. Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines, Candidate of Political Sciences, Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302028, Russia, Orel, Ignatov Str., 2.

Статья поступила в редакцию 18.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 18.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 342.1

МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВА: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ И СТРУКТУРЫ В ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Выходов Александр Александрович

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

alex-exit@mail.ru

Аннотация. В статье проводится анализ понятия «механизм государства». Исследуется его генезис, эволюция и структура. Актуальность темы обусловлена трансформацией общественных отношений, требующей переосмысления классических государственно-правовых категорий. В научной работе выявлены системные признаки, обосновано современное содержание механизма государства, в результате чего на основе системного и функционального метода определяются современные модели механизма государства. Кроме этого, автором подчёркивается необходимость выделения профессионально-ценностной основы в качестве самостоятельного элемента механизма государства.

Ключевые слова: государство, механизм государства, государственный аппарат, орган государства, государственные учреждения, профессионально-ценностная основа.

Для цитирования: Выходов А. А. Механизм государства: эволюция понятия и структуры в теоретико-правовых исследованиях // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 36–43.

THE MECHANISM OF THE STATE: EVOLUTION OF THE CONCEPT AND STRUCTURE IN THEORETICAL AND LEGAL RESEARCHES

Aleksandr Al. Vykhodov

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

alex-exit@mail.ru

Annotation. The article provides a theoretical analysis of the concept of the "state mechanism." Its genesis, evolution, and structure are examined. The relevance of the topic is driven by the transformation of social relations, which requires a rethinking of classical state-legal categories. The study identifies systemic features, substantiates the modern content of the state mechanism, and, as a result, based on the systemic and functional method, defines contemporary models of the state mechanism. Furthermore, the author justifies the need to single out a professional and value-based foundation as an independent element of the state mechanism.

Keywords: state, state mechanism, state apparatus, state body, state institutions, professional and value-based foundation.

For citation: Vykhodov A. A. The mechanism of the state: evolution of the concept and structure in theoretical and legal researches // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 36–43.

Современная теория права и государства содержит ряд базовых и основополагающих понятий и определений, значение и содержание которых традиционно во мно-

гом не подвергаются дополнительному анализу и рассмотрению, а сами дефиниции в большинстве своём используются «технически» при раскрытии иных проблем. Вместе с тем характер и содержание общественных отношений не являются постоянными и неизменяющимися, а, напротив, подвергаются трансформации под воздействием целого ряда внешних факторов как научно-технического, так и идейно-политического характера, что в конечном счёте оказывает влияние и на юриспруденцию в целом. В этой связи представляет теоретический интерес анализ подобных понятий теории права и государства в современных условиях. Одним из них является дискуссионное понятие «механизм государства».

Дефиниция «механизм государства» не является новой, разработанной и предложенной в последнее десятилетие, а своё активное использование, обоснование и подтверждение берёт с середины XX века. Формирование понятия «механизм государства» в советский период шло от анализа отдельных институтов к осмыслению его как целостной системы. Несмотря на идеологическую обусловленность, ключевым достижением того времени стала идея о взаимосвязи органов государства для достижения общих целей [1, с. 16; 2, с. 37]. Например, М. М. Ковалевский обосновывал наличие в государстве механизма воплощения в жизнь его функций, который рассматривался через совокупность его органов (представительных, исполнительных и судебных) [2, с. 37]. Примечательно, что в отечественной юридической науке уже в тот период задумывались над проблематикой эволюции общества и содержанием подобного механизма. При возникновении перед государством новых вызовов и угроз «эволюция механизма» обосновывалась через создание новых органов государства, обладающих специфическими целями и задачами для их решения.

Ограниченность субъектного состава механизма государства в советской теории права предопределила возникновение острой дискуссии о тождественности понятий «механизм государства» и «государственный аппарат». Например, на равнозначность данных понятий обращали внимание А. Ф. Черданцев, М. Н. Марченко [3, с. 84]. Следует отметить, что в условиях существования советской теории права вполне допустимо было сводить субъектный состав механизма государства исключительно к деятельности органов государства и государственных учреждений, то есть рассматривать данные понятия как тождественные, но в настоящее время доминирующая позиция выходит за обозначенные рамки и характеризует субъектный состав через систему его органов, учреждений и организаций, должностных лиц [4, с. 228]. Вместе с тем в контексте соотношения данных понятий отдельные исследователи предлагают рассматривать механизм государства в узком (ограничительном) и широком (расширительном) значениях. При этом в первом подходе допускать синонимичность, равнозначность и взаимозаменяемость понятий «механизм государства» и «государственный аппарат».

По нашему мнению, такой подход представляется не вполне корректным, так как изменение элементарного состава меняет сам объект исследования. Следовательно, «механизм государства» и «государственный аппарат» – это разные объекты, соотносящиеся как род и вид [5, с. 40]. Понимание раздельности понятий «государственный аппарат» и «механизм государства» позволяет не допустить упрощения обоснования проблем образования, развития, функционирования государственно-правовых явлений современного государства.

При характеристике объекта исследования необходимо сделать выбор относительно его основополагающих признаков, определяющих его в качестве такового. Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на этимологию понятия «механизм», которое, в соответствии со словарём Ожегова, раскрывается как «система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности» [6, с. 283]. Важно понимать, что как в советский, так и в современный период характеристика объекта исследования в качестве механизма не делает его статичным, а, напротив, подчёркивает динамич-

ность, связанность между собой и эволюцию во времени элементов, его составляющих. В этой связи вполне логично при исследовании понятия и содержания механизма государства в современный период в первую очередь рассматривать его именно в динамике, а не в статике [2, с. 37].

Динамичности элементам механизма государства придаёт их непосредственная деятельность, результативность которой испытывает на себе влияние как внутренних, опосредованных целями и задачами государства в настоящий исторический период, так и внешних факторов, оказывающих влияние на стабильность его функционирования.

Помимо динамичности, для элементов механизма государства характерно наличие иерархичности и соподчинённости, что объясняется как самой природой механизма, его системностью, так и наличием для каждого из них строго установленного законодательством круга компетенции, обусловленного объёмом возложенных в настоящий исторический период на государство целей и задач. Важно понимать, что любое дублирование (задач, ответственности, компетенции) элементов внутри механизма, приводит к нарушению состояния порядка, его дезорганизации, а следовательно, противоречит его содержанию и должно быть устранено.

В то же время в контексте реализации основного назначения механизма государства, заключающегося в воплощении в реальную действительность разными элементами единых целей и задач государства, важное значение имеет обоснование, формирование и наличие у них единых принципов организации и деятельности. Важно понимать, что на выделение принципов как основополагающих идей рассматриваемого нами механизма непосредственно значительное влияние оказывает комплекс факторов историко-политического и культурного характера. В этой связи вполне очевидно, что принципы организации механизма государства в советский период второй половины XX века и современный период имеют серьёзные различия, что, несомненно, можно проследить при попытке их сопоставления, прежде всего даже не в элементарном составе, а в подходах к организации и деятельности. К числу таких принципов отечественные правоведы относят принципы законности, приоритета прав и основных свобод человека и гражданина, демократизма, сочетания коллегиальности и единоначалия, иерархичности, разделения властей, справедливости [4, с. 229]. В то же время каждый из обозначенных принципов не является продуктом современности. Например, ещё Ш. Л. Монтескье отмечал, что принцип разделения властей необходим для предотвращения злоупотребления властью [7, с. 57]. Различные сочетания исследуемых принципов приводят к выделению различных моделей механизма государства, прежде всего демократической (приоритет верховенства права, законности, разделения властей), теократической (доминирование идеи о слиянии религиозной и государственной властей) и партократической (наличие обоснования о единении партийной и государственной властей) [8, с. 96–98]. Однако стремительное развитие современных технологий непременно оказывает прямое влияние и на общество, и на государство, и такие требования к государственному управлению, как цифровизация процессов и инноваций, развитие цифровой экономики, внедрение электронных услуг, фактически уже свидетельствуют о выделении новой модели механизма государства – цифровой модели [9, с. 16]. Важно понимать, что при трансформации содержания и количества ценностных идей организации и деятельности механизма государства в моменте исследования они метафизически едины для каждого элемента.

Применительно к наличию государственно-властных полномочий как признака механизма государства необходимо отметить, что это прежде всего относится к такому его элементу, как орган государства, но не соотносится с иными составляющими. Вместе с тем важно подчеркнуть, что наличие государственно-властных полномочий, как и аппарата принуждения в целом (полиция, суды, тюремная система и т. п.), во многом позволяет механизму государству достигать стоящих перед ним целей и задач и отли-

чает его от иных общественных систем и механизмов, но при этом рассматривать в качестве отличительного признака, соответствующего всем его составляющим, не вполне корректно.

Элементарный состав механизма государства в отечественной юридической науке вызывает серьёзные дискуссии с момента выделения данного понятия в качестве самостоятельного. Вместе с тем обращает на себя внимание в стремлении авторов к соединению в дефинициях как физических лиц (государственных служащих или должностных лиц), так и материально-технических объектов (государственных органов, учреждений, предприятий). Одни из виднейших классиков отечественной юриспруденции Н. И. Матузов и А. В. Малько выделяют в его структуре государственные органы, администрации государственных предприятий, учреждений, организаций, государственных служащих (чиновников) и организационные, финансовые и иные средства [10, с. 86]. Несмотря на очевидные достоинства подобного определения, хотелось бы обратить внимание на то, что по объёму понятия государственные организации и государственные предприятия соотносятся как общее и частное. В современный период к государственным организациям как к элементу механизма государства относят, в частности, государственные корпорации, государственные компании и публично-правовые компании, которые создаются государством для организации и координации экономической деятельности в социально значимых сферах [11, с. 122–123]. Кроме того, элемент структуры «организационные, финансовые и иные средства» довольно-таки абстрактен, требует большей конкретизации в целях исключения возможных теоретических проблем при дальнейшем выделении исследуемого объекта в качестве структурной единицы рассматриваемого понятия. В трудах другого видного отечественного правоведа В. Д. Перевалова приводится трёхзвенная структура из «государственных органов, учреждений и должностных лиц» [12, с. 93].

Признавая значимость и обоснованность подобных подходов, хотелось бы обратить внимание, что при неизменности материально-технических объектов профессиональная деятельность одних и тех же физических лиц может коррелировать в зависимости от изменения социально-политических факторов, появления новых установок и иных регуляторов ненормативного характера, способных оказывать влияние на осуществление ими своих полномочий, а следовательно и на эффективность функционирования механизма государства в целом. Поэтому представляется весьма целесообразным, помимо уровня физических лиц и материально-технических объектов, в качестве самостоятельных элементов выделять профессионально-ценностную основу государственной службы и наёмного труда сотрудников государственных учреждений и предприятий.

Под профессионально-ценностной основой как самостоятельным элементом механизма государства следует понимать внутренне неразрывную совокупность базовых и основополагающих ориентиров государственных служащих и сотрудников государственных учреждений и предприятий, включающую в себя как формально нормативно закреплённые императивы к их профессиональной деятельности, так и иные ценностно-мировоззренческие установки, оказывающие влияние на формирование модели мышления и поведения указанных лиц.

Содержание предложенной нами дефиниции предопределяет выделение в рамках профессионально-ценностной основы механизма государства различных уровней компонентов: нормативный правовой, ценностно-этический, профессионально-компетентностный и культурно-идеологический.

Нормативный правовой уровень профессионально-ценностной основы механизма государства составляют общие нормативные правовые акты и документы, содержащие идеи, требования и ограничения, предъявляемые к лицам, в связи с прохождением ими государственной службы или осуществлением трудовой деятельности по трудовому договору на государственных учреждениях или предприятиях. Важно понимать,

что, помимо формы выражения, подобные императивные предписания исходят от государства и полностью коррелируют с реализацией поставленных перед ним целей и задач, например: реализация принципа законности в профессиональной деятельности, требования и ограничения, связанные с профилактикой коррупционного поведения указанных лиц.

Выделение ценностно-этического уровня основано на том, что ряд компонентов профессионально-ценностной основы не имеет строго законодательного происхождения или закрепления, а представляет собой моральные нормы и нравственные идеалы (например, честность, неподкупность), которыми должны руководствоваться государственные служащие и работники государственных учреждений и предприятий. Помимо отличительной природы происхождения принципов и требований, составляющих данный уровень, хотелось бы отметить, что современная законодательная практика отдельных государств стремится некоторые принципы (например, справедливость в профессиональной деятельности) данной категории закрепить в действующем законодательстве, что переводит их в нормативно-правовой уровень. Кроме этого, хотелось бы отметить, что перечень идей, требований и ограничений ценностно-этического уровня, исходя из своей природы, не является универсальным и исчерпывающим и зависит от исторического и культурного пути конкретного государства в конкретный период своего развития.

Нормативный правовой и ценностно-этические уровни направлены на неограниченное количество лиц, поступающих на государственную службу или работу по трудовому договору на государственные предприятия или в учреждения. В то же время эффективность механизма государства тесно связана с эффективностью управления в нём, осуществляемого частью из них. В этой связи вполне логично выделение профессионально-компетентностного уровня в отдельный уровень профессионально-ценностной основы как совокупности необходимых компетенций (знаний, владений и умений), а также общих парадигм управления, обеспечивающих как управленческую деятельность в целом, так и методологию принятия решений в данной сфере.

Культурно-идеологический уровень профессионально-ценностной основы механизма государства выражается в доминирующих в групповом сознании данной категории лиц мировоззренческой картины о миссии, смыслах и роли органов государства, государственной службы и работы государственных учреждений и предприятий, на основе которых формируется их корпоративная культура.

Полагаем, что выделение профессионально-ценностной основы в качестве самостоятельного элемента механизма государства обоснованно и позволяет более подробно понять его природу, особенности функционирования и направления повышения эффективности в современный период.

В то же время вне зависимости от позиций, выдвигаемых авторами, признавая государственный аппарат важнейшей частью механизма государства, исследователи сходятся во мнении в рассмотрении в качестве одного из единичных его составляющих органа государства. Понятие органа государства довольно подробно рассмотрено в теории права и государства, и в наиболее обобщённом виде под ним следует понимать закреплённую юридически самостоятельное, организационно и экономически обособленное звено государственного аппарата, наделённое государственно-властными полномочиями для осуществления строго определённых функций и задач государства [13, с. 78]. В качестве основных его признаков стоит выделить наличие правовой основы деятельности, финансирование из государственного бюджета, организационную структуру, наличие государственного имущества, ответственность перед государством и обществом, а также цели и задачи, связанные с реализацией функций государства [14, с. 16–17].

Вместе с тем важно понимать, что простая совокупность органов государства не образует государственный аппарат, так как практическое воплощение государственно-властных полномочий в реальную социальную действительность возможно только лишь профессиональной деятельностью государственных служащих, ими наделённых. Во многом неразрывность понимания органов государства и государственных служащих (должностных лиц), осуществляющих в них профессиональную деятельность, и предопределяет объём понятия государственный аппарат. В связи с этим считаем допустимым рассмотрение в качестве самостоятельного элемента механизма государства как обобщающий термин государственный аппарат, в понимании системы взаимосвязанных государственных органов, наделённых государственно-властными полномочиями, и занятых в них государственных служащих, которые практически осуществляют государственную власть [3, с. 85], так и рассмотрение органов государства и государственных служащих и должностных лиц по отдельности.

Таким образом, проведённый анализ позволяет заключить, что понятие «механизм государства» в отечественной юридической науке представляет собой сложный, динамически изменяющийся объект исследования, эволюция содержания которого находится в зависимости от технологических и социальных преобразований общества и государства. Современное понимание его структуры выходит за рамки классического его отождествления с государственным аппаратом и включает наряду с органами власти, государственными учреждениями, организациями, должностными лицами и профессионально-ценностную основу. Современные реалии повсеместной цифровизации сферы государственных услуг предопределяют актуальность дальнейшего осмысления и исследования данного понятия и его содержания с учётом вызовов современности. Предложенное выделение профессионально-ценностной основы способствует более комплексному восприятию механизма государства, акцентируя внимание на человеческом и ценностном факторах, определяющих эффективность всего механизма.

1. Фастович Г. Г. К вопросу о становлении категории «механизм государства» в теории права: исторический аспект // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 1(229). С. 16-18.
2. Романов С. А. Современные методологические подходы к пониманию механизма государства: роль контрольно-надзорных органов в современном механизме государства // *Закон и право*. 2022. № 3. С. 36-41.
3. Бялт В. С. К вопросу о понятии "механизм государства" и структуре механизма современного государства // *Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции) : материалы международной научно-теоретической конференции: в 2 томах, Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 года / Санкт-Петербургский университет МВД России. Том 1. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 84-86.*
4. Шашкарова Г. В. К вопросу о государственном органе как элементе структурной организации механизма государства // *Проблемы экономики и юридической практики*. 2021. Т. 17. № 3. С. 228-233.
5. Большаков Е. В. Соотношение понятий «аппарат государства» и «механизм государства» // *Наукосфера*. 2022. № 9(2). С. 210-215.
6. Ожегов С. И. *Словарь русского языка*. М.: Русский язык, 1988. 750 с.
7. Вапцев Р. Г., Шашкарова Г. В. Механизм государства: системный и функциональный аспекты // *Пробелы в российском законодательстве*. 2021. Т. 14. № 6. С. 54-59.
8. Малиновская В. М. Механизм государства как категория публичного права // *Вестник Московского университета МВД России*. 2024. № 4. С. 93-100.

9. Алексеева Л. А. Перспективные функции государства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 13-20.
 10. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Юрист, 2015. 512 с.
 11. Плетников В. С., Плетникова М. С. Государственные организации в механизме (аппарате) современного российского государства: вопросы теории и практики // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 121-124.
 12. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2015. 496 с.
 13. Теория государства и права: учебник / под ред. проф. А. В. Малько и проф. А. Ю. Соломатина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Юридический центр, 2015. 398 с.
 14. Гаджиев А. Ш., Свабдулаев С. М. К вопросу об органах государственной власти в механизме государства: теоретико-правовой аспект // Юридический вестник ДГУ. 2020. Т. 33. № 1. С. 15-18.
-
1. Fastovich G. G. K voprosu o stanovlenii kategorii «mexanizm gosudarstva» v teorii prava: istoricheskij aspekt // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 1(229). S. 16-18.
 2. Romanov S. A. Sovremennyye metodologicheskie podkhody k ponimaniyu mexanizma gosudarstva: rol' kontrol'no-nadzornyx organov v sovremennom mexanizme gosudarstva // Zakon i pravo. 2022. № 3. S. 36-41.
 3. Byalt V. S. K voprosu o ponyatii mexanizm gosudarstva i strukture mexanizma sovremennogo gosudarstva // Gosudarstvo i pravo: e'voluciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (navstrechu 300-letiyu rossijskoj policii) : materialy mezhdunarodnoj nauchno-teoreticheskoy konferencii: v 2 tomax, Sankt-Peterburg, 28 aprelya 2016 goda / Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. Tom 1. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2016. S. 84-86.
 4. Shashkarova G. V. K voprosu o gosudarstvennom organe kak e'lemente strukturnoj organizacii mexanizma gosudarstva // Problemy e'konomiki i yuridicheskoy praktiki. 2021. T. 17. № 3. S. 228-233.
 5. Bol'shakov E. V. Sootnoshenie ponyatij «apparat gosudarstva» i «mexanizm gosudarstva» // Naukosfera. 2022. № 9(2). S. 210-215.
 6. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazy'ka. M.: Russkij yazy'k, 1988. 750 s.
 7. Vapcev R. G., Shashkarova G. V. Mexanizm gosudarstva: sistemnyj i funkcional'nyj aspekty // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. T. 14. № 6. S. 54-59.
 8. Malinovskaya V. M. Mexanizm gosudarstva kak kategoriya publicnogo prava // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2024. № 4. S. 93-100.
 9. Alekseeva L. A. Perspektivny'e funkcii gosudarstva // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova. 2025. № 2(103). S. 13-20.
 10. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. 4-е изд., испр. и доп. М.: Юрист, 2015. 512 с.
 11. Pletnikov V. S., Pletnikova M. S. Gosudarstvenny'e organizacii v mexanizme (apparate) sovremennogo rossijskogo gosudarstva: voprosy teorii i praktiki // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 2. S. 121-124.
 12. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / отв. ред. В. Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2015. 496 с.
 13. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / под ред. проф. А. В. Малько и проф. А. Ю. Соломатина. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Юридический центр, 2015. 398 с.
 14. Gadzhiev A. Sh., Svabdulaev S. M. K voprosu ob organax gosudarstvennoj vlasti v mexanizme gosudarstva: teoretiko-pravovoj aspekt // Yuridicheskij vestnik DGU. 2020. T. 33. № 1. S. 15-18.

Информация об авторе

Александр Александрович Выходов. Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Aleksandr Al. Vykhodov. Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines. Candidate of Law Sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 25.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 25.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 340

ЗНАЧЕНИЕ МИЛОСТИ В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА XVII ВЕКА

Гарина Оксана Вячеславовна

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

ksu@myopusmail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу понятия «милость» («государевой милости») как ключевого элемента правовой и политической культуры Русского государства XVII века. На основе изучения текстов нормативных правовых актов XVII века автор отмечает, что данный концепт обладал многогранным содержанием, выходящим далеко за рамки простого акта помилования. Милость исследуется как инструмент управления, как высшая форма справедливости, стоящая над формальным законом, и как фундаментальный идеологический принцип, легитимирующий неограниченную власть самодержца. Делается вывод о том, что институт милости был неотъемлемой частью патерналистской модели власти, что подчёркивает её сакральный характер и личную связь монарха с каждым подданным. Практика использования в правовых документах термина «милость» обеспечивала гибкость правоприменения.

Ключевые слова: милость, право, царь, помилование, милосердие.

Для цитирования: Гарина О. В. Значение милости в нормативных правовых актах Русского государства XVII века // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 44–50.

THE MEANING OF MERCY IN THE LEGAL ACTS OF THE RUSSIAN STATE IN THE XVII CENTURY

Oxana V. Garina

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

ksu@myopusmail.ru

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of the concept of "mercy" ("sovereign mercy") as a key element of the legal and political culture of the Russian state of the XVII century. Based on the study of the texts of normative legal acts of the XVII century, the author notes that this concept had a multifaceted content that went far beyond a simple act of pardon. Mercy is studied as an instrument of governance, as the highest form of justice above formal law, and as a fundamental ideological principle legitimizing the unlimited power of the autocrat. It is concluded that the institution of mercy was an integral part of the paternalistic model of power, emphasizing its sacred character and the personal connection of the monarch with each subject. The practice of using the term "mercy" in legal documents ensured the flexibility of law enforcement.

Keywords: mercy, right, king, pardon, charity.

For citation: Garina O. V. The Significance of Mercy in the Legal Acts of the Russian State in the XVII Century // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 44–50.

XVII столетие в истории Российского государства ознаменовалось становлением самодержавной формы правления, окончательным оформлением крепостного права и систематизацией законодательства, кульминацией которой стало принятие Соборного уложения 1649 года. Этот правовой памятник наряду с указами и жалованными грамотами зафиксировал не только нормы материального и процессуального права, но и комплекс фундаментальных идеологических принципов, легитимирующих верховную власть. Среди этих принципов ключевое, но недостаточно изученное в его правовом измерении место занимает концепция «государевой милости».

Понятие «милость» в XVII веке представляло собой сложный, многогранный социально-правовой и политический феномен. Оно не сводилось к простому акту снисхождения или помилования, а выступало фундаментальным элементом всей системы отношений между верховной властью и подданными. Милость пронизывала все уровни государственного управления – от пожалований земель и чинов служилым людям до смягчения наказания преступникам и оказания помощи нуждающимся. Эта концепция коренилась в патерналистской модели власти, где монарх воспринимался как «отец» нации, чья воля является высшим источником справедливости, стоящим как над законом, так и находящимся в симбиозе с ним.

Несмотря на то что аспекты самодержавной власти и идеологии Московского царства получили широкое освещение в трудах отечественной истории и современных исследователей [1; 2], понятие милости как правовой категории часто остаётся на периферии научного анализа. Оно, как правило, рассматривается в рамках исследований о землевладении, служилой системе или уголовном праве, но редко становится самостоятельным предметом изучения в качестве сквозного элемента легитимации власти.

Правовой язык является абстрактной категорией и представляет собой весь арсенал юридических терминов и понятий, которыми оперирует право во всех его формах и состояниях [3, с. 77]. Право появляется и совершенствуется вместе с государством. Одни термины и понятия исчезают из оборота, а другие – появляются. Развитие права не означает исчезновение терминологии, более верно говорить о её изменении и адаптации к реалиям действительности. Термин «милость» встречается в религиозных текстах, нормативных правовых актах, а также обозначает чувства людей к друг другу. Упоминание милости в священных книгах, литературе и межличностном общении обусловлено необходимостью выражения доброго отношения. В русских народных сказках встречается обращение «Милостивый государь-батюшка».

Словарь русского языка XI–XVII вв. содержит определение термина «милость» и приводит следующие его значения:

1. Милосердие, сострадание, сочувствие.
2. Благоклонность, особое расположение, любовь.
3. Благодеяние, благотворение.
4. Милостыня, подавание.
5. Прощение, снисхождение.
6. Радость, веселье.
7. Плата, жалование.

Ещё одно понимание связано с выражением почтения другому человеку [4].

Словарь Российской Академии наук предлагает понимание милости как благодати и благости (по отношению к Богу); добродетели, состоящей в отпущении слабостей, в умерении наказания, в спомоществовании ближнему; доверенность, любовь, благоволение [5]. Большой толковый словарь русского языка содержит схожее понимание милости [6] как доброе, великодушное благоклонное отношение к кому-либо; доброе дело, благодеяние; доброе дело, благодеяние; вежливая форма обращения к кому-либо с просьбой; вежливая форма согласия с чьим-либо предложением что-либо сделать.

Лексикологический анализ слова «милости» позволяет выделить группы его трактовок:

1. Религиозное понимание.

2. Выражение чувств к человеку – уважение, сострадание, милосердие, сожаление, жалость, отпущение вины, пощады.

3. Просьба об изволении чего-либо.

4. Подаяние.

Таким образом, милость выступает самостоятельной категорией, имеющей различные проявления в сферах общественной жизни.

Родственными лексемами милости являются милостыня, милосердие, помилование. Указанные термины можно рассматривать как смежные категории, которые с милостью объединяет проявление сострадания, в чьей основе лежит доброта. Проявления милости в религиозной сфере отражены в библейских постулатах о помощи ближнему, в повседневной жизни, например благотворительность, в праве – в актах помилования, учёте смягчающих обстоятельств при определении меры наказания и т. д.

На формулирование дефиниции милости оказывает влияние содержание нормативных правовых актов, принимаемых на определённом историческом этапе развития государства. В нормативных правовых актах, содержащихся в Полном собрании законов Российской империи, упоминается термин «милость». Положения законов определяют выделение в понимании милости нескольких значений.

Во-первых, милость как благодать или «Божья милость». Так, в ст. 1 гл. VIII Соборного уложения 1649 года о необходимости денежного сбора с населения говорится в Посольском приказе. При этом конкретизируется размер налога в зависимости от социального статуса субъекта и указывается, что избегать его уплаты нельзя, так как он является милостыней и за него «благочестивому Царю и всем православным Христианам за то великая мзда от Бога будет». Религиозное понимание милости отражено в Грамоте в Курск Стольку и Воеводе Лодыженскому от 20 февраля 1649 г. [7, № 2], в которой исследуемая категория подразумевает прошение о здравии и помощи в борьбе с болезнями, для чего в указанный населённый пункт из Москвы направляли животворящий крест Господен. В Указе Царя Алексея Михайловича от 10 ноября 1653 г. «О объявлении войны Казимиру Королю Польскому и Литовскому» [7, № 111] милость приводится как помощь со стороны Бога – «одолении милости просить».

Во-вторых, милость как пожалование. Например, в ст. 24 гл. XVIII Соборного уложения 1649 года упоминается «Государская милость» при раздаче дворцовых сёл, бортных деревень, чёрных волостей в поместья и вотчины.

В-третьих, милость как помилование, смягчение наказания. Ст. 33 гл. XXI Соборного уложения 1649 года содержит положение о том, что «после того тот изменник из измены воротится, и Государь пожалует его, положит на милость, за ту его измену смертью казнити его не велит».

Индивидуальный акт об изменении ответственности был издан 1 апреля 1651 г. [7, № 62]. 30 марта 1651 г. Дворянин Пётр Головин не принял пожалованный чин окольничего от Государя, чем прогневил его и попал к нему в опалу, а также должен был быть отправлен в тюрьму [7, № 61]. 1 апреля 1651 г. глава государства изменил своё решение о виде наказания в сторону его смягчения: «... велел тебя написать по Московскому списку и ни в какой чести тебе у него Государя не бывать». Пётр Головин избежал лишения свободы, но в Разрядной книге приводилась запись о нём, содержание которой характеризует субъекта с нехорошей стороны.

Отражение милости в форме помилования нашло отражение в современном законодательстве – ст. 85 Уголовного кодекса РФ¹. Как и в XVII, в XXI веке право помилования исключительно принадлежит главе государства и означает не только освобождение от отбывания наказания, но и замену его более мягким. Обращает внимание на себя тот факт, что глава государства, подписывая соответствующий акт, в его содержа-

¹ Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нии отметил, что решение об освобождении от дальнейшего отбывания наказания принято им из принципа гуманности¹.

В-четвёртых, милость как разрешение. Торговые отношения между государствами сопровождают их с момента образования. Заинтересованность в них проявлялась в установлении льготных налоговых режимов, что упомянуто в Указе от 1 июня 1649 г. [7, № 9] (и вы по той Государской милости, будучи в Московском Государстве, торговали многие лета безпошлинным и вольным торгом»). За разрешением принятия Гетмана и войска Запорожского к государю обратился посланец Иван Искр – «... Царского Величества милости ищут...» [7, № 76].

В-пятых, милость как гордость, уважение: «И за то их Государь похваляет, а им служба к Государской милости и к чести» [7, № 11], «Божьей милостью Свиского» и «Божьей милостью, Великого Государя, Царя и Великого Князя Михаила Федоровича» [7, № 19], «видя к себе Царского Величества милость и жалованье» [7, № 70]. В шерстной записи приводились слова «и учнут нас от Царской милости отводить» [7, № 70], что означало попытку воздействия на лиц, присягавших на верность Русскому Самодержцу и пользующихся его доброжелательным отношением.

В-шестых, милость как соизволение – «указал тот свой Государев указ пополнить милостливым своим Государским рассмотрением» [7, № 20], «пожаловал челобитья их выслушал милостливо» [7, № 70].

Лексема «милос» содержится в милостыни, что свидетельствует о смежном характере указанных категорий. Жалованная грамота Введенскому Липовинскому монастырю [7, № 57] предписывает «Украйных городов Боярам Нашим, и Воеводам и всяким нашим приказным людям» Архимандрита и старцев, приезжающих в Московское государство для милостыни «пропускать..., и подводы под них и под их рухлядь давать». Аналогичный документ, данный Введенскому Хилондарю монастырю, предписывал выделение по приезду в Россию старцам за милостынею в Москве двора у Богоявленского монастыря [7, № 84].

Одним из значений милости в Словаре русского языка XI–XVII вв. указано милосердие. Феномен милосердия, несомненно, является культурной универсалией, в течение долгого исторического времени сопровождающей человечество [8, с. 11]. Ст. 14 главы XXI Соборного уложения 1649 года («А церковных татей казнить смертью же безо всякого милосердия, а животы их отдавати в церковныя татьбы»), ст. 24 главы XXII Соборного уложения 1649 г. (А будет кого бусурман какими нибудь мерами насильством или обманом русскаго человека к своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а сыщется про то допряма, и того бусурмана по сыску казнить, зжечь огнем безо всякого милосердия») приводят смежную категорию «милосердие». Уголовно-правовой характер норм позволяет трактовать выражение «без всякого милосердия» как невозможность изменения вида наказания на более мягкий при наличии каких-либо смягчающих вину обстоятельств. Аналогичное понимание милости приведено в ст. 14 главы XXII Соборного уложения 1649 года: «А будет жена учинит мужу своему смертное убийство, или окормит его отравою, а сыщется про то допряма, и ея за то казнити, живу окопати в землю, и казнити ея такую казнею безо всякия пощады, хотя будет убитого дети, или иныя кто ближния роду его, того не похотят, что ея казнити, и ей отнюд не дати милости, и держати ея в земле до тех мест, покамест она умрет»; в Договорах от 19, 20 октября 1649 г. [7, № 19] – «без всякой милости».

Представляет интерес использование в тексте документа терминов «милость» и «милосердие» [7, № 103] – «милостливый указ» и «без всякого милосердия». Совместное их упоминание подчёркивает характер содержания акта – смягчение наказания, т. е. замена смертной казни битьём кнута, отсечением левой руки по персту и ссылка

¹ Дончанин вышел на свободу по указу президента [Электронный ресурс]. URL: <http://главный-вопрос.рф/news/22465-donchanin-vyshel-na-svobodu-po-ukazu-prezidenta> (дата обращения: 20.07.2025).

в Сибирские и в Понизовые и в Украйные города с жёнами и детьми. Такой вариант был возможен для впервые совершивших преступление, в отношении рецидивистов предписывалось «быть вершенным безо всякого милосердия и пощады».

Таким образом, определение значения милости в Словаре русского языка XI–XVII вв. содержится в нормативных правовых актах XVII века. Многогранный характер милости отражается на её понимании и сложности формулирования дефиниции. Использование категории «милость» в различных её интерпретациях в нормативных правовых актах Русского государства подчёркивает зависимое положение населения от воли монарха. В XVII веке для обозначения политико-правовой связи населения и государства применялся термин «подданство». Его значение обосновывает включение в законодательство исследуемого периода милости. Ведь милость исходит от того человека, в отношении которого есть какая-либо зависимость.

В содержании милости центральными элементами выступают доброта и сострадание, сопереживание, что можно отнести и к милосердию. Вместе с тем отличие кроется в адресности анализируемых категорий.

Так, милость предполагает оказание помощи и заботу об окружающих.

Например, установление льготного налогового режима для иностранных торговцев, определение месторасположения приезжих в государство. Милосердие является ответом на уже возникшее страдание и направлено на разрешение конкретной ситуации и, следовательно, улучшение положения людей, в неё попавших. Словообразовательная калька латинского «*misericordia*» состоит из «*miser*» – достойный сожаления, милости, и «*cor*» (*cordis*) – «сердце».

На основе проведённого исследования можно определить следующее соотношение милости и милосердия:

1. Милость и милосердие выступают близкими по содержанию категориями.
2. Милосердие охватывается содержанием милости.
3. Милость и милосердие являются составляющими гуманизма.

Милость и милосердие взаимосвязаны как целое и часть, отделить милость от милосердия невозможно. Милость – это чувство, а милосердие как содержание милости связано с совершением действий. Жалеть и проявлять милосердие должны люди, а не закон, и это является необходимым условием нравственно здоровой общественной жизни [9, с. 32]. Например, мы можем сочувствовать тяжело больному человеку, но поддержку и уход за ним будет осуществлять сестра милосердия.

Первые сестричества милосердия в России появились в середине XIX века. Сёстры милосердия, посвящая свою жизнь делам милосердия, принимают соответствующее посвящение в храме. В 2010 году по инициативе Синодального отдела по благотворительности появилась Ассоциация сестричеств милосердия. К этому служению готовят в Учебном центре церковной больницы святителя Алексия и в московском Свято-Димитриевском училище сестёр милосердия [10].

Милосердие присуще российской правовой системе [11, с. 530] и нашло своё отражение в помиловании. Вынесение акта помилования – это полномочие главы государства, что не изменилось до настоящего времени в сравнении с XVII веком, когда помилование исходило от царя. Переход от милости к милосердию в помиловании [12] обоснован изменением формы правления и утраты божественной характеристики власти главы государства.

В правовой системе XVII веке «милость» была стержневой, сакрально обоснованной прерогативой монарха, вокруг которой выстраивались другие категории:

1. Милость и гнев были неразрывны, образовывали две стороны проявления воли государя («твоя царская милость» и «без милости»).
2. Милость и казнь существовали над формальной «правдой» закона, позволяя монарху гибко управлять, что проявлялось в смягчении наказаний.

3. Челобитье как просьба о милости – основным каналом связи подданного с верховной властью – «милости прошу и бью челом Вашему Царствию».

4. Божья милость служила непререкаемым источником и оправданием «Государевой Милости», делая её не просто правовым институтом, а религиозно-политическим феноменом. Власть монарха была милостью Божьей, а его милость к подданным – продолжением этой благодати.

5. Милость никогда не воспринималась как право подданного на снисхождение, окончательное решение всегда оставалось личной волей монарха.

Таким образом, милость была не просто юридическим термином, а центральным элементом концепции власти в России в XVII веке, неразрывно связанным с её божественным источником, патерналистской сущностью и абсолютным характером. Она пронизывала всю правовую систему – от уголовного судопроизводства до земельных отношений. Милость выполняла дуальную функцию: с одной стороны, она была проявлением божественной по происхождению справедливости царя, а с другой – инструментом прагматичного управления, позволявшим гибко реагировать на вызовы времени. Институт милости был важнейшим механизмом легитимации самодержавной власти, визуализируя её божественную природу и патерналистскую сущность, что способствовало консолидации общества вокруг фигуры монарха.

1. Русская история : Полный курс лекций : В 3 томах / В.О. Ключевский М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2002.
2. Ларионов А. С. Генезис самодержавия как государственно-правового феномена в России: историографический аспект // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2025. Т. 25, № 1. С. 96-104.
3. Волобуева Н. Д. Сложности языка права в переходные периоды // Право: язык и коммуникация (памяти профессора В.М. Курицына) : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 19–20 декабря 2024 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025. С. 77-80.
4. Словарь русского языка XI-XVII вв. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. Выпуск 9. М. : Наука, 1975.
5. Словарь Академии Российской. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10110/#page/69/mode/1up> (дата обращения: 20.07.2025).
6. Большой толковый словарь русского языка. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=милость&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=милость&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 20.07.2025).
7. Полное собрание законов Российской империи (1649 - 1825) : Том 1 (1649 - 1675).
8. Алимova К. Д. Милосердие в уголовном праве // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы : материалы VIII Международной научно-практической конференции: в 2-х частях, Кемерово, 05–06 декабря 2024 года. Кемерово: Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, 2024. С. 10-14.
9. Анисин А. Л. Идеино-теоретические основы правоприменительной и правозащитной политики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1(31). С. 28-36.
10. В Церкви сообщили, что в России растет потребность в сестрах милосердия. URL: <https://foma.ru/v-czerkvi-soobshhili-cto-v-rossii-rastet-potrebnost-v-sestrah-miloserdiya.html> (дата обращения: 20.07.2025).
11. Скорев В. А. Милосердие: обретение смыслов и реальность // Омские научные чтения - 2020 : материалы Четвертой Всероссийской научной конференции, Омск, 30 ноября – 05 2020 года. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2020. С. 527-532.
12. Ломовская А.В. Рефлексия принципа милосердия в современном российском законодательстве // Современное общество и право. 2024. № 6(73). С. 28-34.

1. Russkaya istoriya : Polny`j kurs lekcij : V 3 tomah / V.O. Klyuchevskij M. : AST ; Minsk : Xarvest, 2002.
2. Larionov A. S. Genezis samoderzhaviya kak gosudarstvenno-pravovogo fenomena v Rossii: istoriograficheskij aspekt // Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2025. T. 25, № 1. S. 96-104.
3. Volobueva N. D. Slozhnosti yazy`ka prava v perexodny`e periody` // Pravo: yazy`k i kommunikaciya (pamyati professora V.M. Kuricyna) : Sbornik nauchny`x trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 19–20 dekabrya 2024 goda. – Moskva: Moskovskij universitet MVD RF im. V.Ya. Kikotya, 2025. S. 77-80.
4. Slovar` russkogo yazy`ka XI-XVII vv. [Tekst] / AN SSSR, In-t rus. yaz. ; redkol.: S. G. Barxudarov (otv. red.) [i dr.]. Vy`pusk 9. M. : Nauka, 1975.
5. Slovar` Akademii Rossijskoj. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book10110/#page/69/mode/1up> (data obrashheniya: 20.07.2025).
6. Bol`shoj tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=milost`&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=milost`&mode=slovari&dicts[]=42) (data obrashheniya: 20.07.2025).
7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (1649 - 1825): Tom 1 (1649 - 1675).
8. Alimova K. D. Miloserdie v ugovnom prave // Voprosy` sovremennoj nauki: problemy`, tendencii i perspektivy` : materialy` VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2-x chastyax, Kemerovo, 05–06 dekabrya 2024 goda. Kemerovo: Kuzbasskij gosudarstvenny`j texnicheskij universitet im. T.F. Gorbacheva, 2024. S. 10-14.
9. Anisin A. L. Idejno-teoreticheskie osnovy` pravoprimenitel`noj i pravozashhitnoj politiki // Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel`naya praktika. 2015. № 1(31). S. 28-36.
10. V Cerkvi soobshhili, chto v Rossii rastet potrebnost` v sestrax miloserdiya. URL: <https://foma.ru/v-czerkvi-soobshhili-cto-v-rossii-rastet-potrebnost-v-sestrah-miloserdiya.html> (data obrashheniya: 20.07.2025).
11. Skorev V. A. Miloserdie: obretenie smy`slov i real`nost` // Omskie nauchny`e chteniya - 2020 : materialy` Chetvertoj Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Omsk, 30 noyabrya – 05 2020 goda. Omsk: Omskij gosudarstvenny`j universitet im. F.M. Dostoevskogo, 2020. S. 527-532.
12. Lomovskaya A.V. Refleksiya principa miloserdiya v sovremennom rossijskom zakonodatel`stve // Sovremennoe obshhestvo i pravo. 2024. № 6(73). S. 28-34.

Информация об авторе

Оксана Вячеславовна Гарина. Старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Oxana V. Garina. Senior Lecturer of the chair of State and Legal Disciplines.
Candidate of Law Sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 23.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 23.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

РУССКАЯ ПРАВДА КАК ОТРАЖЕНИЕ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА

Мартынова Наталия Анатольевна

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

natmart79@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению исторического документа, представляющего собой первую попытку кодификации русского права. Русская Правда представляет интерес для многих категорий учёных (филологов, историков, юристов и т. д.). В научной работе рассматриваются три версии Русской Правды: «Краткая Правда», «Пространная Правда» и «Сокращённая Правда». Это не три разные по объёму версии одного документа, а три попытки кодификации русского права в разные временные промежутки. Анализ структуры версий Русской Правды позволяет отследить эволюцию развития правосознания общественной формации. Мы акцентируем внимание на Русской Правде как на кодексе и исследуем версии Русской Правды на наличие признаков, характерных для кодекса. Кроме того, в результате проведённой работы мы изучили роль Русской Правды в развитии русского права.

Ключевые слова: кодекс, нормативно-правовой документ, источник права, правовые нормы, право, правовая система.

Для цитирования: Мартынова Н. А. Русская Правда как отражение развития русской системы права // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 51–56.

RUSSKAYA PRAVDA (RUSSIAN TRUTH) AS A REFLECTION OF THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Nataliya A. Martynova

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

natmart79@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the study of a historical document, which represents the first attempt to codify Russian law. Russkaya Pravda (Russian Truth) is of interest to many categories of scientists (philologists, historians, lawyers, etc.). The article discusses three versions of Russkaya Pravda (Russian Truth): Kratkaya Pravda (Short Truth), Prostrannaya Pravda (Long Truth), and Sokrashchennaya Pravda (Abridged Truth). These are not three different versions of the same document, but three attempts to codify Russian law at different time intervals. The analysis of the structure of the versions of Russkaya Pravda (Russian Truth) makes it possible to trace the evolution of the development of the legal consciousness of a social formation. Russkaya Pravda (Russian Truth) is considered as a code and we analyze the versions of Russkaya Pravda (Russian Truth) for the presence of features characteristic of the code. Russkaya Pravda's role in the development of Russian law has also been examined as a result of the research.

Keywords: code, regulatory document, source of law, legal norms, law, legal system.

For citation: Martynova N. A. Russkaya Pravda (Russian Truth) as a reflection of the development of the russian legal system // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 51–56.

Русская Правда – документ, вызывающий интерес у многих поколений историков, юристов и филологов. Для историков это важнейший артефакт, отражающий развитие общества той эпохи. Юристы активно изучают данный документ, видя в нём одну из первых попыток кодификации законов Древней Руси. Русская Правда являлась основным нормативным актом, регулирующим имущественные отношения в период с XI по XVI век [1, с. 81]. Содержащиеся в ней нормы права имели исключительно прогрессивный характер, соотносимый с данным периодом времени [2, с. 88]. Русская Правда сформировалась на базе как восточнославянских правовых обычаев, так и заимствований из норм, взятых как из Библии, так и из правовой традиции Византии (через их южнославянскую интерпретацию) [3, с. 149]. Филологи видят в ней древнейший памятник письменности Древней Руси.

Русская Правда в исторических источниках представлена в трёх версиях: Краткой, Пространной и Сокращённой. Стоит отметить, что это не один и тот же документ, представленный в разных прочтениях, это три разных документа, созданные в разные исторические периоды.

«Правда Ярослава», «Правда Ярославичей», «Покон вирный» и «Урок мостникам» входят «Краткую правду» как структурные компоненты. Этот вариант Русской Правды был составлен в начале-середине XI века. «Правда о Ярославе» была издана, чтобы положить конец конфликту между новгородцами и наёмниками Ярослава Владимировича. Существуют некоторые споры относительно точной даты её публикации: одни историки относят её к 1016 году, другие – к 1030-м годам.

«Правда Ярослава» представлена в статьях с первой по восемнадцатую. «Правда Ярославичей» представлена в статьях с девятнадцатой по сорок первую и датируется 1050-ми гг. и, в отличие от «Правды Ярослава», запретила кровную месть. Третий раздел «Покон вирный» представлен в 42 статье, датированной 1020-ми или 1030-ми гг. Четвёртая часть «Урок мостникам» была издана одновременно с «Поконом вирным» и содержала указания по строительству мостов и расценкам. Авторство «Пространной правды» приписывается Ярославу Мудрому и Владимиру Мономаху, и делится она на Устав Ярослава Мудрого (1-52 статья) и Устав Ярослава Мудрого (статья 53). Датой создания «Пространной правды» считают XII–XIII вв.

Сокращение «Пространной правды» путём изъятия из неё устаревших разделов и замены их на вновь появившиеся законы привело к созданию «Сокращённой правды» в XV–XVII вв.

Рассматривая «Русскую Правду» как объект для изучения в рамках юриспруденции, в первую очередь следует определиться, что мы имеем дело с нормативно-правовым документом, а именно кодексом.

Правовой кодекс представляет собой систематизированную подборку правовых норм, регулирующих определённую сферу общественных отношений. Он объединяет законы, относящиеся к одному и тому же предмету (например, гражданское, уголовное и административное право), и логически их структурирует. Положения, содержащиеся в кодексе, обязательны для исполнения всеми юридическими лицами на территории, где он применяется.

Правовой кодекс является одним из основных источников права и обладает большей юридической силой по сравнению с другими нормативными актами, когда возникает коллизия. Кодексы, как правило, составляются ясным и кратким языком, что делает их доступными для широкой аудитории, включая юристов-профессионалов

и граждан. Как правило, они имеют чёткую организационную структуру, состоящую из глав, статей и разделов, что облегчает определение и применение нормативных актов.

Кодексы, как правило, принимаются на длительный срок и в них реже вносятся поправки по сравнению с другими нормативными актами, что обеспечивает стабильность правовой базы. Кодексы предназначены для регулирования конкретных общественных отношений и определения прав и обязанностей вовлечённых сторон. Для того чтобы кодексы вступили в силу и стали юридически обязательными, они должны быть официально опубликованы.

Рассматривая «Краткую правду» как попытку кодификации имеющихся правил, следует отметить, что описанные случаи по большей части относятся к уголовному праву (убийство, причинение увечий, кража):

1. Если убьёт человек человека, то мстить брату за брата, или сыну за отца, или отцу за сына, или сыну брата, или сыну сестры; если кто не будет мстить, то князю 40 гривен за убитого; если это будет русин, или гридин, или купец, или ябетник, или мечник, или изгой, или словенин, то назначить за него 40 гривен [4, с. 10].

Описываются случаи, подпадающие под категорию процессуального права (определение правил и порядка осуществления правосудия):

42. А это закон при сборе виры: вирнику взять 7 вёдер солода на неделю, а также барана или полтуши говядины, или две ногаты; а в среду резану или сыры, в пятницу то же, а хлеба и пшена сколько смогут съесть; а вирнику 60 гривен и 10 резан и 12 векшей, а при въезде гривна, а если приходится на говение кормить рыбами, то считать за рыбы 7 резан; таким образом всех кун 15 на неделю, а хлеба сколько смогут съесть; пусть вирники собирают виру не более недели. Таково постановление Ярослава [4, с. 13].

В те времена деления суда или права по отраслям не было. Судебный процесс носил архаичный характер. Наказания часто носили коллективный и странный, на наш взгляд, характер [5, с. 144]. Таким образом, можно сделать вывод, что «Краткая правда» описывает не одну отрасль права, а несколько. Но в данном документе содержатся нормы, обязательные к исполнению всеми субъектами права в рамках указанной территории и общественной формации, следовательно, обязательность исполнения описанных норм как признак кодекса находит своё отражение в «Краткой правде».

Кроме того, мы можем видеть ещё два признака кодекса как правового документа в тексте «Краткой правды». Регулирование общественных отношений и официальное опубликование позволяют отнести «Краткую правду» к правовому кодексу, что позволило использовать «Краткую правду» как важный инструмент в правовой системе и обеспечить его функциональность в регулировании общественных отношений. «Пространная правда» включала в себя переработанную версию «Краткой правды», а также новые статьи, в основном посвящённые гражданскому (наследственному и торговому) праву. Что касается уголовного законодательства, то штрафы были увеличены в пользу принца за счёт компенсации жертвам, и была введена новая форма наказания под названием «поток и разграбление»:

3. Об убийстве. Если кто убьёт княжьего мужа в разбое, а убийцу не ищут, то виру в 80 гривен платить верви, где лежит убитый, если же простой свободный человек, то 40 гривен [4, с. 14].

«Русская Правда» знала следующие виды преступлений по объекту и выделяла преступления против имущества, преступления против чести и преступления против государственной целостности (власти князя), что входит в основные положения уголовного права [6, с. 313].

Кроме того, есть статьи, посвящённые гражданскому праву:

94. Если будут дети от первой жены, то дети возьмут наследство своей матери; если же муж завещал это второй жене, всё равно они получают наследство своей матери [4, с. 26].

Процессуальное право также находит своё отражение в «Пространной правде»:

107. А это пошлыны судебные. А это пошлыны судебные: от виры – 9 кун, а метельнику – 9 векш, а от <тяжбы> о бортном участке – 30 кун, а от всех иных тяжб, кому помогут <судебные исполнители> – по 4 куны, а метельнику – 6 векш [4, с. 28].

В данной версии мы видим более выраженные признаки нормативно-правового документа. «Пространная правда» представляет собой вторую версию кодификации русского права. Текст «Пространной правды» написан литературным древнерусским языком, что делает его ценнейшим артефактом для филологов. Подробное и не очень изложение ситуаций, связанных с правонарушениями, отношениями господства и подчинения, долгами и наследством, процессуальных действий, делает данный образчик древнеславянской письменности объектом для исследования правоведами.

Будучи третьей попыткой кодификации русского права, «Сокращённая правда» имеет все признаки кодекса, отмеченные в предыдущих документах (обязательность исполнения, структурированность, доступность изложения), при этом представляет собой более совершенную версию кодифицированной версии русского права.

«Сокращённая правда» сдержит 51 статью и поделена на 21 раздел: Правда Руская, О мужи кроваве, О разбоинице, О поклепней вере, О вседении на чуж конь, О купли, О своде, О убитии татя, О уроцех скоту, О поклажеи, О резе, О потоплении купца, О долзе, О бороде, О зубе, О бобре и разламании борти, О посечении борти, О перевесе, О гумне, О послухехъ, О жене, О заднице боярстеи, О холопстве.

«Сокращённая правда» по версии историков была создана с XV по начало XVII века и, согласно распространённой точке зрения, она была сокращённым вариантом «Пространной правды». Из этой версии были изъяты устаревшие нормы и постановления. Но, согласно утверждениям исследователей, «Сокращённая правда» оказала меньшее влияние на развитие русского права, это объясняется фрагментарностью кодификации и недостаточной последовательностью применения этих норм. Кроме того, появление «Судебника» (1497) и «Соборного уложения» (1649) ознаменовало переход к более современным и систематизированным правовым нормам.

Роль Русской Правды в развитии невозможно переоценить. Русская Правда – фундаментальный памятник древнерусского искусства. Русская Правда представляет собой первую попытку создания письменного свода законов, то есть первую официальную кодификацию права. Закон стал писаным, формализованным и единым на всей территории Древнерусского государства. Представленные законодательные нормы позволяют составить достаточно полное представление о традициях и укладе жизни всех слоёв населения русской земли [7, с. 79].

В Русской Правде закрепились социальное расслоение, что мы видим в дифференциации наказаний в зависимости от социального статуса человека (боярин, смерд, холоп, раб). Это стало основой сословного права на многие века:

19. Если убьют огнищанина за обиду, то убийца платит за него 80 гривен, а людям не надо; и за княжеского подъездного 80 гривен [4, с. 11].

25. А за княжеского рядовича 5 гривен [4, с. 11].

26. А за смерда и за холопа 5 гривен [4, с. 11].

Замена кровной мести на систему штрафов («вира», «головничество», «продажа») – один из важнейших шагов в развитии русского права. Это говорит о гуманизации системы права (отмена принципа «око за око») и появлении компенсации потерпевшим. Кроме того, штрафы стали важным источником доходов для княжеской казны.

Как было упомянуто, Русская Правда заложила основы процессуального права и криминалистики:

- определён статус свидетеля как участника процедуры разбирательства,
- определена процедура поиска украденного имущества,

– определён принцип Ордалии («Божьего суда»).

Кроме того, установлен статус потерпевшего и его роль в процессе судопроизводства. Из анализа норм Русской Правды также следует вывод об инициировании и поддержании процесса непосредственно потерпевшим, что свидетельствует о наличии частного-искового типа уголовного судопроизводства [8, с. 261].

Самая важна роль Русской Правды в том, что она стала краеугольным камнем в системе русского права и базой для последующих сборников законов «Судебника» (1497, 1550) и «Соборного уложения» (1649), обеспечив правовую преемственность от Древней Руси к Московскому царству, не дав праву раздробленных земель полностью разойтись и деградировать. Кроме того, она показывает высокий уровень развития древнерусского государства и его стремление к правопорядку, сопоставимое с современными ей европейскими странами.

1. Савченко М. М. Генезис российского уголовного законодательства об ответственности за кредитное мошенничество // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 1(90). С. 80-86.
2. Маркова Н. А., Солодовникова А. В. Историко-правовые аспекты формирования понятия правонарушения на примере Русской Правды // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1, № 1(13). С. 87-92.
3. Желтов А. А. Проблема кодификации норм права в Русской Правде // Образование и право. 2023. № 12. С. 149-153.
4. Калачов Н. В. Текст Русской Правды на основании четырёх списков разных редакций. 4-е изд., стереотип. М., 1889.
5. Гридин С. И. Русская Правда как первоисточник административного права и процесса в Древней Руси // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5(117). С. 142-149.
6. Ковалева А. Р. Уголовное право и процесс по "Русской Правде" // Матрица научного познания. 2022. № 12-1. С. 311-317.
7. Сиганова // Матрица научного познания. 2022. № 12-1. С. 74-79.
8. Горинова Э. Д. Статус потерпевшего в уголовном судопроизводстве по "Русской Правде" // Аллея науки. 2021. Т. 2, № 12(63). С. 258-261.

1. Savchenko M. M. Genezis rossijskogo ugodovnog zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za kreditnoe moshennichestvo // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 1(90). S. 80-86.
2. Markova N. A., Solodovnikova A. V. Istoriko-pravovy`e aspekty` formirovaniya ponyatiya pravonarushenie na primere Russkoj Pravdy` // Teoriya prava i mezhgosudarstvenny`x otnoshenij. 2021. T. 1, № 1(13). S. 87-92.
3. Zheltov A. A. Problema kodifikacii norm prava v Russkoj Pravde // Obrazovanie i pravo. 2023. № 12. S. 149-153.
4. Kalachov N. V. Tekst Russkoj Pravdy` na osnovanii chety`ryox spiskov razny`x redakcij. 4-e izd., stereotip. M., 1889.
5. Gridin S. I. Russkaya Pravda kak pervoistochnik administrativnogo prava i processa v Drevnej Rusi // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2024. № 5(117). S. 142-149.
6. Kovaleva A. R. Ugodovnoe pravo i process po Russkoj Pravde // Matricza nauchnogo poznaniya. 2022. № 12-1. S. 311-317.
7. Siganova // Matricza nauchnogo poznaniya. 2022. № 12-1. S. 74-79.
8. Gorinova E`. D. Status poterpevshego v ugodovnom sudoproizvodstve po Russkoj Pravde // Alleya nauki. 2021. T. 2, № 12(63). S. 258-261.

Информация об авторе

Наталия Анатольевна Мартынова. Заведующий кафедрой иностранных и русского языков, кандидат филологических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Nataliya A. Martynova. Head of the Department of Foreign and Russian languages.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 15.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И МЕХАНИЗМЫ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТОВ: ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ СФЕРА

Римский Алексей Викторович

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Россия

alex.rimskiy@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению правовых оснований и механизмов цифровой идентификации субъектов в государственно-правовой сфере. Актуальность темы обусловлена широким применением цифровых технологий в системе государственного управления, сопровождающимся появлением новых форм взаимодействия государства и граждан. Особое внимание уделено отсутствию чётких механизмов идентификации субъектов виртуальной реальности, что создаёт серьёзные правовые и практические проблемы. Проведён глубокий анализ существующих подходов к цифровой идентификации, выявлена роль цифровой идентификации в повышении качества государственных услуг и административных процедур. Предложены пути совершенствования нормативного регулирования процессов цифровой идентификации, направленные на устранение рисков, связанных с анонимностью и недостоверностью информации в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: цифровая идентификация, государственно-правовая сфера, виртуальная реальность, субъекты права, государственная услуга, электронное правительство, информационная безопасность, персональные данные, правовое регулирование, цифровое доверие.

Для цитирования: Римский А. В. Правовые основания и механизмы цифровой идентификации субъектов: государственно-правовая сфера // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 57–62.

LEGAL BASIS AND MECHANISMS OF DIGITAL IDENTIFICATION OF SUBJECTS: STATE AND LEGAL SPHERE

Alexey V. Rimsky

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

alex.rimskiy@yandex.ru

Annotation. The study is devoted to the study of the legal grounds and mechanisms of digital identification of subjects in the state-legal sphere. The relevance of the topic is due to the widespread use of digital technologies in the system of public administration, accompanied by the emergence of new forms of interaction between the state and citizens. Special attention is paid to the lack of clear mechanisms for identifying subjects in virtual reality, which creates serious legal and practical problems. A thorough analysis of existing approaches to digital identification has been conducted, and the role of digital identification in improving the quality of public services and administrative procedures has been identified. The paper proposes ways to improve the regulatory framework for digital identification

processes in order to eliminate the risks associated with anonymity and the reliability of information in the virtual space.

Keywords: digital identification, public law sphere, virtual reality, subjects of law, public service, electronic government, information security, personal data, legal regulation, digital trust.

For citation: Rimsky A. V. Legal basis and mechanisms of digital identification of subjects: state and legal sphere // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). С. 57–62.

Институт цифровой идентификации берёт истоки ещё в прошлом веке, когда начались активные эксперименты с вычислительными машинами и сетевыми коммуникациями. Уже в середине XX века возникла необходимость ограничить доступ посторонних лиц к важным данным и услугам.

Первоначальным решением стали примитивные формы аутентификации, такие как ввод паролей и PIN-кодов, используемые для доступа к ограниченным ресурсам [1, с. 63].

Однако серьёзные изменения произошли с ростом важности компьютеров и сетей в деловой и политической сферах. Согласно исследованиям, «в начале XXI века наблюдается резкий рост использования цифровой идентификации, вызванный популярностью интернета и повышением угроз киберпреступности» [2, с. 439].

Переход к современным технологиям цифровой идентификации был тесно связан с растущими потребностями обществ в эффективных инструментах верификации пользователей. Например, «активное использование биометрических данных (отпечатки пальцев, сканирование радужной оболочки глаза) расширяет границы применимости цифровых методов идентификации и повышает уровень их надёжности» [3, с. 18].

Вместе с этим исследователи подчёркивают важность понимания самой природы цифровой идентичности, ведь в эпоху интернета информация о пользователе распространяется далеко за пределы привычного набора персональных данных. По словам некоторых авторов, «цифровая идентичность становится отражением множества наших действий и предпочтений, формируемых на основе социальных сетей, поисковых запросов и онлайн-покупок» [4, с. 17].

Современное состояние института цифровой идентификации характеризуется высокой востребованностью и постоянным обновлением методов и технологий. От первоначальных моделей простой аутентификации человечество перешло к комплексным системам, основанным на продвинутых технологиях (например, технологии *blockchain* и *big data*). Особенно актуальным становится сочетание классических форм идентификации «пароли, коды с биометрическими параметрами (отпечатки пальцев, распознавание лица), что снижает вероятность ошибок и улучшает удобство использования цифровых сервисов» [5, с. 59].

Но эта тенденция вызывает обеспокоенность экспертов. Некоторые авторы предупреждают о потенциальных проблемах конфиденциальности и безопасности данных. Быстрое развитие технологий цифровой идентификации порождает повышенные риски кражи персональных данных и манипуляций с ними.

Всё чаще звучат предупреждения о возможных негативных последствиях неограниченного использования цифровых технологий, таких как генетические тесты или анализ ДНК для целей идентификации. Таким образом, современное состояние института цифровой идентификации определяется не только техническими достижениями, но и критическим отношением к потенциальным рискам, связанным с нарушением прав граждан на частную жизнь и свободу выбора.

«Цифровая идентификация» представляет собой комплекс мероприятий и процедур, направленных на установление соответствия между физическим лицом и его профилем в виртуальном пространстве [6, с. 209].

Основное назначение цифровой идентификации – гарантия точности и целостности информации о пользователе, что соответствует интересам как самих пользователей, так и государственных органов и коммерческих организаций. Институциональное оформление цифровой идентификации постепенно приобрело важное значение в российском законодательстве. Ключевым актом, регулирующим вопросы цифровой идентификации, является Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»¹, который устанавливает базовые принципы защиты данных и гарантирует конфиденциальность пользователей.

Также значительное влияние оказывает Федеральный закон Российской Федерации от 26.07.2017 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обработки персональных данных»², где подробно описаны механизмы цифровой идентификации и обязательные условия её проведения. Эти законы определяют обязательные процедуры, гарантирующие защиту информации и предотвращение несанкционированного доступа к данным.

Что касается понятия «цифровой субъект», то под ним подразумевается лицо, проявляющее активность в виртуальном пространстве, будь то физическое или юридическое лицо [7, с. 20]. При этом цифровые субъекты обладают особыми характеристиками, отличающимися от традиционной гражданской правоспособности. В частности, особенностью цифрового субъекта является отсутствие непосредственной физической привязки к географическому положению, что осложняет юрисдикционные вопросы и идентификацию местоположения субъектов.

Использование цифровых технологий влечёт за собой существенное изменение восприятия юридической личности, создавая целый ряд правовых проблем, связанных с определением статуса виртуальных объектов и субъектов, привлечением их к ответственности и обеспечением правопорядка в цифровом пространстве. Учёные подчёркивают сложность квалификации цифровых субъектов в классической правовой парадигме, акцентируя внимание на необходимости тщательного рассмотрения каждой отдельной ситуации.

Российский законодатель последовательно развивает правовую базу цифровой идентификации, стремясь гармонизировать внутренние требования с общемировой тенденцией усиления защиты данных и безопасности. Основной задачей национального законодательства является оптимизация режимов идентификации, создающих удобные и безопасные условия для пользователей и одновременно обеспечивающих общественный интерес в плане безопасности и прозрачности транзакций.

Одним из ключевых новшеств стало введение обязательной идентификации и аутентификации пользователей при взаимодействии с государственными услугами. Согласно Федеральному закону от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»³ пользователи теперь обязаны проходить процедуру цифровой идентификации для получения ряда государственных услуг, что усиливает правовую ответственность и предотвращает злоупотребления. Это положение поддерживается нормами Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об элек-

¹ О персональных данных: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обработки персональных данных: Федер. закон Рос. Федерации от 26 июля 2017 г. № 242-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31. Ст. 4772.

³ Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 31. Ст. 4179.

тронной подписи»¹, где вводится обязательное использование электронной подписи для подтверждения личности в цифровой среде.

За рубежом регулирование цифровой идентификации тоже стремительно развивается. Ведущие мировые юрисдикции (США, Евросоюз, Китай) ввели специализированные законы и нормативные акты, регулирующие сбор, обработку и защиту персональных данных. В Европе приоритет отдаётся общим принципам защиты данных, заложенным в *General Data Protection Regulation (GDPR)*², который вводит строгие требования к сохранению конфиденциальности и наказывает нарушителей жёсткими санкциями. Аналогичные нормы принимаются и в Азии, где, например, китайские власти приняли собственный свод правил, сосредоточившись на защите внутренней информации и ужесточении ограничений за несанкционированный доступ к данным³.

Однако в мировой практике сохраняется некоторая неоднородность в подходах к цифровой идентификации. Каждый регион вырабатывает собственные стандарты и требования, хотя общая цель везде одна – защита прав пользователей и усиление безопасности данных.

Современное состояние правовой регуляции цифровой идентификации сопряжено с множеством серьёзных проблем. Одной из ключевых проблем является отсутствие единого подхода к определению и классификации субъектов цифровой среды [8, с. 725]. Виртуальные участники – это особая группа субъектов, отличающихся от классических граждан и организаций. Классическая правовая конструкция не готова учесть всю полноту проявлений цифровых субъектов, что ведёт к конфликтам и разногласиям в интерпретации правовых норм [9, с. 132].

Другая значительная проблема – несоответствие скорости технологического прогресса нормам законодательства. Новые технологии, такие как биометрическая идентификация, глубокое обучение и искусственный интеллект, требуют постоянного мониторинга и обновления законодательства. Иногда устаревшие нормы приводят к сбоям в работе инновационных систем, ухудшая их потенциал и вызывая сомнения в безопасности.

Ещё одна серьёзная задача – защита конфиденциальности и борьба с недобросовестным использованием персональных данных. Угрозы фишинга, утечек данных и несанкционированного доступа продолжают оставаться актуальными проблемами. Необходимо усилить ответственность провайдеров услуг и разработать строгие механизмы наказания за нарушения в сфере цифровой идентификации.

Анализ правового регулирования цифровой идентификации свидетельствует о необходимости глубокой проработки ключевых вопросов, касающихся статуса виртуальных субъектов, ответственности поставщиков услуг и сохранения конфиденциальности данных. Реализация полного комплекса мер потребует последовательного внесения поправок в действующую нормативную базу, учёта мирового опыта и постоянных консультаций с экспертами отрасли.

-
1. Персидская О. А. Культурно-историческая теория как методологическая рамка типологизации цифровой идентичности // Социальная психология и общество. 2024. Т. 15, № 4. С. 58–74.

¹ Об электронной подписи: Федер. закон Рос. Федерации от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 15. Ст. 2036.

² European Parliament and Council Regulation (EU) 2016/679 of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. L 119. 4 May 2016

³ Закон КНР «О защите информации» от 1 ноября 2016 г. (中华人民共和国网络安全法)

2. Жумамуратов И. Ж., Хожамуратов Р. Б. Цифровая идентификация: перспективы и риски использования биометрических данных в Интернете // Вестник науки. 2024. № 11(80), том 4. С. 435–441.
 3. Комарова Е.А. Искусственный интеллект и новая культура идентичности // Общественные науки и современность. 2024. № 1. С. 15–22.
 4. Павлов А. В. Трансформация личности в эпоху цифровой идентичности // Философия и культура. 2024. № 2. С. 15–22.
 5. Медведев Д. А. Гендерная идентичность в условиях цифровизации // Психология и психотерапия. 2024. № 3. С. 58–60.
 6. Кондаков А. М., Костылева А. А. Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2019. т. 16. № 3. С. 207–218.
 7. Сорокопуд М. С. Цифровая трансформация отечественного государственного управления: основания и перспективы // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2024. № 1. С. 18–24.
 8. Sullivan C., Digital identity – From emergent legal concept to new reality // Computer Law & Security Review. 2018. V. 34. № 4. S. 723–731.
 9. Абанина Е. Н., Агаларова М. А., Агапов Д. А. и другие. Вызовы информационного общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. 432 с.
-
1. Persidskaya O. A. Kul'turno-istoricheskaya teoriya kak metodologicheskaya ramka tipologizatsii cifrovoj identichnosti // Social'naya psixologiya i obshchestvo. 2024. T. 15, № 4. S. 58–74.
 2. Zhumamuratov I. Zh., Xozhamuratov R. B. Cifrovaya identifikatsiya: perspektivy i riski ispol'zovaniya biometricheskix danny'x v Internetе // Vestnik nauki. 2024. № 11(80), том 4. S. 435–441.
 3. Komarova E.A. Iskusstvenny'j intellekt i novaya kul'tura identichnosti // Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'. 2024. № 1. S. 15–22.
 4. Pavlov A. V. Transformatsiya lichnosti v e'poxu cifrovoj identichnosti // Filosofiya i kul'tura. 2024. № 2. S. 15–22.
 5. Medvedev D. A. Gendernaya identichnost' v usloviyax cifrovizatsii // Psixologiya i psixoterapiya. 2024. № 3. S. 58–60.
 6. Kondakov A. M., Kosty'leva A. A. Cifrovaya identichnost', cifrovaya samoidentifikatsiya, cifrovoy profil': postanovka problemy' // Vestnik RUDN. Seriya: Informatizatsiya obrazovaniya. 2019. t. 16. № 3. S. 207–218.
 7. Sorokopud M. S. Cifrovaya transformatsiya otechestvennogo gosudarstvennogo upravleniya: osnovaniya i perspektivy' // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. 2024. № 1. S. 18–24.
 8. Sullivan C., Digital identity – From emergent legal concept to new reality // Computer Law & Security Review. 2018. V. 34. № 4. S. 723–731.
 9. Abanina E. N., Agalarova M. A., Agapov D. A. i drugie. Vy'zovy informacionnogo obshhestva: tendentsii razvitiya pravovogo regulirovaniya cifrov'y'x transformacij. Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2022. 432 s.

Информация об авторе

Алексей Викторович Римский. Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор философских наук.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Information about the author

Alexey V. Rimsky. Professor of the Department of State Legal Disciplines. Doctor of Philosophy.

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.
308024, Russia, Belgorod, Gorky Str., 71.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 15.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ПОЛИЦИИ В ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАЧ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В ПЕРИОД С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН ДО КОНЦА XIX ВЕКА

Фомичев Андрей Юрьевич

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

fomichev6957@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются связи и закономерности между насущными потребностями публичной власти в различные исторические периоды, с одной стороны, и институциональными, а также функциональными изменениями в полиции – с другой. Анализируются функциональные особенности полицейских образований, а также особенности их участия в решении задач публичной власти. Делается вывод о том, что полиция исторически участвует в решении насущных и наиболее важных задач публичной власти, обеспечивающих её устойчивость и самосохранение, а также сохранение общественной целостности и единства. Указывается, что задачи публичной власти являются движущим фактором развития полиции. Отмечается, что закономерным следствием данного развития стала институционализация полиции в структуре государственного аппарата в качестве самостоятельного органа, объединившего и сконцентрировавшего в себе полицейскую функцию и полицейскую деятельность государства.

Ключевые слова: публичная власть, полиция, полицейские образования, институты публичной власти, институт полиции, полицейская функция, полицейская деятельность.

Для цитирования: Фомичев А. Ю. Некоторые аспекты участия полиции в выполнении задач публичной власти в период с древнейших времён до конца XIX века // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 63–74.

SOME ASPECTS OF POLICE INVOLVEMENT IN THE PERFORMANCE OF PUBLIC AUTHORITY TASKS IN THE PERIOD FROM ANCIENT TIMES TO THE END OF THE XIX CENTURY

Andrey Yu. Fomichev

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

fomichev6957@yandex.ru

Annotation. The article reveals the connections and patterns between the urgent needs of public authority in various historical periods, on the one hand, and the institutional and functional changes in the police, on the other hand. It analyzes the functional features of police entities and their participation in solving the tasks of public authority. The article concludes that the police has historically been involved in solving the urgent and most important tasks of public authority, ensuring its stability and self-preservation, as well as preserving the integrity and unity of society. It emphasizes that the tasks of public authority are the driving force behind the development of the police. It is noted that a natural

consequence of this development was the institutionalization of the police in the structure of the state apparatus as an independent body that united and concentrated the police function and police activities of the state.

Keywords: public authority, police, police education, institutions of public authority, institute of police, police function, police activity.

For citation: Fomichev A. Y. Some aspects of police participation in the performance of tasks of public authority in the period from ancient times to the end of the 19th century // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 63–74.

На современном этапе государственно-правовой действительности вопросы публичной власти как социально-исторического феномена акцентируют на себе значительное внимание научного сообщества. Став одним из предметов конституционно-правовых преобразований в 2020 году, публичная власть оказалась в центре политико-правовой трансформации Российской Федерации [1, с. 143]. При этом наиболее важное прикладное значение имеют, с одной стороны, задачи публичной власти, несущие в себе целенаправленный преобразовательный потенциал, а с другой стороны, институты публичной власти призваны решить данные задачи и, следовательно, материализовать заложенные в них идеи [2, с. 13].

Одним из институтов публичной власти является полиция. Она исторически выполняет блок задач публичной власти особой государственной важности. В различные исторические периоды содержание данного блока то сужалось, то расширялось в зависимости от насущных потребностей и условий функционирования публичной власти. Принимая во внимание фундаментальную связь между задачами публичной власти и её институтами, призванными данные задачи воплощать, историко-правовое исследование задач публичной власти, в выполнении которых участвовали полицейские образования, позволит выявить существенные закономерности в возникновении, развитии и функционировании института полиции. Как указывал Д. А. Керимов, познание юридического явления предполагает научное освещение того, как оно возникло, какие этапы прошло и как изменилось, чем стало в момент своего исследования и каковы тенденции его развития [3, с. 109]. Г. Ф. Шершеневич отмечал, что история изучаемого вопроса составляет необходимое, предварительное условие для системного представления о нём [4, с. 18].

Прежде чем перейти к рассмотрению историко-правовых аспектов участия полиции в выполнении задач публичной власти, важно обозначить, что данный институт существовал далеко не всегда. Его возникновению предшествовало длительное историческое развитие, приведшее к официальному появлению данного института в структуре публичной власти в XVIII веке. Однако уже на этапе зарождения государственности действовали общественно-политические образования, схожие с ним по своим существенным характеристикам [5, с. 136]. Речь идёт о полицейских образованиях, ставших прототипами и создавших исторические предпосылки для возникновения целостной системы, именуемой органами внутренних дел. Формирование данной системы явилось одной из завершающих стадий длительного эволюционного процесса развития полицейской функции публичной власти [6, с. 37].

В славянских племенах, на фундаменте которых было образовано Древнерусское государство, зарождение публичной власти происходило в IX веке в виде выделения и функционирования в общественной структуре специальных субъектов, призванных обеспечивать общие интересы путём реализации отношений господства и подчинения. Опирались данные отношения на властные полномочия, заключавшие в себе возможность использования легитимного принуждения. Одной из основных задач их применения выступало поддержание внутреннего порядка.

По справедливому мнению ряда исследователей, полицейская деятельность публичной власти, связанная с установлением и обеспечением общественного порядка, лежит в основе формирования и развития государственности вообще и Древнерусского государства в частности. При этом факт одновременного возникновения полицейской деятельности и государства считается установленным [7, с. 10] и в юридической литературе признается вполне закономерным [8, с. 106].

К. С. Бельский указывал, что создание общественного и правового порядка, обеспечение безопасности населения выступают первородной функцией публичной власти, лежащей в основе возникновения государства. Иными словами, происхождение государства объясняется его полицейским назначением, призванным удовлетворить общественную потребность в безопасной жизни [9, с. 17]. Удовлетворение иных потребностей никогда не может быть полным, если человек ощущает угрозу своей жизни, здоровью, имуществу от насильственных посягательств со стороны других лиц [10, с. 182].

Применительно к отечественному государству Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин, А. Е. Епифанов указывают, что вместе с его рождением одновременно возникает присущая ему функция по обеспечению внутренней упорядоченности общественной жизни. Её осуществление возлагается на специализированный аппарат, который по мере эволюционного развития становится целостной системой, именуемой органами внутренних дел [11, с. 6].

На этапе формирования Древнерусского государства (IX–XII вв.) институциональной основой полицейской деятельности, удовлетворяющей потребности в сильной и устойчивой власти, способной эффективно организовать и упорядочить общественные отношения, ввести их в такой режим функционирования, который мог справиться с внешними и внутренними факторами дестабилизирующего воздействия, с одной стороны, и существенно укрепить факторы интегрирующего воздействия, с другой стороны, стал князь вместе со своей дружиной [12, с. 74], а на местах – посадники, волостители, мечники и вирники [13, с. 10]. Ими отражались угрозы захвата и разграбления подконтрольных территорий, угрозы политического переворота и иные угрозы военного характера, осуществлялись функции армии и налоговой службы. Особое место при этом отводилось устранению внутренних угроз, организации и наведению порядка в обществе, то есть выполнению полицейской функции.

Осуществляя полицейскую деятельность, княжеская дружина стала первой государственно-институциональной формой полиции, послужившей прототипом современных органов внутренних дел. Она противодействовала нарушениям установленного порядка, сдерживала социальную энтропию и разрушение общественных связей, реализовывала комплекс охранительных и защитных мер, гарантировавших сохранность уклада общественной жизни. Дружина обеспечивала те правила, по которым организовывалась общественная жизнь, строились отношения между властвующими и подвластными, создавалось само государство и порядок внутри него. Все это оказывало непосредственное влияние на формирование, а затем и на становление древнерусской государственности.

Так, на этапе возникновения государства полицейская деятельность публичной власти сыграла существенную роль в формировании контуров административного аппарата управления, в очерчивании государственных границ и в установлении его внутренних и внешних экономических связей, обусловивших появление Древнерусского государства [14, с. 6]. Завершением этого исторического этапа стало утверждение «Русской Правды» – свода правовых норм, выступившего последним аккордом в формировании Древнерусского государства.

Рост населения, материальных благ, собственности обуславливал развитие экономических отношений, с одной стороны, и усиление социальных противоречий, вызванных неравномерным распределением появляющихся благ – с другой. Нарастала

потребность в поддержании существующего порядка, в организации изменяющихся общественных отношений, в отражении действовавших угроз и опасностей. В ответ на это происходило укрепление государственной власти, усиление полицейской деятельности и её институциональных носителей, которыми, помимо княжеской дружины, мечников и вирников, стали наместники, посадники, доводчики, приставы, дворские, а также воинские формирования.

Порядок, основанный на нормах права, планомерно внедрялся в общественную жизнь с помощью полицейской деятельности, которая тесно переплеталась с судебной и карательной функциями публичной власти. Полицейская деятельность имела важное значение и для обеспечения единства во внутреннем социально-экономическом пространстве в государстве. С её помощью в надлежащем порядке поддерживались и охранялись пути сообщения между русскими землями и другими экономическими субъектами («Путь из варяг в греки»), осуществлялся надзор за порядком передвижения, благоустройством городов, строительством и ремонтом мостов, перемещением граждан и иностранцев [14, с. 15].

В период феодальной раздробленности русских земель наметилась некоторая специализация полицейской деятельности, однако в целом организация и порядок её осуществления существенных изменений не претерпели. Полицейская функция при этом осуществлялась в рамках территории княжеской вотчины.

Важное значение имело сохранение нормативного значения «Русской Правды», которая, несмотря на разрозненность древнерусских княжеств, сохраняла их общую правовую традицию и потому выступала связующим звеном между ними. Правовое воздействие данного источника государственного права, как и прежде, обеспечивалось институционально-полицейскими образованиями.

В период феодальной раздробленности русских княжеств прототипом современной полиции продолжали оставаться князь, княжеская дружина и местные институционально-полицейские образования (мечники, вирники, наместники, посадники, доводчики, приставы, дворские, воинские формирования). Действуя на подконтрольных территориях, они противостояли преступности, удовлетворяли нараставшую потребность во внутреннем порядке и безопасности, укрепляли сформировавшийся правопорядок, оказывали организующее и упорядочивающее воздействие на общественные отношения. Выполняя охранительные задачи во внешнем направлении, институционально-полицейские образования поддерживали социально-экономическую и правовую связь между русскими княжествами и тем самым обеспечивали их внутреннее единство. Совокупность внешних и внутренних воздействий, оказываемых институционально-полицейскими образованиями, создала предпосылки для формирования единого централизованного государства.

В процессе образования и становления Русского централизованного государства полицейской деятельности по-прежнему отводилась существенная роль. Всё более заметное место здесь занимали охрана общественного порядка и борьба с преступностью, с помощью которых устранялись явления, подрывающие устойчивость государственной власти и дестабилизирующие социально-политическую обстановку в государстве. Полицейская деятельность обеспечивала общественный и правовой порядок, социальное единство народа, защищённость отдельных лиц, повышала значение и ценность закона.

В период централизации государственной власти полицейская деятельность активно профессионализировалась, складывались самостоятельные формы и методы её осуществления, учреждались специальные полицейские образования и должностные лица. В качестве центрального органа, призванного бороться с преступностью в масштабах всего государства, выступал «Разбойный приказ» (1539 год). На местах учреждались «земские и губные избы», состоявшие из «губных (земских) старост», «дьяков» и «целовальников», осуществлявших следствие и суд. Они «ведали разбойные

и убийственные и татибные дела, про татей и про разбойников сыскивали, и того смотрели и берегли накрепко, чтобы однолично нигде татей и разбойников, разбойничьих станов и приездов не было»¹. В XVII веке основными исполнителями полицейской функции на местах также стали воеводы, призванные поддерживать на вверенной им территории «общее спокойствие, тишину и безопасность», «строжайшее благочиние и порядок».

Важным аспектом полицейской деятельности рассматриваемого периода была реализация правовых актов, обеспечение правопорядка и единства правового пространства на территории государства.

К XV веку «Русская Правда» утратила значение, хотя по духу своих положений продолжала оставаться образцом в повседневной практике. Сменившим её источником права стал Судебник 1497 года, который содержал в себе нормы уголовного, уголовно-процессуального, гражданского и гражданско-процессуального характера. В 1550 году был издан Судебник, регулировавший значительно больший пласт общественных отношений. Однако и в первом, и во втором юридическом сборнике не были отражены многие сферы общественной жизни [15, с. 270].

Фундаментальным по своему юридическому содержанию стало Соборное Уложение 1649 года. Оно охватывало самые разнообразные стороны социальной действительности (экономику, судопроизводство, сословный строй, формы землевладения), устанавливало основные черты государственного строя, определяло курс общественно-политического развития страны. Следовать предписаниям данного правового документа обязано было как население, так и представители государственной власти. При этом первостепенная роль отводилась институционально-полицейским образованиям, призванным обеспечивать правовое воздействие рассматриваемого документа на общественные отношения. Так, на этапе становления Русского централизованного государства (XV–XVII вв.) в зависимости от тенденций государственного развития и потребности в решении определённого рода задач неоднократно изменялась структура и организация институционально-полицейских образований. Их разветвлённая и достаточно разнородная сеть служила проводником публичной власти, создавала условия для укрепления государства, обеспечения его целостности и сплочённости.

В целом в период формирования и становления Русского централизованного государства на фоне усиления публичной власти происходило усложнение, специализация и профессионализация полицейской деятельности. Прототипом современных органов внутренних дел выступала сеть разнообразных государственных органов и должностных лиц, охранявших общественный порядок и противодействовавших преступности. Действуя как на местном, так и на общегосударственном уровнях, они служили проводниками публичной власти, укрепляли правопорядок и тем самым стабилизировали социально-политическую обстановку, повышали значимость и ценность закона, обеспечивали правовую социализацию и интеграцию народа, что в конечном итоге выразилось в решении наиболее значимых задач публичной власти.

С окончанием централизации государства, переходом его развития в стадию самодержавной монархии изменились и институциональные формы его функций, возникла тенденция чёткой структуризации, укрупнения и усиления государственных элементов. К началу XVIII века фрагментарность полицейской деятельности, её осуществление различными органами и ведомствами, а также правовое регулирование разнородными нормативными актами стали помехой для эффективного выполнения задач публичной власти. Требовалось построение и организация функционирования институционально-полицейских образований на новых началах. Возникла потребность в их профессиональной специализации.

¹ О татебных делах: Указ от 26 ноября 1555 г. // Памятники русского права. 1952. Вып. 4. С. 360-363.

В 1718 году учреждение нового, постоянно действующего государственного органа – регулярной полиции – ознаменовало новый этап в развитии полицейской функции государства. Данный орган был отделён от административно-судебных органов, приобрёл целевую и функциональную специализацию в виде обеспечения порядка на подконтрольной территории и возможности применения принудительной силы для его обеспечения [14, с. 18].

Учреждение полиции происходило в условиях модернизации российского общества и государства, обусловившей смену принципов легитимности власти. Ориентиром государственного строительства стало «полицейское государство», предусматривавшее существенное расширение и усиление государственного воздействия на общество. Социальным оправданием этому служило обеспечение публичных интересов и реализация идеи «общего блага». Осуществить её предполагалось путём государственной заботы о населении с помощью полицейской деятельности и подробной регламентации общественных отношений.

Становясь опорой проводимых реформ, полиция наделялась широкой компетенцией по контролю и надзору в строительной, санитарной, промышленной, социальной, нравственной сферах общественной жизни и в особенности в сфере общественной безопасности и общественного порядка [11, с. 17]. Многопредметность административной деятельности полиции определяла её центральную роль в процессе обеспечения публичных интересов и построения государства нового типа.

На пути воплощения общего блага полиция стремилась всячески укрепить здоровые начала общества. Для этого осуществлялось противодействие различным проявлениям антисоциального поведения. Преступлением в рассматриваемый период признавалось любое посягательство на государственные интересы – «всё то, что государству вред и убыток приключить может». Чтобы дисциплинировать население, полиция проникала и в духовную сферу общества. Происходил пристальный надзор за соблюдением норм и регламентов, обеспечивавших правильное течение общественной жизни.

Создание полиции послужило не просто элементом политической картины Петра I, она стала основным инструментом реализации идей императора, главным агентом публичной власти, внедряющим политические решения и правовые предписания в общественную практику путём непосредственного контакта с населением. В этой связи полицейская деятельность приобрела ключевое значение в строительстве государства.

Особая роль полиции в общественном и государственном развитии стала определяющим фактором для её дальнейшего расширения и совершенствования. Полицейский аппарат был введён во всех городах, а позже и в сельских местностях, постепенно усиливалась правоохранительная специализация данных органов, происходила их адаптация к общественно-политическим преобразованиям, проводимым публичной властью.

Вместе с изменением административно-территориального деления страны, реформированием системы местного управления трансформировалась и полиция, её структура и основы организации. В соответствии с Инструкцией от 12 сентября 1728 г. впервые полицейские органы были децентрализованы и вошли в подчинение губернаторов и воевод. Нередко для помощи в выполнении полицейской деятельности привлекались военные. На фоне происходивших в XVIII веке бунтов и волнений тесная связь между армией и полицией существенно повышала эффективность полицейской функции публичной власти, служила гарантом общественного порядка и безопасности.

Так, в период формирования и становления абсолютизма в Российской империи прототипом современных органов внутренних дел выступала регулярная полиция. Она представляла собой структурированный орган публичной власти, имевший широкую компетенцию. Полиция выполняла важнейшие задачи публичной власти по противодействию преступности, охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности, реализовывала публичные интересы, осуществляла контроль и надзор за со-

блюдением установленных государством норм и правил поведения во всех сферах общественной жизни, что делало её основным инструментом публичной власти в решении важнейших задач, в том числе связанных с построением полицейского государства.

Со вступлением Российской империи в период просвещённого абсолютизма перед публичной властью возникли новые задачи, в выполнении которых полиция занимала центральное место. Осознавая обострение социальных противоречий, обусловленных произволом помещиков, коррупцией и иными негативными факторами, Екатерина II провела реформирование государственной системы. При этом особое внимание уделялось полицейским органам, выступавшим основным институциональным инструментом публичной власти.

Следуя высоким идеям просвещения, полиция активно участвовала в воспитании населения. Её компетенция по-прежнему оставалась весьма объёмной, но вместе с тем существенно расширились и полномочия. С целью должного обеспечения правопорядка полиция признавалась независимой «от сильных, знатных и богатых», часто пытавшихся злоупотреблять своим социальным положением. Довольно серьёзно охранялся авторитет полицейских органов, уполномоченных наказывать за «непочтение к ним и их служащим» [16, с. 42]. Концептуально изменился и подход полиции к служебной деятельности – она должна была руководствоваться не буквой, а духом закона, основываясь на принципе справедливости. Однако центральным объектом полицейской деятельности продолжало оставаться благочиние – обеспечение порядка и безопасности в обществе.

Правовой основой деятельности полиции стал «Устав благочиния или полицейский» 1782 года, который, с одной стороны, был наполнен идеалами просвещения, а с другой стороны, направлен на построение полицейского государства с мельчайшей регламентацией всех сфер общественных отношений. Данный Устав определял основные направления функционирования полиции, устанавливал её структуру, перечень наказуемых ею деяний, формы и процедуры раскрытия и расследования преступлений.

В рассматриваемый период полицейская деятельность сыграла важную роль в сглаживании социальных конфликтов и противоречий, в проведении социально-политических преобразований и внедрении тенденций просвещения в социальную практику. Итогом полицейского воздействия на общественные отношения стало укрепление публичной власти и правопорядка, обеспечение целостности общества и государства.

В начале XIX века пришедший к власти Александр I направил политический курс России в сторону либерализации общественных отношений и укрепления законности, призванной устранить произвол представителей государственной власти.

Реализация воззрений императора требовала повышения эффективности государственного управления. Проводимое в данном направлении реформирование государственной системы обусловило укрупнение, усиление и очерчивание властных структур. Одной из них стало образованное в 1802 году Министерство внутренних дел, назначение которого состояло в «попечении о повсеместном благосостоянии народа, спокойствии, тишине и благоустройстве всей империи» [17, с. 20]. Оно явилось новой институциональной формой полицейской функции государства. Вместе с тем данное министерство обладало чрезвычайно широкой компетенцией: руководило различными отраслями государственной промышленности, торговли, строительства, почтой и другими учреждениями, то есть управляло внутренними делами в широком смысле, что обусловило его значительную роль в функционировании государства.

Организация и направления деятельности Министерства внутренних дел часто изменялись, но всегда стабильными оставались, с одной стороны, благоустроительные дела, а с другой стороны, пристальный контроль за состоянием благонадёжности, порядка и преступности в государстве [16, с. 59].

Сосредоточив в себе руководство всеми полицейскими учреждениями, Министерство внутренних дел весьма эффективно организовывало их деятельность и управляло ими. Однако полиция во всех своих проявлениях продолжала оставаться многофункциональным органом с универсальной компетенцией, что служило препятствием на пути её дальнейшей профессионализации и развития.

В 1811 году была проведена реорганизация Министерства внутренних дел и образовано Министерство полиции, полностью отвечавшее за внутреннюю безопасность государства. В период Отечественной войны 1812 года данное Министерство, помимо основных обязанностей, активно взаимодействовало с армейскими подразделениями, обеспечивало порядок в тылу, осуществляло конвоирование, размещение и содержание военнопленных. Своими действиями оно внесло значительный вклад в военную победу и, как следствие, в сохранение российской государственности, её целостности и суверенитета. В политическом курсе государственного функционирования Александра I Министерство полиции сыграло важную роль в укреплении законности, так как наделялось правом надзирать за «окончательным исполнением законов по всем вообще министерствам», имело право требовать отчёты от всех местных органов, минуя соответствующие им министерства. Однако недостаточная продуманность взаимодействия Министерства полиции с другими министерствами и государственными органами вызвала обширное сопротивление в правящих кругах и обусловила обратное вхождение его подразделений в Министерство внутренних дел в 1819 году [17, с. 21].

Осуществление полицейской деятельности в различных областях общественных отношений, изменение и образование её новых принципов, форм и методов реализации во многом зависело от политико-правовых перемен и следующих за ними режимов функционирования государства. В силу своей особенно тесной связи с публичной властью полицейская деятельность выступала одним из первых проявлений реагирования государства на общественно-политические изменения.

Восстание декабристов 14 декабря 1825 г. стало причиной бурной реакции государства, выразившейся в усилении полицейской деятельности в политической сфере. Образованное в результате этих событий III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии было призвано обеспечить самосохранение публичной власти путём устранения тайных политических обществ и движений, способных расколоть общественное и государственное единство.

В 1837 году в ответ на обширные выступления крестьян была усилена уездная полиция. Это решение позволило обеспечить общественный порядок в сельской местности, а также предотвратить протесты и бунты, дезорганизовывавшие общественные отношения и усиливавшие революционные течения [14, с. 29].

Массовое строительство железных дорог во второй половине XIX века сформировало потребность в их бесперебойной работе, обеспечить которую была призвана полицейская деятельность публичной власти. Её реализация возлагалась на специально созданные железнодорожные жандармские управления [18, с. 137].

Активная реформаторская деятельность Александра II, вызвавшая бурные перемены в общественном и государственном устройстве, не могла не отразиться на особенностях организации и осуществления полицейской деятельности. Земская и судебная реформы 1864 года обусловили её профессиональную специализацию, что выразилось в снятии с органов внутренних дел несвойственных им судебных и хозяйственных функций. Сформировались процессуальные формы полицейской деятельности в уголовном судопроизводстве – предварительное следствие (ст. 249) и дознание

(ст. 252), была определена компетенция полиции в их реализации (ст. 250–261), а также ответственность за нарушение установленных правил (ст. 483–488)¹.

Другой причиной профессиональной специализации органов внутренних дел явился резкий рост преступности, обусловленный отменой крепостного права и массовым разорением крестьян. В результате данных обстоятельств в 1866 году в полиции впервые был образован специализированный аппарат для борьбы с общеуголовными преступлениями – сыскные отделения, создавшие и активно применявшие передовые методы борьбы с преступностью. Однако повсеместно подобные институциональные образования были введены лишь в 1908 году в соответствии с Законом «Об организации сыскной части»².

Тенденция к усилению полицейской функции государства стала объективным следствием активно нарастающего революционного движения, политического терроризма и убийства Александра II в 1881 году. В результате этих событий были существенно расширены полномочия полиции. Министерство внутренних дел постепенно стало центральным органом государственного управления. При этом полицейская деятельность составляла ядро и главную функцию данного министерства.

В соответствии с утверждённым в 1881 году Положением «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» порядок и безопасность признавались главным направлением Министерства внутренних дел. В целях их обеспечения на все государственные органы и ведомства возлагалась обязанность содействия и немедленного исполнения всех требований Министерства внутренних дел (ст. 1)³.

Возглавляя первое (основное) министерство Российской империи, министр внутренних дел был вправе поднимать вопрос о введении режима усиленной или чрезвычайной охраны в любой части страны. Это позволяло значительно расширить полномочия местной полиции и тем самым оперативно среагировать на серьёзные угрозы общественного порядка и безопасности. Более того, в подчинении Министерства внутренних дел находились и губернаторы местных администраций, благодаря которым министр был осведомлён о деятельности других ведомств, насущных проблемах и положении всего государства в целом.

Главенствующее положение Министерства внутренних дел в государственной системе объяснялось построением твёрдой власти, которая, не сталкиваясь с внутренним противоборством других органов, должна была действовать при «дружной и благожелательной поддержке со стороны представителей других ведомств» [11, с. 23]. Однако, несмотря на довольно успешное выполнение полицейской функции, государство всё сильнее погружалось в социальные, политические, экономические и иные противоречия, обусловившие революционные события начала XX века.

Таким образом, полиция является основополагающим институтом публичной власти, органически связанным с ней и возникающим одновременно с зачатками правовой системы. Независимо от национальных особенностей институт полиции в лице различных полицейских образований существует уже в догосударственных социальных объединениях, имеющих общие интересы, правила поведения и потребности в их обеспечении. В отечественной государственно-правовой системе на этапе возникновения Древнерусского государства (IX–XII вв.) полиция также уже существовала и продолжала укрепляться, имманентно отражаясь в деятельности всего государствен-

¹ Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1964 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>.

² Об организации сыскной части // 3 ПСЗ. Т. 28. № 30672. Собрание узаконений. 1908. 15 июля. Отд. I. Ст. 730.

³ Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. [Электронный ресурс]. URL: <http://музейреформ.пф/node/13672>.

ного аппарата. Впоследствии движущим фактором развития полиции стали задачи публичной власти, вытекавшие из насущных потребностей общества и государства в конкретный исторический период, с одной стороны, и возлагавшие на институциональные образования полиции специфические обязанности, связанные с охраной порядка, противодействием преступности, обеспечением безопасности и законности, с другой стороны. Закономерным следствием развития полиции стала её институционализация в структуре государственного аппарата в качестве самостоятельного органа, объединившего и сконцентрировавшего в себе полицейскую функцию и всю полицейскую деятельность государства.

1. Фомичев А. А. К вопросу об основных характеристиках публичной власти // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 142-150.
2. Фомичев А. А. Органы внутренних дел в выполнении конституционных задач государства. М., 2024. 286 с.
3. Керимов Д. А. Методология права: предмет, метод, функции, проблемы философии права. М.: Изд-во СГУ, 2009. 520 с.
4. Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. М.: Изд. МГУ, 2003. 247 с.
5. Фомичев А. А. О сущностных характеристиках органов внутренних дел // Юрист-Правоведъ. 2022. № 1(100). С. 134-140.
6. Мулукаев Р. С. Эволюция системы пресечения и раскрытия преступлений Российской империи // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 4. С. 125-131.
7. Нижник Н. С., Гугасари Е. С. Министерство внутренних дел и проблемы институционализации полицейской деятельности в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ministerstvo-vnutrennih-del-i-problemy-institutsionalizatsii-politseyskoy-deyatelnosti-v-rossiyskoy-imperii/viewer>
8. Матвеев С. П. Эволюция полицейской деятельности: теоретико-правовой анализ // Правопорядок: история, теория, практика. 2015. № 1. С. 99-113.
9. Бельский К. С. Полицейское право. М., 2004. 814 с.
10. Кононов А. М. Полиция России как институт публичной власти: проблемы формирования и правового обеспечения деятельности // Актуальные проблемы публичного права в России и за рубежом: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию д.ю.н., проф. А.Б. Зеленцова. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2011. С. 181-188.
11. Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Епифанов А.Е. История органов внутренних дел. М.: NOTA BENE Медиа Трейд Компания, 2005. 335 с.
12. Лысенко В. В. Полиция в дореволюционной России и противоправные проявления в области общественной нравственности (теоретический и историко-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998. 396 с.
13. История органов внутренних дел: учебник / под ред. Р.С. Мулукаева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академия управления МВД России, 2015. 321 с.
14. Актуальные проблемы истории органов внутренних дел: учебное пособие / А.В. Борисов и др. М.: Академия управления МВД России, 2019. 74 с.
15. Томсинов В. А. Судебники 1497 и 1550 годов как памятники юриспруденции Московского государства // Проблемы истории государства и права. Сборник научных трудов. М.: Зерцало-М, 2009. С. 259-287.
16. История органов внутренних дел России: учеб. пособие / А.Д. Гуляков, В.Н. Колемасов, А.В. Лобанов, Н.И. Свечников, А.А. Грачев; под общ. ред. В.В. Гошуляка. Пенза: Изд-во ПГУ, 2018. 214 с.

17. Мулукаев Р. С. История органов внутренних дел. М.: Академия управления МВД России, 2015. 321 с.
18. Тушемилов М. В. Организация и деятельность полиции России в XIX - начале XX в. в документах Полного собрания законов Российской Империи // Власть. 2010. № 5. С. 135–138.

1. Fomichev A. A. K voprosu ob osnovny`x karakteristikax publichnoj vlasti // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V.Luk`yanova. 2025. № 1(102). S. 142-150.
2. Fomichev A. A. Organy` vnutrennix del v vy`polnenii konstitucionny`x zadach gosudarstva. M., 2024. 286 s.
3. Kerimov D. A. Metodologiya prava: predmet, metod, funkcii, problemy` filosofii prava. M.: Izd-vo SGU, 2009. 520 s.
4. Shershenevich G. F. Nauka grazhdanskogo prava v Rossii. M.: Izd. MGU, 2003. 247 s.
5. Fomichev A. A. O sushhnostny`x karakteristikax organov vnutrennix del // Yurist-Pravoved`. 2022. № 1(100). S. 134-140.
6. Mulukaev R. S. E`volyuciya sistemy` presecheniya i raskry`tiya prestuplenij Rossijskoj imperii // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2018. № 4. S. 125–131.
7. Nizhnik N. S., Gugasari E. S. Ministerstvo vnutrennix del i problemy` institucionalizacii policejskoj deyatel`nosti v Rossijskoj imperii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2012. № 1. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ministerstvo-vnutrennih-del-i-problemy-institutsionalizatsii-politseyskoy-deyatelnosti-v-rossiyskoj-imperii/viewer>
8. Matveev S. P. E`volyuciya policejskoj deyatel`nosti: teoretiko-pravovoj analiz // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2015. № 1. S. 99–113.
9. Bel`skij K. S. Policejskoe pravo. M., 2004. 814 s.
10. Kononov A. M. Policiya Rossii kak institut publichnoj vlasti: problemy` formirovaniya i pravovogo obespecheniya deyatel`nosti // Aktual`ny`e problemy` publichnogo prava v Rossii i za rubezhom: Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 60-letiyu d.yu.n., prof. A.B. Zelenczova. M.: Rossijskij universitet družby` narodov (RUDN), 2011. S. 181–188.
11. Mulukaev R. S., Maly`gin A. Ya., Epifanov A.E. Istoriya organov vnutrennix del. M.: NOTA BENE Media Trejd Komaniya, 2005. 335 s.
12. Ly`senko V. V. Policiya v dorevolucionnoj Rossii i protivopravny`e proyavleniya v oblasti obshhestvennoj npravstvennosti (teoreticheskij i istoriko-pravovoj analiz): dis. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 1998. 396 s.
13. Istoriya organov vnutrennix del: uchebnik / pod red. R.S. Mulukaeva. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2015. 321 s.
14. Aktual`ny`e problemy` istorii organov vnutrennix del: uchebnoe posobie / A.V. Borisov i dr. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2019. 74 s.
15. Tomsinov V. A. Sudebniki 1497 i 1550 godov kak pamyatniki yurisprudencii Moskovskogo gosudarstva // Problemy` istorii gosudarstva i prava. Sbornik nauchny`x trudov. M.: Zerczalo–M, 2009. S. 259–287.
16. Istoriya organov vnutrennix del Rossii: ucheb. posobie / A.D. Gulyakov, V.N. Kolesmasov, A.V. Lobanov, N.I. Svechnikov, A.A. Grachev; pod obshh. red. V.V. Goshulyaka. Penza: Izd-vo PGU, 2018. 214 s.
17. Mulukaev R. S. Istoriya organov vnutrennix del. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2015. 321 s.
18. Tushemilov M. V. Organizaciya i deyatel`nost` policii Rossii v XIX - nachale XX v. v dokumentax Polnogo sobraniya zakonov Rossijskoj Imperii // Vlast`. 2010. № 5. S. 135–138.

Информация об авторе

Андрей Юрьевич Фомичев. Начальник кафедры административного права и административной деятельности в ОВД, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302028, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Andrey Yu. Fomichev. Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities at the Department of Internal Affairs. Candidate of Law, Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302028, Russia, Orel, Ignatov Str., 2.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 05.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 15.09.2025; approved after review on 05.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ЦИФРОВОЙ ПОДХОД К ТИПОЛОГИИ ГОСУДАРСТВ: НОВЕЛЛА СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Черный Антон Игоревич

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

mig31spn@gmail.com

Аннотация. В эпоху четвертой научно-технической революции, ознаменовавшейся глобальной цифровой трансформацией, традиционные формационный и цивилизационный подходы к типологии государств требуют переосмысления и адаптации к современным реалиям. В статье обосновывается необходимость рассмотрения уровня цифровизации как актуального и значимого критерия для типологии государств; анализируются ключевые индикаторы цифровизации государственного управления и общества; рассматривается и исследуется цифровой подход к типологии государств.

Ключевые слова: типология государств, цифровизация, информационно-коммуникационные технологии, информационное общество, цифровая трансформация.

Для цитирования: Черный А. И. Цифровой подход к типологии государств: новелла современной теории государства и права // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 75–82.

A DIGITAL APPROACH TO THE TYPOLOGY OF STATES: A NOVEL IN THE MODERN THEORY OF STATE AND LAW

Anton I. Chernyi

Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Bryansk, Russia

mig31spn@gmail.com

Annotation. In the era of the fourth scientific and technological revolution, marked by global digital transformation, traditional formational and civilizational approaches to the typology of states require rethinking and adaptation to modern realities. This article substantiates the need to consider the level of digitalization as a relevant and significant criterion for the typology of states, analyzes key indicators of digitalization of public administration and society, and considers and analyzes the digital approach to the typology of states.

Keywords: typology of states, digitalization, information and communication technologies, information society, digital transformation.

For citation: Chernyi A. I. A digital approach to the typology of states: a novel in the modern theory of state and law // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 75–82.

Одной из задач теории государства и права как фундаментальной юридической науки является познание сущности и закономерностей возникновения, развития и функционирования государства. В числе важнейших способов такого рода познания,

позволяющих упорядочить колоссальное многообразие типов и видов государств, существовавших ранее и существующих сегодня, является их типология.

В XXI веке значение типологии государств выходит далеко за пределы простой классификации – она выступает важнейшим инструментом систематизации знаний о различных государствах, научного анализа и теоретического осмысления общих тенденций и закономерностей развития государства в истории человечества, изучения причин смены одних типов другими, познания сущности конкретного государства, его социального назначения, характера власти, соотношения личности и государства с позиции определённого типа, прогнозирование на основе выявленных закономерностей возможных векторов развития государства в будущем.

В классической теории государства и права сформированы фундаментальные системы критериев для типологии государств, сведённые в формационный и цивилизационный подходы, переходные государства и комплексный подход [1, с. 35].

Однако произошедшая в начале XXI века четвёртая научно-техническая революция привела к стремительной цифровой трансформации общества и, как следствие, к возникновению качественно новых параметров развития и функционирования современных государств, которые не находят своего отражения в упомянутых выше классических подходах. Уровень внедрения, характер и степень использования информационно-коммуникационных технологий в жизни общества и государства более не являются только качественными и количественными характеристиками – цифровизация общества и государства стала новым фундаментальным фактором, существенным образом влияющим абсолютно на все сферы государственной и общественной жизни.

В условиях современных реалий цифровизацию нельзя рассматривать лишь с позиции внедрения базовых и новых, том числе перспективных информационных технологий в административные процессы. Анализируемое явление – это закономерный современный процесс, изменяющий сущностные характеристики государств:

- развитие технологий обработки больших данных и машинного обучения (искусственного интеллекта) усилило регулятивную и контрольную функции государства;
- современные возможности коммуникационных технологий видоизменили социальные функции государства, в частности предоставления различного рода услуг в онлайн-формате;
- сетевые технологии трансформировали традиционную бюрократическую иерархию алгоритмизированными моделями управления [2, с. 23];
- реструктуризация права, возникновение и развитие «цифрового права», регламентирующего существование киберпространства, применение искусственного интеллекта в различных сферах общественной жизни, оборота информации в цифровом представлении [3, с. 10; 4, с. 13];
- появление и развитие категории «цифрового суверенитета», отражающего аспекты контроля массивов данных, информационной инфраструктуры и цифровых границ современного государства. [5, с. 19].

Приведённый перечень трансформаций не является исчерпывающим, но в то же время позволяет говорить о явлении цифровизации как важнейшем признаке современного государства, определяющем его способность к существованию, поступательному развитию и эффективному функционированию в новой цифровой реальности. Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что цифровизация государства и общества является инновационным критерием, позволяющим усовершенствовать подходы к типологии государств.

Основой для цифрового подхода к типологии государств видится целесообразным использовать критерии, которые отвечают требованиям универсальности, объективности и измеримости:

1. Развитие концепции электронного правительства (*E-Governmnet*) и его сервисов: индекс развития электронного правительства в целом; доля государственных и иных услуг, предоставляемых в онлайн-режиме населению в режиме «единого окна», уровень зрелости межведомственного взаимодействия, организованного и реализуемого в электронной форме; использование искусственного интеллекта в сфере государственного управления.

2. Информационная инфраструктура государства и её доступность: степень внедрения широкополосного фиксированного и мобильного доступа к ресурсам глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет; развитие инфраструктуры умных городов, доступность цифровых устройств для населения.

3. Цифровая компетентность и цифровая грамотность населения: степень развития цифровых навыков, цифровой культуры личности и общества в целом, способность человека и общества эффективно использовать доступные цифровые сервисы.

4. Цифровизация правовой среды государства: наличие и функциональность системы электронного правосудия; доступность и полнота компьютерных баз данных правовой информации; уровень развития законодательства в области информационных технологий, информационной безопасности и кибербезопасности.

5. Показатель развития политики открытости и вовлечённости: уровень реализации концепции открытых данных; наличие и востребованность платформ для подачи электронных обращений и петиций, общественных обсуждений законопроектов и т. п.

6. Цифровой суверенитет государства и безопасность: наличие и степень соответствия текущим реалиям национальных стратегий информационной безопасности и кибербезопасности; степень защищённости от кибератак критической информационной инфраструктуры государства; степень контроля цифрового пространства и данных граждан, технологический суверенитет в ключевых отраслях и сферах информационно-телекоммуникационных технологий.

На основе единства и взаимосвязи предложенных критериев и их индикаторов предлагается выделить четыре основных типа государств с точки зрения предложенного подхода:

1. Государства – цифровые флагманы.

Данный тип государств занимает лидирующие позиции по уровню цифровизации и отличается высокой степенью интеграции информационных технологий во все сферы государственной и общественной жизни. Государство позиционируется и функционирует как единая цифровая платформа, ориентированная прежде всего на максимальный комфорт граждан, прозрачность и полноценную реализацию подхода *data-driven*, то есть концепции принятия различных решений на основе объективных данных, полученных из множества различных источников. Взаимодействия личности и государства в киберпространстве основывается на цифровой идентичности, то есть цифровом профиле гражданина, содержащем сведения о человеке из различных государственных компьютерных баз данных.

Цифровая правовая среда и цифровой суверенитет отличаются высокой степенью удобства, развитости, применением экспериментальных правовых режимов и защищённости от внешних и внутренних киберугроз.

Ещё одной чертой, характерной для государств-флагманов цифровизации, можно назвать развитость концепции цифрового правопорядка, включающей баланс прав и законных интересов личности, общества и государства в информационной

сфере, свободу доступа к информационно-телекоммуникационным технологиям, правовое закрепление режимности информации, закрепление понятия цифрового правонарушения и установление юридической ответственности за их совершение.

Цифровая компетентность и цифровая грамотность населения государств-цифровых флагманов отличаются высокой степенью развития цифровых навыков и киберкультуры личности и общества в целом.

Сегодня абсолютными лидерами цифровой трансформации можно назвать Эстонию, реализующую программу *e-Residency* и систему *X-Road* [6, с. 35], Сингапур, запустивший в 2014 году цифровую инициативу правительства «*Smart Nation*» (Умная нация) [7, с. 66], и Южную Корею, реализующую обширный перечень программ по цифровизации сфер государственной и общественной жизни, например: стратегическая программа восстановления экономики «Цифровой новый курс» (2020 год), стратегия цифрового правительства (2021 год), программа цифровизация религии и храмов «*Metaverse Temple*», программы цифровизации торговли «*Lotte*», «*Kakao*» и т. д. [8, с. 270].

2. Государства – цифровые адепты.

Государства, относимые к данной группе, характеризуются активными, но в то же время неравномерными процессами интеграции информационно-коммуникационных технологий, что находит своё отражение в развитости цифровых сервисов, информационной инфраструктуры и её доступности с сохранением элементов традиционной «бумажной» бюрократии. Цифровая правовая среда находится в процессе активной адаптации к современным вызовам, при этом темпы развития и адаптации могут отставать от реальной действительности.

Цифровой суверенитет государств, относимых к рассматриваемому типу, находится на этапе становления, а в его основу заложен баланс между инновациями и кибербезопасностью личности, общества и государства. Цифровая правовая среда характеризуется достаточно интенсивным законотворчеством, направленным на урегулирование общественных отношений в сфере цифровых услуг, цифровой экономической экосистемы, информационной безопасности.

Во втором десятилетии XXI века к данному типу государств следует относить Российскую Федерацию, ФРГ, Францию, Канаду, Японию, Уругвай и ряд других стран [9, с. 1590].

Рассмотрим в качестве примера Российскую Федерацию, которая в современных реалиях демонстрирует активную и целенаправленную политику в области цифровизации и позиционирует себя как развивающееся кибергосударство. Формирование цифрового государства базируется на системе стратегических планирующих документов и нормативных правовых актов, среди которых следует отметить:

- программу «Цифровая экономика Российской Федерации», утверждённую распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р¹, определяющую цели, направления и показатели цифровизации экономической экосистемы с фокусировкой на государственное управление, IT-инфраструктуру, кадровое обеспечение и обеспечение информационной безопасности;
- федеральный проект «Цифровое государственное управление», утверждённый протоколом проектного комитета по национальному проекту «Экономика данных

¹ Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

и цифровая трансформация государства» от 26 ноября 2024 г. № 1пр¹, направленный на развитие инфраструктуры услуг и сервисов в цифровом виде для их предоставления при непосредственном обращении заявителя или в проактивном режиме, а также на достижение «цифровой зрелости» в ключевых отраслях экономики и сферы государственного управления.

Ключевыми достижениями процесса цифровизации Российской Федерации можно назвать внедрение и развитие концепции *E-Government*, структурными элементами которой являются: единый портал предоставления государственных услуг «Госуслуги», система МФЦ «Мои документы», система межведомственного электронного взаимодействия, электронный документооборот; активная цифровизация правовой среды, включающей электронные базы законодательства, системы «Мой арбитр» и «Правосудие», цифровые реестры ЕГРН, ЕГЮЛ/ЕГРИЛ; формирование информационной инфраструктуры «Умный город», пилотные проекты которой реализуются в Москве и Казани [10, с. 97].

Несмотря на значительные успехи, процесс развития России как современного цифрового государства сопряжён с серьёзными вызовами, среди которых отмечаются несоответствие законодательной базы уровню технического развития, недостаточная цифровая грамотность отдельных категорий населения, нехватка квалифицированных IT-специалистов в государственном секторе, инерция бюрократического аппарата, санкционное давление, концентрация широкополосного доступа к сети Интернет в крупных городах и агломерациях [11, с. 15].

3. Государства – цифровые аутсайдеры.

Для данного типа современных государств характерен крайне низкий уровень цифровизации, базовые и перспективные информационно-коммуникационные технологии внедряются фрагментарно, преимущественно в столицах и промышленных центрах. Отмечается низкий уровень развития информационной инфраструктуры государства, в том числе критической, низкая цифровая грамотность населения, ограниченный доступ к информационным технологиям и к их инструментарию.

Государство не обладает необходимыми ресурсами или политической волей для системной цифровой трансформации. Концепции цифровой правовой среды и цифрового суверенитета отсутствуют или носят архаичный характер. В частности, действующее законодательство не способно полноценно и эффективно регулировать отношения в сферах компьютерных данных, кибербезопасности, цифровой экономики и т. д.

Учитывая тот факт, что государства – цифровые аутсайдеры могут находиться в частичной или полной зависимости от государств, отнесённых к цифровым лидерам и цифровым последователям, можно выделить ещё одну важную характеристику анализируемого типа. Это цифровая колонизация, подразумевающая под собой введение развитыми странами существенных ограничений на экспорт и применение информационно-телекоммуникационных технологий.

Примерами государств данного типа можно назвать большинство стран африканского континента (ЦАР, Чад, Сомали), азиатского региона (Афганистан), Центральной Америки (Гондурас, Никарагуа).

4. Киберполицейские государства.

Анализируемый тип государств характеризуется проведением избирательной цифровизации, а информационно-коммуникационные технологии используются в первую очередь как инструмент тотального контроля, подавления инакомыслия и усиления власти. Внедрение и развитие информационных сервисов, обеспечивающих

¹ Экономика данных и цифровая трансформация государства [Электронный ресурс]: протокол проектного комитета по национальному проекту от 26 ноября 2024 г. № 1пр. Доступ из официального сайта Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Рос. Федерации.

комфорт человека и гражданина, зачастую подчинены достижению вышеназванной цели или выступают в качестве побочного продукта.

Цифровой суверенитет трактуется исключительно как абсолютный контроль государства над информационной инфраструктурой, цифровыми данными и киберпространством, а сформированная цифровая правовая среда легитимизирует цифровой государственный контроль, основой которого являются нормативные правовые акты, ограничивающие такие информационные права и свободы гражданина, как свобода слова в киберпространстве, анонимизация и приватность при использовании интернет-сервисов и ресурсов.

Ярким примером современного киберполицейского государства можно назвать Китай и его модель «Цифрового всевидящего государства». Правовую основу данной модели составляет законодательство о кибербезопасности, национальной безопасности, разведке и системе Социального кредита, которые устанавливают контроль государства над критической информационной инфраструктурой, вводят запрет на хранение данных на зарубежных ресурсах, определяют порядок сбора данных о поведении граждан и организаций, закрепляют широкие контрольные и надзорные полномочия спецслужб и правоохранительных органов по мониторингу киберпространства и доступу к персональной информации [12, с. 30].

Основным инструментом реализации данной модели является применяемая с 2003 года система фильтрации содержимого глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет «Золотой щит», более известная как «Великий китайский файрвол». Данный проект включает в себя 12 подсистем фильтрации информации и ограничения доступа к ряду зарубежных интернет-ресурсов [12, с. 31].

Ещё одним представителем анализируемого типа государств является Иран, реализующий модель «Религиозно-цифровой диктатуры». Сущность данной модели состоит в жёсткой цензуре, выражающейся блокировкой оппозиционных социальных сетей, мессенджеров, новостных сайтов, широкое использование спецслужбами шпионского программного обеспечения, политика подавления доступа к интернет-ресурсам во время протестных акций. Кроме того, в данной модели не последнюю роль играет религиозный аспект: цифровой контроль тесно связан с обеспечением соблюдения норм шариата и идеологии режима [13, с. 181].

В рамках анализа цифрового подхода к типологии государств следует отметить, что предложенные четыре типа не являются статичными – эволюция от цифрового аутсайдера к цифровому флагману представляет собой нелинейный процесс, основанный на единстве четырёх ключевых элементов: технологической зрелости, правовой адаптивности, институциональной трансформации и социальной инклюзивности. Критическим фактором, оказывающим влияние на поступательное развитие государства в цифровом аспекте, является способность государства к опережающему правовому регулированию, формирующему нормативную базу для наиболее рационального и эффективного процесса цифровизации.

Вместе с тем киберполицейское государство не является этапом такой эволюции. Учитывая приведённую ранее характеристику типов цифровых государств, мы видим наиболее целесообразным рассматривать киберполицейское государство как самостоятельный и обособленный тип или в качестве дополнительной характеристики для государств – цифровых флагманов и цифровых адептов.

Результаты проведённого анализа свидетельствуют о том, что цифровой подход к типологии государств представляет собой содержательную новеллу в современной теории государства и права. Он отражает объективный процесс перехода от индустриальной к информационной парадигме общественного развития, где информационно-коммуникационные технологии становятся ключевым фактором, определяющим организацию и функционирование публичной власти, взаимодействие

личности, общества и государства в эпоху господства информационно-коммуникационных технологий.

Признание уровня цифровизации основным типологическим критерием позволяет преодолеть ограниченность классических подходов к типологии государств, объективно и полно описать разнообразие современных государств и определить направления дальнейших теоретико-правовых исследований в данной области.

1. Авилкина А. А. Типология государства в юридической науке: от формационной теории к цивилизованному многообразию // Евразийский Союз Ученых. 2020. № 3-5(72). С. 33-35.
2. Головкин Р. Б. Цифровой суверенитет: понятие и правовые аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. № 3. С. 15-25
3. Тихомиров Ю. А. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 5-16.
4. Четвернин В. А. Современное государство в эпоху цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 7-18.
5. Григорьев А. Ю., Петров М. А. Цифровой суверенитет в глобальном мире: политико-правовые аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 4-28.
6. Арутюнян Г. А. Эстонский опыт цифрового развития и пути его применения в Армении // Региональные проблемы преобразования экономики. 2021. № 12. С. 32-39.
7. Василенко И. А. Сингапур: Свет и тени азиатской «кремниевой долины» // Перспективы. 2018. № 1 (3). С. 56-68.
8. Шпакова А. А., Горбнова С. А. Стратегические программы по цифровизации экономики Южной Кореи // Ars Administrandi (Искусство управления). 2021. № 2. С. 260-284.
9. Золаев Э. Е. Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. 2021. Том 15. № 5. С. 1583-1594.
10. Алиева М. З., Бастрыкин С. В. Цифровизация государственного управления в Российской Федерации // Региональная и отраслевая экономика. 2023. № 1. С. 95-101
11. Еремшина О. Ф., Кочергина Е. А., Халитова А. Д., Круглова В. С., Чебакова Н. А. Цифровизация на современном этапе развития РФ // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 6. С. 8-17
12. Попова Н. Н. Реализация прав человека в фокусе угроз представлений о «цифровом тоталитаризме»: дискурс-анализ в контексте трансформации правосознания // Московский юридический журнал. 2021. № 1. С. 25-37.
13. Парфирьева А. В. Реализация политики информационной безопасности Исламской Республики Иран в контексте конфликтов на ближнем востоке в XXI веке // Казанский вестник молодых ученых. 2019. № 4(12). С. 178-187.

1. Avilkina A. A. Tipologiya gosudarstva v yuridicheskoy nauke: ot formacionnoj teorii k civilizovannomu mnogoobraziyu // Evrazijskij Soyuz Ucheny`x. 2020. № 3-5(72). S. 33-35.
2. Golovkin R. B. Cifrovoy suverenitet: ponyatie i pravovy`e aspekty` // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2022. № 3. S. 15-25.
3. Tixomirov Yu. A. Pravo v usloviyax cifrovoj real`nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2018. № 10. S. 5-16.
4. Chetvernin V. A. Sovremennoe gosudarstvo v e`poxu cifrovoj transformacii // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 5. S. 7-18.
5. Grigor`ev A. Yu., Petrov M. A. Cifrovoy suverenitet v global`nom mire: politiko-pravovy`e aspekty` // Pravo. Zhurnal Vy`sšej shkoly` e`konomiki. 2021. № 1. S. 4-28.

6. Arutyunyan G. A. E`stonskij opy`t cifrovogo razvitiya i puti ego primeneniya v Armenii // Regional`ny`e problemy` preobrazovaniya e`konomiki. 2021. № 12. S. 32-39.
7. Vasilenko I. A. Singapur: Svet i teni aziatskoj «kremnievoj doliny`» // Perspektivy`. 2018. № 1 (3). S. 56-68.
8. Shpakova A. A., Gorbnova S. A. Strategicheskie programmy` po cifrovizacii e`konomiki Yuzhnoj Korei // Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya). 2021. № 2. S. 260-284.
9. Zolaev E`. E. Cifrovoe gosudarstvo kak novy`j e`tap razvitiya obshhestva // Kreativnaya e`konomika. 2021. Tom 15. № 5. S. 1583-1594.
10. Alieva M. Z., Bastry`kin S. V. Cifrovizaciya gosudarstvennogo upravleniya v Rossijskoj Federacii // Regional`naya i otraslevaya e`konomika. 2023. № 1. S. 95-101
11. Eremshina O. F., Kochergina E. A., Xalitova A. D., Kruglova V. S., Chebakova N. A. Cifrovizaciya na sovremennom e`tape razvitiya RF // Journal of Monetary Economics and Management. 2024. № 6. S. 8-17
12. Popova N. N. Realizaciya prav cheloveka v fokuse ugroz predstavlenij o «cifrovom totalitarizme»: diskurs-analiz v kontekste transformacii pravosoznaniya // Moskovskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 1. S. 25-37.
13. Parfir`eva A. V. Realizaciya politiki informacionnoj bezopasnosti Islamskoj Respubliki Iran v kontekste konfliktov na blizhnem vostokey XXI veke // Kazanskij vestnik molody`x ucheny`x. 2019. № 4(12). S. 178-187.

Информация об авторе

Антон Игоревич Черный. Старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
241050, Россия, г. Брянск, пер. 2-ой Советский, 2А.

Information about the author

Anton Ig. Cherny. Senior Lecturer of the Department of State and Civil Law Disciplines.

Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky per., 2a.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 15.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ОПРЕДЕЛЁННЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: УСИЛЕННАЯ И ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ОХРАНА ПО ЗАКОНУ ОТ 14 АВГУСТА 1881 ГОДА

Шурухнов Николай Григорьевич

Всероссийский государственный университет юстиции, Тула, Россия;
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия

matros49@mail.ru

Аннотация. Ориентируясь на предмет, обозначенный в названии статьи, автор сосредоточил своё внимание на Положении от 14 августа 1881 г. Обращается внимание на правовую природу этого документа, специфику его многократного продления вопреки временному характеру, как это было определено при принятии. Рассматриваются фактические основания объявления местности на исключительное положение; приводятся наименования регионов Российской империи, находившихся в указанном состоянии с 1881 года; показываются особенности правового статуса административных «установлений» по охране государственного порядка и общественной безопасности, усиление ответственности частных и уполномоченных лиц исполнительной (административной) власти. Обращается внимание на переход местности с исключительного положения на усиленную и чрезвычайную охрану; даётся характеристика реализуемых при этом мер. В статье рассмотрены и специфические правовые средства, направленные на обеспечение функционирования территорий империи, на которые не распространялся ни один из административных режимов, входящих в исключительное положение.

Ключевые слова: государственный порядок, общественное спокойствие, необходимость особых мероприятий.

Для цитирования: Шурухнов Н. Г. Исключительное положение определённых территорий Российской империи: усиленная и чрезвычайная охрана по закону от 14 августа 1881 года // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 83–93.

EXCLUSIVE STATUS OF CERTAIN TERRITORIES OF THE RUSSIAN EMPIRE: STRENGTHENED AND EXTRAORDINARY PROTECTION UNDER THE LAW OF AUGUST 14, 1881

Nikolai G. Shurukhnov

All-Russian State University of Justice, Tula, Russia;
Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia

matros49@mail.ru

Annotation. Focusing on the subject indicated in the title of the article, the author's primary attention is focused on the Regulation of August 14, 1881. Attention is drawn to the legal nature of this document and the specifics of its multiple extensions, despite its temporary nature as defined during its adoption. The article examines the actual grounds for

declaring a locality in an exceptional state, provides the names of the regions of the Russian Empire that were in this state since 1881, and shows the specific features of the legal status of administrative "establishments" for the protection of public order and safety, as well as the increased responsibility of private individuals and authorized representatives of the executive (administrative) authorities. The article also focuses on the transition of a locality from an exceptional state to a state of enhanced and emergency protection, and provides a description of the measures implemented in this regard. The article also examines the specific legal means aimed at ensuring the functioning of the territories of the empire.

Keywords: burglar, forensic characteristics, investigation, relationship, correlation, putting forward versions.

For citation: Shuruhnov N. G. Exclusive status of certain territories of the Russian empire: strengthened and extraordinary protection under the law of august 14, 1881 // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 83–93.

Благополучие граждан, общественная безопасность любого государства (и в прошлом, и в настоящем) зависят от целенаправленной, законной и предусмотрительной деятельности полиции. Более того, само существование государства находится в зависимости от своевременности правоохранительных мер, принимаемых исполнительной властью. Законодатели всех государств стараются принимать нормативные правовые акты, которые служили бы балансом между мерами, реализуемыми должностными лицами органов исполнительной власти (прежде всего полицией), и правами населения с тем, чтобы общественная безопасность гарантировалась нормами права без жёсткого вторжения в законные права и свободы граждан. Справедливости ради следует сказать, что желания и старания законодателей не всегда увенчиваются успехом, жизненные обстоятельства конкретнее, чем их моделирование. Это убедительно показывает историческое развитие России, и не только её.

На определённом этапе общественно-политического развития государства законодатели вынуждены пересматривать правовую базу, принимать исключительные правовые акты, включающие другие полномочия исполнительной власти, более активные, энергичные, с реализацией мер принуждения, с обоснованным ограничением гражданских свобод. Здесь важно, чтобы исключительные нормы в «руках» даже добросовестных должностных лиц исполнительных органов не допускали их произвол, не позволяли осуществлять меры по бесполезному притеснению населения.

Обычная (повседневная) деятельность государства рассчитана на исполнение правового режима, включающего широкий нормативный инструментарий с комплексом средств, обеспечивающих законность и правопорядок механизмом юридического регулирования, функционирования уполномоченных должностных и юридических лиц.

Что же касается административно-правового режима (АПР), то по своей сущности он является разновидностью правового режима с комплексом различных ограничений. Это состоит в ином подходе к правовому регулированию с включением особого содержания, охватывающего не только права и обязанности субъектов, но и управленческую деятельность, где присутствуют специфические процедуры, которые распространяются на всё население определённого региона (местности). Регулятивные нормы закрепляют специальные правила поведения, правоограничения, включают особый статутный регламент, предоставляют субъектам правоохраны в некоторых случаях исключительные права и возлагают на них конкретные обязанности, а охранительные нормы формулируют направления обеспечения правопорядка и контроля над выполнением условий административно-правового режима. [1, с. 98–110; 2, с. 228–256].

Для современной России характерно несколько видов административно-правового режима: чрезвычайного¹ и военного положения²; чрезвычайной ситуации³; государственной тайны⁴; оружия⁵; контртеррористической операции⁶. Ведущим основанием подразделения режимов (федеральные, региональные, местные) является компетенция органов, которые их вводят.

Для достижения цели АПР, как правило, реализуется комплекс специфических средств, основными из которых являются: дополнительные запреты и обязанности; специальные административные меры; разрешительный способ реализации прав и свобод; система контроля и надзора за выполнением режимных требований; организационно-технические и информационное обеспечение установленных режимных правил [3; 4, с. 743–759]. Следует сказать, что во всём этом значительна роль МВД России, уполномоченных лиц полиции по применению средств, предусмотренных АПР⁷.

Административно-правовые режимы не есть правовая новинка, в той или иной интерпретации они имели место в Российской империи и в зарубежных государствах. Обращаясь к ретроспективе, можно встретить целый комплекс так называемых исключительных положений, который в нашем Отечестве существовал на правовом уровне. Составляющими указанного комплекса, как это предусматривалось нормативными правовыми актами и комментировалось исследователями-современниками того периода, были:

- «1) усиленная и чрезвычайная охрана;
- 2) исключительные меры по охране общественной безопасности, вводимые в местностях, не объявленных на исключительном положении;
- 3) военное и осадное положение, вводимые по усмотрению верховной власти не только в случаях внешней войны, но и в случаях внутренних волнений;
- 4) исключительные полномочия, предоставляемые местным административным властям особыми как общими, так и сепаратными, законами» [5, с. 179].

Из приведённого следует, что и в Российской империи, и в современной Российской Федерации в своём арсенале имелись и имеются специальные административно-правовые режимы с разным наполнением, различной регламентаций, но при активном участии исполнительной власти, где важная роль отводилась Министерству внутренних дел, подразделениям и уполномоченным должностным лицам полиции.

Документом, который в 1881 году объединил существовавшие в то время различные нормативы, было «Положение о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія» [6; 7, с. 288–293]. Это Положение исходило от Комитета Министров и было высочайше утверждено 14 августа 1881 г. Указываем на приве-

¹ О чрезвычайном положении [Электронный ресурс]: Федер. Конституционный закон Рос. Федерации от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О военном положении [Электронный ресурс]: Федер. Конституционный закон Рос. Федерации от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ; О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 21 мая 2007 г. № 304. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О государственной тайне [Электронный ресурс]: закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-І. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об оружии [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дённые обстоятельства, чтобы сказать, что по своему правовому статусу данное положение (утверждённое императором) являлось законом. К тому же документ прошёл специальную юридическую процедуру через указ от 4 сентября 1881 г.¹ [8]. Данный указ одновременно отменил ряд правовых актов, которые регулировали обозначенные вопросы. К ним относилось Повеление от 18 марта 1881 г.² наряду с другими законами и 11 распоряжениями. Разработчики посчитали, что с изданием Положения от 14 августа 1881 г. они утратили смысл, с чем согласились законодатели.

В статье 1 указа от 4 сентября 1881 г. было прописано: «Незыблемость основных началъ великихъ преобразованийъ минувшаго царствованія, а равно правильное и спокойное дѣйствіе учреждений, на твердомъ основаніи общихъ законовъ, установленныхъ, составляютъ наиболѣе прочный залогъ – благоденствія и преуспеванія дорогого нашего отечества. Мы не могли, однако жъ не признать, что прискорбные событія и смута въ государствѣ вызываютъ печальную необходимость допустить П. на время чрезвычайныя мѣры преходящаго свойства для водворенія полного спокойствія и искоренения крамолы»³ [5, с. 170–171].

Обстоятельно, со значительной долей критики в тот период времени исследовал этот документ В. М. Гессен, приводя результаты своего анализа, он писал: «До 1905 г., т. е. до начала революционной эпохи, в состоянии усиленной охраны остаются непрерывно в течение 24 лет губернии: Петербургская, Московская, Харьковская, Киевская, Волынская и Подольская; градоначальства: Одесское и Таганрогское; города: Ростов-на-Дону и Николаев. В 1901 г., при первых признаках надвигающейся революции, усиленная охрана охватывает почти всю Россию; так, уже в 1901 г. она вводится почти одновременно в губерниях: Полтавской, Самарской, Виленской, Владимирской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Витебской, Гродненской, Казанской, Ярославской, Томской, Нижегородской, Саратовской, Тифлисской, Бакинской и Бессарабской» [5, с. 172].

Анализируя его высказывания, можно констатировать, что он делал вывод о ничтожности введённого административно-правового режима. С позиций сегодняшнего дня скажем о том, что он был прав. Так как принятые меры эффективно не работали, да и не могли работать: вначале в России победил терроризм, а потом череда революций, в результате которых не стало Российской империи, даже царской семьи и государственных деятелей, которые до последнего вздоха верили в Россию.

Российским революционным событиям способствовало запоздалое, вялое законодательство, слабая полиция с наличием массы для неё несвойственных функций, с нищенским вооружением, при отсутствии системности в деятельности. А также существовавшее лоббирование действительно целенаправленных мыслей, здравых суждений и действенных предложений, по совершенствованию полиции, которые были способны сохранить Российскую империю. Возникает вопрос, а почему так поздно был принят представляемый нами документ, лишь как реакция на убийство Александра II 1 марта 1881 г. А разве не было попыток на протяжении 15 лет:

«4 апреля 1866 г. – покушение Каракозова (Санкт-Петербург); 25 мая 1867 г. – Бerezовского (Париж); 2 апреля 1879 г. – Соловьева (Санкт-Петербург); 19 ноября 1879 г. –

¹ Указ Правительствующему сенату «О введении в действие «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия».

² Высочайшее Повеление от 18 марта 1881 г. призывало к содействию власти выборному от столичного населения Петербурга, временному совету при градоначальнике.

³ Как указывают исследователи-современники того периода, с 4 сентября 1881 г. в состоянии усиленной охраны были объявлены: Петербургская, Московская, Харьковская, Полтавская, Черниговская, Киевская, Волынская, Подольская, Херсонская и Бессарабская губернии; Одесское, Таганрогское и Керчь-Еникальское градоначальства; Симферопольский, Евпаторийский, Ялтинский, Феодосийский, Перекопский уезды и город Бердянск Таврической губернии, город Воронеж с уездом, города Ростов-на-Дону и Мариуполь Екатеринославской губернии. А с 1882 г. такой статус получил и город Николаев.

Гартмана (на железнодорожном пути Московско-Курской железной дороги (под Москвой), взрыв (из подкопа); 1879 г. – попытка взорвать царский поезд на Лозово-Севастопольской железной дороге; 5 февраля 1880 г. – взрыв столовой в Зимнем дворце» [9, с. 894].

Возникает вопрос: чего ждал император? Может быть, выстрела с «Авроры» по Зимнему дворцу или же следовало принимать эффективные меры, которые были бы способны подавить терроризм на корню? Да и после убийства Александра II разработанный закон от 14 августа 1881 г., объединивший воедино все средства против революционного движения и дополнивший их новыми положениями, желаемых результатов не принёс. В соответствии с общими правилами «высшее направление действий по охранению государственного порядка и общественного спокойствия принадлежит Министру внутренних дел. Требования его, к сим предметам относящиеся, подлежат немедленному исполнению всеми местными начальниками. Все ведомства обязаны оказывать полное содействие установлениям и лицам, коим вверено охранение государственного порядка и общественного спокойствия» [6, с. 261].

Министр МВД мог «...отменять распоряжения подчинённых ему административных начальств, относящиеся к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, если они будут признаны им несоответствующими цели» (ст. 2). Для отмены распоряжений генерал-губернаторов и главноначальствующих он общался в Комитет министров или с докладом к императору. Такая же процедура была установлена для того случая, когда его собственные предложения требовали одобрения верховной власти (ст. 3 отдела I Положения от 14.08.1881).

На основании ст. 4 местности, в которых проявления преступной деятельности принимали угрожающий характер и для обеспечения государственного порядка требовалось принятие особых мер, могли объявляться в исключительном положении. Решение принималось Министром внутренних дел, а также генерал-губернаторами (с согласия Министра внутренних дел); губернаторами и градоначальниками (при наличии визы генерал-губернаторов или Министра внутренних дел). В случае надобности осуществлялось информирование об этом населения (ст. 542 и 543 Общего губернского учреждения¹) [9].

Исключительное положение местности отличалось от обычного положения увеличением объёма прав и обязанностей ранее работавших административных органов, появлением специальных органов, повышенной ответственностью граждан и должностных лиц за правонарушения. При этом законодатели не обозначили в ст. 5 ни пределы власти, ни расширенный круг обязанностей, ни границы усиленной ответственности, ни наименования учреждаемых органов – всё это обозначали в последующих нормах Положения от 14.08.1881.

Содержание перехода от исключительного положения к усиленной или чрезвычайной охране приводилось в ст. 6. Причиной перехода к усиленной охране называлась невозможность противостоять имеющимся средствами преступным посягательствам, подготовительным действиям с целью свержения существующего государственного строя, причинению вреда здоровью граждан и их имуществу. Решение о переходе местности из одного режима в другой принимал Министр МВД, генерал-губернаторы (с его согласия).

Если массовой противоправной деятельностью население определённой территории приводилось «...в тревожное настроение, вызывающее необходимость принятия исключительных мер для безотлагательного восстановления нарушенного

¹ Пункт 7 и примечание к нему «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.

порядка...» (ст. 6), то вводилась чрезвычайная охрана¹. Это входило в компетенцию Комитета министров по представлению Министра внутренних дел (ст. 9). Следует специально подчеркнуть, что принятие указанных решений сопровождалось точным указанием местностей, в которых вводилась усиленная или чрезвычайная охрана (ст. 10 отдела I Положения от 14.08.1881). Усиленная охрана местности могла продляться Комитетом министров по ходатайству Министра внутренних дел через год, а чрезвычайная – по истечении шести месяцев.

В местностях с режимом усиленной охраны² высшей властью наделялись генерал-губернаторы, губернаторы и градоначальники (в губерниях, которые не входили в подчинение генерал-губернаторов). Они могли:

- а) издавать обязательные для населения постановления. Особое внимание в них акцентировалось на запрете нарушений общественного порядка³;
- б) арестовать граждан на три месяца, оштрафовать на 500 рублей;
- в) вести административное производство по нарушениям изданных ими постановлений⁴;
- г) устанавливать запрет на проведение собраний, деятельность торговых и промышленных заведений⁵;
- д) запрещать пребывание и нахождение в местности определённым лицам⁶ (ст. 16 II отдела Положения от 14.08.1881).

Министр внутренних дел и генерал-губернаторы имели право передавать отдельные дела о преступлениях, подсудных общим судам, в военные суды⁷, требовать проведения закрытого судебного заседания, если публичность «...может послужить поводом к возбуждению умов и нарушению порядка» (ст. 17 отдела II Положения от 14.08.1881). На основании примечания к данной статье указанные должностные лица могли забирать для просмотра (на срок не свыше двух недель) отдельные следственные производства или дознания, ещё не переданные в суд.

Следует сказать, что военно-окружные и временные военные суды вели процессы по преступлениям граждан, не являющихся военнослужащими, в соответствии с процедурами, установленными военными постановлениями. Такой порядок был определён для того, чтобы «...лицам, виновным в вооруженном сопротивлении властям или нападении на чинов войск и полиции и на всех вообще должностных лиц, при исполнении ими обязанностей службы, или же вследствие исполнения сих обязанностей, коль скоро преступления эти сопровождалось убийством или покушением на убийство, нане-

¹ Положение усиленной и чрезвычайной охраны прекращается тем же порядком, как и были установлены.

² Статья 14 имела примечание следующего содержания: «Если положение усиленной охраны будет объявлено лишь в некоторых местностях, входящих в состав генерал-губернаторств, то по отношению к остальным местностям, на которые означенное положение распространяться не будет, генерал-губернаторам принадлежат общие права по охранению государственного порядка и общественного спокойствия на основании постановлений I ч. II т. Свода Зак.».

³ Эта деятельность была направлена на устранение причин и условий совершения преступлений, в частности, они обязывали владельцев недвижимых имуществ и их управляющих быть бдительными, определять способы наблюдения за имуществом, назначать для этого ответственных лиц.

⁴ Генерал-губернаторы с этой целью могли уполномочивать на разрешение таких дел подчиненных им начальников губерний, градоначальников и обер-полицеймейстеров.

⁵ Запрет на деятельность торговых и промышленных заведений устанавливался на конкретный срок или на время действия усиленной охраны.

⁶ Примечание в данной статье устанавливало отдельные процедуры высылки, которая производилась в определенную местность, хотя бы и на родину, но с обязательством безотлучного там пребывания. Данная административная мера допускалась не иначе, как по предварительному сношению с Министром внутренних дел. Порядок такой высылки определялся V отделом Положения от 14.08.1881 [19, с. 187-195].

⁷ Раскрывалась причина привлечения к уголовной ответственности виновных по законам военного времени – необходимость обеспечения общественного порядка и спокойствия на определенный момент и, как превентивная мера, на будущее.

сением ран, увечий, тяжких побоев или поджогом – определялось наказание, предусмотренное статьей 279 Воинского Устава о наказаниях, изд. 1879 года»¹ [11].

В период режима усиленной охраны генерал-губернаторы утверждали приговоры военного суда по государственным преступлениям. В местностях, им не подчиненных, подобное осуществляли командующие войсками, расположенными в военном округе, которым на данный период времени предоставлялись права главнокомандующего в военное время (ст. 1234, 1238 и 1241 Свода военных постановлений). Лица, занимающие должности по земским, городским и судебно-мировым установлениям, признанные неблагонадежными, по требованию губернатора или градоначальника немедленно освобождались от должности. Специально заметим, что это распространялось и на те должности, назначение на которые не входило в компетенцию губернатора, градоначальника и Министра внутренних дел². Начальники полиции, жандармских управлений и их помощники в период усиленной охраны могли производить задержание граждан, подозреваемых в совершении государственных преступлений, сроком на две недели, а также производить без ограничений обыски, осуществлять арест имущества, если оно указывает на преступность происхождения. Судьба арестованных объектов определялась распоряжением соответствующего начальства.

Примечанием к ст. 21 отдела II Положения от 14.08.1881 раскрывалось содержание четырёх обстоятельств:

- 1) указанные должностные лица о всяком задержании немедленно составляли постановление;
- 2) копию постановления передавали лицу прокурорского надзора;
- 3) о произведённом задержании безотлагательно сообщали губернатору или градоначальнику;
- 4) арест мог продляться до одного месяца письменным распоряжением губернатора или градоначальника.

Положение от 14.08.1881 не оставило без внимания бездействие лиц административной власти, их безответственное выполнение служебных обязанностей по охранению государственного порядка и общественного спокойствия. За обозначенные правонарушения суд мог подвергнуть их наказанию на одну или две ступени выше, чем это определено законом (ст. 22).

В III отделении анализируемого правового акта содержались статьи, регламентирующие чрезвычайную охрану. Как представляется, её введение осуществлялось с нарастающим коэффициентом. Мы делаем такой вывод исходя из содержания норм, в которых говорилось, что с введением чрезвычайной оставались в силе и положения усиленной охраны. При таком режиме генерал-губернаторы приобретали статус главноначальствующих, а по решению Комитета министров – главнокомандующего армией в военное время. В местностях, не подчиненных генерал-губернаторам, назначались лица со статусом главноначальствующего (ст. 24, 25).

Главначальствующие имели комплекс дополнительных полномочий:

– переподчинять отдельные территории вверенного им региона назначенным им лицам. В управлении перечисленных должностных лиц находилась не только гражданская сфера, но и военная в соответствии со специальной инструкцией при условии, что назначенные управленцы имели воинские звания;

¹ Статья 279 ВУоН: «Въ военное время, за умышленное убійство, убійство, изнасилованіе, разбой, грабежъ и умышленное зажигательство или потопленіе чужого имущества, виновные приговариваются: къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни».

² Данное положение не распространялось на должность мирового судьи и выборные должности служащих в земских и городских общественных учреждениях (ст. 20).

- оказывать содействие полиции путём формирования военно-полицейских команд. Что касается их полномочий, то их характер определялся при создании и в определённой мере зависел от обстановки, складывающейся на закреплённой территории;

- передавать дела (с последующим информированием) по определённым преступлениям в военные суды, принимать к собственному производству с назначением трёхмесячного заключения в тюрьме или в крепости, ареста на такой же срок, денежного штрафа до 3 000 рублей;

- освобождать от должности на время чрезвычайной охраны чиновников любого ведомства и выборных служащих; приостанавливать деятельность издательств (на время чрезвычайных мер); закрывать учебные заведения не более чем на месяц;

- осуществлять секвестр недвижимости, арест движимого имущества и доходов с них на срок действия чрезвычайной охраны¹;

- разрешать экстренные, приостанавливать и закрывать очередные собрания учреждений и в каждом конкретном случае убирать из повестки собрания некоторые вопросы, намеченные для обсуждения.

Следует обратить внимание ещё на одно специфическое обстоятельство анализируемого Положения, регламентированное отделом IV, который содержал 4 статьи (28–31) и одно примечание к ст. 29. Речь пойдёт об особом правовом положении конкретно указанных местностей², на которые не распространялся ни один из административных режимов, входящих в исключительное положение, но в которых могли по решению Комитета министров устанавливаться следующие правила (ст. 29):

- начальникам полиции, жандармских управлений, их помощникам предоставлялось право подвергать подозреваемых аресту на срок не более семи дней с правом производства у таких лиц обыска и выемки³;

- губернаторы и градоначальники могли освобождать от должности неблагонадёжных лиц, о которых мы говорили со ссылкой на ст. 20 Положения от 14.08.1881;

- Министр МВД при согласовании с Министром юстиции был компетентен передавать лиц гражданского ведомства, совершивших преступления, военному суду для привлечения к уголовной ответственности по законам военного времени [12].

Положение от 14.08.1881 было временным, изначально введённым на три года. Не будем обстоятельно уточнять, на какой правовой платформе⁴ оно неоднократно, вернее сказать, многократно продлялось. Это происходило в 1884, 1887, 1890, 1893, 1899, 1902 гг. Как свидетельствуют архивные документы, 29 мая 1905 г. (в разгар массового революционного выступления в Российской империи) правовой акт по решению Комитета министров был продлён до завершения пересмотра исключительного законодательства на 1 год. В августе 1906 г. было продление до 4 сентября 1907 г. (опять с формулировкой «до пересмотра исключительного законодательства»). Последний раз Положение продлялось 5 августа 1907 г. по 4 сентября 1908 г.

¹ В примечании (1) к ст. 26 закона от 14.08.1881 прописывалось несколько положений: 1) управление имуществом, на которое наложен секвестр, осуществляют учреждения ведомства государственных имуществ; 2) издержки по управлению покрываются из доходов с этого имущества; 3) чистый доход возвращается владельцу не раньше освобождения имущества от секвестра.

² В Положении они назывались так: «смежные губернии и области или даже во все остальные местности государства».

³ На основании примечания к ст. 29 указанные должностные лица об аресте и освобождении от него должны были немедленно составить постановление, копия которого направлялась лицу прокурорского надзора, с безотлагательным сообщением губернатору и градоначальнику.

⁴ В соответствии с общеправовыми подходами, после созыва первой государственной Думы органом законодательной власти в России являлся Государь император в единении с Государственным Советом и Государственной Думой.

1. В рассматриваемый период времени возникла необходимость пересмотра различных законов и нормативных правовых актов, которые регламентировали обеспечение государственной безопасности, защиты населения, деятельности полиции [13, с. 129–136]. И на момент принятия Положения от 14.08.1881, и до 1917 года полиция Российской империи не имела устава, который регламентировал бы её деятельность в различных ситуациях [14, с. 353–360], обеспечивая общественный порядок, жизнь и здоровье населения. В указанное время действовал Устав о предупреждении и пресечении преступлений, который являлся устаревшим сводом. Многие его постановления относились по происхождению своему к XVIII и даже XVII столетиям.

2. «В конце 1906 года по распоряжению Председателя Совета Министров Статс-Секретаря П. А. Столыпина была сформирована межведомственная Комиссия¹. Ее председателем был назначен товарищ Министра внутренних дел² Государственный Секретарь Сенатор А. А. Макаров. К предмету деятельности Комиссии относились пересмотр действующих законоположений, определяющих условия службы и порядок деятельности чинов полиции, выработка соответствующих времени и обстановке в обществе и государстве проектов преобразования полиции в империи. С позиций сегодняшнего дня можно сказать, что реформирование полиции было требованием тех масштабных событий, которые уже разворачивались в России» [15, с. 14].

1. Ноздрачев А. Ф. Современное содержание понятия «административно-правовой режим» // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 98-110.

2. Бобров А. М. Административно-правовые режимы // Административное право: учебник / под общ. ред. А.С. Телегина; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2020. С. 228-256.

3. Жданкин Д. С. Административно-правовые режимы и их роль в государственном управлении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 24 с.

4. Махина С. Н., Рогачева О. С., Стариков Ю. Н. Административно- правовые режимы // Общее административное право: учебник: в 2 ч. / под ред. Ю.Н. Старикова; Воронежский государственный университет. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. Ч. 1. 760 с.

5. Гессень В. М. Исключительное положение. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. Издание Юридического книжного склада, 1908. 410 с.

6. Высочайше утверждённое Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия: 14 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1885. Т. 1. Со дня восшествия на престол государя императора Александра Александровича по 31 декабря 1881 года. От № 1-585 и дополнения. № 350. С. 261-266.

7. Биюшкина Н. И. Источники Положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. // Право. Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 5(1). С. 288-293.

8. Указ Правительствующему сенату [о введении в действие «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия»]. Тифлис: тип. А.А. Михельсона. Ценз 1881. 11 с.

9. Император Александр II. 1-го марта 1881 г. // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Годъ двѣнадцатый. Апрельъ. 1881 годъ. С. 891-902.

¹ Комиссия состояла из 19 высокопрофессиональных должностных лиц.

² Столыпин П.А. – 8 июля 1906 – 5 сентября 1911 – Председатель Совета министров Российской империи; 26 апреля 1906 – 5 сентября 1911 – Министр внутренних дел Российской империи.

10. Общее учреждение губернское // Сводъ Законовъ Россійской Имперіи. Томъ II. Сводъ губернскихъ учреждений. Изданіе 1892 года. С. 15-647.
 11. Лобачева Л. П., Шурухнова Д. Н., Шурухнов Н. Г. Административная высылка с полицейским надзором над лицами, вредными для общественного спокойствия, как мера предупреждения совершения преступных деяний в Российской империи // Юридическая гносеология. 2025. № 5. С. 187-195.
 12. Воинскій уставъ о наказаніяхъ, высочайше утвержденный 27 марта 1875 года. Съ разрешенія Главного Военно-Судебнаго Управленія, издалъ военный судья Казанскаго военно-окружнаго суда М. Якубовъ. Изданіе второе, дополненное позднейшими узаконеніями и распоряженіями по 1879 год. Казань. Въ университетской типографіи, 1879.
 13. Казанина Л. Ю., Шурухнов Н. Г. Проекты преобразований полиции как составная часть столыпинской программы модернизации России // Пробелы в российском законодательстве. Т. 16. № 1. 2023. С. 129-136.
 14. Шурухнов В. А., Шурухнов Н. Г. Специализация полиции Российской империи по проекту межведомственной Комиссии «По преобразованію полиціи въ имперіи» (1906-1911) // Право и правопорядок в фокусе научных исследований: сб. науч. трудов. – Вып. 4. Хабаровск: Издательство ДВПУПС, 2023. С. 353-360.
 15. Шурухнов Н. Г. Некоторые недостатки и проблемы в действовавшем законодательстве, препятствовавшем выполнению прямых задач органов общественного самоуправления и полиции: проекты межведомственной комиссии «По преобразованію полиціи въ имперіи» (1906-1911) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2 (95). С. 13-21.
1. Nozdrachev A. F. Sovremennoe sodержanie ponyatiya «administrativno-pravovoj rezhim» // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 2. S. 98-110.
 2. Bobrov A. M. Administrativno-pravovy`e rezhimy` // Administrativnoe pravo: uchebnik / pod obshh. red. A.S. Telegina; Permskij gosudarstvenny`j nacional`ny`j issledovatel`skij universitet. Perm`, 2020. S. 228-256.
 3. Zhdankin D. S. Administrativno-pravovy`e rezhimy` i ix rol` v gosudarstvennom upravlenii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2000. 24 s.
 4. Maxina S. N., Rogacheva O. S., Starilov Yu. N. Administrativno- pravovy`e rezhimy` // Obshhee administrativnoe pravo: uchebnik: v 2 ch. / pod red. Yu.N. Starilova; Voronezhskij gosudarstvenny`j universitet. 2-e izd., peresmotr. i dop. Voronezh: Izdatel`skij dom VGU, 2016. Ch. 1. 760 s.
 5. Gessen` V. M. Isklyuchitel`noe polozhenie. S.-PETERBURGЪ. Izdanie Yuridicheskago knizhnago sklada, 1908. 410 s.
 6. Vy`sochajshe utverzhdyonnoe Polozhenie o merax k oxraneniyu gosudarstvennogo poryadka i obshhestvennogo spokojstviya: 14 avgusta 1881 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e. Sankt-Peterburg : Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1885. T. 1. So dnya vosshestviya na prestol gosudarya imperatora Aleksandra Aleksandrovicha po 31 dekabrya 1881 goda. Ot № 1-585 i dopolneniya. № 350. S. 261-266.
 7. Biyushkina N. I. Istochniki Polozheniya «O merax k oxraneniyu gosudarstvennogo poryadka i obshhestvennogo spokojstviya» ot 14 avgusta 1881 g. // Pravo. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2010. № 5 (1). С. 288-293.
 8. Ukaz Pravitel`stvuyushhemu senatu [o vvedenii v dejstvie «Polozheniya o merax k oxraneniyu gosudarstvennogo poryadka i obshhestvennogo spokojstviya»]. Tiflis: tip. A.A. Mixel`sona. Cenz 1881. 11 s.
 9. Imperator Aleksandr II. 1-go marta 1881 g. // Russkaya starina. Ezhemesyachnoe istoricheskoe izdanie. God`` dvъnadczaty`j. Aprѣl`. 1881 god``. S. 891-902.

10. Obshhee uchrezhdenie gubernskoe // Svod` Zakonov` Rossijskoj Imperii. Tom` II. Svod` gubernskix` uchrezhdenij. Izdanie 1892 goda. S. 15-647.
11. Lobacheva L. P., Shuruxnova D. N., Shuruxnov N. G. Administrativnaya vy`sy`lka s policejskim nadzorom nad liczami, vredny`mi dlya obshhestvennogo spokojstviya, kak mera preduprezhdeniya soversheniya prestupny`x deyanij v Rossijskoj imperii // Yuridicheskaya gnoseologiya. 2025. № 5. S. 187-195.
12. Voinskij ustav` o nakazaniyax`, vy`sochajshe utverzhdenny`j 27 marta 1875 goda. S` razresheniya Glavnogo Voenno-Sudebnago Upravleniya, izdal` voenny`j sud`ya Kazanskago voenno-okruzhnogo suda M. Yakubov`. Izdanie vtoroe, dopolnennoe pozdnejshimi uzakonenyami i rasporyazheniyami po 1879 god. Kazan`. V` universitetskoj tipografii, 1879.
13. Kazanina L. Yu., Shuruxnov N. G. Proekty` preobrazovanij policii kak sostavnaya chast` stoly`pinskoj programmy` modernizacii Rossii // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. T. 16. № 1. 2023. S. 129-136.
14. Shuruxnov V. A., Shuruxnov N. G. Specializaciya policii Rossijskoj imperii po projektu mezhvedomstvennoj Komissii «Po preobrazovaniju policzii v` imperii» (1906-1911) // Pravo i pravoporyadok v fokuse nauchny`x issledovanij: sb. nauch. trudov. Vy`p. 4 Xabarovsk: Izdatel`stvo DVPUPS, 2023. S. 353-360.
15. Shuruxnov N. G. Nekotory`e nedostatki i problemy` v dejstvovavšem zakonodatel`stve, prepyatstvovavšem vy`polneniyu pryamy`x zadach organov obshhestvennogo samoupravleniya i policii: proekty` mezhvedomstvennoj komissii «Po preobrazovaniju policzii v` imperii» (1906-1911) // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 2 (95). S. 13-21.

Информация об авторе

Николай Григорьевич Шурухнов. Профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности Тульского института (филиала) (РПА Минюста России). Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор.

Всероссийский государственный университет юстиции; Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний.

300026, Россия, г. Тула, пр. Ленина, 104.

Information about the author

Nikolaj G. Shurukhnov. Professor of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities of the Tula Institute (branch) (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Leading researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow. Doctor of Law, Professor.

All-Russian State University of Justice; Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

300026, Russia, Tula, Lenin Avenue., 104.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 10.10.2025; approved after review on 27.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 342.9

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ СИСТЕМАТИЧЕСКИХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Ахтанина Наталья Анатольевна¹, Трофимов Василий Евгеньевич²

¹Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

²Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹akhtanina@inbox.ru

²vasiliytrifimov88@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемные аспекты привлечения к административной ответственности лиц, допустивших систематические нарушения правил дорожного движения. Авторами отмечается, что достижение намеченных целей по показателям, характеризующим уровень безопасности дорожного движения при применении на практике лишь административно-правовых средств, не представляется возможным. Совершенствование комплекса уголовно-правовых средств, направленных на привлечение к более строгому наказанию нарушивших требования правил дорожного движения, на восстановление социальной справедливости наравне с практической реализацией комплекса гражданско-правовых средств, направленных на компенсацию причинённого правонарушением или преступлением материального или морального вреда, вреда здоровью, позволит повысить общий уровень защищённости участников дорожного движения.

Ключевые слова: правонарушение, административная ответственность, множественность, систематичность, штраф, наказание, видеофиксация.

Для цитирования: Ахтанина Н. А., Трофимов В. Е., Особенности реализации института административной ответственности за совершение систематических правонарушений в области дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 94–102.

THE SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION OF THE INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR THE COMMISSION OF SYSTEMATIC OFFENSES IN THE FIELD OF TRAFFIC

Natalia A. Akhtanina¹, Vasily E. Trofimov²

¹Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Oryol, Russia

²Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia

¹akhtanina@inbox.ru

²vasiliytrifimov88@mail.ru

Annotation. The article analyzes the problematic aspects of bringing to administrative responsibility individuals who have committed systematic violations of traffic regulations. The authors note that it is not possible to achieve the intended goals in terms of indicators characterizing the level of road safety when using only administrative and legal means

in practice. Improving the complex of criminal law means aimed at attracting to a more severe punishment, who violated the requirements of the traffic rules, restoring social justice along with the practical implementation of the complex of civil law means aimed at compensating for the material or moral damage caused by an offense or crime, harm to health will increase the overall level of protection of road users.

Keywords: offense, administrative liability, multiple offenses, systematic offenses, fine, punishment, video recording.

For citation: Akhtanina N. A., Trofimov V. E. Features of the Implementation of the Institute of Administrative Responsibility for Systematic Traffic Offenses // Scientific Bulletin of the V.V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(105). P. 94–102.

На сегодняшний день одной из ключевых задач внутренней политики России выступает деятельность по обеспечению безопасности дорожного движения. Государство и подчинённые ему органы в сфере обеспечения безопасности дорожного движения на всех уровнях выполняют задачу по охране жизни, здоровья и имущества граждан, защите их прав и законных интересов, а также защите интересов общества и государства путём предупреждения дорожно-транспортных происшествий, снижения тяжести их последствий.

Современные темпы автомобилизации и развития дорожного строительства требуют от подразделений Госавтоинспекцией и иных субъектов, обеспечивающих безопасность дорожного движения, постоянного совершенствования подходов и методов осуществления контроля (надзора) в области безопасности дорожного движения. В связи с чем рассмотрение вопроса внедрения системы штрафных баллов за нарушение правил дорожного движения или ответственности за систематическое нарушение правил дорожного движения является достаточно актуальным.

Согласно официальной информации, опубликованной на сайте Госавтоинспекции, за 2024 год на территории Российской Федерации произошло 111 178 дорожно-транспортных происшествий по вине водителей транспортных средств, в которых было ранено 145 421 человек, погибло 119 27 человек¹.

Наряду с единичными правонарушениями в области дорожного движения в настоящее время всё чаще общество сталкивается с фактами совершения одним лицом нескольких правонарушений до или после привлечения к административной ответственности – множественностью правонарушений [1, с. 25]. В области дорожного движения водителями часто допускаются систематические правонарушения, т. е. совершаемые несколько раз (более трёх нарушений), в одной определённой сфере (безопасности дорожного движения), одними и теми же субъектами.

Для определения мер административной ответственности необходимым представляется раскрыть общие правила назначения административных наказаний при неоднократности совершения правонарушений, которые определены в ст. 4.4 КоАП РФ и сводятся к следующему:

1. Если лицо совершило два и более административных правонарушения, наказание назначается за каждое совершённое правонарушение (ч. 1 ст. 4.4 КоАП РФ). В отличие от уголовного законодательства, в КоАП Российской Федерации² не преду-

¹ Показатели состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 25.09.2025)

² Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

считается возможность сложения наказаний, назначенных за совершение нескольких правонарушений.

2. Если лицо совершило одно действие (бездействие), содержащее составы административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена двумя и более статьями (частями статей) КоАП РФ и рассмотрение дел о которых подведомственно одному и тому же судье, органу, должностному лицу, наказание назначается в пределах санкции, предусматривающей назначение лицу, совершившему указанное действие (бездействие), более строгого наказания (ч. 2 ст. 4.4 КоАП РФ).

Необходимо отметить, что повторное совершение административных правонарушений для других составов будет являться обстоятельством, отягчающим административную ответственность в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ. Что будет верно только при наличии оснований, указанных в ст. 4.6 КоАП РФ.

В СССР административная ответственность водителей за систематические нарушения Правил дорожного движения была иного характера. Она устанавливалась нормами распоряжения МВД СССР от 23.06.1959 года № 100. Вышеуказанным распоряжением вводился единый талон предупреждений, который свидетельствовал о повторности привлечения к административной ответственности [2, с. 41].

Впоследствии талон предупреждений был отменён внесением изменений и дополнений в Кодекс РСФСР об административных правонарушениях. Административная ответственность по ст. 118.1 КоАП РСФСР предусматривалась за систематическое нарушение правил дорожного движения, за каждое из которых водителям начислялись баллы. При превышении в течение года порогового значения – 15 и более штрафных баллов – наступала административная ответственность по данной статье.

По своей сути введение ст. 118.1 КоАП РСФСР было первой попыткой использования в нашей стране балльной системы учёта нарушений Правил дорожного движения. В 1997 году ст. 118.1 КоАП РСФСР была отменена, что было обусловлено отсутствием прежде всего материально-технических и правовых предпосылок, в частности недостаточной оснащённостью Госавтоинспекции вычислительной техникой.

Обратимся к опыту использования балльной системы нарушения правил дорожного движения некоторых стран. Так, например, Австралия состоит из административно-территориальных единиц, именуемых штатами и территориями. В их пределах действует система штрафных баллов за правонарушения на дороге. Данные о таких правонарушениях передаются дорожными службами, функционирующими на этих территориях. При этом подходы работы такой системы в них несколько отличны.

В таком штате, как Новый Южный Уэльс, штрафные баллы начисляются лицам, управляющим транспортным средством на основании временной лицензии, которая предоставляется при прохождении обучения вождению. Такие лицензии в зависимости от лимита штрафных баллов подразделяются на разные типы. Баллы же начисляются за совершение правонарушений на автомобильных дорогах. К примеру, за превышение установленной скорости движения будет начислено 4 балла в обычный день, а в праздничный – 8 баллов. Управление в нетрезвом виде автоматически влечёт лишение права управления транспортными средствами.

В штате Виктория водители, управляющие транспортным средством на основании наличия водительского удостоверения, могут заработать максимум 12 штрафных баллов за 3 года. Вождение в нетрезвом виде также приводит к лишению права управления.

Отдельно рассмотрим практику работы балльной системы в странах Европы.

Например, в Дании также функционирует система штрафных баллов. Такие баллы начисляются одновременно с назначением штрафа в виде определённой суммы денежных средств. К грубым нарушениям на дороге, за которые присваиваются штрафные баллы, можно отнести агрессивную манеру вождения или невыполнение водителем обязанности уступить дорогу другим участникам дорожного движения [3]. Кроме

того, период водительского стажа также имеет значение в работе балльной системы. Так, более опытный водитель может быть лишён права управления в случае, когда им будет набрано 3 балла, а новичок – уже при наличии 2 баллов.

Во Франции система штрафных баллов работает по «вычитательному» принципу. При получении водительского удостоверения водителю начисляется 12 баллов, которые при совершении правонарушений уменьшаются. За одно правонарушение можно лишиться максимум 6 баллов, за несколько же – данный лимит увеличивается до 8 баллов. К примеру, за нарушение в виде использования мобильного телефона в процессе вождения можно потерять 3 балла, а при совершении проезда на запрещающий сигнал светофора водитель будет лишён 4 баллов. Списание баллов производится после того, как водитель оплатил штраф. Также предусмотрена функция автоматического восстановления баллов при отсутствии нарушений за определённый период и возможность прохождения «курса восстановления баллов», за его успешное прохождение можно восстановить 4 балла [4].

В Проект Федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»¹ предлагалось введение новой статьи 12.38 «Систематическое нарушение правил эксплуатации, использования транспортного средства и управления транспортным средством». Однако предложение касалось правонарушений, выявленных именно сотрудниками Госавтоинспекции, за исключением случаев их видеофиксации.

На сегодня также становится очевидным тот факт, что не только административное законодательство своими нормами способно всесторонне урегулировать процесс дорожного движения, его безопасность, а также неотъемлемой частью обеспечения безопасности дорожного движения являются уголовно-правовые средства [5, с. 33]. Среди них особое место занимают охранные средства: установление вины и применение мер уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями уголовного кодекса, повлёкшие наступления тяжких последствий или являющихся формальными составами преступлений.

Несмотря на это, понятно, что уголовно-правовые средства занимают только строго определённую часть отведённых им правовых средств в процессе обеспечения безопасности дорожного движения.

Уголовно-правовые средства обеспечения безопасности дорожного движения составляют единый комплекс мер, влияющих на безопасность движения на дорогах страны, защищённость каждого человека и государства в целом, совместно с административно-правовыми средствами обеспечения безопасности дорожного движения. В связи с этим необходимо решить вопрос о взаимодействии, соотношении административно-правовых и уголовно-правовых средств обеспечения безопасности дорожного движения.

Как было отмечено ранее, административно-правовые средства выполняют регулятивную функцию, то есть определяют права и обязанности участников дорожного движения, регламентируют порядок контроля и надзора за ним, уголовно-правовые средства, в свою очередь, такую функцию не выполняют. Уголовно-правовые средства выполняют наравне с административно-правовыми функцию по охране участников дорожного движения, устанавливая ответственность за поведение, которое отклоняется от норм, принятых органами власти Российской Федерации. Если в административных правоотношениях это глава 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусматривающая составы правонарушений и соответствующую

¹ Проект Федерального закона «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях», разработанный Минюстом России во исполнение поручения Правительства Рос. Федерации [Электронный ресурс]: URL: minjust.gov.ru/ru/events/4398 (дата обращения: 20.09.2025).

ответственность за их нарушения, то в уголовном смысле это составы преступлений, предусмотренных статьями Уголовного кодекса Российской Федерации.

Наличие в законодательстве норм, влекущих более тяжкие последствия, чем те, которые устанавливают административную ответственность, удерживает определённую часть людей от совершения противоправных деяний, несущих большую общественную опасность. Если для отдельного человека оплата назначенного административного штрафа или лишение специального права за административное правонарушение не является средством, удерживающим от нарушения норм законодательства в области дорожного движения, то последствия, предусмотренные уголовным законодательством для подавляющего числа участников дорожного движения и лиц, обеспечивающих его безопасность, являются основаниями для воздержания от совершения правонарушений и преступлений [6, с. 88].

Охранная функция уголовно-правовых средств выражается в установлении ответственности за совершённые преступления против безопасности дорожного движения. В частности, уголовной ответственности за совершение преступлений, направленных против безопасности дорожного движения, подлежат лица, совершившие деяния, в которых имеются составы преступлений, предусмотренных статьями:

1. Статья 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств»;

2. Статья 264.1 УК РФ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющему судимость»;

3. Статья 264.2 УК РФ «Нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишённым права управления транспортными средствами»;

4. Статья 264.3 УК РФ «Управление транспортным средством лицом, лишённым права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющему судимость»;

5. Статья 266 УК РФ «Недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями»;

6. Статья 267 УК РФ «Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения»;

7. Статья 267.1 УК РФ «Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств»;

8. Статья 268 УК РФ «Нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта»¹.

Содержание статей, обеспечивающих безопасность дорожного движения, раскрывает сущность и назначение уголовно-правовых средств обеспечения безопасности дорожного движения – они направлены на правовое урегулирование лишь тех нарушений, которые представляют большую общественную опасность, в отличие от норм, содержащихся в административном законодательстве. Следовательно, соотношение административно-правовых и уголовно-правовых норм, обеспечивающих безопасность дорожного движения, разграничивается по степени опасности совершённых деяний. Однако само наличие норм, влекущих для личности неблагоприятные последствия, удерживает её от совершения или допущения совершения противоправного деяния. Именно в этом проявляется соприкосновение административно-правовых и уголовно-правовых средств – они выполняют профилактическую функцию [7].

¹ Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Выполнение уголовно-правовыми средствами не столь исчерпывающего перечня направлений для обеспечения безопасности дорожного движения в сравнении с административно-правовыми средствами ничуть не умаляет их важность и значение для всего комплекса мер и средств, осуществляемого государством для обеспечения безопасного и качественного дорожного движения. Наличие и специфика охранных средств, реализуемых уголовно-правовыми средствами обеспечения безопасности дорожного движения, позволяют устанавливать вину лиц, совершивших преступления против безопасности дорожного движения, реализовывать механизм привлечения к ответственности, а самое важное – способствовать недопущению новых деяний, влекущих тяжкие последствия для жизни и здоровья каждого человека, причинение имущественного вреда каждому человеку отдельно и государству в целом.

Правовые нормы государства, обеспечивающие безопасность дорожного движения, реализуются в комплексе административно-правовых средств и уголовно-правовых средств, однако это не является исчерпывающим перечнем отраслей права, нормы которых направлены на повышение безопасности дорожного движения, охрану жизни и здоровья его участников [8]. Гражданско-правовая ответственность выполняет не менее важную роль в обеспечении защиты государства и общества от противоправных посягательств в области дорожного движения.

Гражданско-правовые средства обеспечения безопасности дорожного движения своей целью имеют защиту прав, свобод и интересов лиц, пострадавших от правонарушений со стороны других участников дорожного движения.

Лица, допустившие в процессе дорожного движения причинение материального или нематериального ущерба, причинение вреда здоровью по своей вине, подлежат гражданской ответственности.

Гражданская ответственность – это обеспеченное государственным принуждением возложение предусмотренных законом или договором лишений имущественного характера на лицо, совершившее правонарушение. В этом находит свое выражение реализация гражданской ответственности, то есть применение к лицу санкций гражданско-правового характера¹.

Однако далеко не в каждом случае причинения вреда виновным лицом возникают между лицами гражданско-правовые отношения. Согласно ч. 1 ст. 4.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях вопрос о возмещении правонарушителем причинённого им имущественного вреда может быть решён судом лишь в случае отсутствия спора между сторонами, в остальных случаях необходимо использование гражданско-правовых средств защиты потерпевшего лица.

Существование гражданско-правовых средств обеспечения безопасности дорожного движения само по себе не имеет практического смысла. Административно-правовые средства обеспечения безопасности дорожного движения, выполняя свои функции, реализуют охранную функцию, обеспечивают механизм привлечения виновных лиц к административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения. Именно в этой связи раскрывается назначение гражданско-правовых средств, их реализация является результатом выполнения своих функций административно-правовыми средствами обеспечения безопасности дорожного движения.

На сегодняшний день применение профилактических средств, средств принуждения и обеспечения в рамках реализации административно-правовых средств обеспечения безопасности дорожного движения является явно недостаточным. Огромное количество водителей, пассажиров, пешеходов и иных участников дорожного движения вновь после привлечения к административной ответственности совершают правонару-

¹ Гражданский кодекс Рос. Федерации (часть первая) [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шения в области безопасности дорожного движения [9, с. 123]. Таким образом, совершенствование комплекса уголовно-правовых средств, направленных на привлечение к более строгому наказанию нарушивших требования правил дорожного движения путём привлечения к уголовной ответственности, восстановление социальной справедливости наравне с практической реализацией комплекса гражданско-правовых средств, направленных на компенсацию причинённого правонарушением или преступлением материального или морального вреда, вреда здоровью, позволит повысить общий уровень защищённости участников дорожного движения, снизить социальные и экономические риски, обеспечить безопасность дорожного движения на городских улицах и дорогах.

Исходя из вышеизложенного, мы пришли к следующим выводам:

1. Развитие комплекса административной преюдиции, направленной на привлечение к более строгому наказанию лиц, повторно нарушивших требования правил дорожного движения путём привлечения к уголовной ответственности, восстановление социальной справедливости наравне с практической реализацией комплекса гражданско-правовых средств, направленных на компенсацию причинённого правонарушением или преступлением материального или морального вреда, вреда здоровью, позволит повысить общий уровень защищённости участников дорожного движения.

2. В повышении безопасности дорожного движения важное значение имеют административно-правовые средства профилактического характера. Проводимая работа уполномоченными подразделениями Госавтоинспекции в этом направлении позволяет реализовывать цели, поставленные Правительством Российской Федерации. Необходимо отметить, что широкое и профессиональное использование сетевых ресурсов позволит увеличить эффективность реализуемых сегодня мер в достижении цели по изменению поведения участников дорожного движения, способствующих безусловному соблюдению норм и правил дорожного движения.

3. Совершенствование административно-правовых средств обеспечения безопасности дорожного движения должно реализовываться в соответствии с объективной дорожной обстановкой. При внедрении новых положений в нормативные документы должен проводиться глубокий практический и теоретический анализ соответствия вводимым новациям – проблемным аспектам обеспечения безопасности дорожного движения.

4. Вопрос внедрения системы штрафных баллов за нарушения правил дорожного движения является достаточно актуальным, но всё ещё требующим глубокой проработки. Функционирование такой системы в России однозначно возможно, но при проведении дальнейших исследований её эффективности и адаптации к национальным особенностям, что важно в целях обеспечения безопасности дорожного движения.

1. Ахтанина Н. А. Множественность административных правонарушений: дис. ... канд. юрид. наук. Орел, 2021. 176 с.

2. Ахтанина Н. А. Правоприменительные аспекты назначения административного наказания за совершение нескольких правонарушений в области дорожного движения в сборнике «Актуальные вопросы административно-правовой деятельности органов внутренних дел». Изд-во ОрЮИ МВД РФ имени В.В. Лукьянова. Орел, 2025. С. 39-45.

3. Болдина К. А. Особенности правил дорожного движения и обучения вождению в Дании // Ученые заметки ТОГУ. 2015. Т. 6, № 4. С. 309-314.

4. LegiPermis [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legipermis.com/infractions/#menu8> (дата обращения: 20.06.2025).

5. Давыдов М. В. Основные направления совершенствования правоприменительной практики привлечения к административной ответственности

водителей за нарушение правил эксплуатации транспортного средства с тонированными стеклами в сборнике «Актуальные вопросы административно-правовой деятельности органов внутренних дел». Орел, 2023. С. 31-38.

6. Трофимов В. Е. Профилактика дорожно-транспортных происшествий посредством социальной рекламы в сборнике «Актуальные вопросы административно-правовой деятельности органов внутренних дел». Орел, 2024. С. 86-89

7. Капустина Е. Г. Способы формирования у участников дорожного движения устойчивых навыков безопасного поведения на дорогах // Закон и право. 2023. № 7. С. 64-67.

8. Корчагин В. А. Экономика организации дорожного движения: учебное пособие // В. А. Корчагин, В. А. Логинов. Липецк: Липецкий государственный технический университет, ЭБС АСВ, 2018. 155 с.

9. Капустина Е. Г. Основные факторы риска в дорожном движении и их профилактика // Научный вестник ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 3(88). С. 119-126.

1. Axtanina N. A. Mnozhestvennost` administrativny`x pravonarushenij: dis. ... kand. jurid. nauk. Orel, 2021. 176 s.

2. Axtanina N. A. Pravoprimeritel`ny`e aspekty` naznacheniya administrativnogo nakazaniya za sovershenie neskol`kix pravonarushenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya v sbornike «Aktual`ny`e voprosy` administrativno-pravovoj deyatel`nosti organov vnutrennix del». Izd-vo OrYuI MVD RF imeni V.V. Luk`yanova. Orel, 2025. S. 39-45.

3. Boldina K. A. Osobennosti pravil dorozhnogo dvizheniya i obucheniya vozhdeniyu v Danii // Ucheny`e zametki TOGU. 2015. T. 6, № 4. S. 309-314.

4. LegiPermis [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.legipermis.com/infractions/#menu8> (data obrashheniya: 20.06.2025).

5. Davy`dov M. V. Osnovny`e napravleniya sovershenstvovaniya pravoprimeritel`noj praktiki privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti voditelej za narushenie pravil e`kspluatatsii transportnogo sredstva s tonirovanny`mi steklami v sbornike «Aktual`ny`e voprosy` administrativno-pravovoj deyatel`nosti organov vnutrennix del». Orel, 2023. S. 31-38.

6. Trofimov V. E. Profilaktika dorozhno-transportny`x proisshestvij posredstvom social`noj reklamy` v sbornike «Aktual`ny`e voprosy` administrativno-pravovoj deyatel`nosti organov vnutrennix del». Orel, 2024. S. 86-89

7. Kapustina E. G. Sposoby` formirovaniya u uchastnikov dorozhnogo dvizheniya ustojchivy`x navy`kov bezopasnogo povedeniya na dorogax // Zakon i pravo. 2023. № 7. S. 64-67.

8. Korchagin V. A. E`konomika organizacii dorozhnogo dvizheniya: uchebnoe posobie // V. A. Korchagin, V. A. Loginov. Lipeck: Lipeckij gosudarstvenny`j texnicheskij universitet, E`BS ASV, 2018. 155 s.

9. Kapustina E. G. Osnovny`e faktory` riska v dorozhnom dvizhenii i ix profilaktika // Nauchny`j vestnik OrYuI MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2021. № 3(88). S. 119-126.

Информация об авторах

Наталья Анатольевна Ахтанина. Старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Василий Евгеньевич Трофимов. Доцент кафедры противодействия преступлениям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, кандидат юридических наук.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the authors

Natalia An. Akhtanina. Senior Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs. Candidate of Law Sciences.
Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2,

Vasily Ev. Trofimov. Associate Professor of the Department of Combating Crimes in the Field of Information and Telecommunication Technologies. Candidate of Law Sciences.
Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 26.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ИСОД) МВД РОССИИ

Базарнова Анна Александровна¹, Лаптев Виктор Иванович²

^{1,2}Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

¹bazarnova.anna1@yandex.ru

²Viktor.Laptev32@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности (далее – ИСОД) МВД России, исследуются основные ведомственные документы, регламентирующие создание и развитие единой системы информационно-аналитического обеспечения МВД России с 2004 года. Авторами анализируются результаты выполненных мероприятий по созданию и совершенствованию единой системы информационно-аналитического обеспечения органов внутренних дел, а также факторы, препятствующие развитию ИСОД МВД России; вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства в данной сфере.

Ключевые слова: правовое регулирование, ИСОД МВД России, единая система информационно-аналитического обеспечения, искусственный интеллект, информационные технологии, техническое перевооружение.

Для цитирования: Базарнова А. А., Лаптев В. И. О правовом регулировании единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 103–110.

ON LEGAL REGULATION OF THE UNIFIED SYSTEM OF INFORMATION AND ANALYTICAL SUPPORT OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Anna Al. Bazarnova¹, Viktor Iv. Laptev²

^{1,2}Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Bryansk, Russia

¹bazarnova.anna1@yandex.ru

²Viktor.Laptev32@yandex.ru

Annotation. The article examines the issues of legal regulation of the ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia, analyzes the main departmental documents regulating the creation and development of a unified system of information and analytical support of the Ministry of Internal Affairs of Russia since 2004. The author analyzes the results of the measures taken to create and improve a unified system of information and analytical support of internal affairs agencies, as well as factors hindering the development of the ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and makes proposals to improve the current legislation in this area.

Keywords: legal regulation, ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia, unified system of information and analytical support, artificial intelligence, information technology, technical re-equipment.

For citation: Bazarnova A. A., Laptev V. I. On legal regulation of the unified system of information and analytical support of the ministry of internal affairs of the Russian Federation// Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 103–110.

Министерство внутренних дел России на протяжении последних лет осуществляло комплекс мероприятий по внедрению информационных и телекоммуникационных технологий в деятельность органов внутренних дел Российской Федерации. Создание единой информационно-телекоммуникационной системы (далее – ЕИТКС) органов внутренних дел (далее – ОВД) берёт своё начало с 2004 года, когда была утверждена Программа МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел»¹ (далее – Программа). Срок реализации Программы ограничивался 2005–2008 годами. Целью Программы являлось повышение эффективности функционирования органов внутренних дел на основе внедрения в деятельность ОВД новых телекоммуникационных, информационных и биометрических технологий.

Программа содержала обоснование необходимости её решения, основные цели и задачи, объёмы и источники финансирования, ожидаемые конечные результаты реализации. Управление Программой и контроль за её исполнением был возложен на МВД России. Основными задачами Программы являлось техническое перевооружение объектов ОВД, переоснащение базовых информационно-вычислительных систем, предусматривалось создание баз данных по основным направлениям оперативно-служебной деятельности, ставились задачи защиты информации, создания системы санкционированного доступа сотрудников к информационным ресурсам в режиме реального времени. Кроме того, необходимо было организовать информационное взаимодействие с другими правоохранительными органами, внутренними войсками МВД России и органами государственной власти, обеспечить возможность информационного обмена с иностранными государствами в борьбе с преступностью, уменьшить трудоёмкость обработки и сократить время получения необходимой сотрудникам ОВД информации.

К 2008 году планировалось завершить создание ЕИТКС, провести реконструкцию информационных центров, создать информационно-поисковую систему биометрической идентификации личности по изображению лица, создать банки данных дактилоскопической информации, усовершенствовать экспертно-криминалистические учёты, систему предварительного следствия, информационно-телекоммуникационную систему миграционной службы, систему изготовления, оформления и контроляграничных документов, государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД), дистанционного обучения в системе МВД России.

Ожидаемым результатом реализации Программы являлось повышение эффективности деятельности ОВД РФ в борьбе с преступностью и охране общественного порядка.

20 мая 2008 года была утверждена новая редакция программы МВД России по созданию ЕИТКС². Программой предусматривалась система целевых индикаторов и показателей, характеризующих уровень оснащённости ОВД базовыми программно-техническими средствами, автоматизации учётов, возможности удалённого доступа и других, а также поэтапное выполнение комплекса взаимосвязанных нормативно-правовых, организационных, научных и технических мероприятий на период до 2011 года.

По итогам реализации мероприятий предполагалось увеличение ряда значений, таких как доля раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, раскрываемость преступлений по горячим следам, процент возмещённого материального ущерба, количество

¹ Об утверждении Программы МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел» [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 14 декабря 2004 г. № 896. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении новой редакции Программы МВД России «Создание единой информационно-телекоммуникационной системы органов внутренних дел» [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 20 мая 2008 г. № 435. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

идентифицированных следов пальцев рук с помощью информационных систем, обнаружения фактов искажения паспортных данных. Также предполагалось уменьшение ряда значений, таких как количество уголовных дел, возвращённых на дополнительное расследование, количество нарушений учётно-регистрационной дисциплины и т. д.

При этом отмечалось, что проведённые ранее мероприятия позволили только начать создание единой информационно-телекоммуникационной инфраструктуры МВД России. Одной из важнейших причин того, что ряд важных вопросов так не был решён называлась ограниченность бюджетного финансирования.

Новая редакция Программы предусматривала создание различных услуг связи для всех подразделений ОВД. Стояла задача создания системы электронной почты ОВД, а также инфраструктуры ресурсов общего пользования, таких как перевод в электронный вид «бумажных» учётов, создание различных сервисов поисковых систем, автоматизированных банков данных, развитие систем информационной безопасности ОВД. 30 марта 2012 года была утверждена Концепция создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России на 2012–2014 годы¹. Концепция определяла комплекс мероприятий по созданию на базе ЕИТКС ОВД единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (далее – ИСОД МВД России). Отмечалось, что к 2012 году была создана единая телекоммуникационная система органов внутренних дел, которая объединила системы передачи данных и традиционные системы связи на основе единых технологий.

К 2012 году был организован удалённый доступ к ЕИТКС ОВД с рабочих мест сотрудников информационных центров и экспертно-криминалистических подразделений, созданы информационные системы обеспечения антитеррористической деятельности, органов предварительного следствия и дознания, биометрической идентификации личности по изображению лица, фотоскопического учёта, база геномной информации, сеть шифрованной связи, сформирована баллистическая информационная система, система правового информирования и управления финансовыми ресурсами МВД России. Кроме того, совершенствовалась информационная система ГИБДД МВД России.

Вместе с тем отмечалось, что к 2012 году система, соответствующая современным требованиям, так и не была создана. Использование различных технических решений привело к тому, что доступ к информационным ресурсам был организован только для ограниченного круга пользователей. В связи с этим дальнейшими целями создания ИСОД МВД России, согласно Концепции, являлась организация доступа к информационным системам и обеспечение возможностей поиска информации с автоматизированных рабочих мест всех сотрудников.

Среди уже реализуемых ранее задач появляются новые, такие как создание единых банков данных, автоматизация основных направлений оперативно-служебной деятельности, предоставление государственных услуг в электронном виде. 5 декабря 2014 года состоялось заседание коллегии МВД России (далее – коллегия)², на котором подводились итоги реализации Концепции. На коллегии отмечалось, что обеспечен базовый уровень оснащённости средствами информатизации подразделений системы МВД России, создана технологическая основа единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России.

К 2014 году были разработаны основные сервисы оперативно-служебной деятельности: сервис электронного документооборота, сервис электронной почты, используемый для служебной переписки, получения и отправления электронных писем через интернет, сервисы обеспечения безопасности информационных систем, а также сервис предоставления государственных услуг.

¹ Об утверждении Концепции создания единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в 2012-2014 годах [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 30 марта 2012 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об объявлении решения коллегии МВД России от 5 декабря 2014 г. № 3км/1 [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 10.02.2015 № 248. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

После окончания срока реализации Концепции в 2014 году и до 2020 года не существовало ведомственного нормативного правового акта, определяющего основные направления дальнейшего развития ИСОД МВД России. Между тем, как отмечает Е. Ю. Семенов, в этот период активно шёл процесс переноса существующих систем в центр обработки данных МВД России, сложности возникали ввиду несовместимости устаревших форматов с облачными технологиями [1, с. 135]. В этот период внедрение информационных систем в деятельность ОВД осуществлялось посредством принятия локальных нормативных правовых актов, совершенствовалось межведомственное взаимодействие в электронном виде. Так, в соответствии с приказом ФМС РФ № 508, МВД РФ № 748 от 02.09.2014¹ МВД России предписывалось осуществлять взаимодействие в электронном виде с Федеральной миграционной службой на федеральном уровне с использованием специального программного обеспечения. С 1 декабря 2014 года вводится в эксплуатацию система информационного обеспечения централизованного учета оружия, контроля за соблюдением законодательства РФ в области оборота оружия, частной детективной (сыскной) и охранной деятельности МВД России на базе инфраструктуры единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России.² Приказом МВД России от 23.09.2015 № 926³ утверждена структура интегрированной мультисервисной телекоммуникационной сети (далее – ИМТС), которая является компонентом ИСОД МВД России. ИМТС представляет собой универсальную телекоммуникационную транспортную среду, позволяющую обеспечить взаимодействие компонентов единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в целях предоставления комплекса услуг связи подразделениям системы Министерства внутренних дел Российской Федерации. Приказом МВД России от 05.02.2016 № 60⁴ в целях совершенствования информационного обеспечения подразделений Госавтоинспекции и иных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации введено в эксплуатацию специальное программное обеспечение федеральной информационной системы Госавтоинспекции на базе инфраструктуры единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России.

В январе 2020 года были приняты Основные направления дальнейшего развития единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (далее – Основные направления)⁵, которые утверждали план дальнейшего развития ИСОД МВД России на период с 2020 по 2024 год (далее – План). К 2020 году доступ к ИСОД МВД России получили более 680 тысяч пользователей, были автоматизированы основные направления повседневной деятельности МВД России, начаты работы по отказу от иностранного программного обеспечения.

Среди основных проблем, касающихся развития ИСОД МВД России, отмечалось использование разнородных технологических решений, несогласованных и дубли-

¹ О мероприятиях по организации обеспечения межведомственного взаимодействия в электронном виде [Электронный ресурс]: приказ ФМС РФ № 508, МВД РФ № 748 от 2 сентября 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О системе информационного обеспечения централизованного учета оружия, контроля за соблюдением законодательства РФ в области оборота оружия, частной детективной (сыскной) и охранной деятельности МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 15 октября 2014 г. № 883. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении структуры и системы адресации интегрированной мультисервисной телекоммуникационной сети Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 23 сентября 2015 г. № 926. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О порядке эксплуатации специального программного обеспечения федеральной информационной системы Госавтоинспекции [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 5 февраля 2016 года № 60. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Основные направления дальнейшего развития единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России на период с 2020 по 2024 год: утв. Исполняющим обязанности Министра внутренних дел Российской Федерации генералом полиции Российской Федерации В.А. Колокольцевым 21 января 2020 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рующих баз данных, отсутствие единой программной и аппаратной платформы, не позволяющей осуществлять оперативный поиск информации и её анализ.

Основными направлениями дальнейшего развития ИСОД МВД России являлись:

- формирование базовых требований к технологическим решениям, применяемых в ИСОД МВД России;
- разработка сервисов, централизованно предоставляющих нормативно-справочную информацию, сведения о физических и юридических лицах;
- обеспечение возможности оперативной модернизации сервисов ИСОД МВД России;
- разработка конструктора учётов;
- разработка сервиса анализа данных;
- интеграция сервиса геопространственных данных и миграционного учёта в ИСОД МВД России;
- разработка сервиса обработки биометрических данных (дактилоскопической информации, изображений лица, татуировок, геномной информации, образцов голоса);
- разработка сервисов единого входа в систему оказания государственных услуг;
- осуществление перехода на отечественное программное обеспечение;
- совершенствование системы защиты информации.

На основе анализа поступивших от подразделений МВД России в 2023–2024 гг. заявок на проведение исследовательских работ предлагается провести в 2025–2029 гг. десять опытно-конструкторских работ по модернизации сервисов ИСОД МВД России и девять – по созданию новых сервисов ИСОД МВД России [2, с. 199].

Часть современных задач развития ИСОД МВД России в основном касается совершенствования уже имеющихся информационных систем. Так, недостаточно совершенной является система биометрических учётов. Её дальнейшее совершенствование предполагается в рамках сервиса поисковой системы «Ксенон-2». Целью её является установление личности по дактилоскопической информации, фотоизображению лица и геномной информации. Среди новых разработок предполагается создание информационного сервиса для борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Сервис должен помогать раскрывать преступления прошлых лет, серийные, а также преступления, совершённые в условиях неочевидности. Поиск будет осуществляться по ранее совершённым преступлениям, идентификационным данным и местонахождению. Предлагается также создать сервис автоматизированного документооборота с кредитными организациями и операторами сотовой связи, а также сервис определения «фейковых» изображений и автоматизированной информации в сфере противодействия экстремистской деятельности, который будет содержать информацию о лицах, причастных к подготовке и совершению преступлений экстремистской направленности.

Информационный сервис органов предварительного следствия необходим для планирования следственных действий, систематизации учёта уголовных дел, находящихся в производстве, работы с вещественными доказательствами, для проведения исследований и экспертиз.

Среди новых разработок предлагается также создать единую цифровую платформу для обеспечения совместного функционирования разрозненных информационных систем по линии Госавтоинспекции. Необходимо создание Ситуационного центра МВД России, в функции которого будет входить анализ обстановки по противодействию преступности, а также моделирование ситуаций по охране общественного порядка и обеспечения общественной безопасности.

Отдельным направлением развития ИСОД МВД России является внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность ОВД. Область, в которой предполагается использовать искусственный интеллект, включает в себя следующие направления: установление личности человека на основе дактилоскопических сведений по фотографии или видеоизображению; выявление изображений, в которые были внесены из-

менения; помощь в принятии управленческих решений; установление серийности преступлений; борьба с преступлениями в сфере информационно-коммуникационных технологий; анализ социальных сетей с целью выявления и пресечения преступлений.

Г. Ю. Пучков считает, что в области внедрения искусственного интеллекта в деятельность ОВД целесообразно разработать базовую нейросеть, которая позволила бы использовать информацию через единый сервис ИСОД МВД России [2, с. 203].

В статье Н. В. Поляковой отмечается, что в МВД России уже сейчас применяются некоторые технологии искусственного интеллекта для анализа больших объёмов информации [3, с. 244]. Так, например, в г. Анапе используются видеокамеры нового поколения, подключённые к нейросети. В аппаратно-программный комплекс «Купол» входит 500 видеокамер, с помощью которых осуществляется распознавание лиц, силуэтов, государственных номеров машин, марок автомобилей и т. д.¹.

И. А. Кубасов справедливо отмечает, что для полноценной реализации ведомственных пилотных проектов представляется целесообразным создание информационных систем с использованием технологий искусственного интеллекта, интегрированных в ИСОД МВД России [4]. П. Н. Кобец говорит о том, что в МВД России уже идёт активное внедрение в профессиональную деятельность технологий искусственного интеллекта [5, с. 164]. Я. С. Вермеенко приводит пример внедрения в деятельность МВД России технологий искусственного интеллекта, которым может служить подсистема ИБД-Ф «Опознавание (биометрическая идентификация)». В данной подсистеме используются современные технологии распознавания лиц, основанные на сверхточных нейронных сетях [6, с. 78]. При этом для построения большого количества биометрических шаблонов используется облачная инфраструктура ИСОД МВД России [7, с. 13].

Таким образом, учёные сходятся во мнении, что частично искусственный интеллект уже используется в информационных системах ОВД и дальнейшее развитие должно происходить через внедрение его в сервисы ИСОД МВД России.

В Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года² также говорится о том, что одной из проблем научного обеспечения деятельности ОВД, требующей своего разрешения, являются вопросы использования методов математического моделирования, прогнозирования социальных процессов, анализа больших данных и технологий «искусственного интеллекта». Однако внедрение в деятельность ОВД технологий искусственного интеллекта не выделялось в качестве отдельного направления в Основных направлениях развития ИСОД МВД России в 2020–2024 годах. Поэтому целесообразно включить данное направление в ведомственный плановый документ на ближайшую перспективу.

Ещё одним направлением совершенствования правового регулирования ИСОД МВД России является включение в планы мероприятий по анализу проделанной работы. Кроме того, необходимо осуществлять оценку влияния новых информационных систем ИСОД МВД России на эффективность оперативно-служебной деятельности.

Фактически такой анализ проводится по истечении срока выполнения мероприятий. Так, итоги выполнения Программ развития ИСОД МВД России в 2004–2014 годах подводились на заседании коллегии МВД России 10 февраля 2015 года. В своей статье И. А. Кубасов также говорит о проведении анализа по итогам выполнения Плана реализации основных направлений дальнейшего развития ИСОД МВД России на период с 2020 по 2024 год [8, с. 76]. В последнее время принятые ведомственные нормативные правовые акты касались вопросов информационной безопасности. Так, приказом МВД России от 5 ноября 2024 г. № 674³ введено в эксплуатацию с модернизированное программное

¹ Анапа – под «Куполом»: новая система видеонаблюдения помогла раскрыть десятки преступлений // Кубанские новости. 2022.

² Об утверждении Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 13 ноября 2020 г. № 767. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О вопросах эксплуатации модернизированного программного обеспечения (сервиса) управления доступом к информационным системам и ресурсам единой системы информационно-аналитического

обеспечение (сервис) управления доступом к информационным системам и ресурсам единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России.

За период с 2004 по 2024 год были приняты программы, концепция, основные направления развития ИСОД МВД России. Отсутствие ведомственного документа, регламентирующего развитие информационно-телекоммуникационных технологий в системе МВД России в 2015–2019 годах являлось одной из причин, не позволивших создать систему информационно-аналитического обеспечения, удовлетворяющую современным потребностям подразделений МВД России. В настоящее время такой документ также отсутствует. Вместе с тем совершенствование и поддержание на высоком уровне работоспособности ИСОД МВД России необходимы для решения стоящих перед органами внутренних дел задач. В связи с этим необходимо принять ведомственный нормативный правовой акт, который будет определять дальнейшие направления развития ИСОД МВД России, а также сроки реализации мероприятий и конкретные подразделения, отвечающие за их выполнение. Одним из вариантов такого документа может являться план дальнейшего развития ИСОД МВД России на период с 2025 по 2029 годы.

1. Семенов Е. Ю. Перспективы развития ИСОД МВД России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. № 3(72), 2017. С. 135-137.
2. Пучков Г. Ю. анализ предложений подразделений МВД России по дальнейшему развитию ИСОД МВД России // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2024. № 10-2. С. 198-203.
3. Полякова Н. В., Можаяева С. Ю., Можаяев С. А. О некоторых вопросах использования специального программного обеспечения «Паутина» ИСОД МВД России в деятельности сотрудников полиции, осуществляющих административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник Воронежского института МВД России № 1/2024. С. 243-248.
4. Кубасов И. А. Проблемные вопросы применений технологий искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Воронежского института МВД России № 3/2021. С. 180–186.
5. Кобец П. Н. Внедрение технологий, использующих искусственный интеллект, в деятельность МВД России: опыт и проблемы // Вестник ВИПК МВД России. 2023. № 4(68). С. 161-168.
6. Вермеенко Я. С. Современное состояние и перспективы развития ИСОД МВД России // Сетевое издание «Академическая мысль» № 3(16) 2021. С. 75-78.
7. Булгаков Д. Ю. Особенности организации распределенных вычислений в облачной инфраструктуре ИСОД МВД России // Академическая мысль. 2021. № 1(14). С. 13–15.
8. Кубасов И. А., Сафаров Х. С. Основные направления развития единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России // Сетевое издание «Академическая мысль» № 3(28). 2024. С. 75-78.

1. Semenov E. Yu. Perspektivy` razvitiya ISOD MVD Rossii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. № 3(72), 2017. S. 135-137.
2. Puchkov G. Yu. analiz predlozhenij podrazdelenij MVD Rossii po dal`nejshemu razvitiyu ISOD MVD Rossii // Obshhestvennaya bezopasnost`, zakonnost` i pravoporyadok v III ty`syacheletii. 2024. №10-2. S. 198-203.
3. Polyakova N. V., Mozhaeva S. Yu., Mozhaev S. A. O nekotory`x voprosax ispol`zovaniya special`nogo programmnoho obespecheniya «Pautina» ISOD MVD Rossii v deyatel`nosti sotrudnikov policii, osushhestvlyayushhix administrativny`j nadzor za liczami,

osvobozhdenny`mi iz mest lisheniya svobody` // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii № 1/2024. S. 243-248.

4. Kubasov I. A. Problemny`e voprosy` primeneniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v deyatel`nosti organov vnutrennix del Rossijskoj Federacii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii № 3/2021. S. 180-186.

5. Kobecz P. N. Vnedrenie tekhnologii, ispol`zuyushhix iskusstvenny`j intellekt, v deyatel`nost` MVD Rossii: opy`t i problemy` // Vestnik VIPK MVD Rossii. 2023. № 4(68). S. 161-168.

6. Vermeenko Ya. S. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy` razvitiya ISOD MVD Rossii // Setevoe izdanie «Akademicheskaya my`sl`» № 3(16) 2021. S. 75-78.

7. Bulgakov D. Yu. Osobennosti organizacii raspredelenny`x vy`chislenij v oblachnoj infrastrukture ISOD MVD Rossii // Akademicheskaya my`sl`. 2021. № 1(14). S. 13-15.

8. Kubasov I. A., Safarov X. S. Osnovny`e napravleniya razvitiya edinoj sistemy` informacionno-analiticheskogo obespecheniya deyatel`nosti MVD Rossii // Setevoe izdanie «Akademicheskaya my`sl`» № 3(28). 2024. S. 75-78.

Информация об авторах

Анна Александровна Базарнова. Старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский переулок, 2А.

Виктор Иванович Лаптев. Преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский переулок, 2А.

Information about the authors

Anna Al. Bazarnova. Senior Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment. Candidate of Law Sciences.

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova.

241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky Lane, 2A.

Viktor Iv. Laptev. Lecturer at the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment.

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova.

241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky Lane, 2A.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 16.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ДОПУСК К УПРАВЛЕНИЮ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Барышников Максим Валерьевич

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

barymax@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется государственная политика обеспечения прав участников дорожного движения на допуск к управлению транспортными средствами в европейских странах. Рассматриваются ключевые аспекты законодательного регулирования, направленного на защиту прав водителей и других участников дорожного движения. Особое внимание уделяется нормативным актам, касающимся получения права на допуск к управлению транспортными средствами, а также механизмам контроля за соблюдением правил дорожного движения. Статья также включает сравнительный анализ подходов различных стран Европы к обеспечению безопасности на дорогах, выявляя успешные практики и инновационные решения.

Ключевые слова: обеспечение прав участников дорожного движения, водительское удостоверение, допуск к управлению транспортным средством, безопасность дорожного движения, государственная политика.

Для цитирования: Барышников М. В. Допуск к управлению транспортными средствами в европейских странах: сравнительный анализ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 111–118.

ACCESS TO DRIVING IN EUROPEAN COUNTRIES: A COMPARATIVE ANALYSIS

Maxim V. Baryshnikov

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

barymax@yandex.ru

Annotation. The article analyzes the state policy of ensuring the rights of road users to be allowed to drive vehicles in European countries. The key aspects of legislative regulation aimed at protecting the rights of drivers and other road users are considered. Particular attention is paid to regulations related to obtaining the right to drive vehicles, as well as mechanisms for monitoring compliance with traffic rules. The article also includes a comparative analysis of the approaches of various European countries to road safety, identifying successful practices and innovative solutions.

Keywords: ensuring the rights of road users, driver's license, access to driving a vehicle, road safety, public policy.

For citation: Baryshnikov M. V. Admission to Driving in European countries: a Comparative Analysis // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 111–118.

Безопасность дорожного движения является одной из ключевых задач современного общества, требующей комплексного подхода и эффективного регулирования. Развитие автомобильной промышленности в совокупности с экзистенциальной потребностью к комфорту и по возможности к безопасности закономерно обуславливает рост числа граждан, принимающих участие в дорожном движении в качестве водителей [1, с. 138]. Водителей автомобилей, и даже легковых, можно разделить на две группы. Первая группа – люди, для которых вождение автомобиля – это работа, за которую они получают заработную плату, вторая группа – водители, которые используют автомобиль в личных целях [2, с. 105].

Государственная политика в этой области играет важную роль, формируя правовые и организационные рамки для допуска граждан к управлению транспортными средствами с учётом повышенной опасности такого вида деятельности [3, с. 211]. В европейских странах разработаны различные механизмы и нормы, направленные на защиту прав участников дорожного движения. Эти меры включают в себя строгие требования к получению водительских удостоверений, к системе обучения и повышения квалификации водителей, а также контроль за соблюдением правил дорожного движения. Однако подходы к реализации этих норм могут значительно различаться в зависимости от страны, что создаёт интересный контекст для анализа.

Проведённый анализ законодательства европейских стран и юридической литературы по указанной теме исследования позволяет выделить следующие критерии, необходимые для получения водительского удостоверения на управление транспортным средством:

1. Лицо должно достигнуть минимального возраста, необходимого для получения водительского удостоверения на управление транспортным средством конкретной категории.

2. Лицо должно соответствовать определённым медицинским критериям, необходимым для безопасного управления транспортным средством, а именно иметь физиологическую и психическую пригодность в зависимости от конкретной категории транспорта.

3. Лицо должно обладать необходимым уровнем теоретических знаний и практических навыков, необходимых для безопасного управления транспортным средством.

4. Лицо должно успешно сдать теоретические экзамены и практические испытания на получение права управления транспортным средством.

Обращаясь к первому критерию допуска к управлению транспортному средству, следует отметить, что в большинстве стран Европы минимальный возраст для получения водительского удостоверения конкретной категории транспорта установлен в соответствии с Директивой № 2006/126/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О водительских удостоверениях».

В статье 4 упомянутого нормативно-правового акта¹ указан возраст, с которого лицо может получить водительское удостоверение на конкретную категорию транспортного средства. Проанализировав данную статью, мы можем выделить следующие категории в зависимости от минимального возраста:

- минимальный возраст 16 лет для следующих категорий: «A1», «AM», «B1»;
- минимальный возраст 18 лет для следующих категорий: «A2», «B», «BE», «C1», «C1E»;
- минимальный возраст 21 год для следующих категорий: «A» (трёхколёсные моторные велосипеды), «C», «CE», «D1», «D1E»;

¹ О водительских удостоверениях [Электронный ресурс]: директива № 2006/126/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза (принята в Брюсселе, 20 декабря 2006 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– минимальный возраст 24 года для следующих категорий: «А» (двухколёсные мотоциклы), «D», «DE».

Однако согласно п. 6 ст. 4 указанной Директивы государством может быть повышен или понижен минимальный возраст для определённых категорий транспорта, чем и пользуются отдельные страны Евросоюза. Так, например, в Федеративной Республике Германия [4] и Финляндской Республике [5] минимальный возраст для управления транспортным средством категории AM составляет 15 лет.

Вторым критерием допуска лица к управлению транспортным средством будет проверка состояния здоровья лица. Согласно п. 3 ст. 8 Конвенции о дорожном движении¹ водитель должен обладать необходимыми физическими и психическими качествами, а его физическое и умственное состояние должно позволять ему управлять транспортным средством. Поэтому перед допуском к управлению транспортным средством во всех странах Европы необходимо пройти медицинское обследование, на основании которого будет решён вопрос о физиологической и психической пригодности к вождению.

В большинстве стран Европы медицинские требования во многом совпадают с российскими и зависят от категории управляемого транспортного средства. На сегодняшний день принято разделять медицинские требования на две группы:

- первая группа – медицинские требования для категорий транспорта «А», «А1», «А2», «АМ», «В», «В1», «ВЕ»;
- вторая группа – медицинские требования для категорий транспорта «С», «С1», «С1Е», «D», «D1», «D1Е», а также в соответствии с национальным законодательством для категорий «В», если управление транспортным средством входит в их профессиональные обязанности.

Медицинские требования для вышеуказанных групп закреплены в приложении III к Директиве № 2006/126/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О водительских удостоверениях»², такие как:

– для первой группы: отсутствие заболеваний, дефектов, травм, которые значительно препятствуют безопасному управлению транспортным средством, бинокулярная острота зрения, с использованием при необходимости корректирующих линз (минимум 0,5 диоптрии) и способностью обзора горизонта минимум 120 градусов;

– для второй группы: отсутствие заболеваний, дефектов, травм, которые значительно препятствуют безопасному управлению транспортным средством, бинокулярная острота зрения, с использованием при необходимости корректирующих линз (минимум 0,8 диоптрии на лучшем глазу и минимум 0,5 диоптрии на худшем глазу при условии, что мощность линзы не превышает ± 8 диоптрий), а также лицо должно иметь достаточную остроту слуха, устанавливаемую национальным законодательством.

По мнению А. О. Губенкова, данная дифференциация является обоснованной и актуальной с точки зрения целесообразности в градации требований к каждой из групп. Считаем неоспоримым факт, что категории транспортных средств, входящих в группу 2, несомненно, требуют большей ответственности и профессионализма от водителей, которые управляют транспортными средствами значительных габаритов и массы, а также большой пассажироместимостью [6, с. 74].

Психическая пригодность лица определяется во время прохождения компетентного психиатра и может устанавливаться путём индивидуальной беседы или же путём прохождения лицом психологических тестов. Существуют следующие ограничения к допуску лица к управлению транспортным средством, закреплённые в приложении

¹ Конвенция о дорожном движении [Электронный ресурс]: заключена в г. Вене 8 ноября 1968 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О водительских удостоверениях [Электронный ресурс]: директива № 2006/126/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза (принята в Брюсселе, 20 декабря 2006 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

III к Директиве № 2006/126/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О водительских удостоверениях»¹:

- наличие у лица серьёзных психических расстройств, врождённых или приобретённых, исключающих возможность безопасного управления транспортным средством;
- наличие у лица тяжёлой формы умственной отсталости, исключающей возможность безопасного управления транспортным средством;
- наличие у лица серьёзных форм расстройства поведения, исключающих возможность безопасного управления транспортным средством.

Таким образом, перед началом управления транспортным средством лицо должно пройти медицинское обследование у таких специалистов, как терапевт, офтальмолог, психиатр, а также отоларинголог для водителей 2 группы. При этом стоит учитывать, что при наличии заболеваний сердечно-сосудистой системы, неврологических заболеваний, сахарного диабета, почечных расстройств и других заболеваний, травм, дефектов, препятствующих возможности безопасного вождения, решение о допуске лица к управлению транспортным средством принимает компетентный врач или же консилиум врачей, выносящий соответствующее заключение.

Третьим критерием для допуска лица к управлению транспортным средством, как мы отмечали ранее, служит наличие достаточных теоретических знаний и практических навыков, необходимых для того, чтобы будущий водитель мог осуществлять правильное и безопасное управление транспортным средством, а для этого ему необходимо пройти качественное обучение [7, с. 43]. В этой связи в европейских странах активно развивается система автошкол, созданных для получения теоретических знаний и практических навыков вождения.

Проанализировав опыт обучения зарубежных стран, мы можем выделить следующие системы обучения:

- классическая система обучения, по окончании которой выдаётся постоянное водительское удостоверение;
- классическая система обучения с выдачей сертификатов на управление транспортным средством в присутствии опытного водителя и временного водительского удостоверения.

Классическая система обучения подразумевает прохождение лицом определённого количества теоретических и практических занятий, по окончании которых сдаётся теоретический экзамен и практические испытания, при успешной сдаче лицу выдаётся водительское удостоверение на управление транспортным средством. Классическая система обучения используется в таких государствах, как Латвийская Республика, Литовская Республика, Эстонская Республика, Королевство Испания, Итальянская Республика, Финляндская Республика, а также Российская Федерация и большинстве стран СНГ.

В ряде государств Европы классическая система обучения была дополнена системой получения практических навыков путём выдачи сертификатов на управление транспортным средством в присутствии опытного водителя и временного водительского удостоверения [7, с. 44]. Данные документы позволяют лицу накапливать практический опыт управления автомобилем, однако при условии соблюдения ряда ограничений. Такая система введена в Австрийской Республике, Королевстве Нидерланды, Королевстве Норвегия, Королевстве Швеция, Соединённом Королевстве Великобритании и Северная Ирландия, в Федеративной Республике Германия, Французской Республике.

В вышеперечисленных государствах лицо, прошедшее обучение и достигшее 16 лет, имеет право на управление транспортным средством при условии управления

¹ О водительских удостоверениях [Электронный ресурс]: директива № 2006/126/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза (принята в Брюсселе, 20 декабря 2006 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

автомобилем в присутствии опытного водителя. После выполнения всех необходимых процедур начинающему водителю выдаётся сертификат, подтверждающий право управления транспортным средством в присутствии опытного водителя. Следует отметить, что требования к опытному водителю в разных странах отличаются, однако мы можем выделить следующие общие характеристики:

- достижение возраста, установленного законодательством государства, требования к возрасту варьируются от 24 лет в Королевстве Швеция до 30 лет в Федеративной Республике Германия;
- наличие определённого стажа управления автомобилем, что подтверждается водительским удостоверением, которое опытный водитель обязан иметь при себе в наличии. В большинстве европейских государств минимальный стаж должен составлять 5 лет;
- отсутствие серьёзных правонарушений в сфере дорожного движения;
- наличие согласия законного представителя начинающего водителя;
- пассивное участие опытного водителя в управлении транспортным средством путём постоянного контроля над вождением начинающего водителя, а также дачи рекомендации и указания на допущенные ошибки. Помимо этого, опытному водителю запрещено находиться в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

По достижении возраста 18 лет сертификат на управление транспортным средством в присутствии опытного водителя должен быть заменён на временное водительское удостоверение [7, с. 44]. Если же лицу на момент обучения уже исполнилось 18 лет, то ему сразу выдаётся временное водительское удостоверение.

Временное водительское удостоверение выдаётся на срок от 2 до 3 лет в зависимости от условий и государства, в этот период в отношении водителя действует ряд ограничений:

- водитель не может превышать определённый лимит скорости, установленный национальным законодательством;
- показатель содержания алкоголя в крови должен быть равен 0;
- лицу запрещается покидать территорию государства;
- иные ограничения, установленные национальным законодательством.

Следует отметить, что в отечественном законодательстве также присутствует ряд ограничений, предусмотренных для начинающих водителей, чей стаж управления транспортным средством составляет менее 2 лет.

Если во время данного «испытательного» срока водитель не совершал правонарушений в сфере дорожного движения и не нарушал наложенные на него ограничения, то временное водительское удостоверение заменяется на постоянное, а также снимаются все наложенные ограничения.

Последним критерием для допуска лица к управлению транспортным средством будет служить успешная сдача теоретических экзаменов и практических испытаний, после которых лицо получает водительское удостоверение. Следует отметить, что в Российской Федерации и всех государствах Европы в обязательном порядке изначально проводится теоретический экзамен, а только после его успешной сдачи лицо допускается к выполнению практических испытаний.

Для того чтобы будущему водителю сдать теоретический экзамен, необходимо обратиться в компетентный орган. Так, в ряде стран, например: в Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландия, Французской Республике и Швейцарской Конфедерации – сдача теоретического экзамена проходит на базе специализированных центров экзаменационных подразделений. В то же время в ряде государств, таких как Королевство Швеция, Королевство Норвегия и Федеративная Республика Германия, действуют передвижные пункты для сдачи теоретического экзамена в слабозаселённых или отдалённых регионах государства. Однако в Словацкой и Чешской Республиках сдать теоретический экзамен можно только в передвижных экзаменационных пунктах.

На сегодняшний день в большинстве стран Европы теоретический экзамен проходит в форме компьютерного тестирования. Как правило, тест проводится на компьютере, а содержание теста зависит от причины обследования. Тестирование выглядит как компьютерная игра или симулятор вождения [8, с. 73]. Связанно это с рядом преимуществ:

- высокая пропускная способность;
- быстрота обработки результатов;
- объективная оценка результатов.

Однако при наличии письменного заявления теоретический экзамен может быть проведён в форме письменного опроса по билетам. Исключением является Ирландия, Латвийская и Литовская Республики, где теоретический экзамен проводится только в форме компьютерного тестирования без возможности проведения письменного опроса по билетам.

Помимо простого компьютерного тестирования, в таких государствах, как Королевство Нидерланды и Соединённое Королевство Великобритании и Северная Ирландия, в теоретический экзамен включены задачи, выполненные в формате видео, а в Королевстве Швеция и Финляндской Республике тестовые задания снабжены аудиоэлементами.

Задания для теоретического опроса разрабатываются компетентными органами совместно с организациями, которые имеют право на проведение данных теоретических экзаменов с учётом всех международных правовых актов, национального законодательства и методических рекомендаций, установленных на территории данного государства. В свою очередь, минимальные требования к теоретическому экзамену закреплены в приложении II к Директиве № 2006/126/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О водительских удостоверениях»¹.

После успешной сдачи теоретического экзамена будущий водитель может приступить к выполнению практических испытаний. На сегодняшний день практические испытания в государствах Европы представлены в двух формах:

- практические испытания, проводимые на учебном полигоне;
- практические испытания, проводимые в условиях реального дорожного движения.

В таких государствах, как Австрийская Республика, Венгрия, Латвийская Республика, Литовская Республика, Республика Польша, Швейцарская Конфедерация, Эстонская Республика, практический экзамен состоит из обязательного прохождения двух вышеперечисленных форм испытаний. Аналогичная система действует на территории Российской Федерации и в большинстве стран СНГ. Однако в ряде государств, например: в Соединённом Королевстве Великобритании и Северная Ирландия, в Федеративной Республике Германия и Французской Республике – для сдачи практического экзамена нужно выполнить только практические испытания, проводимые в условиях реального дорожного движения. Следует отметить, что в Королевстве Норвегия, Королевстве Швеция и Финляндской Республике процедура сдачи практических испытаний состоит из двух этапов, разделённых по времени: практические испытания, проводимые в летний период, и практические испытания, проводимые в зимний период. В указанных скандинавских странах данная особенность связана с довольно суровыми климатическими условиями в зимний период.

Все критерии, по которым происходит оценка выполнения практического испытания, установлены национальным законодательством и национальными методическими рекомендациями. Также для максимально объективного оценивания выполнения практического испытания в государствах Европы введена классификация ошибок, ко-

¹ О водительских удостоверениях [Электронный ресурс]: директива № 2006/126/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза (принята в Брюсселе, 20 декабря 2006 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

торые допустил экзаменуемый во время прохождения испытания. На сегодняшний день в Королевстве Норвегия, Соединённом Королевстве Великобритании и Северная Ирландия, Французской Республике действует следующая классификация ошибок:

- незначительное отклонение от правил дорожного движения;
- ошибки, которые могут повлечь за собой создание опасной ситуации;
- ошибки, потребовавшие вмешательства экзаменатора для предотвращения дорожно-транспортного происшествия.

В таких государствах, как Республика Польша, Федеративная Республика Германия, Чешская Республика, принята классификация ошибок на «опасные» и «неопасные». При отсутствии или же при допустимом количестве ошибок испытание считается пройденным.

После окончания обучения и успешной сдачи теоретических экзаменов и практических испытаний лицу выдаётся водительское удостоверение, подтверждающее право на управление транспортным средством, полученное у компетентных органов. Данное положение закреплено в подп. «а» п. 1 ст. 41 Конвенции о дорожном движении, согласно которому каждый водитель автомобиля обязан иметь водительское удостоверение¹.

Стоит отметить, что водительское удостоверение является не только документом, подтверждающим прохождение всех процедур допуска к управлению транспортным средством, а также отсутствие серьёзных правонарушений в сфере дорожного движения, влекущих за собой лишение права управления на определённый срок, либо же полное лишение права управления транспортным средством.

Таким образом, в ходе анализа систем допуска к управлению транспортными средствами в европейских странах были выявлены как общие тенденции, так и значительные различия в подходах к регулированию этого процесса. Большинство стран придерживается единой структуры категорий водительских удостоверений, что упрощает понимание правил как для водителей, так и для контролирующих органов. Однако различия в требованиях к обучению и экзаменам могут влиять на уровень подготовки водителей и, соответственно, на безопасность дорожного движения. Системы медицинского контроля и психофизиологических обследований также варьируются. Некоторые страны требуют регулярных медицинских справок, тогда как в других проверка состояния здоровья проводится только на этапе получения прав, что может отразиться на уровне безопасности на дорогах. Подходы к обучению и повышению квалификации водителей также отличаются: в одних странах акцент делается на практическое обучение, в других – на теоретические знания. Эффективность этих методов требует последующего изучения. Дальнейшие исследования и обмен опытом между странами станут ключевыми факторами в совершенствовании систем допуска к управлению транспортными средствами в Европе.

1. Мишина Ю. В. К вопросу о понятии «водитель» // Современное общество и право. 2022. № 2(57). С. 137-143.
2. Михеева К. В., Лизунов А. В. Сравнительный анализ подготовки водителей-любителей в разных странах // Вестник Курганского государственного университета. 2015. № 3(37). С. 105-107.
3. Мишина Ю. В. Особенности прекращения действия права управления транспортными средствами в России // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 8. С. 212-217.
4. Führerscheingesetz [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jusline.at/gesetz/fsg> (дата обращения 20.09.2025).

¹ Конвенция о дорожном движении [Электронный ресурс]: заключена в г. Вене 8 ноября 1968 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Ajokorttilaki [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2011/20110386> (дата обращения 20.09.2025).
6. Губенков А. О. Административно-правовое регулирование контрольно-разрешительной деятельности экзаменационных подразделений Госавтоинспекции: дис. ... канд. юрид. наук. Орел 2016. 206 с.
7. Барышников М. В., Коломиец С. Р. Сравнительный анализ реализации ограничений в области дорожного движения в России и странах Европы // Современное общество и право. 2023. № 2(63). С. 40-46.
8. Зейналов Ф. Н. Об обязательном тестировании водителей при замене водительского удостоверения по истечении 10 лет с его получения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1(94). С. 67-75.
1. Mishina, Yu. V. K voprosu o ponyatii «voditel`» // Sovremennoe obshchestvo i pravo. 2022. № 2(57). S. 137-143.
2. Mixeeva K. V., Lizunov A. V. Sravnitel`ny`j analiz podgotovki voditelej-lyubitelej v razny`x stranax // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3(37). S. 105-107.
3. Mishina Yu. V. Osobennosti prekrashheniya dejstviya prava upravleniya transportny`mi sredstvami v Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 8. S. 212-217.
4. Führerscheingesetz [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.jusline.at/gesetz/fsg> (data obrashheniya 20.09.2025).
5. Ajokorttilaki [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/2011/20110386> (data obrashheniya 20.09.2025).
6. Gubnikov A. O. Administrativno-pravovoe regulirovanie kontrol`no-razreshitel`noj deyatel`nosti e`kzamenacionny`x podrazdelenij Gosavtoinspekcii: dis. ... kand. yur. nauk. Orel 2016. 206 s.
7. Baryshnikov M. V., Kolomiecz S. R. Sravnitel`ny`j analiz realizacii ograniczenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya v Rossii i stranax Evropy` // Sovremennoe obshchestvo i pravo. 2023. № 2(63). S. 40-46.
8. Zejnalov F. N. Ob obyazatel`nom testirovanii voditelej pri zamene voditel`skogo udostovereniya po istechenii 10 let s ego polucheniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 1(94). S. 67-75.

Информация об авторе

Максим Валерьевич Барышников. Доцент кафедры специальной подготовки, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Maxim V. Baryshnikov. Associate Professor of the Department of Special Training. Candidate of Law Sciences. Associate Professor
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 16.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС: ОСОБЕННОСТИ НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Беженцев Александр Анатольевич

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия

adovd@mail.ru

Аннотация. Актуальной проблемой повышения эффективности прокурорского надзора за деятельностью органов государственной власти является его модернизация. Решение зависит от того, как верно будут определены подходы и критерии построения такой системы его оптимизации. Определяющими в этом плане могут стать вопросы, связанные, во-первых, с чётким определением сфер, в которых жизненно необходимо осуществление соответствующего специализированного надзора; во-вторых, с модернизационным определением компетенции и структурного построения надзорного органа; в-третьих, с профессиональным уровнем сотрудников (работников) этого органа; в-четвёртых, с чёткой процедурной регламентацией осуществления надзора; в-пятых, с определением правовых средств обеспечения действительности и эффективности надзорной деятельности.

Ключевые слова: государственная власть, административное право, административный процесс, права граждан, свободы граждан, правовое государство, надзор, прокурор, прокурорский надзор, правовые принципы.

Для цитирования: Беженцев А. А. Административный процесс: особенности надзорной деятельности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 119–125.

ADMINISTRATIVE PROCESS: FEATURES OF SUPERVISORY ACTIVITIES

Alexander A. Bezhentsev

Northwestern Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Saint Petersburg, Russia

adovd@mail.ru

Annotation. An important issue in improving the effectiveness of prosecutorial supervision of the activities of state authorities is the issue of its modernization. The solution depends on how accurately the approaches and criteria for building such a system of optimization are defined. In this regard, issues related to, firstly, a clear definition of the areas in which appropriate specialized supervision is vital; secondly, a modern definition of the competence and structural structure of the supervisory authority; thirdly, the professional level of the staff (employees) of this body; fourthly, with a clear procedural regulation of supervision; fifth, with the definition of legal means to ensure the validity and effectiveness of supervisory activities.

Keywords: legality, principle of legality, law enforcement agencies, police, official, state control, public control, judicial control, prosecutorial supervision, appealing against unlawful actions, appealing against unlawful inactions.

For citation: Bezhtentsev A. A. Legality in police activities: emphasis on modern areas of ensuring it // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 119–125.

Важной гарантией обеспечения прав и свобод граждан в сфере их взаимоотношений с органами государства выступает надзор органов прокуратуры, занимающий особое место в юридическом механизме обеспечения прав и свобод граждан в области административного процесса. На протяжении десятилетий этот государственный институт был и остаётся действенным рычагом соблюдения законности в деятельности органов исполнительной власти, должностных лиц всех уровней, обеспечения правовой защищённости граждан и налаживания надлежащего функционирования всех звеньев государственного механизма [1, с. 4–15; 2, с. 24–29; 3, с. 1–8; 4, с. 5–14; 5, 134 с.]. Следует отметить, что надзорная деятельность представляет собой вид государственной деятельности, в значительной степени приближающийся к деятельности контрольных органов, но всё же не совпадающий с ней.

В правовой науке в течение довольно значительного времени шла дискуссия относительно соотношения понятий надзора и контроля. В определённой степени эта дискуссия была обусловлена и особенностью действующего к тому времени законодательства. Так, И. С. Самощенко отмечал, что надзор как государственное наблюдение за исполнением предписаний права неразрывно связан с наказанием, то есть с применением мер непосредственного государственного принуждения к правонарушителям [6, с. 83]. С этой позицией практически совпадает и другое мнение, существовавшее в то время, что при осуществлении контроля, как правило, используются средства дисциплинарного воздействия, а при осуществлении надзора – административные средства, например штраф [7, с. 257].

Более основательной была позиция С. Г. Березовской, которая отмечала, что разграничение деятельности прокурорских и контрольных органов определяется особенностями целевого назначения, соответствующими векторами конкретных задач, полномочий, критериев оценки действий лиц [8, с. 203]. По мнению Л. А. Николаевой, в базисе разграничения контрольной и надзорной деятельности специальных органов обеспечения законности лежат следующие критерии: а) основная задача, для решения которой создан тот или иной орган на соответствующем этапе государственного строительства; б) характер полномочий органов контроля и надзора; в) положение, которое занимает каждый из них в системе органов государства [9, с. 38].

Мы отмечаем: специфика надзора заключается в том, что его осуществляет единый государственный орган – прокуратура Российской Федерации. Главным отличием контроля от надзора является то, что в ходе проведения контрольной деятельности уполномоченный субъект вправе вмешиваться в оперативную деятельность подконтрольного органа и привлекать виновных к ответственности. В обычном понимании значения слов «контроль» и «надзор» одинаковые – это наблюдение или постоянное наблюдение с целью проверки кого (или чего)-либо за соблюдением каких-либо правил. Общая у них и цель – обеспечение законности и дисциплины в государственном управлении.

И контроль, и надзор могут осуществляться в одинаковых формах (проверки, требования отчётов, объяснений). Контролирующие органы и прокуратура имеют право беспрепятственно посещать подконтрольные и поднадзорные им объекты, давать проверяемым обязательные к выполнению указания. Но контроль как форма государ-

ственной деятельности отличается от надзора (и в этом его особенность) тем, что он повседневный и непрерывный (в основном это касается ведомственного контроля), осуществляется как органами государственной законодательной и исполнительной власти, судами, так и многочисленными специально созданными для этого контролирующими органами. Прокуратура выполняет свои надзорные функции всегда по отношению к не подчинённым ей органам государственного управления, другим объектам. Различается и нормативная база контроля и надзора. Однако эти особенности не являются основными.

Главное, что отличает контроль от надзора, – это то, что контролирующий орган по сравнению прокуратурой имеет право вмешиваться в оперативную деятельность подконтрольного объекта (иногда вплоть до подмены собой руководящего органа этого объекта); а также то, что контролирующие органы (но не прокуратура) имеют право самостоятельно привлекать виновных к правовой ответственности. Вмешательство в оперативную деятельность подконтрольного органа и право самостоятельно привлекать виновных лиц к правовой ответственности и являются, по мнению автора, основными отличиями контроля от надзора.

Считаем, что чёткое определение понятий «контроль» и «надзор» важно не только с теоретических позиций, но и с точки зрения необходимости избегания терминологических противоречий в соответствующих законодательных актах, регулирующих деятельность контрольных органов, например органов, осуществляющих контроль в сфере обеспечения правоохранительной деятельности, противопожарной безопасности, санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Гарантирующая роль деятельности органов по обеспечению прав и свобод граждан в значительной степени обусловлена её функциональной направленностью. Функции прокуратуры представляют собой обусловленные политикой государства и необходимостью чёткой реализации его полномочий особые виды деятельности, основанные на конституционных положениях, определяющие её место и роль в государственном механизме и обращённые на обеспечение надлежащего административно-правового регулирования процессов, происходящих в обществе и государстве.

В административно-правовой и административно-процессуальной областях реализуется такая функция прокуратуры, как функция надзора за соблюдением законов при исполнении судебных решений по административным делам, а также при применении мер принудительного характера, связанных с ограничением личной свободы граждан. Это обусловлено тем обстоятельством, что при исполнении мер принудительного характера имеют место соответствующие административно-правовые и административно-процессуальные отношения между органами, выполняющими судебные решения, и гражданами, в отношении которых они приняты. В этом случае надзор органов прокуратуры выступает как важная гарантия обеспечения прав и свобод граждан, к которым государство применило соответствующие меры.

Одним из важнейших вопросов, прямо связанных с деятельностью органов по обеспечению прав и свобод граждан в сфере административного процесса, является вопрос о надзорных принципах указанной административной деятельности.

Считаем, что к ним следует отнести следующие принципы: 1) объективной истины; 2) равенства перед законом всех участников прокурорско-надзорного процесса; 3) эффективности используемых в надзорном процессе средств; 4) гарантированности устранения нарушений закона, их причин и условий; 5) ответственности должностных лиц прокуратуры за соблюдение законов и осуществление надзорных мер в пределах компетенции, определённой законами; 6) презумпцию правомерности поведения поднадзорных прокурору должностных лиц; 7) национального языка прокурорско-надзорного процесса.

Характеризуя принцип презумпции правомерности поведения поднадзорных прокурору должностных лиц, полагаем, что данный принцип означает, что, обладая соответствующей информацией, свидетельствующей о нарушении закона, прокурор должен быть объективным при её оценке в рамках наблюдательного процесса, принимать меры по выяснению условий, нарушающих права и свободы граждан, а также тех факторов, которые их опровергают.

Считаем, что реализация принципа презумпции правомерности должна увязываться прежде всего с правомерностью действий и правовой позицией гражданина, если он является субъектом процессуальной деятельности. Суть такой презумпции, которая характерна для неюрисдикционных административных производств с участием гражданина, заключается в том, что:

- во-первых, действия и правовая позиция подающего жалобу гражданина должны считаться правомерными до тех пор, пока иное не будет установлено решением органа (должностного лица), компетентного рассматривать жалобу по существу;

- во-вторых, права и обязанности относительно доказывания правомерности позиции гражданина должны быть соответствующим образом распределены между ним и органом (должностным лицом), рассматривающим жалобу, а также органом (должностным лицом), действия/бездействие которого обжалуются. Обязанность доказывания фактов и обстоятельств, которые явились основанием для подачи жалобы, по нашему мнению, должна возлагаться на орган (должностных лиц), деяния которого обжалуются. Учитывая заинтересованность подавшего жалобу гражданина в объективном её решении, следует признать целесообразность закрепление возможности представления доказательств, обосновывающих правомерность подачи жалобы как его права. Кроме того, интересы законности и объективности принятия решения по жалобе требуют определённой инициативы от органа (должностного лица), рассматривающего и решающего жалобу. В этой связи необходимо предусмотреть право такого органа (должностного лица) в случае необходимости самостоятельно принимать меры по установлению фактов и обстоятельств, имеющих значение для принятия правильного решения;

- в-третьих, решение относительно жалобы не должно основываться на предположениях, а все сомнения в правомерности позиции гражданина, деяния которого обжалуются, должны толковаться исключительно в его пользу.

Экстраполируя эти положения на ситуацию, когда в ходе прокурорской проверки решается вопрос о законности действий должностного лица, ставшего объектом надзорной проверки, считаем возможным определить рассматриваемую презумпцию следующим образом: действия/бездействие должностного лица, являющегося объектом надзорной проверки, считаются правомерными до тех пор, пока не будет принято решение компетентного органа о их несоответствии закону. Обязанность по установлению соответствия/несоответствия закона действиям/бездействию или решениям соответствующего должностного лица должна распределяться между прокурором, осуществляющим проверку, и должностным лицом, в отношении которого оно осуществляется.

На наш взгляд, к принципам надзорного производства прокурора в административном процессе следует отнести принцип приоритетности обеспечения и защиты прав и свобод граждан. Сущность данного принципа состоит в том, что обеспечение законности в ходе прокурорских проверок должно рассматриваться через призму правовой защищённости человека и гражданина. Такой подход должен стать приоритетным при реализации всех предусмотренных законом функций прокуратуры.

Ещё одним принципом надзорного производства является принцип обеспечения результативности прокурорской деятельности. Реализация этого принципа, с нашей точки зрения, имеет двухвекторную направленность. Во-первых, это связано с основательной подготовкой и планированием прокурорских проверок, а во-вторых, с реальным приведением ситуации, связанной с нарушением законов, в чёткое соответствие с ними.

Нельзя не сказать о значении ещё одного принципа рассматриваемого производства, а именно принципа гласности, согласно которому о результатах прокурорской деятельности должна широко информироваться общественность. Это всегда повышает эффективность деятельности прокуроров и способствует росту уважения к органам прокуратуры, а в отдельных случаях может стать серьёзным препятствием для попыток использовать прокуратуру как инструмент политической борьбы.

С учётом изложенного дополнительно к принципам надзорного производства прокурора в административном процессе следует отнести: а) принцип законности; б) принцип объективной истины; в) принцип приоритетности обеспечения и охраны прав и свобод граждан; г) принцип действия правовых презумпций; д) принцип обеспечения результативности прокурорской деятельности; е) принцип гласности.

Одним из важных вопросов обеспечения законности в ходе рассмотрения различных административных дел является вопрос взаимодействия прокурора с другими участниками процесса, что объективно необходимо для достижения целей процесса и решения его соответствующих задач. При этом следует отметить, что отлаженное взаимодействие всех субъектов административно-процессуальной деятельности касается не только деятельности прокурора. На наш взгляд, взаимодействие нужно между всеми субъектами административно-процессуальной деятельности, на всех её стадиях и этапах. Её реализация играет роль одного из важнейших факторов обеспечения объективности хода и результатов административного процесса, создания атмосферы сотрудничества и взаимопонимания при рассмотрении и решении соответствующих дел. При этом основой взаимодействия между субъектами административно-процессуальной деятельности, безусловно, должно быть чёткое признание роли и значения каждого из субъектов процесса, необходимости достижения общих целей – разрешения дела в чётком соответствии с законом, создания атмосферы сотрудничества и взаимоуважения в ходе рассмотрения административного дела. По отношению к прокурору такого рода взаимодействие должно осуществляться в первую очередь с субъектами, ведущими процесс, выступающими в нём в роли лидирующих субъектов.

Можно говорить о двух основных формах процессуального взаимодействия прокурора с другими субъектами процесса. Такое взаимодействие должно осуществляться прежде всего в форме обмена соответствующей информацией. Оно наиболее характерно на стадии возбуждения административного дела и осуществляется путём обмена соответствующими процессуальными документами, имеющими отношение к установлению тех или иных фактов или обстоятельств.

Другой формой взаимодействия является совместная процессуальная деятельность в ходе рассмотрения и разрешения конкретного административного дела. Она отличается более чёткой процессуальной регламентацией, связанной с процессуальными правами и обязанностями субъектов процесса. При этом следует подчеркнуть, что на сегодняшний день вопросы совместной процессуальной деятельности приобретают особое звучание в контексте законодательного закрепления судебного порядка рассмотрения определённых административных дел.

Наряду с этим взаимодействие прокуроров с органами и должностными лицами, разрешающими административные дела, может осуществляться при проведении соответствующей аналитической работы, связанной с определением динамики и качественных параметров, причин и условий нарушений законодательства, направлений его совершенствования, координацией усилий в противодействии нарушениям закона.

В целом понятие координации деятельности между субъектами административно-процессуальной деятельности можно определить как основывающуюся на требованиях законодательства и имеющую соответствующие формы совместную деятельность субъектов административного процесса, направленную на достижение целей и комплексное решение его задач.

Осуществление надзорной деятельности прокурора, в том числе связанной с обеспечением законности в сфере административного процесса, объективно требует её процессуальной регламентации и совершенствования правового статуса прокурора. Это касается реализации всех функций прокуратуры на всех стадиях прокурорских проверок и приобретает особое значение в контексте реализации функции представительства прокурором интересов гражданина и государства в суде.

Итак, важной гарантией обеспечения прав и свобод граждан в сегменте их взаимоотношений с органами государства выступает надзор органов прокуратуры, занимающий особое место в юридическом механизме обеспечения прав и свобод граждан в области административного процесса. Надзорная деятельность представляет собой вид государственной деятельности, в значительной степени приближающийся к деятельности контролирующих органов, но всё же не совпадающий с ней. При этом гарантирующая роль деятельности органов прокуратуры в обеспечении прав и свобод граждан заметно обусловлена её функциональной направленностью.

1. Карташов В. Н. Юридические принципы в технологии прокурорского надзора // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. 2022. № 21(21). С. 4–15.
2. Винокуров А. Ю. О единстве прокурорского надзора и его противоположностях // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1(81). С. 24–29.
3. Дицевич Я. Б., Яровой А. В. Повышение эффективности прокурорского надзора за исполнением законодательства органами контроля (надзора) в условиях проводимой административной реформы // Административное и муниципальное право. 2023. № 1. С. 1–7.
4. Воронин О. В. О современном понимании понятий «правовые средства прокурорского надзора» и «формы реализации правовых средств прокурорского надзора» // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 5–14.
5. Ушаков О. М., Малин П. М. Прокурорский надзор. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2021. 134 с.
6. Самощенко И.С. Охрана режима законности советским государством. М., 1960. 200 с.
7. Советское административное право / Под ред. Ю. М. Козлова. М., 1973. 624 с.
8. Советское административное право. Методы и формы государственного управления / Под. ред. А. Е. Лунева, Б. М. Лазарева. М.: Юридическая литература, 1977. 544 с.
9. Николаева Л. А. Общий надзор прокуратуры в советском государственном управлении. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1979. 104 с.
1. Kartashov V. N. Yuridicheskie principy` v texnologii prokurorskogo nadzora // Aktual`ny`e problemy` teorii i istorii pravovoj sistemy` obshhestva. 2022. № 21(21). S. 4–15.
2. Vinokurov A. Yu. O edinstve prokurorskogo nadzora i ego protivopozlozhnostyax // Vestnik Universiteta prokuratury` Rossijskoj Federacii. 2021. № 1(81). S. 24–29.
3. Dicevich Ya. B., Yarovoj A. V. Povy`shenie e`ffektivnosti prokurorskogo nadzora za ispolnieniem zakonodatel`stva organami kontrolya (nadzora) v usloviyax provodimoj administrativnoj reformy` // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2023. № 1. S. 1–7.
4. Voronin O. V. O sovremennom ponimanii ponyatij «pravovy`e sredstva prokurorskogo nadzora» i «formy` realizacii pravovy`x sredstv prokurorskogo nadzora» // Vestnik Tomsogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2021. № 39. S. 5–14.
5. Ushakov O. M., Malin P. M. Prokurorskiy nadzor. Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvenny`j agrarny`j universitet imeni I. T. Trubilina, 2021. 134 s.
6. Samoshhenko I.S. Oxrana rezhima zakonnosti sovetским gosudarstvom. M., 1960. 200 s.

7. Sovetskoe administrativnoe pravo / Pod red. Yu. M. Kozlova. M., 1973. 624 s.
8. Sovetskoe administrativnoe pravo. Metody` i formy` gosudarstvennogo upravleniya / Pod. red. A. E. Luneva, B. M. Lazareva. M.: Yuridicheskaya literatura, 1977. 544 s.
9. Nikolaeva L. A. Obshhiy nadzor prokuratury` v sovetskom gosudarstvennom upravlenii. Leningrad: Izdatel`stvo Leningradskogo universiteta, 1979. 104 s.

Информация об авторе

Александр Анатольевич Беженцев. Доцент кафедры уголовного права юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний пр. Васильевского Острова, 57/43.

Information about the author

Alexander A. Bezhentsev. Honorable Retired Police Colonel, Associate Professor of the Department of Criminal Law Faculty of Law. Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

199178, Russia, St. Petersburg, Sredniy pr. Vasilievsky Island, 57/43.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 07.04.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 342.7

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ НЕЛЕГАЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Бровчук Ольга Владимировна

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

obrovchuk@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние нелегальной трудовой миграции на национальную безопасность в контексте многогранных рисков, затрагивающих правовые, экономические и социальные аспекты развития нашего государства и общества. Автором на основе анализа результатов исследований и статистических данных проведена оценка негативного влияния миграционных процессов на рост теневой экономики, состояние демографической ситуации, обострение социальной напряжённости и криминализации в стране. Особое внимание уделено противоречиям в национальном законодательстве и отсутствию эффективных механизмов межгосударственного сотрудничества. Сделанные выводы подчёркивают необходимость комплексного подхода к решению вопросов нелегальной трудовой миграции, сочетающего ужесточение контроля за миграционными потоками, принятие превентивных мер по обеспечению прав человека и минимизацию рисков в контексте национальной безопасности.

Ключевые слова: нелегальная миграция, национальная безопасность, трудовая эксплуатация, теневая занятость, экономические и социальные риски, правовое регулирование, международное сотрудничество.

Для цитирования: Бровчук О. В. Актуальные проблемы и риски нелегальной трудовой миграции как угроза национальной безопасности современной России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 126–133.

CURRENT PROBLEMS AND RISKS ILLEGAL LABOR MIGRATION AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF MODERN RUSSIA

Olga V. Brovchuk

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Oryol, Russia

obrovchuk@yandex.ru

Annotation. The article examines the impact of illegal labor migration on national security in the context of multifaceted risks affecting the legal, economic, and social aspects of our country's development and society. Based on the analysis of research results and statistical data, the article assesses the negative impact of migration processes on the growth of the shadow economy, the state of the demographic situation, and the exacerbation of social tension and criminalization in the country. Special attention is paid to the contradictions in national legislation and the lack of effective mechanisms for interstate cooperation. The conclusions emphasize the need for a comprehensive approach to addressing illegal labor

migration, which combines stricter control over migration flows, preventive measures to ensure human rights, and minimizing risks in the context of national security.

Keywords: illegal migration, national security, labor exploitation, shadow employment, economic and social risks, legal regulation, international cooperation.

For citation: Brovchuk O. V. Current problems and risks illegal labor migration as a threat to the national security of modern Russia // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 126–133.

В условиях значительных изменений и глобализации, вызванных реформационными и интеграционными процессами во всех жизненно важных сферах мировых обществ, миграция становится неотъемлемой частью экономической и социальной динамики каждой страны. Вместе с тем неконтролируемые формы трудовой миграции трансформируются в различные риски системной уязвимости государств, оказывая прямое влияние на все сферы его развития. При этом рискованный потенциал трудовой миграции одинаково отражается как на уровне развития стран, из которых уезжают мигранты, так и на состоянии стран, в которые они прибывают.

Так, динамика экономической сферы стран, из которых мигрирует население, оказывается в уязвимом положении в силу оттока рабочей силы, приводящего к дефициту трудовых ресурсов, особенно в отраслях, требующих высокой квалификации. Кроме того, так называемая «утечка мозгов», когда мигрируют наиболее профессиональные кадры, имеющие опыт в сфере научных достижений и инновационных технологий, во многом препятствует экономическому развитию страны, усугубляет существующее неравенство, снижает интеллектуальный и инновационный потенциал страны. Среди других негативных проявлений оттока специалистов можно выделить: ослабление и замедление темпов экономического роста; невосполнение затрат государства на воспитание, обучение и повышение квалификации эмигрантов; социально-демографические потери, нарушение преемственности поколений.

В свою очередь, в так называемых «принимающих» странах мигранты нередко сталкиваются с такими негативными явлениями, как социальная дискриминация и маргинализация. Кроме того, миграция может вызвать предсказуемую напряжённость на трудовом рынке в связи с готовностью мигрантов работать за более низкое материальное вознаграждение в виде оплаты их труда, а также за счёт трудоустройства на местах, не требующие определённой квалификации. Острота проблемы также заключается в сокращении рабочих мест для местного населения, ухудшении условий их деятельности. В данном аспекте значимыми критериями выступают культурные и языковые различия, которые снижают адаптационные возможности и провоцируют конфликты в трудовой сфере и обществе в целом.

Таким образом, нелегальная трудовая миграция представляет прямую и косвенную угрозу национальной безопасности как для стран, испытывающих отток населения, так и для стран, принимающих мигрантов, затрагивая как экономическую стабильность, так и общественный порядок.

Об актуальности рассматриваемой проблемы для нашего государства свидетельствуют статистические данные Роструда, предоставленные изданию «Известия», по итогам первого полугодия 2025 года о выявлении 470 тыс. нелегально трудоустроенных граждан Российской Федерации и мигрантов. За аналогичный период прошлого года число нелегальных работников составило всего 370 тыс. человек. Аналитик *Freedom Finance Global* Владимир Чернов рассказал изданию, что работодатели обходят закон, чтобы сократить расходы на выплату налогов, а также ускорить процесс найма сотрудников в условиях кадрового дефицита. Изданием отмечается, что чаще

всего нелегальная занятость обнаруживается на стройках, в салонах красоты, автомобильных, розничной торговле, логистическом секторе и сельском хозяйстве¹.

Как отмечают другие эксперты, нелегальная миграция вредит экономике сразу по нескольким направлениям. Во-первых, из-за наплыва дешёвой рабочей силы снижаются зарплаты в отдельных отраслях, а местные работники теряют рабочие места. Во-вторых, нелегалы трудятся без официального оформления, а значит, не платят налоги и не делают отчислений в социальные фонды. В результате бюджет недополучает значительные суммы. В-третьих, их занятость в теневом секторе мешает государству контролировать рынок труда. И наконец, большая часть их заработка уходит за границу в виде денежных переводов, что ослабляет экономику принимающей страны, дестабилизирует рынок труда и усиливает коррупционные риски [1, с. 115–117; 2, с. 78–82].

Проблема нелегальной трудовой миграции имеет серьёзные политические импликации: неспособность государства контролировать миграционные потоки подрывает его авторитет и легитимность; рост антимигрантских настроений сказывается на усилении популистских и националистических движений, дестабилизирующих политическую систему; проблемы, сопряжённые с нелегальной миграцией, нередко становятся источником напряжённости в межгосударственных отношениях; тема нелегальной миграции часто используется различными силами для мобилизации электората, что приводит к поляризации и дестабилизации общества [3, с. 18–25].

Негативными последствиями складывающейся ситуации в современном российском обществе выступает рост межнациональных конфликтов, ухудшение качества жизни людей, ущемление прав граждан со стороны постоянного притока эмигрантов, противоположное понимание и осознание национальной культуры, традиций, вероисповедания, что часто приводит к делению на «своих» и «чужих» по национальному признаку. Очевидной становится тенденция к нелегальным заработкам, нежелание молодых людей служить в армейских формированиях, а также стремление заработать деньги любыми способами, в том числе противоправными.

По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, рекордным за последние шесть лет стало количество преступлений террористической и экстремистской направленности. За период с января по июнь 2024 года зарегистрировано 819 преступлений в данной сфере. Преступления террористического характера включают в себя факты подготовки терактов, публичные призывы к терроризму и оправдание терроризма. К преступлениям экстремистской направленности относят противоправные деяния, совершённые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы².

Не менее внушительными выступают данные Следственного комитета Российской Федерации. Так, по состоянию на декабрь 2024 года в России находилось 6,2 млн иностранцев – это на 2,3 млн меньше, чем годом ранее. Однако, как отмечает глава федерального государственного органа, количество жалоб на мигрантов за этот период выросло в семь раз. Особую озабоченность вызывают участвовавшие случаи экстремизма среди приезжих. «Резонансные преступления, совершённые гастарбайтерами и их детьми, вызывают справедливый гнев общества и требуют жёстких мер по наведению порядка»³, – заявил А. И. Бастрыкин. Эти слова отражают растущее недовольство

¹ Статистические данные Роструд [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/article/4648528?ysclid=mfck9q3lxv498048763> (дата обращения: 10.09.2025 г.).

² Новости ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21522491?ysclid=mfcljqh94qn393801828> (дата обращения: 09.09.2025 г.). (дата обращения: 10.09.2025).

³ МВД раскрыло число мигрантов в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/09/2024/66ead3a49a7947fa173f2813/> - (дата обращения: 10.09.2025).

граждан, которые всё чаще связывают миграцию с ростом преступности и угрозой национальной безопасности.

В 2024 году в суд передано около 3 000 дел, возбуждённых против мигрантов, при этом данный показатель на 18 % больше аналогичного показателя предыдущего года. Каждое десятое преступление, совершённое мигрантами, – убийство. На 28 % повысилось число изнасилований со стороны мигрантов, а рост развратных действий в отношении детей составил 50 %¹.

В исследованиях *S. Galea, Ф. Karpat, B. Kennedy* установлено: чем ниже уровень благосостояния семьи, беднее территории и район проживания, тем больше девиаций, зависимостей и преступлений [4, с. 1373–1383]. Высокий уровень социального неравенства, нахождение на территории районов крупных транспортных узлов и вокзалов, большое количество нелегальных мигрантов и бродяг, неэффективная работа сотрудников правоохранительных органов, широкая продажа алкоголя и наркотиков порождают формирование девиантного поведения [5, с. 46–94], включая его крайние формы, представляющие непосредственную угрозу для здоровья и жизни окружающих.

Нелегальная трудовая миграция негативно влияет и на демографическую ситуацию как в нашей стране, так и в мировом сообществе в целом. Непрерывные миграционные потоки не позволяют осуществить мероприятия переписи населения и отследить его реальную численность, а также получить достоверные сведения о мигрантах. Миграционные процессы затрудняют внутренне демографическое планирование и обуславливают значительные изменения этнического состава населения в отдельных регионах, меняя привычные условия социализации подрастающего поколения.

Значимой и достаточно острой проблемой на сегодняшний день является проблема беженцев, пытающихся уйти от вооружённых конфликтов, насилия, политического или иного преследования. Анализ статистических данных показал, что в последние годы самыми «нежелательными» странами для проживания стали Сирия и Афганистан, что обусловлено затяжными военными конфликтами и, как следствие, невозможностью трудоустройства, отсутствием жилья, бедностью и отсутствием возможностей для улучшения уровня жизни. Третье место среди таких стран занимает Украина, основной причиной оттока населения из которой стало проведение Россией специальной военной операции (24 февраля 2022 г.)². Мигранты из вышеперечисленных стран в большинстве случаев ассимилируются в России, что обусловлено рядом политических, экономических социокультурных факторов. Вместе с тем такой вид миграции также влечёт ряд негативных аспектов для местного населения, поскольку, потеряв работу и оставшись без средств к существованию, беженцы часто совершают тяжкие и средней тяжести преступления: кражи, грабежи, разбойные нападения. Кроме того, распространёнными видами преступной деятельности среди них являются незаконный оборот наркотиков, изготовление или сбыт поддельных документов, мошенничество [6, с. 109–112].

Проведённый анализ исследований и статистических данных в сфере миграции позволяет сделать вывод о необходимости комплексного подхода и разработки превентивных мер для управления этими процессами. Для урегулирования политических, экономических, демографических, социальных и культурных проблем, связанных с миграционными процессами, необходимо не только тщательное изучение миграции как социального феномена, но и выяснение его истинных причин и масштабов.

Как показал опыт европейских стран, либеральное отношение к привлечению рабочей силы из стран так называемого «третьего мира» имеет свои недостатки, что

¹ МВД раскрыло число мигрантов в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/09/2024/66ead3a49a7947fa173f2813/> - (дата обращения: 10.09.2025).

² Население мира по странам [Электронный ресурс]. URL: <https://database.-earth/population/migration/2023>. - (дата обращения: 10.09.2025 г.).

обуславливает ужесточение иммиграционной политики, проводимой в странах Западной Европы. Ряд российских исследователей в области вопросов трудовой миграции (А. Г. Вишне夫斯基, Е. М. Андреев, А. И. Трейвиш, Ж. А. Зайончковская) также неоднократно отмечали опасность со стороны нелегальных и вынужденных мигрантов [7, с. 90; 8, с. 22–26, 9, с. 22–26]. Об этом свидетельствуют участвовавшие в последнее время диверсионные преступления, организованные с целью умышленного нанесения вреда жизни и здоровью людей, уничтожения или повреждения чужого имущества по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды.

В связи с этим в настоящее время наблюдается активное внедрение нововведений в сфере миграционного законодательства. Одно из наиболее заметных – сокращение допустимого срока пребывания в стране для безвизовых мигрантов (с 2025 года этот лимит уменьшился вдвое – до 90 суток), что позволит сократить поток нелегальных трудовых мигрантов.

С февраля текущего года пограничные службы наделены большими полномочиями для отказа во въезде в нашу страну.

Немаловажное новшество введено и в систему образования для иностранных граждан, заключающееся в обязательной сдаче тестов или экзамена по русскому языку.

Несмотря на то что перечисленные меры направлены на упорядочение миграционных процессов, они могут генерировать новые проблемы, в частности рост коррупции среди чиновников, ответственных за контроль миграции.

С целью минимизации таких рисков необходимо:

- усилить независимость и прозрачность работы миграционных служб;
- разработать чёткие процедуры, исключающие произвол при принятии решений;
- информировать мигрантов об их правах и механизмах защиты.

Ещё одна системная проблема – отсутствие единой, логически выстроенной миграционной политики. Действующие нормы зачастую противоречат друг другу, создавая почву для двоякой трактовки законодательства, без комплексного пересмотра которого добиться реального порядка в этой сфере достаточно сложно¹.

Правовое регулирование трудовой миграции в Российской Федерации как многонационального государства представляет собой сложную систему, основанную на иерархии нормативно-правовых актов различного уровня. В частности, Конституция Российской Федерации закладывает фундаментальные принципы, реализуемые в специализированном законодательстве: Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»², Федеральном законе «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»³, а также положениях Трудового кодекса Российской Федерации и Кодекса об административных правонарушениях.

Законодатель применяет дифференцированный подход к регулированию правового статуса иностранных работников. Обязательным условием легальной трудовой

¹ Артемьева И.В., Асеев Д.В. Нелегальная трудовая миграция как угроза национальной безопасности и выработка мер по ее преодолению [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nelegalnaya-trudovaya-migratsiya-kak-ugroza-natsionalnoy-bezopasnosti-i-vyработка-mer-po-ee-preodoleniyu> (дата обращения: 10.05.2025).

² О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

деятельности является получение соответствующих разрешительных документов. Дополнительным регулятором выступают отраслевые ограничения, фиксирующие максимально допустимую долю иностранной рабочей силы в отдельных секторах экономики. Анализ правоприменительной практики позволяет выделить несколько ключевых проблемных направлений:

- нарушения миграционного режима (пребывание без соответствующих документов или с нарушением установленных сроков);
- незаконная трудовая деятельность (осуществление профессиональной деятельности без разрешительных документов);
- нарушения трудовых прав мигрантов (несоблюдение условий трудовых договоров, задержки выплат);
- фискальные нарушения (уклонение от налогообложения);
- ответственность работодателей (незаконное привлечение иностранной рабочей силы).

Указанные проблемы, как и проблема нелегальной трудовой миграции в целом, создают серьёзные риски для стабильности любого государства, влияя на ключевые сферы его развития.

Складывающаяся в сфере трудовой миграции ситуация требует новых подходов, которые способствовали бы развитию российского общества в позитивном аспекте, исключая риски и учитывая потребности экономики, интересов национальной безопасности, охраны общественного порядка и здоровья нации при строгом соблюдении международных обязательств Российской Федерации.

Для эффективного решения этой проблемы необходим целостный подход, сочетающий модернизацию законодательной базы, усиление режима пограничных служб, борьбу с криминальными группировками, а также разработку программы адаптации для законопослушных мигрантов. Лишь такой многосторонний подход поможет снизить потенциальные угрозы и сохранить устойчивость государства перед лицом современных миграционных тенденций.

Регулирование миграционных процессов в Российской Федерации основывается на принципах: защиты прав и свобод человека, национальных интересов и обеспечения национальной безопасности, сочетания интересов личности, общества и государства, взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с общественными объединениями мигрантов.

Россия в силу своего геополитического положения и определённых исторических событий оказалась в центре динамически развивающихся миграционных процессов. Для России как для государства, граничащего с 18 странами, наличие приемлемой для всех и в то же время чётко сформулированной политики в отношении мигрантов может способствовать эффективному управлению миграционными потоками на основе тесного взаимодействия между государствами на условиях международно-правового сотрудничества.

Государствам необходимо активнее сотрудничать друг с другом в целях обеспечения обоюдной выгоды от миграции, например путём налаживания партнёрских связей для выявления существенных пробелов с точки зрения определённых профессий в одной стране, которые могут быть заполнены квалифицированными мигрантами из другой страны. Для достижения плодотворного международного сотрудничества в области координации миграции, кроме рисков, необходимо признать и преимущества должным образом управляемой миграции, которые она приносит практически всем странам. Полное раскрытие позитивного потенциала миграции возможно только при условии, что все страны (страны происхождения, транзитные и страны назначения) применяют этот подход в своей практике и будут сотрудничать в интересах получения

максимума преимуществ миграции и минимизации её негативных последствий и исходов [10, с. 43].

В Российской Федерации система управления трудовой миграцией представляет собой гибкий механизм, постоянно развивающийся для поддержания равновесия между экономической потребностью в иностранных работниках и защитой интересов отечественного рынка труда. Законодательная база в этой области регулярно обновляется, реагируя на изменения миграционной ситуации и экономические условия. Вместе с тем сложные и неоднозначные процессы миграционной ситуации в России указывают на то, что для достижения экономического роста и социального равенства требуются твёрдые решения на государственном уровне и внимание всего российского общества к достижению в стране стабильного правопорядка и законности в области регулирования вопросов рассматриваемой проблемы.

Правовая регламентация и упорядочение миграционных процессов позволят создать оптимальные условия для эффективного решения задач по обеспечению национальной безопасности, а также будут способствовать устойчивому развитию экономики страны, соблюдению прав человека и повышению качества жизни населения Российской Федерации.

1. Туфетулов А. М., Балабанова Ю. Н. Миграционные процессы в Российской Федерации и их влияние на экономическую безопасность государства // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 2-2 (108). С. 115-117.
2. Райлян А. И., Прасолов В. И., Недозим М. В. Незаконная трудовая миграция: экономико-правовая оценка // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № S3(23). С. 78-82.
3. Артемьева И. В., Асеев Д. В. Нелегальная трудовая миграция как угроза национальной безопасности и выработка мер по ее преодолению. Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2025. С. 18-25.
4. Galea S., Karpati A., Kennedy B. 2002. Social Capital and Violence in the United States, 1974–1993. Social Science & Medicine. 55: 1373–1383.
5. Бубновская О. В., Якубенко К. А. Факторы девиантного поведения российской молодёжи с учётом социально-экономического развития регионов. Экономическая социология. 2024. С. 46-94.
6. Мамонтова Э. А. Неконтролируемая миграция в России и проблемы обеспечения национальной безопасности. Право: история и современность. 2018. № 2. С. 109-112
7. Безвербный В. А. Социально-экономические и психологические факторы девиантного поведения населения Москвы в контексте расширения мегаполиса. Политическое пространство и социальное время. XXXII Харакский форум. Симферополь: Изд-во «АРИАЛ». 2017. С. 34-38.
8. Вишневский А. Г., Андреев Е. М., Трейвиш А. И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. М.: Институт экономики переходного периода, 2003. 90 с.
9. Зайончковская Ж. А. Прогноз миграции населения // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 22–26.
10. Булавко А. Э. Международное регулирование трудовой миграции // Молодой ученый. 2017. № 29(163). С. 42–45.

1. Tufetulov A. M., Balabanova Yu. N. Migracionny`e processy` v Rossijskoj Federacii i ix vliyanie na e`konomicheskuyu bezopasnost` gosudarstva // E`konomika i biznes: teoriya i praktika. 2024. № 2-2 (108). S. 115-117.
2. Rajlyan A. I., Prasolov V. I., Nedozim M. V. Nezakonnaya trudovaya migraciya: e`konomiko-pravovaya ocenka // Vestnik evrazijskoj nauki. 2023. T. 15, № S3(23). S. 78-82.

3. Artem`eva I. V., Aseev D. V. Nelegal`naya trudovaya migraciya kak ugroza nacional`noj bezopasnosti i vy`rabotka mer po ee preodoleniyu. Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Sociologiya. E`konomika. Politika. 2025. S. 18-25.
4. Galea S., Karpati A., Kennedy B. 2002. Social Capital and Violence in the United States, 1974–1993. Social Science & Medicine. 55: 1373–1383.
5. Bubnovskaya O. V., Yakubenko K. A. Faktory` deviantnogo povedeniya rossijskoj molodyozhi s uchytom social`no-e`konomicheskogo razvitiya regionov. E`konomicheskaya sociologiya. 2024. S. 46-94.
6. Mamontova E`. A. Nekontroliruemaya migraciya v Rossii i problemy` obespecheniya nacional`noj bezopasnosti. Pravo: istoriya i sovremennost`. 2018. № 2. S. 109-112
7. Bezverbny`j V. A. Social`no-e`konomicheskie i psixologicheskie faktory` deviantnogo povedeniya naseleniya Moskvyy` v kontekste rasshireniya megapolisa. Politicheskoe prostranstvo i social`noe vremya. XXXII Xaraskij forum. Simferopol`: Izd-vo «ARIAL». 2017. S. 34-38.
8. Vishnevskij A. G., Andreev E. M., Trejvish A. I. Perspektivy` razvitiya Rossii: rol` demograficheskogo faktora. M.: Institut e`konomiki perexodnogo perioda, 2003. 90 s.
9. Zajonchkovskaya Zh. A. Prognoz migracii naseleniya // Sociologicheskij zhurnal. 1995. № 3. S. 22–26.
10. Bulavko A. E`. Mezhdunarodnoe regulirovanie trudovoj migracii // Molodoj ucheny`j. 2017. № 29(163). S. 42–45.

Информация об авторе

Ольга Владимировна Бровчук. Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат социологических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Olga V. Brovchuk. Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities. Candidate of Sociological Sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Oryol, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 16.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 16.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 378

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ КОНТРАВАРИЙНОМУ ВОЖДЕНИЮ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Жбанова Светлана Александровна¹, Темняков Дмитрий Александрович²,
Жилина Ирина Анатольевна³

¹Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

²Московский областной филиал МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя, Руза,
Россия

³Центральный филиал Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева, Воронеж, Россия

¹svetlanasamotina@mail.ru

²Dima-terjewo@rambler.ru

³irina1985_2004@mail.ru

Аннотация. Сфокусировавшись на педагогических аспектах, авторы посвятили свою статью изучению процесса обучения контраварийному вождению сотрудников полиции. Цель научной работы состоит в определении методических приёмов повышения эффективности обучения контраварийной подготовке с использованием технических средств. Главная задача заключается в изучении эффективности формирования начальных навыков вождения на дорогах и на бюджетных автотренажёрах. С целью оптимизации использования учебного автотранспорта рассматривается возможность обучения первоначальным навыкам вождения в рамках курса контраварийной подготовки только лишь с помощью технических средств обучения (автотренажёров), исключая применение учебных автомобилей категории «В».

Ключевые слова: профессиональная подготовка, автотренажёр, технические средства обучения, контраварийная подготовка, обучение на тренажёрах, экстремальное вождение, навыки маневрирования, методическое обеспечение, педагогическая эффективность, положение рук водителя.

Для цитирования: Жбанова С. А., Темняков Д. А., Жилина И. А. Методика обучения контраварийному вождению сотрудников полиции // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 134–146.

TEACHING POLICE OFFICERS HOW TO DRIVE SAFELY

Svetlana Al. Zhdanova¹, Dmitry Al. Temnyakov², Irina An. Zhilina³

¹Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Oryol,
Russia

²The Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the
Ministry of Interior of Russia, Ruza, Russia

³Central branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev,
Voronezh, Russia

¹svetlanasamotina@mail.ru

²Dima-terjewo@rambler.ru

³irina1985_2004@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the study of the process of teaching police officers to drive safely, focusing on its pedagogical aspects. The authors' goal is to identify methodological approaches to improve the effectiveness of teaching safe driving using technical means. The main objective is to examine the effectiveness of teaching initial driving skills using expensive and budget-friendly driving simulators. Additionally, in order to optimize the use of training vehicles, the article explores the possibility of teaching initial driving skills exclusively through technical training tools (driving simulators), eliminating the use of category B training vehicles.

Keywords: professional training, auto trainer, technical training tools, emergency training, simulator training, extreme driving, maneuvering skills, methodological support, pedagogical effectiveness, the position of the driver's hands.

For citation: Zhbanova S. A., Temnyakov D. A., Zhilina I. A. Methodology for Teaching Police Officers to Drive Safely // Scientific Bulletin of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(105). P. 134–146.

Повышение безопасности дорожного движения, направленное на сохранение жизни, здоровья и имущества граждан Российской Федерации, является одним из приоритетных направлений государственной политики и важным фактором обеспечения устойчивого социально-экономического и демографического развития страны. Дорожно-транспортные происшествия наносят экономике России и обществу в целом колоссальный социальный, материальный и демографический ущерб.

Согласно статистике Всемирной организации здравоохранения, транспортный травматизм составляет свыше 30 % летальных исходов среди всех несчастных случаев. Глобальные показатели свидетельствуют о более чем 50 миллионах случаев гибели и травмирования в результате ДТП ежегодно [1].

В 2024 году наблюдается тенденция к снижению ключевых параметров дорожной аварийности. Количество ДТП с пострадавшими сократилось на 0,3 % (n=132037), летальность снизилась на 0,7 % (n=14403), количество травмированных уменьшилось на 1 % (n=164754).

Как и в предшествующие годы, в 2024 году девять из десяти дорожно-транспортных происшествий произошло из-за нарушения правил дорожного движения водителями транспортных средств. Анализ детерминант дорожно-транспортных происшествий за 2024 год выявил доминирующие виды нарушений ПДД со стороны водителей (см. таблицы 1, 2) [2, с. 21].

Таблица 1.
Распределение ДТП по типам нарушений

Нарушение	Количество ДТП	Доля от общего числа (%)
Несоответствие скорости условиям движения	25,450	19,3
Несоблюдение очерёдности проезда	22,202	16,8
Нарушение позиционирования ТС на проезжей части	13,637	10,3
Несоблюдение дистанции	12,109	9,2
Нарушение правил проезда пешеходных переходов	11,035	8,4
Выезд на встречную полосу	10,637	8,1

Таблица 2.
Корреляция нарушений с летальностью

Критическое нарушение	Количество погибших	Доля от общего числа (%)
Выезд на встречную полосу	3,590	24,9
Несоответствие скорости условиям движения	3,459	24,0
Нарушение позиционирования ТС на проезжей части	1,832	12,7

Как видно из показателей аварийности за 2024 год, водители транспортных средств, являясь ключевой фигурой дорожного движения, не всегда могут правильно оценить риски и обеспечить безопасность. Поэтому дополнительная подготовка в рамках контраварийного курса необходима всем водителям транспортных средств.

Контраварийное (экстремальное) вождение включает в себя не только овладение основными моторными навыками, необходимыми для управления транспортным средством, но и способность контролировать автомобиль в различных метеорологических условиях и в разное время суток. Ключевым аспектом является осознание и понимание принципов безопасного и эффективного управления автомобилем в любой дорожной ситуации.

Специфика деятельности сотрудников полиции и Госавтоинспекции, в частности, носит экстремальный характер, так как осуществляется на проезжей части дороги, а автомобиль законодатель относит к категории источников повышенной опасности. В связи с этим профессиональная подготовка сотрудников полиции в рамках обеспечения личной безопасности и совершенствование профессиональных качеств сотрудников полиции, постоянное повышение уровня их правовых и квалификационных знаний имеют большое значение для успешного выполнения служебных задач. Одной из составляемых профессиональной подготовки сотрудников полиции, управляющих транспортными средствами, является обучение контраварийной подготовке.

Сфокусировавшись на педагогических аспектах, авторы посвятили статью изучению процесса обучения контраварийному вождению сотрудников полиции. В центре внимания проводимого исследования находится методология обучения контраварийному вождению с использованием технических средств (автотренажёров). Актуальность данной работы обусловлена важностью транспортной безопасности в условиях современного мира и ключевым вкладом сотрудников полиции в её поддержание.

Обучение контраварийной подготовке носит специфический характер. В фокусе занятий акцент сделан на практической стороне обучения, где сотрудники полиции могут непосредственно применить полученные навыки безопасного управления автомобилем в реальных условиях. Цель проводимого исследования состоит в определении методических приёмов повышения эффективности обучения контраварийной подготовке с использованием технических средств. Главная задача исследования заключалась в изучении эффективности формирования начальных навыков вождения на дорогах и бюджетных автотренажёрах. Также с целью оптимизации использования учебного автотранспорта рассматривается возможность обучения первоначальным навыкам вождения в рамках курса контраварийной подготовки только с помощью технических средств обучения (автотренажёров), исключая применение учебных автомобилей категории «В». В ходе исследования была создана и испытана методика обучения контраварийному вождению для сотрудников полиции. Анализ показал, что использование технических средств обучения, таких как автотренажёры, имеет как положительные,

так и отрицательные стороны, при этом способно решить ряд важных задач в процессе подготовки полицейских к контраварийной деятельности.

Согласно предложенной гипотезе интеграция современных, но более затратных автотренажёров в процесс обучения контраварийной подготовке на этапе формирования начальных навыков вождения будет способствовать как ускорению, так и повышению эффективности результатов в развитии этих навыков.

Современные технологии, применяемые в педагогическом процессе, направлены на повышение эффективности обучения и формирование устойчивых компетенций в профессиональной деятельности выпускника [3, с. 334]. В образовательных организациях системы МВД России при реализации программ обучения «Контраварийная подготовка водителей» особое внимание уделяется практической направленности обучения, при этом необходимо отметить, что данный процесс состоит из нескольких этапов подготовки. На первом этапе освоения программы обучающиеся проходят раздел «Начальная контраварийная подготовка», который состоит из теоретических основ безопасного управления автомобилем, основ техники и тактики скоростного вождения автомобиля, обеспечения готовности к экстренным действиям. Второй этап обучения включает раздел «Активная безопасность водителя (зимняя автодромная подготовка / летняя автодромная подготовка)», где формируются навыки безопасного управления автомобилем в зимнее/летнее время года. Повышение эффективности управления автомобилем в критических ситуациях в условиях зимней/летней эксплуатации.

На первоначальном этапе подготовки сотрудников полиции первостепенное значение приобретает использование современных технических средств обучения, таких как автотренажёры, разработанные в соответствии с программой подготовки водителей транспортных средств [4, с. 406]. Применение тренажёров для отработки ключевых навыков рулевого управления, улучшения координации движений при маневрировании как в стандартных, так и в экстремальных условиях, а также коррекции правильного положения рук на рулевом колесе и оптимальной посадки водителя способствует значительной экономии времени обучения без необходимости использования реального транспортного средства.

Технические средства обучения контраварийной подготовке водителей в рамках применения в учебном процессе требуют решения ряда вопросов, которые касаются определения места и роли технических средств обучения в учебном процессе, выбора наиболее эффективных технических средств обучения, обеспечения их высококачественными дидактическими материалами для интеграции их в учебный процесс [5, с. 7]. На практике решение любого из этих вопросов оказывается далеко не однозначным и для того, чтобы определить оптимальный вариант, необходимо проводить сравнительную оценку применяемых технических средств обучения контраварийной подготовке.

Обучение контраварийной подготовке носит специфический характер не только в силу практической направленности такого обучения и особого методологического обеспечения процесса обучения, но ещё и в силу высоких экономических затрат на такое обучение.

Использование технических средств обучения, таких как автотренажёры, позволяет решать целый комплекс задач по подготовке сотрудников полиции контраварийной подготовке, а именно:

- приближение условий обучения к реальным;
- индивидуальный подход к каждому обучаемому;
- экономия горюче-смазочных материалов;
- многократное повторение отдельных элементов упражнения;
- деление сложного процесса контраварийного управления автомобилем на отдельные элементы;

– моделирование аварийных ситуаций и отработка путей выхода из них.

При этом необходимо учитывать методическую направленность обучения контраварийной подготовке сотрудников полиции, где основным принципом выступает постепенное формирование навыков от простого к сложному. С целью повышения эффективности контраварийной подготовки сотрудников полиции обучение на тренажёрах должно проводиться в следующей последовательности:

- ознакомить с органами управления, системой контрольно-фиксирующих приборов и сигналов неправильных действий;
- определить посадку на рабочее место, отрегулировать положение сиденья, показать правильное положение рук на рулевом колесе и ног на педалях управления;
- показать непосредственное действие органами управления (рычагом переключения передач, стояночным тормозом, указателями поворотов, педалями);
- ознакомить с основными задачами выполнения упражнения при работе на автотренажёре, а также с основными приёмами маневрирования.

Современные технологии позволяют проходить обучение контраварийному вождению без необходимости использования реальных автомобилей, что существенно снижает риски и расходы на эксплуатацию учебных транспортных средств. Виртуальные автотренажёры предоставляют возможность заниматься в реальных условиях улично-дорожной сети, повышая уровень навыков без дополнительных затрат.

При обучении контраварийному вождению на специализированных тренажёрах обучающиеся могут пройти ряд упражнений, направленных на освоение техник экстренного торможения, маневрирования при аварийных ситуациях на дороге, а также уверенного поведения на дороге в условиях повышенной опасности. Отслеживание ошибок и результатов тренировок поможет эффективно корректировать подходы к обучению и повышать общий уровень безопасности на дороге.

Таким образом, использование виртуальных тренажёров для обучения контраварийному вождению открывает новые возможности в повышении профессионализма водителей и обеспечения безопасности на дорогах, так как в современных условиях дорожного движения важно развивать навыки экстремального вождения, чтобы быть готовыми к любым ситуациям на дороге и минимизировать риски аварийных ситуаций.

Согласно накопленному практическому опыту наиболее эффективными тренажёрами в контексте проведения обучения по контраварийной подготовке являются автотренажёры, интегрированные в конструкцию оригинального кузова автомобиля и установленные на двухступенчатой динамической платформе с использованием пневмопривода. Данные автотренажёры позволяют:

- выполнять упражнения, которые направлены на совершенствование базовых моторных навыков управления легковыми транспортными средствами;
- освоить навыки вождения в разных погодных условиях и в различное время суток;
- изучать правила безопасного вождения без риска для жизни и имущества, избегая амортизационных расходов, связанных с эксплуатацией реальных автомобилей, а также затрат на техническое обслуживание и топливо [6, с. 10];
- пройти первый этап контраварийной подготовки, освоив движение в условиях замкнутого испытательного маршрута с выполнением контрольных заданий;
- совершенствовать свои навыки вождения на оживлённых улицах и во дворах виртуального города, а не только в рамках ограниченного участка полигона;
- автоматически отслеживать ошибки обучающихся и хранить статистические данные о тренировочных и экзаменационных заездах в персональной базе данных.

На занятиях с сотрудниками полиции такой автотренажёр имеет комбинированную направленность и позволяет отрабатывать сложные элементы вождения:

- привыкание к габаритам транспортного средства при выполнении заданий по прохождению узких пространств с минимальными зазорами;
- получение навыков распределения внимания при управлении ТС за счёт децентрализации при выполнении различных видов деятельности, чтобы успевать возвращаться к продолжению прерванного до того, как наступит забывание;
- отработка элементов сокращения остановочного пути при экстренном торможении с сохранением управляемости автомобиля;
- отработка действий по управлению амплитудой транспортного средства при сносе автомобиля или при неуправляемом заносе в различных погодных условиях;
- отработка особенностей динамического вождения;
- формирование двигательных навыков управления автомобилем по механизму рефлексов при отработке упражнений двигательной направленности;
- маневрирование в критических ситуациях;
- силовое скольжение;
- сложные повороты.

Конструкция автотренажёра, как отмечалось ранее, включает стандартизированную компоновку рабочего места водителя с типовым расположением органов управления легкового автомобиля. Ключевым функциональным элементом является динамическая платформа, обеспечивающая пространственное перемещение в осях крена и тангажа в диапазоне $\pm 15^\circ$. Данная техническая характеристика позволяет моделировать кинестетическую обратную связь, соответствующую ощущениям водителя реального транспортного средства при следующих условиях:

1. Динамические режимы движения (ускорение, торможение, маневрирование в поворотах, коллизионные воздействия);
2. Изменение пространственной ориентации кузова, обусловленное дорожным профилем;
3. Воздействие вибрационных нагрузок при движении по неоднородным покрытиям и внедорожным участкам.

При обучении контраварийной подготовке сотрудников полиции, управляющих транспортными средствами, важно использовать автотренажёры, где активная рулевая система обеспечивает полную имитацию вождения и передаёт ощущения при сцеплении колёс с дорогой и при заносе автомобиля.

Для обеспечения полного операторского погружения при моделировании управления транспортным средством в экстремальных условиях автотренажёр требует оснащения:

1. Проекционной системой из трёх модульных трапециевидных экранов с минимальным углом обзора 210° , синхронизированных с тремя мультимедийными проекторами для визуализации учебных сценариев;
2. Имитацией систем обзора, включающей:
 - ЖК-дисплей, интегрированный в центральное зеркало салона для репликации заднего обзора;
 - два дополнительных ЖК-дисплея, встроенных в боковые зеркала для воспроизведения боковой видимости.

Данная конфигурация обеспечивает устранение зон ограниченной видимости (слепых/«мёртвых» зон).

Обязательным элементом обучения на автотренажёре, создающим иллюзию полного присутствия, является акустическое сопровождение, т. е. звукооряд должен обеспечиваться акустической системой, которая может быть интегрирована в корпус автотренажёра.

При реализации практических занятий на специализированном полигоне контраварийной подготовки с использованием транспортных средств категории «В» моде-

лирование коллективных экстремальных сценариев невозможно ввиду ограничения одновременного присутствия на трассе не более двух единиц техники (требование безопасности). Данное ограничение преодолевается посредством внедрения сетевого тренажёрного комплекса, где агрегация автотренажёров в единую локальную сеть обеспечивается специализированными сетевыми интерфейсами. Такое виртуальное пространство даёт возможность проводить совместные тренировочные или экстремальные заезды в одном месте. Система локально-сетевого подключения обеспечит возможность выбрать условия для проведения заезда: погоду (снегопад, туман, яркое солнце), время суток и наличие пешеходов на территории виртуального города [7, с. 21].

Но даже самые совершенные с технической точки зрения автотренажёры не позволяют достичь высокой эффективности формирования навыков безопасного управления транспортным средством без должного методического обеспечения контраварийной подготовки.

В качестве методических рекомендаций необходимо отметить, что при проведении занятий на автотренажёре инструктор должен показать последовательность отработки приёма сначала в медленном темпе, а затем в быстром. Для лучшего восприятия комментировать свои действия: «выжимаю педаль сцепления», «нажимаю педаль газа», «включаю левый указатель поворота» и т. д. Убедившись, что обучаемые усвоили порядок действий, приступить к практической отработке учебных вопросов.

Для этого обучаемые занимают места в тренажёрах и отрабатывают правильное положение водителя за рулём и регулировку сиденья водителя; правильное положение рук на ободе рулевого колеса в различных условиях движения; положение руки на рукоятке стояночного тормоза; действия педалями сцепления, тормоза и подачи топлива; действия рычагом переключения передач; пуск двигателя и его остановку; приёмы, соответствующие троганию автомобиля с места и его остановке; порядок пользования световыми и звуковыми сигналами.

Следующим этапом занятия выступает отработка первоначальных навыков в маневрировании. Преподаватель объясняет, что при совершении маневрирования необходимо следить за своевременным включением и выключением указателей поворотов, обеспечением безопасности манёвра. Перед совершением поворота или разворота надо уменьшить скорость движения и перейти на низшую передачу. При повороте направо занять крайнее правое положение на проезжей части, а при повороте налево или развороте – крайнее левое. Вращение рулевого колеса осуществлять плавно, последовательным перемещением рук по ободу рулевого колеса, при возможности совершить поворот за один приём без отрыва рук. После завершения поворота или разворота нужно вернуть рулевое колесо в исходное положение [8, с. 152].

Методика обучения контраварийной подготовке сотрудников полиции на тренажёрах предусматривает показ учебных фильмов в виде отдельных фрагментов или полностью с повторением два-три раза.

По мере показа фильма обучаемые копируют действия водителя, управляющего на экране автомобилем, т. е. переключают передачи, включают указатели поворотов, совершают различные манёвры и т. п. Преподаватель следит за действиями обучаемых, при необходимости комментирует отдельные моменты [9].

Следующий этап подготовки проводится с использованием автотренажёров «рули». Отметим основное преимущество данных автотренажёров – это их небольшая стоимость, поэтому, сравнивая педагогическую и экономическую эффективность применения тренажёров данного вида, необходимо подчеркнуть, что при минимальных затратах на приобретение тренажёров они дают высокую педагогическую эффективность, так как позволяют формировать первичные навыки удержания и маневрирования рулевым колесом в экстремальной ситуации. При обучении с использованием автотренажёров «рули» инструктор объясняет, как правильно пользоваться «закрытым хватом».

Показывает, как осуществляется перехват рулевого колеса левой и правой рукой для постоянного контроля рулевого колеса. Далее обучающиеся выполняют это упражнение, постепенно наращивая темп для формирования устойчивого навыка полного поворота рулевого колеса «закрытым хватом». Следующий этап упражнения – руление поочередно, одной рукой левой, потом правой «закрытым хватом» [10, с. 74].

Кроме того, при использовании тренажёров для обучения контраварийной подготовке сотрудников полиции необходимо учитывать, помимо их практической эффективности (формирования навыков контраварийного вождения), и экономическую составляющую (стоимость тренажёров). Для определения эффективности использования дорогих и дешёвых автотренажёров при формировании первичных навыков руления в рамках контраварийной подготовки нами был проведён педагогический эксперимент. Согласно предложенной и проверяемой нами гипотезе, если в процесс реализации обучения контраварийной подготовке при формировании первичных навыков руления внедрить современные, но более дорогие автотренажёры, то это позволит ускорить и повысить результаты по формированию первичных навыков руления. Для эксперимента были отобраны две группы по 20 человек, обучающихся на факультете переподготовки и повышения квалификации сотрудников подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя по программе «Контраварийная подготовка водителей». Критерием оценки педагогической эффективности выступил уровень подготовленности обучающихся первичным навыкам руления при сдаче промежуточного зачёта. Первая экспериментальная группа проходила обучение первичным навыкам руления на динамическом тренажёре легкового автомобиля, оснащённого системой локально-сетевого подключения «FORWARD», цена которого начинается от 3 291 000 руб. Вторая группа обучалась на автотренажёре рулевого управления с педалями и МКПП стоимостью 16 000 рублей. В процессе обучения комплекс упражнений был идентичным, и время на выполнение упражнений отводилось одинаково. Упражнение «скоростное вращение рулевого колеса (обеспечивающее вращение или повороты рулевого колеса с максимальной скоростью для стабилизации автомобиля при заносе, вращении или опрокидывании) на 180° поворот направо и налево двумя руками, удержание рулевого колеса закрытым хватом (положение кисти руки, удерживающей рулевое колесо сверху). При этом большой палец располагается внутри обода рулевого колеса, остальные пальцы сжимают его снаружи, и вращение рулевого колеса осуществляется перекрёстными перехватами (см. таблицу 3).

Таблица 3
Упражнение «скоростное вращение рулевого колеса»

Величина показателя текущего контроля выполнения упражнения «Скоростное вращение рулевого колеса» (секунды)	
отлично	29
хорошо	31
удовлетворительно	34
неудовлетворительно	36

Обе группы выполняли упражнение на скоростное руление до начала обучения на динамическом тренажёре легкового автомобиля, оснащённого системой локально-сетевого подключения «FORWARD», и автотренажёре рулевого управления с педалями и МКПП. Результаты входного контроля и результаты после обучения упражнения на скоростное руление в первой группе на тренажёре «FORWARD» и второй группы – на автотренажёре рулевого управления с педалями и МКПП (см. таблицу 4).

Таблица 4

Результаты до обучения и после прохождения обучения на скоростное руление

Выполнение упражнения на скоростное руление до начала обучения			Выполнение упражнения на скоростное руление после обучения	
Результаты (секунды)	Динамический тренажёр легкового автомобиля «FORWARD»	Автотренажёр рулевого управления с педалями и МКПП	Динамический тренажёр легкового автомобиля «FORWARD»	Автотренажёр рулевого управления с педалями и МКПП
лучший	34	33	29	28
худший	45	41	33	32
средний	39,5	37	32,4	31,4

Улучшение показателей на автотренажёре рулевого управления с педалями и МКПП объясняется тем, что на данном тренажёре отсутствует сопротивление колёс передней оси.

После прохождения обучения первичным навыкам скоростного руления все обучающиеся успешно сдали зачёт. Результаты текущего контроля показали, что первая группа, проходившая обучение на тренажёре «FORWARD», показала среднее время 32 секунды, а вторая группа, обучавшаяся на автотренажёре рулевого управления с педалями и МКПП, показала среднее время 31,5 секунды. Расхождение в результатах скоростного руления в обеих группах было незначительным (таблица 2). В результате, оценивая экономическую и педагогическую эффективность применения технических средств обучения первичным навыкам скоростного руления как одного из элементов контраварийной подготовки, можно сделать вывод, что применение дорогостоящих автотренажёров нецелесообразно, так как результаты формирования первичных навыков скоростного руления практически одинаковы как при использовании дорогих, так и при использовании дешёвых автотренажёров. По результатам проведённого эксперимента следует отметить, что в долгосрочной перспективе при длительном обучении педагогическая эффективность автотренажёров, оснащённых системой локально-сетевой подключения, которая позволяет соединить все тренажёры в локальную сеть для совместного прохождения первичных тренировочных или экстремальных заездов в едином виртуальном пространстве, не вызывает сомнений, то экономическая слагаемая такого обучения достаточно высока, т. к. затраты на приобретение, установку и обслуживание комплексов автотренажёров очень большие. При организации процесса обучения контраварийной подготовке для преподавателей имеет большое значение использование методических и технических средств обучения.

В данном случае педагогический эксперимент показал, что для отработки первичных навыков некоторых элементов контраварийной подготовки при выборе технических средств обучения можно руководствоваться их небольшой стоимостью, так как результаты формирования практических навыков руления будут в рамках погрешности.

В заключение необходимо отметить, что в процессе формирования навыков экстремального вождения практическая часть обучения осуществляется с использованием учебных транспортных средств категории «В» [11]. В силу чего происходит большой износ узлов и механизмов автомобиля. Актуальность нашего исследования направлена на определение возможности снижения экономических затрат на обучение «Контраварийной подготовке» при сохранении высокой педагогической эффективности обучения. Как правило, процесс обучения контраварийной подготовке имеет краткосрочный характер с высокой интенсивностью использования автомобиля. Частные автошколы и

инструкторы по контраварийному вождению экономят на использовании своих автотранспортных средств, проводя обучение на собственных автомобилях обучающихся. Государственные организации не могут позволить себе использование автотранспортных средств, не стоящих на балансе организации, в связи с чем интенсивность использования автомобиля резко увеличивается и приводит к поломкам. С целью экономии средств на ремонт автомобиля возникает необходимость использования технических средств обучения (автотренажёров) для формирования первичных навыков контраварийной подготовки [12]. Практическое использование автотренажёров, рассмотренных в статье, доказала свою педагогическую эффективность, что позволило обеспечить экономии моторесурса учебных автомобилей и износ шин учебных транспортных средств категории «В». Процесс обучения сотрудников полиции контраварийной подготовке должен иметь пролонгированный характер. После обучения сотрудникам полиции необходимо создать условия для развития водительских возможностей. Моделирование различных экстренных ситуаций в процессе самостоятельного совершенствования навыков контраварийной подготовки позволит сотруднику развивать такие профессиональные компетенции, как способность проявлять психологическую устойчивость в сложных и экстремальных условиях, применять методы эмоциональной и когнитивной регуляции для оптимизации собственной деятельности и психологического состояния; способность выполнять должностные обязанности по обеспечению законности и правопорядка, безопасности личности, общества и государства, защите жизни и здоровья граждан, охране общественного порядка. Использование самых простых технических устройств (тренажёров) позволит повысить навыки управления транспортным средством в экстремальных ситуациях.

1. Евлоев Н. Д. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта // Юрист-Правоведъ. 2010. № 4(41). С. 53-57.
2. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ "НЦ БДД МВД России", 2025, 148 с.
3. Темняков Д. А. Педагогический анализ мотивации к учебной деятельности курсантов Первого и второго курса Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя // Актуальные проблемы адаптации курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России к условиям профессиональной деятельности: состояние и перспективы: Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных трудов, Москва, 31 марта 2022 года. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. С. 334-341.
4. Темняков Д. А., Темнякова Е. Д. Психолого-педагогические особенности профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел // Актуальные проблемы психологической работы и профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел и силовых структур: Сборник научных трудов Межведомственной научно-практической конференции, Москва, 30 ноября 2020 года. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. С. 402-409.
5. Темняков Д. А. Оценка эффективности применения технических средств контроля знаний слушателей в образовательных учреждениях МВД России: учебно-методическое пособие. Домодедово : Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2000. 30 с.
6. Темняков Д. А. Обучение слушателей и курсантов образовательных учреждений МВД России тактике и методам обеспечения личной профессиональной безопасности: дис. ... канд. пед. наук. М., 2002. 266 с.
7. Темняков Д. А., Алексеева Е. Д. Активные методы обучения сотрудников подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения на курсах

переподготовки и повышения квалификации // Вестник ГОУ ДПО ТО "ИПК и ППРО ТО". Тульское образовательное пространство. 2022. № 3. С. 20-24.

8. Темняков Д. А. Педагогические концепции практического обучения вождению в образовательных организациях МВД России // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2021. № 2(17). С. 148-156.

9. Как готовят водителей в Германии и Финляндии [Электронный ресурс] / И. Моржаретто // За рулем.рф : интернет изд. М., 1998-2024. URL:<https://www.zr.ru/content/articles/707636-avtoshkoly-mozhno-po-russki> (дата обращения: 09.09.2025).

10. Темняков Д. А., Рузин А. А. Начальная контраварийная подготовка сотрудников ДПС ГИБДД МВД России // Полицейская деятельность. 2024. № 1. С. 67-76.

11. Дудкин Ю. А., Синегубов С. В., Щеглов А. А. Модель и численный метод оптимизации организации контраварийной подготовки водителей в вузах МВД России // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 3. С. 64-72.

12. Фокина Н. А., Щеглов А. А., Дудкин Ю. А. Опыт использования имитационных технологий при подготовке водителей транспортных средств в вузах МВД России // Актуальные проблемы огневой, тактико-специальной и профессионально-прикладной физической подготовки. Могилев: Учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь", 2016. С. 115-121.

1. Evloev N. D. Prestupleniya protiv bezopasnosti dvizheniya i e`kspluatacii transporta // Yurist`-Pravoved`. 2010. № 4(41). S. 53-57.

2. Dorozhno-transportnaya avarijnost` v Rossijskoj Federacii v 2024 godu. Informacionno-analiticheskij obzor. M.: FKU NCz BDD MVD Rossii, 2025, 148 s.

3. Temnyakov D. A. Pedagogicheskij analiz motivacii k uchebnoj deyatel`nosti kursantov Pervogo i vtorogo kursa Moskovskogo oblastnogo filiala Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya // Aktual`ny`e problemy` adaptacii kursantov i slushatelej obrazovatel`ny`x organizacij MVD Rossii k usloviyam professional`noj deyatel`nosti: sostoyanie i perspektivy`: Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya: sbornik nauchny`x trudov, Moskva, 31 marta 2022 goda. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya, 2022. S. 334-341.

4. Temnyakov D. A., Temnyakova E. D. Psixologo-pedagogicheskie osobennosti professional`nogo obucheniya sotrudnikov organov vnutrennix del // Aktual`ny`e problemy` psixologicheskoy raboty` i professional`nogo obucheniya sotrudnikov organov vnutrennix del i silovy`x struktur: Sbornik nauchny`x trudov Mezhdedomstvennoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 30 noyabrya 2020 goda. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya, 2021. S. 402-409.

5. Temnyakov D. A. Ocenka e`ffektivnosti primeneniya texnicheskix sredstv kontrolya znaniy slushatelej v obrazovatel`ny`x uchrezhdeniyax MVD Rossii: uchebno-metodicheskoe posobie. Domodedovo : Vserossijskij institut povыsheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii, 2000. 30 s.

6. Temnyakov D. A. Obuchenie slushatelej i kursantov obrazovatel`ny`x uchrezhdenij MVD Rossii taktike i metodam obespecheniya lichnoj professional`noj bezopasnosti: dis. ... kand. ped. nauk. M., 2002. 266 s.

7. Temnyakov D. A., Alekseeva E. D. Aktivny`e metody` obucheniya sotrudnikov podrazdelenij po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya na kursax perepodgotovki i povыsheniya kvalifikacii // Vestnik GOU DPO TO IPK i PPRO TO. Tul`skoe obrazovatel`noe prostranstvo. 2022. № 3. S. 20-24.

8. Temnyakov D. A. Pedagogicheskie koncepcii prakticheskogo obucheniya vozhdnuyu v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. 2021. № 2(17). S. 148-156.
9. Kak gotovyat voditelej v Germanii i Finlyandii [Elektronnyj resurs] / I. Morzharetto // Za rulem.rf : internet izd. M., 1998-2024. URL:<https://www.zr.ru/content/articles/707636-avtoshkoly-mozhno-po-russki>
10. Temnyakov D. A., Ruzin A. A. Nachal'naya kontravarijnaya podgotovka sotrudnikov DPS GIBDD MVD Rossii // Policejskaya deyatel'nost'. 2024. № 1. S. 67-76.
11. Dudkin Yu. A., Sinogubov S. V., Shheglov A. A. Model' i chislennyj metod optimizatsii organizatsii kontravarijnoy podgotovki voditelej v vuzakh MVD Rossii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 3. S. 64-72.
12. Fokina N. A., Shheglov A. A., Dudkin Yu. A. Opyt ispol'zovaniya imitacionnykh tehnologij pri podgotovke voditelej transportnykh sredstv v vuzakh MVD Rossii // Aktual'nyye problemy ognevoj, taktiko-spezial'noj i professional'no-prikladnoj fizicheskoj podgotovki. Mogilev: Uchrezhdenie obrazovaniya Mogilevskij institut Ministerstva vnutrennix del Respubliki Belarus, 2016. S. 115-121.

Информация об авторах

Светлана Александровна Жбанова. Заместитель начальника кафедры организации деятельности Госавтоинспекции, кандидат экономических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Дмитрий Александрович Темняков. Заместитель начальника кафедры организации деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения, кандидат педагогических наук, доцент.
Московский областной филиал МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя,
143103, Россия, Московская обл., Рузский м.о., п. Старотеряево, тер. МОФ МосУ имени В. Я. Кикотя, 1.

Ирина Анатольевна Жилина. Доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, кандидат филологических наук.
Центральный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева.
394006, Россия, г. Воронеж ул. 20 лет октября, 95.

Information about the authors

Svetlana Al. Zhdanova. Deputy Head of the Department of Organization of traffic police activities. Candidate of Economic Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of Ministry of interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov Str., 2.

Dmitry Al. Temnyakov. Deputy Head of the Department of Road Safety Department Organization. Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.
The Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Interior of Russia.
143103, Moscow Region, Ruzsky District, Staroteryaev Village, Ter. MOF MosU named after V.Ya. Kikotya, Building 1.

Irina An. Zhilina. Associate Professor of the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines. Candidate of Philological Sciences.
Central branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev.
394006, Russia, Voronezh, 20 Let Oktyabrya Str., 95.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

НОВЫЙ УРОВЕНЬ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Капустина Елена Геннадьевна

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

elenka.kapustina@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию инновационных инструментов реализации миграционной политики, которые позволят повысить прозрачность оказываемых иностранным гражданам государственных услуг в Российской Федерации. Обращается внимание на механизмы осуществления миграционного учёта, способствующие предотвращению незаконного нахождения иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации. Отмечается, что возможности использования разнообразных современных форм миграционного контроля снизят деликтность иностранных граждан и повысят уровень законности пропускного миграционного потока на территорию РФ, а следовательно, обеспечат национальную безопасность. В завершение работы формулируется вывод, что качественные изменения в миграционном законодательстве упорядочат общественные отношения в сфере миграции и позволят объектам миграции реализовывать свои интересы на территории Российской Федерации, не нарушая права граждан её страны, а субъектам правоотношений выстроить чёткий механизм соблюдения законодательства и привлечения к ответственности виновных лиц.

Ключевые слова: миграционная политика, реестр контролируемых лиц, иностранные граждане, лица без гражданства, легализация статуса.

Для цитирования: Капустина Е. Г. Новый уровень миграционной политики в Российской Федерации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 147–155.

A NEW LEVEL OF MIGRATION POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Elena G. Kapustina

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

elenka.kapustina@rambler.ru

Annotation. The article is devoted to the study of innovative tools for implementing migration policy, which will increase the transparency of public services provided to foreign citizens in the Russian Federation. Attention is drawn to the mechanisms of migration registration, which contribute to the prevention of illegal stay of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation. It is noted that the use of various modern forms of migration control will reduce the delictiveness of foreign citizens and increase the level of legality of the migration flow into the Russian Federation, thereby ensuring national security. At the end of the work, it is concluded that qualitative changes in migration legislation will streamline public relations in the field of migration and allow migration objects to pursue their interests on the territory of the Russian Federation without violating the rights of its citizens, and will allow legal entities to establish clearer.

Keywords: migration policy, register of controlled persons, foreign citizens, stateless persons, legalization of status.

For citation: Kapustina E. G. A new level of migration policy in the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 147–155.

В условиях глобализации и усиления миграционных процессов проблема противодействия незаконной миграции становится всё более актуальной. Масштабы этого явления вызывают серьёзную обеспокоенность: по данным МВД на январь 2025 года, на территории России находилось 670 тыс. нелегальных мигрантов, причём половина из них – женщины и дети¹. Незаконная миграция оказывает негативное воздействие на различные сферы жизни общества. Она усугубляет демографическую ситуацию, способствует росту напряжённости в межнациональных отношениях, провоцирует возникновение этнических конфликтов и стимулирует распространение националистических настроений. Кроме того, нелегальная трудовая деятельность мигрантов подрывает экономическую стабильность и ухудшает криминогенную обстановку в регионах. В 2024 году иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 38 578 преступлений (-0,9 % АППГ 2023), в 2023 году – 38 936 (-3,0 % АППГ 2022)², пресечено в 2024 году 1 170 451 преступлений (- 3,7% 1 213 748 АППГ 2023) (рис. 1).

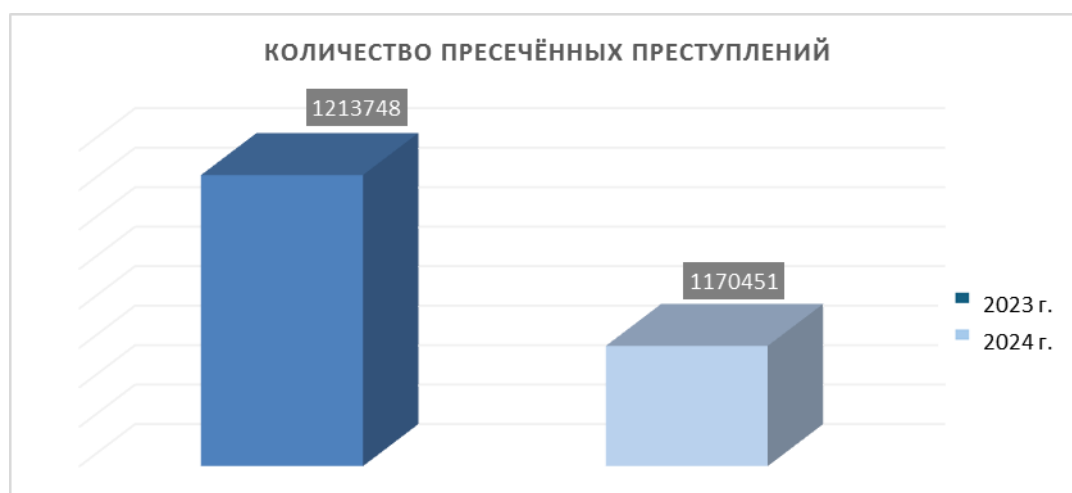

Рис. 1. Количество пресечённых преступлений

Кроме того, следует выделить проблемы, возникшие вследствие экономических факторов, таких как гипертрофированная необходимость в рабочей силе и её доступность на российском рынке. Работодатели нередко нарушают миграционное законодательство, привлекая трудовых мигрантов на нелегальных условиях, создавая тем самым благоприятную почву для дальнейших правонарушений. Важно указать на то, что по большей части незаконные миграционные процессы, будучи масштабными факторами противоправной деятельности, являются следствием издержек трудовой миграции [1, с. 92].

Противодействие незаконной миграции рассматривается на государственном уровне как одна из приоритетных задач обеспечения национальной безопасности.

¹ Сколько нелегальных мигрантов в России? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2025-02-11--skolko-nelegalnyh-migrantov-v-rossii-78473/> (дата обращения: 03.09.2025).

² Состояние преступности в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 09.09.2025).

Это отражено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Президентом РФ 02.07.2021¹, где усиление контроля за миграционными потоками обозначено в качестве основного направления деятельности по защите государственных и общественных интересов.

Как считает ряд учёных, незаконными мигрантами в страну проникают представители международных террористических организаций, в результате это приводит к росту угроз террористических атак и иной противозаконной деятельности [1, с. 92].

19 декабря 2024 года Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, подводя итоги работы за год, назвал миграцию крайне острой проблемой, актуальной как для России, так и для Европы. Он предложил решить её путём повышения производительности труда за счёт технологий, снижающих потребность в неквалифицированной рабочей силе и фокуса на высокотехнологичных отраслях. Там, где привлечение мигрантов неизбежно, необходимо сотрудничество с центральноазиатскими странами, включая развитие русскоязычного образования и ознакомление с российскими законами и традициями. Путин подчеркнул необходимость комплексного подхода, сочетающего экономические и правоохранительные меры, при этом посчитав оптимальным сохранение и усиление полномочий МВД в этой сфере².

Президент допустил отмену патентной системы, отметив, что Российская Федерация заинтересована в рабочей силе, но вместе с тем указал на обеспечение безопасности наших граждан³.

Создание условий для эффективного регулирования миграционных процессов во многом зависит от реализуемой в Российской Федерации миграционной политики. На сегодняшний день управление миграционными процессами требует от государства принятия ряда правовых и организационных мер, направленных на упорядочивание и повышение их прозрачности. При реализации государственной политики в сфере миграции одним из ключевых направлений остаётся противодействие незаконной миграции.

Проведение специальной военной операции, а также санкционное воздействие на Россию внесли свои коррективы в реализацию миграционной политики. Во главу угла встали вопросы безопасности и обороны государства, защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов лиц, проживающих на территории страны, что незамедлительно отразилось на статистических данных [2, с. 25].

Таким образом, можно выделить приоритетные направления миграционной политики: соблюдение законов и уважение традиций нашей страны мигрантами; развитие образовательных программ с партнёрами из стран выхода мигрантов; привлечение высококвалифицированной рабочей силы; конструктивное сотрудничество с зарубежными партнёрами с целью нейтрализации потенциальных угроз.

Эффективность миграционной политики зависит от качества правового регулирования, а также от чёткого соблюдения миграционного законодательства Российской Федерации, результативности мер противодействия коррупции при осуществлении государственного контроля (надзора) и предоставлении государственных услуг в сфере миграции, степени информированности иностранных и российских граждан о требованиях законодательства Российской Федерации и мерах ответственности за их нарушение.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Путин назвал вопрос миграции очень чувствительным и острым [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1810182/2024-12-19/putin-nazval-vopros-migracii-ochen-chuvstvitelnym-i-ostrym> (дата обращения: 17.09.2025).

³ Путин заявил о проблемах мигрантов. В первую очередь они должны жить в достойных условиях, Россия нуждается в рабочей силе [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/aOj749YctU7BemvB> (дата обращения: 03.09.2025).

В 2025 году вступили в силу изменения в законодательстве, направленные на усиление борьбы с незаконной миграцией, а именно: введена административная ответственность за нарушение правил въезда и выезда из страны, предусмотренная ст. 18.1 КоАП РФ «Нарушение режима Государственной границы Российской Федерации либо правил въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации»¹. Установлены штрафы за оказание незаконных услуг мигрантам: для граждан – от 2 до 5 тыс. рублей, для должностных лиц – от 35 до 50 тыс. рублей, для юридических лиц – от 400 до 500 тыс. рублей². При въезде в страну иностранные граждане обязаны предоставлять биометрические данные, проходить дактилоскопирование, фотографирование, сканирование радужной оболочки глаза; обязательную регистрацию на «Гос-услугах».

С 5 февраля 2025 года для оперативного выдворения за пределы РФ иностранных граждан, представляющих угрозу общественной безопасности и правопорядку, решения об административном выдворении могут принимать должностные лица органов внутренних дел без судебных предписаний.

Иностранцам, находящимся на территории Российской Федерации с нарушением миграционного законодательства, была предоставлена возможность урегулировать своё правовое положение до 30 апреля 2025, однако только 18 тыс. мигрантов (из 650 тыс.) воспользовались правом узаконить своё положение в России³. В соответствии с Указом Президента «О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ в связи с применением режима высылки»⁴ это касается иностранных граждан, информация о которых подлежит включению в реестр контролируемых лиц.

Согласно ч. 1 ст. 31.2 «Реестр контролируемых лиц» Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»⁵ учёт иностранных граждан, находящихся в Российской Федерации и не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, осуществляется путём внесения сведений о них, в том числе персональных данных в реестр контролируемых лиц. Основаниями для внесения в реестр являются: истечение срока визы, вида на жительство, разрешения на временное проживание или патента; незаконно находящихся в Российской Федерации или совершивших административный проступок. На лиц, внесённых в реестр возлагаются различные ограничения, такие как доступ к большинству банковских услуг, запрет на выезд в другой регион или в другую квартиру без разрешения МВД; запрет на покупку жилья и регистрацию права собственности недвижимости, в том числе транспортного средства; регистрацию в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя, регистрацию брака.

¹ Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Нелегальная миграция: как изменится ответственность в 2025 году [Электронный ресурс]. URL: <https://www.v2b.ru/articles/nelegalnaya-migratsiya-kak-izmenitsya-otvetstvinnost-v-2025-godu/> (дата обращения: 03.09.2025).

³ Выступление А.В. Горового на пленарном заседании IX Санкт-Петербургского международного форума труда [Электронный ресурс]. URL: // <https://www.interfax.ru/russia/1018136> (дата обращения: 03.09.2025).

⁴ О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ в связи с применением режима высылки [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1126. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

⁵ О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Лицо, которое попало в реестр, обязано приходить в отдел по вопросам миграции МВД по требованию сотрудников, а также каждые 7 календарных дней сообщать адрес места жительства. Кроме того, сокращение срока пребывания мигрантов без визы до 90 дней в году является значительным шагом к упорядочиванию миграционного потока и усилению контроля.

Согласно Указу Президента от 09.07.2025 № 467¹ запущен государственный информационный ресурс «Цифровой профиль иностранного гражданина», где содержатся все персональные данные о мигранте: миграционном учёте, пересечении границы РФ, судимости, трудовой деятельности, объектах недвижимости, транспортных средствах, опасных заболеваниях, знаниях русского языка, об образовании и квалификации, что будет способствовать электронному взаимодействию различных органов и организаций, полной и достоверной информации для оценки миграционной ситуации.

Введение обязательной биометрической регистрации с 30 июня 2025 года также подразумевает изменение подхода к учёту мигрантов и упрощение процедур, связанных с идентификацией иностранных граждан при въезде в страну, что должно существенно повысить уровень контроля за соблюдением миграционных норм.

Помимо того, законодатель усложнил процедуру получения вида на жительство или разрешения на временное пребывание лицам, которые решили вступить в брак или усыновить ребёнка. Этот срок составил три года. Вместе с тем данная норма поддаётся сомнению в части реализации инструментов доказывания фиктивности заключения брака или усыновления, а последнее ещё сложнее. В сети Интернет можно найти множество примеров таких действий за денежные вознаграждения, особенно это касается людей с низкой социальной ответственностью или малоимущих граждан, соглашающихся на неправомерные гражданско-правовые сделки. Впоследствии если такой факт становится известным, то суд сталкивается с недостаточностью свидетельских показаний, так как соседи, знакомые, родственники не желают их подтверждать.

Наряду с вышеупомянутыми изменениями ужесточение касается контроля на границах, а именно: с 5 февраля 2025 года² должностные лица пограничной службы ФСБ России получили право отказывать во въезде иностранцам на основании подозрений в угрозе безопасности, что приводит к необходимости более гибкого правоприменения и контекстуального анализа ситуации. Основной задачей становится необходимость выстраивания чёткой коммуникации между пограничными службами и органами внутренних дел для минимизации административных ошибок.

Важным аспектом является изменение в налогообложении для мигрантов, увеличивающее регулярные платежи и, следовательно, максимально узкое сотрудничество с работодателями, что выступает мерой для дальнейшей интеграции мигрантов в экономику и уменьшения серых схем трудоустройства и требует от органов контроля дополнительных ресурсов для признания их правового статуса и соблюдения обязательств.

Параллельно с этим следует обратить внимание на обязанности организаций, принимающих иностранцев. Введение чётких предписаний и требование документирования позволит МВД эффективно использовать все имеющиеся в системе ресурсы для контроля, включая профилактические мероприятия и предоставление информации о мигрантах. То есть работодатель, используя в Экстерне сервис «Отчётность в МВД», в течение трёх рабочих дней обязан направить уведомление о приёме иностранца на

¹ О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 9 июля 2025 г. № 467. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О государственной границе РФ [Электронный ресурс]: закон Рос. Федерации от 1 апреля 2003 г. № 4730-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

работу или его увольнении, а также раз в квартал – уведомление о выплатах высококвалифицированным специалистам.

Примечательно, что ужесточение миграционной политики незначительно коснулось высококвалифицированных специалистов (далее – ВКС). Так, с 1 марта 2024 года иностранцы могут получить статус ВКС при заработной плате более 750 тыс. рублей в квартал, а после прекращения контракта им предоставлено 30 суток (ранее 60) на поиск новой работы или выезд из Российской Федерации, что составляет справедливую экономическую конкуренцию гражданам РФ. Более того, у них появилась возможность оформить бессрочный вид на жительство в России после двух лет работы в стране.

Действенным механизмом выступает издание Постановления Правительства РФ от 16.12.2024 № 1796¹, устанавливающее квоту допустимых иностранных работников в организациях или индивидуальном предпринимательстве: в строительной сфере – 80 %, в сфере услуг по обслуживанию зданий и территорий – 70 %, в области овощеводства, лесного хозяйства – 50 %, в сфере транспорта – 24 %, в области спорта – 25 %, в розничной торговле алкоголем и табачной продукцией – 15 %. Кроме того, иностранцам запрещено работать в аптеках и заниматься торговлей на рынках, вместе с тем региональное законодательство вправе вводить свои ограничения.

На сегодняшний день благодаря принятым мерам по совершенствованию миграционного законодательства удалось качественно разграничить отдельные вопросы миграционного контроля, что позволило упорядочить миграционные потоки и сократить количество лиц, находящихся на территории Российской Федерации с нарушениями. Формирование государственной миграционной политики Российской Федерации в сфере управления миграционными процессами обусловлено необходимостью разработки эффективного комплекса мер по противодействию незаконной миграции и связанными с ней негативными последствиями. В том числе государство обеспечивает социальную стабильность и не ущемляет прав российских граждан на доступ к высококвалифицированной работе.

Таким образом, представляется возможным в современной государственной миграционной политике Российской Федерации выделить следующие составные части по противодействию незаконной миграции:

1. Совершенствование правовых, организационных и иных механизмов регулирования миграционных процессов, нацеленных на улучшение условий пребывания (проживания) иностранных граждан и лиц без гражданства.

На наш взгляд, представляется возможным упростить процедуру лишения гражданства РФ иностранных граждан, совершающих систематические противоправные деяния, а также ввести пожизненный запрет на въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления.

На уровне федерального законодательства ввести полный запрет на работу иностранных граждан в таких областях, как образование, общепит, здравоохранение.

Кроме того, как отмечает К. Д. Батракова, немаловажным аспектом выступает создание эффективных механизмов реализации социальных услуг иностранным гражданам с возможностью защиты их интересов [3, с. 111].

Нельзя не остановиться на таком вопросе, как фиктивная регистрация или учёт иностранных граждан по месту жительства (пребывания) в так называемых «резиновых квартирах», что продолжает иметь место. Согласимся с мнением Д. В. Ушатова, который обозначает тот факт, что «...эта проблема рассматривается без применения ком-

¹ Об установлении на 2025 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими на территории Российской Федерации отдельные виды экономической деятельности [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 16 декабря 2024 г. № 1796. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

плексного подхода. Так, например, игнорируется то обстоятельство, что фиктивная регистрация и учёт практически всегда взаимосвязаны с предоставлением для постоянного или временного проживания (пребывания) жилого помещения без регистрации по адресу проживания. Иностранец, который осуществил фиктивную регистрацию или фиктивный миграционный учёт, не проживает на улице, а снимает другое жилое помещение и проживает в нём нелегально. Более того, помимо иностранцев, имеющих фиктивную регистрацию (учёт), есть иностранные граждане, проживающие без оформления каких-либо документов» [4, с. 136]. И такую категорию очень сложно выявить.

Кроме того, законодательством Российской Федерации не установлена норма квадратных метров учётной площади на одного человека, поэтому привлечь к ответственности физических лиц, предоставляющих под наём жилые помещения, не представляется возможным, что является упущением законодателя.

Поэтому мы разделяем мнение Л. В. Завгородней [5, с. 28] о том, что следует привлекать к уголовной ответственности не только должностных лиц, осуществляющих фиктивную регистрацию (соответственно, фиктивную постановку) иностранного гражданина по ст.ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, но и лиц (собственников), предоставивших такое жилое помещение для регистрации (или учёта), а значит, дополнить указанные статьи, что субъектом ответственности могут быть физические лица, предоставившие жилое помещение. Таковая судебная правоприменительная практика отсутствует, а указанное обстоятельство подтверждается официальными статистическими данными, отражающими рост в 2024 году количества привлечённых сотрудников подразделений по вопросам миграции к уголовной ответственности за должностные преступления (+66,3 %). Следственный Комитет Российской Федерации отметил увеличение количества уголовных дел в отношении должностных лиц, совершивших преступления в сфере миграционного учёта, на 21 %. К уголовной ответственности привлечены 120 фигурантов, среди которых 81 обвиняемый – это сотрудники миграционных подразделений органов внутренних дел¹.

2. Совершенствование механизмов профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации и коррупционных нарушений в сфере миграции [6, с. 166]. Прежде всего, эти меры касаются иностранных граждан или лиц без гражданства, уже находящихся на территории Российской Федерации незаконно или в нарушение законодательства, то есть прибывших до 1 января 2025 года.

Для реализации данного механизма необходимо увеличить в разы количество проводимых полицией рейдов, профилактических мероприятий в аэропортах, на железнодорожных и автобусных вокзалах, объектах строительства, инфраструктуры, торговли, сферы услуг. Следует осуществлять активное информирование иностранных граждан о формах легализации своего статуса пребывания на территории Российской Федерации путём её размещения на стендах, дисплеях, рекламных щитах, билбордах, ситилайтах, в местах массового препровождения людей, в общественном транспорте и остановках, в многофункциональных центрах, филиалах почты России, коммерческих учреждениях здравоохранения, где потенциально могут находиться мигранты. Наряду с этим издавать памятки, методические рекомендации, флаеры, буклеты, брошюры, где чётко прописан, в том числе на иностранных языках, алгоритм действий последних.

3. Развитие форм сотрудничества с различными органами и учреждениями по противодействию незаконной миграции как на федеральном уровне, так и в субъектах Российской Федерации.

¹ Выросло число преступлений, совершенных сотрудниками миграционных служб [Электронный ресурс]. URL://sledcom.ru/ (дата обращения: 19.09.2025 года).

Введённый в действие «Реестр контролируемых лиц» позволяет исключить возможность нахождения указанной категории на территории Российской Федерации с нарушением законодательства или незаконно [7, с. 148], в том числе способствует оперативному получению информации работодателем с целью легализации трудоустройства иностранных граждан и обеспечения их прав на территории Российской Федерации.

Таким образом, следует отметить, что для совершенствования миграционного учёта подразделениям пограничной службы ФСБ России совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления [8, с. 26], с судами следует осуществлять своевременное предоставление переводчика в процессе производства по делам об административном правонарушении; содержать в центрах временного содержания иностранных граждан; оперативно выдвигать, депортировать лиц, нарушивших законодательство РФ или незаконно пребывающих на территории Российской Федерации; производить их транспортировку и препровождение в другие государства, в том числе репатриацию.

1. Кобец П. Н. Необходимость усиления правоохранительного контроля за незаконной миграционной активностью в Российской Федерации // Актуальные вопросы науки и образования. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции. М., 2024. С. 91-94.
2. Шиловская Е. Ю. Вопросы реализации законодательства о нежелательности пребывания (проживания) на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства // Правовой вектор конституционного развития России (к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации) : сборник научных трудов / [сост. С. О. Харламов]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024. 181 с.
3. Батракова К. Д. Административный контроль за миграционными процессами: правовой аспект. Право и наука в современном мире 28 марта 2025 года // Сборник материалов Всероссийских научно-практических конференций, посвященных 190-летию со дня начала действия. Свода законов Российской империи. Пермь, 2025. С. 110-112.
4. Ушатов Д. В. Вопросы совершенствования системы контроля в сфере миграционного учета иностранных граждан // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2025. № 2(67). С. 135-139.
5. Завгородняя Л. В. Административно-правовая характеристика фиктивной регистрации // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2014. № 4(5). С. 27-29.
6. Пьячева П. Ю. Участие институтов гражданского общества в осуществлении общественного контроля за исполнением миграционного законодательства // Право, общество, государство: проблемы истории, теории и практики. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Старотеряево, 2024. С. 164-168.
7. Гулиашвили М. Г. Миграционный контроль как направление контрольно-надзорной деятельности органов внутренних дел // Правовой вектор конституционного развития России (к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации). Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 147-151.
8. Круглова Ю. Б., Мисякова О. В. Об усилении контроля за соблюдением миграционного законодательства Российской Федерации // Миграционное право. 2025. № 3. С. 26-27.

1. Kobecz P. N. Neobxodimost` usileniya pravooxranitel`nogo kontrolya za nezakonnoj migracionnoj aktivnost`yu v Rossijskoj Federacii // Aktual`ny`e voprosy` nauki i

obrazovaniya. Sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M., 2024. S. 91-94.

2. Shilovskaya E. Yu. Voprosy` realizacii zakonodatel`stva o nezhelatel`nosti preby`vaniya (prozhivaniya) na territorii Rossijskoj Federacii inostranny`x grazhdan i licz bez grazhdanstva // Pravovoj vektor konstitucionnogo razvitiya Rossii (k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitucii Rossijskoj Federacii) : Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, 14 dekabrya 2023 g. : sbornik nauchny`x trudov / [sost. S. O. Xarlamov]. M. : Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya, 2024. 181 s.

3. Batrakova K. D. Administrativny`j kontrol` za migracionny`mi processami: pravovoj aspekt. Pravo i nauka v sovremennom mire 28 marta 2025 goda // Sbornik materialov Vserossijskix nauchno-prakticheskix konferencij, posvyashhenny`x 190-letiyu so dnya nachala dejstviya. Svoda zakonov Rossijskoj imperii. Perm`, 2025. S. 110-112.

4. Ushatov D. V. Voprosy` sovershenstvovaniya sistemy` kontrolya v sfere migracionnogo ucheta inostranny`x grazhdan // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoy akademii. 2025. № 2(67). S. 135-139.

5. Zavgorodnyaya L. V. Administrativno-pravovaya xarakteristika fiktivnoj registracii // Aktual`ny`e problemy` sovremennosti: nauka i obshhestvo. 2014. № 4(5). S. 27-29.

6. P`yacheva P. Yu. Uchastie institutov grazhdanskogo obshhestva v osushhestvlenii obshhestvennogo kontrolya za ispolneniem migracionnogo zakonodatel`stva // Pravo, obshhestvo, gosudarstvo: problemy` istorii, teorii i praktiki. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Staroteryaev, 2024. S. 164-168.

7. Guliashvili M. G. Migracionny`j kontrol` kak napravlenie kontrol`no-nadzornoj deyatel`nosti organov vnutrennix del // Pravovoj vektor konstitucionnogo razvitiya Rossii (k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitucii Rossijskoj Federacii). Sbornik nauchny`x trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Moskva, 2024. S. 147-151.

8. Kruglova Yu. B., Misyakova O. V. Ob usilenii kontrolya za soblyudeniem migracionnogo zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii // Migracionnoe pravo. 2025. № 3. S. 26-27.

Информация об авторе

Елена Геннадьевна Капустина. Доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат педагогических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Elena G. Kapustina. Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs. Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 342.95

**ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ ЗА НЕСОБЛЮДЕНИЕ ЛИЦЕНЗИОННЫХ
ТРЕБОВАНИЙ ПРИ УПРАВЛЕНИИ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ
(УСЛОВИЯ ПРОВЕДЕНИЯ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ)**

Карманов Олег Анатольевич

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени
В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

Karmanov.73@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется процесс привлечения управляющих организаций к административной ответственности при управлении многоквартирными домами в условиях существенных ограничений, связанных с проведением в ряде регионов России контртеррористической операции. Статья направлена на выявление ключевых аспектов, требующих внимания для повышения правоприменительной практики в сфере административного права. Автор обобщает существующую нормативно-правовую базу в этой сфере, анализирует складывающуюся правоприменительную практику в Брянской области, предлагает решение существующих в этой сфере пробелов. Обосновывается необходимость комплексного подхода, объединяющего усилия контрольно-надзорных органов.

Ключевые слова: административная ответственность, лицензионные требования, контрольные мероприятия, государственный и муниципальный контроль, жилищно-коммунальное хозяйство, безопасность услуг, договор управления, меры реагирования.

Для цитирования: Карманов О. А. Особенности возбуждения дел об административных правонарушениях за несоблюдение лицензионных требований при управлении многоквартирными домами (условия проведения контртеррористической операции) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 156–164.

**FEATURES OF INITIATING ADMINISTRATIVE OFFENSES
FOR NON-COMPLIANCE WITH LICENSE REQUIREMENTS IN MANAGING
ULTIPLE-APARTMENT BUILDINGS DURING A COUNTERTERRORIST
OPERATION**

Oleg A. Karmanov

Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Bryansk, Russia

Karmanov.73@mail.ru

Annotation. Abstract. The article examines the process of bringing management companies to administrative responsibility for managing apartment buildings under significant restrictions related to the counter-terrorism operation in several regions of Russia. The article aims to identify key aspects that require attention in order to improve the enforcement practice in the field of administrative law. The author summarizes the existing legal framework in this area, analyzes the current enforcement practice in the Bryansk region,

and proposes solutions to the existing gaps in this area. The article emphasizes the need for a comprehensive approach that combines the efforts of regulatory authorities.

Keywords: administrative liability, licensing requirements, control measures, state and municipal control, housing and communal services, service safety, management contract, and response measures.

For citation: Karmanov O. A. Features of initiating administrative offenses for non-compliance with license requirements in managing multiple-apartment buildings during a counterterrorist operation // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 156–164.

В современном российском правовом пространстве вопросы обеспечения безопасности и правопорядка, неукоснительного исполнения лицензионных требований управляющими организациями приобретают особую актуальность. Региональные контрольно-надзорные органы осуществляют лицензионный контроль за соблюдением управляющими организациями лицензионных требований, направленных на обеспечение качества и безопасности услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Однако в условиях проведения контртеррористической операции деятельность региональных органов исполнительной власти, осуществляющих лицензионный контроль и жилищный надзор в сфере жилищно-коммунального хозяйства, в сфере контроля управления многоквартирными домами сталкивается с рядом новых вызовов и проблем, связанных с ограничением полномочий, повышением уровня напряжённости и необходимостью балансировать между обеспечением правопорядка и соблюдением прав граждан и организаций.

Как верно отмечают С. Ю. Анохина и Я. А. Антонов, в условиях особых правовых режимов, к которым относится режим проведения контртеррористической операции, особенно актуализируется задача по охране прав граждан [1, с. 129]. В статье рассматривается порядок привлечения к административной ответственности органами лицензионного контроля и жилищного надзора за нарушение лицензионных требований в сфере управления многоквартирными домами в условиях проведения контртеррористической операции в Российской Федерации.

Особое внимание уделяется правовым аспектам и практическим трудностям, связанным с возбуждением административных дел в этих условиях.

Деятельность по управлению многоквартирными домами, осуществляемая в предпринимательских целях на основании лицензии¹.

Лицензия на указанную деятельность выдаётся региональным органом государственного жилищного надзора согласно решению соответствующей лицензионной комиссии. Управление жилыми домами предполагает выполнение определённых работ и услуг на основании заключённого договора управления. В силу закона целями указанной деятельности выступают условия, способствующие безопасности и комфорту жильцов, содержание в многоквартирном доме в надлежащем и в минимально нормативном виде общего имущества собственников с урегулированием вопросов, связанных с его использованием². Таким образом, выполнение работ и услуг в процессе управления многоквартирными домами относится к лицензионным требованиям.

Отступление от законодательно определённых требований в этой сфере влечёт наступление административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.1.3 КоАП

¹ О лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Жилищный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

РФ¹. Таким образом, если максимально всё упростить, можно констатировать, что любые нормативно-правовые акты, регламентирующие тем или иным образом процесс управления многоквартирными домами управляющими организациями, образуют лицензионные требования, которые эти организации и должны соблюдать, и несоблюдение требований таких актов обуславливает вышеуказанную административную ответственность. Возбуждают (составляют протоколы) указанные дела соответствующие должностные лица, наделённые правом их рассматривать в порядке главы 23 КоАП РФ. Таким образом, инициировать указанные дела имеют лица, осуществляющие жилищно-лицензионное регулирование в этой сфере.

Объём урегулированных законом требований в процессе управления домами неимоверно обширный, и в настоящей работе нет смысла для его перечисления. Именно несоблюдение этих обширных требований при управлении со стороны так называемых «управленцев» влечёт ответственность по вышеуказанному составу. И именно положения нормативно-правовых актов в сфере управления образуют костяк, ядро лицензионных требований. Тем самым «зарегулированность» (имеется в виду большое количество нормативно-правовых актов) сферы управления многоквартирными домами достаточная, найти при желании какое-либо нарушение в действии (бездействии) любой управляющей организации не составляет труда, и каких-либо сложностей с привлечением к ответственности не должно быть. Однако на практике проблемы уже возникают на стадии рассмотрения обращений граждан (как правило, именно обращения граждан – основной источник поступления информации в региональные органы госжилнадзора о нарушениях со стороны управляющих организаций лицензионных требований), по которым необходимо принимать решение о возбуждении дела об административном правонарушении или отказывать в его возбуждении. Особенно остро эта проблема проявилась с начала проведения Российской Федерацией специальной военной операции на Украине, а ранее она стала назреть в период эпидемии ковидной инфекции.

Соответствующим решением Федеральной службы безопасности России с 9 августа 2024 года на территориях Белгородской, Брянской и Курской областей проводится контртеррористическая операция с осуществлением необходимых мероприятий². Как отмечается в специальной литературе, режим контртеррористической операции является временным, то есть вводится на определённый срок [2, с. 15].

С учётом проведения указанной операции законодателем в сентябре 2024 года было изменено³ широко известное в среде контролирующих и надзорных органов Правительственное постановление № 336 от 10.03.2022⁴ о порядке проведения, организации и особенностях в осуществлении предусмотренного законом госконтроля, госнадзора и муниципального контроля. В указанном постановлении появился дополнительный п. 11 (23), устанавливающий, что госнадзор и мунконтроль при режиме контртеррористической операции проводится с учётом приложения № 5.

Приложение № 5 содержит информацию конфиденциального характера – служебную тайну – и имеет гриф «Для служебного пользования». Содержание вышеука-

¹ Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О внесении изменений в постановление Правительства Рос. Федерации от 10 марта 2022 г. № 336 [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 11 сентября 2024 г. № 1234. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 10 марта 2022 г. № 336. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

занного приложения № 5 официально не опубликовывалось и доступно лишь для ряда соответствующих государственных органов, в том числе и для региональных контрольно-надзорных органов, осуществляющих лицензионный контроль за соблюдением управляющими организациями лицензионных требований в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Полагаем, что в данном приложении № 5 содержится некий строго ограниченный и исчерпывающий перечень оснований и условий для проведения проверок в отношении юридических лиц на территориях Белгородской, Брянской и Курской областей, где проводится такая операция.

Введённые ограничения укладываются в рамки определения административно-правового режима, под которым, как указывается в литературе, понимаются особые правовые режимы деятельности органов государственной власти, допускающие ограничение правосубъектности физических и юридических лиц, вводимые для обеспечения безопасности личности, общества и государства в конкретных сложившихся обстоятельствах [3, с. 216].

Правительственное постановление от 10.09.2022 № 336 широко известно во всех контрольных и надзорных органах страны. Указанное постановление Правительством РФ было принято в целях снижения административной нагрузки на хозяйствующие субъекты в сложных экономических условиях, в которых они находились после эпидемии ковидной инфекции.

Обобщённо можно сказать, что в 2022 году в стране были введены никогда не применявшиеся ранее ограничения в порядке проведения госнадзора и мунконтроля, направленные на уменьшение административных барьеров и снижения нагрузки на бизнес и поощрение экономической активности. В целом, как отмечается рядом авторов в специальной литературе, любой правовой режим позволяет реагировать на изменения обстановки с большей степенью эффективности, а также удерживать в правовом русле общественные отношения [4, с. 50].

Так, например, в Брянском регионе 7 апреля 2022 года при прокуратуре Брянской области состоялось заседание рабочей межведомственной группы по защите прав предпринимателей, где по итогам заседания принято решение, что в каждом конкретном случае по имеющейся у надзорного органа информации о готовящихся нарушениях или признаках совершённых нарушений обязательных требований при условии отсутствия наступления вреда данному органу необходимо применять такую меру реагирования, как вынесение предостережения о дальнейшей недопустимости нарушения обязательных требований. Указанное решение было зафиксировано в протоколе от 07.04.2022 заседания данной межведомственной рабочей группы по защите прав предпринимателей при прокуратуре Брянской области и направлено в соответствующие контрольно-надзорные органы Брянской области. Тем самым проведение каких-либо проверочных мероприятий фактически было приостановлено, что естественно вызвало обоснованное возмущение граждан, связанное с рассмотрением их письменных жалоб и иных обращений, на которые они стали получать письменные ответы с указанием на существующие ограничения в проведении контрольных и надзорных действий и, соответственно, на невозможность принятия адекватных мер реагирования по их жалобам и заявлениям.

Требования закона (ч. 3.1 ст. 28.1 КоАП РФ) регламентируют административное производство по административному составу правонарушения исключительно после выполнения необходимого контрольно-надзорного мероприятия, проведённого совместно (во взаимодействии) с проверяемым (контролируемым) лицом. Тем самым возможность возбуждения дела об административном правонарушении на текущий момент времени напрямую поставлена в зависимость от возможности предварительного проведения мероприятий по контролю (надзору) [5, с. 8].

В примечании к статье 28.1 КоАП РФ указано, что положения частей 3.1 и 3.2 настоящей статьи распространяются на все случаи, выражающиеся в невыполнении обязательных требований, соблюдение которых является предметом госнадзора.

Федеральный закон № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» от 31.07.2020¹ устанавливает требования, являющиеся предметом соответствующего внимания со стороны государства. К ним согласно ч. 1 ст. 1 данного закона относят указанные в нормативно-правовых актах требования, вытекающие из осуществляемой предпринимательской и иной хозяйственной деятельности, и оценку, соблюдение которых является предметом внимания со стороны государства в лице его контрольно-надзорных органов. Таким образом, оценка соблюдения управляющими организациями лицензионных требований (которых великое множество) при управлении многоквартирными домами является сущностью контроля и надзора со стороны государства. Кроме того, с учётом законодательных требований (ч. 3.1 ст. 28.1 КоАП РФ) дело нельзя возбудить без предварительного, предшествующего стадии возбуждения дела какого-либо контрольно-надзорного действия совместно с контролируемым лицом. Следовательно, какой-либо надзорный орган, рассматривая очередную жалобу, в которой усматривается нарушение лицензионных или иных обязательных требований, обязан провести соответствующее контрольно-надзорное мероприятие, после чего возможно принятие решения о возбуждении дела.

Возбуждение дел без соблюдения вышеуказанной процедуры является игнорированием воли законодателя, что недопустимо. Верховный Суд РФ в своих решениях (размещены в свободном доступе в сети Интернет) неоднократно на это обращал внимание. Так, в судебном решении от 14.05.2024 № АКПИ24-167² указывается, что дело об административном правонарушении, выражающемся в несоблюдении обязательных требований, оценка соблюдения которых является предметом контроля и надзора, не может быть возбуждено без проведения соответствующего надзорного мероприятия. В судебном решении от 30.08.2022 № АКПИ22-494³ делается аналогичный вывод.

Министерством экономического развития Российской Федерации 24.03.2022 было издано письмо № Д24и-8436, разъясняющее порядок организации и проведение государственного и муниципального контроля и надзора⁴, в котором указывается, что оценка достаточности данных для возбуждения дела за несоблюдение лицом обязательных требований может быть произведена исключительно после получения результатов проведённого соответствующего контрольно-надзорного мероприятия совместно с проверяемым лицом. Привлечение должностными лицами данных контрольно-надзорных органов к предусмотренной законом административной ответственности контролируемых лиц без проведения соответствующих контрольно-надзорных мероприятий не допускается.

¹ Об обязательных требованиях в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отказе в удовлетворении административного искового заявления об оспаривании пункта 3 Постановления Правительства РФ от 10.03.2022 № 336» [Электронный ресурс]: решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 14 мая 2024 г. № АКПИ24-167. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим пункта 9 Постановления Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» [Электронный ресурс]: решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 30 августа 2022 г. № АКПИ22-494. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О разъяснении особенностей организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в 2022 году» [Электронный ресурс]: письмо Минэкономразвития России от 24 марта 2022 г. № Д24и-8436. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Специально в вышеуказанном письме в связи с поступлением многочисленных запросов от контролирующих органов разъясняется, что одним из оснований для принятия решения отказать в возбуждении административного дела является отсутствие возможности провести оценки информации, свидетельствующей о наличии состава административного правонарушения в связи с ограничениями, введенными Правительством РФ в постановлении № 336.

Частью 4 статьи 56 Федерального закона о госконтроле и надзоре в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ¹ предусмотрено, что оценка соблюдения подконтрольными лицами необходимых и обязательных требований со стороны соответствующих надзорных органов государства не может проводиться какими-то иными способами, в иных формах и проявлениях, не иначе как путём осуществления необходимых контрольно-надзорных действий, указанных в этом федеральном законе.

Повторно обращаем внимание, что из вышеприведённых законодательных норм следует, что привлечение к административной ответственности за деяния, связанные с невыполнением норм и требований, необходимость выполнения которых является предметом наблюдения со стороны государственных и муниципальных органов власти, невозможно без проведения предварительных контрольно-надзорных действий.

Так, после введения с 9 августа 2024 г. режима контртеррористической операции в Белгородской, Брянской и Курской областях внесение вышеуказанных дополнений и изменений в правительственное постановление № 336 по организации и проведению госнадзора и мунконтроля пункта 11 (23) и Приложения № 5, устанавливающих, что надзор и контроль в рамках такого специально-правового режима, как контртеррористическая операция, который действует в Белгородской, Брянской и Курской областях, контрольно-надзорные органы в данных регионах фактически перестали по поступившим обращениям граждан проводить контрольно-надзорные мероприятия и, соответственно, возбуждать дела об административных правонарушениях. Именно такие письменные ответы стали получать граждане по своим обращениям в региональные органы жилищного надзора после введения правового режима контртеррористической операции в Белгородской, Брянской и Курской областях, указывая в них на невозможность привлечения управляющих организаций к административной ответственности за нарушение лицензионных требований ввиду существенных ограничений на проведение проверок. Причём по ряду обращений контрольно-надзорными органами заявителям давались не просто письменные ответы на их обращения, а выносились именно процессуальные определения об отказе в возбуждении административного дела со ссылкой на нормы п. 9 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ.

Такая практика контрольно-надзорных органов стала предметом жалоб граждан в органы прокуратуры, которые реагировали на это по-разному. Так, в конце 2024 года по одному из обращений в государственную жилищную инспекцию Брянской области должностное лицо инспекции вынесло процессуальное определение об отказе в возбуждении административного дела, сославшись на невозможность привлечения к административной ответственности виновных лиц без предварительного проведения необходимых проверочных мероприятий ввиду имеющихся ограничений на их проведение в связи с действием на территории Брянской области режима контртеррористической операции.

Вышеуказанное процессуальное определение должностного лица государственной жилищной инспекции Брянской области заместителем прокурора Брянской области было опротестовано. В протесте, поданном заместителем прокурора вышестоящему

¹ О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

должностному лицу государственной жилищной инспекции Брянской области, указывалось на незаконность принятого решения и особо подчёркивалось, что тем самым допускается безнаказанное совершение административных правонарушений в сфере управления жилыми домами со стороны управляющих организаций на весь период действия правительственного постановления РФ от 10.03.2022 № 336 и режима контртеррористической операции в Брянской области.

По результатам рассмотрения протеста прокурора решением заместителя начальника государственной жилищной инспекции Брянской области протест был оставлен без удовлетворения.

Прокуратурой Брянской области определение об отказе в возбуждении дела и решение заместителя начальника инспекции по протесту были обжалованы (с нарушением срока обжалования) в судебном порядке (дело 12-81/2025, Советский районный суд г. Брянска)¹. В ходе рассмотрения судом настоящего дела органу прокуратуры было отказано в восстановлении пропущенного срока, и дело по существу не рассматривалось.

На территории Брянской области в настоящее время контрольно-надзорные органы для осуществления проверочных мероприятий в рамках государственного надзора и контроля по письменным заявлениям и жалобам граждан теперь вынуждены испрашивать по конкретному взятому обращению региональные органы прокуратуры о выдаче им требования о проведении проверки, как это предусмотрено п. 1 ст. 22 ФЗ РФ от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»², поскольку существующие ограничения на органы прокуратуры не распространяются. Однако это постепенно складывающаяся практика пока носит единичный характер.

Все перечисленные проблемы требуют разработки специальных нормативных актов и процедур, обеспечивающих эффективное возбуждение административных дел в условиях проведения контртеррористической операции. И, как отмечается рядом авторов в специальной литературе, напрашивается неоднозначный вывод о цели создания законодателем нового понятия, не обеспечивающего юридического фундамента, либо о более ясной и твёрдой формулировке [6, с. 118]. Здесь уместно лишний раз привести распространённую правовую позицию, согласно которой обеспечение законности при применении мер административного принуждения предполагает не только наличие законных оснований для административного взыскания, но и соблюдение установленного законом порядка привлечения лица к административной ответственности [7, с. 380].

Необходимость балансирования между обеспечением безопасности и выполнением административных функций является ключевым вызовом для органов жилищного надзора в таких условиях.

Учитывая выявленные проблемы и особенности деятельности органов жилищного надзора в условиях проведения контртеррористической операции, необходимо разработать меры по их устранению и совершенствованию правового регулирования. Например, ввести временные нормативные акты, регулирующие порядок проведения контрольно-надзорных мероприятий на территориях, на которых действует режим контртеррористической операции с установлением чёткой процедуры взаимодействия органов жилищного надзора с правоохранительными органами, включая порядок согласования действий и обмена информацией.

В целом, подводя итоги, следует в очередной раз напомнить о бесперспективности искоренения каких-либо правонарушений (в любой сфере жизни) исключительно

¹ Определение Советского районного суда г. Брянска от 10.03.2025 г. по делу № 12-81/2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sovetsky-brj.sudrf.ru>. (дата обращения: 09.09.2025).

² О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

путём установления или усиления ответственности. Следует согласиться с авторами, которые основной упор делают на профилактические мероприятия по недопущению тех или иных негативных проявлений, указывая, что именно профилактические мероприятия являются наиболее эффективным средством. Комплекс таких мер в обязательном порядке должен иметь нормативное закрепление, и наибольшего эффекта он достигает, если речь идёт именно о региональном законодательстве, которое учитывает географическое положение субъекта [8, с. 63], его соответствующий специальный правовой режим.

1. Анохина С. Ю., Антонов Я. А. Роль полиции в механизме обеспечения прав, свобод человека и гражданина в условиях действия на территории Российской Федерации особых правовых режимов // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2017. № 2(33). С. 129–131.
2. Антонов В. В., Абдуллина И. С., Фасхутдинова А. В. Специальные административно-правовые режимы: понятие, виды и содержание: учебно-практическое пособие. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2022. 40 с.
3. Бахрах Д. Н. Административное право: учебник для вузов // Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков, 3-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2008. 816 с.
4. Уздимаева Н. И., Бульхин Р. Н. Правовой режим как категория юриспруденции // Контентус. 2017. № 12(65). С. 49–63.
5. Особенности проведения административного расследования по делам об административных правонарушениях, подведомственных органам внутренних дел: аналитический обзор с предложениями. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2024. 31 с.
6. Смирнов И. А., Андреев П. Г., Литвинов А. В. Правовая неопределённость запрета опасного вождения как препятствие для обеспечения принципа неотвратимости административной ответственности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 115–126.
7. Губарева Т. И., Трусов А. И. Административное право: учебное пособие. – Ставрополь: Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, 2022. 604 с.
8. Зиборов О. В., Павлова Е. В. Отдельные аспекты правового обеспечения деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации (на примере Орловской области) в сфере межнациональных отношений как фактор преодоления экстремистских проявлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 57–64.

1. Anoxina S. Yu., Antonov Ya. A. Rol` policii v mexanizme obespecheniya prav, svobod cheloveka i grazhdanina v usloviyax dejstviya na territorii Rossijskoj Federacii osoby`x pravovy`x rezhimov // Vestnik Barnaul`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2(33). S. 129–131.
2. Antonov V. V., Abdullina I. S., Fasxutdinova A. V. Special`ny`e administrativno-pravovy`e rezhimy`: ponyatie, vidy` i soderzhanie: uchebno-prakticheskoe posobie. Ufa: Ufimskij YuI MVD Rossii, 2022. 40 s.
3. Baxrax D. N. Administrativnoe pravo: uchebnik dlya vuzov // D.N. Baxrax, B.V. Rossinskij, Yu.N. Starilov, 3-e izd., peresmotr. i dop. M.: Norma, 2008. 816 s.
4. Uzdimaeve N. I., Bul`xin R. N. Pravovoj rezhim kak kategoriya yurispruden-cii // Kontentus. 2017. № 12(65). S. 49–63.
5. Osobennosti provedeniya administrativnogo rassledovaniya po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax, podvedomstvenny`x organam vnutrennix del:

analiticheskij obzor s predlozheniyami. Ekaterinburg: Ural'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2024. 31 s.

6. Smirnov I. A., Andreev P. G., Litvinov A. V. Pravovaya neopredelyonnost' zapreta opasnogo vozhdeniya kak prepyatstvie dlya obespecheniya principa neotvratimosti administrativnoj otvetstvennosti // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova. 2025. № 3(104). S. 115–126.

7. Gubareva T. I., Trusov A. I. Administrativnoe pravo: uchebnoe posobie.- Stavropol': Stavropol'skij filial Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 2022. 604 s.

8. Ziborov O. V., Pavlova E. V. Otdel'ny'e aspekty pravovogo obespecheniya deyatel'nosti organov gosudarstvennoj vlasti sub`ektov Rossijskoj Federacii (na primere Orlovskoj oblasti) v sfere mezhnacional'ny`x otnoshenij kak faktor preodoleniya e`kstremistskix proyavlenij // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova. 2024. № 1(98). S. 57–64.

Информация об авторе

Олег Анатольевич Карманов. Доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский переулок, 2А.

Information about the author

Oleg An. Karmanov. Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies. Candidate of Law Sciences.

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova.

241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky Lane, 2A.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОВОЛЬНОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СБОРА, ОБРАБОТКИ И ХРАНЕНИЯ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Карпушина Анна Викторовна

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Россия

lebedinskaya@inbox.ru

Аннотация. В статье автор рассматривает права физического лица при осуществлении сбора, обработки и хранения биометрических персональных данных с позиции добровольности. Обосновывается необходимость законодательного урегулирования формы согласия на обработку биометрических персональных данных, в которое, кроме общей информации, предлагает включить положения действующего законодательства в области защиты биометрии граждан. Предлагается использовать в практической деятельности отдельные формы согласий на обработку биометрии и классических персональных данных в целях обеспечения высокой степени информированности граждан об их правах как субъекта физиологических и поведенческих характеристик, которые представляют собой маркеры для биометрической идентификации.

Ключевые слова: биометрические персональные данные, биометрическая идентификация, административно-правовая защита биометрических персональных данных, согласие на обработку биометрических персональных данных, право на отзыв согласия на обработку биометрических персональных данных, цифровизация.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – заместителя начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина по научной работе доктора юридических наук, профессора Дизера О. А.

Для цитирования: Карпушина А. В. Вопросы правового регулирования принципа добровольности при осуществлении сбора, обработки и хранения биометрических персональных данных // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4 (105). С. 165–173.

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE PRINCIPLE OF VOLUNTARIOUSNESS IN THE COLLECTION, PROCESSING AND STORAGE OF BIOMETRIC PERSONAL DATA

Anna V. Karpushina

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
I.D. Putilina, Belgorod, Russia

lebedinskaya@inbox.ru.

Annotation. In this article, the author examines the rights of individuals in the collection, processing, and storage of biometric personal data from a voluntary perspective. The author substantiates the need for legislative regulation of consent forms for the processing of biometric personal data, which, in addition to general information, proposes to include provisions of current legislation on the protection of citizens' biometrics. The article

also proposes the practical use of separate consent forms for the processing of biometrics and classic personal data to ensure citizens are highly informed about their rights as subjects of physiological and behavioral characteristics that constitute markers for biometric identification.

Keywords: biometric personal data; biometric identification; administrative and legal protection of biometric personal data; consent to the processing of biometric personal data; right to revoke consent to the processing of biometric personal data; digitalization.

Gratitude: the work was carried out with the support of the supervisor – Deputy Head of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin for Research, Doctor of Law, Professor O. A. Dizer.

For citation: Karpushina A. V. Issues of legal regulation of the principle of voluntariness in the collection, processing and storage of biometric personal data // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 165–173.

Результатом стремительно развивающейся цифровизации общества стала популяризации биометрической идентификации. Как отмечает В. И. Фатхи, использование биометрической информации о личности сегодня давно вышло за пределы футуристических прогнозов и широко используется как в традиционных системах государственной безопасности, так и в сферах коммерческого и личного применения, становясь всё более распространённым методом идентификации личности [1, с. 187].

Популяризация биометрической идентификации является закономерным следствием процессов цифровизации, которые активно развиваются в контексте информационно-технического прогресса. В результате интеграции информационно-телекоммуникационных ресурсов в систему верификации личности достигнута возможность автоматизации процессов сопоставления физиологических и поведенческих индикаторов индивида с имеющимися биометрическими маркерами в специализированных базах данных, что позволяет осуществлять идентификацию личности с высокой степенью достоверности.

По прошествии всего нескольких лет стала возможной работа таких сервисов, как оплата улыбкой, проезд в метро по биометрии, предоставление услуг многофункциональных центров без предъявления паспорта, заселение в гостиницу по биометрическим идентификаторам, проход в школу с использованием биометрической идентификации. Совершенно недавно принят Федеральный закон Российской Федерации от 07.06.2025 № 133-ФЗ «О внесении изменения в статью 36.2 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»¹, который устанавливает возможность регистрации недвижимости в электронном виде с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи и подтверждением личностей сторон при помощи Единой биометрической системы (далее – ЕБС).

Весьма показательными являются результаты проведённого Всероссийским центром изучения общественного мнения опроса в отношении биометрических персональных данных. Согласно исследованию, 68 % россиян знакомы с понятием «биометрия» (+13 п.п. с 2023 года); четверо из десяти опрошенных относятся к биометрической идентификации положительно (41 %, +14 п.п. с 2023 года), 29 % – отрицательно (–3 п.п.), 25 % – нейтрально (–9 п.п.); в вопросах хранения и обработки биометрических данных

¹ О внесении изменения в статью 36-2 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости»: Федер. закон Рос. Федерации от 7 июня 2025 г. № 133-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации от 2025 г., № 23, ст. 2992.

42 % доверяют только государственным учреждениям, только коммерческим – всего 2 %; не доверяют никому 44 %¹.

Такое активное развитие и применение биометрических персональных данных обусловлено построением системы административно-правового регулирования на принципе добровольности предоставления биометрии гражданами, что позволяет избежать напряжённости в обществе в отношении рассматриваемых данных.

Принцип соблюдения добровольного предоставления физическими лицами биометрических персональных данных был закреплён Федеральным законом от 29.12.2022 № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»².

При формировании доверительного отношения граждан к биометрической идентификации, как справедливо отмечено Л. К. Терещенко, совершенно очевидна исключительно важная роль права в процессе цифровизации [2, с. 109]. В рамках анализа реализации принципа добровольности в контексте правовой защиты биометрических персональных данных, можно выделить ряд ключевых аспектов, которые формируют фундаментальные права физического лица:

- право субъекта биометрических персональных данных на принятие добровольного решения о предоставлении биометрии оператору;
- право на отзыв ранее данного согласия на обработку биометрических персональных данных, что позволяет субъекту данных аннулировать согласие в любое время;
- право на получение полной и достоверной информации о характере, объёме и целях обработки предоставленных биометрических персональных данных;
- право на уточнение и корректировку биометрических персональных данных, находящихся в распоряжении оператора, для обеспечения их актуальности и точности;
- право на блокирование или уничтожение биометрических персональных данных в случаях, когда дальнейшая их обработка не соответствует заявленным целям или требованиям законодательства;
- право на обращение в Роскомнадзор в случае выявления нарушений со стороны оператора, связанных с действием или бездействием, которое привело к ущемлению прав субъекта данных;
- право на судебную защиту своих нарушенных прав в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения оператором своих обязательств в области обработки биометрических персональных данных.

Эти положения, интегрированные в правовую систему, обеспечивают субъектам биометрических персональных данных высокий уровень контроля над представленными ими биометрическими характеристиками, что является ключевым аспектом в контексте защиты их прав и свобод.

Правовой основой выражения добровольности предоставления биометрических персональных данных является письменное согласие субъекта на обработку данных. Важно отметить, что данное согласие является отдельным от согласия об обработке персональных данных.

¹ Биометрия на марше: лицом к лицу с будущим [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/biometrija-na-marshe-licom-k-licu-s-budushchim> (дата обращения 29.09.2025).

² Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2023, № 1 (часть I), ст. 19.

Согласие на обработку персональных данных регулируется ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»¹. Данная статья определяет конкретную форму согласия субъекта персональных данных (указываются обязательные для заполнения положения). Согласие может быть получено как в письменной, так и в электронной форме (например, на сайте при необходимости указания персональных данных).

В свою очередь, согласие на обработку биометрических персональных данных предусмотрено ст. 11 Федерального закона № 152-ФЗ. Характерным для данного согласия является тот факт, что оно должно быть предоставлено строго в письменной форме. Однако конкретных указаний по его составлению нет.

Анализ предложенного правовым порталом КонсультантПлюс возможного варианта согласия на обработку биометрических персональных данных² показал, что форма весьма условна. Она содержит перечень общих персональных данных субъекта; информацию об операторе, получающем согласие субъекта персональных данных; перечислены виды биометрических данных, на обработку которых даётся согласие; указываются способы обработки и хранения (с использованием средств автоматизации / без использования средств автоматизации); цель обработки. При этом в согласии не имеется уведомления физического лица о его правах и гарантиях при сборе, обработке и хранении биометрических персональных данных. В связи с чем считаем важным при получении согласия на обработку биометрических персональных данных ознакомить физическое лицо с действующим законодательством по вопросам регулирования административно-правовой защиты биометрических характеристик, а также предоставить информацию об административной ответственности при совершении правонарушений в области защиты биометрии.

Следующий весьма актуальный вопрос при формировании согласия на обработку биометрических персональных данных, требующий рассмотрения, сформулировал А. В. Минбалеев – это передача персональных данных третьим лицам. А. В. Минбалеев отмечал, что важно ограничить возможности операторов в части получения согласий на передачу персональных данных третьим лицам от субъектов посредством установления критериев, в том числе связанных с обоснованием такой передачи правами и законными интересами субъекта персональных данных применительно к каждому третьему лицу и индивидуализацией согласия субъекта [3, с. 109].

Данное предложение представляется значимым в отношении биометрических персональных данных, где передача сведений биометрии физического лица может быть допустима только в установленных законодательством целях. Недопустима утечка данных в неаккредитованные организации, когда сведения о биометрии человека могут стать объектом мошеннических действий. Поэтому весьма целесообразно предусмотреть данный пункт в согласии, установить границы передачи биометрических характеристик третьим лицам, а также разработать регламент уведомления лица о передаче данных третьему лицу с указанием организации и целей получения его данных.

Немаловажным является уведомление субъекта персональных данных об уполномоченном органе по защите их прав в данной области. В соответствии с п. 1 ст. 23 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и п. 1 Положения о Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций, утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 16.03.2009 № 228, в России эти полномочия возложены на Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор).

¹ О персональных данных: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации от 2006 г., № 31, ст. 3451 (Часть I).

² Согласие на обработку биометрических персональных данных [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

К полномочиям Роскомнадзора в том числе относятся: осуществление федерального государственного контроля (надзора) за обработкой персональных данных; обращение в суд с исковыми заявлениями в защиту прав субъектов персональных данных и неопределённого круга лиц привлечение к административной ответственности лиц, виновных в нарушении Федерального закона «О персональных данных»; рассмотрение жалоб и обращений по вопросам, связанным с обработкой персональных данных; ведение реестра операторов, осуществляющих обработку персональных данных; ограничение доступа к информации, обрабатываемой с нарушением законодательства Российской Федерации в области персональных данных¹.

В рамках деятельности Роскомнадзора создан Портал персональных данных Уполномоченного органа по защите прав субъектов персональных данных (далее – Портал). Данный Портал выполняет важную функцию в системе государственного регулирования обработки персональных данных, обеспечивая эффективное взаимодействие между субъектами персональных данных, операторами и контролирующими органами. На Портале размещается информация о деятельности Роскомнадзора в сфере защиты прав субъектов персональных данных, а также осуществляется доступ к реестру операторов персональных данных и подача уведомлений, предусмотренных Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ. Кроме того, на Портале можно направить в Роскомнадзор уведомление о факте неправомерной или случайной передачи (предоставления, распространения, доступа) персональных данных, повлёкшей нарушение прав субъектов персональных данных.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день Роскомнадзор не выделяет биометрию в отдельную категорию персональных данных. Как недостаток можно отметить, что на Портале приводится информация только в отношении общих персональных данных, шаблон для биометрических персональных данных не размещён, как и требования к нему. Часто следствием этого становится использование единого согласия на обработку биометрии и классических персональных данных. При том что Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ закрепляются нормы, предусматривающие отдельные согласия для каждого вида данных. Однако, учитывая специфику и уникальность биометрии, считаем важным разграничение двух этих видов согласий и соблюдение строгой регламентации при работе с ними.

Это необходимо и для реализации ещё одного из прав, обуславливающих добровольность предоставления биометрических персональных данных физическим лицом, – отзыв согласия на обработку физиологических и поведенческих характеристик.

В. Б. Наумов отмечал, что ключевым фактором реализации предложенного права должно стать логическое правило, что по умолчанию человек не выражает своё согласие на цифровое взаимодействие в рамках установленного федеральным законом видов правоотношений, таковое должно быть явным, осознанным и добровольным, и в любой момент (по аналогии с нормами о согласии на обработку персональных данных) человек должен иметь право на отзыв данного им согласия [4, с. 187].

При предоставлении биометрии субъект персональных данных должен быть уведомлён о существующем у него праве на отзыв предоставленного согласия. Необходимо предусмотреть это при информировании физических лиц в рамках сбора биометрических персональных данных. В связи с чем считаем необходимым при подготовке согласия на обработку биометрических персональных данных указывать данный пункт.

Первые два правовых аспекта, направленные на реализацию принципа добровольности при использовании биометрических персональных данных, относятся к со-

¹ Защита прав субъектов персональных данных [Электронный ресурс]. URL: <https://rkn.gov.ru/treatments/chasto-zadavaemye-voprosy/zashchita-prav-subektov-personalnykh-dannykh/> (дата обращения: 24.09.2025).

гласию на их обработку. Следующая правовая гарантия заключается в получении полной и достоверной информации о характере, объёме и целях обработки биометрических данных.

Правовую основу данной гарантии составляет ст. 14 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ, которая прямо закрепляет право субъекта на получение информации, касающейся обработки его персональных данных. Субъект биометрических персональных данных вправе запросить и получить от оператора следующую информацию: подтверждение факта обработки, правовые основания и цели обработки, информацию о способах обработки, перечень обрабатываемых данных, сроки обработки, сведения о третьих лицах.

Из права ознакомления субъекта биометрических персональных данных с интересующей его информацией вытекает его право на корректировку биометрии при её несоответствии. Это право является ключевым элементом обеспечения точности и достоверности биометрической информации.

Отказ в предоставлении информации или предоставление неполной/недостоверной информации является прямым нарушением закона. Вследствие чего субъект биометрических персональных данных может обратиться в Роскомнадзор или в суд с иском о защите своих прав. Также физическое лицо имеет право отозвать своё согласие на обработку биометрических данных (если обработка основана на согласии).

Право на блокирование или уничтожение биометрических данных в случаях, когда дальнейшая их обработка не соответствует заявленным целям или требованиям законодательства, является логическим продолжением и важнейшим инструментом контроля субъекта над своими персональными данными.

Статья 14 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ закрепляет право субъекта требовать блокирования или уничтожения своих персональных данных в случае, если они являются неполными, устаревшими, неточными, незаконно полученными или не являются необходимыми для заявленной цели обработки. Статья 21 вышеуказанного нормативного правового акта обязывает оператора самостоятельно (без запроса субъекта) уничтожить или обезличить персональные данные по достижении целей обработки или в случае утраты необходимости в их достижении.

Право на блокирование и уничтожение биометрических данных – это юридический инструмент, позволяющий физическому лицу в любой момент исключить биометрию из систем по её обработке. Данное право обеспечивает реальный контроль над конфиденциальностью информации о своих физиологических и поведенческих характеристиках, возможных для идентификации.

При этом Т. А. Полякова и Н. А. Троян отмечали, что на современном этапе в условиях ускорения технологического прогресса и растущих угроз киберпространства вопросы, связанные с цифровым суверенитетом и правами граждан, приобретают приоритетное значение для решения стратегических задач, в том числе и правовых, имеющих ключевое значение для обеспечения национальной безопасности государства, включая информационную безопасность [5, с. 76].

Именно государство выступает гарантом по реализации прав, связанных с административно-правовой защитой биометрических персональных данных. В качестве основных мер в реализации этого принципа используется право на обращение в Роскомнадзор в случае выявления нарушений со стороны оператора, связанных с действием или бездействием, которое привело к ущемлению прав субъекта данных и право на судебную защиту своих нарушенных прав в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения оператором своих обязательств в области обработки биометрических персональных данных.

Весьма важным в данном вопросе выступает защита неопределённого круга лиц в суде при совершении неправомерных действий в области публично-правового регу-

лирования биометрических персональных данных. Роскомнадзор как уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных обладает правом обращаться в суд для защиты неопределённого круга лиц от правонарушений в области обработки биометрических данных (ст. 23 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ).

Мероприятия по защите неопределённого круга лиц осуществляются, когда со стороны оператора биометрической системы совершается правонарушение, которое затрагивает или потенциально может затронуть права и интересы многих людей, чьи биометрические персональные данные обрабатываются с нарушением, но физические лица ещё не знают об этом или не подали индивидуальные жалобы.

Цели иска Роскомнадзора в защиту неопределённого круга лиц могут выражаться в следующем:

- пресечение нарушения (обязать оператора прекратить незаконную обработку биометрических персональных данных);
- устранение последствий нарушения (требовать уничтожения биометрических персональных данных, собранных с нарушением закона);
- профилактика нарушений (предупреждение аналогичных действий со стороны других операторов).

В свою очередь, суд проверяет обоснованность требований Роскомнадзора, предоставляет возможность оператору оспорить доводы надзорного органа, выносит решение по обращению Роскомнадзора.

Обработка в информационной системе специальных категорий персональных данных или биометрических персональных данных существенно повышает требования к их защищённости, в то время как обработка только общедоступных персональных данных существенно их снижает [6, с. 123]. В области биометрии, где риски для приватности и возможности злоупотреблений особенно высоки, этот инструмент становится достаточно важным для обеспечения соблюдения законодательства всеми операторами.

Государством обеспечивается защита принципа добровольности предоставления биометрических персональных данных и разработана система, предусматривающая административную ответственность при его несоблюдении при сборе таких сведений. Однако законом предусмотрены исключения, к которым относятся осуществление правосудия и исполнение судебных актов; проведение обязательной государственной дактилоскопической или геномной регистрации и т. д. [7, с. 278]. Закон «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» исключил из сферы своего действия отношения, возникающие при осуществлении идентификации и (или) аутентификации с использованием биометрических персональных данных физических лиц в целях оперативно-разыскной, контрразведывательной или разведывательной деятельности, а также обороны страны, обеспечения безопасности государства и охраны правопорядка, реализации внешней политики (п. «а», «б» ч. 2. ст. 1) [8, с. 39].

Подводя итог, необходимо отметить, что биометрические персональные данные, представляя собой особую категорию данных, требуют специализированного правового регулирования, обособляющий биометрию от общих персональных данных ввиду её природы (уникальности и невозможности восстановления в случае утраты). Соответственно, важным нам представляется строгое соблюдение действующего законодательства по подготовке отдельного согласия субъекта на обработку биометрии и не допущение ситуаций, связанных с халатным объединением двух видов согласий в одно целое. Сегодня нет унифицированной формы данного согласия, однако считаем необходимым его разработку. При этом в согласие важно включить не только общие положения, но и пункт ознакомления граждан с их правами в отношении добровольности распоряжения своими биометрическими характеристиками.

1. Фатхи В. И. К вопросу о правовом регулировании порядка использования биометрических персональных данных: международный опыт // *Философия права*. 2023. № 4(107). С. 93-98.
 2. Терещенко Л. К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации // *Журнал российского права*. 2022. Т. 26. № 12. С. 98-110.
 3. Минбалеев А. В. Перспективные направления правового регулирования персональных данных // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2024. Т. 52, № 4. С. 152-156.
 4. Наумов В. Б. Право на отказ от цифровых технологий в сфере искусственного интеллекта // *Мировоззренческие аспекты информационной безопасности в условиях цивилизационных противоречий: Монография*. Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, 2025. С. 182-194.
 5. Полякова Т. А., Троян Н. А. Стратегические задачи обеспечения технологического и цифрового суверенитета: правовые аспекты формирования новой информационной среды // *Правовая информатика*. 2025. № 1. С. 70-78.
 6. Бундин М. В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 218 с.
 7. Бурлака С. Н., Бельдина О. Г. Защита биометрических персональных данных: проблемы правового регулирования // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 10(226). С. 277-279.
 8. Жарова А. К. Уголовно-правовая охрана частной жизни человека через призму обеспечения безопасности биометрических персональных данных // *Право и информация: вопросы теории и практики : сборник материалов XII международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 11 ноября 2022 года / Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина*. Санкт-Петербург: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. 2023. С. 37-43.
-
1. Fatxi V. I. K voprosu o pravovom regulirovanii poryadka ispol'zovaniya biometricheskix personal'ny'x dannyx: mezhdunarodny'j opyt // *Filosofiya prava*. 2023. № 4(107). S. 93-98.
 2. Tereshhenko L. K. Transformaciya ponyatijnogo apparata informacionnogo prava v usloviyax cifrovizacii // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2022. T. 26. № 12. S. 98-110.
 3. Minbaleev A. V. Perspektivny'e napravleniya pravovogo regulirovaniya personal'ny'x dannyx // *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024. T. 52, № 4. S. 152-156.
 4. Naumov V. B. Pravo na otkaz ot cifrovyy'x tehnologij v sfere iskusstvennogo intellekta // *Mirovozzrencheskie aspekty` informacionnoj bezopasnosti v usloviyax civilizacionny'x protivorechij: Monografiya*. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvenny'j yuridicheskij universitet im. V. F. Yakovleva, 2025. S. 182-194.
 5. Polyakova T. A., Troyan N. A. Strategicheskie zadachi obespecheniya texnologicheskogo i cifrovogo suvereniteta: pravovy'e aspekty` formirovaniya novoj informacionnoj sredy` // *Pravovaya informatika*. 2025. № 1. S. 70-78.
 6. Bundin M. V. Personal'ny'e dannye v sisteme informacii ogranichenного доступа : dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2017. 218 s.
 7. Burlaka S. N., Bel'dina O. G. Zashhita biometricheskix personal'ny'x dannyx: problemy` pravovogo regulirovaniya // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2023. № 10(226). S. 277-279.
 8. Zharova A. K. Ugolovno-pravovaya oxrana chastnoj zhizni cheloveka cherez prizmu obespecheniya bezopasnosti biometricheskix personal'ny'x dannyx // *Pravo i informaciya: voprosy` teorii i praktiki : sbornik materialov XII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 11 noyabrya 2022 goda / Prezidentskaya biblioteka imeni*

Информация об авторе

Анна Викторовна Карпушина. Адъюнкт.
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Information about the author

Anna V. Karpushina. Adjunct.
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
I.D. Putilin.
308024, Russia, Belgorod, Gorky Str., 71.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования
15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review
on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 342

О НЕКОТОРЫХ ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ ДЕРАДИКАЛИЗАЦИИ

Коробов Алексей Александрович

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

konvar2012@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с проблемой дерадикализации современного общества. Акцентируется внимание на правовых и финансовых аспектах дерадикализации. Отмечается потребность в комплексном, синергетическом подходе к решению задач дерадикализации. Предлагаются общие принципы организации данного процесса. Делается вывод о том, что на текущий момент радикализация современного общества стала глобальной проблемой и одним из значимых вызовов развитию социума и решать эту проблему нужно как можно раньше с использованием всех институтов современного общества: правоохранительных органов, финансовой системы, общественных институтов, различных слоёв общества и лидеров мнений. Скорейшее, всестороннее и взвешенное решение задач дерадикализации современного общества является сегодня залогом его социальной стабильности, юридической определённости и процветания.

Ключевые слова: радикализация, дерадикализация, терроризм, экстремизм, финансовые институты, противодействие терроризму и экстремизму, социальная инженерия, финансирование терроризма, деструктивные сообщества, социальные сети.

Для цитирования: Коробов А. А. О некоторых правовых аспектах дерадикализации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4 (105). С. 174–183.

ON SOME LEGAL ASPECTS OF DERADICALIZATION

Aleksey Al. Korobov

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
konvar2012@mail.ru

Annotation. This article examines issues related to the problem of deradicalization in modern society. It focuses on the legal and financial aspects of deradicalization. The need for a comprehensive, synergistic approach to addressing deradicalization issues is noted. General principles for organizing this process are proposed. The conclusion is that the radicalization of modern society has now become a global problem and one of the most significant challenges to the development of modern society. This problem must be addressed as soon as possible, using all the institutions of modern society: law enforcement agencies, the financial system, public institutions, various social strata, and opinion leaders. A rapid, comprehensive, and balanced solution to the challenges of deradicalization in modern society is today the key to social stability, legal certainty, and the prosperity of modern society.

Keywords: radicalization, deradicalization, terrorism, extremism, financial institutions, countering terrorism and extremism, social engineering, terrorist financing, destructive communities, social media.

For citation: Korobov A. A. On Some Legal Aspects of Deradicalization // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2025. № 4(105). P. 174–183.

Правовые аспекты дерадикализации в РФ связаны с противодействием терроризму и экстремизму, хотя дерадикализация как отдельное правовое явление пока не имеет самостоятельного регулирования. Правовую основу составляют Федеральный закон «О противодействии терроризму», Конституция РФ и другие федеральные законы, а также международные договоры. Дерадикализация рассматривается как часть общей системы профилактики и противодействия терроризму, направленная на отказ индивида от насилия и экстремистских убеждений.

Нормативно-правовая база

1. Конституция Российской Федерации: гарантирует права и свободы человека и гражданина, что является основой для законных мер по противодействию экстремизму;
2. Федеральный закон Российской Федерации № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹: определяет правовую основу, принципы и направления деятельности по предупреждению и борьбе с терроризмом;
3. Федеральный закон Российской Федерации № 390-ФЗ «О безопасности»²: регламентирует систему обеспечения национальной безопасности, куда входит противодействие терроризму;
4. Международные договоры: ратификация международных конвенций и соглашений по борьбе с терроризмом и экстремизмом.

Дерадикализация – это процесс, в результате которого человек отказывается от насильственных идей и экстремистских взглядов, переставая участвовать в террористической деятельности.

Хотя в законодательстве РФ может не быть прямого определения термина «дерадикализация», она относится к комплексу мер профилактики и предупреждения терроризма, что подразумевает юридическое сопровождение процесса.

Основной принцип – обеспечение прав и свобод граждан при соблюдении законности, а также неотвратимость наказания за преступления террористического характера.

Направления деятельности

Предупреждение терроризма включает в себя меры по нейтрализации радикальных идеологий и профилактику вовлечения в экстремистскую деятельность.

Профилактика правонарушений

В рамках системы профилактики могут проводиться мероприятия, направленные на снижение уровня экстремизма, в том числе и путём дерадикализационных мер. В целом правовые аспекты дерадикализации связаны с обеспечением законности, соблюдением прав человека и использованием правовых инструментов для профилактики и предотвращения террористической деятельности. Дискуссия о том, что такое дерадикализация, масштабна, как и в случае с понятиями терроризм и радикализация. Исследователи проводят параллель между категорией дерадикализации и другими схожими понятиями, например: деиндоктринация, прекращение террористической деятельности.

В то же время следует отметить, что достижения психологических теорий отстают от требований современных мероприятий по дерадикализации, не решая весь комплекс проблем и ограниченно воздействуя на проблему.

¹ О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О безопасности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом, как указывает К. Миттон, различные модели, используемые в области общественного здоровья, одновременно применяются для профилактики насилия [1, с. 18; 2 с. 90]. Его поддерживает и другой исследователь, С. Этран: «Полевые исследования показывают, что радикализация зачастую предполагает слияние через «повторное рождение» идентичности, изменяющейся внутри плотно сгруппированных социальных пространств: семейной жизни, спортивной команды, соседского окружения, рабочего пространства, школы, тюрьмы, сообществ беженцев и диаспор, закрытых групп в социальных медиа... . Это означает, что подход к проблеме радикализации с точки зрения общественного здоровья может оказаться более приемлемым, чем строгий криминологический подход» [3, с. 118]. Поэтому в фокусе внимания в целях дерадикализации должны находиться отношения в малых социальных группах: это и рабочие коллективы, и религиозные объединения, и неформальные группы, и национальные диаспоры.

Одновременно в качестве важнейшей современной тенденции развития радикализации следует выделить широкое применение радикальными сообществами современных информационных технологий как с технологической, так и с идеологической целью. Особенно стремительный научно-технический прогресс значительно расширил возможности в сфере манипулирования массовым сознанием при оценке последствий террористических акций. Таким образом, напрашивается вывод о существовании сформировавшейся информационно-коммуникативной стратегии радикализации. Она коренным образом отличает последний от каких-либо диверсионно-подрывных действий, носящих зачастую скрытый характер и не ставящих основной целью информационное воздействие на общество. Террористы же, напротив, подобным образом демонстрируют свои возможности по воздействию на органы государственной власти и местного самоуправления [4, с. 237–239].

Стремительное развитие трансграничных электронных средств массовой информации значительно усиливает потенциал международных группировок в сфере манипулирования массовым сознанием, подразумевая через определённое время трансформацию сознания населения в выгодном для радикалов направлении.

Сегодня глобальная стратегия многих радикальных группировок делает ставку на активное использование социальных сетей, и в первую очередь *Twitter*, с целью широкой трансляции своих обращений и установления контактов с потенциальными адептами по всему миру, включая Россию, страны ЕС, США и прочие¹. По мнению многих специалистов, *Twitter* одновременно используется для продажи книг, распространения фильмов, а также в целях «террористического краудсорсинга» для торговли смертью, при этом отдельного внимания правоохранительных органов заслуживает использование системы шифрования «*end-to-end*» при передаче сообщений между радикальными организациями и их сторонниками, планирующими террористические атаки [5, с. 2–5].

В то же время при относительной дешевизне, простоте и доступности современных средств информационной коммуникации террористы довольно длительное время могут дистанционно планировать, организовывать и проводить свои акции, оставаясь при этом безнаказанными и нанося при этом существенный ущерб как морально-го, так и материального характера личности, государству, обществу [5, с. 11, 6, с. 36].

Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»² запрещает распространение на территории

¹ ИГИЛ: революция в мире терроризма. [Электронный ресурс]. URL: <http://camonitor.com/20377-igilevoluciya-v-mire-terrorizma.html>. (дата обращения: 06.10.2025).

² О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Российской Федерации экстремистских материалов, а также их производство и хранение в целях распространения.

К экстремистским материалам относятся публично демонстрируемые или распространяемые информационные материалы в печатной, аудиовизуальной или электронной (в виде компьютерной информации) форме, а также в любой другой наглядной форме, в которых содержатся:

- призывы к насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации;
- оправдание терроризма;
- сведения, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную рознь;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, отношения к религии; пропаганда нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- публичные призывы к насильственному воспрепятствованию осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушению тайны голосования, к насильственному воспрепятствованию законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций;
- заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей преступлений экстремистского характера, связанных с вышеописанными действиями.

Действующее законодательство (Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹ (далее – КоАП РФ)) устанавливает административную ответственность за правонарушения, связанные с публичной демонстрацией или распространением экстремистских материалов, в том числе:

- ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ: пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, влечёт наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения либо административный арест на срок до пятнадцати суток с конфискацией предмета административного правонарушения на должностных лиц – от одной тысячи до четырёх тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения; на юридических лиц – от десяти тысяч до пятидесяти тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения;
- ч. 2 ст. 20.3 КоАП РФ: изготовление или сбыт в целях пропаганды либо приобретение в целях сбыта или пропаганды нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо

¹ Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, влечёт наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей с конфискацией предмета административного правонарушения; на должностных лиц – от двух тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения; на юридических лиц – от двадцати тысяч до ста тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения;

– ст. 20.29 КоАП РФ: массовое распространение экстремистских материалов, включённых в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а равно их производство либо хранение в целях массового распространения, за исключением случаев, предусмотренных ст. 20.3.2 КоАП РФ, влечёт наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до трёх тысяч рублей либо административный арест на срок до пятнадцати суток с конфискацией указанных материалов и оборудования, использованного для их производства; на должностных лиц – от двух тысяч до пяти тысяч рублей с конфискацией указанных материалов и оборудования, использованного для их производства; на юридических лиц – от ста тысяч до одного миллиона рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток с конфискацией указанных материалов и оборудования, использованного для их производства.

На операторов связи, предоставляющих техническую возможность доступа своих абонентов к сети Интернет (интернет-провайдеров), законодательством возлагается обязанность ограничивать доступ к интернет-сайтам, содержащим запрещённую законом информацию, в том числе к экстремистским материалам, включённым в федеральный список экстремистских материалов. Соответствующие требования сформулированы в Федеральном законе от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»¹, Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»², Законе Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-I «О средствах массовой информации»³.

Анализ указанных норм говорит о недостаточной жёсткости наказания, и вместе с тем правоприменительная практика свидетельствует о том, что у правоприменителя зачастую отсутствует понимание атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, поскольку свастические символы присутствуют и в языческой традиции, и в православии, и в буддизме. В то же время существуют радикальные экстремистские движения, не использующие атрибутику и символику, отождествляемые с фашизмом, например «Граждане СССР» (признана в августе 2022 года экстремистской)⁴. Представители данной организации не признают валюту Российской Федерации, законы и официальные документы РФ, включая Конституцию и паспорта. Данная организация использует символику СССР, являющуюся частью историко-культурного наследия России, при этом является радикальной.

¹ О связи [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: закон Рос. Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Рос. Федерации экстремистскими [Электронный ресурс]: официальный сайт Министерства юстиции РФ (дата обращения: 31.10.2025).

Существуют многочисленные, околофутбольные фанатские группировки, использующие символику любимых клубов, также не являющуюся экстремистской или радикальной. Она становится таковой, если содержит элементы, запрещённые законодательством, например символику экстремистских организаций или нацистскую символику, а также, если используется для пропаганды экстремизма или разжигания ненависти.

Если говорить о спортивной среде, то довольно наглядными являются задержания в столицах членов клубов ММА, состоящих из мигрантов и организованных по национальному признаку. Вообще, спортивная среда является довольно привлекательной для радикальных движений, поскольку спортсмены более организованны, дисциплинированы и спортсмены стремятся реализовать лидерские качества на фоне царящего в среде культа силы. Данные задержания вскрыли проблему отсутствия действенного контроля за мигрантской средой.

Помимо прочего, значимым фактором радикализации являются мошенничества, связанные с хищением личных данных и денежных средств. На первом этапе злоумышленники получают доступ к сетам и личным данным жертв, затем похищают их и в дальнейшем, под предлогом возврата похищенного или нераспространения личных данных склоняют жертв к совершению противоправных, экстремистских действий: диверсиям на объектах транспортной инфраструктуры, поджогам отделений банков, военных комиссариатов, органов местной власти, покушений на военных, сотрудников правоохранительных органов, директоров оборонных предприятий и т. д.

Очень часто мошенники используют методы социальной инженерии, алгоритм одного из которых показан на рисунке 1.

Элементы защиты: 1 – обмен информацией; 2 – корректировка базы данных; 3 – запрос БД на наличие номера; 4 – подтверждение подлинности номера; 5 – разрешение/запрет на вызов.

Рис.1. Одна из примерных технологий хищения денежных средств при помощи социальной инженерии. (Источник: Фотоархив ИД «Коммерсантъ»)

Поэтому хищение и последующее обещание вернуть денежные средства также являются на сегодняшний день достаточно значимым фактором радикализации. Очень часто сотрудники иностранных спецслужб, и в частности СБУ, работают с малообеспеченными, либо легко внушаемыми категориями граждан (пенсионеры, подростки, лю-

ди, имеющие финансовые проблемы), просто обещая вознаграждение за террористический акт, диверсию или другие общественно опасные деяния, и, к сожалению, простой разъяснительной работы здесь мало, нужна достаточно жёсткая уголовная норма и сформировавшийся правовой прецедент, что само по себе будет действенным механизмом дерадикализации как наглядный пример неотвратимого и жёсткого наказания за подобные деяния.

Следовательно, значимым фактором, способствующем дерадикализации современного общества, будет являться борьба с кибер- и телефонным мошенничеством, охрана личных данных клиентов, ужесточение наказания за разглашение личных данных должностными лицами, имеющими к ним доступ.

Параллельно должны ужесточиться меры наказания и за кибер-и телефонное мошенничество, проверена тщательнейшим образом блогерская деятельность на предмет финансирования террористической деятельности, организации экстремистского сообщества, сокрытия и легализации доходов. То же самое можно сказать и о сборе донатов в пользу радикальных организаций и объединений. Речь, прежде всего, идёт о медийных личностях, представителях шоу-бизнеса, блогерах, направляющих средства в поддержку, например, ВСУ. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ)¹, в частности ст. 205.1 УК РФ, устанавливает ответственность за содействие террористической деятельности. Однако, как показывает практика и анализ законодательства, трактовка данного деяния может быть неоднозначной, порождая вопросы о степени вины и умысла лица, оказывающего ту или иную помощь. Особую сложность представляет ситуация, когда содействие носит неявный характер и лицо, возможно, не осознает всей полноты последствий своих действий [8, с. 18]. Статья 205.1 УК РФ охватывает широкий спектр действий, которые могут быть расценены как содействие террористической деятельности. Это может быть как непосредственное участие в подготовке терактов, так и оказание помощи в различных формах: выполнение работ, предоставление услуг, закупка медикаментов, обмундирования, оплата проезда, уход за членами террористических организаций, помощь с жильём и многое другое. Ключевым моментом в квалификации деяния по данной статье является наличие умысла. Однако законодатель допускает, что лицо, осуществляющее содействие, не обязательно может осознавать, что оказывает помощь именно террористической организации. Это создаёт правовую коллизию: как быть с теми, кто, руководствуясь благими намерениями или просто выполняя свои профессиональные обязанности, непреднамеренно оказывается вовлечённым в орбиту террористической деятельности?

Например, медицинский работник, оказывающий помощь раненому человеку, может не знать, что этот человек является членом террористической группы. Или поставщик продуктов питания, продающий свои товары магазину, который затем снабжает террористов, может не подозревать о конечном потребителе. В таких случаях, несмотря на отсутствие прямого умысла на содействие терроризму, действия лица могут быть квалифицированы по ст. 205.1 УК РФ.

Согласно смыслу статьи 205.1 УК РФ даже если пособничество было неявным, то есть лицо не предполагало, что финансирует или иным образом поддерживает террористическую деятельность, его действия всё равно могут быть квалифицированы как преступление. Это означает, что законодатель возлагает на граждан повышенную ответственность за бдительность и проверку своих контрагентов и получателей помощи. Такая трактовка может показаться излишне строгой, поскольку ставит под удар добросовестных граждан, которые могут стать жертвами обстоятельств или обмана. Однако,

¹ Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

с точки зрения борьбы с терроризмом, такая позиция законодателя направлена на минимизацию любых, даже косвенных форм поддержки террористических организаций.

Неоднозначность трактовки ст. 205.1 УК РФ ставит ряд вызовов перед правоприменительными органами. Необходимо тщательно взвешивать все обстоятельства дела, оценивать степень осведомлённости лица и его реальные намерения. Важно отличать случаи, когда лицо сознательно идёт на сотрудничество с террористами, от ситуаций, когда оно оказывается вовлечённым в противоправную деятельность по неосторожности или в результате обмана [8, с. 84].

Для общества же это означает необходимость повышения правовой грамотности и бдительности. Важно понимать, что даже незначительные на первый взгляд действия могут иметь серьёзные юридические последствия, если они косвенно способствуют террористической деятельности [9, с. 4].

Статья 205.1 УК РФ является важным инструментом в борьбе с терроризмом, однако её неоднозначная трактовка требует внимательного изучения и применения. Баланс между необходимостью пресечения любых форм содействия террористической деятельности и защитой прав добросовестных граждан остаётся сложной задачей, требующей постоянного осмысления и совершенствования правоприменительной практики. Пока же законодатель идёт по пути наказания лиц, которые как минимум знали, что их помощь, неважно в денежной или натуральной форме, направляется в регион, в котором высока деятельность радикальных или экстремистских организаций, что, по нашему мнению, является оправданным в современных, достаточно непростых реалиях.

В случае с блогером, если он создаёт для этих целей и трансляций своих убеждений коммьюнити, применима ст. 282.1 УК РФ. Именно блогеры и публичные личности способны транслировать радикальные идеи на широкую аудиторию, поэтому, по нашему убеждению, в отношении их необходимо применять более жёсткие санкции по данным статьям, учитывая степень охвата аудитории и, как следствие, более высокую степень общественной опасности преступного деяния.

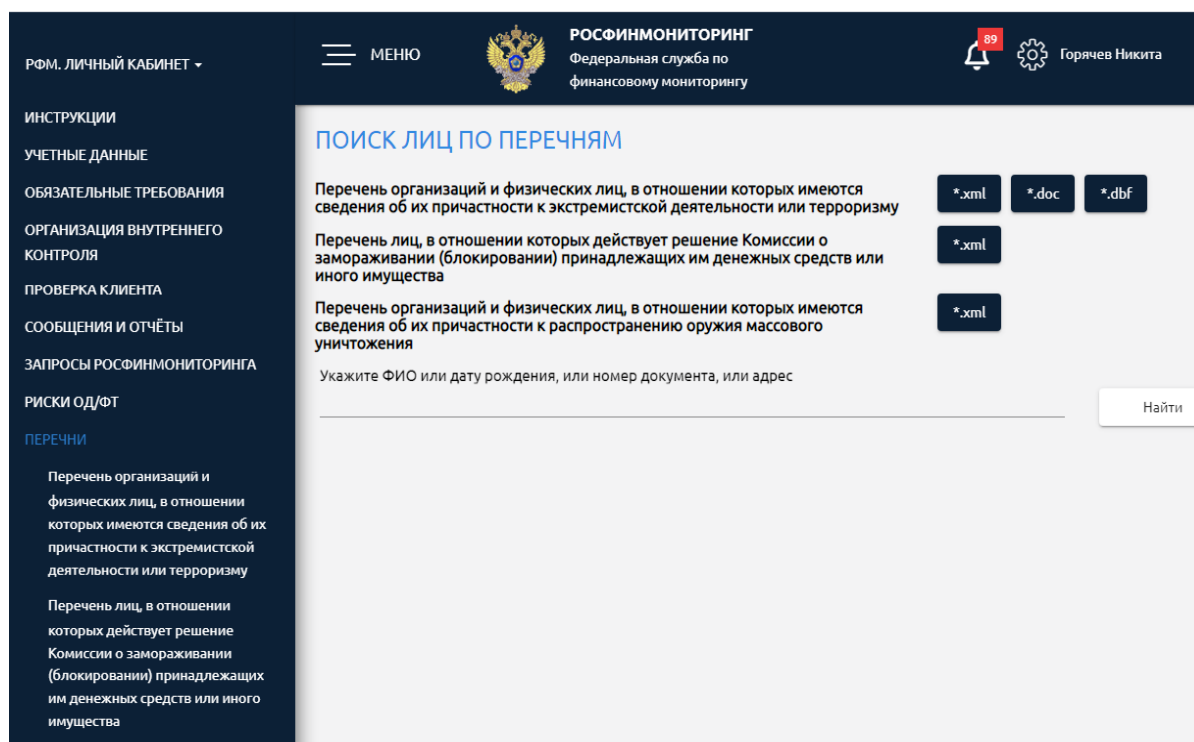

Рис. 2. Доведение перечней установленных лиц через Личный кабинет

Наконец, любая радикальная и экстремистская деятельность опирается на источники финансирования, в том числе зарубежные, в этом случае определёнными юридическими полномочиями наделён Росфинмониторинг, который имеет право замораживать подозрительные счета и транзакции, а также располагает постоянно обновляющимся перечнем лиц, признанных экстремистами и террористами, что способно запустить правовые механизмы в отношении лиц и организаций, подозреваемых в осуществлении терроризма и экстремизма как на территории страны, так и за её пределами.

Специалисты Росфинмониторинга отмечают низкую степень взаимодействия в сфере выявления и пополнения базы данных субъектов, подозреваемых в причастности к экстремизму.

Таким образом, проблема дерадикализации является достаточно актуальной и значимой для современного общества, причём не только в России, но и за рубежом. Решение данной проблемы является одним из способов ответа на современные вызовы терроризма и экстремизма, дестабилизации современного общества и угрозы национальной безопасности. При решении данной проблемы необходима консолидация усилий большинства государственных институтов, кропотливая работа над реформированием всех отраслей современного законодательства: финансового, уголовного, административного и гражданского.

1. Elshimi M.S. Introduction. In M.S. Elshimi (ed.). *De-Radicalisation in the UK Prevent Strategy: Security, Identity and Religion*. Abingdon: Routledge. 2017. P. 1-19.
2. Guidère M. *Atlas du terrorisme islamiste: d'Al-Qaida à Daech*. Paris: Editions Autrement. 2017. 95 p.
3. Этран С. Психология международного терроризма и радикальных политических конфликтов // Теории и практики радикализма и экстремизма: сб. статей / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН. 2023, 118 с.
4. Медведева Т. В. Классификация экстремистских проявлений в современном обществе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова № 2(103). 2025. С. 237-244
5. Бочарников И. В. Информационное противодействие терроризму в современных условиях // Проблемы безопасности. 2013. № 3(21). С. 2-5, 11
6. Коробов А. А. Современные тенденции развития международного терроризма // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2020. № 2(51). С. 30-39.
7. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование: монография С. Ю. Богомолов; под ред. А. В. Петрянина. М.: Издательство «Проспект», 2018. 256 с.
8. Коробов А. А. О некоторых проблемах квалификации преступлений по ст. 205 и 208 УК РФ // Проблемы обеспечения верховенства закона: история и современность: Сборник научных трудов по итогам Международной научно-практической конференции в рамках праздничных мероприятий, посвященных 300-летию прокуратуры России и 165-летию со дня рождения генерал-прокурора Российской империи А. А. Хвостова, Елец, 10 сентября 2021 года. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2021. С. 83-86.
9. Фоменко Е. В., Маторина Ю. Н. Правовые основы противодействия терроризму. Уголовно-правовой и криминологический аспекты. Учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. 171 с.

1. Elshimi M.S. Introduction. In M.S. Elshimi (ed.). *De-Radicalisation in the UK Prevent Strategy: Security, Identity and Religion*. Abingdon: Routledge. 2017. P. 1-19.
2. Guidère M. *Atlas du terrorisme islamiste: d'Al-Qaida à Daech*. Paris: Editions Autrement. 2017. 95 p.

3. E`tran S. Psixologiya mezhhdunarodnogo terrorizma i radikal`ny`x politicheskix konfliktov // Teorii i praktiki radikalizma i e`kstremitizma: sb. statej / Pod red. V.A. Tishkova. M.: IE`A RAN. 2023, 118 s.
4. Medvedeva T. V. Klassifikaciya e`kstremitetskix proyavlenij v sovremennom obshhestve // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova № 2(103). 2025. S. 237-244
5. Bocharnikov I. V. Informacionnoe protivodejstvie terrorizmu v sovremenny`x usloviyax // Problemy` bezopasnosti. 2013. № 3(21). S. 2-5,11
6. Korobov A. A. Sovremenny`e tendencii razvitiya mezhhdunarodnogo terrorizma // Vestnik Ural`skogo instituta e`konomiki, upravleniya i prava. 2020. № 2(51). S. 30-39.
7. Otvetstvennost` za finansirovanie terrorizma: ugovorno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie: monografiya S. Yu. Bogomolov; pod red. A. V. Petryanina. M.: Izdatel`stvo «Prospekt», 2018. 256 s.
8. Korobov A. A. O nekotory`x problemax kvalifikacii prestuplenij po st. 205 i 208 UK RF // Problemy` obespecheniya verhovenstva zakona: istoriya i sovremennost`: Sbornik nauchny`x trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v ramkax prazdnichny`x meropriyatij, posvyashhenny`x 300-letiyu prokuratury` Rossii i 165-letiyu so dnya rozhdeniya general-prokurora Rossijskoj imperii A. A. Xvostova, Elec, 10 sentyabrya 2021 goda. Elec: Eleczkij gosudarstvenny`j universitet im. I. A. Bunina, 2021. S. 83-86.
9. Fomenko E. V., Matorina Yu. N. Pravovy`e osnovy` protivodejstviya terrorizmu. Ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty`. Uchebnoe posobie dlya vuzov. M.: Izdatel`stvo Yurajt, 2020. 171 s.

Информация об авторе

Алексей Александрович Коробов. Старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат экономических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Alexey Al.Korobov. Senior Lecturer, Department of Social and Humanitarian Disciplines. Candidate of Economic Sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 34.07

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТА В ПРОПАГАНДЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Королева Екатерина Геннадьевна

Московский областной филиал Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя, Старотеряево, Россия

kat_kor81@mail.ru

Аннотация. Актуальность данной статьи определяется высокой значимостью проблемы дорожно-транспортных происшествий и необходимостью эффективного воздействия на сознание участников дорожного движения. Сегодня интернет играет ключевую роль в формировании общественного мнения и привычек пользователей, особенно среди молодого поколения. Традиционные способы агитации постепенно утрачивают свою действенность, тогда как цифровые технологии позволяют создавать интерактивные, наглядные и актуальные информационные продукты. Статья направлена на выявление оптимальных способов и каналов продвижения идей безопасности дорожного движения посредством интернет-ресурсов, что способствует формированию устойчивых поведенческих моделей и снижению риска аварийных ситуаций на дорогах.

Ключевые слова: Госавтоинспекция, пропаганда, безопасность, дорожное движение, аварийность, дорожно-транспортное происшествие, интернет-ресурс.

Для цитирования: Королева Е. Г. Особенности использования интернет-контента в пропаганде безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 184–189.

FEATURES OF USING INTERNET CONTENT IN ROAD SAFETY PROPAGANDA

Ekaterina G. Koroleva

The Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the
Ministry of Interior of Russia, Staroteryaev, Russia

kat_kor81@mail.ru

Annotation. The relevance of this article is determined by the high significance of the problem of road accidents and the need to effectively influence the consciousness of road users. Today, the Internet plays a key role in shaping public opinion and user habits, especially among younger generations. Traditional methods of campaigning are gradually losing their effectiveness, while digital technologies allow you to create interactive, visual and relevant information products. The article is aimed at identifying the best ways and channels to promote road safety ideas through Internet resources, which contributes to the formation of sustainable behavioral models and reduce the risk of road accidents.

Keywords: Traffic police, propaganda, safety, traffic, accident, traffic accident, Internet, resource.

For citation: Koroleva E. G. Features of the use of Internet content in the promotion of road safety // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2025. № 4(105). P. 184–189.

Повышение безопасности дорожного движения, направленное на сохранение жизни и здоровья граждан Российской Федерации, является одним из приоритетных направлений государственной политики и важным фактором обеспечения устойчивого социально-экономического и демографического развития страны [1, с. 30] и обусловлено необходимостью эффективного воздействия на сознание участников дорожного движения. В настоящее время сеть Интернет играет ключевую роль в формировании общественного мнения и привычек пользователей, особенно среди молодого поколения. Интернет является основным источником информации и коммуникации для большинства населения страны. Люди ежедневно проводят значительное количество времени онлайн, просматривают социальные сети, видеохостинги, читают новостные ресурсы. Это подтверждается и статистическими исследованиями. Так, в 2025 году в нашей стране зафиксировано 216 млн подключений к сети Интернет, что составляет 150 % от общей численности населения Российской Федерации. В свою очередь, общее количество пользователей сети достигло 133 млн, а уровень охвата населения составил 92,2 %. Также следует отметить, что 106 млн граждан являются пользователями социальных сетей, это 73,4 % от общей численности населения страны¹.

Доступность интернета для большинства категорий населения требует развития и апробации новых возможностей, присущих цифровому контенту, которые должны быть обеспечены в деятельности подразделений Госавтоинспекции в целях повышения показателей состояния безопасности дорожного движения (далее – БДД). Одновременно с этим возникает ряд проблемных вопросов, диктующих потребность реализации новых приёмов, способов использования интернет-материалов.

Эффективность пропаганды БДД значительно возрастает именно благодаря использованию возможностей информационно-телекоммуникационных сетей, так как традиционные способы и методы агитации постепенно утрачивают свою действенность, тогда как цифровые технологии позволяют создавать интерактивные, наглядные и актуальные информационные продукты. Это обусловлено тем, что молодёжь больше ориентирована на цифровой контент, интерактивные форматы подачи информации. Интернет позволяет оперативно обновлять и распространять материалы, адаптируя их под целевую аудиторию.

Справедливо отмечается в работе А. И. Кокориной и Е. Д. Никулина, что, размещая публикации в социальных сетях и интернет-сообществах, появляется шанс воздействовать на формирование культурных образцов поведения участников дорожного движения, способствовать широкому распространению профилактических сведений, направленных на снижение числа дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) [2, с. 202]. Аналогичную позицию занимает и В. А. Лохбаум, который указывает, что сегодня актуально внедрение инновационных инструментов влияния на поведение участников дорожного движения, а также создание на их основе принципиально новых подходов к организации просветительской деятельности Государственной автомобильной инспекции. Важнейшим направлением здесь видится полноценное освоение потенциала интернет-пространства, которое должно использоваться не только для передачи информационных и ознакомительных материалов, но и для формирования специальной образовательной виртуальной среды, позволяющей участникам дорожного движения эффективно приобретать знания и практические навыки [3, с. 22]. Вместе тем Н. Г. Канунникова выделяет ряд проблемных вопросов по рассматриваемой сфере деятельности подразделений Госавтоинспекции по повышению БДД [4, с. 47].

¹ Статистика интернета и социальных сетей России на 2025 год: главные тренды и цифры // Digital-агентство WebCanape. [Электронный ресурс]. URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socialnyh-setej-rossii-na-2025-god-glavnye-trendy-i-cifry/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения 22.07.2025).

Таким образом, наша статья направлена на выявление оптимальных способов и каналов продвижения идей БДД посредством интернет-ресурсов, что поспособствует формированию устойчивых поведенческих моделей и снижению риска аварийных ситуаций на дорогах среди различных категорий участников дорожного движения.

Большинство исследователей в своих работах зачастую просто обосновывают необходимость использования ресурсов сети Интернет в пропаганде дорожного движения, а также предлагают сотрудникам Госавтоинспекции создавать и вести в социальных сетях специализированные странички (паблики), посвящённые указанной проблеме [5, с. 10; 6, с. 77; 3, с. 25]. Следует отметить, что на практике сотрудниками Госавтоинспекции сеть Интернет используется с целью пропаганды БДД. Функционирует официальный сайт Госавтоинспекции, существуют странички различных подразделений Госавтоинспекции в социальных сетях и мессенджерах.

Справедливо в своей работе отмечает Д. А. Новгородов, который указывает, что складывается ситуация, при которой сотрудники отделов пропаганды БДД занимаются преимущественно размещением информационного контента исключительно на официальном веб-сайте Госавтоинспекции, входящем в состав единого комплекса «Официальный интернет-сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации». Дополнительно они ведут обновление специализированных интернет-порталов, находящихся под управлением Госавтоинспекции МВД России, включая ведение официальных профилей ведомства на популярных социальных медиаплатформах [7, с. 327].

Однако, по нашему мнению, это недостаточно эффективно, так как посещаемость указанных ресурсов зачастую только лицами, заинтересованными в пропаганде БДД в связи с профессиональной необходимостью, минимальна и практически не оказывает влияния на сознание участников дорожного движения. В этой связи считаем необходимым разработать концепцию пропаганды БДД в интернет-пространстве, которая позволит влиять непосредственно на участников дорожного движения различных категорий.

Анализируя положения, закреплённые в Правилах дорожного движения (постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090¹), можно выделить следующие категории участников дорожного движения: водитель, пассажир, пешеход. В свою очередь, водителей можно разделить по классу управляемого ими транспортного средства: водитель легкового автомобиля, водитель грузового автомобиля, водитель трактора или самоходной машины, водитель мотоцикла, водитель мопеда, водитель гужевого транспорта, водитель средства индивидуальной мобильности, погонщик скота. Следует отметить, что всех участников дорожного движения можно дифференцировать по возрастному составу: дети (до 12 лет), подростки (до 18 лет), молодёжь (до 30 лет), взрослые до (до 60 лет), пожилые (более 60 лет). Кроме этого, можно разделить участников дорожного движения и по иным признакам, например: пол, социальный статус и т. п. Таким образом, мы видим, что существуют разнообразные категории участников дорожного движения, которые имеют различный возраст, социальные и иные статусы.

Охватить традиционными и инновационными методами пропаганды дорожного движения всех участников дорожного движения практически невозможно, в этой связи необходимо прибегнуть к риск-ориентированному подходу, а именно осуществлять пропаганду среди наиболее уязвимых и «опасных» участников дорожного движения.

Данная идея находит также отражение в работе М. В. Давыдова, который указывает, что значимым элементом эффективной профилактической деятельности выступа-

¹ О Правилах дорожного движения (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения) [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ет целенаправленный подход к предупреждению аварийности, предполагающий тщательный выбор целевой группы, оптимального временного интервала и подходящего инструмента взаимодействия. Именно поэтому существенным условием успешной реализации мероприятий является учёт социодемографической специфики лиц, допускающих нарушения ПДД, что обеспечит адресное и эффективное применение мер профилактики [8, с. 123].

Если обратиться к статистическим данным Госавтоинспекции МВД России, то в 2025 году 88 % от общего количества ДТП совершили водители ТС. Кроме этого, каждое десятое ДТП связано с нарушением ПДД пешеходам. Распределение погибших в ДТП по возрасту показывает, что почти половину составили люди в возрасте 30–54 лет, максимум приходится на участников дорожного движения в возрасте 35–44 лет [9, с. 37]. Следовательно, используя методику риск-ориентированного подхода, мы уделим основное внимание профилактике нарушения ПДД среди водителей ТС в возрасте от 30 до 54 лет. В этой связи необходимо также сконцентрироваться на интересах указанной категории лиц в медиапространстве. Как правило, участники дорожного движения указанной возрастной группы посещают тематические интернет-ресурсы, связанные с автомобилями, например: сайты по обзору, продаже и подбору автомобилей *avto.ru*, *avito.ru*, *drive2.ru*, *avtocod.ru*; тематические каналы видеоблогеров с миллионами подписчиков на ресурсах *rutub* и *vkvideo*, которые посещают ежедневно десятки тысяч людей.

Кроме этого, можно согласиться с Д. А. Новгородовым, который указывает, что практически в каждом населённом пункте России имеются активные сообщества в соцсетях под типовым названием «Подслушано в ...», которые привлекают внимание тысяч интернет-пользователей каждый день. Так, например, население города Рузы составляет около 15 тыс. жителей, однако группа «Подслушано в Рузе» в соцсети «ВКонтакте» объединяет свыше 47 тыс. подписчиков. Таким образом, размещение сообщений о ситуации с авариями и нарушениями ПДД в подобном сообществе позволяет обеспечить доступ к важной информации большому числу местных жителей и гостей города [7, с. 327]. Мы приходим к выводу, что при осуществлении мероприятий по пропаганде БДД необходимо не просто размещать информацию на официальных сайтах органов власти и МВД России в частотности, но также, используя методологию риск-ориентированного подхода, выявлять наиболее «проблемных» участников дорожного движения и воздействовать на их правосознание посредством размещения интернет-контента на ресурсах, которые посещает выявленная категория участников дорожного движения.

Для совершенствования деятельности подразделений Госавтоинспекции в указанном направлении необходимо внести дополнения в приказ МВД России от 29.12.2018 № 903¹, которые должны уточнить обязанности для сотрудников территориальных подразделений Госавтоинспекции на районном и региональном уровне проводить мониторинг наиболее посещаемых интернет-ресурсов на их обслуживаемой территории и регулярно на указанных ресурсах размещать информацию о необходимости соблюдения ПДД.

Считаем необходимым также организовывать обучение уполномоченных сотрудников Госавтоинспекции по созданию грамотного интернет-контента и активно осуществлять взаимодействие с блогерами, имеющими более 1 млн подписчиков по вопросам пропаганды БДД и социальной рекламы в указанной сфере.

¹ Об утверждении наставления по организации деятельности государственной инспекции безопасности дорожного движения министерства внутренних дел российской федерации по пропаганде безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: приказ от 29 декабря 2018 г. № 903. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Кузнецова Н. М. Методическое сопровождение деятельности по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма, осуществляемой сотрудниками подразделений Госавтоинспекции по пропаганде безопасности дорожного движения // Современная наука. 2025. № 1. С. 29-32.
2. Кокорина А. И., Никулин Е. Д. Использование сотрудниками подразделений Госавтоинспекции платформы социальной сети «ВКонтакте» как инструмента пропаганды безопасности дорожного движения // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 201-205.
3. Лохбаум В. А. Пропаганда безопасности дорожного движения в деятельности Госавтоинспекции как эффективное средство административно-правового воздействия по предупреждению дорожно-транспортных происшествий // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1(53). С. 16-22.
4. Канунникова Н. Г. Актуальные вопросы совершенствования деятельности подразделений пропаганды безопасности дорожного движения Госавтоинспекции МВД России в целях профилактики административных правонарушений // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 44-49.
5. Афонина Е. Г. Пропаганда безопасности дорожного движения как элемент профилактики административных правонарушений // Актуальные вопросы административно-правовой деятельности органов внутренних дел. Орел, 2024. С. 10-13.
6. Борисова С. Е. Особенности информационно-психологического воздействия новостного видеоконтента интернет-телевидения на правосознание и поведение участников дорожного движения // Психология и право. 2021. Т. 11. № 4. С. 77-89.
7. Новгородов Д. А. Использование сотрудниками ГИБДД сети Интернет в пропаганде безопасности дорожного движения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. Орел, 2020. № 1(3). С. 325-329.
8. Давыдов М. В. Законодательные аспекты совершенствования профилактической работы в области безопасности дорожного движения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. Орел, 2024. С. 121-125.
9. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2024 году. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025, 37 с.

1. Kuzneczova N. M. Metodicheskoe soprovozhdenie deyatel'nosti po profilaktike detskogo dorozhno-transportnogo travmatizma, osushhestvlyаемой sotrudnikami podrazdelenij Gosavtoinspekcii po propagande bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Sovremennaya nauka. 2025. № 1. S. 29-32.
2. Kokorina A. I., Nikulin E. D. Ispol'zovanie sotrudnikami podrazdelenij Gosavtoinspekcii platformy` social'noj seti «Vkontakte» kak instrumenta propagandy` bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2025. № 4. S. 201-205.
3. Loxbaum V. A. Propaganda bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v deyatel'nosti Gosavtoinspekcii kak e`ffektivnoe sredstvo administrativno-pravovogo vozdejstviya po preduprezhdeniyu dorozhno-transportny`x proissheshtvij // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 1(53). S. 16-22.
4. Kanunnikova N. G. Aktual'ny`e voprosy` sovershenstvovaniya deyatel'nosti podrazdelenij propagandy` bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya Gosavtoinspekcii MVD Rossii v celyax profilaktiki administrativny`x pravonarushenij // Administrativnoe pravo i process. 2023. № 2. S. 44-49.

5. Afonina E. G. Propaganda bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya kak e`lement profilaktiki administrativny`x pravonarushenij // Aktual`ny`e voprosy` administrativno-pravovoj deyatel`nosti organov vnutrennix del. Orel, 2024. S. 10-13.
6. Borisova S. E. Osobennosti informacionno-psixologicheskogo vozdejstviya novostnogo videokontenta internet-televideniya na pravosoznanie i povedenie uchastnikov dorozhnogo dvizheniya // Psixologiya i pravo. 2021. T. 11. № 4. S. 77-89.
7. Novgorodov D. A. Ispol`zovanie sotrudnikami GIBDD seti Internet v propagande bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya. Orel, 2020. № 1(3). S. 325-329.
8. Davy`dov M. V. Zakonodatel`ny`e aspekty` sovershenstvovaniya profilakticheskoy raboty` v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya. Orel, 2024. S. 121-125.
9. Dorozhno-transportnaya avarijnost` v Rossijskoj Federacii v 2024 godu. Informacionno-analiticheskij obzor. M.: FKU «NCz BDD MVD Rossii», 2025, 37 s.

Информация об авторе

Екатерина Геннадьевна Королева. Заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности полиции, кандидат филологических наук, доцент.

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

143100, Россия, Московская область, Рузский м.о., п. Старотеряево, тер. МОФ МосУ имени В.Я. Кикотя, 1.

Information about the author

Ekaterina G. Koroleva. Deputy Head of the Department of Administrative Law and Police Administration. Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

The Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

143100, Russia, Moskovskaya oblast`, Ruzsky M.O., village of Staroteryaev, ter. MOF MosU named after V.Ya. Kikot, 1.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 342.9

**МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ
ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИИ И БЕЛАРУСИ**

Кошелев Дмитрий Александрович

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия

koshelev-dima1249@yandex

Аннотация. В статье осуществлён сравнительно-правовой анализ мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в правоохранительной практике Российской Федерации и Республики Беларусь. Центральное внимание уделяется законодательной регламентации применения указанных мер, а также выявлению общих и отличительных черт в правовых подходах двух государств. Конечной целью исследования является разработка оптимальных механизмов обеспечения административного производства и формулирование предложений по совершенствованию действующих нормативно-правовых баз.

Ключевые слова: административные правонарушения, меры обеспечения производства, сравнительное право, правоохранительные органы, административное право, административный процесс, законодательство, сотрудники полиции.

Для цитирования: Кошелев Д. А. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: сравнительно-правовое исследование законодательства России и Беларуси // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 190–195.

**MEASURES TO SECURITY PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE
OFFENSES: A COMPARATIVE LEGAL STUDY OF THE LEGISLATION
OF RUSSIA AND BELARUS**

Dmitry A. Koshelev

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia

koshelev-dima1249@yandex

Annotation. This article provides a comparative legal analysis of administrative enforcement measures in the law enforcement practices of the Russian Federation and the Republic of Belarus. The focus is on the legislative regulation of the application of these measures, as well as identifying common and distinctive features in the legal approaches of the two countries. The ultimate goal of the study is to develop optimal mechanisms for administrative enforcement and formulate proposals for improving the current regulatory frameworks.

Keywords: administrative offenses, enforcement measures, comparative law, law enforcement agencies, administrative law, administrative procedure, legislation, police officers.

For citation: Koshelev D. A. Measures to security proceedings in cases of administrative offenses: a comparative legal study of the legislation of Russia and Belarus // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 190–195.

Мероприятия, направленные на обеспечение надлежащего рассмотрения дел об административных правонарушениях, представляют собой комплекс последовательных и взаимосвязанных процессуальных действий. Эти действия выполняются уполномоченными должностными лицами в строгом соответствии с установленными правовыми процедурами, гарантирующими всестороннее, полное и объективное выяснение обстоятельств каждого дела.

Данные процедуры иницируются, рассматриваются и приводятся в исполнение согласно нормам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)¹, который служит основным законодательным актом, регулирующим эту сферу. Целью всего процесса является не только привлечение виновных к ответственности, но и обеспечение неукоснительного соблюдения законности, защита прав и законных интересов граждан, а также профилактика будущих правонарушений.

Меры обеспечения – это ограничение или запрет, направленный на предотвращение незаконного вмешательства в деятельность правоохранительных органов. Такие меры призваны воспрепятствовать попыткам блокирования процессуальных действий. Меры обеспечения создают условия для надлежащего осуществления юридических процедур, облегчают законную деятельность заинтересованных сторон и защищают участников от противоправного воздействия, включая давление и охрану лиц, находящихся под угрозой [1, с. 49].

В Российской Федерации меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях регламентированы главой 27 КоАП РФ. Эти меры применяются в строгом соответствии с законом и направлены на достижение конкретных целей.

Основная цель применения мер обеспечения производства заключается в создании условий для установления личности нарушителя, надлежащего оформления материалов дела и обеспечения его своевременного и справедливого рассмотрения (ч. 1 ст. 27.1 КоАП РФ). В частности, эти меры позволяют составить протокол об административном правонарушении в тех случаях, когда это невозможно сделать непосредственно на месте его выявления. Кроме того, они служат гарантией исполнения постановления, вынесенного по результатам рассмотрения дела.

Примерами мер обеспечения производства могут служить административное задержание лица, совершившего правонарушение (например, при отсутствии документов, удостоверяющих личность), досмотр транспортного средства или изъятие вещей и документов, являющихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения. Важно отметить, что перечень мер обеспечения, предусмотренных КоАП РФ, является исчерпывающим и не подлежит произвольному расширению. Применение данных мер должно быть строго обоснованным и соответствовать целям, установленным законом [2, с. 126].

Безусловно, стоит отметить, что представленный перечень мер обеспечения производства по делам об административном правонарушении регулируется гл. 27 КоАП РФ. Все эти меры являются принудительными и носят процессуальный характер. Их главная цель – создать необходимые условия для всестороннего и объективного рассмотрения дела, а также для обеспечения исполнения вынесенного постановления. Они не являются наказанием, а лишь обеспечивают правильный ход всего процесса.

Так, согласно КоАП РФ выделяются следующие виды мер:

- 1) доставление;
- 2) административное задержание;

¹ Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3) личный досмотр, досмотр вещей, досмотр транспортного средства, находящихся при физическом лице; осмотр принадлежащих юридическому лицу помещений, территорий, находящихся там вещей и документов;

4) изъятие вещей и документов;

5) отстранение от управления транспортным средством соответствующего вида;

5.1.) освидетельствование на состояние алкогольного опьянения;

6) медицинское освидетельствование на состояние опьянения;

7) задержание транспортного средства;

8) арест товаров, транспортных средств и иных вещей;

9) привод;

10) временный запрет деятельности;

11) залог за арестованное судно;

12) помещение иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации, в специальные учреждения;

13) арест имущества в целях обеспечения исполнения постановления о назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного ст. 15.27.3 или 19.28 КоАП РФ.

В отличие от Российской Федерации, в Республике Беларусь меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях носят название «меры обеспечения административного процесса». Эти меры закреплены в Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП РБ) от 06.01.2021 № 92-З [3, с. 139].

Целью применения мер обеспечения административного процесса, согласно ст. 8.1 ПИКоАП РБ, является пресечение административных правонарушений, установление личности физического лица, в отношении которого ведётся административный процесс, составление протокола об административном правонарушении, обеспечение своевременного и правильного рассмотрения дела и исполнения постановлений по делу об административном правонарушении. Таким образом, цели применения мер в целом совпадают с российским законодательством.

Однако существенным отличием от российского подхода является разделение мер обеспечения на те, которые могут быть применены к физическому лицу, и те, которые применяются в отношении юридических лиц.

Так, к физическому лицу могут быть применены следующие меры обеспечения административного процесса:

1) административное задержание физического лица;

2) личный обыск задержанного;

3) наложение ареста на имущество;

4) изъятие вещей и документов;

5) задержание и принудительная отбуксировка (эвакуация) транспортного средства;

6) отстранение от управления транспортным средством;

7) блокировка колёс транспортного средства;

8) привод;

9) удаление из помещения, в котором рассматривается дело об административном правонарушении;

10) временное ограничение права лица, в отношении которого ведётся административный процесс, на выезд из Республики Беларусь;

11) временное ограничение права лица, в отношении которого ведётся административный процесс, на управление механическими транспортными средствами, моторными маломерными судами, мощность двигателя которых превышает 3,7 киловатта (5 лошадиных сил), права на охоту, за исключением случаев, когда пользование ука-

занными правами необходимо лицу в связи с инвалидностью либо в качестве единственного средства получения дохода.

Говоря о юридических лицах, укажем, что здесь могут быть применены следующие меры обеспечения административного процесса:

- 1) изъятие документов и имущества, принадлежащих юридическому лицу;
- 2) наложение ареста на товары, транспортные средства и иное имущество, принадлежащие юридическому лицу.

Несмотря на то что на первый взгляд принципиальных отличий в мерах обеспечения административного производства в Беларуси и России немного и большинство мер имеет аналогичные цели и содержание, существуют важные нюансы. Различия проявляются в деталях и названиях, однако ключевые отличия заключаются в наличии трёх мер обеспечения, применяемых исключительно в рамках ПИКоАП РБ.

К этим уникальным мерам относятся: удаление из помещения, в котором рассматривается дело об административном правонарушении; блокировка колёс транспортного средства и временное ограничение права лица, в отношении которого ведётся административный процесс, на выезд из Республики Беларусь. Аналоги этих мер в российском законодательстве отсутствуют.

В рамках исследования мер обеспечения административного процесса особое внимание уделяется определению круга субъектов, уполномоченных на их применение. К таким субъектам относятся суды, должностные лица, а также лица, непосредственно осуществляющие ведение административного процесса. Важность данного аспекта заключается в том, что от чёткого распределения компетенции зависит законность и обоснованность применения мер обеспечения, а также соблюдение прав и законных интересов лиц, в отношении которых эти меры применяются.

В частности, анализ положений ПИКоАП РБ показывает, что некоторые меры обеспечения применяются на различных стадиях административного производства и разными субъектами. Так, в рамках административного судопроизводства в Республике Беларусь к лицу, в отношении которого ведётся процесс, могут быть применены меры обеспечения в виде временного ограничения ряда ключевых прав. Речь идёт о таких значимых мерах, как запрет на выезд за пределы страны, приостановление права управления механическими транспортными средствами и моторными маломерными судами (с мощностью двигателя, превышающей 3,7 киловатта или 5 лошадиных сил), а также лишение права на осуществление охотничьей деятельности. Ключевой принцип заключается в том, что применение данных мер находится в исключительной компетенции судебных органов и допустимо лишь на этапе рассмотрения дела об административном правонарушении, что служит гарантией от их произвольного использования. Законодатель, однако, предусмотрел ряд важных исключений, основанных на принципах гуманизма и справедливости. Ограничение не может быть применено, если реализация соответствующего права является для лица жизненно необходимой вследствие инвалидности или если это право представляет собой единственный законный источник средств к существованию. Данная норма демонстрирует стремление законодателя соблюсти баланс между интересами правосудия и защитой прав личности, а также указывает на индивидуальный подход при применении мер обеспечения административного процесса.

В российском законодательстве отсутствует чёткое указание на конкретный этап производства по делам об административных правонарушениях, на котором применяются меры обеспечения производства. Однако из формулировки, что первая стадия производства начинается после применения мер обеспечения, следует, что эти меры применяются на первоначальном этапе. При этом правовое регулирование полномочий должностных лиц имеет фрагментарный характер: соответствующие компетенции распределены по различным статьям кодекса, регламентирующим конкретные виды мер

обеспечения, в отличие от консолидированного подхода, принятого в ПИКоАП Республики Беларусь, где эти полномочия систематизированы в рамках общей нормативной характеристики. Подобная дифференциация правовых предписаний создаёт потенциальные риски несогласованности правоприменительной практики, затрудняет формирование единообразного подхода к реализации мер процессуального принуждения и может порождать коллизии в определении подведомственности при их применении. Отсутствие унифицированного регулирования свидетельствует о необходимости совершенствования административного законодательства Российской Федерации в части систематизации норм, регламентирующих меры обеспечения производства.

Особую актуальность в контексте административного судопроизводства приобретает вопрос правового регулирования такой меры обеспечения производства, как доставление. Отсутствие прямого нормативного закрепления (одно предложение в ст. 8.2. ПИКоАП РБ) оснований и процедуры доставления в ПИКоАП РБ создаёт значительные правовые пробелы в практической деятельности правоохранительных органов. В данном случае возможно рассмотрение вопроса о включении доставления в отдельную меру обеспечения административного процесса.

Кроме того, ПИКоАП РБ устанавливает дополнительные гарантии для социально уязвимых категорий граждан при применении такой меры, как административное задержание. В частности, кодекс вводит абсолютный запрет на административное задержание сверх установленного общего срока для несовершеннолетних лиц и беременных женщин. Эта норма является императивной и не допускает исключений, что служит дополнительной правовой защитой для данных групп.

В заключение отметим, что проведённое сравнительно-правовое исследование мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемых сотрудниками правоохранительных органов Российской Федерации и Республики Беларусь, выявило как общие черты, так и существенные различия в подходах двух стран. Обе правовые системы предусматривают схожие виды обеспечительных мер и в целом стремятся к соблюдению процессуальных норм, однако отличаются в конкретных аспектах их применения, полномочиях должностных лиц и механизмах защиты прав граждан. Выявленные различия имеют практическое значение, влияя на эффективность правоприменения и степень защиты прав лиц, привлекаемых к административной ответственности. На основе проведённого анализа можно сделать вывод о потенциале для гармонизации законодательства и обмена передовым опытом между Россией и Беларусью в целях совершенствования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и соблюдения прав граждан.

1. Артемьев Н. В., Статуев С. С. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и их особенности // Административное право и процесс. 2019. № 6. С. 49-52.
2. Урусов З. Х. Меры обеспечения при производстве по делам об административных правонарушениях // Евразийский юридический журнал. 2021. № 4(155). С. 126-127.
3. Лубенков А. В., Макарейко Н. В., Субботин А. М. Меры административно-процессуального обеспечения по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь: опыт сравнительного правоведения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4(32). С. 138-142.
4. Макеева И. А., Лазарев А. В., Костылев М. А. Особенности применения некоторых мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Право и управление. 2024. № 1. С. 296-298.

5. Мешков П. В. Сущность и назначение механизма реализации мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Символ науки: международный научный журнал. 2018. № 4. С. 61-64.

6. Шутилина О. А. Административное задержание как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2015. № 2(86). С. 139-143.

1. Artem`ev N. V., Statuev S. S. Mery` obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax i ix osobennosti // Administrativnoe pravo i process. 2019. № 6. S. 49-52.

2. Urusov Z. X. Mery` obespecheniya pri proizvodstve po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 4(155). S. 126-127.

3. Lubenkov A. V., Makarejko N. V., Subbotin A. M. Mery` administrativno-processual`nogo obespecheniya po zakonodatel`stvu Rossijskoj Federacii i Respubliki Belarus`: opyt` sravnitel`nogo pravovedeniya // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2015. № 4(32). S. 138-142.

4. Makeeva I. A., Lazarev A. V., Kosty`lev M. A. Osobennosti primeneniya nekotory`x mer obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax // Pravo i upravlenie. 2024. № 1. S. 296-298.

5. Meshkov P. V. Sushhnost` i naznachenie mexanizma realizacii mer obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax // Simvol nauki: mezhdunarodny`j nauchny`j zhurnal. 2018. № 4. S. 61-64.

6. Shutilina O. A. Administrativnoe zaderzhanie kak mera obespecheniya proizvodstva po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2015. № 2(86). S. 139-143.

Информация об авторе

Дмитрий Александрович Кошелев. Преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел.

Уральский юридический институт МВД России.
620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

Information about the author

Dmitry Al. Koshelev. Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies.

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
620057, Russia, Yekaterinburg, Korepina Str., 66.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 342.9

ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТРЕНИРОВОЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОДГОТОВКЕ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ К ДЕЙСТВИЯМ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ

Мешев Ислам Хасанбиевич

Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) ФГКОУ ВПО
«Краснодарский университет МВД России», Нальчик, Россия

islam-2604@mail.ru

Аннотация. В статье акцентируется внимание на таком важном управленческом решении, как переход на инновационные тренировочные технологии, направленные на развитие профессиональных навыков личного состава, укрепление дисциплины, повышение уровня общественной безопасности. Аргументируется необходимость поиска новых, более эффективных методов профессиональной подготовки сотрудников полиции с целью ускоренной адаптации к особым условиям служебной деятельности в современной реальности. Обосновывается применение новых подходов в физической подготовке полицейских с целью исключения неготовности сотрудников полиции к противостоянию правонарушителям в условиях современных социальных вызовов. Осуществлён анализ инновационных тренировочных технологий (кроссфит-тренировка, симуляторы), применяемых в подготовке сотрудников полиции, направленных не только на сбережение здоровья полицейских, но и на успешное выполнение ими служебных задач в особых условиях.

Ключевые слова: особые условия, инновационные технологии обучения, симуляторные технические средства, административные задачи, тренировочные средства, технологии, кроссфит-тренировка, профессиональная подготовка.

Для цитирования: Мешев И. Х. Применение инновационных тренировочных технологий в подготовке сотрудников полиции к действиям в особых условиях // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 196–201.

APPLICATION OF INNOVATIVE TRAINING TECHNOLOGIES IN PREPARING POLICE OFFICERS FOR SPECIAL CONDITIONS

Islam K. Meshov

North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia», Nalchik, Russia

islam-2604@mail.ru

Annotation. The article focuses on an important managerial decision, such as the transition to innovative training technologies aimed at improving the professionalism of personnel, strengthening discipline, and increasing public safety. The article argues for the need to find new and more effective methods of professional training for police officers, in order to accelerate their adaptation to the specific conditions of their work in today's reality. The article also justifies the use of new approaches in the physical training of police officers, in order to ensure that police officers are prepared to confront offenders in the face of modern

social challenges. The article analyzes innovative training technologies (crossfit training, simulators) used in the training of police officers, which are aimed not only at preserving the health of police officers, but also at ensuring their successful performance of official tasks in special conditions.

Keywords: special conditions, innovative training technologies, simulation equipment, administrative tasks, training tools, technologies, crossfit training, and professional training.

For citation: Meshov I. Kh. Application of Innovative Training Technologies in Preparing Police Officers for Actions in Special Conditions // Scientific Bulletin of the V.V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(105). P. 196–201.

Современная реальность предъявляет к сотрудникам органов внутренних дел беспрецедентно высокие требования, причиной тому является современная оперативная обстановка, характеризующаяся повышенной сложностью, непредсказуемостью и наличием широкого спектра особых условий, в которых действуют сотрудники полиции. К таким условиям относятся: проведение контртеррористических операций, пресечение массовых беспорядков, освобождение заложников, задержание вооружённых преступников. Эффективность действий личного состава в этих ситуациях является не только показателем профессионального мастерства, но и ключевым индикатором результативности работы руководящего состава органов внутренних дел.

Сегодня инновационные тренировочные технологий перестают быть вопросом педагогического эксперимента и становятся стратегической административной задачей, направленной на повышение уровня защищённости жизни и здоровья сотрудников, снижение оперативных и репутационных рисков для МВД России, обеспечение законности и обоснованности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия а также оптимизацию бюджетных расходов на подготовку кадров в долгосрочной перспективе. В этих условиях успешное выполнение оперативно-служебных задач напрямую зависит от уровня профессиональной подготовки, которая должна быть не только фундаментальной, но и максимально адаптивной, практико-ориентированной и соответствующей быстро меняющейся действительности.

Профессия полицейского считается одной из самых опасных в мире, сотрудники постоянно находятся в зоне риска стать жертвой преступного насилия во время выполнения служебных задач. Основные проблемы, подрывающие здоровье полицейских, – стрессы, психологические травмы, излишний вес, недостаток сна и отдыха, неправильный режим питания. Сбережение здоровья полицейского для успешного выполнения поставленных задач включает в себя несколько аспектов, одним из которых является физическая подготовка.

Нельзя не согласиться с мнением А. И. Алтунина о том, что от уровня физической подготовки зависит личная безопасность сотрудника органов внутренних дел и его работоспособность, а систематичность занятий способствует формированию определённого спектра личностных характеристик, необходимых для успешного выполнения служебных задач [1].

Вместе со спортом больших достижений массовая физическая культура претерпевает в современном мире значительные изменения. Научные открытия и ставшие повсеместно доступными технологические новшества позволяют сотрудникам силовых ведомств добиваться успешных результатов в развитии собственных возможностей. Использование современных научных технологий в различных элементах физической подготовки в профессиональном спорте, массовой спортивной культуре в настоящее время стало фундаментальным в том числе и в подготовке полицейских. Применение инновационных методик в оценке биологического состояния организма человека, контроль за происходящими изменениями в нём до, после и во время получения нагрузки,

синтез новых веществ, ускоряющих восстановление и активизирующих обменные процессы, апробации и обоснование влияния современных методов построения тренировочного процесса – эти и многие другие признаки модернизируют и значительно видоизменяют весь процесс физической подготовки в XXI веке.

Сотрудники полиции, находясь на передовой борьбы с преступностью, должны быть готовы к возможным ситуациям конфликтного характера, физическому противостоянию относительно правонарушителя.

Полицейские, реализуя свои служебные полномочия, зачастую имеют дело с особым социальным контингентом, который характеризуется наличием асоциальных установок, агрессивности, скрытым характером преступной деятельности, а иногда и враждебным отношением к полиции. Задачи, которые решают полицейские, протекают, как правило, в рискоопасных условиях [2, с. 380].

Чтобы в такой ситуации не оказаться неготовым к сопротивлению противника и провалить оперативное задание, полицейским необходимо участвовать в тренировочном процессе и заранее заботиться об уровне навыков применения физической силы. В большинстве своём азы этих умений прививаются сотрудникам органов внутренних дел во время обучения в ведомственной образовательной организации. Быт и жизнедеятельность обучающихся там выстроены таким образом, чтобы они в полной мере ощущали на себе благотворное влияние распорядка дня и дисциплины, общефизической подготовки, гигиенической культуры, закаливания. Однако система физической подготовки нестатична и не является раз и навсегда закреплённым комплексом требований и тренировочных средств. Ей также могут быть присущи методологические коррективы, в том числе реакция на появление новых способов достижения физического прогресса.

Проводя классификацию направлений физической подготовки, которые характеризуют смену тренировочных векторов в современном обществе, можно выделить несколько основных. В первую очередь эффективность процесса обучения в рамках курса физической подготовки в образовательной организации МВД России можно повысить благодаря инновационным тренировочным технологиям. Современные тенденции в развитии двигательных способностей на занятиях по физической подготовке связаны с применением инновационных методик, технологий и средств тренировки. Многочисленные исследования [1; 2; 3] последних лет показали, что особенно для сотрудников полиции, чья практическая деятельность остаётся крайне динамичной и энергозатратной, хорошо подойдёт интенсивная кардионагрузка с аэробным принципом потребления энергии. Своевременное снижение и повышение активности в соответствии с колебанием частоты сердечных сокращений способно при должном преподавательском (тренерском) контроле значительно повысить работоспособность обучающегося.

Издавна известный принцип круговой тренировки сегодня получает вторую жизнь в виде системы функционального воздействия – кроссфита [4, с. 32]. Огромное количество поклонников по всему миру даёт учёным, специализирующимся на спортивной медицине, возможность для измерений и наблюдений, уяснения результатов такой физической работы и рекомендацию данного метода для решения конкретной задачи. Для образовательной организации МВД России плюсы кроссфита заключаются и в том, что некоторые комплексы упражнений развивают основные физические качества человека, не требуя никакого дополнительного инвентаря (работа «со своим весом»), и уместны при групповых тренировках на практических занятиях с обучающимися.

Первично данная методика направлена на развитие выносливости, повышение порога утомления в ходе активной работы [5, с. 114]. Однако в зависимости от наполнения программы тренировки достижимо и совершенствование других важных параметров: скорости, силы, ловкости. Общей чертой функциональных тренировок является их интенсивность, то есть ограниченность (либо отсутствие) пауз для отдыха. Благода-

ря такому воздействию укрепляется сердце и кровеносные сосуды, ускоряется перенос кислорода к тканям организма, развивается дыхательная система. В силу схожести функциональной тренировки на бытовые ситуации сотрудников полиции, когда последние вынуждены в том или ином виде применять физические усилия, подавляя сопротивление подотчётного элемента, для данной категории занимающихся подобный вариант нагрузки на тренировках очень уместен.

И действительно, довольно тяжело представить оперативно-служебную задачу полицейского, заключающуюся в необходимости подтянуться десять раз (концентрированная силовая нагрузка) или пробежать сто метров (скоростная тренировка), и тем самым эту задачу выполнить. Комбинированное присутствие в конкретном казусе нескольких составляющих видится нам куда как более вероятным: преследование правонарушителя (скорость), проведение приёма задержания (навыки боевых приёмов борьбы), удержание и ограничение свободы (сила), сохранение работоспособности на всём протяжении задержания (выносливость). Благодаря огромному многообразию элементов, которыми может быть наполнена кроссфит-тренировка, вышеуказанные аспекты подготовки могут развиваться путём применения описываемого формата.

К числу новых технологий относится и возможность автоматизированного выбора тренировочной программы, когда заданные параметры позволяют компьютерным алгоритмам выявить необходимую подборку тренировочных средств [6, с. 25]. Упрощение этого процесса может позитивно сказаться в рамках самоподготовки курсантов и слушателей, поможет молодым людям лучше понимать свой организм. Однако фактор наставничества преподавателя по-прежнему остаётся актуальным, так как за специалистом физической подготовки остаётся право советовать определённое упражнение или воздержаться от него по конкретным причинам.

Тренировки на основе игровых и современных симуляторных средств позволяют реализовать не только физические, но и психологические аспекты тренировки (командный дух, стрессоустойчивость, быструю адаптацию к изменяющимся условиям) [7, с. 111]. Главное преимущество этой тренировочной новации заключается в сочетании физической и тактической подготовки. К счастью, случаи применения полицейскими властных полномочий в одиночку являются скорее исключением из правил, обычно правоприменитель может рассчитывать на помощь напарника (коллег) в разворачиваемом противоборстве с преступником. Игровые тренировки учат тактическому взаимодействию, хорошо развивают периферическое зрение, помогают отрабатывать приёмы отвлечения внимания соперников, развивают инициативу. Индивидуальные черты любого сотрудника полиции могут стать как помехой, так и преимуществом в развитии конкретной практической ситуации. Рассматривать такие особенности в качестве дополнительного фактора итогового успеха и учат командные тренировки. К примеру, полицейского большого роста и веса лучше использовать для задержания (преграждения пути к бегству) правонарушителя, а изначально более быстрого и скоростного – для преследования. Отработать можно и ролевое взаимодействие при проведении приёма борьбы, когда у каждого сотрудника есть свой ситуативный статус – отвлекающий внимание, удерживающий, проводящий приём, страхующий и т. д.

Симуляторные технические средства крайне полезны в учебном процессе будущих полицейских [8, с. 86]. Другое дело, что на современном этапе далеко не всегда материально-техническая база вуза позволяет оснастить спортивный зал (стадион, полигон, полосу препятствий) таким достаточно сложным, громоздким и дорогостоящим оборудованием. Однако при его наличии весь тренировочный процесс преподаватель может оперативно дополнять путём внесения в него новых факторов: иллюзорного ограничения пространства, затруднения видимости, размещения на теле условного правонарушителя датчиков, измеряющих силу удара, чтобы понять его достаточность и чрезмерность, и т. д. Отработка двигательных навыков в том числе в таких условиях

поможет полицейским оставаться более спокойными в тождественных ситуациях практической работы.

Ввиду приоритета в организации занятий по физической подготовке в образовательных организациях МВД России группового тренингового процесса над индивидуальным добиваться персонализированного подхода в обучении достаточно проблематично. Однако очевидно, что подбор средств совершенствования уровня физической подготовленности для конкретного обучающегося будет более эффективным, так как обусловит возможность учесть его индивидуальные особенности, стартовый уровень, промежуточные результаты. Решить эту задачу преподаватель может путём составления рекомендаций для самоподготовки, в часы которой обучающийся сможет тренироваться по программе, сформированной специально для него. Например, квалифицированный педагог сможет объяснить, каким более лёгким аналогом следует заменить сложное и на конкретный момент времени недоступное к выполнению упражнение. Умение использовать индивидуальный подход как средство развития двигательных навыков подопечных выводит обладающий им кадровый состав вуза на более высокий уровень профессиональных компетенций, помогает добиться уважения у аудитории, формирует во время процесса обучения атмосферу взаимовыручки и поддержки.

Самостоятельным направлением развития двигательных способностей обучающихся образовательных организаций МВД России является применение на практических занятиях спортивного инвентаря. Задействование предметов специального назначения призвано увеличить диапазон тренировочного воздействия, наполнить процесс обучения энтузиазмом, исключить фактор рутинности происходящего на практических занятиях, создать у будущих полицейских представление о конструктивных особенностях и целевом использовании материальной базы. Благотворное влияние на двигательные способности обучающихся скажется в первую очередь в том, что спортивный инвентарь позволит добавить к стандартному набору развивающих упражнений и многие дополнительные.

Разнообразие тренировочного инвентаря (блины и грифы штанги, гири и гантели, резиновые жгуты и эластичные бинты, игровые мячи из разных видов спорта), вспомогательные средства различных единоборств (груши, лапы – перчатки для отработки ударов, манекены и чучела для бросков), фиксируемые утяжелители, скакалки, барьеры для перепрыгивания в своём стандартном предназначении или используемые в несколько переименованном формате смогут быть полезными для обучающихся образовательных организаций МВД России с целью помочь им адаптировать двигательные умения к будущей сложной профессиональной деятельности в условиях вызовов современной реальности. Не стоит забывать, что в современных, особых условиях реальных вызовов от физических показателей сотрудников полиции напрямую зависит не только состояние безопасности государства [9, с. 115], но и эффективность противостояния им.

Интеграция инновационных тренировочных технологий в систему профессиональной подготовки является не просто тенденцией, а необходимым элементом обеспечения готовности сотрудников полиции к эффективным действиям в условиях современных вызовов. Доказано, что такой подход значительно повышает качество подготовки, снижает риски ошибок в реальных особых условиях и способствует укреплению доверия общества к правоохранительным органам.

1. Алтунин А. Ю. Личная физическая безопасность сотрудников органов внутренних дел // Автономия личности. 2024. № 2(32).
2. Попов А.Н. Тактический аспект применения физической силы сотрудниками органов внутренних дел // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2022. Т. 8(74). № 4. С. 379-383.

3. Беграббекова Ю. Л., Орлова Я. А. Вклад аэробных физических нагрузок в сбережение здоровья: известные механизмы и перспективные исследования // КВТиП. 2021. № 5.
4. Диц С. Г., Азизова И. Н., Никитина Л. М. Кроссфит в системе общей физической подготовки обучающихся: учебно-методическое пособие. С. Г. Диц, И. Н. Азизова, Л. М. Никитина. Казань: КФУ, 2018. 34 с.
5. Кочеткова О. В., Еремин Р. В. Особенности формирования двигательных умений и навыков у сотрудников органов внутренних дел // Автономия личности. 2020. № 3 (23). С. 113-117.
6. Князев К. О., Валиев С. К., Алехина О. В., Григорьева И. В. Пути формирования специальных двигательных умений и навыков в процессе физической подготовки сотрудников ОВД // Культура физическая и здоровье. 2022. № 2 (82). С. 24-27.
7. Дадов А. В. Современные тенденции в развитии двигательных способностей на занятиях по физической подготовке в образовательных организациях МВД России // Пробелы в современном законодательстве. 2023 г., № 3. С. 109-114.
8. Горелкин С. И., Тарасов В. А., Коник А. А., Беляев И. С. Формирование прикладных двигательных умений и навыков у курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России на занятиях по физической подготовке // Физическое воспитание и спорт в высших учебных заведениях. Сборник статей XVII Международной научной конференции. Белгород, 2021. С. 85-88.
9. Савчук Н. А. Физическая подготовка как элемент профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел // Наука-2020. 2022. № 4 (58). С. 113-119.

Информация об авторе

Ислам Хасанбиевич Мешев. Заместитель начальника кафедры физической подготовки.

Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал) ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет МВД РФ».

360016, Россия, г. Нальчик, ул. Мальбахова, 123.

Information about the author

Islam Kh. Meshov. Deputy Head of the Department of Physical Training.

North Caucasus Advanced Training Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

360016, Russia, Nalchik, Malbakhova Str., 123.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Набока Алла Александровна¹, Турская Елена Романовна²

¹Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Россия

²Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова,
Хабаровск, Россия

¹Alla_naboka@mail.ru

²ert.74@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам организации деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения в современных условиях, проводится анализ основных причин и условий, влияющих на безопасность дорожного движения. Актуальность обеспечения безопасности дорожного движения в современных условиях трудно переоценить. Ежегодно на дорогах происходят тысячи аварий, приводящих к гибели и травмированию людей, огромному материальному ущербу. Эффективность работы Госавтоинспекции напрямую влияет на эти показатели, поэтому анализ проблем и поиск путей повышения её эффективности являются крайне важными задачами. Данная научная работа рассматривает актуальные вопросы организации деятельности Госавтоинспекции, причины и условия, влияющие на безопасность дорожного движения, и предлагает пути повышения эффективности её работы.

Ключевые слова: Госавтоинспекция, современные условия, организация деятельности, транспортное средство, участники дорожного движения, дорожно-патрульная служба.

Для цитирования: Набока А. А., Турская Е. Р. Актуальные проблемы деятельности подразделений Госавтоинспекции по обеспечению безопасности дорожного движения в современных условиях // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 202–208.

CURRENT ISSUES OF THE ACTIVITIES OF THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE DEPARTMENTS TO ENSURING ROAD SAFETY IN MODERN CONDITIONS

Alla A. Naboka¹, Elena R. Turskaya²

¹Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

²Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
I.F. Shilov, Khabarovsk, Russia

¹alla_naboka@mail.ru

²ert.74@mail.ru

Annotation. The article is devoted to topical issues of organizing the activities of departments to ensure road safety in modern conditions, and analyzes the main causes and conditions affecting road safety. The relevance of ensuring road safety (road safety) in

modern conditions is difficult to overestimate. Every year, thousands of accidents occur on the roads, leading to death and injury and enormous material damage. The efficiency of the State Traffic Inspectorate (STSI) directly affects these indicators, so analyzing problems and finding ways to improve its efficiency are extremely important tasks. This analysis examines current issues of organizing the activities of the traffic police, the causes and conditions affecting road safety, and suggests ways to improve the efficiency of its work.

Keywords: State Traffic Inspectorate, modern conditions, organization of activities, vehicle, road users, traffic patrol service.

For citation: Naboka A. A., Turskaya E. R. current issues of the activities of the state traffic inspectorate departments to ensuring road safety in modern conditions // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 202–208.

Обеспечение безопасности дорожного движения является комплексной проблемой, решение которой связано с совершенствованием и эффективностью законодательства, внедрением современных форм и методов деятельности, а также формированием оптимальной структуры государственного управления в области обеспечения безопасности дорожного движения [1, с. 61]. В соответствии с действующими нормативными правовыми актами основная роль в координации и выполнении задач по обеспечению безопасности дорожного движения возлагается на Госавтоинспекцию.

Госавтоинспекция в своей деятельности осуществляет оперативно-профилактические, контрольные, надзорные и разрешительные функции в области обеспечения безопасности дорожного движения, а также участвует в обеспечении охраны общественного порядка и борьбе с правонарушениями в зонах своих постов и маршрутов патрулирования [2, с. 196].

Актуальными проблемами безопасности дорожного движения в современных условиях являются: превышение скорости, игнорирование правил дорожного движения, управление транспортным средством в нетрезвом состоянии, несоблюдение дистанции, неадекватная реакция на дорожную обстановку, усталость и отвлечение внимания (использование мобильных телефонов за рулём).

Использование мобильных телефонов (смартфонов) может заставить водителей отвести взгляд от дороги, убрать руки с руля и отвлечь внимание от дороги и окружающей ситуации. Именно этот тип отвлечения, известный как когнитивное отвлечение, оказывает наибольшее влияние на поведение водителя. Существует всё больше доказательств, которые показывают, что отвлечение внимания может повлиять на способность водителя управлять автомобилем, например: увеличить время реакции (особенно время реакции на торможение, а также реакция на сигналы движения), ухудшить способность удерживать правильную полосу движения, привести к сокращению дистанции и в целом снизить осведомлённость об окружающей ситуации [3, с. 122].

Аналогичные проблемы наблюдаются и у пешеходов, и у велосипедистов.

Несовершенства дорожно-транспортной инфраструктуры, а именно: недостаточное количество и качество дорожных знаков, разметки, освещения, отсутствие или плохое состояние пешеходных переходов, неудовлетворительное состояние дорожного полотна – всё это способствует возникновению дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП). Особую актуальность приобретает проблема адаптации инфраструктуры под новые виды транспорта (электросамокаты, электровелосипеды).

В современных условиях, характеризующихся высокой интенсивностью дорожного движения, влекущей рост аварийности на дорогах, в том числе гибель и увечье людей в результате ДТП, особую актуальность приобретает вопрос организации деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения.

По данным научного центра безопасности дорожного движения МВД России, только за 9 месяцев 2024 года на территории Российской Федерации зарегистрировано 96 389 ДТП, в которых погибли и (или) были ранены люди. В данных ДТП погибли 10 422 и получили ранения 120 152 человека (рис. 1) [4, с. 4].

Рис. 1. Динамика основных показателей аварийности

Несмотря на снижение основных показателей аварийности, уровень ДТП в стране остаётся достаточно высоким. По-прежнему остаётся высоким показатель аварийности с участием водителей с признаками опьянения. Совершение правонарушения в состоянии опьянения происходит по причине потери контроля ситуации и своих действий. Неспособность нетрезвого водителя адекватно воспринимать ситуацию приводит к непредсказуемым последствиям. Человек, погрузив себя в состояние опьянения и ослабив контроль над своей нервной системой, может перешагнуть рамки дозволенного и совершить не только административное правонарушение, но и преступление [5, с. 107].

Так, за 9 месяцев 2024 года на территории Российской Федерации почти каждое десятое ДТП (8,9 %) произошло с участием водителей в состоянии либо с признаками опьянения. При этом погибшие в данных происшествиях составили более шестой части (17,8 %) от общего числа погибших на дорогах страны. Всего произошло 5 012 (-16,3 %) ДТП, в которых погибли 1 063 (-27,1 %) человека и 6 608 (-16,1%) получили ранения различной степени тяжести. Показатель тяжести последствий достаточно высокий (13,9 %). В каждом пятом ДТП (20,5 %, или 1 029) от общего числа происшествий, в которых участвовали водители с признаками опьянения, водители отказались от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. В 364 (-18,9%) ДТП водители находились в состоянии наркотического опьянения, в таких происшествиях погибли 112 (+3,7%) и ранены 495 (-25,9%) человек [4, с. 18].

В соответствии с Федеральным законом от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»¹ безопасность дорожного движения рассматривается как состояние процесса дорожного движения, отражающее степень защищённости его участников от ДТП и их последствий.

Обеспечение безопасности дорожного движения имеет целью предупреждение, предотвращение и устранение явлений и опасных ситуаций, угрожающих жизни и здоровью людей, имуществу граждан, предприятий, учреждений и организаций вне зависимости от формы собственности и их последствий.

¹ О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

В Российской Федерации искусственный интеллект также способствует эффективной деятельности правоохранительных органов. В качестве примера можно привести системы видеонаблюдения, интегрированные с технологиями искусственного интеллекта, предназначенные для распознавания лиц и транспортных средств [6, с. 269].

Для повышения эффективности профилактики аварийности с участием водителей в состоянии опьянения считаем необходимым массовое внедрение автоматических систем фиксации нарушений, включая системы распознавания лиц и состояния водителя (алкоголь, наркотики) на основе анализа видеопотока с камер наблюдения. Размещение таких камер целесообразно на ключевых участках дорог, вблизи заведений, где часто употребляют алкоголь. Также необходима разработка и внедрение мобильных комплексов для оперативного реагирования на сообщения о подозрительных водителях и ужесточение наказаний за отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, возможно, введение административного ареста.

Взаимодействие с другими организациями, такими как заведения общепита, согласование с владельцами баров и ресторанов мер по предотвращению продажи алкоголя лицам, которые собираются садиться за руль, также окажут профилактическое действие. Административные процедуры, осуществляемые сотрудниками Госавтоинспекции, обеспечивают безопасность дорожного движения. В некоторых случаях присутствует необходимость убедить, иногда принудить, опираясь на силу государственной власти, все министерства, ведомства, учреждения, предприятия, а также должностных лиц и граждан соблюдать нормы, касающиеся безопасности дорожного движения. Эти задачи можно выполнить только при реализации Государственной инспекцией по безопасности дорожного движения соответствующих государственных полномочий, применения мер административного принуждения.

Однако иногда имеется факт совершения правонарушения лицом, обладающим специальным или особым правовым статусом, правил дорожного движения. Существующие рамки применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к ответственности должностных лиц не позволяют должным образом рассмотреть дело и привлечь лицо к ответственности. Анализ положений ст. 1.4 КоАП РФ¹ свидетельствует о том, что меры обеспечения производства по данным категориям дел устанавливаются федеральными законами, которые не содержат единообразного подхода.

Так, например, принятие решения по вопросу привлечения к ответственности по делу об административном правонарушении, совершённым судьёй, требует представления Генерального прокурора, которое должно быть утверждено судебной коллегией. Или, например, принятие такого же решения в отношении члена Федерального Собрания требует получения согласия Федерального Собрания на передачу в суд дела об административном правонарушении. Это достаточно затратная по времени процедура, которую невозможно осуществлять по всем выявляемым фактам. В этой связи для поддержания единства правовой материи и принципов её применения следует исключить возможности избегания привлечения к ответственности рассматриваемых категорий лиц, злоупотребляющих своим статусом.

Считаем необходимым предусмотреть единообразный подход в привлечении лиц, обладающих специальным и особым статусом, к административной и уголовной ответственности в случае выявления фактов совершения ими правонарушений. Установленный порядок не должен ограничивать действия сотрудников правоохранительных органов по выявлению, сбору и фиксации доказательств.

¹ Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, специальный или особый статус лиц не должен препятствовать проведению предварительной проверки по делам об административных правонарушениях и преступлениях [7, с. 71].

Эффективность государственного управления зависит от различных факторов, одним из которых является детальная регламентация прав и обязанностей участников административных правоотношений. С этой целью органы исполнительной власти разрабатывают административные процедуры, определяющие порядок взаимодействия с гражданами и организациями.

Деятельность строевого подразделения Госавтоинспекции осуществляется на основе планирования, сочетания единоначалия в решении вопросов служебной деятельности и коллегиальности при их обсуждении, комплексного использования методов контроля, персональной ответственности каждого сотрудника за выполнение возложенных обязанностей.

Особое значение в организации деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения имеет личность руководителя строевого подразделения Госавтоинспекции. Он несёт общее руководство деятельностью подразделения в пределах полномочий, предоставленных законодательством Российской Федерации, нормативными правовыми актами МВД России, в том числе обеспечивает поддержание постоянной готовности личного состава к выполнению возлагаемых на подразделение задач, в том числе возникающих при осложнении оперативной обстановки, в особых условиях и при чрезвычайных обстоятельствах [8, с. 37].

Современные условия диктуют новые вызовы для обеспечения безопасности дорожного движения. Увеличение числа транспортных средств, рост скорости движения, развитие новых технологий (электромобили, беспилотный транспорт) – всё это существенно усложняет ситуацию.

Безусловно, от личных качеств сотрудников Госавтоинспекции и организации их работы в целом зависит безопасность на дорогах. В настоящее время высокие требования предъявляются к морально-психологическим качествам сотрудников Госавтоинспекции, однако иногда перед назначением на руководящую должность не учитывается социометрический статус. Так, в целях обеспечения результативной служебной деятельности Госавтоинспекции, эффективного управления силами и средствами, реагирования на складывающуюся обстановку необходимо особое внимание уделять личности руководителя. Перед назначением на руководящую должность в обязательном порядке учитывать его социометрический статус, рейтинг авторитетности в коллективе, особое значение в этой ситуации приобретают его личностные морально-психологические качества, такие как чувство профессионального долга; профессиональная честь; справедливость; принципиальность; честность; порядочность; сочувствие и сопереживание; мужество; установка на соблюдение законности и служебной дисциплины, а также познавательные и интеллектуальные качества позволяющие организовать работу в подчинённом подразделении на высоком уровне.

Обеспечение безопасности дорожного движения направленно на сохранение жизни, здоровья и имущества граждан Российской Федерации, что делает эту задачу одним из приоритетных направлений государственной политики [9, с. 44].

Реализация данных предложений позволит значительно улучшить ситуацию на дорогах и обеспечить более высокий уровень безопасности для всех участников дорожного движения. Однако необходимо понимать, что это задача требует активного участия всех заинтересованных сторон. Только комплексный подход, объединяющий усилия государства, правоохранительных органов, дорожно-эксплуатационных организаций и самих участников дорожного движения, может привести к существенному улучшению ситуации в сфере безопасности дорожного движения.

1. Жбанова С. А., Ноговицина Е. Н. Проблемы осуществления административных процедур сотрудниками дорожно-патрульной службы в отношении граждан // Вестник Орловского государственного университета. Новые гуманитарные исследования. 2015. № 2(43). С. 61-62.
 2. Административная деятельность органов внутренних дел: учебник / С. В. Фролов, В. В. Васильев. М.: ЮСТИЦИЯ, 2024. 304 с.
 3. Капустина Е. Г. Основные факторы риска в дорожном движении и их профилактика // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 3(88). С. 119-126.
 4. Баканов К. С., Ляхов П. В., Айсанов М. М. [и др.] Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2024 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024, 41 с.
 5. Шапошников В. Л., Шумский В. В. Средства массовой информации в системе профилактики преступлений, совершаемых лицами в состоянии алкогольного опьянения // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 1. С. 107-110.
 6. Искусственный интеллект в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств / Д. В. Меняйло, К. К. Крупенникова, Л. Н. Меняйло, Ю. В. Пономарева // Аграрное и земельное право. 2024. № 11(239). С. 268-271.
 7. Литвинова Н. А. Правовой статус лиц, обладающих иммунитетом // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 3. С. 71-78.
 8. Босхамджиева Н. А. Общая характеристика безопасности дорожного движения // Административное право и процесс. 2013. № 9. С. 37-40.
 9. Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования : Материалы XIX Международной научно-практической конференции, Орёл, 24 апреля 2025 года. Орёл: Орловский юридический институт МВД РФ им. В.В. Лукьянова, 2025. 398 с.
-
1. Zhbanova S. A., Nogovicina E. N. Problemy` osushhestvleniya administrativny`x procedur sotrudnikami dorozhno-patrul`noj sluzhby` v otnoshenii grazhdan // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Novy`e gumanitarny`e issledovaniya. 2015. № 2(43). S. 61-62.
 2. Administrativnaya deyatel`nost` organov vnutrennix del: uchebnik / S.V. Frolov, V.V. Vasil`ev. M.: YuSTICIYa, 2024. 304 s.
 3. Kapustina E. G. Osnovny`e faktory` riska v dorozhnom dvizhenii i ix profilaktika // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2021. № 3(88). S. 119-126.
 4. Bakanov K. S., Lyaxov P. V., Ajsanov M. M. [i dr.] Dorozhno-transportnaya avarijnost` v Rossijskoj Federacii za 9 mesyacev 2024 goda. Informacionno-analiticheskij obzor. M.: FKU «NCz BDD MVD Rossii», 2024, 41 s.
 5. Shaposhnikov V. L., Shumskij V. V. Sredstva massovoj informacii v sisteme profilaktiki prestuplenij, sovershaemy`x liczami v sostoyanii alkohol`nogo op`yaneniya // Problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti. 2016. № 1. S. 107-110.
 6. Iskusstvenny`j intellekt v sfere protivodejstviya nezakonnomu oborotu narkoticheskix sredstv / D. V. Menyajlo, K. K. Krupennikova, L. N. Menyajlo, Yu. V. Ponomareva // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2024. № 11(239). S. 268-271.
 7. Litvinova N. A. Pravovoj status licz, obladayushhix иммунитетом // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii : nauch.-prakt. zhurn. Irkutsk : Vostochno-Sibirskij institut MVD Rossii. 2024. № 3. S. 71-78.
 8. Bosxamdzhieva N. A. Obshhaya xarakteristika bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Administrativnoe pravo i process. 2013. № 9. S. 37-40.

9. Upravlenie deyatel'nost'yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy, puti sovershenstvovaniya : Materialy` XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Oryol, 24 aprelya 2025 goda. Oryol: Orlovskij yuridicheskij institut MVD RF im. V.V. Luk`yanova, 2025. 398 s.

Информация об авторах

Алла Александровна Набока. Старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел, кандидат психологических наук.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Елена Романовна Турская. Заместитель начальника кафедры административного права и административно-служебной деятельности ОВД, кандидат юридических наук, доцент.

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова.
680020, Россия, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15.

Information about the authors

Alla A. Naboka. Senior Lecturer at the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies. Candidate of Psychological Sciences.

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.
308024, Russia, Belgorod, Gorky Str., 71.

Elena R. Turskaya. Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative and Official Activities of the Department of Internal Affairs. Candidate of Law Sciences, Associate Professor.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov

680020, Russia, Khabarovsk, Barracks lane., 15.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЙ ОБХОД КАК ФОРМА НЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ УЧАСТКОВЫМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ ПОЛИЦИИ

Никоноров Евгений Анатольевич¹, Морозов Павел Валерьевич²

¹Московский областной филиал Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя, Старотеряево, Россия

²ОМВД России по Дзержинскому городскому району, Ярославль, Россия

¹professornea@mail.ru

²morozovpv82@yandex.ru

Аннотация. Предметом статьи выступают вопросы осуществления участковыми уполномоченными полиции профилактического обхода как основной формы несения службы. В научной работе исследуются вопросы сущности профилактической деятельности, а также основ организации и осуществления профилактического обхода, включающих категории: цель, задачи, принципы. Уделяется внимание методам профилактического воздействия, используемым в профессиональной деятельности участковыми уполномоченными полиции, а также объектам профилактического воздействия и объектам защиты. Отдельные вопросы осуществления профилактического обхода сопровождаются примерами из судебной практики.

Ключевые слова: профилактический обход, участковый уполномоченный полиции, административные правонарушения, профилактика, несение службы.

Для цитирования: Никоноров Е. А., Морозов П. В. Профилактический обход как форма несения службы участковыми уполномоченными полиции // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 209–216.

PREVENTIVE ROUNDS AS A FORM OF SERVICE BY DISTRICT POLICE OFFICERS

Evgenij An. Nikonorov¹, Pavel V. Morozov²

¹The Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Interior of Russia, Staroteryaev, Russia

²Dzerzhinsky District Police Department of Russia, Yaroslavl, Russia

¹professornea@mail.ru

²morozovpv82@yandex.ru

Annotation. This article examines the implementation of preventive patrols by district police officers as a primary form of service. It explores the essence of preventive activity, as well as the principles of organizing and implementing preventive patrols, including the categories of goals, objectives, and principles. The authors also focus on the preventive intervention methods used by district police officers in their professional work, as well as the targets of preventive intervention and protection. Specific aspects of preventive patrol implementation are illustrated with examples from judicial practice.

Keywords: preventive patrol, district police officer, administrative offenses, prevention, service.

For citation: Morozov P. V., Nikonov E. A. Preventive maintenance as a form of service by district police officers // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 209–216.

Профилактический обход, выступая основной формой несения службы участковым уполномоченным полиции (далее – УУП), в силу своей сущности осуществляется в сочетании рассмотрением обращений граждан, а также индивидуальной профилактической работой¹. Профилактический обход, как и любой вид профессиональной деятельности, системно организован на основе принципов и характеризуется постановкой цели, задач, реализацией конкретных функций.

Цели профилактического обхода в целом определяются целями профилактической деятельности с учётом социально-экономических, демографических и других особенностей и заключаются в предупреждении, пресечении противоправного поведения или иных происшествий. Однако профилактическую роль может играть и привлечение лиц в пределах полномочий УУП к юридической ответственности. В этом плане интересной представляется мысль М. Д. Шаргородского [1, с. 41, 45], который считает, что даже наказание применяется в целях предупреждения, а психическое воздействие применяемого наказания оказывает моральное влияние на преступника и принуждает отказаться лицо от совершения преступления под угрозой наказания.

Однако понимание детерминантов преступности не должно сводиться лишь к субъекту преступления ввиду того, что на преступность, её структуру и динамику влияет целый ряд объективных обстоятельств, которые не зависят от воли и желания конкретных индивидов.

Довольно часто в литературе можно встретить противоположный, по нашему мнению, слишком широкий подход к определению основных задач профилактической деятельности. Его сторонники, помимо задач, вытекающих непосредственно из цели профилактики, выделяют также те, что характерны для более общей категории – борьбы или же противодействия преступности. Так, например, М. В. Доцкевич среди таких задач называет защиту прав и свобод граждан от преступных посягательств, мобилизацию общества для борьбы с преступлениями и т. д. [2, с. 20].

О сущности профилактики УУП противоправных деяний имеется довольно широкий круг работ [3, с. 230; 4, с. 76; 5, с. 11; 6, с. 166]. Суть профилактической деятельности связана с понятием «профилактика». Особенностью профилактики, по мнению Д. З. Зиядовой [7], выступает её гуманность, эффективность и экономичность как средства противодействия преступности.

Одним из основных направлений деятельности полиции является предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений², а субъектами, от которых зависит эффективность реализации данного направления, выступают во многом УУП. Исходя из целевой направленности и места, которое занимает профилактический обход в системе противодействия преступности, УУП решает следующие задачи:

1) сдерживание и стабилизация уровня преступности на административном участке, её динамики и основных структурных показателей, снижение их до «социально терпимого» уровня. О достижении такого уровня можно судить по количеству возбуждённых дел и приговоров судов, например по ст. 115 УК РФ³. Так, в 2022 году по

¹ О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ч. 1 ст. 115 осуждено 1 496, а по ч. 2 ст. 115 – 8 641 человек. В 2023 году – 1 502 по ч. 1 и 7 918 по ч. 2; в 2024 году – 1 356 по ч. 1 и по ч. 2 – 7 114¹;

2) выявление, устранение или же нейтрализация причин преступлений в целом и отдельных противоправных деяний в частности (отдельных граждан), а также условий и обстоятельств, способствующих их совершению;

3) предотвращение и пресечение противоправных деяний, недопущение наступления вредных последствий или их минимизация (п. 2 и 3 определяют общие задачи, для решения которых УУП использует весь арсенал правовых инструментов). Так, например, в ходе профилактического обхода административного участка УУП выявил местонахождение лица, уклоняющегося от административного надзора². В других случаях УУП был выявлен факт реализации спиртосодержащей продукции, не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей³, нарушение режима пребывания в Российской Федерации⁴, незаконное приобретение наркотических средств⁵;

4) выявление и минимизация действия фоновых явлений и других негативных факторов и криминогенных ситуаций, косвенно (опосредованно) воздействующих на противоправное поведение субъектов профилактики;

5) активизация и усиление действия тех социальных явлений и процессов, которые ограничивают и сдерживают рост преступности. Участие общества в такой ситуации способствует достижению цели профилактической деятельности. УУП. Вручая визитные карточки гражданам и представителям организаций, расположенных на территории административного участка, участковый таким образом привлекает отдельных представителей общества к сотрудничеству. Также УУП в ходе несения службы в форме профилактического обхода административного участка получает информацию в ходе беседы с гражданами. Например, в ходе профилактического обхода УУП получил информацию от жильцов о незаконном хранении наркотических средств⁶. В другом случае УУП выявил хищение чужого имущества⁷;

6) обнаружение среди населения лиц с морально-психологическими качествами, образом жизни или поведением, свидетельствующим об их склонности к совершению противоправных деяний (лиц с повышенным криминальным риском), устранение обстоятельств, влияющих на мотивацию их поведения и активизацию формирования антиобщественных установок;

7) осуществление сдерживающего и корректирующего воздействия на лиц, предрасположенных к совершению противоправных деяний, а также исключение негативного воздействия на них непосредственного социального окружения;

8) воспитание правонарушителей, воздействие на их правосознание в целях их социализации после отбывания отдельных видов наказаний.

¹ Судебная статистика / Уголовное судопроизводство / Данные о назначенном наказании по статье 115 УК РФ за 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 11.08.2025).

² Приговор по делу № 1-169 от 22.06.2021 по ч. 1 ст. 314 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WK5M3QqCdUJN/?> (дата обращения: 09.08.2025).

³ Приговор суда № 1-192 от 02.10.2020 по ч. 1 ст. 238 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/FwnC6vs5XxJn/?> (дата обращения: 11.08.2025).

⁴ Решение Ленинградского областного суда по делу № 7-375/2023 от 03.05.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/1301537243> (дата обращения: 11.08.2025).

⁵ Приговор Ленинского районного суда г. Саратова по делу № 1-642/2021 от 22.10.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-64RS0046-1-642-2021-2021-09-30-2-0/> (дата обращения: 11.08.2025).

⁶ Приговор суда по делу № 1-42 от 28.09.2020 по ч. 1 ст. 228 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zw8uDFkHjWNt/?> (дата обращения: 12.08.2025).

⁷ Приговор по делу № 1-32 от 28.07.2020 по ч. 2 ст. 158 УК РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ofLndVQNEKNw/?> (дата обращения: 12.08.2025).

Как ранее нами указывалось, деятельность УУП при осуществлении профилактического обхода должна строиться на незыблемых началах. Принципами, которых придерживается УУП при осуществлении профилактической деятельности, выступают: законность, гласность, системность, комплексность, дифференцированность.

Как отмечает Г. В. Минх: «Законность – это требование строгого и неуклонного следования юридическим предписаниям независимо от отношения к ним» [8, с. 11]. Недопустимость противопоставления законности и целесообразности предполагает запрет на использование наиболее оптимальных вариантов решения различных вопросов, если они противоречат действующему законодательству. Законность принимаемых управленческих решений УУП при осуществлении профилактического обхода может выступать предметом обращений граждан, в этой связи УУП важно действовать исключительно в рамках законодательства¹.

Кроме того, здесь важно и внутриорганизационное отношение. К внутриорганизационным отношениям относятся отношения, возникающие между сотрудниками в процессе осуществления ими профессионально-служебной деятельности. Значимость обеспечения законности в рамках внутриорганизационной деятельности огромна, поскольку данный блок отношений выступает в качестве обеспечительной основы внешней деятельности УУП, поскольку ему нужно взаимодействовать с другими коллегами. Также УУП, реализуя принцип гласности, отчитывается перед населением о проделанной работе во исполнение требований Приказа МВД России «Об утверждении Инструкции по организации и проведению отчётов должностных лиц территориальных органов МВД России»².

Принцип системности и комплексности нашёл своё отражение в п. 28 Приказа МВД России от 29.03.2019 № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»³, утверждающего Инструкцию по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке (далее – Инструкция). В указанном положении определяется необходимость осуществления профилактических обходов УУП ежедневно в соответствии с графиком несения службы и оперативной обстановки. В рассматриваемой деятельности крайне важно своевременное планирование профилактической деятельности УУП. В. А. Джемелинский отмечает, что «в процессе выполнения своих функциональных обязанностей до 11,0 % от общего количества времени УУП в городе и до 13,5 % от общего количества времени данного должностного лица в сельской местности затрачивается на организационные мероприятия, в том числе на планирование своей работы» [9, с. 238]. Вместе с тем осуществление профилактического обхода выступает обязанностью УУП и нарушения при несении службы могут стать предметом дисциплинарного производства⁴.

Принцип дифференцированности проявляется в том, что УУП при профилактическом обходе проводит профилактические мероприятия с отдельными категориями лиц, например с лицами, указанными в п. п. 25.3–25.7 Инструкции.

¹ Решение Омского районного суда по делу № 12-102/2018 от 26 июня 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/EbPnRC1azTJ9/> (дата обращения: 12.08.2025).

² Об утверждении Инструкции по организации и проведению отчётов должностных лиц территориальных органов МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 26 декабря 2023 г. № 1011. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Решение Ленинского районного суда г. Севастополя по делу № 2-1068/2020 от 25 июня 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://leninskiy-sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=31784849&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 12.08.2025).

Кроме общих, можно выделить ещё целый ряд специальных принципов профилактической деятельности УУП при осуществлении профилактического обхода. В частности, такая деятельность должна быть: целеустремлённой, организованной, запланированной, своевременной, мобильной и оперативной, носить опережающий характер, происходить в тесном взаимодействии и при координации усилий всех её участников, а также иметь достаточное кадровое, финансовое, материально-техническое, ресурсное, информационное и другое обеспечение.

Отдельно стоит остановиться на методах профилактической деятельности, применяемых УУП при профилактическом обходе. В юридической литературе данная категория обычно используется для обозначения «пути к чему-либо» и стоит в одном синонимическом ряду со словами «средство», «приём», «способ», «достижение поставленной цели» [10, с. 243]. Что касается профилактической деятельности, то под методами её осуществления понимают совокупность способов и приёмов, посредством которых реализуются её цели, задачи и функции.

Методы – это наиболее активный элемент в профилактической деятельности УУП. Они призваны обеспечивать слаженную работу, высокую эффективность деятельности сотрудников полиции, способствовать развитию творческой инициативы каждого участкового. Умение правильно выбирать и применять методы в каждом конкретном случае не только способствует рациональному функционированию всех сотрудников службы УУП, но также гарантирует максимальную эффективность реализации возложенных на них задач и функций в сфере реализации профилактических мероприятий при профилактическом обходе. Методы раскрывают самые разнообразные аспекты профилактической деятельности УУП и дают ответ на вопрос: как они должны действовать, чтобы реализовать свои полномочия; какие они должны использовать средства, чтобы достичь поставленной перед ними цели.

Под методами профилактического воздействия УУП понимаем прямо предусмотренные в нормах права или опосредованно обусловленные ими способы, приёмы, средства непосредственного и целенаправленного воздействия УУП на общественные отношения, складывающиеся в сфере профилактики правонарушений, что осуществляется на основании закреплённой за ними компетенции, в установленных пределах, соответствующей форме, и направленные на практическую реализацию возложенных на них задач и функций.

Методы, применяемые УУП, равно как и формы их деятельности, достаточно разнообразны, что обусловлено сложностью соответствующих общественных отношений. Каждый из них предполагает собственный, уникальный способ решения конкретных задач. Вместе с тем все методы находятся между собой в единстве и взаимосвязи, потому что все они в конечном счёте направлены на реализацию общих задач и целей профилактики. В частности, методы можно разделить на две группы – убеждение и принуждение. Указанные методы взаимосвязаны, между ними существует диалектическое единство. Их соотношение характерно для реализации функции управленческой деятельности. При этом на первом месте всегда стоит убеждение, обусловленное его огромным воспитательным потенциалом, социальной направленностью профилактических мероприятий, подчинённых интересам государства и общества. В реалиях правовой системы Российской Федерации административное принуждение как один из методов административно-правового воздействия предусмотрен рядом законодательных актов, среди которых имеются кодифицированные законодательные акты, законы, а также ряд специализированных нормативно-правовых актов.

Эффективность профилактической деятельности при обходе УУП административного участка в значительной степени зависит от правильного выбора подхода к объекту предупредительного воздействия, под которым предлагается понимать совокупность общественных отношений, возникающих по поводу и в связи с осуществлением

ими профилактической деятельности, направленной на выявление и нейтрализацию причин и условий преступлений и других правонарушений, принятие мер по их предупреждению и пресечению, а также воспитательное воздействие на лиц, склонных их совершению.

Однако объекты профилактического воздействия УУП тесно связаны и с объектами защиты ввиду того, что профилактическая деятельность осуществляется не только в связи с совершаемыми противоправными деяниями, но и когда необходимо создать максимально благоприятные условия для реализации правомерных действий. Например, УУП может присутствовать на общедомовом собрании жильцов.

Кроме того, лица, совершившие правонарушения, – это не единственная категория, подпадающая под профилактическое воздействие УУП. Участковые также выявляют среди населения лиц, морально-психологические качества, образ жизни или поведение которых указывают на то, что они нуждаются помощи или повышенном внимании со стороны правоохранительных органов. В частности, это лица, от которых требуется соблюдение установленных правил, нормативов и стандартов; в отношении которых осуществляется контроль за соблюдением установленных ограничений (п. п. 25.5 Инструкции).

Предлагается дифференцировать объект профилактического воздействия при профилактическом обходе, осуществляемом УУП, на следующие составные элементы:

1. Лица, подлежащие профилактической работе (в соответствии с Инструкцией).

2. Иные обстоятельства:

1) правомерное поведение, а также общественно полезная деятельность, поддержание и обеспечение осуществления которой уменьшает вероятность совершения правонарушений;

2) причины преступности в целом и отдельных правонарушений в частности, а также условия и обстоятельства, обуславливающие или облегчающие их совершение;

3) фоновые явления, негативные факторы и криминогенные ситуации, которые осуществляют косвенное влияние на противоправное поведение, в том числе и различные материальные объекты, расположенные на административном участке.

В современных условиях каждому УУП важно, опираясь на требования законодательства, разработать индивидуальную модель несения службы в форме профилактического обхода, включающую планирование, алгоритмы действий и отчетную деятельность. Профилактический обход представляется категорией со сложноорганизованной структурой, выступая самостоятельной формой несения службы УУП в сочетании с рассмотрением обращений граждан и индивидуальной профилактической работой, при взаимодействии с представителями общества, организациями правоохранительной направленности, с собственниками (или с представителями собственников) объектов, расположенных на территории административного участка, в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, осуществляемый ежедневно в конкретных целях.

1. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. Ленинград : ЛГУ, 1973. 161 с.

2. Доцкевич М. В. Защита прав и свобод личности в деятельности органов внутренних дел как способ предупреждения правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 1(27). С. 20–26.

3. Ковалев С. М. Особенности проведения профилактических мероприятий участковым уполномоченным полиции на административном участке // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 1-1 (100). С. 230–233.

4. Кардашевский В. В. Административная деятельность участкового уполномоченного полиции на обслуживаемом административном участке // Вестник экономической безопасности. 2025. № 1. С. 76–79.
 5. Ваганов А. Э. К вопросу о профилактической направленности деятельности участковых уполномоченных полиции и проблемах ее реализации // Академическая мысль. 2023. № 4 (25). С. 11–14.
 6. Маркина Э. В., Сосновская Ю. Н. Актуальные вопросы повышения эффективности профилактической работы участкового уполномоченного полиции на закрепленном за ним административном участке // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 166–168.
 7. Зиядова Д. З. К проблеме теории профилактики преступлений в криминологической науке // Проблемы экономики и юридической практики. 2008. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-teorii-profilaktiki-prestupleniy-v-kriminologicheskoy-nauke/viewer> (дата обращения: 12.08.2025).
 8. Минх Г. В. Справедливость и законность в правоприменении // Актуальные проблемы правоведения в современный период. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993. 247 с.
 9. Джемелинский В.А. Актуальные вопросы совершенствования планирования в деятельности участкового уполномоченного полиции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 2(52). С. 238–243.
 10. Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы : монография. М. : НОРМА, 2001. 481 с.
-
1. Shargorodskij M. D. Nakazanie, ego celi i e`ffektivnost`. Leningrad : LGU, 1973. 161 s.
 2. Doczkevich M. V. Zashhita prav i svobod lichnosti v deyatel`nosti organov vnutrennix del kak sposob preduprezhdeniya pravonarushenij // Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel`naya praktika. 2014. № 1(27). S. 20–26.
 3. Kovalev S. M. Osobennosti provedeniya profilakticheskix meropriyatij uchastkovy`m upolnomochenny`m policii na administrativnom uchastke // Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk. 2025. № 1-1 (100). S. 230–233.
 4. Kardashevskij V. V. Administrativnaya deyatel`nost` uchastkovogo upolnomochennogo policii na obsluzhivaemom administrativnom uchastke // Vestnik e`konomicheskoy bezopasnosti. 2025. № 1. S. 76–79.
 5. Vaganov A. E`. K voprosu o profilakticheskoy napravlenosti deyatel`nosti uchastkovy`x upolnomochenny`x policii i problemax ee realizacii // Akademicheskaya my`sl`. 2023. № 4 (25). S. 11–14.
 6. Markina E`. V., Sosnovskaya Yu. N. Aktual`ny`e voprosy` povы`sheniya e`ffektivnosti profilakticheskoy raboty` uchastkovogo upolnomochennogo policii na zakreplennom za nim administrativnom uchastke // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 2. S. 166–168.
 7. Ziyadova D. Z. K probleme teorii profilaktiki prestuplenij v kriminologicheskoy nauke // Problemy` e`konomiki i yuridicheskoy praktiki. 2008. № 2. [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-teorii-profilaktiki-prestupleniy-v-kriminologicheskoy-nauke/viewer> (data obrashheniya: 12.08.2025).
 8. Minx G. V. Spravedlivost` i zakonnost` v pravoprimenenii // Aktual`ny`e problemy` pravovedeniya v sovremenny`j period. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1993. 247 s.
 9. Dzhemelinskij V.A. Aktual`ny`e voprosy` sovershenstvovaniya planirovaniya v deyatel`nosti uchastkovogo upolnomochennogo policii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 2(52). S. 238–243.
 10. Alekseev A. I., Gerasimov S. I., Suxarev A. Ya. Kriminologicheskaya profilaktika: teoriya, opy`t, problemy` : monografiya. M. : NORMA, 2001. 481 s.

Информация об авторах

Евгений Анатольевич Никоноров. Начальник кафедры административного права и административной деятельности полиции, доктор педагогических наук, доцент.

Московский областной филиал МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя.
143103, Россия, Московская обл., Рузский м.о., п. Старотеряево, тер. МОФ МосУ имени В.Я. Кикотя, 1.

Павел Валерьевич Морозов. Участковый уполномоченный полиции.

ОМВД России по Дзержинскому городскому району.

150042, Россия, г. Ярославль, ул. Урицкого, 25-б.

Information about the authors

Evgeny An. Nikonorov. Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Police. Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

The Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Interior of Russia.

143103, Russia, Moscow region, Ruzsky M.O., village of Staroteryaev, ter. MOF MosU named after V.Ya. Kikot, 1.

Pavel V. Morozov. District Police Commissioner.

Dzerzhinsky District Police Department of Russia.

150042, Russia, Yaroslavl, Uritskogo str., 25-b.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА ПРИ ПОДГОТОВКЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ МВД РОССИИ

Сидорова Маргарита Владимировна¹, Хажироков Валерий Ахиедович²

¹Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

²Северо-Кавказского институт повышения квалификации (филиал) ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет МВД России», Нальчик, Россия

¹margo48057@yandex.ru

²khazhirokovv@bk.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности применения сотрудниками органов внутренних дел меры принудительного характера как силовое задержание. Анализируются тактические, психологические составляющие, условия применения данной меры принуждения полицейскими. Обозначаются ситуации, возникающие в служебной деятельности сотрудников полиции в которых им приходится предпринимать попытки к задержанию лица, нарушившего закон. Акцентируется внимание на высокой периодичности возникновения таких ситуаций в служебной деятельности полицейского, соответственно конкретизируются тактические и психологические компоненты подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России к применению силового задержания, как одного из наиболее часто реализуемых полицейскими в своей практической деятельности мер принудительного воздействия к правонарушителям.

Ключевые слова: принуждение, образовательная организация, задержание, правонарушение, тактика, подготовка, сотрудник полиции, обучающийся, силовое задержание, применение.

Для цитирования: Сидорова М. В., Хажироков В. А. Тактические основы применения меры принудительного характера при подготовке обучающихся в образовательных организациях мвд россии // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 217–224.

TACTICAL BASES OF USING FORCED MEASURES IN THE TRAINING OF STUDENTS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE RUSSIAN MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS

Margarita V. Sidorova¹, Valery Ak. Khazhirov²

¹Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

²North Caucasus Advanced Training Institute (branch) of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nalchik, Russia

¹margo48057@yandex.ru

²khazhirokovv@bk.ru

Annotation. The article discusses the features of the use of coercive measures by law enforcement officers, such as forceful detention. It analyzes the tactical and psychological aspects, as well as the conditions under which this coercive measure is used by police

officers. The article highlights the situations that arise in the course of police officers' work, where they are required to attempt to detain a person who has violated the law. Attention is drawn to the high frequency of such situations in a police officer's official activities, and accordingly, the tactical and psychological components of training students of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the use of forceful detention are specified, as one of the most frequently implemented measures of coercive influence on offenders by police officers in their practical activities.

Keywords: coercion, educational institution, detention, offense, tactics, training, police officer, student, forceful detention, application.

For citation: Sidorova M. V., Khazhirokov V. A. Tactical bases of using forced measures in the training of students in educational institutions of the russian ministry of internal affairs // Scientific Bulletin of the Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(105). P. 217–224.

Успех любой деятельности, тем более деятельности в экстремальных условиях, зависит от степени подготовленности человека к ней. Сегодня, в условиях, когда наша страна принимает участие в специальной военной операции (далее - СВО) на территории Украины на Министерство внутренних дел Российской Федерации возложены новые, дополнительные, ответственные и сложные задачи, особенно в новых субъектах и приграничных территориях, в том числе в районах ведения боевых действий.

Сотрудники полиции выполняют свои служебные задачи в сложной обстановке постоянного воздействия психогенных факторов: опасности, сопряженной с риском для жизни, физических перегрузок, напряженной работы внимания, необходимости непрерывного анализа быстро меняющихся ситуаций и их неопределенности [1, с. 121]. Специфика условий службы, осложнение оперативной обстановки требует от сотрудников полиции мобилизации личностно-профессиональных качеств, что в свою очередь предъявляет повышенные требования к качеству подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России к предстоящей служебной деятельности.

Нельзя не согласиться с мнением А. Г. Миронова, о том, что компетентным в реальной служебной деятельности оказывается тот сотрудник полиции, кто свои знания, навыки и умения способен применить очень гибко, беспристрастно, правомерно перестраивая привычные способы воздействия в нестандартных ситуациях, не доопределённых моментах, где приходится грамотно действовать и принимать правильные решения. При чем предполагается, что компетентный сотрудник полиции должен принимать решения самостоятельно корректно со знанием дела, действуя как член социально разнородной группы [2, с. 122]. В образовательных организациях МВД России накоплен богатый опыт в осуществлении профессиональной подготовки обучающихся в критических ситуациях в целях успешного выполнения ими поставленных служебных задач [3, с. 187]

Возникновение ситуаций, в которых находящемуся при исполнении служебных обязанностей сотруднику полиции приходится применять физическую силу и предпринимать попытки к задержанию лица, в отношении которого есть основания предполагать нарушение закона, к сожалению, нередки и возникают на практике с высокой периодичностью.

Статус представителя власти далеко не всегда останавливает правонарушителей, многие из которых, к примеру, оказавшись застигнутыми на месте совершения незаконного деяния, после требований представителя власти остановиться, предъявить документы и не сопротивляться, напротив, пытаются убежать, напасть на сотрудника, применить оружие с целью избежать угрожающей ответственности. Причем, во внеслужебное время у правоприменителей разворачиваются такие ситуации мгновенно и скоротечно. К сожалению, как показывает правоприменительная практика, однозначных

данных статистики, которые бы свидетельствовали о том, что неподготовленные задержания со стороны сотрудников полиции значительно превалируют над тщательно спланированными. Однако выполняя свои служебные обязанности, сотрудники полиции применяют данную меру принуждения к правонарушителю спонтанно, без подготовки, случайно встретив в общественном месте, например, в транспорте, на улице, в магазине и т.п. Соответственно, полицейских, находясь в таких условиях, должен быть психологически готов к реализации данной принудительной меры, а именно: хладнокровен, осмотрителен, осуществлять захват в наиболее подходящий момент и месте, чтобы минимизировать возможные негативные последствия для участников задержания и исключить для окружающих, дабы избежать трагических последствий.

Умение оперативно концентрироваться, активировать волевые и физические ресурсы для решения такой непростой задачи как задержание преступника не может появиться у полицейского из ниоткуда. Для достижения необходимого уровня подготовки и психологической уверенности подобные ситуации должны быть многократно опробованы и разобраны на составляющие. Наиболее уместным и своевременным периодом для такого ознакомления вполне может стать обучение в учебном центре МВД России в рамках первоначальной подготовки. Построение образовательного процесса таким образом, чтобы слушатели имели возможность оказаться, пускай и в моделируемой, но близкой по условиям к реальной ситуации задержания, позволит им уяснить основные поведенческие аспекты, научиться не терять бдительность и осознать, какое именно двигательное действие предпринимать в конкретном случае. В данной работе мы хотим разобрать, на какие тактические, технические, а также психологические нюансы задержания преподавателям физической подготовки в образовательных организациях МВД стоит обращать особое внимание и каким способом строить процесс обучения по данной тематике для большей пользы будущих сотрудников полиции.

Наиболее полно раскрывающей смысл понятия задержание является дефиниция, согласно которой это регламентированное законом неотложное следственное действие, связанное с применением меры процессуального принуждения в виде кратковременного лишения свободы лица, подозреваемого в приготовлении, покушении или совершении преступления [4, с. 24], в необходимых случаях направленного на непосредственный физический захват подозреваемого и доставление его в ОВД [5, с. 130]. Раскрываемый выше правовой подтекст задержания включает и то обстоятельство, что право на применение силы и ограничение свободы передвижения лица делегировано полицейским законодательно¹, и такая возможность может быть реализована, когда не силовые и менее репрессивные способы повлиять на правонарушителя исчерпаны (безрезультатны). В подтверждении данной нормы, Уголовный Кодекс РФ в статье 38 фиксирует: «Не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения возможности совершения им новых преступлений, если иными средствами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер»².

Неподготовленное задержание, необходимость которого возникает спонтанно, является значительно более опасным с точки зрения вероятности нежелательных последствий, чем распланированное и готовящееся. Однако и в той и другой ситуации полицейские обязаны применять прикладные навыки ограничения свободы, тактической взаимовыручки, действовать четко, уверенно, не впадать в ступор или панику. За-

¹ О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

держание с применением силовых умений представителя власти всегда вынужденная мера и, как правило, является ответным действием на нападение, сопротивление или неподчинение требованиям сотрудника полиции, то есть ситуации повышенной степени общественной опасности. Подобное развитие событий имеет место и когда есть основания полагать, что правонарушитель может осуществить по отношению к сотруднику или другому лицу насильственные действия.

Помимо физической подготовки, обучение обучающихся образовательных организаций МВД России успешной для ситуаций задержания поведенческой стратегии должно включать и компоненты психологической адаптации. Наличие навыков коммуникации в таких условиях имеет не меньшее значение, чем знание элементов из раздела боевых приемов борьбы, способов физического воздействия из арсенала единоборств и т. д. Преподаватель должен сформировать у обучающихся определенный арсенал профессиональных компетенций позволяющих обучающемуся применить в конкретной служебной ситуации, что необходимо сделать для того, чтобы дать понять правонарушителю подконтрольность всего происходящего полицейскому и как себя в этой ситуации вести. Тем самым правонарушитель может быть поставлен в положение, когда сотрудник полиции, еще не начав физический контакт победит его морально, чем избегнет нежелательного и чреватого негативными для обеих сторон столкновения последствий. Излишне эмоциональные, резкие и необдуманные действия полицейских могут носить эффект искры и только распалить правонарушителя, еще не принявшего окончательное решение выполнить законные требования сотрудника полиции или окончательно обострить конфликт.

Полицейский всем видом должен демонстрировать уверенность, избегать активной жестикуляции, разговаривать громко, но спокойно, не срываясь на крик. Сотрудники склонные к психологической неустойчивости под влиянием напряженности момента теряют голос, цепенеют, мышцы начинают непроизвольно сокращаться. Самое важное в данном случае – восстановить дыхание и собраться с духом. Чтобы не продемонстрировать правонарушителю свое волнение следует воздержаться от эмоциональных угроз и ограничиться повторением требований, предупредив, что при отказе будет применена физическая сила, специальные средства, либо оружие, сославшись на регламентирующую такую возможность правовую норму.

Одновременно с психологической оценкой личности правонарушителя, обучающихся образовательных организаций МВД России важно обучить тому, какие тактические условия и факторы обязательно нужно принимать во внимание в ситуации задержания [6, с. 3]. Держаться от задерживаемого следует на расстоянии, не допуская сближения посредством команд и коротких передвижений. Нельзя поворачиваться спиной, чтобы не потерять контроля за правонарушителем, выражать пренебрежение и общаться высокомерно, полностью игнорируя его. Если контакт происходит при значительном количестве посторонних лиц, нужно по возможности исключить их влияние на ситуацию, отграничившись посредством перехода в помещение, или используя особенности локации. Полицейский должен понимать, что нахождение между ним и правонарушителем других людей может быть для них опасно, если в действиях задерживаемого появится умысел на использование оружия или желание взять заложников.

В целом, каждая ситуация задержания обладает набором уникальных и присущих только ей фактических особенностей, которые в конечном счете и должны определить действия полицейских. Подготовленности обучающихся может способствовать проведение приемов, и отработка тактики на практических занятиях, в том числе и с использованием межкафедрального многофункционального учебно-полигонного комплекса, учебные полигоны которого позволяют отработать навык реализации обучающимися служебных обязанностей в условиях максимально приближенных к реальным, с включением наибольшего количества дополнительных факторов. Практика проведе-

ния занятий практической направленности активно реализуется в Орловском юридическом институте МВД России имени В.В. Лукьянова, причем проведения учебных занятий осуществляется, со всеми категориями обучающихся в целях формирования и совершенствования профессиональных компетенций, анализа и распространения положительного опыта деятельности органов внутренних дел [7, с. 20].

По-нашему мнению, рассмотрению в процессе обучения обучающихся образовательных организаций МВД России целесообразно было бы включение в качестве самостоятельной темы учебной дисциплины «Физическая подготовка», либо раздела плана воспитательной работы подлежат видимые признаки возможного нападения правонарушителя на полицейского непосредственно до начала столкновения. В число таковых может входить попытка скрыть оружие либо незаметно привести его в боевое положение, подготовка ножа (иного предмета) к атаке, принятие положения для удара. Визуально, внимательно изучив правонарушителя, полицейский может заметить резкое сужение зрачков в процессе диалога, что означает, что собеседник сильно разозлен и может атаковать. Контролировать нужно то, куда направлен взгляд задерживаемого – со значительной долей вероятности рассматриваемый участок тела сотрудника полиции будет атакован в первую очередь. Следить следует за мимическими мышцами, насколько они расслаблены (признак спокойствия) или напряжены (повод быть на чеку). У человека, который готов напасть учащается дыхание, руки непроизвольно сжимаются, меняется цвет кожных покровов.

Значительно упрощает задачу задержания проведение его вдвоем с напарником или в группе. Здесь полицейские должны заранее распланировать свои роли, знать и придерживаться их даже при неподготовленном задержании.

Важным тактическим компонентом задержания является тщательная проверка правонарушителя на наличие у него предметов – источников повышенной опасности – холодного или огнестрельного оружия, строительных инструментов, самодельных устройств и т. п. Даже если лицо, в отношении которого имеются основания для ограничения передвижения не сопротивляется, добровольно идет на контакт и выполняет все требования сотрудника полиции, не следует расслабляться и терять бдительность – вполне возможно, что преступник намеренно вводит полицейского в заблуждение и выжидает момент для применения имеющегося при нем орудия. Опытный правоприменитель по ряду малоприметных признаков может определить, вооружен ли человек, которого собираются задерживать. Во-первых, несколько изменяется походка, так как, к примеру, закрепленный на корпусе тела топор или пистолет заметно ограничивает движение, заставляя человека несколько «западать» на одну сторону. Во-вторых, если речь идет о предмете большого размера (обрез, карабин, большой нож) носитель будет иметь при себе ручную кладь. Соответственно ее наличие – дополнительный фактор сохранения готовности к атаке. В-третьих, если орудие находится в кармане, злоумышленник обычно или придерживает его снаружи, или держит в кармане руку. Для нейтрализации такого рода угрозы подается команда поднять и показать руки.

Чтобы убедиться, что орудие возможного нападения не имеются, задерживаемого надо привести в удобное полицейскому положение. Опасного или склонного к сопротивлению преступника следует поставить лицом к стене, либо уложить на пол. Заставлять его оставаться неподвижным можно, применяя болевой прием и оказывая воздействия в случае неповиновения. При наличии обязательно применить специальные средства (наручники) либо связать руки. При проведении первичного досмотра основной задачей является тщательное, детальное исследование одежды, тела и конечностей. Идеальной является ситуация, когда один сотрудник полиции досматривает задерживаемого, а второй контролирует обстановку вокруг, держа на изготовке табельное оружие.

В зависимости от обстоятельств и исходя из развития конкретной ситуации, досмотренного правонарушителя может понадобиться доставить в отделение полиции

либо в автотранспорт для транспортировки. Если задерживаемое лицо ведет себя спокойно, полицейскому достаточно сопроводить его, не применяя особого физического воздействия (подавая команды и задавая направление). Если же злоумышленник не желает выполнять требования, то такое лицо подлежит принудительному конвоированию. Тактика конвоирования задержанного должна гарантировать: во-первых, значительное ограничение свободы его передвижения; во-вторых, затрату минимально возможного времени для доставления в требуемое место; в-третьих, исключение возможности побега [8, с. 67].

В качестве вывода укажем, что концентрация внимания обучающихся на тактических, технических и поведенческих деталях задержания, проработка условных ситуаций на практических занятиях по физической подготовке, закрепление прикладных умений в сознании и мышечной памяти обучающихся будет отличным средством для последующего профессионального развития, служебного соответствия статусу сотрудника полиции. Педагогическая деятельность преподавательского состава образовательных организаций МВД России в данном случае должна характеризоваться определенной долей творчества при комбинировании условных ситуаций с учетом разнообразия условий несения службы в целом, бытовых в частности.

1. Дьякова М. В., Слободчикова Т. А. Психологическая подготовка как одна из составляющих служебно-прикладной физической подготовки курсантов образовательных организаций МВД России // Здоровьесбережение как инновационный аспект современного образования : материалы III Международной научно-практической заочной студенческой конференции, 22 марта 2017 г., [г. Екатеринбург] / Рос. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург : РГППУ, 2017. С. 120-124.
2. Миронов А. Г. Формирование профессиональной компетентности юриста в процессе специальной физической подготовки в вузе // Вестник ЧГПУ имени И.Я. Яковлева. 2011. № 1-2. С. 120-123.
3. Горелов А. А., Виноградов И. Д. О подготовке курсантов образовательных организаций высшего образования системы МВД России к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (98). С. 176-186
4. Шайденко Д. А. Многозначность термина «задержание» по российскому законодательству // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. № 1 (92). С. 20-25.
5. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под. ред. Р.С. Белкина. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 2015. Методика проведения занятий по общей физической подготовке в образовательных учреждениях МВД России: учебно-методическое пособие / авт.-сост. С. М. Струганов. Иркутск, 2015 г.
6. Баркалов С. Н., Герасимов И. В. Тактические особенности силовых способов задержания правонарушителей // Современные проблемы науки и образования. № 6, 2014 г. С. 67-68.
7. Федотов С. Н., Еременко Т. Е. Влияние психологических факторов на успешность служебной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 1 (64). С. 3-8
8. Кузнецова И. И. Использование активных методов обучения с учетом особенностей категории обучающихся образовательных организаций МВД России // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 3 (22). С. 95-100.

1. D'yakova M. V., Slobodchikova T. A. Psixologicheskaya podgotovka kak odna iz sostavlyayushhix sluzhebno-prikladnoj fizicheskoy podgotovki kursantov obrazovatel'ny'x organizacij MVD Rossii // Zdorov'esberezhenie kak innovacionny'j aspekt sovremennogo obrazovaniya : materialy` III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy zaochnoj studencheskoj konferencii, 22 marta 2017 g., [g. Ekaterinburg] / Ros. gos. prof.-ped. un-t. Ekaterinburg : RGPPU, 2017. S. 120-124.
2. Mironov A. G. Formirovanie professional'noj kompetentnosti yurista v processe special'noj fizicheskoy podgotovki v vuze // Vestnik ChGPU imeni I.Ya. Yakovleva. 2011. № 1-2. S. 120-123.
3. Gorelov A. A., Vinogradov I. D. O podgotovke kursantov obrazovatel'ny'x organizacij vy'sshego obrazovaniya sistemy` MVD Rossii k vy'polneniyu operativno-sluzhebny'x zadach v osoby'x usloviyax // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 2 (98). S. 176-186
4. Shajdenko D. A. Mnogoznachnost` termina «zaderzhanie» po rossijskomu zakonodatel'stvu // Nauchny'j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2024. № 1 (92). S. 20-25.
5. Aver'yanova T. V., Belkin R. S., Koruxov Yu. G., Rossinskaya E. R. Kriminalistika. Uchebnik dlya vuzov. Pod. red. R.S. Belkina. M.: Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRA M, 2015. Metodika provedeniya zanyatij po obshhej fizicheskoy podgotovke v obrazovatel'ny'x uchrezhdeniyax MVD Rossii: uchebno-metodicheskoe posobie / avt.-sost. S. M. Struganov. Irkutsk, 2015 g.
6. Barkalov S. N., Gerasimov I. V. Takticheskie osobennosti silovy'x sposobov zaderzhaniya pravonarushitelej // Sovremennyy'e problemy` nauki i obrazovaniya. № 6, 2014 g. S. 67-68.
7. Fedotov S. N, Eremenko T. E. Vliyanie psixologicheskix faktorov na uspehnost` sluzhebnoj deyatel'nosti kursantov obrazovatel'ny'x organizacij MVD Rossii // Psixopedagogika v pravooxranitel'ny'x organax. 2016. № 1 (64). S. 3-8
8. Kuzneczova I. I. Ispol'zovanie aktivny'x metodov obucheniya s uchetom osobennostej kategorii obuchayushhixsya obrazovatel'ny'x organizacij MVD Rossii // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2019. № 3 (22). S. 95-100.

Информация об авторах

Маргарита Владимировна Сидорова. Доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат педагогических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Валерий Ахиедович Хажироков. Начальник кафедры физической подготовки. Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал) ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет МВД РФ»
360016, Россия, г. Нальчик, ул. Мальбахова, 123.

Information about the authors

Margarita V. Sidorova. Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Interior Ministry. Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Oryol, Ignatova Str., 2.

Valery Ak. Khazhirokov. Head of the Department of Physical Training.
North Caucasus Institute of Advanced Training (branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
360016, Russia, Nalchik, Malbakhova Str., 123.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования
15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review
on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ СВЕТОЗВУКОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Шмендель Сергей Михайлович

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени
В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

sshmendel@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные проблемы, связанные с применением сотрудниками Росгвардии специальных средств светозвукового воздействия на правонарушителя. Согласно техническим данным специальные средства светозвукового воздействия не являются средствами летального действия и не несут серьезной опасности здоровью и жизни человека. В ходе исследования анализируются конкретные примеры применения данных средств, которые указывают на то, что они могут нанести не только тяжкий вред здоровью человека, но и причинить смерть. В статье отмечены недостатки нормативно-правового регулирования вопросов, связанных с применением вышеуказанных средств воздействия на правонарушителя с реальными их возможностями, и даются соответствующие рекомендации.

Ключевые слова: специальные подразделения Росгвардии, средства светозвукового воздействия на правонарушителя, нормативно-правовое регулирование применения специальных средств, особенности применения средств светозвукового воздействия на правонарушителя.

Для цитирования: Шмендель С. М. Правовые особенности применения средств светозвукового воздействия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 225–231.

LEGAL PECULIARITIES OF USING LIGHT AND SOUND DEVICES

Sergey M. Shmendel

Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior
of Russia, Bryansk, Russia

sshmendel@mail.ru

Annotation. This article discusses the current problems associated with the use of special means of light and sound effects on the offender by the employees of the Russian National Guard. According to technical data, special means of light and sound exposure are not lethal and do not pose a serious danger to human health and life. The study examines specific examples of the use of these drugs, which indicate that they can cause not only serious harm to human health, but also cause death. The article indicates the relationship and shortcomings of the regulatory and legal regulation of issues related to the use of the above-mentioned means of influencing the offender with their real capabilities and makes appropriate recommendations.

Keywords: special units of the Russian Guard, means of light and sound effects on the offender, regulatory and legal regulation of the use of special means, features of the use of light and sound effects on the offender.

For citation: Shmendel S. M. Legal peculiarities of using light and sound devices // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2025. № 4(105). P. 225–231.

В соответствии со статьёй 1 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»¹ войска национальной гвардии Российской Федерации являются государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Исходя из предназначения Росгвардии, можно с уверенностью утверждать, что данная государственная организация выполняет в том числе задачи государства, связанные с её правоохранительной деятельностью. К таковым задачам относятся: охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом, охрана важных государственных объектов и другие задачи, в ходе выполнения которых может возникнуть необходимость применения различных специальных средств, предназначенных для пресечения неправомерных действий, осуществляемых для достижения правонарушителями своих незаконных целей [1, с. 4].

Для выполнения таких задач сотрудники Росгвардии имеют право лично или в составе подразделения применять к правонарушителям меры административно-правового принуждения, в том числе специальные средства светозвукового воздействия, которые, исходя из технической документации, оказывают психофизиологическое воздействие. При этом сотрудник Росгвардии, исполняя свои полномочия, имея необходимость и законные основания применения специальных средств, действует с учётом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются специальные средства, характера и силы оказываемого ими сопротивления, а также обязан стремиться к минимизации любого ущерба [2, с. 12].

Стремясь минимизировать любой ущерб, который может быть нанесён правонарушителю, сотрудники Росгвардии при исполнении служебных обязанностей должны учитывать не только явные признаки такового, но и неявные.

Например, к явным можно отнести следующие. При применении огнестрельного оружия прицельный огонь необходимо вести не по жизненно важным органам преступника. Или применяя физическую силу, палку резиновую, нельзя допускать, например, прямых ударов в голову [3, с. 10].

В указанных случаях предельно понятно, как должен вести себя сотрудник, применяя данные средства вооружения, но это касается лишь указанных выше огнестрельного оружия и палки резиновой. Но на вооружении правоохранительных органов стоят и другие средства, применение которых является не настолько однозначным, как указано выше [4, с. 26]. И тогда появляются неявные признаки, связанные с минимизацией ущерба, наносимого правонарушителю, которые в обязательном порядке должны описываться в нормативных актах и, соответственно, учитываться сотрудником.

То есть если с явными признаками минимизации любого ущерба относительно всё просто для понимания, то неявные признаки могут осознаваться только при наличии специальных познаний и отчётливого понимания правовых норм, связанных с ограничениями, устанавливаемыми сотруднику государством при применении специальных средств. Примером неявных признаков необходимости минимизации любого ущерба могут служить последствия применения специальных средств светозвукового воздействия на правонарушителя.

¹ О войсках национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Специальные средства светозвукового воздействия, в частности светозумовые гранаты, должны применяться к правонарушителям, когда отсутствует возможность для использования менее опасных для жизни и здоровья специальных средств, а также при пресечении массовых беспорядков и других групповых правонарушений. И это понятно, когда против «толпы» незаконно митингующих не должен действовать один сотрудник с палкой резиновой, так как это бессмысленно и никакого положительного результата не принесёт, а ещё плюс возможный вред самому сотруднику. Целесообразно применение средств массового воздействия, в условиях недопустимости применения огнестрельного оружия. И в такой ситуации очень подходят светозумовые гранаты [5, с. 22].

Назначением светозвуковых специальных средств является кратковременное воздействие на органы зрения и слуха человека, вызывающие непродолжительные психоэмоциональные изменения, что приводит к подавлению воли человека для совершения противоправных действий и невозможности оказания сопротивления сотруднику. После их применения правонарушитель оглушён, нарушена его координация, он практически обездвижен, что позволяет сотруднику с минимальным ущербом для себя быстро и эффективно пресечь его незаконные действия. Спустя непродолжительное время правонарушитель должен вернуться в своё обычное психофизиологическое состояние.

Нужно помнить, что хотя светозвуковые специальные средства относятся к средствам «нелетального действия» и по характеру воздействия занимают промежуточное положение между применением физической силы и огнестрельного оружия, они являются наиболее опасными техническими устройствами, которые могут серьёзно травмировать человека. Такое разделение достаточно условно и исходит из чисто теоретических предположений [6, с. 33]. На самом деле, неправильное применение специальных средств может привести даже к летальному исходу, что крайне не допустимо даже при применении огнестрельного оружия.

В соответствии с нормативными актами Российской Федерации право на применение светозвуковых специальных средств имеют только сотрудники, прошедшие подготовку в образовательной организации по соответствующей программе профессионального обучения и получившие допуск к работе с ними¹.

Нормативными правовыми актами устанавливаются ограничения, связанные с применением конкретных видов специальных средств. Поэтому сотрудник должен знать, что существует определённая процедура использования специальных средств, которая устанавливается законодательно. Немаловажное значение имеет углублённое знание правовой основы применения конкретных рассматриваемых изделий [7, с. 117].

Закон предусматривает возможность, а не необходимость применения специальных средств, в том числе светозвукового воздействия. Это означает, что каждый случай их использования должен быть обоснован конкретной сложившейся ситуацией и может послужить основанием для дальнейшей служебной или прокурорской проверки с точки зрения законности и обоснованности применения тех или иных специальных средств.

Применение специальных средств является допустимым только тогда, когда имеют место насильственные действия. Пассивное поведение правонарушителя не является основанием для их использования. Специальные меры воздействия должны иметь целью преодоление сопротивления, оказываемого представителю закона. Таким образом, речь идёт об активных действиях правонарушителя, которые следует отграничивать от пассивного неповиновения. Как мы видим, сотрудник должен уметь чётко проводить правовую границу между пассивным противодействием (неповиновением) и активным, т. е. сопряжённым с насилием [8, с. 539].

¹ О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

При проведении специальных мероприятий сотрудниками для оказания светозвукового воздействия на правонарушителя могут применяться следующие виды специальных средств светозвукового воздействия:

- ручная светозвуковая граната «Заря-2»;
- ручная светозвуковая многоэлементная граната «Факел»;
- ручная светозвуковая одноэлементная граната «Факел - С»;
- стационарное оперативно-техническое средство «Пламя - М»;
- ручная граната светозвукового действия РГК - 60СЗ;
- 40-мм выстрел травмобезопасного акустического воздействия на правонарушителя «Свирель» АСЗ - 40;
- 43 - мм выстрел светозвукового действия «Термит» ВГМ93.400;
- выстрел ГСЗ - 50 светозвукового действия для специального гранатометного комплекса РГС - 50;
- изделие КТ;
- изделие СП;
- изделие СТ;
- 40-мм выстрел ВКЭ - 40 «Марокит»¹.

Тактико-технические характеристики данных изделий раскрывают такие сведения, как общая масса изделия, количество и масса светозвуковых элементов, диаметр, высота корпуса, уровень звукового давления, сила света, время замедления, эффективный радиус воздействия и другие². Но применяя данные специальные средства против правонарушителя и реализуя задачи по минимизации любого ущерба, сотрудник должен учитывать все возможные последствия, связанные с их использованием³.

Опытным путём установлено, что некоторые изделия из указанных выше обладают фугасными способностями, не уступающими зарядам взрывчатых веществ. Фугасность означает способность взрывчатых веществ производить разрушающие взрывные воздействия. Данное свойство главным образом зависит от скорости и объёма расширяющихся газов в окрестности взрыва [9, с. 132].

Светозвуковые гранаты серии «Заря» и «Пламя» при инициировании в грунте могут образовывать воронку выброса размерами, схожими с размерами при инициировании малой тротиловой шашки, а это двести граммов бризантного взрывчатого вещества нормальной мощности. Для данного заряда взрывчатого вещества безопасным расстоянием по действию ударной волны на человека является чуть менее 9 метров.

Иницируя указанные изделия на сырораствующих деревьях слабой породы диаметром до 10 см, отметим, что происходит их полное перебивание так же, как и при использовании зарядов бризантных взрывчатых веществ нормальной мощности массой 100–150 граммов.

К примеру, для минно-взрывной травмы с ампутацией пальцев рук достаточно одного капсюль-детонатора КД-8А, масса заряда взрывчатого вещества которого составляет всего 1,3 грамма. А при умелом использовании того же капсюль-детонатора, зная принцип его действия и конструктивные особенности, можно лишить человека жизни [10, с. 37]. И здесь хотелось бы отметить, что риск летального исхода даже от незначительного по своим характеристикам взрывного устройства обусловлен не только углублёнными познаниями и отработанными навыками лицом, их применяющим, но

¹ Босомыкин А.Ф., Ипатов А.Л., Ишутин А.В., Шугаев В.А. Порядок применения световых и акустических специальных средств, средств разрушения преград при проведении специальных мероприятий – Москва, 2021. 52 с.

² Босомыкин А.Ф. Специфика обучения специалистов-взрывотехников в образовательных организациях МВД России. Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 2 (48). С. 116-120.

³ О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

и небрежным, неумелым и не осознающим опасность возможных последствий иным лицом. Однако это не единственная опасность, с которой можно столкнуться при использовании специальных средств светозвукового воздействия.

В ходе учебных практических занятий со слушателями, обучающимися по профессиональным программам обучения по профессии рабочего «Взрывник», неоднократно создавалась практическая ситуация применения специальных средств светозвукового воздействия. Условия применения: на открытой местности расстояние от точки инициирования «Зари» либо «Пламени» до правонарушителя 2,5–3 метра; в роли правонарушителей выступали мишени в средний рост человека, изготовленные из фанеры толщиной 6 миллиметров. При этом в каждом случае наблюдались единичные либо множественные пробития мишеней осколками корпусов вышеуказанных изделий. Несмотря на пластмассовый корпус и частичное его прикрытие резиновой оболочкой, рассматриваемые специальные средства могут нанести достаточный вред человеку, а в отдельных случаях привести к увечьям или летальному исходу. Поскольку для расчленения стенки трахеи или артерии не нужно, например, мощное взрывное устройство или боеприпас, отстреленный из огнестрельного оружия. В этом случае достаточно заточенного перочинного ножа или полимерного осколка, которому придана инертная сила в виде несущей его ударной волны.

Какие последствия при неумелом применении могут нанести светозвуковые гранаты серии «Заря» и «Пламя» в каждом отдельном случае, можно только предположить из описанных выше обстоятельств.

Законодательно установлены ограничения, связанные с применением специальных средств светозвукового воздействия только сотрудникам, проходящим службу в МВД России, к основным из которых относятся:

- забрасывание (применение) так, чтобы расстояние от точки падения до ближайшего человека было не менее 2,5 метра;
- большинство из перечисленных средств может применяться только на открытой местности;
- не допускается применение в местах, где имеется утечка газа, хранятся взрывчатые и легковоспламеняющиеся вещества и материалы.

Анализируя имеющуюся нормативную правовую базу, касающуюся деятельности МВД Российской Федерации, и опыт проведения практических учебных занятий со слушателями, которые впоследствии по результатам обучения будут допускаться в своей служебной деятельности к применению средств светозвукового воздействия, однозначно можно сделать вывод, что правовое регулирование в данной сфере деятельности является недостаточным. Как минимум требуется доработка условий об ограничениях, связанных с применением таких средств вооружения. А в правовом регулировании деятельности сотрудников Росгвардии, связанной с рассматриваемым вопросом, дела обстоят гораздо хуже. В ч. 6 ст. 20 Федерального закона «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» сказано, что иные ограничения, связанные с применением военнослужащим (сотрудником) войск национальной гвардии специальных средств, могут быть установлены руководителем уполномоченного федерального органа исполнительной власти. В самой статье оговорены лишь виды специальных средств, случаи применения, запреты и условия недопущения их применения.

Ограничения, связанные с применением военнослужащим (сотрудником) войск национальной гвардии специальных средств, до настоящего времени не установлены.

Учитывая вышеописанный опыт применения средств светозвукового воздействия на правонарушителя, можно сделать следующий вывод. Установленные ограничения, связанные с применением данных специальных средств на примере ведомственных нормативных правовых актов МВД России, недостаточны для полного и всестороннего по-

нимания сотрудником возможных последствия их применения. А в случае нормативного правового регулирования деятельности Росгвардии таковые отсутствуют.

Следовательно, отсутствие понимания описанных выше возможных последствий применения специальных средств светозвукового воздействия, недостаточное нормативное правовое регулирование данных процессов не только не приведут к минимизации любых последствий, а наоборот, вызовут их рост. Понимание минимизации любого ущерба, наносимого сотрудником при применении специальных средств светозвукового воздействия, должно исходить не только из уровня его подготовки, осуществляемой в соответствующих образовательных организациях, но и из осознания возможных последствий, связанных с их применением, при неукоснительном соблюдении правовых норм, которые, в свою очередь, должны быть изложены крайне исчерпывающе и понятно для сотрудника Росгвардии.

Немаловажным в процессе формирования полного и всестороннего нормативного правового регулирования является вопрос правовой защищённости сотрудника, применяющего специальные средства. Так, при негативном стечении обстоятельств, связанных с применением специальных средств, практически всегда можно возложить вину на сотрудника. Однако федеральный закон не запрещает применять специальные средства военнослужащим войск национальной гвардии. Вопрос совершенствования нормативной правовой базы по условиям, пределам и ограничениям, связанным с применением специальных средств светозвукового воздействия сотрудниками Росгвардии, является актуальным, требующим детального изучения и законодательной проработки.

1. Косяченко В. И., Есина О. Н. Виды специальных средств на вооружении полиции, случаи их применения, запреты и ограничения на применение специальных средств. Отчет о НИР. 2012. 50 с.
2. Селиванов В. В., Левин Д. П. Оружие нелетального действия. Учебник для высших учебных заведений / (2-е издание, исправленное). М., 2019. 356 с.
3. Паршин С. В., Габов В. С. Минимизация ущерба при применении физической силы сотрудниками полиции. Эпоха науки. 2021. № 25. С. 109-112.
4. Баумтрог В. Э. Специальные средства органов внутренних дел и средства индивидуальной бронезащиты. Учебное пособие / Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, 2017. 62 с.
5. Селиванов В. В., Левин Д. П. Оружие нелетального действия. Учебное пособие / Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет), М., 2019. 361 с.
6. Пупейко А. Н., Ишутин А. В. О некоторых аспектах обучения специалистов-взрывотехников в системе МВД России // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2012. № 4 (24). С. 32-35.
7. Босомыкин А. Ф. Специфика обучения специалистов-взрывотехников в образовательных организациях МВД России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 2 (48). С. 116-120.
8. Долбенкин И. Н., Шмендель С. М. Актуальные вопросы совершенствования специальной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Редколлегия: Е. Е. Витютнев, И. В. Подпорин, В. А. Михайлюк и др. Краснодар, 2022. С. 538-542.
9. Ипатов А. Л. Особенности локализации взрывоопасных предметов подручными средствами. Вопросы оборонной техники // Технические средства противодействия терроризму. 2020. № 3-4 (141-142). С. 130-134.
10. Долбенкин И. Н. О некоторых проблемах правового регулирования оборота взрывчатых веществ и материалов в органах внутренних дел // Полицейский вестник ВПК МВД России. 2021. № 1(4). С. 36-39.

1. Kosyachenko V. I., Esina O. N. Vidy` special`ny`x sredstv na vooruzhenii policii, sluchai ix primeneniya, zaprety` i ogranicheniya na primeneniye special`ny`x sredstv. Otchet o NIR. 2012. 50 s.
2. Selivanov V. V., Levin D. P. Oruzhie neletal`nogo dejstviya. Uchebnik dlya vy`sshix uchebny`x zavedenij / (2-e izdanie, ispravlennoe). M., 2019. 356 s.
3. Parshin S. V., Gabov V. S. Minimizaciya ushherba pri primenении fizicheskoy sily` sotrudnikami policii. E`poxa nauki. 2021. № 25. S. 109-112.
4. Baumtrog V. E`. Special`ny`e sredstva organov vnutrennix del i sredstva individual`noj bronezashhity`. Uchebnoe posobie / Barnaul`skij yuridicheskij institut MVD Rossii, Barnaul, 2017. 62 s.
5. Selivanov V. V., Levin D. P. Oruzhie neletal`nogo dejstviya. Uchebnoe posobie / Moskovskij gosudarstvenny`j texnicheskij universitet im. N.E`. Bauman (nacional`ny`j issledovatel`skij universitet), M., 2019. 361 s.
6. Pupejko A. N., Ishutin A. V. O nekotory`x aspektax obucheniya specialistov-vzry`votexnikov v sisteme MVD Rossii // Vestnik Vserossijskogo instituta povыsheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. 2012. № 4 (24). S. 32-35.
7. Bosomy`kin A. F. Specifika obucheniya specialistov-vzry`votexnikov v obrazovatel`ny`x organizacijax MVD Rossii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 2 (48). S. 116-120.
8. Dolbenkin I. N., Shmendel` S. M. Aktual`ny`e voprosy` sovershenstvovaniya special`noj podgotovki kursantov i slushatelej obrazovatel`ny`x organizacij sistemy` MVD Rossii // Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Redkollgiya: E. E. Vityutnev, I. V. Podporin, V. A. Mixajlyuk i dr. Krasnodar, 2022. S. 538-542.
9. Ipatov A. L. Osobennosti lokalizacii vzry`voopasny`x predmetov podruchny`mi sredstvami. Voprosy` oboronnoj tekhniki // Texnicheskie sredstva protivodejstviya terrorizmu. 2020. № 3-4 (141-142). S. 130-134.
10. Dolbenkin I. N. O nekotory`x problemax pravovogo regulirovaniya oborota vzry`vchaty`x veshhestv i materialov v organax vnutrennix del // Policejskij vestnik VIPK MVD Rossii. 2021. № 1(4). S. 36-39.

Информация об авторе

Сергей Михайлович Шмендель. Старший преподаватель кафедры криминалистики и уголовно-правовых дисциплин.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-ой Советский переулок, 2а.

Information about the author

Sergey M. Shmendel. Senior Lecturer at the Department of Criminalistics and Criminal Law Disciplines.

Bryansk Branch of the V.V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

241050, Russia, g. Bryansk, 2-ой Советский переулок, 2а.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 342

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ

Шумилин Владимир Петрович¹, Шумилина Надежда Геннадьевна²

¹Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

²Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Орёл, Россия

¹itdovd@gmail.com

²ngshumilina@gmail.com

Аннотация. Применение искусственного интеллекта повсеместно развивается, из-за чего данные технологии становятся неотъемлемой частью нашей жизни. Дорожное движение также не является исключением: уже сегодня появляются первые беспилотные автомобили, которые способны функционировать без участия людей. В статье проанализированы технологии ИИ, применяемые в Госавтоинспекции; приведены примеры успешного использования ИИ в Госавтоинспекции; определены области применения ИИ в раскрытии и предотвращении преступной деятельности сотрудниками Госавтоинспекции. Теоретическая значимость данной статьи выражается в комплексном изучении применения искусственного интеллекта в деятельности Госавтоинспекции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Госавтоинспекция, безопасность дорожного движения, правила дорожного движения.

Для цитирования: Шумилин В. П., Шумилина Н. Г. Некоторые вопросы применения искусственного интеллекта в деятельности Госавтоинспекции // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 232–243.

SOME QUESTIONS ABOUT THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ACTIVITIES OF THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE

Vladimir P. Shumilin¹, Nadezda G. Shumilina²

¹Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

²Turgenev Oryol State University, Oryol, Russia

¹itdovd@gmail.com

²ngshumilina@gmail.com

Annotation. The use of artificial intelligence is developing everywhere, which is why these technologies are becoming an integral part of our lives. Road traffic is also no exception: the first self-driving cars that can function without human intervention are already appearing today. The article analyzes AI technologies used in the State Traffic Inspectorate, provides examples of successful use of AI in the State Traffic Inspectorate, identifies areas of application of AI in the detection and prevention of criminal activity by traffic police officers. The theoretical significance of this article is expressed in a comprehensive study of the use of artificial intelligence in the activities of the Traffic Police.

Keywords: artificial intelligence, State traffic Inspectorate, road safety, traffic rules.

For citation: Shumilin V. P., Shumilina N. G. Some questions about the use of artificial intelligence in the activities of the state traffic inspectorate // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 232–243.

Искусственный интеллект и современные цифровые технологии в мировой практике находят активное применение в различных сегментах социальной действительности. Возможности искусственного интеллекта совершенствуются ежедневно, обещая изменить перманентные недостатки социальной среды, вызванные технологическим прогрессом, в том числе в сфере дорожного движения и обеспечения его безопасности [1, с. 341].

Государства мира, дабы соответствовать современным реалиям общественных отношений, разрабатывают технологии использования искусственного интеллекта и противодействия порождаемым ими новым технологическим угрозам.

Разработка национальной политики в контексте интеграции искусственного интеллекта (далее – ИИ) в качестве вектора социально-экономического прогресса с высокой отдачей представляет собой структурную особенность современной динамики государственного управления. Необходимость определения основных направлений государственной политики в Российской Федерации, особенно в отношении системного внедрения и масштабирования технологий искусственного интеллекта в отдельных областях экономики, привела к ратификации Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года.

Аналитический анализ приоритетных траекторий развития, перечисленных в Стратегии, наряду с оценочным обзором преобладающих технологических методов, основанных на ИИ, подтверждает как жизнеспособность, так и необходимость их применения в области управления безопасностью дорожного движения. Эмпирические и технические прогнозы подтверждают, что внедрение искусственного интеллекта в этой области может оказать ощутимое влияние на смягчение последствий аварий и оптимизацию системы [2, с. 212].

Стратегически это включает в себя разработку нормативных стандартов для транспортной инфраструктуры, которые включают в себя цифровые системы с интенсивным использованием данных с целью нейтрализации сегментов с высоким уровнем риска. Кроме того, это требует разработки алгоритмически управляемых механизмов контроля за соблюдением правил дорожного движения, нацеленных на поведение участников дорожного движения, а также оптимизации движения транспортных средств с помощью интеллектуальных систем управления дорожным движением. В совокупности эти направления основаны на внедрении искусственного интеллекта для повышения операционной эффективности и достижения статистически значимого снижения смертности и заболеваемости, связанных с дорожно-транспортными происшествиями.

Продолжающиеся процессы социально-экономической реструктуризации в Российской Федерации в сочетании с формулированием национальным руководством перспективных задач развития требуют фундаментальной перекалибровки концептуальных и оценочных параметров, касающихся безопасности дорожного движения. Это, в свою очередь, требует структурных изменений от институциональных участников, занятых в этом секторе.

А. Б. Гуськова, Н. Р. Калимуллин утверждают, что экспоненциальный рост объёмов данных, характеризующий нынешнюю информационную эпоху, наряду с функциональным развитием технологий искусственного интеллекта означает трансформационный скачок в технологическом потенциале. Эти системы, основанные на алгоритмическом распознавании и высокопроизводительной обработке данных, повышают аналитические возможности традиционных цифровых платформ. Они облегчают

выявление неэффективности на системном уровне и возникающих закономерностей в социально-технических процессах, что позволяет осуществлять прогнозные вмешательства в динамике общества в режиме реального времени [3, с. 276].

Более того, современные архитектуры искусственного интеллекта уже демонстрируют оперативную способность выполнять автоматизацию рутинных задач, включая анализ документов, нормативную классификацию и распознавание семантических образов. Эти компетенции представляют собой не просто постепенные инновации, но и структурные изменения информационной экосистемы, в которую встроена административная и нормативно-правовая деятельность.

В современных транспортных системах применение ИИ для аналитической обработки обширных и многофакторных наборов данных, особенно тех, которые получены на основе установленных показателей дорожного движения, стало не просто полезным, но и структурно важным. Эта вычислительная парадигма лежит в основе усилий, направленных как на систематическую ликвидацию зон, подверженных дорожно-транспортным происшествиям, так и на динамичный контроль за соблюдением пользователями законодательно закреплённых правил дорожного движения. Такие вмешательства, основанные на ИИ, способствуют активному и масштабируемому подходу к управлению соблюдением правил поведения на дороге.

В рамках законодательства Российской Федерации искусственный интеллект является не монолитной конструкцией, а, скорее, совокупностью различных, но взаимосвязанных возможностей. К ним относятся, в частности, компьютерное зрение, обработка естественного языка (включая распознавание и генеративный синтез), а также автономные системы принятия решений. В совокупности эти элементы составляют набор адаптивных методологий управления, формально отнесённых к технологической области, и всё чаще рассматриваются как неотъемлемая часть инициатив в области цифрового управления на государственном уровне [4, с. 66].

Растущий объём научной литературы отражает усиленное изучение нормативных и институциональных аспектов, лежащих в основе внедрения ИИ в различных секторах экономики, при этом транспорт и, в частности, оптимизация дорожного движения становятся центром прикладных исследований. Авторы регулярно рассматривают взаимодействие между цифровыми технологиями и общественной инфраструктурой, привлекая внимание к регулятивным изменениям, необходимым для таких преобразований.

Одно из наиболее заметных применений находится в сфере интеллектуальных систем управления дорожным движением. Здесь технологии искусственного интеллекта позволяют осуществлять детальную модуляцию транспортных потоков в режиме реального времени: регулировать последовательность светофоров, определять приоритетность транзитных коридоров для общественного транспорта и перераспределять пропускную способность сети в зависимости от показателей загруженности. Хотя рудиментарные формы цифрового регулирования дорожного движения используются с 1960-х годов, современные технологии искусственного интеллекта позволяют создать качественно иной режим – такой, при котором системы дорожного движения развиваются адаптивно, отражая когнитивные характеристики субъектов, принимающих решения, и увеличивая пропускную способность без необходимости расширения физической инфраструктуры. Результирующие преимущества выходят за рамки инженерных показателей, способствуя также развитию более социально ориентированной городской мобильности [5, с. 195].

Эта траектория институционально подкреплена стратегическими рамками, такими как национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги», который включает ИИ в своё основополагающее видение системной модернизации. В этом контексте ИИ является не второстепенной инновацией, а ключевым фактором рационализации инфраструктуры и реформы системы безопасности.

Более того, во всём мире формируется консенсус, особенно в научных и политических кругах, что транспорт является одной из наиболее благоприятных областей для внедрения искусственного интеллекта. Разработка и интеграция автономных транспортных средств (AVS), в частности, стали катализатором парадигмального переосмысления не только физической динамики дорожного движения, но и правовой таксономии, с помощью которой такая динамика традиционно опосредуется. Это имеет серьёзные последствия для философии регулирования, что требует новых концепций ответственности, контроля и индивидуальности в среде, опосредованной машинами.

В российских условиях пилотное внедрение технологий автономных транспортных средств, ориентированных на пассажирские и грузовые перевозки, ведётся с 2018 года. Эти усилия подкреплены рядом документов по стратегическому планированию, направленных на постепенное внедрение AVS в повседневные транспортные системы. Тем не менее было бы преждевременно характеризовать такое внедрение как повсеместное или определяющее текущие реалии дорожного движения. Скорее, они представляют собой формирующийся фронт, полная интеграция которого в общество ещё находится в стадии разработки [6, с. 241].

Интеграция автономных транспортных систем требует параллельной разработки нормативно-правовой базы, определяющей как функциональные характеристики таких транспортных средств, так и параметры инфраструктуры, необходимые для их поддержки. Эти платформы основаны на бесперебойном обмене данными между автомобильными платформами и внешними цифровыми средами, что позволяет снизить эксплуатационную неопределённость и снизить риск сбоя системы или опасных инцидентов.

Однако внедрению беспилотных транспортных технологий по-прежнему препятствуют нерешённые проблемы юридического, административного и концептуального характера. Отсутствие единого доктринального консенсуса в отношении подотчётности, операционной легитимности и толкования нормативных актов по-прежнему препятствует широкомасштабному внедрению.

При устранении этих препятствий с аналитической точки зрения становится актуальным изучение функциональной семантики ИИ в рамках национальных стратегических директив. Стратегия развития искусственного интеллекта характеризует ИИ не просто как набор цифровых инструментов, но и как систему, способную имитировать в рамках алгоритмических границ определённые формы когнитивной деятельности человека. К ним относятся восприятие, обучение, принятие решений и адаптивная реакция. С этой точки зрения искусственный интеллект представляет собой не только вычислительный механизм, но и основу для генерации выходных данных, которые параллельны человеческим эпистемологическим процессам [7, с. 253].

Распространение этой концепции на прикладные контексты поднимает существенные вопросы, касающиеся нормативной квалификации действий, генерируемых искусственным интеллектом, особенно в рамках правовой среды, регуливающей транспортное регулирование. Теоретическая сложность возрастает при рассмотрении потенциала систем искусственного интеллекта для автономного принятия решений, основанных на намерениях, в оперативных сценариях реального времени, таких как определение скорости движения, согласование правил проезда и реагирование на динамические переменные трафика.

Это, в свою очередь, порождает фундаментальную проблему, связанную с установлением юридической ответственности. Если искусственный интеллект функционирует аналогично рациональному управлению, может ли он рассматриваться как носитель правовой субъективности? Или же ответственность обязательно переходит к посреднику – человеку, такому как системный оператор, что подразумевает, что все важнейшие решения должны приниматься людьми? Последний подход создаёт процедурное «узкое место», снижая эффективность и оперативность реагирования ИИ

в рамках цикла управления транспортным средством, фактически низводя его до статуса вспомогательного инструмента, ограниченного заранее закодированными инструкциями.

Учитывая эти противоречия, уместно вернуться к теоретическим трудам таких учёных, как Р. В. Кузьменко и его коллеги, в чьих работах ставится под сомнение онтологический статус роботизированных систем в теории права. В их анализе предпринята попытка разрешить бинарную классификацию робототехники как субъектов или объектов права и предложены предварительные схемы для определения правоспособности в отношении автономной функции [8, с. 100].

Среди множества режимов работы современного искусственного интеллекта системы компьютерного зрения, способные анализировать фото- и видеопотоки с машинной скоростью, стали ключевыми для автоматической регистрации административных правонарушений. Когда придорожные службы фиксируют нарушение, запись регистрируется без учёта субъективного восприятия инспектора, заменяя обычное субъективное мнение очевидца детерминированной системой датчиков и классификационной моделью.

Непрерывный прогресс в области распознавания образов, мультимодального синтеза и логического вывода открывает ещё более радикальные перспективы: создание сквозного конвейера, в котором обнаружение, проверка доказательств, квалификация нарушенной правовой нормы и наложение санкций происходят без участия человека. Научные работы уже содержат описание как перспективных, так и спорных моментов алгоритмического вынесения приговоров в административном праве.

Такие конвейеры обязательно содержат обширные разнородные наборы данных – геопространственные координаты, телеметрию с временными метками и, что особенно важно, персональные идентификаторы. Поэтому предупреждение Е. В. Рубцова имеет важное значение: законодательные положения о доступе к персональным данным существуют не только для абстрактной защиты конфиденциальности, но и для предоставления механизмов исправления ошибок, позволяющих субъекту проводить аудит конфиденциальности. Поскольку биометрические данные классифицируются как «высокочувствительная» информация, возможности для атак расширяются; неправильное использование может способствовать краже личных данных, дискриминационному профилированию или слежке, которую невозможно отследить. Таким образом, надёжные законодательные ограждения и проверяемые журналы доступа становятся обязательными, а не необязательными [9, с. 87].

Вторая системная проблема возникает на апелляционном уровне. Административная процедура предусматривает иерархическое рассмотрение; однако алгоритм, в отличие от государственного служащего, не выдаёт пояснительной записки, которую заявитель может оспорить. Непрозрачность ансамблей с градиентным усилением или глубоких *CNN* превращается в практический барьер: отказ в выдаче разрешения или отказ в выдаче кредита возникает из вектора оценок, вывод которых математически точен, но лингвистически непостижим. Пострадавший человек оказывается в ситуации, напоминающей кафкианскую петлю: нет форума, компетентного оценить весомость претензий, нет действенного обоснования для опровержения и ограниченные надзорные рычаги для государственных органов, занимающихся контролем качества.

Если эти недостатки не будут устранены, доверие к автоматизированному правоприменению может снизиться. Поэтому законодательным органам и организациям, устанавливающим технические стандарты, необходимо кодифицировать обязанности по обеспечению прозрачности, предусмотреть механизмы разъяснения после принятия решения и предусмотреть независимые проверки алгоритмов. Только сочетая инженерную строгость с процедурными гарантиями, общество может использовать эффективность компьютерного зрения, сохраняя при этом гарантии соблюдения процессуальных норм, лежащих в основе административной юстиции [10, с. 244].

Таким образом, Госавтоинспекция уже применяет полный спектр ИИ-технологий - компьютерное зрение, обработку естественного языка, нейронные сети для классификации транспортных средств и интеллектуальные системы управления движением; их практический эффект выражается в снижении аварийности и оптимизации потоков, но требует синхронного развития нормативной базы и защищённой инфраструктуры.

Федеральный закон Российской Федерации от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»¹ определяет правовые основы обеспечения безопасности дорожного движения на территории Российской Федерации (РФ). Его задачами являются: охрана жизни, здоровья и имущества граждан, защита их прав и законных интересов, а также защита интересов общества и государства путем предупреждения дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), снижения тяжести их последствий.

Согласно ст. 2 ФЗ от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», ДТП — это событие, возникшее в процессе движения транспортного средства (далее – ТС) по дороге и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены ТС, сооружения, грузы либо причинён иной материальный ущерб.

Правила дорожного движения (далее – ПДД) — это набор правил, регулирующих обязанности водителей ТС и пешеходов, а также технические требования, предъявляемые к ТС для обеспечения безопасности дорожного движения [11, с. 86].

Современная социально-технологическая динамика требует постоянного совершенствования механизмов быстрого выявления и пресечения противоправного поведения. В этой связи особое внимание уделяется интеграции технологий автоматизированного мониторинга — в частности, систем, предназначенных для сбора фото- и видеоданных — в инфраструктуру общественного наблюдения. Эти системы особенно незаменимы в сфере регулирования дорожного движения, где они выполняют как превентивные, так и карательные функции. Их актуальность повышается в связи с экспоненциальным ростом активности автотранспорта, что, в свою очередь, усиливает необходимость создания структурированной и безопасной дорожной среды.

Опираясь на институциональный подход, можно сказать, что управление дорожным движением в настоящее время рассматривается как область, имеющая стратегическое государственное значение. Это не просто административная ответственность, а область политического вмешательства, характеризующаяся уникальными нормативными требованиями и процедурными сложностями. Таким образом, законодательные инструменты и правоприменительные протоколы в этой сфере обладают отличительными эксплуатационными характеристиками, обусловленными как внутренними требованиями, так и международными прецедентами.

Опираясь на эмпирически подтверждённые модели, внедрённые за рубежом, Российская Федерация в 2008 году приступила к системной интеграции автоматизированных механизмов правоприменения. Этому способствовали поправки к Кодексу об административных правонарушениях, которые официально закрепили допустимость данных, собранных с помощью автоматизированных фото- и видеоустройств, в качестве доказательств, имеющих юридическую силу. В соответствии с целевыми федеральными инициативами в рамках инициативы по закупкам было приобретено 6 203 автоматизированных устройства контроля за соблюдением ПДД, которые были развёрнуты в ведении Государственной дорожной инспекции. Эти системы функционируют автономно, собирая и обрабатывая данные для поддержки вынесения судебных решений в рамках административных разбирательств [12, с. 169].

¹ О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Последующие поправки к административному законодательству кодифицировали процессуальные нормы, регулирующие использование таких данных, что позволило назначать административную ответственность исключительно на основе результатов автоматизированных средств наблюдения. Это ознаменовало собой процедурную трансформацию, которая позволила отделить процесс правоприменения от непосредственного наблюдения со стороны человека и привести его в соответствие с методами, основанными на данных.

Эмпирические результаты подтвердили эффективность этих систем. К 2014 году количество зарегистрированных нарушений ПДД возросло до 40 млн, что в 138 раз больше по сравнению с базовыми показателями, зафиксированными в 2008 году. Примечательно, что непропорционально большая доля этих нарушений – более 90 % – была связана со случаями превышения порогового значения скорости, что сильно коррелирует с повышенным уровнем смертности на дорогах.

Однако ускоренное внедрение и масштабирование автоматизированных систем правоприменения выявило критическое отставание в адаптируемости нормативной базы. Нормативный аппарат, регулирующий эти технологии, развивался несоразмерными темпами, что порождает правовую и административную неопределённость. Эти различия создают нетривиальные риски для целостности и предсказуемости процессов правоприменения и могут подорвать доверие общественности к легитимности автоматизированных механизмов регулирования [13, с. 95].

Таким образом, хотя эмпирические данные об автоматизированном мониторинге свидетельствуют о значительном потенциале в снижении ущерба, связанного с дорожным движением, и повышении эффективности правоприменения, его долгосрочная жизнеспособность зависит от синхронной эволюции систем регулирования. Постоянная правовая корректировка, основанная как на эмпирических наблюдениях, так и на технологическом предвидении, будет иметь важное значение для поддержания функциональности системы и общественной легитимности.

Для решения многогранных задач, связанных с соблюдением ПДД, Научный центр предпринял комплексные усилия, включающие сбор и интерпретацию данных, полученных с помощью систем видеонаблюдения в первую очередь из интегрированных систем фото- и видеомониторинга. Эта инициатива также включает в себя сравнительный анализ национальных и международных нормативных стандартов, регулирующих автоматизированное управление дорожным движением и выявление нарушений.

Эмпирический анализ подтверждает устойчивое преобладание нарушений, связанных с превышением скорости, среди нарушений, фиксируемых этими системами. Однако это наблюдение подчёркивает необходимость стратегического развития системы не за счёт избыточности в выявлении известных нарушений, а за счёт расширения спектра действий, подлежащих автоматизированному документированию. При совершенствовании системы приоритетное внимание должно уделяться выявлению нарушений с высокой степенью риска, которые явно способствуют ДТП, включая, но не ограничиваясь ими, несанкционированный переход перекрёстка, выезд на полосу встречного движения и несоблюдение норм о праве проезда для пешеходов [14, с. 450].

По оценке специалистов Научного центра, эта технологическая инфраструктура, если её масштабировать в соответствии с тенденцией к ускорению автомобилизации, наблюдаемой в стране, обладает значительным потенциалом в качестве инструмента снижения вреда. Однако её эффективность зависит от одновременной модернизации нормативно-правовой базы. Это влечёт за собой внедрение систем регистрации нового поколения, оснащённых повышенной точностью и надёжностью, а также бескомпромиссное применение уголовных мер в соответствии с принципом неотвратимости. Институциональная синергия правоохранительных, законодательных органов и органов общественной безопасности имеет важное значение для достижения чётко определённых

ной цели – поддающегося измерению сохранения жизни и физической безопасности на дорогах общего пользования.

Примечательно, что в начале ноября 2020 года Московский центр организации дорожного движения сообщил о предстоящей активации протоколов идентификации на основе камер для двух дополнительных категорий нарушений: ручное использование смартфона во время вождения и неиспользование ремня безопасности. Как подтвердили аналитики Центра, во время калибровки системы и контролируемых испытаний инструменты машинного зрения, использующие архитектуру нейронных сетей в сочетании с крупномасштабными массивами данных, продемонстрировали высокую точность выделения соответствующих визуальных маркеров. К ним относятся положение рулевого колеса, положение рук, видимость мобильного устройства и степень пристёгивания ремня безопасности. Возможности обработки позволяют выполнять фотосъёмку со скоростью 25 кадров в секунду, обеспечивая чёткость изображения на самом высоком уровне.

Важно отметить, что соображения конфиденциальности данных заложены в схему работы системы: черты лица водителей систематически скрываются для сохранения конфиденциальности персональных данных. Как только нарушение алгоритмически подтверждено, процедура проходит по стандартизированному с юридической точки зрения пути: составление административного решения, проверка инспектором и последующая доставка уведомления зарегистрированному владельцу ТС [15, с. 52].

Согласно статистическим данным, собранным в 2021 году, Госавтоинспекция Российской Федерации вынесла около 145,5 млн постановлений об административных штрафах с использованием автоматизированных систем мониторинга. Этот показатель на 19,2 % больше, чем в 2020 году. Для сравнения, по данным Росстата, численность населения Российской Федерации в 2020 году составляла 146,7 млн человек, что указывает на приблизительное соотношение «один к одному» между количеством штрафов и численностью населения страны в течение этого года.

С 1 июля 2022 года министр внутренних дел Владимир Колокольцев ввёл в действие федеральный запрет на использование сотрудниками дорожной полиции портативных устройств видеонаблюдения с ручным управлением. Это распоряжение совпало с сообщениями о снижении числа ДТП, связанных с превышением скорости. Колокольцев объяснил, что отчасти это улучшение связано с расширением применения и повышением технической сложности автоматизированных систем фото- и видеомониторинга, способных выявлять широкий спектр нарушений ПДД.

По данным последней проверки, Министерство сообщает о наличии примерно 23 400 комплексов оперативного наблюдения, включающих как стационарные, так и мобильные устройства, по всей национальной дорожной сети. Эти системы сконфигурированы для автономного функционирования, сбора и обработки данных о нарушениях ПДД без непосредственного вмешательства человека.

Первоначальные нормативные ограничения, касающиеся использования мобильных радаров, были введены в 2016 году. В то время региональным органам дорожной полиции было дано распоряжение отказаться от использования портативных систем видеозаписи для обеспечения соблюдения ПДД и переключить внимание на стационарные методы наблюдения, интегрированные в систему.

Этот операционный сдвиг заложил основу для интеграции алгоритмов машинного обучения в конвейер обработки нарушений. Например, в Москве были внедрены платформы на основе нейронных сетей для решения двух основных проблем: ошибочного распознавания номерных знаков ТС (GRNZ), что исторически приводило к неправильному начислению штрафов не причастным лицам, и обнаружения мошеннических изменений в идентификаторах номерных знаков.

Ранее после оптического считывания номерного знака системой видеонаблюдения требовалась повторная проверка. Данные о марке ТС были извлечены из базы данных

дорожной полиции, и специалисты провели перекрёстную проверку, чтобы подтвердить соответствие визуального профиля ТС записи в базе данных. Этот этап ручной проверки теперь заменён автоматизированной системой, в которой нейронная сеть напрямую сопоставляет полученные визуальные данные с внутренней базой данных, определяя марку и классификацию ТС по геометрическим и конструктивным параметрам.

Важно отметить, что эта система работает по всей сети устройств фото- и видеофиксации, обеспечивая согласованное и масштабируемое применение. При обнаружении потенциального нарушения программное обеспечение автоматически инициирует перекрёстную проверку, чтобы подтвердить соответствие между наблюдаемыми характеристиками ТС и его зарегистрированным GRNZ. Несоответствия, указывающие на подделку или неправильную идентификацию, приводят к дальнейшей автоматизированной обработке или при необходимости к повышению квалификации для проверки человеком [16, с. 303].

В настоящее время нейронная сеть способна точно классифицировать ТС в базе данных, включающей более 100 производителей. Только в Московском регионе эта система охватывает около 95 % всех ТС, обеспечивая широкий и эффективный охват правоприменительной практики благодаря алгоритмическому управлению.

В целом масштабное внедрение автоматических камер и нейросетевых идентификаторов увеличило выявление нарушений в сотни раз и расширило перечень фиксируемых правонарушений, одновременно обнажив отставание процессуальных регламентов и необходимость прозрачных механизмов апелляции. Современные практики Госавтоинспекции опираются на вековой фундамент логико-математических идей и уже демонстрируют измеримые результаты, подтверждая, что дальнейшая эффективность зависит от законодательной доработки и стандартизации технологических решений.

1. Перков А. А. Исследование опасных ситуаций, возникающих в деятельности сотрудников Госавтоинспекции // Совершенствование профессиональной подготовки психологов для подразделений органов внутренних дел. М.: МосУнивер МВД России им. В.Я. Кикотя, 2020. С. 341-345.
2. Силакова М. Н. Может ли искусственный интеллект быть субъектом правонарушения? // Право, общество, государство: проблемы теории и истории. М.: РУДН, 2020. С. 211-215.
3. Гуськова А. Б., Калимуллин Н. Р. Современные угрозы обществу с внедрением искусственного интеллекта // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2020. Т. 12, № 1. С. 275-281.
4. Аспекты применения искусственного интеллекта в сфере технического обеспечения войск Российской Федерации в современных условиях / Г. А. Рябов, О. И. Пантюхин, Б. В. Солодухин, А. А. Юдин // Проблемы технического обеспечения войск в современных условиях: Труды VI межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 мая 2021 года. СПб: «Военная академия связи имени маршала советского союза С. М. Буденного» Минобр России, 2021. С. 65-69.
5. Корнилов А. А. Проблемы использования искусственного интеллекта в деятельности органов внутренних дел // Информационные технологии в деятельности органов внутренних дел: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 13 октября 2022 года. М.: МосУнивер МВД России им. В.Я. Кикотя, 2022. С. 195-197.
6. Комлина Е. Е. Искусственный интеллект в органах исполнительной власти // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: материалы XVI Всероссийской научной конференции (с международным участием), Сыктывкар, 26-28 апреля 2023 года. Сыктывкар: Коми республиканская академия государственной службы и управления, 2023. С. 241-243.

7. Павлюкова Е. Вопросы авторско-правовой охраны произведений, созданных искусственным интеллектом // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: Сборник научных трудов IX Международного юридического форума (IP Форум), Москва, 12–13 февраля 2021 года. Том 2. М.: МГЮА, 2021. С. 253-255.
8. Кузьменко Р. В., Сукачев А. И. Проблемы искусственного интеллекта // Актуальные проблемы экономики, менеджмента, права и информационных технологий: теория и практика: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 26 января 2024 года. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2024. С. 99-104.
9. Рубцова Е. В., Жданова Е. В. Использование искусственного интеллекта в работе участкового врача терапевта // Конгресс «Человек и лекарство. УРАЛ - 2021». Тюмень: РИЦ «Айвекс», 2021. С. 86-87.
10. Шорина Д. А. Использование искусственного интеллекта в расследовании уголовных дел // Традиции и новации в системе современного российского права: Материалы XX Международной конференции молодых ученых. В 3-х томах, Москва, 09–10 апреля 2021 года. Том 3. М.: МГЮА, 2021. С. 242-244.
11. Возможности применения искусственного интеллекта в государственном управлении и юридические экспертизы / Э. В. Талапина, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, И. А. Черешнева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 190 с.
12. Аджиева А. Т. Как избежать потери контроля над искусственным интеллектом // Традиции и новации в системе современного российского права. М.: МГЮА, 2024. С. 168-169.
13. Логинова Т. А. Применение искусственного интеллекта и (или) нейронных сетей в кадастровой деятельности // Кадастр недвижимости. 2024. № 2(75). С. 94-95.
14. Руденко М. Б., Голодков Ю. Э. Искусственный интеллект как эффективный инструмент в служебной деятельности ОВД // Образование и право. 2022. № 10. С. 449-452.
15. Шавель В. В., Карнюхина Т. В. Использование искусственного интеллекта в бизнесе // Молодежная неделя науки института промышленного менеджмента, экономики и торговли: Сборник трудов всероссийской студенческой научно-учебной конференции. В 6-ти частях, Санкт-Петербург, 27 ноября 2023 года. СПб: Политех-Пресс, 2023. С. 50-53.
16. Садриева А. Ф. Применение искусственного интеллекта в обеспечении безопасности информационных систем // Экономика. Общество. Человек. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2023. С. 301-304.
1. Perkov A. A. Issledovanie opasny`x situacij, vznikayushhix v deyatel`nosti sotrudnikov Gosavtoinspekicii // Sovershenstvovanie professional`noj podgotovki psixologov dlya podrazdelenij organov vnutrennix del. M.: MosUniver MVD Rosii im. V.Ya. Kikotya, 2020. S. 341-345.
2. Silakova M. N. Mozhet li iskusstvenny`j intellekt by`t` sub``ektom pravonarusheniya? // Pravo, obshhestvo, gosudarstvo: problemy` teorii i istorii. M.: RUDN, 2020. S. 211-215.
3. Gus`kova A. B., Kalimullin N. R. Sovremenny`e ugrozy` obshhestvu s vnedreniem iskusstvennogo intellekta // Aktual`ny`e problemy` prava i gosudarstva v XXI veke. 2020. T. 12, № 1. S. 275-281.
4. Aspekty` primeneniya iskusstvennogo intellekta v sfere texnicheskogo obespecheniya vojsk Rossijskoj Federacii v sovremenny`x usloviyax / G. A. Ryabov, O. I. Pantyuxin, B. V. Soloduxin, A. A. Yudin // Problemy` texnicheskogo obespecheniya vojsk v sovremenny`x usloviyax: Trudy` VI mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii,

Sankt-Peterburg, 02 maya 2021 goda. SPb: «Voennaya akademiya svyazi imeni marshala sovetского soyuza S. M. Budennogo» Minobr Rossii, 2021. S. 65-69.

5. Kornilov A. A. Problemy` ispol`zovaniya iskusstvennogo intellekta v deyatel`nosti organov vnutrennix del // Informacionny`e tekhnologii v deyatel`nosti organov vnutrennix del: materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 13 oktyabrya 2022 goda. M.: MosUniver MVD Rossii im. V.Ya. Kikotya, 2022. S. 195-197.

6. Komlina E. E. Iskusstvenny`j intellekt v organax ispolnitel`noj vlasti // Politicheskie, e`konomicheskie i sociokul`turny`e aspekty` regional`nogo upravleniya na Evropejskom Severe: materialy` XVI Vserossijskoj nauchnoj konferencii (s mezhdunarodny`m uchastiem), Sy`kty`vkar, 26–28 aprelya 2023 goda. Sy`kty`vkar: Komi respublikanskaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby` i upravleniya, 2023. S. 241-243.

7. Pavlyukova E. Voprosy` avtorsko-pravovoj ohrany` proizvedenij, sozdanny`x iskusstvenny`m intellektom // Pravovaya zashhita intellektual`noj sobstvennosti: problemy` teorii i praktiki: Sbornik nauchny`x trudov IX Mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma (IP Forum), Moskva, 12–13 fevralya 2021 goda. Tom 2. M.: MGYuA, 2021. S. 253-255.

8. Kuz`menko R. V., Sukachev A. I. Problemy` iskusstvennogo intellekta // Aktual`ny`e problemy` e`konomiki, menedzhmenta, prava i informacionny`x tekhnologij: teoriya i praktika: Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Voronezh, 26 yanvarya 2024 goda. Voronezh: Izdatel`sko-poligraficheskij centr «Nauchnaya kniga», 2024. S. 99-104.

9. Rubczova E. V., Zhdanova E. V. Ispol`zovanie iskusstvennogo intellekta v rabote uchastkovogo vracha terapevta // Kongress «Chelovek i lekarstvo. URAL - 2021». Tyumen`: RICz «Ajveks», 2021. S. 86-87.

10. Shorina D. A. Ispol`zovanie iskusstvennogo intellekta v rassledovanii ugolovny`x del // Tradicii i novacii v sisteme sovremennogo rossijskogo prava: Materialy` XX Mezhdunarodnoj konferencii molody`x ucheny`x. V 3-x tomax, Moskva, 09–10 aprelya 2021 goda. Tom 3. M.: MGYuA, 2021. S. 242-244.

11. Vozmozhnosti primeneniya iskusstvennogo intellekta v gosudarstvennom upravlenii i yuridicheskie e`kspertizy` / E`. V. Talapina, V. N. Yuzhakov, A. A. Efremov, I. A. Cheresheva. M.: Izdatel`skij dom «Delo» RANXiGS, 2022. 190 s.

12. Adzhieva A. T. Kak izbezhat` poteri kontrolya nad iskusstvenny`m intellektom // Tradicii i novacii v sisteme sovremennogo rossijskogo prava. M.: MGYuA, 2024. S. 168-169.

13. Loginova T. A. Primenenie iskusstvennogo intellekta i (ili) nejronny`x setej v kadaastrovoj deyatel`nosti // Kadastr nedvizhimosti. 2024. № 2(75). S. 94-95.

14. Rudenko M. B., Golodkov Yu. E`. Iskusstvenny`j intellekt kak e`ffektivny`j instrument v sluzhebnoj deyatel`nosti OVD // Obrazovanie i pravo. 2022. № 10. S. 449-452.

15. Shavel` V. V., Karnyuxina T. V. Ispol`zovanie iskusstvennogo intellekta v biznese // Molodezhnaya nedelya nauki instituta promy`shlennogo menedzhmenta, e`konomiki i trgovli: Sbornik trudov vserossijskoj studencheskoj nauchno-uchebnoj konferencii. V 6-ti chastyax, Sankt-Peterburg, 27 noyabrya 2023 goda. SPb: Politex-Press, 2023. S. 50-53.

16. Sadrieva A. F. Primenenie iskusstvennogo intellekta v obespechenii bezopasnosti informacionny`x sistem // E`konomika. Obshhestvo. Chelovek. Belgorod: Belgorodskij gosudarstvenny`j tekhnologicheskij universitet im. V.G. Shuxova, 2023. S. 301-304.

Информация об авторах

Владимир Петрович Шумилин. Доцент кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел, кандидат педагогических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Надежда Геннадьевна Шумилина. Доцент кафедры теории и методики начального образования, кандидат педагогических наук.

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева.
302026, Россия, г. Орёл, ул. Комсомольская, 95.

Information about the authors

Vladimir P. Shumilin. Associate Professor of the Department of Information Technologies in the Activities of Internal Affairs Bodies. Candidate of Pedagogical Sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Nadezhda G. Shumilina. Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Primary Education. Candidate of Pedagogical Sciences.

Turgenev Oryol State University.
302026, Russia, Orel, Komsomolskaya Str., 95.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В МЕХАНИЗМЕ КОНТРОЛЬНОЙ (НАДЗОРНОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Шурухнова Диана Николаевна

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия;
Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет), Москва, Россия

diana_shu@inbox.ru

Аннотация. В статье изучены особенности административной ответственности юридических лиц в контексте её цели и функций, приобретающих особое содержание с учётом специфики субъекта (юридического лица) в механизме контрольной (надзорной) деятельности. Рассмотрены некоторые функции административной ответственности юридических лиц. Отмечается особое значение предупредительной функции административной ответственности юридических лиц, что подтверждается сохраняющейся в последние годы профилактической направленностью контрольной (надзорной) деятельности. Важное содержание в рамках административной ответственности юридических лиц приобретает компенсационная функция, выражающаяся в возмещении затрат на устранение негативных последствий совершённого юридическим лицом административного правонарушения.

Ключевые слова: административная ответственность, добросовестность соблюдения обязательных требований, искусственный интеллект, робототехника, функции административной ответственности, цифровые технологии, юридическое лицо.

Для цитирования: Шурухнова Д. Н. Административная ответственность юридических лиц в механизме контрольной (надзорной) деятельности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 244–252.

ADMINISTRATIVE LIABILITY OF LEGAL ENTITIES IN THE MECHANISM OF CONTROL (SUPERVISORY) ACTIVITIES

Diana N. Shurukhnova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after Kikot,
Moscow, Russia; Bauman Moscow State Technical University (National Research
University), Moscow, Russia

diana_shu@inbox.ru

Annotation. This article examines the specifics of administrative liability of legal entities in the context of its purpose and functions, which acquire special meaning given the specific nature of the subject (legal entity) within the mechanism of control (supervisory) activities. Several functions of administrative liability of legal entities are considered. The special significance of the preventive function of administrative liability of legal entities is noted, which is confirmed by the continued preventive focus of control (supervisory) activities in recent years. The compensatory function, which involves compensating the costs of eliminating the negative consequences of an administrative offense committed by a legal

entity, is becoming increasingly important within the framework of the administrative liability of legal entities.

Keywords: administrative liability, compliance with mandatory requirements, artificial intelligence, robotics, administrative liability functions, digital technologies, legal entity.

For citation: Shuruhnova D. N. Administrative Liability of Legal Entities in the Mechanism of Control (Supervisory) Activities // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 244–252.

Одним из наиболее спорных и остро обсуждаемых вопросов в рамках института административной ответственности является вопрос о юридических лицах как субъектах административного правонарушения и, соответственно, административной ответственности.

По данным налоговых органов, на апрель 2025 года в России зарегистрировано 3 214 тыс. организаций, а их доходы составили 631,5 трлн рублей. Представленные цифры свидетельствуют о том, что юридические лица как отдельная группа субъектов права обладают колоссальными финансовыми, товарными, человеческими ресурсами, предоставляющими им, по сути, безграничные возможности. Несмотря на то что юридические лица, как правило, не находятся под прямым влиянием государства, воздействие на указанных субъектов осуществляется через правовое регулирование, а также путём осуществления контрольно-надзорной деятельности, призванной минимизировать риск причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, обусловленный нарушениями обязательных требований. В этой связи административная ответственность выступает важным механизмом, способным оказать воздействие на поведенческие и целевые установки, лежащие в основе деятельности юридических лиц.

Несмотря на существование весьма категоричных мнений о недопустимости признания юридических лиц субъектами административной ответственности, доля составов, предусматривающих такую возможность, с момента принятия КоАП РФ неуклонно растёт. Административная ответственность юридических лиц напрямую связана с контрольно-надзорной деятельностью государства, именно в рамках которой выявляются те или иные нарушения обязательных требований, выступающие основанием для привлечения к административной ответственности.

В последние десятилетия основное внимание было сосредоточено на защите прав субъектов предпринимательской деятельности. К актуальным аспектам конституционно-правовой защиты предпринимательства, сформулированным на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации, были отнесены вопросы определения пределов публично-властного воздействия на деятельность хозяйствующих субъектов и, прежде всего, на качество нормативного регулирования, условия ограничения частных прав, требования к контрольно-надзорной деятельности. Стоит упомянуть Федеральный закон от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ, в названии которого основной акцент сделан на защите прав юридических лиц при осуществлении в отношении них контрольно-надзорной деятельности. Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что, регулируя отношения в области организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля и защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, названный закон обеспечивает защиту прав указанной категории лиц, выступающих активными субъектами прежде всего в сфере предпринимательской и иной, не запрещённой законом экономической деятельности, незаконные действия (бездействие) в отношении которых при проведении проверок способны оказать существенное негативное воздействие как на деятельность самих указанных субъектов и их контрагентов, так и на экономику страны в целом.

Пандемия коронавируса в 2020 году, а вслед за ней санкционное давление на российский бизнес в 2022 году создали беспрецедентные по своей сложности условия для хозяйствующих субъектов. В этих обстоятельствах со стороны государства были приняты и реализованы решения о дополнительном снижении административной нагрузки, обусловленной контрольно-надзорной деятельностью (был введён мораторий на проверки, установлены ограничения на проведение внеплановых проверок, увеличен срок исполнения предписаний).

Следует понимать, что указанные решения принимались с учётом особых обстоятельств и не могут рассматриваться как общепринятая практика, а выступают лишь временными мерами, способными поддержать российский бизнес в сложных условиях. Презюмируя добропорядочность российских хозяйствующих субъектов, государство, выступая в защиту публичных интересов, не может исключить контрольно-надзорное воздействие на них, а необходимость обеспечения социальной справедливости требует от государства привлекать за выявленные нарушения к публичной, в том числе и административной ответственности.

Сущность административной ответственности юридических лиц с учётом специфики субъекта раскрывается через её цель и функции, которые в контексте контрольной (надзорной) деятельности приобретают особое содержание.

В научной литературе часто встречается точка зрения, согласно которой основной целью административной ответственности является наказание правонарушителя путём ограничения его прав и свобод, а также возложения на него дополнительных обязанностей. Однако этот подход не является исчерпывающим, поскольку цели административной ответственности более многообразны. В частности, к ним относятся: укрепление правопорядка и обеспечение общественной безопасности; предотвращение административных правонарушений; воспитание в духе уважения к законам и нормам общества; восстановление социальной справедливости. Указанные целеполагания в полной мере должны найти свою реализацию в рамках привлечения к административной ответственности юридических лиц.

Конкретизируя цель административной ответственности юридических лиц, профессор Б. В. Россинский отмечает необходимость понудить юридическое лицо к выполнению норм и правил, выполнение которых требует от него значительных материальных и иных затрат и противоречит его экономическим интересам [1, с. 623–624]. Такое целеполагание позволяет рассматривать административную ответственность юридических лиц как средство разрешения противоречий публичного интереса, заключающегося в недопущении в результате деятельности организации вреда охраняемым общественным отношениям, и её частного интереса, состоящего в минимизации расходов на осуществление своей деятельности в том числе путём игнорирования правил, её регламентирующих [2, с. 45–46]. В этом качестве административная ответственность юридических лиц выступает в современных условиях важным механизмом, направленным на обеспечение и охрану публичных интересов в обществе, защиту прав и свобод человека и гражданина от функционирования недобросовестных коллективных субъектов.

Цель административной ответственности конкретизируется в её функциях, к числу которых относятся регулятивная, карательная, предупредительная, компенсационная, оценочная, воспитательная, стимулирующая. Некоторые из указанных функций приобретают особое содержание применительно к юридическим лицам в рамках механизма контрольной (надзорной) деятельности.

Исследуя регулятивную функцию права, профессор Т. Н. Радько отмечает, что особенности этой функции заключаются в установлении правил поведения, в стабилизации и упорядочении общественных отношений, координации взаимодействия субъектов права. Она обращена к сознанию членов общества, которые способны воспринять правило, содержащееся в правовой норме, в качестве необходимого

и наиболее целесообразного для них варианта поведения [3, с. 131]. Регулятивная функция административной ответственности реализуется путём закрепления определённых обязанностей, которые в рамках деятельности юридических лиц трансформируются в обязательные требования. Эффективность реализации регулятивной функции административной ответственности юридических лиц коррелируется с принципом правовой определённости и ясности, предполагающем чёткость и однозначность как содержания обязательных требований, так и оснований и порядка привлечения к административной ответственности. Как следует из правовых позиций Конституционного Суда, любое административное правонарушение, как и санкции за его совершение, должны быть чётко определены в законе, причём таким образом, чтобы, исходя непосредственно из текста нормы, каждый мог предвидеть административно-правовые последствия своих действий (бездействия). В противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан (физических лиц) и их объединений (юридических лиц) от произвольного административно-юрисдикционного преследования и наказания¹ (Постановление от 16.10.2020 № 42-П).

Регулирующее воздействие осуществляется по двум сценариям – позитивному и негативному. Позитивный сценарий предполагает установление обязательных требований, которые неукоснительно соблюдаются юридическими лицами. В рамках негативного сценария предполагается установление обязательных требований, выполнение которых является объектом осуществления контрольной (надзорной) деятельности, при выявлении нарушения обязательных требований (негативный результат в рамках правового регулирования) наступает административная ответственность.

Карательная функция административной ответственности выражается в лишении определённых прав, возложении дополнительных обязанностей на юридическое лицо. Указанная функция обусловлена реализацией принципа социальной справедливости в контексте административной ответственности, предопределяющего необходимость лицу, нарушившему закон, претерпевать определённые дополнительные ограничения. Карательная функция административной ответственности прежде всего выражается в назначении и применении административного наказания, которым для юридических лиц преимущественно являются административный штраф. Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно подчёркивал, что предусмотренные законом размеры административных штрафов должны соотноситься с характером и степенью общественной опасности правонарушений и обладать разумным сдерживающим эффектом, необходимым для соблюдения находящихся под защитой административно-деликтного законодательства предписаний².

Специфика реализации карательной функции административной ответственности применительно к юридическим лицам обусловлена тем обстоятельством, что непосредственно противоправное деяние от имени (или в интересах) юридического лица совершают конкретные физические лица, а карательное воздействие осуществляется на юридическое лицо в целом, что допускает возможность оказания такого воздействия на других лиц, например осуществляющих трудовую деятельность в данном юридическом лице и не имеющих никакого отношения к содеянному.

¹ По делу о проверке конституционности части 1 статьи 8.8 Кодекса Рос. Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки М.Г. Анциновой: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2020 г. № 42-П [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, (дата обращения: 22.10.2025).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ярцевой Елены Леонидовны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 8.8 Кодекса Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 17 июля 2018 г. № 1692-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Предупредительная функция административной ответственности нашла своё нормативное закрепление в КоАП РФ. Можно с уверенностью утверждать, что предупредительное воздействие административной ответственности на субъектов осуществляется не только посредством привлечения к административной ответственности, но и одним лишь фактом закрепления в действующем законодательстве.

Применительно к контрольно-надзорной деятельности предупредительная функция административной ответственности выходит на первый план, когда основное внимание уделяется профилактической деятельности. На протяжении последних лет сохраняется тенденция к увеличению доли профилактических мероприятий и уменьшению контрольно-надзорных. Так, в связи с ведением моратория на проверки в 2022 году наблюдался стремительный рост профилактических визитов со стороны контролирующих органов, которых было проведено 560,2 тыс., что превысило число самих проверок – 339,1 тыс. [4, с. 32]. Профилактическая направленность в рамках контрольно-надзорной деятельности ведёт к большему вниманию контрольных органов к выполнению прямых задач по минимизации рисков, а не к увеличению суммы штрафа [5], в свою очередь, это способствует снижению уровня административного давления на бизнес.

Ярко выраженный характер в рамках административной ответственности юридических лиц приобретает компенсационная функция, которая заключается в компенсации тех издержек, которые государство несёт в силу совершения административного правонарушения [6, с. 183]. Указанная функция тесно связана с карательной. Наиболее очевидно компенсационная функция проявляется при назначении административного штрафа, размер которого для юридических лиц является весьма значительным. Так, по данным ФТС России в 2024 году общая сумма назначенных административных штрафов составляла 31 062 400 тыс. рублей, при этом на юридических лиц было наложено 30 178 500 тыс. [7], то есть 97,15 %. Невыполнение установленных предписаний юридическим лицом в ходе финансово-хозяйственной деятельности может приводить к катастрофическим последствиям, устранение которых требует колоссальных финансовых ресурсов и значительных временных затрат, и осуществляется подчас именно государством. Этим можно объяснить весьма значительные размеры штрафных санкций, предусмотренных для юридических лиц.

Оценочная функция административной ответственности юридических лиц в контексте контрольной (надзорной) деятельности заключается не только в оценке конкретно совершённых действий субъекта (квалификация деяния, назначение вида и размера наказания), но и в целом анализа складывающейся ситуации, а также оценки достижения общественно значимых результатов, связанных с минимизацией риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям.

В полной мере реализовать оценочную функцию административной ответственности в контексте определения степени выполнения обязательных требований в настоящее время представляется затруднительным в связи с отсутствием целостной картины количества и характера совершаемых юридическими лицами административных правонарушений. Единой системы учёта административных правонарушений и фактов привлечения к административной ответственности в России нет. В то же время стоит отметить, что закрепление с 1 августа 2025 г. обязанности органов контроля при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ обеспечить учёт и хранение документов по делам об административных правонарушениях в электронном виде в государственной информационной системе «Типовое облачное решение по автоматизации

контрольной (надзорной) деятельности»¹, как представляется, даст возможность получить более или менее целостную картину.

Собранная информация позволит оценить ситуацию по эффективности административной ответственности юридических лиц в свете обеспечения выполнения обязательных требований и на основе глубокого анализа, возможно, предложить очередной этап реформирования контрольной (надзорной) деятельности, а также административно-деликтного законодательства.

Стимулирующая функция административной ответственности юридических лиц приобрела особое значение в свете положений ст. 8 Федерального закона Российской Федерации от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ, в которых в качестве одного из принципов контрольной (надзорной) деятельности закреплено стимулирование добросовестного соблюдения обязательных требований. Федеральным законом не определены конкретные меры стимулирования добросовестности, лишь, в общем установлено, что к ним относятся мероприятия, направленные на нематериальное поощрение добросовестных контролируемых лиц для их мотивации к соблюдению обязательных требований, например присвоение публичной оценки уровня соблюдения обязательных требований.

Конкретные меры стимулирования, критерии добросовестности устанавливаются контролирующим органом с учётом особенностей определённого вида контроля (надзора)². Сложно согласиться с мнением о том, что «закрепление мер стимулирования является правом, а не обязанностью органов власти» [8, с. 35]. Нормы, закрепляющие принципы, в том числе принципы контрольной (надзорной) деятельности, носят императивный характер, следовательно, контрольные органы обязаны нормативно закрепить механизмы, обеспечивающие возможность реализации принципа стимулирования добросовестности. Такая задача была поставлена на заседании Комиссии Совета Федерации Федерального Собрания РФ по мониторингу законодательства РФ в сфере государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в РФ в рамках темы «Внедрение мер стимулирования добросовестного соблюдения обязательных требований контролируемыми лицами, а также критериев оценки добросовестности контролируемых лиц» [9].

При оценке уровня добросовестности, федеральным законом предлагается учитывать в том числе отсутствие нарушений обязательных требований в течение определённого периода времени (п. 7 ч. 7 ст. 23 ФЗ от 31.07.2020 № 248-ФЗ), то есть отсутствие фактов привлечения к административной ответственности юридического лица. Кроме того, Концепцией совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года³ предлагается в целях стимулирования добросовестного поведения возможность снижения категорий риска при соответствии критериям добросовестности, что означает, что отсутствие фактов привлечения к административной ответственности может привести к снижению периодичности проведения контрольных (надзорных) мероприятий в отношении юридического лица.

¹ Об утверждении Положения о порядке подачи (направления) документов по делам об административных правонарушениях в электронном виде и требованиях к их формату, типового положения о порядке подачи (направления) документов по делам об административных правонарушениях в электронном виде посредством регионального портала государственных и муниципальных услуг, а также о рекомендациях к формату таких документов [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 30 июня 2025 г. № 980. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области защиты прав потребителей [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 25 июня 2021 г. № 1005. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 21 декабря 2023 г. № 3745-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Современные тенденции развития административной ответственности юридических лиц в контексте контрольно-надзорной деятельности связаны с активным внедрением цифровых технологий, одни из которых позволяют выявлять факты нарушения обязательных требований, другие – трансформируют порядок привлечения к административной ответственности. Разработанные и используемые в регионах передовые практики анализируются и внедряются по всей стране.

В рамках контрольно-надзорной деятельности к числу цифровых инструментов, позволяющих осуществлять мониторинг и выявлять нарушения, относится использование робототехники, искусственного интеллекта.

Робототехника в контрольно-надзорной деятельности активно внедряется в Московском регионе. В Москве в ГИС «Открытый контроль» предусмотрена демонстрация улучшения качества городской среды благодаря работе столичных органов контроля в удобном визуальном формате «было – стало» (наглядно представлены факты демонтажа рекламы на фасадах зданий, реставрации объектов культурного наследия, сноса самостроя и др.) [10]. В Московской области реализуется проект «Невидимый надзор», в рамках которого при поступлении в Главгосстройнадзор Московской области извещения о начале строительства формируется программа проверок объекта капитального строительства, в которой сразу предусматривается проведение выездного обследования первого (подготовительного) этапа строительства, которое осуществляется с помощью квадрокоптеров, оборудованных GNSS-модулем и фотовидеокамерой высокого разрешения. Квадрокоптер производит облёт строительной площадки, фотографирует и сканирует все её элементы, формирует 3D-облако точек с координатами. Затем эти данные с помощью программного комплекса накладываются на стройгенплан проекта организации строительства, выявляются отклонения. Мероприятия проводятся без очного взаимодействия с контролируемым лицом и занимают 20 минут вместо очной проверки, которая ранее занимала 10 дней, по результатам выездного обследования оформляются протокол осмотра и акт. В случае обнаружения несоответствий контролируемому лицу в личный кабинет на региональном портале Госуслуг (РПГУ) направляется предостережение [11].

Использование искусственного интеллекта в рамках контрольно-надзорной деятельности позволяет проводить анализ большого количества данных и выявлять нарушения в автоматическом режиме. В Москве внедрён сервис «Календарь контрольных дат» в ГИС «Открытый контроль», направленные на формирование единого цифрового сервиса для информирования московского бизнес-сообщества о важнейших событиях города в том числе в сфере контрольной (надзорной) деятельности, а также своевременное оповещение контролируемых лиц о необходимости соблюдения обязательных требований и о регламентных сроках подготовки к событиям [11].

Лесной контроль Югры – система, позволяющая автоматизировать процесс дистанционного выявления лесных рубок по космическим снимкам на всей территории автономного округа с применением нейросетей.

Цифровые технологии активно внедряются в процессуальную деятельность контрольно-надзорных органов в рамках производства по делам об административных правонарушениях. Разработана и внедрена Подсистема ГИС ТОР КНД «Административное производство», являющаяся частью общей системы автоматизации процессов в государственных органах РФ, связанных с административными правонарушениями. Подсистема «Административное производство» состоит из двух модулей: «Реестр административных дел», представляющий собой учётный модуль, где пользователь может формировать «базу данных» дел об административных правонарушениях; а также «Административное производство» – процессный модуль, позволяющий осуществляться производство по делу об административном правонарушении.

Подсистема интегрирована с другими базами данных. Так, при добавлении участника производства реально осуществить его поиск из ЕГРЮЛ или из реестра субъектов ГИС ТОР КНД. После регистрации дела в системе возможно осуществление таких действий, как составление протокола о применении меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, назначение административного расследования, составление протокола по делу об административном правонарушении, передача материалов дела в другой орган и другие. Процессуальные документы при необходимости могут выгружаться в печатной форме в формате PDF.

Внедрение цифровых технологий создаёт более чёткие и ясные правила, существенно упрощает деятельность контрольно-надзорных субъектов, делает её более прозрачной и открытой. В то же время цифровые технологии не могут и не должны при осуществлении контроля (надзора), при привлечении к административной ответственности заменить должностное лицо, человека, а призваны создать более комфортные условия взаимодействия государства и хозяйствующих субъектов.

1. Россинский Б.В., Старилов Ю.Н. Административное право: Учебник. 4-е изд., пересмотр. и доп. М.: Норма, 2009. С. 623- 624.
2. Кисин В.Р. Особенности административной ответственности юридических лиц: материально-правовой и процессуальный аспекты // Административное право и процесс, 2023. № 8. 45-49 с.
3. Радько Т.Н. Теория функций права: монография. М.: Проспект. 2014. 272 с.
4. Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), все уровни муниципального контроле в Российской Федерации за 2022 год.
5. Приложение к Докладу Президенту Российской Федерации «Индекс «Административное давление 2023» // Официальный сайт Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей: <https://o.mbudsmanbiz.ru/>
6. Грешнова Г. В. Функции административной ответственности в системе функций юридической ответственности // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2020, № 1 (49). С. 183.
7. Доклад Федеральной таможенной службы о таможенном контроле, проводимом в форме таможенной проверки после выпуска товаров за 2024 год // <https://customs.gov.ru/activity/kontrol-naya-deyatel-nost-/doklad-federal-noj-tamozhennoj-sluzhby-o-tamozhennom-kontrole>
8. Новокшенов К. А., Данилов Д. В. Принцип стимулирования добросовестного соблюдения обязательных требований при проведении контрольно-надзорной деятельности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2023. Т. 8, вып. 4. С. 31-37 с.
9. Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: <http://council.gov.ru/events/news/164171/>
10. Портал Правительства Москвы «Открытый контроль»: <https://knd.mos.ru/under-control>
11. Информационно-образовательный портал: <https://monitoring.gov.ru/practice/>

1. Rossinskij B.V., Starilov Yu.N. Administrativnoe pravo: Uchebnik. 4-e izd., peresmotr. i dop. M.: Norma, 2009. S. 623- 624.
2. Kisin V.R. Osobennosti administrativnoj otvetstvennosti yuridicheskix licz: material`no-pravovoj i processual`ny`j aspekty` // Administrativnoe pravo i pro-cess, 2023. № 8. 45-49 s.
3. Rad`ko T.N. Teoriya funkcij prava: monografiya. M.: Prospekt. 2014. 272 s.
4. Svodny`j doklad o gosudarstvennom kontrole (nadzore), vse urovni munici-pal`nom kontrole v Rossijskoj Federacii za 2022 god.

5. Prilozhenie k Dokladu Prezidentu Rossijskoj Federacii «Indeks «Admini-strativnoe davlenie 2023» // Oficial`ny`j sajt Upolnomochennogo pri Prezidente RF po zashhite prav predprinimatelej: <https://o mbudsmanbiz.ru/>
6. Greshnova G. V. Funkcii administrativnoj otvetstvennosti v sisteme funkcij yuridicheskoy otvetstvennosti // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii, 2020, № 1 (49). S. 183.
7. Doklad Federal`noj tamozhennoj sluzhby` o tamozhennom kontrole, provodimom v forme tamozhennoj proverki posle vy`puska tovarov za 2024 god // <https://customs.gov.ru/activity/kontrol-naya-deyatel-nost-/doklad-federal-noj-tamozhennoj-sluzhby-o-tamozhennom-kontrole>
8. Novokshonov K. A., Danilov D. V. Princip stimulirovaniya dobrosovestnogo soblyudeniya obyazatel`ny`x trebovanij pri provedenii kontrol`no-nadzornoj deyatel`nosti // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2023. T. 8, vy`p. 4. S. 31–37 s.
9. Oficial`ny`j sajt Soveta Federacii Federal`nogo Sobraniya Rossijskoj Fe-deracii: <http://council.gov.ru/events/news/164171/>
10. Portal Pravitel`stva Moskvy` «Otkry`ty`j kontrol`»: <https://knd.mos.ru/under-control>
11. Informacionno-obrazovatel`ny`j portal: <https://monitoring.gov.ru/practice/>

Информация об авторе

Диана Николаевна Шурухнова. Профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя; доцент кафедры Безопасность в цифровом мире Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана.

117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12;
105005, Россия, Москва, 2-я Бауманская ул., 5.

Information about the author

Diana N. Shurukhnova. Professor Department of Administrative Law Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Associate Professor, Department of Security in the Digital World Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

117997, Moscow, Academician Volgina St., 12;
105005, Moscow, 2-ya Baumanskaya St., 5, 1.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.2/.7

НОВЫЕ ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫЕ ПСИХОАКТИВНЫЕ ВЕЩЕСТВА КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Адамович Вячеслав Владимирович

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

TRIGGER228@yandex.ru

Аннотация. Исследование новых потенциально опасных психоактивных веществ как предмета наркопреступлений является необходимым и актуальным, поскольку за всё время их существования правоприменительная практика по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 234¹ УК РФ, отсутствует. Автор приходит к выводу о том, что такая негативная тенденция вызвана непониманием характеристик новых потенциально опасных психоактивных веществ, детальный анализ которых позволяет обнаружить их существенное сходство с аналогами наркотических средств и психотропных веществ, указывающее на их общую правовую природу, в связи с чем предлагается включить новые потенциально опасные психоактивные вещества в содержание аналогов наркотических средств и психотропных веществ ввиду их функциональной нагрузки в качестве промежуточного звена между веществами, находящимися в легальном обороте, и наркотическими средствами, психотропными веществами.

Ключевые слова: предмет, признак, наркопреступление, Реестр, аналоги, вредность, опасность.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России доктора юридических наук, профессора Антонова А. Г.

Для цитирования: Адамович В. В. Новые потенциально опасные психоактивные вещества как предмет преступления: проблемы применения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 253–260.

NEW POTENTIALLY DANGEROUS PSYCHOACTIVE SUBSTANCES AS AN OBJECT OF CRIME: APPLICATION ISSUES

Vyacheslav V. Adamovich

Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Saint-Petersburg, Russia

TRIGGER228@yandex.ru

Annotation. The study of new potentially dangerous psychoactive substances as the subject of drug crimes is necessary and relevant, since for all the time of their existence, law enforcement practice in criminal cases of crimes provided for in art. 234.1 of the Criminal Code of the Russian Federation remains completely unformed. The author concludes that this negative trend is caused by certain problems, including those related to understanding the characteristics of new potentially dangerous psychoactive substances, a detailed analysis of which reveals their significant similarity to analogues of narcotic drugs and psychotropic substances, indicating their common legal nature.

Keywords: subject, feature, drug crime, Register, analogues, harmfulness, danger.

Gratitude: the work was made with the support of the scientific supervisor – professor of the Chair of Criminal Law of Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Science (Law), Professor Antonov A.G.

For citation: Adamovich V. V. New potentially dangerous psychoactive substances as an object of crime: application issues// Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 253–260.

В ходе расширенного заседания коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) в 2025 году Президент Российской Федерации отметил необходимость наступательного и последовательного противодействия незаконному обороту наркотиков¹, в связи с чем данное направление комплексной государственной политики по противодействию преступности продолжает оставаться актуальным и насущным вопросом. Указом Президента от 23.11.2020 № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года»² в качестве первоочередной задачи определено совершенствование нормативного правового регулирования оборота наркотиков и антинаркотической деятельности. Реализация поставленной задачи во многом зависит от правильного толкования уголовно-правовых запретов, устанавливающих ответственность за совершение наркопреступлений, определения их характеристик, в том числе связанных с предметом преступления. Важность исследования предмета наркопреступлений обусловлена его статусом криминообразующего признака, установление которого является обязательным для правоприменителя, ввиду чего выявление и решение проблем, связанных с предметом наркопреступлений, на наш взгляд, позволит придать правоприменительной практике устойчивый и единообразный характер.

В доктрине уголовного права существуют различные подходы к пониманию предмета преступления, однако наиболее универсальным представляется его определение как предусмотренного уголовным законом материального или нематериального явления, путём воздействия на которое причиняется вред или создаётся угроза его причинения объекту [1, с. 173].

С модернизацией общественных отношений происходило динамичное развитие норм, устанавливающих уголовную ответственность за совершение наркопреступлений, в связи с чем перечень веществ, оборотоспособность которых ограничивалась, постепенно расширялся. Наряду с распространением наркотических средств и психотропных веществ социальный масштаб приобрёл процесс немедицинского употребления новых веществ, ранее не находившихся в незаконном обороте, а потому формально не являющихся запрещёнными к обороту, но при этом обладающих потенциальной возможностью негативного воздействия на центральную нервную систему человека, способностью вызывать опасное для жизни и здоровья состояние, психическую и физическую зависимость, в связи с чем потребовалось государственное вмешательство [2, с. 152].

Результатом такого вмешательства стало дополнение в 2015 году системы наркопреступлений новой нормой, предусмотренной ст. 234¹ Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)³, устанавливающей уголовную ответственность за противоправный оборот таких веществ, что обусловило выделение новых потенциально опасных психо-

¹ Расширенное заседание коллегии МВД [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76408> (дата обращения: 02.06.2025)

² Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

активных веществ (далее – НПОПВ) в качестве самостоятельного предмета преступления¹. Ожидаемым эффектом криминализации действий с НПОПВ должно было стать снижение их бесконтрольного употребления, а также минимизация рисков причинения вреда общественным отношениям в сфере охраны здоровья населения. Так, отмечая правильность решения законодателя, Е. П. Новикова пишет о повышенной общественной опасности НПОПВ, которая достигается за счёт отсутствия точной информации о химическом составе НПОПВ, образующих их компонентах, что, в свою очередь, приводит к существенному возрастанию риска причинения вреда здоровью человека [3, с. 221].

М. К. Кумышева, акцентируя внимание на признаке новизны таких веществ, указывает, что такие вещества являются новыми ввиду их прошлой не востребоваемости в качестве предмета незаконного оборота, в связи с чем увеличение масштаба их потребления стало приводить к наступлению к социально значимых последствий [2, с. 152].

Э. Н. Жевлаков, в свою очередь, задаёт вопрос о том, что в случае если рассматриваемые вещества являются «новыми», значит, есть какие-то «старые», отвечая на который, приходит к выводу, согласно которому «старыми» являются вещества, включённые в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в РФ (далее – Перечень), а «новыми» – включённые в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в РФ запрещён (далее – Реестр) [4, с. 107].

Отсюда видна двойственность нормативного правового регулирования веществ, оказывающих психоактивное воздействие на организм человека, и отличие формально-юридического признака предмета наркопреступлений.

Однако, несмотря на введение нового уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 234¹ УК РФ, и наличие обширной правоприменительной практики по уголовным делам с предметом преступления в виде наркотических средств и психотропных веществ, ожидаемый результат достигнут не был. Так, согласно данным ГИАЦ МВД России, за январь-декабрь 2024 года было зарегистрировано 198 043 преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, наркосодержащих растений, НПОПВ, при этом за рассматриваемый период зарегистрированные преступления по ст. 234¹ УК РФ отсутствуют². Такая негативная тенденция применения нормы, предусмотренной ст. 234¹ УК РФ, не является новой и сохраняется на протяжении всего периода её существования начиная с 2015 года и заканчивая настоящим моментом. Всё это вызывает закономерный и логичный вопрос относительно целесообразности выделения НПОПВ в качестве самостоятельного предмета преступления и свидетельствует о непонимании правоприменителями его сущности. Для разрешения поставленного вопроса следует определить признаки НПОПВ в целях решения проблем, препятствующих оптимизации правоприменительной практики.

Понятие НПОПВ законодательно закреплено в Федеральном законе Российской Федерации от 08.01.1998 № 3 «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – ФЗ от 08.01.1998 № 3), что было необходимо для обеспечения единообразного понимания одного из ключевых элементов нормы, предусмотренной ст. 234¹ УК РФ, в связи с чем ими являются «вещества синтетического или естественного происхождения, включённые в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещён»³. Исходя из указанного определения

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 3 февраля 2015 г. № 7-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 04.06.2025).

³ О наркотических средствах и психотропных веществах [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

можно сформулировать ряд признаков НПОПВ, к которым относятся физический и формально-юридический признаки.

Физический признак НПОПВ заключается в том, что они представляют собой предмет материального мира, наделённый конкретными свойствами, что позволяет обозначить их в качестве веществ синтетического или естественного происхождения. В связи с этим рассматриваемый признак посредством утверждения физического бытия таких веществ как объектов приобретает особую значимость в связи с тем, что конкретизирует круг действий, которые совершаются с НПОПВ, а также устанавливает определённые качественные (агрегатное состояние, химический состав и т. д.) и количественные (размер) характеристики таких веществ [5, с. 71].

При этом количественный параметр физического признака НПОПВ не учтён в полном объёме, поскольку не предусмотрен порядок определения размеров таких веществ, следствием чего является гомогенность уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 234¹ УК РФ, выраженная в отсутствии дифференциации уголовной ответственности в зависимости от размера НПОПВ. Такой законодательный изъян порождает существенные проблемы в части определения общественной опасности действий с рассматриваемым предметом преступления, поскольку размер таких веществ находится в прямой взаимосвязи от масштаба вреда общественным отношениям в сфере охраны здоровья населения, в связи с чем с возрастанием размера НПОПВ увеличивается масштаб потенциального вреда, который может быть причинён охраняемым уголовным законом общественным отношениям, а значит, существенно возрастает и общественная опасность совершаемого деяния.

Формально-юридический признак НПОПВ заключается в том, что они приобретают юридический статус таковых только после включения их в Реестр.

На сегодняшний день формально ни одно из существующих веществ не наделено правовым статусом НПОПВ, что обусловлено отсутствием Реестра как такового. Данный правовой изъян, приводящий к невозможности применения уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 234¹ УК РФ, возник в связи с проводимой в России реорганизацией системы государственных органов, заключающейся в ликвидации как самостоятельного органа исполнительной власти Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Российской Федерации (далее – ФСКН России) и возложении её функций на МВД России, которым до настоящего момента не урегулирован законодательно вопрос о порядке формирования и ведения Реестра. Отраслевой Приказ ФСКН России от 19.02.2015 № 69 «Об утверждении Порядка формирования и содержания Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в РФ запрещён» определял законодательное регулирование процедуры формирования и ведения Реестра, корреспондирующее с ФЗ от 08.01.1998 № 3, однако утратил свою актуальность вместе с ликвидацией службы, в связи с чем вопрос относительно процедуры наделения соответствующих веществ правовым статусом НПОПВ стоит достаточно остро. ФЗ от 08.01.1998 № 3 в ч. 1 ст. 2.2 указывает, что в Реестр должны быть включены вещества, в отношении которых не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом. Следует отметить наличие определённых проблем в части установления таких мер и требований в отношении НПОПВ, связанных с законодательной неурегулированностью процедуры их установления, отсутствием государственного органа, к ведению которого может быть отнесено принятие соответствующего решения. В связи с указанным обстоятельством возникает существенное препятствие для дальнейшего изменения правового статуса НПОПВ после включения их в Реестр, в связи с чем даже принятие нормативного документа, регулирующего порядок создания и ведения такого Реестра, не способно решить в полной мере существующие правоприменительные проблемы, поскольку замораживание соответствующих веществ в Реестре лишает законодательство гибкости и противоречит исходной идее законодателя, выраженной в ч. 10 ст. 2.2 ФЗ РФ от 08.01.1998 № 3.

ФЗ РФ от 08.01.1998 № 3 в ч. 1 ст. 2.2 указывает, что в Реестр должны быть включены вещества, в отношении которых не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом. Следует отметить наличие определенных проблем в части установления таких мер и требований в отношении НПОПВ, связанных с законодательной неурегулированностью процедуры их установления, отсутствием государственного органа, к ведению которого может быть отнесено принятие соответствующего решения. В связи с указанным обстоятельством возникает существенное препятствие для дальнейшего изменения правового статуса НПОПВ после включения их в Реестр, в связи с чем даже принятие нормативного документа, регулирующего порядок создания и ведения такого Реестра, не способно решить в полной мере существующие правоприменительные проблемы, поскольку замораживание соответствующих веществ в Реестре лишает законодательство гибкости и противоречит исходной идее законодателя, выраженной в ч. 10 ст. 2.2 ФЗ от 08.01.1998 № 3.

Сама идея заключается в том, что правовой статус веществ в качестве НПОПВ не является постоянным и вечным, а ограничен во времени двухлетним периодом с момента внесения вещества в Реестр. В связи с этим прослеживается роль НПОПВ как опосредующего звена между веществами, оборот которых является свободным и веществами, оборот которых запрещён (наркотические средства, психотропные вещества).

Аналоги наркотических средств и психотропных веществ неслучайно в данном контексте не были включены в группу веществ, запрещённых в гражданском обороте, поскольку они также представляют собой промежуточное звено между вышеуказанными группами веществ, что свидетельствует об их существенном функциональном сходстве с НПОПВ, которое позволяет придать законодательству в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, НПОПВ достаточно динамичный характер, позволяя ему подстраиваться под меняющуюся окружающую действительность.

Это также отмечает Е. Н. Бархатова, говоря, что идея ведения Реестра заключалась в том, что процедура дополнения соответствующего Перечня наркотических средств и психотропных веществ была слишком длительной, а меры государственного реагирования были необходимы, в связи с чем Реестр был призван служить временным пунктом для таких веществ с момента их обнаружения и до момента внесения их в соответствующий Перечень [6, с. 59].

По истечении срока нахождения НПОПВ в Реестре они утрачивают свой правовой статус в качестве таковых и переходят либо в разряд подконтрольных веществ после установления в отношении них санитарно-эпидемиологических требований, мер контроля либо в категорию веществ, свободный гражданский оборот которых разрешён, поскольку ограничений на такой вариант принятия решения в законе не содержится [7, с. 7]. Легализация оборота НПОПВ маловероятна, поскольку решение об их включении в Реестр принималось на основании соответствующих данных о потенциальной возможности таких веществ причинять вред здоровью человека, а также о социальной значимости их немедицинского потребления. В связи с этим такие вещества, вероятно, вносятся в соответствующий Перечень и становятся наркотическими средствами или психотропными веществами, что в полной мере отвечает функциональному предназначению НПОПВ.

Содержание медицинского признака НПОПВ можно раскрыть в соответствии с нормой, предусмотренной ч. 1 ст. 2.2 ФЗ от 08.01.1998 № 3, как наличие у таких веществ возможности вызвать у человека состояние наркотического или токсического опьянения, опасного для его жизни и здоровья. Действия с НПОПВ признаются общественно опасными именно за счёт их медицинского признака, наличие которого и вызывает потребность ограничения их свободного оборота со стороны государства, в связи с чем вредные медицинские свойства рассматриваемых веществ создают угрозу наступления более тяжких последствий социального характера, выраженных в росте наркомании в обществе, повышении уровня преступности, смертности среди населения и т. д.

Особое внимание обращает на себя состояние наркотического опьянения, которое способны вызвать НПОПВ в результате их употребления. Сама категория «наркотическое опьянение» является достаточно неопределённой, поскольку отраслевое законодательство не позволяет сделать однозначный вывод о том, употребление каких веществ вызывает это состояние [8, с. 29].

В науке уголовного права существует позиция, согласно которой наркотическим опьянением признается опьянение, вызванное употреблением наркотических средств и психотропных веществ [9, с. 100]. В таком случае возникает вопрос о том, каким образом НПОПВ способны вызвать состояние наркотического опьянения, в случае если они не являются ни наркотическими средствами, ни психотропными веществами. Отсюда можно сделать вывод, что использование в определении НПОПВ понятия «наркотическое опьянение» приводит к сближению рассматриваемых веществ с наркотическими средствами и психотропными веществами и, что наиболее важно, – с их аналогами, воспроизводящими психоактивное воздействие последних, в связи с чем также способными вызвать состояние «наркотического опьянения».

Состояние токсического опьянения, которое также указано в определении НПОПВ, соответственно, связано с употреблением веществ, которые не являются наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами.

Кроме того, для признания действий с НПОПВ общественно опасными законодатель указывает в ч. 5 ст. 2.2 ФЗ от 08.01.1998 № 3, что опасность их употребления должна быть установлена сведениями о потреблении НПОПВ, которые подтверждаются результатами медицинского освидетельствования. Эти действия предшествуют включению вещества в Реестр. Однако данное положение также является достаточно проблемным, на что обращали внимание учёные-правоведы. Так, в химико-токсикологических лабораториях исследование проводится исключительно на предмет установления состояния опьянения, возникшего в результате употребления конкретного вещества, однако опасность для жизни или здоровья конкретного вещества невозможно определить посредством производства освидетельствования, в связи с чем необходимо производство экспертизы [10, с. 28].

П. Н. Кобец также полагает, что для внесения НПОПВ в Реестр следует ориентироваться не только на факты их потребления, но и на факты их изъятия, подтверждённые заключениями экспертно-криминалистических подразделений [11, с. 7]. Признание общественной опасности действий с НПОПВ по результатам производства судебной экспертизы существенно сближает их с аналогами наркотических средств и психотропных веществ, общественная опасность которых устанавливается таким же образом, в связи с чем имеются веские основания говорить об их тождестве.

Наличие формальной особенности в виде ведения Реестра, включение вещества в который придаёт последнему статус НПОПВ некоторым учёным-правоведам видится бюрократическим препятствием, мешающим эффективной правоприменительной деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с наркопреступлениями, в связи с чем в качестве решения они видят отказ от ведения такого Реестра [6, с. 60]. Однако такой подход к решению проблемы приведёт к полному слиянию НПОПВ с аналогами наркотических средств и психотропных веществ, в результате которого первые будут поглощены последними. Рассмотрение признаков НПОПВ позволяет утверждать, что в случае сопоставления их с аналогами наркотических средств и психотропных веществ и выявления их сущности речь идёт об одном и том же предмете преступления, обладающего функциональным значением того самого «временного пункта» на время производства процедуры о помещении соответствующих веществ в Перечень, целью которого является охрана общественных отношений в сфере здоровья населения уголовно-правовыми средствами.

Таким образом, НПОПВ и аналоги наркотических средств, психотропных веществ имеют следующие общие признаки: медицинский признак рассматриваемых ве-

ществ выражается в их потенциальной возможности вызвать у человека опасное для жизни и здоровья состояние; их физический признак определяет такие вещества как материальные предметы синтетического или естественного происхождения, находящие своё бытие в окружающем мире; функциональное предназначение таких веществ как промежуточных звеньев между веществами, находящимися в свободном гражданском обороте, и веществами с правовым статусом наркотических средств и психотропных веществ, указывает на единые цели их введения в уголовный закон. Отличия таких веществ имеют формальный характер – нормативная закреплённость таких веществ различна, поскольку НПОПВ должны быть помещены в Реестр, а такое требование к аналогам, в свою очередь, не предъявляется.

С учётом того что законодатель и правоприменительная практика уже пошли по пути отождествления аналогов наркотических средств и психотропных веществ и НПОПВ как предметов наркопреступлений, о чём свидетельствует отсутствие уголовных дел с предметом преступления в виде НПОПВ, их временный характер, сходная процедура определения общественной опасности, единая отраслевая нормативная правовая основа, необходимо отказаться от ведения Реестра НПОПВ как препятствия для оптимизации правоприменительной практики, устранив таким образом потребность в самостоятельном регулировании НПОПВ в качестве предмета преступления, включив их в содержание аналоги, поскольку НПОПВ и аналоги наркотических средств, психотропных веществ по сути представляют собой один и тот же предмет преступления.

1. Диалектика общего, особенного и единичного в праве: теоретико-правовые и философско-правовые аспекты: монография / под ред. Е. А. Куликова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 250 с.
2. Кумышева М. К. Правовое регулирование запрета на оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 3. С. 152–153.
3. Новикова Е. П. Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ: состояние и тенденции // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 4. С. 220–223.
4. Жевлаков Э. Н. Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ (комментарий к ст. 234.1 УК РФ) // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 7. С. 104–111.
5. Николаева Н. И. Правовые признаки наркотических средств и психотропных веществ // Modern Science. 2022. № 12-1. С. 69–74.
6. Бархатова Е. Н. Категория «новые потенциально опасные психоактивные вещества» в уголовном праве России // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09–10 июня 2023 года. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2023. С. 58–61.
7. Федоров А. В. Вопросы криминализации и квалификации оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ // Антинаркотическая безопасность. 2016. № 1(6). С. 5–14.
8. Цуканов Н. Н., Железняк Н. С. Наркотическое опьянение: особенности административно-правового значения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 3(32). С. 28–32.
9. Клевцов В. В., Бадиков Д. А. Особенности назначения и производства экспертиз по признанию веществ новыми потенциально опасными психоактивными веществами // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. № 2(7). С. 98–101.
10. Лихолетов А. А., Решняк О. А. Противодействие новым потенциально опасным психоактивным веществам: проблемы правоприменения // Наркоконтроль. 2015. № 2. С. 26–30.

11. Кобец П. Н. Совершенствование законодательства, регулирующего оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы: материалы международной научно-практической конференции, Вологда, 28 июня 2017 года / Научный центр «Диспут», 2017. С. 7–8.

1. Dialektika obshhego, osobennogo i edinichnogo v prave: teoretiko-pravovye i filosofsko-pravovye aspekty: monografiya / pod red. E. A. Kulikova. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2020. 250 s.

2. Kумыsheva M. K. Pravovoe regulirovanie zapreta na oborot novyx potencial'no opasnyx psixoaktivnyx veshhestv // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2019. № 3. S. 152–153.

3. Novikova E. P. Nezakonnyj oborot novyx potencial'no opasnyx psixoaktivnyx veshhestv: sostoyanie i tendencii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 4. S. 220–223.

4. Zhevlakov E. N. Nezakonnyj oborot novyx potencial'no opasnyx psixoaktivnyx veshhestv (kommentarij k st. 234.1 UK RF) // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2015. № 7. S. 104–111.

5. Nikolaeva N. I. Pravovye priznaki narkoticheskix sredstv i psixotropnyx veshhestv // Modern Science. 2022. № 12-1. S. 69–74.

6. Barxatova E. N. Kategoriya «novye potencial'no opasnye psixoaktivnye veshhestva» v уголовном праве России // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной международно-научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09–10 июня 2023 года. Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2023. S. 58–61.

7. Fedorov A. V. Voprosy kriminalizacii i kvalifikacii oborota novyx potencial'no opasnyx psixoaktivnyx veshhestv // Antinarkoticheskaya bezopasnost'. 2016. № 1(6). S. 5–14.

8. Czukanov N. N., Zheleznyak N. S. Narkoticheskoe opyanenie: osobennosti administrativno-pravovogo znacheniya // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 3(32). S. 28–32.

9. Klevczov V. V., Badikov D. A. Osobennosti naznacheniya i proizvodstva ekspertiz po priznaniyu veshhestv novymi potencial'no opasnymi psixoaktivnymi veshhestvami // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. 2016. № 2(7). S. 98–101.

10. Lixoletov A. A., Reshnyak O. A. Protivodejstvie novym potencial'no opasnym psixoaktivnym veshhestvam: problemy pravoprimeneniya // Narkokontrol'. 2015. № 2. S. 26–30.

11. Kobecz P. N. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva, reguliruyushhego oborot novyx potencial'no opasnyx psixoaktivnyx veshhestv // Nauka segodnya: fakty, tendencii, prognozy: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Vologda, 28 iyunya 2017 goda / Nauchnyj centr «Disput», 2017. S. 7–8.

Информация об авторе

Вячеслав Владимирович Адамович. Адъюнкт.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, 1.

Information about the author

Vyacheslav V. Adamovich. Adjunct.
Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia.
198206, Russia, Saint-Petersburg, Letchika Pilutova Str., 1.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 15.12.2025.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА

Азаренкова Елена Андреевна¹, Ивлев Константин Александрович²
^{1,2}Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹elenazarenkova@mail.ru

²konstantin_ivlev_0109@mail.ru

Аннотация. В статье приводится уголовно-правовая характеристика нормы, устанавливающей уголовную ответственность за реабилитацию нацизма в российском законодательстве. Исследование актуализировано в свете 80-летия Победы в Великой Отечественной войне и современных вызовов информационного общества. На основе изучения нормативной базы, доктринальных источников и актуальной судебной практики рассмотрены проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 354.1 УК РФ. Особое внимание уделено проблемам определения момента окончания преступления, определению «публичности» как обязательного признака объективной стороны, а также субъективным характеристикам деяния.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, публичное отрицание, дни воинской славы, уголовная ответственность, субъективная сторона, Нюрнбергский трибунал, информационно-телекоммуникационная сеть.

Для цитирования: Азаренкова Е. А., Ивлев К. А. Особенности уголовной ответственности за реабилитацию нацизма // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. №. 4(105). С. 261–268.

FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE REHABILITATION OF NAZISM

Elena An. Azarenkova¹, Konstantin Al. Ivlev²

^{1,2}Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia

¹elenazarenkova@mail.ru

²konstantin_ivlev_0109@mail.ru

Annotation. The article provides a criminal law analysis of the norm establishing criminal liability for the rehabilitation of Nazism in Russian legislation. The study is relevant in light of the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War and the current challenges of the information society. Based on the study of the regulatory framework, doctrinal sources, and current judicial practice, the article examines the problems of qualifying crimes under Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is given to the issues of determining the moment of completion of the crime, defining "publicity" as a mandatory feature of the objective side, and the subjective characteristics of the act.

Keywords: rehabilitation of Nazism, public denial, days of military glory, criminal liability, subjective aspect, Nuremberg Tribunal, information and telecommunication network.

For citation: Azarenkova E. A., Ivlev K. A. Features of criminal liability for the rehabilitation of Nazism // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 261–268.

В условиях усиливающейся тенденции к пересмотру итогов Второй мировой войны и попыток оправдания нацизма вопросы уголовно-правового противодействия данным явлениям приобретают особую актуальность. Как отметил на расширенном заседании коллегии МВД России 1 марта 2025 года Президент РФ В. В. Путин: «Мы не должны допустить искажения исторической правды, особенно в преддверии священной для нашего народа даты – 80-летия Победы. Попытки реабилитации нацизма, какую бы форму они ни принимали, должны получать жёсткий и незамедлительный правовой ответ»¹.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году число осуждённых по ст. 354.1 УК РФ возросло на 27 % по сравнению с 2023 годом². Генеральная прокуратура РФ в своём докладе о состоянии законности и правопорядка отмечает увеличение на 32 % количества выявленных фактов публичной реабилитации нацизма в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Особую тревогу вызывает проникновение данных идей в молодёжную среду: по статистике МВД России, более 60 % лиц, привлекаемых к ответственности за реабилитацию нацизма, – молодые люди в возрасте до 35 лет³.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 354.1 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие мир и безопасность человечества, сохранение исторической правды о роли СССР во Второй мировой войне и уважительное отношение к памятным датам и защитникам Отечества. Данный объект интегрирует международно-правовые ценности и национальные интересы России. Дополнительным объектом выступает общественная нравственность [1, с. 824]. Предметом преступления служат: факты Нюрнбергского трибунала; сведения о деятельности СССР в военный период; информация о днях воинской славы; символы воинской славы.

Объективная сторона ч. 1 ст. 354.1 УК РФ выражается в следующих альтернативных действиях: отрицание фактов Нюрнбергского трибунала; одобрение установленных им преступлений; распространение ложных сведений о деятельности СССР; [2, с. 667], в ч. 3 ст. 354.1 УК РФ – распространение неуважительной информации о днях воинской славы; осквернение символов воинской славы; оскорбление памяти защитников Отечества; унижение чести ветеранов ВОВ [3, с. 1057]. Обязательным признаком состава является публичность деяния [4, с. 739]. Судебная практика определяет её как действия, совершаемые в присутствии других лиц или при условии доступности информации неопределённому кругу лиц⁴.

Особую актуальность в современных условиях приобретает вопрос о публичности деяний, совершаемых в информационно-телекоммуникационных сетях. Страница в социальной сети, находящаяся в открытом доступе, безусловно, признаётся площадкой для публичного распространения информации. Так, например, в приговоре Калужского областного суда указано, что преднамеренный характер действий обвиняемого подтверждается способом размещения, обеспечивавшим свободный доступ к контенту для неограниченного круга интернет-пользователей⁵.

¹ Выступление Президента Рос. Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии МВД России 1 марта 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events> (дата обращения: 10.04.2025).

² Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.04.2025).

³ Доклад Генерального прокурора Рос. Федерации о состоянии законности и правопорядка за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 10.04.2025).

⁴ Приговор Ленинградского областного суда от 20.12.2023 по делу № 2-51/2023 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/kc0B5vtrsRQn/> (дата обращения 02.10.2025).

⁵ Приговор Калужского областного суда № 2-14/2017 УК-2-14/2017 от 16 ноября 2017 г. по делу № 2-14/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/z1JyiOCqwZm/> (дата обращения 02.10.2025).

Использование информационно-телекоммуникационных технологий, согласно ч. 2 и ч. 4 ст. 354.1 УК РФ, выступает квалифицирующим признаком и влечёт более строгое наказание. При этом судебная практика относит к данному способу размещение информации на страницах в социальных сетях, мессенджерах и иных интернет-площадках. Например, Верховный Суд Чувашской Республики указал, что подсудимая, применив собственное электронное устройство с выходом в глобальную сеть, после обнаружения и изучения видеоматериала опубликовала его на своём общедоступном профиле с намерением подвергнуть сомнению исторически доказанный факт геноцида еврейского населения в период нацистского режима в Германии¹.

Принципиальное значение при квалификации деяний, запрещённых ст. 354.1 УК РФ, имеет определение момента окончания преступления. Так, в приговоре Ленинградского областного суда отмечено, что состав преступления по ст. 354.1 УК РФ является формальным и считается юридически завершённым в момент фактического осуществления действий по реабилитации нацизма, вне зависимости от возникновения каких-либо последствий этих действий². Немаловажное значение при совершении подобного деяния с использованием сети Интернет имеет даже не день размещения файлов, а последний установленный судом день хранения информации, например на странице в социальной сети. Так, Калужский областной суд при определении момента юридического завершения противоправных действий руководствовался не датой первоначальной публикации противоправных материалов (1 марта 2017 года), а финальным днём их доступности для общественного просмотра, который был процессуально установлен как 27 декабря 2016 года³. Данный подход имеет существенное значение для решения вопросов о давности привлечения к уголовной ответственности.

Часто возникают сложности при разграничении оконченного состава преступления и покушения на него. При совершении схожих действий в одних случаях деяние расценивается как покушение, а в других – как завершённое преступление. К примеру, в ходе проведения патриотической акции «Бессмертный полк онлайн» гражданин ФИО1 предпринял попытку опубликовать фотографию А. Гитлера для всеобщего обозрения. Однако попытка не удалась, так как заявка с данным изображением была заблокирована и не была предана широкой огласке, то есть по причинам, не зависящим от воли субъекта преступления. Данное деяние квалифицировали по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 354.1 УК РФ⁴. Схожее дело демонстрирует, что заявка с изображением А. Гитлера для участия в акции «Бессмертный полк онлайн» была оперативно заблокирована, не была представлена для всеобщего обозрения в сети Интернет, следовательно, преступление не было доведено до конца по не зависящим от виновного обстоятельствам⁵.

Однако в другом случае суд квалифицировал действия лица как оконченное преступление. Гражданин ФИО2, отправляя заявку с изображением А. Гитлера для участия в акции, выразил своё положительное отношение к его деятельности. ФИО2 совершил все необходимые действия, формирующие объективную сторону преступления⁶. Несмотря на последующую блокировку, заявка была доступна для просмотра модерато-

¹ Приговор Верховного Суда Чувашской Республики от 13.02.2024 по делу № 2-02/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6px3JGgvc9Wx/> (дата обращения 02.10.2025).

² Приговор Ленинградского областного суда от 20.12.2023 по делу № 2-51/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kc0B5vtrsRQn/> (дата обращения 02.10.2025).

³ Приговор Калужского областного суда от 14.08.2017 по делу № УК-2-9/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JatA6ewaa5Qq/> (дата обращения 02.10.2025).

⁴ Приговор Кемеровского областного суда № 2-35/2020 от 28 декабря 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mi8XrcUaUeQc/> (дата обращения 02.10.2025).

⁵ Приговор Верховного Суда Республики Татарстан № 2-25/2020 от 2 декабря 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/flIWatwqR65R/> (дата обращения 02.10.2025).

⁶ Приговор Воронежского областного суда № 2-15/2021 от 26 мая 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/rsQI2JWpBcmX/> (дата обращения 02.10.2025).

рам и другим организаторам проекта, что указывает на публичный характер действий подсудимого. Последующее удаление заявки не влияет на квалификацию действий как оконченного [5, с. 159–160] преступления, равно как и количество лиц, которым эта заявка была доступна для просмотра.

Субъект преступления общий. Как показал анализ судебной практики, среди лиц, привлекаемых к ответственности по ст. 354.1 УК РФ, значительную долю составляют молодые люди, активно использующие социальные сети.

С субъективной стороны, состав преступления предполагает осведомлённость лица о содержании приговора Международного военного трибунала в отношении главных военных преступников европейских стран оси, известного также как Нюрнбергский трибунал. Так, иногда сам факт получения среднего образования рассматривается судами как доказательство знания исторических фактов, связанных с преступлениями нацистского режима и Второй мировой войной [6, с. 114]. Применительно к распространению заведомо ложных сведений виновным должен осознаваться факт их несоответствия действительности [7, с. 753].

Заслуживает внимания вопрос о мотивах и целях совершения преступления. Хотя они не являются обязательными признаками состава, их установление имеет значение для индивидуализации наказания.

Так, в приговоре Ленинградского областного суда отмечается: подсудимый, руководствуясь мотивом привлечения общественного внимания к проблеме человеческих жертв в зоне конфликта, использовал строительный маркер для изображения запрещённой нацистской символики на объектах мемориального значения¹. При этом суд признал, что именно желание привлечь внимание к своей позиции относительно специальной военной операции свидетельствовало о наличии у подсудимого прямого умысла на реабилитацию нацизма. В судебной практике для установления умысла оценивается совокупность объективных обстоятельств: содержание размещённой информации, способ её представления, наличие комментариев автора, выражающих его отношение к публикуемым материалам, преднамеренный выбор времени публикации (например, канун Дня Победы).

Показательным является дело ФИО7, в котором, согласно материалам приговора Верховного Суда Чувашской Республики, виновная не просто разместила видеозапись, отрицающую факт Холокоста, но и снабдила её своим комментарием: «Документ, который действительно рассказывает правду», что свидетельствовало о её солидарности с содержанием материала и прямом умысле на отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала².

Анализ современной судебной практики позволяет выделить несколько типичных форм совершения преступлений, связанных с реабилитацией нацизма.

Первая группа – преступления, совершаемые посредством осквернения символов воинской славы и памятников защитникам Отечества. К данной категории относится резонансный случай с блогером, который в марте 2025 года разместил в своём аккаунте видеоролик, демонстрирующий, как он подкуривает сигарету от Вечного огня на одном из мемориалов воинской славы³. Суд квалифицировал данное деяние по ч. 4 ст. 354.1 УК РФ как оскорбление памяти защитников Отечества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, отметив, что совершённые деяния демонстри-

¹ Приговор Ленинградского областного суда от 20.12.2023 по делу № 2-51/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kc0B5vtrsRQn/> (дата обращения 02.10.2025).

² Приговор Верховного Суда Чувашской Республики от 13.02.2024 по делу № 2-02/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/6px3JCgvc9Wx/> (дата обращения 02.10.2025).

³ Приговор в отношении блогера, подкурившего сигарету от Вечного огня // РБК. 31.03.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/31/03/2025/67ea69039a7947867afc543b> (дата обращения: 10.04.2025).

руют очевидное пренебрежение общественными ценностями и имеют целью дискредитацию исторической памяти о павших защитниках Родины, которая представляет собой неотъемлемый компонент национального культурно-исторического достояния.

В эту же группу можно отнести следующий пример: лицо нанесло нацистскую символику на памятники мемориального комплекса «Дорога жизни». Суд указал: действия обвиняемого по нанесению символов нацизма на элементы мемориала «Дорога жизни» фактически представляют собой акт надругательства над объектом, символизирующим воинскую доблесть России, учитывая, что данный памятник увековечивает трагедию жителей блокадного Ленинграда, ставших жертвами военных преступлений гитлеровского режима¹.

Вторая группа – распространение в сети «Интернет» материалов, отрицающих факты, установленные приговором Нюрнбергского трибунала, либо одобряющих преступления нацистов. Заслуживает внимания дело ФИО5, согласно которому лицо разместило на своей странице в социальной сети множество материалов экстремистского характера, в том числе отрицающих историческую роль СССР во Второй мировой войне и оскорбляющих память о ветеранах Великой Отечественной войны². В данном случае суд квалифицировал действия виновного по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282, ч. 3 ст. 354.1, ст. 329 УК РФ.

Третья группа – публичное распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России. К данной категории относится в частности дело ФИО1, где лицо, проявляя явное неуважение к российскому обществу, презрение к празднику 9 мая – Дню Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, разместило в социальной сети изображения с текстами, выражающими положительное отношение к действиям нацистской Германии³.

При квалификации преступлений, предусмотренных ст. 354.1 УК РФ, возникают определённые сложности, связанные с их отграничением от смежных составов. Наибольшие трудности представляет разграничение с преступлениями, предусмотренными ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства).

В судебной практике встречаются случаи квалификации действий лица одновременно по ст. 282 и ст. 354.1 УК РФ. Так, в приговоре Калужский областной суд, отвергая довод защиты о недопустимости такой квалификации, указал, что анализируемое изображение имеет двойственный характер: с одной стороны, оно содержит уничижительные оценки в адрес участников ВОВ и лиц, выражающих им уважение, а также декларации о превосходстве над данными категориями граждан; с другой стороны, оно включает в себя информацию о памятной военной дате, представленную в форме явного неуважения к общественным нормам. Принимая во внимание целенаправленный характер деяния и специфическую мотивацию при распространении материала, правовая квалификация с одновременным применением ч. 1 ст. 282 и ч. 3 ст. 354.1 УК РФ признана судом юридически корректной⁴.

¹ Приговор Ленинградского областного суда от 20.12.2023 по делу № 2-51/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kc0B5vtrsRQn/> (дата обращения 02.10.2025).

² Приговор Калужского областного суда от 14.08.2017 по делу № УК-2-9/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JatA6ewaa5Qq/> (дата обращения 02.10.2025).

³ Приговор Верховного Суда Республики Бурятия от 27.12.2016 по делу № № 1-34/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-04OS0000-1-34-2016-2016-08-30-2-0/?ysclid=mg9k9mrmoa554912948> (дата обращения 02.10.2025).

⁴ Приговор Калужского областного суда от 14.08.2017 по делу № УК-2-9/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/JatA6ewaa5Qq/> (дата обращения 02.10.2025).

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов относительно особенностей уголовной ответственности за реабилитацию нацизма по действующему российскому законодательству.

Нормы, устанавливающие ответственность за реабилитацию нацизма, продолжают активно совершенствоваться, отражая современные вызовы и потребности общества. За период с 2014 по 2021 год ст. 354.1 УК РФ претерпела значительные изменения, направленные на расширение охраны исторической памяти о Второй мировой войне и усиление ответственности за преступления данной категории, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Для повышения эффективности противодействия реабилитации нацизма представляется целесообразным:

1. Разработать руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации преступлений, предусмотренных ст. 354.1 УК РФ, с акцентом на проблемах определения публичности деяния, момента окончания преступления и разграничения со смежными составами.

2. Совершенствовать механизмы выявления и документирования фактов реабилитации нацизма в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе с использованием современных технических средств и методов.

3. Усилить профилактическую работу, особенно среди молодёжи, направленную на формирование уважительного отношения к исторической правде о Второй мировой войне и недопустимости оправдания нацизма [8, с. 96–97].

Исследование особенностей объективных признаков реабилитации нацизма показывает комплексный характер данного преступления, посягающего как на международно-правовые ценности, так и на национальные интересы России. Многообразие форм объективной стороны отражает стремление законодателя обеспечить всестороннюю защиту исторической правды о Второй мировой войне и недопустимость оправдания преступлений нацистского режима. Принципиальное значение имеет определение момента окончания преступления, особенно при его совершении с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом, при котором лицо осознаёт публичный характер своих действий и их направленность на реабилитацию нацизма.

Судебная практика последних лет демонстрирует рост числа дел данной категории, что обусловлено как совершенствованием законодательства, так и активизацией деятельности правоохранительных органов в данной сфере. При этом наблюдается тенденция к ужесточению наказания за преступления, связанные с реабилитацией нацизма, особенно совершённые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Таким образом, нормы об уголовной ответственности за реабилитацию нацизма представляет собой важный инструмент защиты исторической правды и противодействия попыткам пересмотра итогов Второй мировой войны. В современных условиях вопросы уголовно-правовой охраны исторической памяти приобретают особую значимость. Дальнейшее совершенствование системы противодействия реабилитации нацизма требует комплексного подхода, включающего не только уголовно-правовые, но и профилактические меры, направленные на формирование в обществе уважительного отношения к исторической правде и недопустимости оправдания нацизма. Особенно актуально проведение такой работы среди молодёжи как наиболее уязвимой для деструктивных идеологий социальной группы.

1. Уголовное право России: учебник. В 2-х т. / под ред. Н.Г. Кадникова. Т. 2. Особенная часть. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. 836 с.

2. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. М.: Проспект, 2020. 688 с.
 3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. профессора Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2019. 1096 с.
 4. Иванов Н.Г. Курс уголовного права. Особенная часть: учебное пособие. М.: Проспект, 2020. 752 с.
 5. Азаренкова Е. А. Отдельные вопросы уголовной ответственности за реабилитацию нацизма // Память и уголовное право: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 80-летию Победы советского народа и стран антигитлеровской коалиции в Великой Отечественной войне 1941-45 годов, Ростов-на-Дону, 18 апреля 2025 года. Ростов-на-Дону: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2025. С. 157-164.
 6. Кибальник А. Г. Презюмированное знание факта как составляющая часть умысла... В условиях «новой криминализации» // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 3. С. 109-115.
 7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. Т. 2. 792 с.
 8. Омелина О. С. Влияние украинского неонацизма на современную молодежь России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 94-99.
-
1. Uголовnoe pravo Rossii: uchebnik. V 2-x t. / pod red. N.G. Kadnikova. T. 2. Osobennaya chast`. M.: ID «Yurisprudenciya», 2018. 836 s.
 2. Uголовnoe pravo Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast`: uchebnik / pod red. I. E`. Zvecharovskogo. M.: Prospekt, 2020. 688 s.
 3. Kommentarij k Uголовnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (nauchno-praktičeskij, postatejny`j). 6-e izd., pererab. i dop. / pod red. professora N.G. Kadnikova. M.: ID «Yurisprudenciya», 2019. 1096 s.
 4. Ivanov N.G. Kurs uголовnogo prava. Osobennaya chast`: uchebnoe posobie. M.: Prospekt, 2020. 752 s.
 5. Azarenkova E. A. Otdel`ny`e voprosy` uголовnoj otvetstvennosti za reabilitaciju nacizma // Pamyat` i uголовnoe pravo: Materialy` Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, posvyashhyonnoj 80-letiyu Pobedy` sovetskogo naroda i stran antigitlerovskoj koalicii v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941-45 godov, Rostov-na-Donu, 18 aprelya 2025 goda. Rostov-na-Donu: Federal`noe gosudarstvennoe byudzhethoe obrazovatel`noe uchrezhdenie vy`sshego professional`nogo obrazovaniya Rossijskaya akademiya narodnogo xozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby` pri Prezidente Rossijskoj Federacii, 2025. S. 157-164.
 6. Kibal`nik A. G. Prezyumirovannoe znanie fakta kak sostavlyayushhaya chast` umy`sla... V usloviyax «novoj kriminalizacii» // Uголовnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. 2024. № 3. S. 109-115.
 7. Kommentarij k Uголовnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejny`j): v 2 t. / pod red. A.V. Brilliantova. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2022. T. 2. 792 s.
 8. Omelina O. S. Vliyanie ukrainskogo neonacizma na sovremennuyu molodezh` Rossii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 1(102). S. 94-99.

Информация об авторах

Елена Андреевна Азаренкова. Доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Константин Александрович Ивлев. Слушатель.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the authors

Elena An. Azarenkova. Associate Professor of the Department of Criminal Law, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Konstantin Al. Ivlev. Listener.

Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 15.12.2025.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ

Баранова Юлия Владимировна

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени
В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

barbariskay@mail.ru

Аннотация. В России с ростом цифровой экономики активизируется и киберпреступность, нередко опережая существующие методы обнаружения и расследования цифровых злодеяний. Самым распространённым на сегодняшний день известным преступлением, совершаемым посредством сети Интернет и технологий коммуникации, является интернет-мошенничество. Настоящее исследование обусловлено большим увеличением количества мошеннических действий в сети Интернет. Рассмотрение виктимологической профилактики мошенничеств поможет проанализировать характеристики и особенности, обуславливающие противоправные действия.

Ключевые слова: преступления, интернет, мошенничество, технологии, цифровое пространство, киберпреступность, киберпреступления.

Для цитирования: Баранова Ю. В. Виктимологическая профилактика мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 269–274.

VICTIMOLOGICAL PREVENTION OF FRAUD COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES IN RUSSIA

Yulia V. Baranova

Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia, Bryansk, Russia

barbariskay@mail.ru

Annotation. In Russia, with the growth of the digital economy, cybercrime is also on the rise, often outpacing existing methods for detecting and investigating digital crimes. The most common known crime committed through the Internet and communication technologies is online fraud. This study is driven by the increasing prevalence of fraudulent activities on the Internet. Examining the victimology of fraud prevention can help analyze the characteristics and factors that contribute to illegal actions.

Keywords: crimes, the Internet, fraud, technology, digital space, cybercrime, cybercrimes.

For citation: Baranova Yu.V. Victimological Prevention of Fraud Committed Using Information and Telecommunication Technologies in Russia // Scientific Bulletin of the V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(105). P. 269–274.

На поведении жертвы складывается весь механизм совершаемого преступления. Поэтому необходимым условием предотвращения преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИТТ), являются меры виктимологической профилактики, направленной на потенциальных жертв интернет-мошенничеств.

Основы виктимологической профилактики складываются под воздействием ряда факторов. На организационном уровне она характеризуется своеобразными требованиями к обучению сотрудников правоохранительной системы. Нехватка у них необходимых профессиональных навыков и знаний затрудняет проведение профилактических мер. Причина кроется в отсутствии на данный момент надлежащих методических указаний по организации и тактике виктимологической профилактики преступлений, совершаемых с использованием современных технологий, а также конкретных способов взаимодействия с пострадавшими в таких случаях.

Много сложностей возникает и в части обеспечения информацией для виктимологической профилактики киберпреступлений. Положительный результат в этой сфере возможен лишь благодаря сотрудничеству правоохранительных органов с организациями, занимающимися компьютерной безопасностью, и компаниями, разрабатывающими антивирусное программное обеспечение.

Сложности возникают в части обеспечения информацией для виктимологической профилактики цифровой преступности. Шаг вперёд в этой сфере возможен лишь благодаря взаимодействию между органами правопорядка, подразделениями, отвечающими за кибербезопасность, и разработчиками антивирусного программного обеспечения. Именно сотрудничество правоохранительных структур, специалистов по компьютерной безопасности и создателей антивирусов является ключевым фактором для эффективной виктимологической профилактики.

В реализации виктимологической профилактики преступности в сфере цифровых технологий участвует как государство в лице правоохранительных органов, так и общественные формирования и иные негосударственные структуры¹. Предупреждение становления жертвой в данной сфере включает разнообразные модели поведения, обусловленные множеством факторов, увеличивающих риск пострадать: беспечность, чрезмерное любопытство, неосмотрительность при использовании, возрастные особенности, наивность и прочее. Всё чаще мошенники для получения доступа к персональным данным, реквизитам банковских платёжных карточек, паролям и другой конфиденциальной информации используют методы «социальной инженерии»: не взламывают устройства, а выманивают нужную информацию, используя эмоции и доверчивость. Регулирование виктимологической защиты осуществляется не только посредством правовых норм, но и через моральные принципы, профессиональные и этические стандарты поведения. В общем плане виктимологическая профилактика должна быть направлена на всестороннее социальное предупреждение, чтобы свести к минимуму распространение высокотехнологичной преступности как социально опасного феномена.

В глобальной сети Интернет виктимологическая профилактика осуществляется по ряду ключевых направлений:

- модернизация информационной безопасности и осовременивание программно-технических средств для защиты данных в компьютерных системах;
- борьба с распространением непрошенных электронных сообщений (спама);
- пресечение использования интернета в качестве информационного ресурса, способствующего совершению цифровых преступлений. Для достижения этой цели необходимо создание централизованной информационной платформы, обладающей

¹ Доктрина информационной безопасности Рос. Федерации, [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

государственной поддержкой и взаимодействующей с правоохранительными органами, которая будет содержать данные о подобных преступлениях.

В зависимости от предполагаемых результатов указанные меры возможно разделить на два этапа – текущий и последующий.

С целью уменьшения преступлений, совершаемых в сфере цифровых технологий, на текущем этапе необходимо осуществлять работу в трёх направлениях:

- ограничение анонимности интернет-пользователей в общественных местах, владельцев электронных почтовых ящиков, владельцев счетов электронных платёжных систем;
- налаженное сотрудничество между правоохранительными структурами, негосударственными организациями, занимающимися превентивными мерами, и населением;
- юридическое упорядочение экономических отношений в глобальной сети Интернет, что позволит исключить экономический фундамент киберпреступности. В частности, вопросы оформления сделок с помощью электронных платёжных систем, дистанционная торговля, интернет-аукционы.

Зачастую лица, которые пострадали от киберпреступлений, показывают так называемую виновную виктимность, проявляя недостаточную осмотрительность и беспечность. Что выражается в игнорировании настроек приватности в социальных сетях, принятии запросов дружбы от неизвестных, в переходах по сомнительным ссылкам («проголосуй за мою дочь», «это ты на фото?») и подобных действиях.

Главной причиной такой виктимности является недостаточная грамотность населения в вопросах использования информационных технологий, низкий уровень информированности о мошенничествах в цифровой среде и способах защиты от них, а также пренебрежительное отношение к средствам защиты. Таким образом, жертва сама создаёт условия для совершения подобных преступлений.

Основное значение приобретает профилактическая работа органов внутренних дел в отношении граждан, участников цифровых правоотношений. Так, органы внутренних дел обязаны выявлять лиц, пострадавших от правонарушений или подверженных риску стать таковыми, и проводить с ними профилактическую работу в формах¹ правового просвещения и правового информирования. Так, например, такое информирование может содержать следующие рекомендации.

1. Визуальная оценка. В данном случае рекомендации могут состоять в следующем: обращать особое внимание на внешнее оформление интернет-магазина. Принимать во внимание прежде всего дизайн сайта. Не всегда отражают объективную картину отзывы, размещённые непосредственно на сайте, где продаётся продукт или предоставляется услуга. Необходимо для надёжности искать мнения покупателей (пользователей) на сторонних ресурсах. Количество и расположение рекламных баннеров также следует учитывать и предпочтение отдавать тем веб-сайтам, где нет рекламы или где демонстрируются промоматериалы связанных компаний.

2. Ценовая политика. Пользователю следует понимать, что цена на продукт не может существенно отличаться от среднерыночной, так как она основывается из совокупности составляющих и текущей ситуации на рынке. В сети существуют онлайн-платформы, позволяющие установить ценовую стратегию продукта в различных магазинах и изучить средние цены на искомую продукцию (услуги).

3. Условия и права. При первом посещении онлайн-магазина необходимо изучить разделы, посвящённые компании, условиям оплаты, транспортировки товара, адрес и контактные данные. Легальные интернет-магазины всегда предоставляют инфор-

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мацию в полном объёме, включая банковские реквизиты. И зачастую оплату принимают после получения и проверки товара.

В современном мире для борьбы с фишинговыми атаками применяются разные методы, ориентированные на улучшение программно-аппаратных средств информационной безопасности. С одной стороны, почтовые сервисы на постоянной основе обновляют свои антиспам-фильтры. С другой стороны, пользователи начинают применять надёжные почтовые ящики для обмена и хранения личными данными.

Для виктимологической профилактики рекомендуется использовать веб-браузеры с усиленной защитой, способные мгновенно предупредить пользователя о потенциальной угрозе.

В реальности главная трудность заключается в недостаточно внимательном отношении пользователей к безопасности личных данных. В связи с этим приоритетным направлением правоохранительных органов становится повышение осведомлённости населения о мерах предосторожности в цифровом пространстве для предотвращения киберпреступлений. Разнообразие преступных схем велико, и новые способы обмана появляются постоянно. Огромные масштабы нашей страны способствуют возникновению локальных схем мошенничества, не имеющих широкого распространения (жители Приморья и Хабаровска завязывают переписку с девушками из Китая под предлогом того, что они ошиблись. Далее рассказывают о прибыльном бизнесе в России, передавая фишинговые ссылки).

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что усилия сотрудников правоохранительных органов должны быть направлены на разъяснение населению простых правил безопасности, таких как недопустимость:

- скачивания программного обеспечения из ненадёжных онлайн-источников; фейковых лотерей, распространяемых посредством нежелательных рассылок; кликов по рекламным объявлениям, обещающим бесплатные сервисы, ценные подарки;
- контакта с незнакомцами или анонимными аккаунтами, поскольку за ними могут скрываться злоумышленники, участники деструктивных сект или вербовщики в террористические организации;
- приобретение SIM-карт в местах скопления людей, таких как вокзалы и подземные переходы, или передача паспортных данных неавторизованным дилерам мобильных операторов;
- перечисление средств людям, рассказывающим о трудных обстоятельствах в их жизни;
- передаче аккаунта третьим лицам;
- передаче конфиденциальной информации, такой как данные банковских карт, личные пароли и секретные фразы, посредством телефонных звонков или социальных сетей под вымышленными предложениями так называемых «представителей банков» или других учреждений;
- размещение персональных данных в личных аккаунтах соцсетей, включая детали о стиле жизни, приобретения (демонстрация билетов, например), предстоящих поездках и прочем;
- проведения транзакций в онлайн-банке, когда не подтверждается подлинность URL-адреса личного профиля или когда появляются дополнительные запросы, не соответствующие повседневной схеме (предотвращение «фишинговых» атак);
- игнорирование необходимости немедленной блокировки кредитных или дебетовых карт после получения уведомлений или СМС о несанкционированных операциях или переводах денег третьим лицам;
- создании аккаунтов в персональных профилях, на веб-сайтах или в онлайн-магазинах с использованием незамысловатых паролей, смежных символов на клавиатуре, легко запоминающихся личных дат, адресов или телефонных номеров;

– записывания своих паролей на стикерах, прикреплённых к экрану компьютера, или хранение их в общедоступных местах.

Таким образом, большинство из преступлений, совершённых с использованием новейших технологий, осуществляется путём мошеннических действий, именно этим фактором обусловлена необходимость в составлении портрета личности современного интернет-мошенника. Характеристика лиц, совершающих мошеннические действия с использованием средств сотовой связи, довольно разнообразна: разный социальный статус, уровень образования и возраст. Как правило, тут рассматриваются лица с криминальным прошлым, порой уже привлекавшиеся к ответственности за аналогичные преступления или отбывающие наказание, которые совершают новые преступления, находясь в местах лишения свободы. Специфической чертой данных мошенников является способность оказывать психологическое давление на жертву в сжатый участок времени. Психологи утверждают, что мошенники вне зависимости от образовательного уровня потенциальной жертвы подсознательно используют внушение, эмоции и чувства, манипулируя поведением и волей человека, лишая его способности к рациональному принятию решений.

В данном случае преступное деяние во многом обусловлено поступками потерпевшего. Соответственно, основным элементом в предотвращении преступлений, совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных технологий, становится виктимологическая профилактика, направленная на возможных жертв онлайн-мошенничеств. Реализация данных мер позволит повысить осведомлённость населения и научить распознавать признаки мошенничества. Кроме того, необходимо развивать киберграмотность в разных возрастных группах для корректного и безопасного пользования интернет-ресурсами.

1. Основы кибербезопасности: учебник/ А. О. Авсентьев, С. А. Винокуров, М. М. Жуков [и др.] . М.: ГУРЛС МВД России, 2024. 408 с.
2. Давыдов С. И., Наливайко Е. О. О необходимости введения в научный оборот оперативно-розыскной категории «дистанционное мошенничество» // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов / под ред. В.С. Овчинского. М.: ИНФА-М, 2021. С. 201-211
3. Аносов А. В. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершёнными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий: учебное пособие: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2019. С. 99.
4. Гайдин А. И., Пидусов Е. А., Головчанский А. В. Особенности расследования преступлений, совершаемых в сети интернет с использованием средств анонимизации : методические рекомендации. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2021. 42 с.
5. Аксенова Л. Ю., Бондарева М. В. К вопросу о способе мошенничества с использованием средств сотовой связи // Законодательство. М.: Гарант, 2014. № 5. С. 48-55.
6. Безверхов А. Г., Григорян Г. Р. Корыстные преступления против собственности в условиях цифровой трансформации // Российская Юстиция. 2021. № 1. С. 16-17.
7. Ермолович Д. В., Широких С. В. Некоторые поисковые социально-психологические признаки личности мошенника // Юридическая Россия. 2008. № 5(47). С. 5-6.
8. Краснова Л. Б. Криминалистически значимые особенности новейших информационных технологий // Научный журнал «Эпомен». 2020. № 41. 327 с.
9. Бадиков Д. А., Быкова К. А. Некоторые аспекты расследования мошенничеств, связанных с реализацией товаров и оказанием услуг в сети интернет // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 135-143.

1. Osnovy` kiberbezopasnosti: uchebnik/ A. O. Avsent`ev, S. A. Vinokurov, M. M. Zhukov [i dr.] . M.: GURLS MVD Rossii, 2024. 408 s.
2. Davy`dov S. I., Nalivajko E. O. O neobxodimosti vvedeniya v nauchny`j oborot operativno-rozy`sknoj kategorii «distancionnoe moshennichestvo» // Operativno-rozy`sknaya deyatel`nost` v cifrovom mire: sbornik nauchny`x trudov / pod red. V.S. Ovchinskogo. M.: INFA-M, 2021. S. 201-211
3. Anosov A. V. Deyatel`nost` organov vnutrennix del po bor`be s prestupleniyami, sovershenny`mi s ispol`zovaniem informacionny`x, kommunikacionny`x i vy`sokix tehnologij: uchebnoe posobie: v 2 ch. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2019. S. 99.
4. Gajdin A. I., Pidusov E. A., Golovchanskij A. V. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij, sovershaemy`x v seti internet s ispol`zovaniem sredstv anonimizacii : metodicheskie rekomendacii. Voronezh: Voronezhskij institut MVD Rossii, 2021. 42 s.
5. Aksenova L. Yu., Bondareva M. V. K voprosu o sposobe moshennichestva s ispol`zovaniem sredstv sotovoj svyazi // Zakonodatel`stvo. M.: Garant, 2014. № 5. S. 48-55.
6. Bezverxov A. G., Grigoryan G. R. Kory`stny`e prestupleniya protiv sobstvennosti v usloviyax cifrovoj transformacii // Rossijskaya Yusticiya. 2021. № 1. S. 16-17.
7. Ermolovich D. V., Shirokix S. V. Nekotory`e poiskovy`e social`no-psixologicheskie priznaki lichnosti moshennika // Yuridicheskaya Rossiya. 2008. № 5 (47). S. 5-6.
8. Krasnova L. B. Kriminalisticheski znachimy`e osobennosti novejshix informacionny`x tehnologij // Nauchny`j zhurnal «E`pomen». 2020. № 41. S. 327.
9. Badikov D. A., By`kova K. A. Nekotory`e aspekty` rassledovaniya moshennichestv, svyazanny`x s realizaciej tovarov i okazaniem uslug v seti internet // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 1(102). S. 135-143.

Информация об авторе

Юлия Владимировна Баранова. Старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский переулок, 2А.

Information about the author

Yulia V. Baranova. Senior Lecturer of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment.

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova.

241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky Lane, 2A.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 15.12.2025.

РОЛЬ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Безлепкина Ольга Вячеславовна¹, Молчанова Мария Сергеевна²

¹Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

²Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шиловой, Хабаровск, Россия

¹oly-le@mail.ru

²semachka.07@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния информационных угроз для несовершеннолетних пользователей информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет). Уголовно-правовая защита цифрового пространства ориентирована на запрет криминального воздействия и манипулирования детьми, вовлечения их в различные деструктивные процессы виртуального пространства. С этой целью представляется целесообразным заявить о необходимости формирования категории «информационная угроза несовершеннолетнего». Теоретически наличие указанной категории позволит сформировать понятийный аппарат, необходимый для установления общественной опасности той или иной информационной угрозы. В практической деятельности конкретизация содержания информационной угрозы позволит правоприменителю исключить ошибки квалификации киберпреступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: киберпреступления, кибербезопасность, информационная угроза несовершеннолетних, запрещённый контент.

Для цитирования: Безлепкина О. В. Молчанова М. С. Роль уголовного закона в обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 275–281.

THE ROLE OF THE CRIMINAL LAW IN ENSURING THE INFORMATION SECURITY OF MINORS

Olga V. Bezlepkina¹, Maria S. Molchanova²

¹Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

²Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.F. Shilov, Khabarovsk, Russia

¹oly-le@mail.ru

²semachka.07@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the analysis of the current state of information threats for underage users of information and telecommunication networks (including the Internet). The criminal legal protection of the digital space is focused on prohibiting criminal influence and manipulation of children, involving them in various destructive processes of the virtual space. To this end, it seems appropriate to state the need to form a category of "information threat to minors." Theoretically, the presence of this category will allow us to form

the conceptual framework necessary to establish the public danger of an information threat. In practice, specifying the content of the information threat will allow the law enforcement officer to exclude errors in the qualification of cybercrimes committed against minors.

Keywords: cybercrimes, cybersecurity, information threat to minors, prohibited content.

For citation: Bezlepkina O. V., Molchanova M. S. The role of the criminal law in ensuring the information security of minors // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 275–281.

Глобальная цифровизация, позволяющая эволюционировать обществу и государству, порождает необходимость создания новой концепции информационной безопасности. Развитие информационных и коммуникационных технологий оказало значительное влияние на несовершеннолетних, сформировав у них устойчивые привычки, ценности и интересы, ориентированные на использование мессенджеров, видеоконтента и онлайн-игр. Однако стремление к поиску и освоению современных технологий поставило их под угрозу неконтролируемого опасного воздействия информационных потоков, влекущих искажённое восприятие духовных, моральных и правовых ценностей среди подрастающего поколения.

Возможности цифровых технологий обеспечили неограниченный доступ к различным коммуникативным инструментам, среди которых наиболее актуальны игровые интернет-платформы и сервисы для создания контента. В результате безобидный процесс коммуникации становится источником не виртуальной, а реальной опасности. Уязвимость отечественных цифровых платформ позволяет активно их использовать для вовлечения детей в сексуальную эксплуатацию, экстремистскую или террористическую деятельность, возбуждать желание к подрыву конституционного строя и безопасности государства. Кроме того, технологический прогресс «вооружил» молодёжные субкультуры эффективной схемой популяризации запрещённого контента, активизирующего проявления у несовершеннолетнего насилия и агрессии, возведения криминальной идеологии в стандарты культуры подрастающего поколения.

Одна из главных проблем современности заключается в том, что законодательные инициативы в сфере регулирования отстают от стремительного развития информационно-коммуникационных технологий. В предыдущие десятилетия защита интересов детей в средствах массовой информации включала в себя целый комплекс мер: ограничение доступа детей к фильмам для взрослых в кинотеатрах, запрет на показ по телевидению в дневное время, хранение журналов для взрослых в специальных упаковках. Однако сегодня в связи с быстрым развитием цифровых медиа многие из принятых мер устарели [1].

В настоящее время возникла новая информационная опасность, терпимо воспринимаемая в обществе, однако влекущая серьёзные изменения в политической ситуации государства. Использование медийного контента для вовлечения несовершеннолетних в несанкционированные протестные акции позволяет открыто подвергать подростков диверсионному зомбированию, которые становятся «лёгкой добычей» для социальной и политической манипуляции. Тенденция стала носить достаточно устойчивый характер, в правовом поле отсутствует положение о её опасности и санкционировании.

В последнее десятилетие эксперты повсеместно отмечают увеличение числа преступлений в сфере ИТ, к которым традиционно относятся преступления, совершаемые с применением информационно-телекоммуникационных технологий [2, с. 341]. В свою очередь, полноценное функционирование механизма противодействия преступлениям в сфере ИТ в большей степени нуждается в разграничении и пояснении различных дефиниций, а именно: «информационные технологии», «преступления, совершённые с использованием информационных технологий», «киберпреступность», «преступ-

ления в сфере компьютерной информации» – для того, чтобы понимать, о каких противоправных деяниях идёт речь [3, с. 244].

Очевидно, существенная роль обеспечения информационной безопасности отведена уголовной политике государства, в свою очередь реализуемой в зависимости от ёмкости и эффективности законодательства. В этом плане ориентация приоритета информационных интересов несовершеннолетних нашла отражение в нормах отечественного уголовного законодательства и некоторых смежных нормативных правовых документах.

Во-первых, соответствующие нормы уголовного закона очертили некоторые границы многообразия объекта уголовно-правовой охраны: ст. 110 УК РФ (Доведение до самоубийства); ст. 110.1 УК РФ (Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства); ст. 110.2 УК РФ (Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства); ст. 151.2 УК РФ (Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего)¹, тем самым определив масштабы преступлений в сфере ИТ, где жертвами являются не только дети, фактически подвергшиеся вовлечению или эксплуатации. Здесь необходимо говорить о посягательствах, создающих «отложенную» опасность неопределённому кругу несовершеннолетних, не ограниченных в использовании информационно-телекоммуникационных сетей в социально полезных целях.

Во-вторых, эффективная реализация юридической охраны уязвимых прав ребёнка существенно зависима от содержательности специального законодательства², дополняющего и корректирующего возможные пробелы уголовного закона. Однако предпринятые попытки совершенствования юридической техники, по мнению экспертов, следует считать нерезультативными. Данная позиция находит подтверждение среди экспертов. В частности, В. В. Павлюков [4, с. 226] отмечает, что законодательные новеллы, направленные на урегулирование деятельности в сфере информационных технологий, не всегда объективны и возникают по причине отсутствия понимания механизма контроля и защиты пользователей от вредоносного трафика, а контролировать и выявлять в таком потоке передаваемую и получаемую компьютерную информацию, противоречащую установленным законодательным нормам, просто невозможно.

Вместе с тем практика реализации мероприятий противодействия киберпреступлениям, совершаемым в отношении детей, затруднительна по ряду причин, а именно отсутствие теоретического обоснования потенциальных и фактических информационных угроз, а равно недостаток объективных способов проверки контента на наличие запрещённой, деструктивной или иной вредной информации. Доказательством этому является проведённый специалистами Роспотребнадзора³ анализ 13 тысяч интернет-ссылок на материалы с содержанием суицидального контента в период с 2012 года по настоящее время. В 2022 году было выявлено наибольшее количество ссылок – 4 864 ссылки, из которых 4 751 содержала информацию о способах самоубийства.

Озабоченность масштабами нарушения информационной безопасности детей побудила разработчиков приложений и онлайн-сервисов предусмотреть дополнительные меры защиты. Необходимо лишь оговориться, что динамично совершенствующиеся технологии, в том числе искусственный интеллект, заинтересованы в минимизации сдерживающих технологическую революцию законодательных мер и технических средств информационной безопасности. На это обращают внимания некоторые экспер-

¹ Уголовный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации 1996. № 25. Ст. 2954.

² О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации 2011. № 1. Ст. 48.

³ Роспотребнадзора Рос. Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru/> (дата обращения: 25.08.2025).

ты. В частности, В. Е. Круковский, И. Н. Мосечкин отмечают, что существование «групп смерти», принимающих новые формы и организационные методы, обусловлено успешной адаптацией к новым технологиям и несущественным изменениям в законодательстве [5, с. 199].

Соответственно, в общественном сознании сформировалось заурядное представление об информационных угрозах, представляющих собой негативное намерение совершить действия, опасные для человека. Устоявшаяся позиция неприемлема в отрасли информационных технологий. Поскольку контент, созданный для несовершеннолетнего, может в любой момент быть переориентирован на размещение материалов, пропагандирующих нетрадиционные ценности, интерес к самоубийству, деструктивную идеологию, представляющую собой противоречие традиционным общероссийским гражданским ценностям. В литературе деструктивными признаются, к примеру, идеология чайдфри, ЛГБТ и ряд других [6, с. 187].

Не секрет, что каждое второе преступление, совершающееся дистанционно, свидетельствует об упрощённом способе совершения противоправного деяния для субъекта преступления [7, с. 253]. Очевидно, что создание для детей условий беспрепятственного доступа к запрещённой информации является признаком наличия потенциальной угрозы, создаваемой удалённо и позволяющей обеспечить совершение посягательства на жизнь, здоровье и интересы несовершеннолетних. В таком случае информация, демонстрируемая в качестве развлекательного или «вирусного» контента, созданного посредством генеративного искусственного интеллекта, в любой подходящий момент может стать деструктивно ориентированной, а действия указанных лиц, создающих возможность её получения, должны приравниваться к информационной атаке.

Немаловажным фактором распространения криминального разнообразия форм склонения к самоубийству явилось отсутствие криминологически прогнозируемого представления о столь нетрадиционном явлении для нашего общества. Идентификация предполагаемых жертв и выработка необходимо механизма предупреждения провоцирования суицидального опасного поведения вызывают сложность, поскольку подобного рода опасное поведение зависит от потенциальной жертвы и условиях восприятия ею того или иного рода провокационной информации. Именно по этой причине законодательно невозможно сформулировать исчерпывающий перечень деяний, способствующих самоубийству, поскольку психика жертв посягательств достаточно разнообразна и неординарна.

По этому поводу Р. Д. Шарапов, М. П. Дидрих отмечают, что воздействие на несовершеннолетних является неотъемлемой составляющей запрещённого контента. Систематическое психологическое воздействие заставляет несовершеннолетних испытывать стресс, позволяя злоумышленникам собирать личные данные [8, с. 88].

Отечественным научным и экспертным сообществом не оспаривается тот факт, что информационные технологии являются мощным образовательным и педагогическим инструментом и оказывают существенное влияние на развитие и социализацию несовершеннолетних. Однако вовлечение несовершеннолетних в деятельность, наносящую им потенциальный вред, в частности антисоциальное или преступное поведение, обусловило необходимость законодательной реакции в части запрета на заведомое склонение или вовлечение, представляющие опасность для жизни несовершеннолетнего. Отдельное внимание законодателя сконцентрировано на совершении противоправных действий в условиях виртуальной реальности. Впервые речь идёт о запрете манипулирования несовершеннолетними, вовлекаемыми в экстремальные подростковые «развлечения» зацепинг или руфинг.

Исследование информационных угроз, составляющих преступления, посягающие на несовершеннолетних посредством информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет), позволяет признать наличие проблем теоретического и

практического характера. Бесспорность отсутствия целостного представления общественной опасности исследуемого явления в отечественном уголовном законе позволяет беспрепятственно формировать в сознании подрастающего поколения нетрадиционные ценности и негативные установки, обуславливающие политическую дестабилизацию в государстве. Фактически за пределами уголовно-правовой оценки остаются инновации, генерирующие угрозы информационных атак, технологий искусственного интеллекта, неконтролируемого накопления и обработки персональных данных несовершеннолетних. Это подтверждает необходимость обеспечения безопасности отечественного сектора информационно-коммуникационных технологий, потребителем которого являются несовершеннолетние и должно быть заявлено в качестве приоритетной задачи государственной политики. Поскольку передовой информационный контент является неотъемлемой составляющей жизни несовершеннолетнего, он оказывает существенное влияние на его когнитивные (познавательные) процессы. В частности, коммуникационная активность молодого поколения в виртуальной среде направлена не только на получение соответствующих навыков в обучении, творчестве и развитии, но и позволяет сформировать целевую аудиторию бесперебойного поглощения деструктивной и опасной информации. В связи с чем целесообразно сформировать признаки, характеризующие категорию «информационная угроза несовершеннолетнего». Теоретически это обеспечит формирование понятийного аппарата, позволяющего разграничить общественную опасность и вредность реальных и гипотетических информационных угроз, получить объективное представление об их разнообразии. В практической деятельности, исходя из интересов несовершеннолетних, адаптация сущности и содержания обозначенных теоретически информационных угроз к реалиям ограниченного или запрещённого контента позволит правоприменителю исключить ошибки квалификации преступлений в сфере ИТ, посягающих на их права и интересы.

1. Толоконникова А. В. Черевко, Т. С. Информационная безопасность детей: подходы к саморегулированию [Электронный ресурс]. URL: https://psychologyinrussia.com/volumes/pdf/2014_3/2014_3_136-145 (дата обращения: 25.08.2025).
2. Хазинурова Е. А. «Компьютерная информация» как предмет и средство совершения преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 3(104). С. 340–346.
3. Таршева М. Н., Матросова Л. Д. Проблемные вопросы раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 242–249.
4. Павлюков В. В. Теоретико-правовые основы получения и проверки компьютерной информации, размещённой на сайтах с ограниченным доступом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 225–232.
5. Круковский В. Е., Мосечкин И. Н. Уголовно-правовые проблемы противодействия деятельности, направленной на побуждение к совершению убийств и самоубийств // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 196–215.
6. Филиппова О. В. Уголовно-правовое противодействие распространению деструктивной идеологии в России // Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как основа развития Российской государственности: исторические, правовые и межкультурные аспекты: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия 1-й союзной Конституции 1924 г. и 30-летию Конституции Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2024. С. 187–190.
7. Швецова Н. А. К вопросу о профилактике правонарушений экстремистского характера, совершаемых несовершеннолетними посредством сети интернет // Полиция

и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2025. № 7. С. 253-256.

8. Шарапов Р. Д. Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет // Российский юридический журнал. Электронное приложение. 2017. № 6. С. 81-90.

1. Tolokonnikova A. V. Cherevko, T. S. Informacionnaya bezopasnost` detej: podxody` k samoregulirovaniyu [E`lektronny`j resurs]. URL: https://psychologyinrussia.com/volumes/pdf/2014_3/2014_3_136-145 (data obrashheniya: 25.08.2025).

2. Xazinurova E. A. «Komp`yuternaya informaciya» kak predmet i sredstvo soversheniya prestuplenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 3(104). S. 340-346.

3. Tarshева M. N., Matrosova L. D. Problemny`e voprosy` raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij v sfere informacionny`x texnologij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 4(101). S. 242-249.

4. Pavlyukov V. V. Teoretiko-pravovy`e osnovy` polucheniya i proverki komp`yuternoj informacii, razmeshhyonnoj na sajtax s ogranichenym`m dostupom // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 225-232.

5. Krukovskij V. E., Mosechkin I. N. Ugolovno-pravovy`e problemy` protivodejstviya deyatel`nosti, napravlennoj na pobuzhdenie k soversheniyu ubijstv i samoubijstv // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. 2018. № 4. S. 196-215.

6. Filippova O. V. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie rasprostraneniyu destruktivnoj ideologii v Rossii // Soxranenie tradicionny`x duxovno-nravstvenny`x cennostej kak osnova razvitiya Rossijskoj gosudarstvennosti: istoricheskie, pravovy`e i mezhekul`turny`e aspekty`: materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu prinyatiya 1-j soyuznoj Konstitucii 1924 g. i 30-letiyu Konstitucii Respubliki Buryatiya. Ulan-Ude`, 2024. S. 187-190.

7. Shveczova N. A. K voprosu o profilaktike pravonarushenij e`kstremistskogo xaraktera, sovershaemy`x nesovershennoletnimi posredstvom seti internet // Policiya i obshhestvo: problemy` i perspektivy` vzaimodejstviya. 2025. № 7. S. 253-256.

8. Sharapov R. D. Voprosy` kvalifikacii prestuplenij protiv zhizni nesovershennoletnix, sovershenny`x s ispol`zovaniem seti Internet // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. E`lektronnoe prilozhenie. 2017. № 6. S. 81-90.

Информация об авторах

Ольга Вячеславовна Безлепкина. Начальник кафедры профессиональной подготовки, кандидат юридических наук, доцент.

Уфимский юридический институт МВД России.
450103, Россия, Уфа, ул. Муксинова, 2.

Мария Сергеевна Молчанова. Старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин.

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова.
680020, Россия, Хабаровск, переулок Казарменный, 15.

Information about the authors

Olga V. Bezlepkina. Head of the Department of Professional Training. Candidate of Law, Associate Professor.

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
450103, Russia, Ufa, Muksinova Str., 2.

Maria S. Molchanova. Senior Lecturer Department of General Legal Disciplines.
I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
680020, Russia, Khabarovsk, Kazarmenny Lane, 15.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 15.12.2025.

Научная статья
УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ШВЕЙЦАРИИ

Власов Константин Алексеевич¹, Ермакова Алина Леонидовна²

^{1,2}Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел,
Россия

¹conn80@inbox.ru

²ermachokal@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основания и условия содержания под стражей в Швейцарии, а также соответствие национальных норм важнейшим международным документам в сфере защиты и гарантии прав граждан на свободу и личную неприкосновенность. Авторы приходят к выводу, что реализация принципа «dubio pro duriore» в процессе изоляции от общества на стадии досудебного производства превращает предварительное заключение в самый суровый вид лишения свободы. На этой основе сделан вывод о необходимости дальнейшей гуманизации кантонального и федерального законодательства.

Ключевые слова: предварительное заключение, содержание под стражей, dubio pro duriore, изоляция от общества, лишение свободы, Швейцария.

Для цитирования: Власов К. А., Ермакова А. Л. К вопросу об особенностях правового регулирования предварительного заключения в Швейцарии // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 282–291.

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF SWISS PRE-TRIAL DETENTION REVISITED

Constantine A. Vlasov¹, Alina L. Ermakova²

^{1,2}Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

¹conn80@inbox.ru

²ermachokal@mail.ru

Annotation. The article examines the grounds and conditions of pretrial detention in Switzerland, as well as the compliance of national regulations with key international instruments protecting and guaranteeing citizens' rights to liberty and security of person. The authors conclude that the implementation of the "dubio pro duriore" principle during pretrial detention, which involves isolation from society, transforms pretrial detention into the harshest form of deprivation of liberty. The conclusion that further humanization of cantonal and federal legislation is necessary is made.

Keywords: pre-trial detention, detention, dubio pro duriore, isolation from society, deprivation of liberty, Switzerland.

For citation: Vlasov K. A., Ermakova A. L. Features of legal regulation of pre-trial detention in Switzerland // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 282–291.

Швейцария является одной стран, которая имеет удачный исторический опыт построения правового государства. Её федерализм строился на основе многокультурного общества, которое имело риски потенциальных конфликтов на религиозной и этнолингвистической почве. Швейцарский федерализм зарекомендовал себя как крайне удачная форма государственного устройства. Граждане успешно смогли избежать конфликтов, которые разрушили бы их страну, и объединили людей с разными культурами в единое государство. Швейцарский ученый отмечает, что «государство с различными регионами, которые имеют отличающиеся культурные, экономические, этнические, лингвистические и религиозные характеристики и разную историю, может процветать при федеративной системе. Без нее Швейцария не могла бы более существовать, так как ее разные части являются слишком разнородными» [1].

Федерализм анализируемой страны может рассматриваться как возможное разрешение конфликтов в мультикультурных обществах, в том числе и по вопросам устройства судебного процесса и системы принуждения. Он по-своему уникален, так как не является результатом иммиграции, а сложился исторически на основе сообществ, которые всегда проживали в этой стране. При этом границы расселения сообществ, население которых исповедует разные религии, не совпадают с границами нынешних кантонов. В рамках территориального образования (кантона) вынуждены были мирно уживаться представители разных конфессий [2]. В связи с этим изучение швейцарского опыта в различных областях общественных отношений может быть крайне полезным в условиях современного мира, особенно в многонациональных и федеративных странах, к которым относится и Россия.

Для анализа взята проблема правового регулирования в области общественных отношений в правовой сфере, а именно – правовое регулирование предварительного заключения. Швейцария входит в число лидеров Западной Европы по количеству лиц, находящихся под стражей, деля первое-второе место с Бельгией по показателям предварительного заключения на 100 000 жителей.

Лица, находящиеся в изоляции от общества, юридически являются невиновными, поскольку им не был вынесен обвинительный приговор. На практике в уголовном праве Швейцарии применяется не принцип презумпции невиновности («*In dubio pro reo*»), согласно которому сомнения работают в пользу обвиняемого, а принцип «*In dubio pro duriore*» (при сомнении – по самому строгому варианту). Он означает, что к фактическому предъявлению обвинений применяется иной стандарт, чем в более поздних стадиях процесса. При применении в процедуре расследования принципа «*dubio pro duriore*» обвинение в суде может демонстрировать склонность придавать больше значения инкриминирующим фактам, чем оправдывающим. Как следствие, обстоятельства должны расследоваться при наличии минимальной достаточной (первоначальной) информации об инкриминирующих обстоятельствах, исходя при этом из презумпции самого тяжкого деяния, а окончательное решение о квалификации должны принимать не органы предварительного расследования и не органы прокуратуры, а суд, ответственный за оценку по существу [3] [4] [5].

Реализация принципа «*dubio pro duriore*» [6] приводит, помимо прочего, к тому, что эксперты в области права практически единогласно определяют предварительное заключение как самый суровый вид лишения свободы в Швейцарии. Суровые условия содержания в тюрьмах и вызываемые ими регулярные попытки самоубийства во время предварительного заключения в последнее время часто попадают в новостные заголовки.

В швейцарском юридическом дискурсе озвучивается мнение, что любое задержание представляет собой серьёзное нарушение основных прав и свобод человека. Это в полной мере относится к предварительному заключению под стражу, которое с точки зрения права Швейцарии не является ни уголовной, ни дисциплинарной мерой.

Целью изоляции от общества в таком случае является исключительно обеспечение надлежащего проведения уголовного судопроизводства.

Анализ немецкоязычных юридических источников показал, что предварительное заключение в Швейцарии регулируется нормативными и правовыми актами разных уровней:

- 1) конституционные нормы и международные договоры;
- 2) федеральное законодательство;
- 3) правовые нормы отдельных кантонов, а также внутренние правила и распоряжения отдельных центров предварительного заключения.

Международные договоры и Конституция Швейцарии.

В пункте 1 статьи 5 Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» (далее – ЕКПЧ)¹ перечислены основания для заключения под стражу, допустимые в соответствии с Конвенцией. В пункте «с» указано, что предварительное заключение под стражу допустимо [7] как «законное задержание или заключение под стражу с целью доставления лица к компетентному судебному органу, когда имеются обоснованные подозрения в совершении лицом преступления или когда имеются обоснованные основания полагать, что это необходимо для предотвращения совершения им преступления или побега после его совершения»².

Международный пакт о гражданских и политических правах ООН не содержит перечня допустимых оснований для заключения под стражу и лишь в п. 1 ст. 9 требует, чтобы основания для заключения под стражу не были произвольными. Комитет ООН по правам человека как орган, контролирующий соблюдение этого договора, в своей практике руководствуется теми же принципами, которые следуют из п. 1 ст. 5 ЕКПЧ.

В пункте 3 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах ООН указывается, что содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от представленных гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора [8]. Тем самым подтверждается исключительный характер предварительного заключения. Презумпция невиновности, используемая для определения и организации предварительного заключения в Швейцарии, прямо закреплена в п. 2 ст. 6 ЕКПЧ, а также в п. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах ООН. В швейцарском законодательстве презумпция невиновности закреплена в п. 1 ст. 32 Федеральной конституции и п. 1 ст. 10 Уголовно-процессуального кодекса Швейцарии ((далее – УПК), а также во многих конституциях кантонов³⁴.

В пункте 2 (а) статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах ООН устанавливается требование о том, что обвиняемые должны содержаться отдельно от осуждённых: «обвиняемые в случаях, когда отсутствуют исключительные обстоятельства, помещаются отдельно от осужденных и им предоставляется отдельный

¹ European Convention on Human Rights. European Court of Human Rights. Council of Europe. 67075. Strasbourg cedex. France. [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG. (дата обращения 10.09.2025).

² European Convention on Human Rights. European Court of Human Rights. Council of Europe. 67075. Strasbourg cedex. France. P. 8. [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG. (дата обращения 10.09.2025).

³ Federal Constitution of the Swiss Confederation of April 18, 1999 (status as of February 13, 2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21388> (дата обращения 10.09.2025).

⁴ Swiss Criminal Procedure Code of October 5, 2007 (status as of July 1, 2014). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/15255> (дата обращения 10.09.2025).

режим, отвечающий их статусу неосужденных лиц»¹. Данное требование о раздельном содержании под стражей обвиняемых до суда и осуждённых было признано Федеральным верховным судом Швейцарии.

Пункт 2 (b) статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах ООН устанавливает требование о раздельном содержании под стражей несовершеннолетних и взрослых, а также об ускоренном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних: «обвиняемые несовершеннолетние отделяются от совершеннолетних и в кратчайший срок доставляются в суд для вынесения решения». Раздельное содержание взрослых и несовершеннолетних заключённых включено в Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии по делам несовершеннолетних².

Проблема соблюдения прав человека поднимает также вопрос о том, как предварительное заключение с учетом его условий и продолжительности соответствует запрету на пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращения. Эта гарантия закреплена в ст. 3 ЕКПЧ, ст. 1 и 16 Конвенции о правах инвалидов, ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах ООН и ст. 10 (3) Федеральной конституции Швейцарии. Пункт 1 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах ООН также содержит право на гуманные условия содержания под стражей, которое применяется ко всем формам лишения свободы.

Содержание под стражей также поднимает вопросы о праве человека на уважение частной и семейной жизни (ст. 8 ЕКПЧ; ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах^{ООН}; ст. 13 Федеральной конституции Швейцарии) или о запрете дискриминации (ст. 14 ЕКПЧ; п. 2 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах ООН; п. 2 ст. 8 Федеральной конституции Швейцарии). Согласно практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) непропорционально жесткий контроль корреспонденции или несоразмерные ограничения права на свидания в местах содержания под стражей могут представлять собой нарушение права на частную и семейную жизнь³. ЕСПЧ также установил наличие дискриминации (нарушение ст. 8 в совокупности со ст. 14 ЕКПЧ) в том случае, если лицам, находящимся в изоляции, предоставляется менее широкое право на свидания, чем осужденным⁴.

ЕКПЧ и Международный пакт о гражданских и политических правах ООН в случае предварительного заключения предусматривают право быть незамедлительно доставленным в судебный орган, который в разумные сроки вынесет решение о законности содержания под стражей и, при необходимости, распорядится об освобождении до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантии явки в суд, гарантией безопасности (ст. 5(3) ЕКПЧ, ст. 9(3) Международного пакта о гражданских и политических правах ООН). Согласно ст. 5(4) ЕКПЧ каждый задержанный имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его изоляция признана судом незаконной. Если лишение свободы было незаконным, в качестве реабилитации предоставляется право на

¹ International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted 16 December 1966. Entered into force 23 March 1976. P.6. [Электронный ресурс] URL: https://treaties.un.org/doc/treaties/1976/03/19760323%2006-17%20am/ch_iv_04.pdf (дата обращения 10.09.2025).

² Schweizerische Jugendstrafprozessordnung ((Jugendstrafprozessordnung, JStPO) vom 20. März 2009 (Stand am 1. Juli 2025). Статья 28, п. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/2010/226/de> (дата обращения 11.09.2025).

³ Постановления Европейского Суда по правам человека. Постановление от 17 апреля 2012 года (Секция IV) по делу Пехович (Piechowicz) против Польши (жалоба № 20071/07). [Электронный ресурс]. URL: <https://legal-tools.org/doc/b442e2/pdf> (дата обращения 10.09.2025).

⁴ Постановления Европейского Суда по правам человека. Постановление от 13 декабря 2011 года (Секция III) по делу Ладуна (Laduna) против Словакии (жалоба № 31827/02). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/912c38/pdf> (дата обращения 09.09.2025).

компенсацию (ст. 5(5) ЕКПЧ). Статья 6(3) ЕКПЧ и статья 14(3) Международного пакта о гражданских и политических правах ООН предусматривают право задержанного на защитника или защищать себя лично, а также предоставление ему достаточного времени для подготовки своей защиты и для общения с выбранным им самим защитником.

Международный пакт о гражданских и политических правах ООН также запрещает принуждение лица к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным. Эта гарантия может быть важна в контексте предварительного заключения, поскольку оно не может быть использовано для принуждения лица к признанию вины посредством жестких условий изоляции.

В Швейцарии ст. 31 Федеральной конституции устанавливает минимальные стандарты гарантии законности лишения свободы, а также содержит обязанность властей предоставлять информацию и следить за защитой прав задержанного. Специальные гарантии основных прав человека, имеющие отношение к предварительному заключению, содержатся в ст. 31 (3) Федеральной конституции, которая призвана «обеспечить первичный, независимый и беспристрастный пересмотр решения о заключении под стражу»¹. Согласно судебной практике Федерального Верховного суда это означает устное слушание дела при личном присутствии задержанного, как правило, в течение 24-48 часов. Соответственно, лицо, взятое под стражу до суда, имеет право быть незамедлительно доставленным в независимый судебный орган. Конституционная гарантия, предусмотренная ст. 31 (3) высшего нормативно-правового акта страны, выходит за рамки защиты, предусмотренной ст. 5 (3) ЕКПЧ. В ЕКПЧ предусмотрена альтернатива независимому судебному органу – доставка лица к другому лицу, уполномоченному осуществлять судебные функции.

Статья 13 ЕКПЧ, а также статьи 2 и 3 (b) Международного пакта о гражданских и политических правах ООН предусматривают право задержанного на правовую защиту [9]. Аналогичным образом ст. 13 Федеральной конституции устанавливает обязанность кантонов обеспечивать лицам, заявляющим о применении пыток, право на обращение в компетентные органы и на безотлагательное и беспристрастное рассмотрение их дела этими органами. Если лицо заявляет о нарушении своих основных прав, право на возбуждение дела по этому нарушению вытекает также из п. 1 ст. 29 Федеральной конституции.

Статьи 37 и 40 Конвенции о правах ребенка² (далее – КПР) содержат гарантии для несовершеннолетних, лишенных свободы или обвиняемых в совершении преступления. Согласно ст. 37 (b) КПР государства-участники должны следить за тем, чтобы ни один несовершеннолетний не был лишен свободы незаконно или произвольно. Лишение свободы несовершеннолетних может применяться только в соответствии с национальным законодательством, в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого периода времени. Пункт «с» той же статьи устанавливает требование о раздельном содержании несовершеннолетних и взрослых (это же требование также закреплено в ст. 10, п. 2, подп. (b) Международного пакта о гражданских и политических правах ООН), а также обязывает обращаться с несовершеннолетними гуманно, с уважением их достоинства, с учетом их потребностей и возраста. Этот же пункт устанавливает право каждого несовершеннолетнего поддерживать связь со своей семьей посредством писем и свиданий, если этому не препятствуют исключительные обстоя-

¹ Federal Constitution of the Swiss Confederation of April 18, 1999 (status as of February 13, 2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21388> (дата обращения 10.09.2025).

² Convention on the Rights of the Child. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 44/25 of 20 November 1989 entry into force 2 September 1990, in accordance with article 49. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/crc.pdf> (дата обращения 11.09.2025).

тельства. Согласно ст. 40, п. 1 КПП с несовершеннолетними, обвиняемыми в совершении преступления, следует обращаться таким образом, чтобы это способствовало развитию у ребенка чувства собственного достоинства и значимости, укрепляло его уважение к правам человека и основным свободам других лиц. Государство должно учитывать возраст ребенка и содействовать его социальной реинтеграции, а также выполнению ребенком конструктивной роли в обществе.

В Швейцарии существуют требования и к другим особо уязвимым группам. Согласно ст. 14 (2) Конвенции о правах инвалидов (далее – КПИ)¹ лица с ограниченными возможностями здоровья, лишённые свободы, имеют равные права с правами лиц без инвалидности. Согласно ст. 15 (2) КПИ лица с ограниченными возможностями здоровья представляют собой особо уязвимую группу. Им должна быть предоставлена особая защита: приняты «все эффективные законодательные, административные, судебные или иные меры к тому, чтобы инвалиды наравне с другими не подвергались пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания»².

Международные гарантии прав человека подкрепляются так называемым «мягким правом» («*soft law*»). *Soft law* – это совокупность правил поведения (принципов, критериев, стандартов), которые принимаются авторитетными организациями, носят рекомендательный характер и не санкционированы публичной властью. Эти правила в Швейцарии применяются, например, для того, чтобы предоставить определенные гарантии женщинам, находящимся в под стражей. Данные положения о правах человека, касающиеся предварительного заключения, конкретизированы и частично расширены в различных резолюциях и декларациях органов ООН и Совета Европы. В Швейцарии они играют довольно большую роль, поскольку на них регулярно ссылается судебная практика договорных органов по правам человека (комитеты независимых экспертов, которые контролируют выполнение государствами основных международных договоров в области прав человека) и Федерального Верховного суда. К «мягкому праву» относятся также несколько рекомендаций Комитета министров Совета Европы по предварительному заключению и связанным с ним вопросам, Европейские пенитенциарные правила, Стандарты Европейского комитета по предупреждению пыток, а также несколько резолюций Генеральной Ассамблеи ООН об обращении с лицами, содержащимися под стражей до суда, и связанных с этим вопросах.

Федеральный уровень. Правовая основа предварительного заключения на федеральном уровне закреплена в УПК Швейцарии. Статья 212 и последующие статьи УПК³ регулируют лишение свободы в целом. Статья 220 и последующие статьи содержат конкретные положения о предварительном заключении: терминологии, условиях вынесения постановления, процедурах продления срока и освобождения, средствах правовой защиты, общении с защитой во время процедуры заключения под стражу и альтернативных мерах.

Согласно ст. 234 предварительное заключение, как правило, осуществляется в тюрьмах, предназначенных для этой цели. Кроме того, ст. 235 содержит различные принципы исполнения наказания, уделяя особое внимание возможностям контакта лиц, содержащихся под стражей до суда, с внешним миром. Дальнейшее определение порядка содержания под стражей до суда оставлено на усмотрение кантонов (п. 5 ст. 235

¹ Конвенция о правах инвалидов. С. 12. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/disabilities/documents/convention/convoptprot-e.pdf> (дата обращения 11.09.2025).

² Конвенция о правах инвалидов. Статья 15. [Электронный ресурс] URL: <https://www.un.org/disabilities/documents/convention/convoptprot-e.pdf> (дата обращения 11.09.2025).

³ Swiss Criminal Procedure Code of October 5, 2007 (status as of July 1, 2014). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/15255> (дата обращения 10.09.2025).

УПК). Можно заметить, что федеральное Правительство Швейцарии, несмотря на свои полномочия, воздержалось от дальнейшего регулирования условий содержания под стражей.

Полномочия суда по применению мер пресечения в виде заключения под стражу до суда также регулируются УПК (п. 1 ст. 18), как и положение о действиях в случаях предполагаемого предварительного заключения сроком более десяти суток (ст. 130 (а)). Пункт 2 статьи 431 УПК предусматривает основание для компенсации ущерба лицу, заключенному под стражу, если по каким то причинам не представляется возможным зачесть время предварительного заключения в срок наказания, а также если невиновность лица была доказана после отбытия предварительного заключения.

Кантональный уровень. В Швейцарии отсутствуют общие правила, регулирующие исполнение предварительного заключения. Национальное правительство не имеет каких-либо особых полномочий в этой области.

Как следствие, кантональные органы власти могут свободно регулировать исполнение предварительного заключения в соответствии с положениями УПК (п. 5 ст. 235). Правовыми источниками для регулирования предварительного заключения на кантональном уровне являются Вводные законы к УПК Швейцарии (*Einführungsgesetze* – законы-спутники, назначение которых состоит в приведении в действие норм основного закона); Законы об уголовных наказаниях и мерах пресечения и связанные с ними постановления, которые, иногда также предусматривают положения о предварительном заключении; Постановления об организации отдельных тюрем; Правила внутреннего распорядка; информационные листы и инструкции на уровне тюрем.

Компетенция кантональных органов в сфере уголовного права в области мер пресечения прямо указана в п.п. 2 и 3 ст. 123 Федеральной Конституции. Кантональный законодательный орган, осуществляя это полномочие, обычно регулирует исполнение наказаний и мер пресечения в соответствующем законе, не намереваясь при этом регулировать содержание под стражей в уголовно-процессуальных целях. В большинстве случаев кантональные законы об исполнении наказаний и мер пресечения не содержат прямых положений о предварительном заключении. Однако некоторые законы предусматривают аналогичное применение определенных положений к лицам, находящимся в предварительном заключении, если это совместимо с целью заключения, а уголовно-процессуальное законодательство не содержит каких-либо отклоняющихся положений. В кантонах Ури, Невшатель, Нидвальден и Во подробные правила исполнения предварительного заключения содержатся в местном законодательстве. Они обычно регулируют обязанности, прием, размещение, правовую помощь, контакты с внешним миром, досуг, работу, надзор и дисциплинарные вопросы в условиях содержания под стражей.

Если предварительное заключение в подобных законах не упоминается, то прямое применение положений законов, регулирующих исполнение наказаний и мер пресечения, исключается, поскольку текст этого закона «*Straf- und Massnahmenvollzugsgesetz*» (Закон об исполнении наказаний и мер пресечения) не допускает иного толкования, в том числе и применительно к предварительному заключению. Положения об исполнении наказаний и мер пресечения служат ценным руководством для определения порядка заключения под стражу, поскольку демонстрируют верхнюю границу вмешательства в основные права задержанного помимо ограничений, непосредственно вытекающих из оснований для предварительного заключения.

В тексте большинства кантональных вводных законов к УПК Швейцарии ничего не говорится об исполнении предварительного заключения, однако некоторые из них содержат положение о делегировании полномочий кантональной исполнительной власти, которая может издавать дополнительные нормативные акты на уровне постановлений, регулирующие исполнение изоляции от общества.

Можно сказать, что исполнение предварительного заключения регулируется на уровне постановлений в подавляющем большинстве кантонов. Соответствующие положения можно найти в документах о пенитенциарной системе или в тюремных правилах, в постановлениях об исполнении наказаний и мер или в тюремных постановлениях. Кроме того, некоторые кантоны регулируют дисциплинарную ответственность в отдельных постановлениях.

Кантональные постановления регулируют исполнение предварительного заключения специальными положениями и положениями об исполнении наказаний. Если законодатель воздержался от аналогично применимых положений, то правоприменительные органы обязаны решить, когда такое применение с учётом соответствующих различий совместимо с целями предварительного заключения. Это позволяет задать минимальные стандарты, которые необходимо соблюдать в случаях, когда речь идет о здравоохранении, лекарствах и медикаментах, мерах идентификации, контроле и обследовании, прямом принуждении и дисциплинарной ответственности.

Основополагающие положения кантонального законодательства, касающиеся правового статуса задержанных лиц, такие как право на уважение личности и человеческого достоинства, в равной степени применимы к лицам, находящимся в предварительном заключении. При этом конкретная цель содержания под стражей – беспрепятственное установление истины, предотвращение сговора или давления на свидетелей – может противоречить применению положений, которые в более широком смысле касаются контактов с внешним миром, то есть условиям размещения, свиданиям, отдыху, контактам с окружающим миром (корреспонденция и телефонные переговоры). В этом случае в полной мере действует принцип *«dubio pro duriore»*.

Очевидно, что положения, регулирующие виды исполнения наказаний (повседневное содержание под стражей, заключение в определенное время дня, дневной уход из камеры и т. д.), планирование тюрем и поддержка ресоциализации не могут быть общими, поскольку в каждом случае они вырабатываются с учетом местных особенностей. Внутренние правила, распоряжения и информационные листы, издаваемые администрацией пенитенциарных учреждений или соответствующим ведомством, не публикуются в кантональных правовых кодексах, но являются частью правовой системы кантонов.

Таким образом, исследование особенностей правового регулирования предварительного заключения в Швейцарии позволяет сделать следующие выводы.

Правовая система государства представляет собой одновременную реализацию двух принципов: презумпции невиновности (*«In dubio pro reo»*) и принципа *«In dubio pro duriore»* (при сомнении – по самому строгому варианту). Данные принципы нормативно обеспечиваются из разных правовых источников. Если презумпция невиновности реализуется в соответствии с международными договорами и Конституцией Швейцарии, то принцип *«In dubio pro duriore»* обеспечивается кантональным законодательством и положениями УПК. Свое наиболее яркое воплощение принцип *«In dubio pro duriore»* находит на практике, что делает условия предварительного заключения в Швейцарии одними из самых строгих в мире.

Правовое регулирование условий предварительного заключения в Швейцарии демонстрирует значительное разнообразие как с точки зрения уровней регламентирования, так и строгости условий содержания. В правовом дискурсе Швейцарии звучит мнение о том, что стандартизация нормативных и правовых актов в этой сфере на федеральном уровне или на уровне конкордата могла бы быть целесообразной с учетом чувствительного в современном мире вопроса прав человека.

1. Stockling H.U. Federalism in Switzerland. Paper presented on European Conf. “The Constitutional Status of the Regions in the Russian Federation and in other European Countries - the Role of the Regional Legislative Bodies in Strengthening “Unity in Diversity”

organized by the Congress of Local and Regional Authorities of Europe with the participation of the State Council of the Republic of Tatarstan (Russian Federation), 2 July 2003. P. 2.

2. Фарукшин А. М. Швейцарский федерализм и защита прав меньшинств // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2005. №1. С. 81-87.

3. Сасыкин К. Ю. О взглядах швейцарской доктрины на доступ к правосудию и путях имплементации некоторых подходов в российский уголовный процесс // Наука. Общество. Государство. 2021. Т. 9. № 3 (35). С. 88-98.

4. Головкин Л. В. Принцип *in dubio pro duriore* и теория неустрашимых сомнений, или о пользе изучения швейцарской уголовно-процессуальной доктрины // Закон. 2016. № 8. С. 72-84.

5. Трефилов А. А. Система источников уголовно-процессуального права Швейцарии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 3 (58). С. 87-91.

6. Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран : монография. М. : НИПКЦ Восход-А, 2019. 1024 с.

7. Бабаев М. М. Права человека и криминологическая безопасность : Учеб. пособие. М. : Логос, 2003. 153 с.

8. Программа для подготовки сотрудников полиции: учебное пособие. Женева: Информационный центр ООН, 1990. 200 с.

9. Права человека при отправлении правосудия : пособие по правам человека для судей, прокуроров и адвокатов: практическое пособие/ Нью-Йорк , Женева: Информационный центр ООН, 2003. 1118 с.

1. Stockling H.U. Federalism in Switzerland. Paper presented on European Conf. "The Constitutional Status of the Regions in the Russian Federation and in other European Countries - the Role of the Regional Legislative Bodies in Strengthening "Unity in Diversity" organized by the Congress of Local and Regional Authorities of Europe with the participation of the State Council of the Republic of Tatarstan (Russian Federation), 2 July 2003. P. 2.

2. Farukshin A. M. Shvejcarskij federalizm i zashchita prav men'shinstv // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. 2005. №1. S. 81-87.

3. Sasykin K.Yu. O vzglyadah shvejcarskoj doktriny na dostup k pravosudiyu i putyakh implementacii nekotoryh podhodov v rossijskij ugovolnyj process // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2021. T. 9. № 3 (35). S. 88-98.

4. Golovko L. V. Princip in dubio pro duriore i teoriya neustranimyh somnenij, ili o pol'ze izucheniya shvejcarskoj ugovolno-processual'noj doktriny // Zakon. 2016. № 8. S. 72-84.

5. Trefilov A. A. Sistema istochnikov ugovolno-processual'nogo prava Shvejcarii // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2016. № 3 (58). S. 87-91.

6. Trefilov A. A. Ugovolnyj process zarubezhnyh stran : monografiya. M. : NIPKC Voskhod-A, 2019. 1024 s.

7. Babaev, M. M. Prava cheloveka i kriminologicheskaya bezopasnost' : Ucheb. posobie. Moskva : Logos, 2003. 153 s.

8. Programma dlya podgotovki sotrudnikov policii: uchebnoe posobie. Zheneva: Informacionnyj centr OON, 1990. 200 s.

9. Prava cheloveka pri otravlenii pravosudiya : posobie po pravam cheloveka dlya sudej, prokurorov i advokatov: prakticheskoe posobie/ N'yu-Jork , Zheneva: Informacionnyj centr OON, 2003. 1118 s.

Информация об авторах

Константин Алексеевич Власов. Доцент кафедры иностранных и русского языков.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Алина Леонидовна Ермакова. Преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Constantine A. Vlasov. Associate Professor of the Department of Foreign and Russian languages.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Alina L. Ermakova. Lecturer at the Department of Social and Humanitarian Disciplines.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 15.12.2025.

Научная статья
УДК 343

ЭВТАНАЗИЯ: КОРРЕЛЯЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ И УГОЛОВНО-НАКАЗУЕМОГО ДЕЯНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯТРОГЕНИИ

Гаврилин Сергей Александрович

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орёл,
Россия

gavrilinsa@mail.ru

Аннотация. Ятрогения представляет собой особую категорию совершаемых преступных деяний, нашедших широкое распространение в эпоху постиндустриального общества. Несмотря на это, не стоит забывать о ретроспективе развития данного явления в периоды великих революций и мировых войн. В рамках данного исследования особое внимание уделяется такому виду выражения ятрогенных преступлений, как эвтаназия. Важно сказать, что восприятие данного феномена в различные временные промежутки оценивается дифференцированно. В настоящее время эвтаназия законодательно запрещена на территории Российской Федерации. Несмотря на это, достаточно часто встречаются случаи, когда медицинские работники пренебрегают данным запретом и совершают, по их мнению, благородный поступок, умертвляя тяжело больных людей. Данное обстоятельство послужило начальным этапом в вопросе изучения эвтаназии с точки зрения корреляция социального явления и уголовно-наказуемого деяния.

Ключевые слова: ятрогения, эвтаназия, социальное явление, уголовно-наказуемое деяние, медицинские работники.

Для цитирования: Гаврилин С. А. Эвтаназия: корреляция социального явления и уголовно-наказуемого деяния в контексте изучения ятрогении // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 292–297.

EUTHANASIA: THE CALLIGRAPHY OF A SOCIAL PHENOMENON AND A CRIMINALLY PUNISHABLE ACT IN THE CONTEXT OF THE STUDY OF IATROGENY

Sergey Al. Gavrilin

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

gavrilinsa@mail.ru

Annotation. Iatrogeny is a special category of criminal acts that have become widespread in the era of post-industrial society. Nevertheless, one should not forget about the retrospective development of this phenomenon during the great revolutions and world wars. Within the framework of this study, special attention is paid to such a type of expression of iatrogenic crimes as euthanasia. It is important to say that the perception of this phenomenon in different time periods is assessed differentially. Currently, euthanasia is legally prohibited on the territory of the Russian Federation. Despite this, it is quite common for medical professionals to disregard this prohibition and commit, in their opinion, a noble act, killing seriously ill people. This circumstance served as the initial stage in the study of euthanasia from the point of view of the calligraphy of a social phenomenon and a criminally punishable act.

Keywords: iatrogeny, euthanasia, social phenomenon, criminally punishable act, medical workers.

For citation: Gavrilin S. A. Euthanasia: the calligraphy of a social phenomenon and a criminally punishable act in the context of the study of iatrogeny // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 292–297.

Конституция Российской Федерации признается основным законом, действующим на территории указанного государства. В качестве высшей ценности она провозглашает права и свободы человека и гражданина, которые, в свою очередь, являются неотчуждаемыми с момента рождения и до момента смерти. Статья 41 упомянутого закона свидетельствует о том, что каждый человек имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. Помимо этого, на территории РФ также действует ФЗ от 21.11.2011 г. № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, статья 19 которого провозглашает, что каждый имеет право на медицинскую помощь в гарантированном объеме, оказываемую без взимания платы в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, а также на получение платных медицинских услуг и иных услуг, в том числе в соответствии с договором добровольного медицинского страхования. Несмотря на столь перспективное развитие правового пространства в области медицины, на сегодняшний день существуют некоторые нюансы, свидетельствовавшие о неполной состоятельности института оказания медицинской помощи. Дело в том, что с каждым годом все большее распространение находят такие девиантные общественные явления, как ятрогенные преступления. Сам термин «ятрогения» не является урегулированным с точки зрения нормативного закрепления. Более того, ятрогенные преступления не выделены в отдельную категорию дел в рамках уголовного законодательства. Тем не менее, перечень действий (бездействий), совершаемые медицинскими работниками в процессе оказания профессиональной помощи, подлежат уголовной ответственности в контексте применения имеющихся норм уголовного законодательства.

В рамках данного исследования особый интерес представляет такой феномен современного общества, как «эвтаназия». Она, в свою очередь, рассматривается в контексте ятрогенного преступления, что обуславливает необходимость её рассмотрения с точки зрения медицинского явления. Важно отметить, что впервые данный термин был упомянут в XVI веке. Данное обстоятельство позволяет говорить о том, что с точки зрения социального явления данный феномен берет своё начало задолго до формирования института ятрогении. Это, безусловно, свидетельствует об историческом развитии сущности данного явления, что предопределяет необходимость изучения его ретроспективы. Так, автором указанного термина является Фрэнсис Бэкон. Важно отметить, что его интерпретация изучаемого явления находит несколько иной контекст в сравнении с нынешней формулировкой. В своём трактате «Новый Органон» под эвтаназией автор понимает деятельность медицинских работников по обеспечению достойной смерти в случае наличия неизлечимого заболевания, влекущего за собой сильные физические и душевные страдания. Как можно заметить, Фрэнсис Бэкон вкладывал в данное определение контекстное понимание благого дела. В современном мире складывается иная ситуация. Эвтаназия понимается в контексте умышленных

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации 2011. № 48, ст. 6724.

действий или бездействий медицинского работника, осуществляемых с целью прекращения физических и психических страданий больного лица, находящегося в угрожающем жизни состоянии, способного повлечь летальный исход [5, с. 3]. С точки зрения законодательства РФ подобные деяния являются недопустимыми. В рамках Уголовного Кодекса РФ¹ они приравниваются к умышленному причинению смерти другому лицу ранее изученный ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в диспозиции ст. 45 также провозглашает тот факт, что медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, под которой понимается ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента. Анализируя изложенную формулировку, возникает необходимость упомянуть о том, что процедура «эвтаназии», как правило, осуществляется по мотиву сострадания неизлечимо больному лицу, просящего об облегчении мучений. Как можно заметить, в данном случае затрагивается нравственная составляющая данного явления, обуславливающая его социальную значимость [8, с. 1112]. На сегодняшний день, указанная проблематика более подробно рассматривается в науке биомедицины, а именно в биоэтике. Одним из наиболее значимых вопросов её изучения является контрастируемое сопоставление эвтаназии с убийством. Дело в том, что с точки зрения морали данное сравнение является несовместимым корректным. Об этом также свидетельствует дифференцируемое отношение людей к изучаемому явлению. Одним из аргументов выступает добровольное согласие больного на факт наступления смерти. Данное обстоятельство в иной формулировке затрагивает реализуемое человеком право на смерть. Помимо этого, в качестве аргумента также рассматривается неизбежность наступления летального исхода, что придает эвтаназии облик катализатора [3, с. 76]. С точки зрения науки уголовного права данное обстоятельство рассматривается в качестве условия наступления смерти, понимая под причиной наличие непосредственного тяжелого заболеваний. Изложенная информация прямо свидетельствует о некорректном использовании отождествления указанных деяний. Рассматривая эвтаназию в контексте социального явления важно уяснить, что в обществе сформировалось 2 точки зрения, касаемо рассматриваемого явления. Так, часть людей оправдывает действия медицинского работника по облегчению страданий неизлечимо больного лица, в то время как другая часть, возлагая надежды на выздоровление, подвергает «умерщвление лица» бурному осуждению. Двойственное положение является нормальным явлением, поскольку объясняется субъективным отношением каждого субъекта. Отсутствие однозначного подхода также объясняется дифференцированной практикой различных стран. Так, в Бельгии, Люксембурге и Нидерландах процедура «эвтаназии» является полностью легализованной. Важно отметить, что факт «легализации» имеет место лишь при соблюдении определенных условий, предъявляемых к указанной процедуре. К ним относятся:

1. Наличие неизлечимого заболевания;
2. Прогнозируемая продолжительность жизни менее 6 месяцев;
3. Наличие заявления больного о проведении эвтаназии;
4. Добровольность волеизъявления;
5. Самостоятельность осуществления «умерщвления».

Подробного рассмотрения требуют пункты «3» и «5». Так, обращаясь к условию, свидетельствовавшему о возможности проведения эвтаназии при наличии заявления больного лица, следует обратить своё внимание на то, что оно может варьироваться

¹ Уголовный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации 1996. № 25, ст. 2954.

в зависимости от вида процедуры. Они, в свою очередь, могут рассматриваться в контексте:

1. Добровольной эвтаназии;
2. Недобровольной эвтаназии [2, с. 39].

В качестве первой из представленного перечня выступает просьба неизлечимо больного лица об осуществлении процедуры «умерщвления» с целью уменьшения переживаемых страданий и ускорения процесса наступления смерти. Как таковая «просьба» имеет 2 возможные формы своего выражения. Наиболее актуальной является заблаговременно написанное письмо, схожее по содержанию с договором «доверенности». Помимо этого, в случаях, исключающих наличие возможности использования двигательных функций, просьба может носить устную форму, подлежащую обязательному занесению на электронный носитель посредством использования звукозаписывающего устройства [1, с. 47].

Недобровольная эвтаназия, в свою очередь, осуществляется по просьбе близких родственников или законных представителей больного лица. Она имеет обязательную письменную форму своего выражения и является допустимой в случаях, когда состояние пациента не позволяет ему самостоятельно принять решение о необходимости производства рассматриваемой процедуры. К ним, по большей степени, принято относить бессознательное состояние пациента или же наличие невменяемости, сопровождающейся отсутствием осмысленности принятых решений [7, с. 20].

Переходя к рассмотрению самостоятельности процедуры «умерщвления», важно сказать, что она также имеет вариативное понимание. В качестве альтернативных действий могут быть следующие:

1. Активная эвтаназия;
2. Пассивная эвтаназия.

В первом случае речь идёт непосредственно об осуществляемых действиях медицинского работника, направленных на ускорение факта наступления смерти. В контексте данного понимания рассматривается механизм введения препарата, содержащего сильнодействующие вещества. Важным аспектом является инициативная деятельность пациента. Она имеет место в том случае, когда у больного лица имеется возможность осуществления двигательных функций, посредством чего оно находится в состоянии самостоятельного введения препарата.

Пассивная эвтаназия более сходна с таким составом преступления, как «неоказание помощи больному». Само действие может выражаться в намеренном прекращении действий по поддержанию терапии. Наиболее часто оно находит отражение при отключении аппаратов, обслуживающих больного лица во время его нахождения в бессознательном состоянии. Согласие на данное действие дают близкие родственники.

Анализируя изложенное, возникает необходимость в сравнительно-правовой оценке законодательства РФ. Особый интерес представляет ст. 20 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Она регламентирует необходимость получения информированного добровольного согласия на осуществление медицинского вмешательства либо же отказ от как такового. В п. 3 указанной нормы говорится о том, что гражданин, один из родителей или иной законный представитель лица имеют право отказаться от медицинского вмешательства. Наряду с этим, законный представитель лица, признанного в установленном законом порядке недееспособным, осуществляет указанное право в случае, если такое лицо по своему состоянию не способно отказаться от медицинского вмешательства. Как можно заметить, подобная процедура наличествует и в государствах, признаваемых эвтаназию в качестве легализованной. На основе данных положений, многие лица считают обоснованным внедрение процедуры эвтаназии в действующее правовое поле РФ.

Помимо этого, в качестве обоснованности данной необходимости некоторые теоретики используют анализ правовой системы Римского права. Оно, в свою очередь, предусматривало возможность освобождения лица от юридической ответственности в случае причинения вреда потерпевшему по его просьбе или с его согласия.

Также, в настоящее время проводится аналогия с возможностью реализации процедуры усыпления применительно к животным. Как известно, эвтаназия является допустимой в случаях:

1. Когда животное страдает от неизлечимого заболевания и испытывает непереносимые страдания, которые невозможно облегчить другими способами;
2. Когда животное является переносчиком опасных заболеваний;
3. Когда животное представляет повышенную опасность в отношении людей в связи с проявлением немотивированной агрессией [6, с. 52].

Субъектом, осуществляющим данную деятельность, является врач – ветеринар. Важным аспектом является обязательное согласие владельца животного. На сегодняшний день эвтаназия животного возможна только в отдельных регионах РФ, что свидетельствует об ограниченности действия.

Возвращаясь к анализу нравственной составляющей, следует отдельное внимание уделить «врачебной клятве», лежащей в основе на профессиональной деятельности медицинских работников. В своем тексте она имеет следующие строки: «я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла...». Анализируя их содержание, представляется возможным сделать вывод о прямом недопущении возможности «умерщвления» живого лица, нуждающегося в оказании медицинской помощи. Возникает вопрос о том, как быть с людьми, каждодневно страдающими от тяжких мук в связи с неизлечимостью заболевания? Может показаться, что деятельность врачей в данном случае приобретает прообраз тирании. Однако, стоит отметить, что в настоящее время активному развитию подвергается институт паллиативной помощи. Она, в свою очередь, заключается в облегчении страданий, улучшении качества жизни и поддержки пациента, а также его семьи, в период неизлечимой болезни. С точки зрения нравственных начал, данный институт является наиболее гуманным и выступает некой альтернативой процедуре эвтаназии. С точки зрения социальной составляющей паллиативная помощь является необходимой, что объясняется политикой здравоохранения, направленной на оказание юридической, финансовой и бытовой помощью неизлечимо больным пациентам.

Анализируя изложенную информацию, представляется возможным сделать вывод о том, что эвтаназия является ятрогенным преступлением. Квалификация деяния в контексте умышленного причинения смерти другому лицу является не совсем корректной ввиду наличия мотива сострадания. Запрет эвтаназии в Российской Федерации является вполне оправданным, поскольку на сегодняшний день существуют более гуманные способы уменьшения физических и психических страданий. Явным примером является развитие института паллиативной помощи. В основе нравственной составляющей гуманизации данного явления лежит «врачебная клятва», базирующаяся на медицинском принципе «прежде всего не навреди».

-
1. Волков А. В. Автономия личности в контексте проблемы эвтаназии // Ценности и смыслы. 2017. № 2. С. 46–59.
 2. Кобякова О. С., Деев И. А., Куликов Е. С., Пименов И. Д., Нетаева М. А. Использование эвтаназии: факторы, определяющие отношение общества и законодательные аспекты (обзор литературы) // Социальные аспекты здоровья населения. 2018. № 5. С. 1–17.
 3. Момотов В. В. Биоэтика в контексте законодательства и правоприменения (эвтаназия) // Les Russica. 2019. № 10(155). С. 9–15.

4. Мустафаев С. Э. Эвтаназия: легализация и уголовная ответственность // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3(64). С. 130–135.
5. Смолькова И. В. Эвтаназия в российском правовом поле: вопросы теории и практики // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 4. С. 86–93.
6. Исаев Ю. С., Алексеев И. В., Жоголев П. В. Проблемы правовой регламентации эвтаназии в России // Пролог: журнал о праве. 2014. № 2. С. 25–29.
7. Сирик М. С. Эвтаназия в уголовном праве России. // Проблемы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 175–177.
8. Эргашев У. А. Эвтаназия как социальное явление // Экономика и социум. 2022. № 12-1 (103). С. 1110–1113.

1. Volkov A. V. Avtonomiya lichnosti v kontekste problemy` e`vtanazii // Cennosti i smy`sly`. 2017. № 2. S. 46–59.
2. Kobyakova O. S., Deev I. A., Kulikov E. S., Pimenov I. D., Netaeva M. A. Ispol`zovanie e`vtanazii: faktory`, opredelyayushhie otnoshenie obshhestva i zakonodatel`ny`e aspekty` (obzor literatury`) // Social`ny`e aspekty` zdorov`ya naseleniya. 2018. № 5. S. 1–17.
3. Momotov V. V. Bioe`tika v kontekste zakonodatel`stva i pravoprimeneniya (e`vtanaziya) // Les Russica. 2019. № 10(155). S. 9–15.
4. Mustafaev S. E`. E`vtanaziya: legalizaciya i ugovolnaya otvetstvennost` // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2016. № 3(64). S. 130–135.
5. Smol`kova I. V. E`vtanaziya v rossijskom pravovom pole: voprosy` teorii i praktiki // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2013. № 4. S. 86–93.
6. Isaev Yu. S., Alekseev I. V., Zhogolev P. V. Problemy` pravovoj reglamentacii e`vtanazii v Rossii // Prolog: zhurnal o prave. 2014. № 2. S. 25–29.
7. Siriek M. S. E`vtanaziya v ugovolnom prave Rossii. // Problemy` v rossijskom zakonodatel`stve. 2015. № 4. S. 175–177.
8. E`rgashev U. A. E`vtanaziya kak social`noe yavlenie // E`konomika i socium. 2022. № 12-1 (103). S. 1110–1113.

Информация об авторе

Сергей Александрович Гаврилин. Профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат социологических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Sergey Al. Gavrilin. Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines. Candidate of Sociological Sciences. Dotsent.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 15.12.2025.

Научная статья
УДК 343.13

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Демидова Алина Евгеньевна

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

Kotikhina13@gmail.com

Аннотация. Относительно предмета доказывания по уголовным делам, расследуемым в рамках производства о применении принудительных мер медицинского характера, имеются разные точки зрения. В статье рассмотрены позиции разных авторов и сделан вывод о необходимости по таким уголовным делам устанавливать как обстоятельства, указанные в специальной статье (статья 434 УПК РФ), что определяет их особый характер, так и те, которые законодателем в статье 73 УПК РФ отнесены к общему предмету доказывания.

Ключевые слова: предмет доказывания, особый предмет доказывания, производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Ендольцевой А. В.

Для цитирования: Демидова А. Е. Предмет доказывания по уголовным делам с применением принудительных мер медицинского характера // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 298–302.

SPECIAL SUBJECT OF PROOF IN CRIMINAL CASES CONCERNING THE USE OF COMPULSORY MEASURES OF A MEDICAL NATURE

Alina Ev. Demidova

Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia, Moscow, Russia

Kotikhina13@gmail.com

Annotation. There are different points of view regarding the subject of proof in criminal cases investigated within the framework of proceedings on the application of compulsory medical measures. The article examines the positions of various authors and concludes that in such criminal cases it is necessary to establish both the circumstances specified in a special article (Article 434 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), which determines their special nature, and those that the legislator, in Article 73 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, classifies as a general subject of proof.

Keywords: subject of proof, special subject of proof, proceedings on the application of compulsory medical measures.

Gratitude: the work was carried out with the support of the supervisor of the Professor of the Department of Criminal Procedure at the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation Endoltseva A.V.

For citation: Demidova A. E. Special subject of proof in criminal cases concerning the use of compulsory measures of a medical nature // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 298–302.

Производство о применении принудительных мер медицинского характера (ПОПММХ) считается особым производством [1, с. 17], определяемым спецификой уголовно-правового и уголовно-процессуального статуса лиц, в отношении которых ведётся расследование по таким уголовным делам. Особой чертой этого производства является необходимость реагирования правовой системы на сложную взаимосвязь между психическим состоянием лица и его уголовной виновностью [2, с. 57].

В соответствии со ст. 433 УПК РФ ПОПММХ распространяется на лиц, которые в момент совершения преступления находились в состоянии невменяемости, а также тех лиц, у которых психическое расстройство наступило уже после совершения преступления. Указанные категории лиц характеризуются особым процессуальным положением, поскольку на момент производства по уголовному делу они имеют психическое расстройство, и в зависимости от его характера и степени возникают, изменяются, прекращаются уголовно-процессуальные правоотношения. Значимо то, что лица, совершившие общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, не подлежат уголовной ответственности. К ним, если их психическое состояние опасно для них самих и для других людей, на основании решения суда применяются принудительные меры медицинского характера. Однако что касается лиц, у которых психическое расстройство наступило уже после преступления, то после их выздоровления на основании ч. 4 ст. 81 УК РФ производство по данному уголовному делу возобновляется (при условии, что не истекли сроки давности уголовного преследования). В силу сказанного предмет доказывания по такому уголовному делу должен учитывать указанную специфику.

Предмет доказывания в уголовном процессе был и остаётся актуальным вопросом, привлекающим внимание учёных. Уголовные дела с учётом современных реалий становятся всё сложнее, и вопрос о том, что именно необходимо доказать, имеет большое значение. Некоторые учёные, как, например, Ю. П. Боруленков, рассматривают предмет доказывания в широком смысле. По его мнению, каждый элемент, в том числе который не относится к ключевым обстоятельствам дела, должен быть как следует обоснован, так как он может стать предметом разногласий между сторонами обвинения и защиты [3, с. 20].

Такой автор, как «Ф. Н. Фаткуллин, выделяет три основные группы в структуре предмета доказывания: 1) факты и обстоятельства, находящиеся в рамках конструктивных признаков того или иного состава деяния; б) обстоятельства, имеющие иное юридическое значение по делу; в) обстоятельства, установление которых имеет доказательственное значение по делу. К. И. Попов сужает пределы предмета доказывания. Он считает, что предмет доказывания определён и ограничен законом (ст. 73 УПК РФ) и в него входят все обстоятельства дела, имеющие уголовно-правовое и уголовно-процессуальное значение» [4, с. 103].

Нельзя не согласиться со следующим высказыванием С. Я. Шефера: «В этом смысле предмет доказывания в самом общем виде следует трактовать как своеобразную программу доказательственной деятельности субъекта доказывания, в ходе которой отсекается всё, что лежит за пределами цели уголовно-процессуального познания» [5, с. 39]. Данное утверждение подчёркивает целенаправленный характер доказывания – установление тех обстоятельств, которые имеют правовое значение при разрешении уголовного дела. Несмотря на то что ст. 434 УПК РФ закрепляет обстоятельства, характерные лишь для ПОПММХ, среди учёных нет единой позиции об их соотношении с общими положениями ст. 73 УПК РФ. Является ли перечень, закреплённый в назван-

ной статье, исчерпывающим или же он дополняет общие требования, установленные ст. 73 УПК РФ?

Некоторые исследователи полагают, что при ППММХ следует устанавливать только обстоятельства, которые непосредственно относятся к данному производству. В. В. Николук и В. В. Кальницкий считают, что при производстве в отношении невменяемых лиц имеется специфический характер предмета доказывания, поэтому обстоятельства, подлежащие доказыванию, будут отличаться [6, с. 98]. С этим согласны А. В. Ленский и Ю. К. Якимович [7, с. 18]. Их позиция связана с установлением лишь обстоятельств, которые имеют прямое отношение к принятию решения о применении принудительных мер медицинского характера.

А. А. Ручина полагает, что «обстоятельств, указанных в ст. 434 УПК РФ, достаточно, так как их установление позволяет выявить наличие или отсутствие состава преступления» [8, с. 29]. Определяя специфику предмета доказывания по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера, С. Я. Яковлева и Е. В. Медведкова предлагают его расширить, называя в этой связи также обстоятельства, которые способствовали совершению общественно опасного деяния, а также иные обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела [4, с. 106]. Установление данных обстоятельств, по их мнению, необходимо, так как это позволит предотвратить совершение подобных деяний в будущем. Кроме того, выявленные сведения могут быть использованы при рассмотрении гражданских исков, связанных с возмещением вреда, причинённого действиями лиц, имеющих психическое расстройство, в соответствии со ст. 1076 Гражданского кодекса Российской Федерации¹. Иные обстоятельства позволяют суду всесторонне рассмотреть уголовное дело и назначить наиболее эффективную меру, предусмотренную ст. 99 Уголовного кодекса Российской Федерации². Такой подход позволяет учесть особенности психического состояния лица и обстоятельств совершённого им деяния, что способствует достижению целей лечения, реабилитации и предотвращения повторных общественно опасных деяний.

Наряду с точкой зрения об ограниченном предмете доказывания в ПОПММХ существует и иное мнение. Т. А. Михайлова [9, с. 61], А. Д. Аветисян [10, с. 76], Д. Н. Рогожкин [11, с. 279] полагают, что необходимо комплексно исследовать все обстоятельства, имеющие значения для дела, как связанные с психическим состоянием лиц, так и относящиеся к совершённому им деянию, поэтому при расследовании и рассмотрении уголовных дел в отношении лиц, больных психическим заболеванием, нужно устанавливать как обстоятельства, подлежащие доказыванию при ПММХ (особый предмет доказывания), так и обстоятельства, определяющие общий предмет доказывания. Такую позицию считаем правильной, поскольку в ходе расследования уголовного дела в отношении лица, страдающего психическим расстройством, могут быть выявлены различные сведения, которые могут повлиять как на принятие судом решения о применении принудительных мер медицинского характера, так и на дальнейшее расследование, особенно в случае возобновления производства по делу ввиду выздоровления лица, совершившего преступление.

Следует отметить, что в ст. 434 УПК РФ нет ссылки на ст. 73 УПК РФ, и наоборот. И в первом случае это, по нашему мнению, необходимо сделать. Ведь обстоятельства, подлежащие доказыванию при ППММХ (ст. 434 УПК РФ), крайне важны для этого производства, однако не следует ограничиваться только перечнем, предусмотренным в данной статье, так как обстоятельства, которые относятся к общему предмету

¹ Гражданский кодекс Рос. Федерации (часть вторая) [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

доказывания (например, указанные в пунктах 5, 7, 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, а также установленные ч. 2 этой же статьи), имеют значение для правильного разрешения любого дела, поэтому они также должны учитываться при принятии решения по уголовному делу, расследуемому и рассматриваемому судом в порядке, предусмотренном главой 51 УПК РФ. Это позволит установить не только наличие у лица психического расстройства, его характер и время наступления заболевания, но и обстоятельства совершённого общественно опасного деяния, запрещённого уголовным законом, доказать причастность конкретного лица к его совершению, ведь без выяснения всех этих моментов вынесение судебного решения о применении принудительных мер медицинского характера невозможно.

1. Якимович Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Т.: Изд-во ТГУ, 1991. 136 с.
2. Красильников А. В., Ручина А. А. Особенности досудебного производства о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних. Академия управления МВД России. М.: 2022. 104 с.
3. Боруленков Ю. П. Предмет доказывания как категория // Уголовное судопроизводство. 2014. № 3. С. 18-25.
4. Яковлева С. А., Медведкова Е. В. Особый предмет доказывания по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2018. № 3. С. 100-107.
5. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма. 2009. 126 с.
6. Николук В. В., Кальницкий В. В. Уголовно-процессуальная деятельность по применению принудительных мер медицинского характера. Омск: Омская высшая школа милиции МВД СССР, 1990. 136 с.
7. Ленский А. В., Якимович Ю. К. Производство по применению принудительных мер медицинского характера. М.: Юрист, 1999. 48 с.
8. Ручина А. А. Особенности обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве о применении принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних // Полицейская деятельность. 2019. С. 27-34.
9. Михайлова Т. А. Производство по применению принудительных мер медицинского характера: Методическое пособие. М., 1987. 74 с.
10. Аветисян А. Д. Отдельные аспекты совершенствования уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего производство о применении принудительных мер медицинского характера // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1. С. 74-77.
11. Рогожкин Д. Н. Проблемы полноты предмета доказывания в теории и практике уголовного процесса // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2. С. 278-281.

1. Yakimovich Yu. K. Struktura sovetskogo ugovalnogo processa: sistema stadij i sistema proizvodstv. Osnovny'e i dopolnitel'ny'e proizvodstva. T.: Izd-vo TGU, 1991. 136 s.
2. Krasil'nikov A. V., Ruchina A. A. Osobennosti dosudebnogo proizvodstva o primenenii prinuditel'ny'x mer medicinskogo haraktera v otnoshenii nesovershennoletnix. Akademiya upravleniya MVD Rossii. M.: 2022. 104 s.
3. Borulenkoy Yu. P. Predmet dokazyvaniya kak kategoriya // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2014. № 3. S. 18-25.
4. Yakovleva S. A., Medvedkova E. V. Osobyj predmet dokazyvaniya po ugovolny'm delam o primenenii prinuditel'ny'x mer medicinskogo haraktera // Vestnik Marijskogo

gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki». 2018. № 3. S. 100–107.

5. Shejfer S. A. Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovolny'm delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya. M.: Norma. 2009. 126 s.

6. Nikol'yuk V. V., Kal'niczkij V. V. Ugolovno-processual'naya deyatel'nost' po primeneniyu prinuditel'ny'x mer medicinskogo xaraktera. Omsk: Omskaya vy'sshaya shkola milicii MVD SSSR, 1990. 136 s.

7. Lenskij A. V., Yakimovich Yu. K. Proizvodstvo po primeneniyu prinuditel'ny'x mer medicinskogo xaraktera. M.: Yurist`, 1999. 48 s.

8. Ruchina A. A. Osobennosti obstoyatel'stv, podlezhashhix dokazyvaniyu pri proizvodstve o primenении prinuditel'ny'x mer medicinskogo xaraktera v otnoshenii nesovershennoletnix // Policejskaya deyatel'nost'. 2019. S. 27–34.

9. Mixajlova T. A. Proizvodstvo po primeneniyu prinuditel'ny'x mer medicinskogo xaraktera: Metodicheskoe posobie. M., 1987. 74 s.

10. Avetisyan A. D. Otdel'ny'e aspekty sovershenstvovaniya ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva, reglamentiruyushhego proizvodstvo o primenении prinuditel'ny'x mer medicinskogo xaraktera // Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2014. № 1. S. 74–77.

11. Rogozhkin D. N. Problemy polnoty predmeta dokazyvaniya v teorii i praktike ugolovnogo processa // Aktual'ny'e problemy ekonomiki i prava. 2013. № 2. S. 278–281.

Информация об авторе

Алина Евгеньевна Демидова. Адъюнкт.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the author

Alina Ev. Demidova. Adjunct.
Moscow University of the Ministry of Internal affairs of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 15.12.2025.

СИСТЕМА И МЕТОДЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Елесина Ирина Геннадьевна¹, Сухарева Елена Викторовна²

^{1,2}Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

¹irena-spb74@list.ru

²ev.sukhareva@mail.ru

Аннотация. В современном обществе наблюдается увеличение различных форм девиантного поведения, которое противоречит установленным нормам и правилам, принятым как государством, так и сообществом. Преступность, будучи изменчивым явлением, быстро адаптируется к переменам, происходящим в разных аспектах жизни, трансформируя свои методы и приёмы. Она демонстрирует способность к саморазвитию и использует все доступные ресурсы для своей защиты, обладая значительным материальным и техническим потенциалом. В условиях текущей ситуации крайне важно сосредоточить усилия на создании эффективной стратегии и тактики социального контроля, направленных на борьбу с преступностью.

Ключевые слова: преступность, контроль, наказание, профилактика.

Для цитирования: Елесина И. Г., Сухарева Е. В. Система и методы социального контроля над преступностью // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105) С. 303–308.

THE SYSTEM AND METHODS OF SOCIAL CONTROL OVER CRIME

Irina G. Yelesina¹, Elena V. Sukhareva²

^{1,2}St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russia

¹irena-spb74@list.ru

²ev.sukhareva@mail.ru

Annotation. In modern society, there is an increase in various forms of deviant behavior that contradicts established norms and rules adopted by both the state and the community. Crime, being a volatile phenomenon, quickly adapts to the changes taking place in different aspects of life, transforming its methods and techniques. She demonstrates the ability to self-develop and uses all available resources for her protection, possessing significant material and technical potential. In the current situation, it is extremely important to focus efforts on creating an effective strategy and tactics of social control aimed at combating crime.

Keywords: crime, control, punishment, prevention.

For citation: Yelesina I. G., Sukhareva E. V. System and methods of social control over crime // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105) P. 303–308.

Каждое государство, стремясь сократить нежелательные для общества формы поведения и их представителей, разрабатывает систему общественного контроля за преступностью и другими видами девиантного поведения. В широком смысле социаль-

ный контроль над преступностью охватывает создание норм, их применение (включая наказания) и предупреждение правонарушений [1, с. 420].

В концептуальном плане действие социального контроля основывается наощерении поведения, соответствующего социальным нормам, и неодобрении поступков, которые отклоняются от этих норм, часто называемых антисоциальными. Фактически каждый социальный институт представляет собой особую систему организации социального контроля, которая отличается по характеру и степени влияния на индивидуумов. К таким институтам можно отнести образование, семью, политику, религию и другие. Когда мы обсуждаем такой негативный аспект общества, как преступность, стоит отметить, что её уровень на протяжении всей истории человечества всегда был и остаётся отрицательным [2, с. 36].

Анализируя криминогенную ситуацию в России, можно утверждать, что колебания в уровне преступности, как и наблюдаемое увеличение правонарушений, напрямую связаны с разрушительными факторами, которые обусловлены социально-экономическим статусом граждан. Обратившись к историческим событиям, можно увидеть, что на протяжении развития общества преступные явления либо возрастали, либо утихали, в зависимости от того, как складывались социальные, экономические и политические условия. Таким образом, уровни преступности изменяются в результате как позитивных, так и негативных воздействий в рамках общества.

Продолжая углублённое исследование преступности и её причин, многие криминологи сосредоточили свои усилия на разработке методов предотвращения правонарушений. Процесс демократизации в России увеличил роль социального контроля в системе противодействия преступному поведению, что, безусловно, является позитивным аспектом. Тем не менее существуют определённые сложности, связанные с недостаточной эффективностью механизмов социального контроля над правонарушениями, которые на протяжении длительного времени исследуются учёными-криминологами. К числу таких проблем можно отнести резкий рост криминогенной детерминации, факторы которой были упомянуты ранее, а также увеличение уровня самодетерминации преступности.

На уровень преступности в обществе также оказывают влияние различные другие факторы, которые снижают эффект социального контроля. К примеру, недостаточная адаптивность уголовного и уголовно-процессуального законодательств, отвечающего за борьбу с преступлениями, а также консервативный подход к мерам по противодействию преступности и игнорирование состояния пенитенциарной системы.

Когда речь заходит о влиянии социального контроля на уровень преступности, необходимо упомянуть и его целенаправленный характер, проявляющийся в увеличении внимания к конкретным социальным группам. В общем, можно отметить, что социальный контроль осуществляется на трёх уровнях: общем, групповом и индивидуальном. Тем не менее в данном контексте особое значение имеет именно групповое внимание, которое занимает определённое положение.

В системе социального контроля над преступностью ключевым аспектом является не только осуществление положительного влияния на различные элементы общества, но и поэтапное развитие социальной активности граждан в решении значимых общественных вопросов и задач. В обществе, где каждый или, по крайней мере, большинство людей заинтересованы в создании комфортных условий жизни, предпринимаются конкретные шаги к достижению поставленных целей [3, с. 94]. В таком контексте меры государственного и социального воздействия в борьбе с преступностью образуют целостный комплекс, который позволяет эффективно и в нужные сроки устранять проявления негативных явлений и сохранять баланс в обществе. Формирование активной гражданской позиции становится важным условием для создания направленного

и системного подхода к решению проблем, что в конечном итоге приводит к более безопасной и устойчивой социальной среде.

Таким образом, в текущих условиях эволюция социального контроля в противодействии преступности является важной для интересов демократического правового государства. Значение социального контроля постепенно возрастает в общественном восприятии. Основная цель общества состоит в укреплении социальных институтов для эффективного и гибкого реагирования на такие социально-негативные явления, как преступность.

Система социального контроля над преступностью включает в себя следующие компоненты:

- криминализацию определённых действий;
- создание институтов официального контроля за преступностью (таких как полиция, прокуратура, суды, органы исполнения наказаний, включая тюремную систему и другие) и регламентацию их деятельности;
- работу учреждений и должностных лиц, направленную на выявление преступлений, выявление преступников, назначение и выполнение наказаний;
- усилия институтов, организаций и частных граждан, занимающихся неформальным контролем за преступностью (например, семья и образовательные учреждения);
- действия различных должностных лиц и общественных организаций, направленные на профилактику (предотвращение) правонарушений [4, с. 192].

В конечном итоге система контроля за преступностью в обществе состоит из двух ключевых подходов: карательного и профилактического.

Главным аспектом социального контроля является именно наказание. Использование карательных мер направлено на достижение ряда целей, среди которых восстановление социальной справедливости, реабилитация осуждённых, а также предупреждение о возможности совершения новых правонарушений. Тематика уголовного наказания на протяжении веков неизменно привлекала внимание философов и учёных.

На протяжении всей истории человечества использовались самые разные методы наказания, включая те, которые отличались крайней жестокостью, такие как казнь и различные виды пыток. Тем не менее ни один из применяемых методов не смог полностью устранить преступность. Со временем отношение общества к наказанию изменилось, были поставлены новые цели, разработаны и отработаны новые методы их достижения. Для достижения этих целей разрабатывались и практиковались новые методы. Определённым достижением человечества следует считать тот факт, что все современные государства перед уголовным наказанием чётко определили в своих законах общественно полезную цель – назначение и исполнение уголовного наказания. Одним из самых распространённых методов наказания является лишение свободы. В последние годы в обществе сложилось мнение, что лишение свободы является довольно неэффективным средством наказания, имеющим множество негативных последствий и побочных эффектов.

По мнению многих учёных, лишение свободы на срок более четырёх-шести лет вызывает необратимые изменения в психике человека [5, с. 172]. Лишённые свободы заключённые часто приобретают криминальные навыки и привычки, а не проходят «реабилитацию» или «перевоспитание».

Недостатки наказаний в виде лишения свободы, которые негативно сказываются как на правонарушителях, так и на обществе, являются одной из причин интереса криминологов к санкциям, не связанным с лишением свободы. Однако, несмотря на многочисленные недостатки, без этого вида наказания обойтись обществу и государству невозможно.

Наряду с наказанием в систему социального контроля над преступностью входит и её профилактика. «Предупреждение преступности – это комплексная система мер, преследующая такие цели, как выявление, устранение, минимизация и ослабление причин и условий преступности в целом, отдельных её видов и преступных групп». Помимо этих целей, предупреждение преступности также необходимо для того, чтобы удержать тех, чьи жизненные обстоятельства и/или поведение указывают на реальную возможность совершения преступления в будущем, от вступления на преступный путь или возвращения на него [6, с. 96].

В социальном контроле обычно выделяют «официальный» и «неофициальный» контроль, которые взаимодействуют друг с другом, и степень соответствия первого второму влияет на содержание уголовной политики. В криминологии для повышения эффективности социального контроля (предупреждения преступности) используются механизмы, связанные с формальным и неформальным контролем. Эти механизмы направлены на минимизацию противоправного поведения, устранение причин и условий совершения преступлений.

Субъектами официального контроля являются государство, общественные организации и лица, наделённые специальными полномочиями (такие полномочия предусмотрены в Конституции РФ, законах и подзаконных актах или, например, в актах органов государственной власти).

Неформальный контроль осуществляется в различных формах: в группах коллег и в семейном окружении. Важно отметить, что одним из наиболее ярких проявлений неформального контроля является общественное мнение [7, с. 205].

Различают три уровня предупреждения преступности: общее предупреждение преступности, вторичное предупреждение преступности и третичное предупреждение преступности. Общее предупреждение преступности включает в себя меры по улучшению экономической, политической, социальной и духовной сфер общества. Основой мер общего предупреждения преступности можно назвать создание надлежащих условий для формирования и развития населения, улучшение жизнедеятельности людей, выявление, ослабление, нейтрализация и устранение детерминант преступности (причин, условий и факторов). Однако недостаточно обеспечить соответствие социального поведения людей, необходимо уделять внимание формированию и поддержанию социально-правовой активности людей, выражающейся в активном противодействии нарушениям закона. При специальном предупреждении преступности криминологи выделяют сферы деятельности, объекты и отдельные социальные группы, склонные к совершению преступлений. В частности, к таким группам относятся лица без определённого источника дохода и те, кто находится за чертой бедности, то есть те, чьё выживание не гарантировано их доходами; несовершеннолетние, живущие в неблагополучных семьях; и другие группы риска. Индивидуальный уровень предупреждения преступности касается личности, а целью индивидуальной профилактики является нейтрализация девиантного поведения конкретного человека и развитие у него антикриминальных качеств. Профилактика как метод социального контроля над преступностью важна потому, что она оказывает негативное влияние на состояние преступности. Поэтому важно не само состояние социального контроля, а то, насколько оно соответствует признакам социального контроля. Речь идёт о его развитии.

Различные аспекты социального контроля имеют криминологическое значение. Не следует ни преувеличивать, ни недооценивать значение наказания. Если до совершения преступления основным методом контроля является профилактика, то после совершения преступления первостепенное значение имеет обеспечение неотвратимости и справедливости уголовной ответственности и наказания. В конечном счёте меры уголовного законодательства «работают» на предотвращение новых преступлений и рецидивов, если только их применение целесообразно. Следует напомнить, что «ана-

лиз личности правонарушителя является ключевым элементом для формирования научно обоснованных и эффективных мер по предотвращению, прежде всего, индивидуального преступного поведения» [8, с. 204].

1. Гишинский Я. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 4-е изд. СПб: Алеф-Пресс, 2018, С. 392–459.
2. Кудрявцев В. Н. Преступность и нравы переходного общества. М.: Гардарики, 2002. 237 с.
3. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое исследование. М.: Норма, 2025. 368 с.
4. Актуальные проблемы криминологии: учеб. пособие для магистратуры / Я. И. Гишинский, Ю. В. Морозова, П. В. Федышина. СПб.: С.- Петерб. юрид. ин-т, 2016, 192 с.
5. Гишинский Я. И., Рабош А. В. Наказание в системе социального контроля над преступностью // Общество и право. 2013. № 3. С. 170–175.
6. Петренко А.В., О понятии предупреждения преступлений // Вестник Международного института экономики и права. 2011. № 1(2). С. 92-100.
7. Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Криминология (Общая часть): учеб. пособие. Томск: Томский гос. ун-т, 2017, 205 с.
8. Елесина И. Г., Сухарева Е. В. Понятие, структура и криминологическая характеристика личности преступника // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 201–205.

1. Gilinskij Ya. Kriminologiya: teoriya, istoriya, e`mpiricheskaya baza, social`ny`j kontrol`. 4-e izd. SPb: Alef-Press, 2018, S. 392–459.
2. Kudryavcev V. N. Prestupnost` i nrayv` perexodnogo obshhestva. M.: Gardariki, 2002. 237 s.
3. Antonyan Yu. M., E`minov V. E. Lichnost` prestupnika. Kriminologo-psixologicheskoe issledovanie. M.: Norma, 2025. 368 s.
4. Aktual`ny`e problemy` kriminologii: ucheb. posobie dlya magistratury` / Ya. I. Gilinskij, Yu. V. Morozova, P. V. Fedy`shina. SPb.: S.- Peterb. yurid. in-t, 2016, 192 s.
5. Gilinskij Ya. I., Rabosh A. V. Nakazanie v sisteme social`nogo kontrolya nad prestupnost`yu // Obshhestvo i pravo. 2013. № 3. S. 170–175.
6. Petrenko A.V., O ponyatii preduprezhdeniya prestuplenij // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta e`konomiki i prava. 2011. № 1(2). S. 92-100.
7. Prozumentov L. M., Shesler A. V. Kriminologiya (Obshhaya chast`): ucheb. posobie. Tomsk: Tomskij gos. un-t, 2017, 205 s.
8. Elesina I. G., Suxareva E. V. Ponyatie, struktura i kriminologicheskaya xarakteristika lichnosti prestupnika // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 1(102). S. 201–205.

Информация об авторах

Ирина Геннадьевна Елесина. Доцент кафедры юридической психологии, кандидат педагогических наук, доцент.

Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.

Елена Викторовна Сухарева. Начальник кафедры организации работы полиции, кандидат педагогических наук.

Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.

Information about the authors

Irina G. Yelesina. Associate Professor of the Department of Legal Psychology.
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Str., 1.

Elena Viktorovna Sukhareva. Head of the Department of Police Work Organization.
Candidate of Pedagogical Sciences.
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Str., 1.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 15.12.2025.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Есина Анастасия Валерьевна

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия

aleshinaav02@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу психологических аспектов преследования, проявляющегося в форме систематического навязчивого поведения, и их значения для уголовно-правовой квалификации и доказывания. Рассматриваются психологические механизмы воздействия на потерпевшего и мотивационные особенности поведения лица, осуществляющего преследование, в контексте разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 119 и 137 УК РФ. Обосновывается необходимость учета психологического восприятия угрозы потерпевшим и характера психического воздействия при оценке общественной опасности деяния и обосновании уголовно-правовой квалификации. Особое внимание уделяется вопросам процессуального закрепления психологических факторов и анализу российской судебной практики по делам, связанным с угрозами и вмешательством в частную жизнь.

Ключевые слова: преследование, stalking, психология, жертва, преследователь, мотив, квалификация, уголовное право.

Для цитирования: Есина А. В. Психологические аспекты преследования в уголовном праве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 309–314.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF PURSUIT IN CRIMINAL LAW

Anastasiya V. Esina

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia,

aleshinaav02@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the analysis of the psychological aspects of harassment, manifested in the form of systematic obsessive behavior, and their significance for criminal legal qualification and proof. The psychological mechanisms of influence on the victim and the motivational features of the behavior of the person carrying out the harassment are considered in the context of distinguishing between the crimes provided for in Articles 119 and 137 of the Criminal Code of the Russian Federation. The necessity of taking into account the psychological perception of the threat by the victim and the nature of the mental influence is substantiated when assessing the public danger of the act and justifying the criminal legal qualification. Special attention is paid to the procedural consolidation of psychological factors and the analysis of Russian judicial practice in cases involving threats and interference in private life.

Keywords: harassment, stalking, psychology, victim, stalker, motive, qualification, criminal law.

For citation: Esina A. V. Psychological aspects of pursuit in criminal law // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 309–314.

Преследование представляет собой не просто проявление антисоциального поведения, а также сложное клиническое и правовое явление, которое направлено на систематическое излишнее внимание к определённому человеку и проявляется в различных формах в виде постоянных звонков, сообщений, физического слежения или даже угроз, которое вызывает у жертвы чувство небезопасности, страха, тревоги или безысходности [1, с. 68]. Благодаря развитию информационных технологий и социальных сетей появились новые формы и масштабы преследования, которые стали серьёзной проблемой для общества. При исследовании феномена преследования в российской науке всё чаще встречается термин «сталкинг» (от англ. *«stalking»*). Президентом России В. В. Путиным был подписан Федеральный закон Российской Федерации от 28.02.2023 № 52 ФЗ «О государственном языке Российской Федерации», регулирующий употребление иностранных слов¹.

Основная цель этого закона – обеспечить сохранность и чистоту государственного языка, а также усилить его позиции в общественной жизни страны и сохранить культурную идентичность. Закон предусматривает ограничение использования иностранных слов, если существуют их эквиваленты в русском языке. В связи с этим, в настоящей статье в уголовно-правовом анализе используется термин «преследование», тогда как понятие «сталкинг» применяется исключительно в криминологическом и психологическом значении – для характеристики моделей поведения и мотивационных особенностей преследователя.

В зарубежных исследованиях преследование традиционно анализируется через типологии личности и мотивации преследователя, наиболее известной из которых является классификация, предложенная П. Мулленом и соавторами. В её рамках выделяются группы лиц, действия которых обусловлены отвержением и желанием восстановить утраченные отношения, стремлением к установлению мнимой эмоциональной близости, дефицитом социальных навыков, а также мотивами мести и возмездия [2, с. 10]. Схожие подходы прослеживаются и в классификации М. А. Зоны, где ключевым критерием выступает характер мотивации и степень фиксации на объекте преследования, включая одержимые и эротоманические формы поведения, а также случаи ложной виктимизации [3, с. 895].

Несмотря на различия в терминологии, указанные типологии во многом пересекаются и направлены на выявление психологических предпосылок навязчивого поведения. Вместе с тем представленные классификации имеют преимущественно клинико-психологическое и криминологическое значение и не могут быть напрямую использованы в качестве юридических критериев уголовной ответственности. Для уголовного права они представляют интерес постольку, поскольку позволяют оценить мотивацию преследователя, вероятность эскалации поведения и степень общественной опасности совершаемых действий.

Теоретическое осмысление феномена преследования за рубежом опирается на ряд психологических концепций, в том числе теорию привязанности Дж. Боулби [4, с. 24], теорию социального научения А. Бандуры [5, с. 32] и теорию рационального выбора [6, с. 18]. Однако их значение для уголовно-правового анализа носит опосредованный характер и заключается не в объяснении происхождения поведения как такового, а в выявлении устойчивых моделей воздействия на потерпевшего и мотивов, имеющих значение для оценки вины и характера умысла. Таким образом, зарубежные типологии и психологические теории могут использоваться в уголовно-правовом исследовании преследования исключительно в аналитическом ключе – для обоснования повышенной общественной опасности отдельных форм поведения и необходимости их

¹ О государственном языке Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 28 февраля 2023 г. № 52-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 9. Ст. 1390.

дифференцированной правовой оценки, но не в качестве самостоятельного основания для квалификации деяния.

Уголовно-правовая оценка преследования не может ограничиваться установлением отдельных фактических эпизодов поведения преследователя. Существенное значение имеют психологические аспекты, отражающие характер и интенсивность воздействия на потерпевшего, а также мотивацию лица, совершающего преследование. Именно совокупность повторяемости действий и их психического воздействия позволяет оценить степень общественной опасности деяния.

Психологическое воздействие преследования выражается прежде всего в формировании у потерпевшего устойчивого состояния страха и тревожного ожидания повторения противоправных действий. Для уголовно-правовой оценки данное состояние имеет значение при решении вопроса о реальности угрозы, а также при разграничении социально навязчивого поведения и деяний, обладающих признаками преступления. Длительное и систематическое воздействие со стороны преследователя может приводить к выраженному снижению чувства безопасности и контролируемости собственной жизни, что проявляется в вынужденном изменении образа поведения потерпевшего, ограничении социальных контактов и уклонении от привычных маршрутов передвижения. Указанные обстоятельства имеют значение для установления интенсивности психического воздействия и подтверждения устойчивого характера преследования. В наиболее тяжёлых случаях последствия преследования могут приобретать форму стойких психических нарушений, требующих профессиональной оценки. Однако для уголовного права принципиально важно не наличие медицинского диагноза как такового, а доказуемость факта причинения психического вреда и его связь с противоправным поведением преследователя, что должно учитываться при квалификации деяния и назначении наказания.

Психологический стресс, обусловленный систематическим преследованием, нередко сопровождается соматическими реакциями, однако для уголовно-правовой оценки принципиальное значение имеет не перечень физиологических симптомов, а степень влияния противоправного поведения на жизнедеятельность потерпевшего.

Существенным индикатором интенсивности психологического воздействия является вынужденное изменение образа жизни жертвы. Оно может выражаться в корректировке привычных маршрутов передвижения, ограничении социальных контактов, смене места жительства либо трудовой деятельности. Указанные обстоятельства свидетельствуют о нарушении чувства безопасности и контроля над собственной жизнью и имеют значение для подтверждения устойчивого и навязчивого характера преследования. В данном контексте обращение к виктимологическим аспектам оправдано постольку, поскольку анализ взаимодействия поведения преследователя и реакции потерпевшего позволяет выявить факторы, усиливающие общественную опасность деяния, а также обосновать необходимость уголовно-правового вмешательства. Учет этих обстоятельств способствует более точной оценке характера причинённого вреда и дифференциации юридической ответственности.

Виктимологические исследования, посвящённые преследованию, имеют значение для уголовно-правового анализа постольку, поскольку позволяют выявить признаки повышенной уязвимости потерпевшего и оценить характер психического воздействия, оказываемого преследователем [7, с. 54]. При этом для уголовного права принципиально важны не социально-демографические характеристики жертвы как таковые, а их связь с возможностью восприятия угрозы и интенсивностью причинённого вреда.

Наиболее значимыми в данном контексте являются ситуации, связанные с разрывом близких или личных отношений, а также случаи, когда преследование сопровождается угрозами применения насилия [8, с. 12]. Указанные обстоятельства свидетельствуют о повышенном риске эскалации противоправного поведения и имеют значение при оценке реальности угрозы и степени общественной опасности деяния. По данным кримино-

логических исследований, наличие угроз в структуре преследования существенно повышает вероятность перехода к насильственным формам поведения [9, с. 15]. Таким образом, виктимологический анализ в рамках уголовно-правового исследования преследования должен быть ориентирован не на формирование универсальных стратегий защиты, а на выявление факторов, подлежащих учёту при квалификации деяния, определении характера умысла преследователя и выборе мер уголовно-правового реагирования.

Степень общественной опасности действий преследователя определяется не только формальными признаками совершённых действий, но и характером их психологического воздействия на потерпевшего, а также мотивами лица, осуществляющего преследование. Именно данные обстоятельства позволяют разграничить социально навязчивое поведение и деяния, обладающие признаками преступления.

Учет психологических факторов имеет принципиальное значение при уголовно-правовой квалификации, поскольку восприятие угрозы потерпевшим и устойчивость вызываемого ею страха непосредственно влияют на вывод о её реальности. Так, при решении вопроса о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ¹, суду необходимо установить не только факт высказывания угрозы, но и наличие оснований опасаться её осуществления, что невозможно без оценки психологического состояния потерпевшего и контекста предшествующего преследования.

В этом смысле систематичность навязчивых действий, их направленность и интенсивность психологического воздействия выступают ключевыми критериями, позволяющими обоснованно квалифицировать поведение преследователя и определить степень его общественной опасности [11, с. 167].

Анализ судебной практики, размещённой в государственной автоматизированной системе «Правосудие», свидетельствует о том, что при формальном подходе к оценке угроз суды нередко ограничиваются анализом отдельных высказываний обвиняемого, не исследуя систематичность его поведения и психологическое воздействие на потерпевшего. Такой подход приводит к отказу в признании угрозы реальной либо к переквалификации деяния в менее тяжкие правонарушения². Вместе с тем в судебных решениях, где учитываются повторяемость навязчивых действий, изменение образа жизни потерпевшего и устойчивое состояние страха, суды приходят к выводу о наличии оснований опасаться осуществления угрозы и обоснованности уголовной ответственности по ст. 119 УК РФ. Указанная практика подтверждает необходимость комплексной оценки психологического воздействия преследования при квалификации деяния.

Мотив преследователя имеет существенное значение при уголовно-правовой оценке содеянного и индивидуализации наказания. В соответствии с положениями ст. 60 УК РФ при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности совершённого преступления, личность виновного, а также мотивы и цели преступного поведения³. В этом контексте преследование, совершаемое из мотивов мести, контроля или намеренного причинения психического вреда, объективно свидетельствует о более высокой общественной опасности по сравнению с навязчивым поведением, обусловленным дефицитом социальных навыков, при отсутствии умысла на причинение вреда.

Установление психологических аспектов преследования требует привлечения специалистов в области психологии и психиатрии. Психологическое обследование потерпевшего позволяет оценить характер и степень психического воздействия,

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² ГАС РФ «Правосудие» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения 10.11.2025).

³ Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Фед. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

устойчивость вызванного страха и его влияние на поведение жертвы, что имеет значение для подтверждения реальности угрозы и интенсивности противоправного воздействия. В свою очередь, участие психиатра необходимо для оценки психического состояния преследователя, выявления возможных психических расстройств и решения вопроса о его вменяемости либо ограниченной вменяемости. Разграничение компетенции психологической и психиатрической оценки имеет принципиальное значение для правильного установления субъективной стороны деяния и обеспечения обоснованной уголовно-правовой квалификации.

В заключение хотелось бы отметить, что психологические аспекты преследования играют важную роль в понимании данного сложного и многогранного явления. Анализ воздействия на жертву, мотивации преследователя позволит квалифицировать факты, связанные с преследованием.

Для обеспечения комплексного и эффективного противодействия явлению преследования (сталкинга) целесообразно интегрировать усилия различных профессиональных сфер, включая правоохранительные органы, судебную систему, а также специалистов в области клинической и правовой психологии и психиатрии. Привлечение квалифицированных психологов и психиатров на стадии расследования позволяет более точно оценивать мотивацию преследователя, выявлять потенциальные риски эскалации поведения, а также разрабатывать индивидуализированные рекомендации по защите жертвы. Одновременно актуальным представляется совершенствование нормативной правовой базы, ориентированной на чёткое определение состава деяния, связанного со сталкингом, установление мер уголовной и административной ответственности, а также механизмов оперативного реагирования. Особое внимание должно быть уделено разработке профилактических стратегий и внедрению обучающих программ для сотрудников правоохранительных органов, судей и представителей социальных служб.

Кроме того, не менее важным компонентом является формирование устойчивой общественной осведомлённости о проблеме преследования. Это включает проведение просветительских кампаний, направленных на информирование населения о признаках сталкинга, возможных последствиях для жертвы и способах обращения за помощью. Повышение уровня знаний в этой сфере среди широкой аудитории способствует снижению стигматизации жертв и укреплению их доверия к институтам правовой защиты.

1. Афанасьева И. В., Афанасьев И. В., Пимонов В. А. Преследование (сталкерство): формы поведения, типологии, ответственность в зарубежном и российском законодательстве // Психология и право. 2024. Т. 14. № 2. С. 67–76.
2. Mullen P. E., Pathé M., Purcell R. Stalking: New constructions of human behaviour. // The Australian and New Zealand Journal of Psychiatry, 2001. Vol. 35. No. 1, P. 9–16.
3. Zona M. A., Sharma K. K., Lane J. C. A comparative study of erotomanic and obsessional subjects in a forensic sample. Journal of Forensic Sciences, 1993. Vol. 38, № 4, P. 894–903.
4. Bowlby's Attachment Theory [Электронный ресурс]: URL: <https://www.simplypsychology.org/bowlby.html> (дата обращения: 27.09.2025).
5. Bandura's Social Learning Theory [Электронный ресурс]: URL: <https://www.simplypsychology.org/bandura.html>, (дата обращения: 27.09.2025).
6. Rational Choice Theory [Электронный ресурс]: URL: <https://soztheo.de/theories-of-crime/rational-choice/rational-choice-theory/?lang=en>, (дата обращения: 27.09.2025).
7. Sgarbi C., De Fazio, L. Lo stalking: profile vittimologici e strumenti di tuteladelle vittime // Italian journal of criminology № 8 (1), P. 50–60.
8. Stalking [Электронный ресурс]: URL: <https://doi.org/10.4324/9780367198459-reprw9-1> (дата обращения: 27.09.2025).

9. Rosenfeld B. Violence Risk Factors in Stalking and Obsessional Harassment // A Review and Preliminary Meta-Analysis. Criminal Justice and Behavior, 31(1), 2004, p. 9–36.
10. Stalking. Elsevier eBooks. – 2023. (pp. 611–616). [Электронный ресурс]: URL: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-823677-2.00058-1> (дата обращения: 27.09.2025).
11. Weekes C. J., Storey, D. M. Stalking. Elsevier BV. (2024). [Электронный ресурс]: URL: <https://doi.org/10.1016/b978-0-443-21441-7.00086-8> (дата обращения: 27.09.2025).
12. Круковский В. Е., Мосечкин И. Н. О формах нефизического (психологического) насилия в уголовном законодательстве России // Психология и право, 2020. № 10(1). С. 165–176.

1. Afanas`eva I. V., Afanas`ev I. V., Pimonov V. A. Presledovanie (stalkerstvo): formy` povedeniya, tipologii, otvetstvennost` v zarubezhnom i rossijskom zakonodatel`stve // Psixologiya i pravo. 2024. T. 14. № 2. С. 67–76.
2. Mullen P. E., Pathé M., Purcell R. Stalking: New constructions of human behaviour. // The Australian and New Zealand Journal of Psychiatry, 2001. Vol. 35. No. 1, P. 9–16.
3. Zona M. A., Sharma K. K., Lane J. C. A comparative study of erotomanic and obsessional subjects in a forensic sample. Journal of Forensic Sciences, 1993. Vol. 38, № 4, P. 894–903.
4. Bowlby's Attachment Theory [E`lektronny`j resurs]: URL: <https://www.simplypsychology.org/bowlby.html> (data obrashheniya: 27.09.2025).
5. Bandura's Social Learning Theory [E`lektronny`j resurs]: URL: <https://www.simplypsychology.org/bandura.html>, (data obrashheniya: 27.09.2025).
6. Rational Choice Theory [E`lektronny`j resurs]: URL: <https://soztheo.de/theories-of-crime/rational-choice/rational-choice-theory/?lang=en>, (data obrashheniya: 27.09.2025).
7. Sgarbi C., De Fazio, L. Lo stalking: profile vittimologici e strumenti di tuteladelle vittime // Italian journal of criminology № 8 (1), R. 50–60.
8. Stalking [E`lektronny`j resurs]: URL: <https://doi.org/10.4324/9780367198459-reprw9-1> (data obrashheniya: 27.09.2025).
9. Rosenfeld B. Violence Risk Factors in Stalking and Obsessional Harassment // A Review and Preliminary Meta-Analysis. Criminal Justice and Behavior, 31(1), 2004, r. 9–36.
10. Stalking. Elsevier eBooks. – 2023. (pp. 611–616). [E`lektronny`j resurs]: URL: <https://doi.org/10.1016/b978-0-12-823677-2.00058-1> (data obrashheniya: 27.09.2025).
11. Weekes C. J., Storey, D. M. Stalking. Elsevier BV. (2024). [E`lektronny`j resurs]: URL: <https://doi.org/10.1016/b978-0-443-21441-7.00086-8> (data obrashheniya: 27.09.2025).
12. Krukovskij V. E., Mosechkin I. N. O formax nefizicheskogo (psixologicheskogo) nasiliya v ugovnom zakonodatel`stve Rossii // Psixologiya i pravo, 2020. № 10(1). S. 165–176.

Информация об авторе

Анастасия Валерьевна Есина. Преподаватель кафедры криминалистики.
Воронежский институт МВД России.
394065, Россия, Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Information about the author

Anastasiya V. Esina. Lecturer at the Department of Criminalistics.
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
394065, Russia, Voronezh, Patriotov Av., 53.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ПРИНЦИПЫ ЗАКОННОСТИ, РАВЕНСТВА ВСЕХ ПЕРЕД ЗАКОНОМ И СУДОМ, СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ КАК ОТДЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ИДЕОЛОГИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Каримова Гульназ Юрисовна

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

kg579@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются принципы законности, равенства всех перед законом и судом, состязательности в качестве отдельных компонентов идеологии российского уголовного судопроизводства. Автор приходит к выводу, что идеологические основы уголовного судопроизводства подразумевают под собой наличие отдельных компонентов, определяющих сложившиеся в данном обществе и государстве идейные начала, взгляды, ценности, убеждения, к которым следует относить исторически сложившиеся наиболее фундаментальные принципы-идеи уголовного судопроизводства. Проведён анализ идей законности, равенства всех перед законом и судом, состязательности. На основе этого предложено в деятельности должностных лиц, ведущих уголовный процесс, реализовывать рассмотренные принципы с учётом нравственности, мировоззрения, менталитета российского народа.

Ключевые слова: идеология уголовного судопроизводства, принципы, законность, равенство всех перед законом и судом, состязательность, нравственность, менталитет, духовность.

Для цитирования: Каримова Г. Ю. Принципы законности, равенства всех перед законом и судом, состязательности как отдельные компоненты идеологии российского уголовного судопроизводства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 315–321.

THE PRINCIPLES OF LEGALITY, EQUALITY OF ALL BEFORE THE LAW AND THE COURT, AND COMPETITION AS SEPARATE COMPONENTS OF THE IDEOLOGY OF RUSSIAN CRIMINAL JUSTICE

Gulnaz Yu. Karimova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

kg579@yandex.ru

Annotation. The article examines the principles of legality, equality of all before the law and the court, and competition as separate components of the ideology of Russian criminal justice. The author comes to the conclusion that the ideological foundations of criminal justice imply the presence of separate components that determine the ideological principles, views, values, and beliefs that have developed in a given society and state, which should include the historically established most fundamental principles -the ideas of criminal justice. The author analyzes the ideas of legality, equality of all before the law and the court, and competitiveness. Based on this, it is proposed to implement the principles considered in the activities of officials conducting criminal proceedings, taking into account the morality, worldview, and mentality of the Russian people.

Keywords: ideology of criminal proceedings, principles, legality, equality of all before the law and the court, competitiveness, morality, mentality, spirituality

For citation: Karimova G. Y. Principles of Legality, Equality of All before the Law and the Court, Competitiveness as Separate Components of the Ideology of Russian Criminal Justice // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 315–321.

Идеологические основы уголовного судопроизводства подразумевают под собой наличие отдельных компонентов, определяющих сложившиеся в данном обществе и государстве идейные начала, взгляды, ценности, убеждения. К одному из важнейших компонентов идеологических основ традиционно следует относить исторически сложившиеся наиболее фундаментальные принципы-идеи уголовного судопроизводства. Значение идеологических принципов имеют, на наш взгляд, прежде всего законность, равенство всех перед законом и судом, состязательность.

Понятие «принцип» в общей теории права означает начало, основу, положение. Основные идеологические принципы уголовного судопроизводства закреплены в главе 2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹. При этом понятия «принципы уголовного судопроизводства» в этой главе не содержится. Очевидно, в общей теории права сформулирована дефиниция «принцип» и находит своё воплощение в теории уголовного процесса. Некоторые учёные предлагают законодательно зафиксировать в главе 2 УПК РФ понятие принципов уголовного судопроизводства как закреплённые в главе 2 УПК РФ правовые предписания, имеющие основополагающий характер и в своей совокупности определяющие правомерность производства по каждому делу [1, с. 114]. Действительно, принципы наряду с другими компонентами являются идеологическими основами всего уголовного судопроизводства России. Стабильность и гармоничность уголовно-процессуальным отношениям придаёт конституционное закрепление таких принципов, как законность, презумпция невиновности, равенство всех перед законом и судом и т. д. Хотя стоит отметить, что принципы уголовного судопроизводства являются динамично развивающейся системой, за последние годы в главу 2 УПК РФ вносились изменения [1, с. 5]. Это объясняется в том числе дальнейшей демократизацией уголовного судопроизводства, приведением в соответствие с общепризнанными международными нормами и стандартами. Если обратиться к эволюции идеологических принципов уголовного процесса, то основные принципы были впервые провозглашены в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года, а также в УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 годов. На содержание принципов сильно влияли особенности государственного и общественного строя: сначала – буржуазные отношения (Устав уголовного судопроизводства 1864 года), затем – диктатура пролетариата (1922 и 1923 годы) и отход от жёсткого централизма (1960 год) [2, с. 5].

Анализ содержания принципов следует начать с идеи законности. По мнению некоторых авторов, большинство принципов не является принципами концептуального характера, то есть не достигает уровня идей [3, с. 263]. С этим мнением можно согласиться, но принципы законности, состязательности и равенства имеют фундаментальное концептуальное значение. Законность как основополагающий принцип любого правового демократического государства находит своё закрепление и в Конституции Российской Федерации, и в других нормативных правовых актах. Некоторые учёные полагают, что этот принцип обладает способностью перекрыть все другие принципы-идеи [4, с. 59], однако это не так. Уголовное судопроизводство отличается обязанностью должностных и других лиц не только соблюдать законность, но и также представ-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ляет собой деятельность по выполнению других требований и процессуальных норм. Принцип законности провозглашён в ст. 7 УПК РФ. Содержание принципа законности при производстве по уголовному делу включает в себя приоритет норм уголовно-процессуального права, закреплённых в УПК РФ, над другими нормами. Это предполагает обязанность должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, и суда руководствоваться положениями УПК РФ, а не других федеральных законов или иных нормативных правовых актов, которые не соответствуют УПК РФ. В то же время нарушение норм УПК РФ влечёт за собой признание полученных в результате этого доказательств недопустимыми. Ну и последний аспект выражается в вынесении законных, обоснованных и мотивированных промежуточного и окончательного решений суда, прокурора, должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Предлагается дополнить статью 7 УПК РФ установлением предусмотренной законодательством ответственности за вынесение незаконных, необоснованных и немотивированных решений.

Законность имеет большое значение и должна реализовываться на всех стадиях уголовного судопроизводства. Учёные-процессуалисты, анализирующие проблемы принципов уголовного судопроизводства, ставят принцип законности на первое место, приписывая ему роль главного, ведущего, основного принципа уголовного судопроизводства [5, с. 632]. Например, по мнению Ю. К. Якимовича, в законе обязательно находит отражение содержание всех принципов, следовательно, нарушение любого принципа уголовного процесса будет означать одновременное нарушение принципа законности. Поэтому данный принцип иногда называют «принципом принципов» уголовного процесса [6, с. 105]. Но это суждение обоснованно показывает взаимосвязь между всеми принципами. В теории уголовного процесса наиболее распространённым является мнение о том, что законность – это требование о неукоснительном соблюдении и исполнении предписаний законов и иных нормативных актов всеми субъектами правоотношений [7, с. 265]. А для некоторых учёных законность выступает одновременно принципом, методом и режимом «строгого и неуклонного соблюдения и исполнения всеми участниками общественных отношений норм права» [8, с. 5].

На наш взгляд, наиболее полно раскрывается понятие законности в трудах А. М. Баранова, который определяет её как уважение к закону, его понимание, толкование и соблюдение (применение) в соответствии со складывающимися правоотношениями в конкретный период развития цивилизации. Законность представляет собой требование соблюдения буквы и формы закона [9, с. 25].

При этом мы считаем, что принцип или идея законности не подменяет собой и не принижает значения иных идеологических принципов уголовного судопроизводства.

С принципом законности и другими принципами уголовного судопроизводства взаимосвязан принцип равенства всех перед законом и судом. Упоминание принципа равенства мы видим в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года. Каждая сторона уголовного процесса на равных началах имела право представлять доказательства в суде (ст. 92, п. 1 ст. 630 Устава уголовного судопроизводства) и предъявлять возражения против доказательств противника (ст. 100, 103, п. 4 ст. 630, 719, 720), а также в том, что суд, удовлетворяя несогласное с законом ходатайство одной стороны для уравнивания прав сторон, обязывал дать удовлетворение соответствующему ходатайству противоположной стороны. Этот принцип тесно переплетался с принципом состязательности сторон на досудебном производстве. В теории советского уголовного процесса равенство всех перед законом и судом неизменно позиционировалось в качестве одного из его фундаментальных принципов. При этом подчёркивалось, что разного рода привилегии при отправлении правосудия являются пережитком, характерным для буржуазного судопроизводства.

Рассуждая о важности принципа равенства, учёные определяют его универсальное значение для всех исторических форм права, выражающего специфику и отличительную особенность правового способа регулирования общественных отношений [10, с. 8]. Существует и точка зрения, что равенство прав сторон по отстаиванию (защите) своих интересов выступает критерием разграничения типов уголовного судопроизводства. В связи с этим многие авторы, невзирая на законодательную позицию, включают равенство всех перед законом и судом в число принципов уголовного процесса, а отсутствие в тексте УПК соответствующей нормы рассматривают существенным упущением [11, с. 37].

Равенство всех перед судом в уголовном судопроизводстве представляет собой объективное, не допускающее исключительного отношения к участникам уголовного процесса суда любой инстанции, в лице любого судьи или присяжного заседателя, непосредственно участвующих в единоличном или коллегиальном составе в отправлении правосудия с целью разрешения споров о праве, иных вопросов при отсутствии спора о праве, выполнения судебного контроля на любой стадии досудебного или судебного производства по уголовному делу. Соответственно, вынесение в чьих-либо интересах решения вопреки установленным по делу обстоятельствам будет расценено как неравенство сторон перед судом [12, с. 12].

Поскольку важность принципа равенства сложно переоценить, равенство и состязательность исторически переплетались как взаимозависимые и взаимообусловленные принципы, предлагается наименование ст. 15 УПК РФ дополнить и изложить в следующей редакции: «Состязательность и равенство сторон», поскольку в ней содержится ч. 4, закрепившая равенство сторон обвинения и защиты перед судом, поэтому именно в ст. 15 УПК РФ.

Принцип состязательности уголовного судопроизводства также подвергается отдельному рассмотрению учёными-процессуалистами. Состязательность стала результатом судебной реформы 1864 года. Содержанием этого принципа явилось отделение судебной власти от власти обвинительной, допущении формальной защиты в уголовных делах при окончательном производстве, установлении принципа равенства сторон в тех стадиях уголовного процесса, в которых обвиняемому позволялось иметь защитника.

Состязательность характерна для стадии судебного рассмотрения уголовного дела. Но некоторые учёные считают, что состязательность свойственна предварительному расследованию в определённой степени и выражается это в предоставлении участникам процесса права обжаловать в суд любые действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора [13, с. 106]. Е. Б. Мизулина отмечает, что принцип состязательности на стадии досудебного производства проявляется в наделении защитника полномочиями по собиранию доказательств, введении института недопустимых доказательств, ограничении полномочий прокурора при утверждении обвинительного заключения по внесению исправлений в список свидетелей со стороны защиты и др. [14, с. 748]. Безусловно, права стороны защиты расширились по сравнению с советским и дореволюционным периодом существования уголовного судопроизводства, однако принцип состязательности в своём классическом понимании в полной мере присущ не стадиям досудебного производства, а стадии судебного рассмотрения уголовного дела.

Рассуждая о значимости принципов законности, равенства всех перед законом и судом, состязательности, нельзя не упомянуть о внутренней субъективной составляющей реализации этих принципов в деятельности должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, судей, прокурора. По мнению И. Т. Томина, принципы уголовного процесса представляют собой систему мировоззренческих идей или элементы мировоззрения [15, с. 32].

Мировоззренческие установки принципов уголовного процесса не могут рассматриваться в отрыве от нравственности нашего народа. Ведь принцип уголовного судопроизводства означает идею или основное правило деятельности в единстве с субъективным убеждением или взглядом должностного лица или судьи.

Нравственность в уголовном судопроизводстве определяется нравственностью нашего общества в целом. Здесь нельзя не отметить отрицательное влияние идеологии либерализма 90-х годов, повлёкшей за собой наряду с провозглашением прав и свобод личности упадок духовности и нравственности российского народа. Противники нашего государства стремились разрушить многовековые традиции, сложившиеся идеалы, высшие ценности, святыни. На сегодняшний день приходит осознание того факта, что Россия обладает духовно-культурной идентичностью. Процессы глобализации привели к изменению отечественного сознания в пользу западных стандартов, и это, по мнению В. В. Сорокина, неподходящий менталитету российского народа вариант [16, с. 27]. Нельзя допускать утрату собственных духовно-культурных оснований нашего государства.

Нравственные, духовно-культурные основы определяют такие элементы субъективной составляющей принципов уголовного судопроизводства, как совесть, порядочность, солидарность, согласие, самокритика и стремление к самосовершенствованию, чувство жалости, эмпатии, понимания и принятия. Все эти субъективные качества играют важную роль при осуществлении производства по уголовному делу. Конечно же, субъективные начала должны сочетаться с объективными для того, чтобы не допустить формализма, стремления бездушно установить объективную истину. Внутреннее убеждение компетентных органов и должностных лиц должно складываться из множества составляющих. Таким образом, принципы законности, состязательности и равенства всех перед законом и судом как исторически сложившиеся фундаментальные принципы-идеи в уголовном судопроизводстве должны реализовываться с учётом мировоззрения, нравственности, менталитета нашего народа и представлять собой сочетание объективной и субъективной составляющих деятельности органов, осуществляющих производство по уголовному делу.

1. Вилкова Т. Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 603 с.
2. История государства и права России / Под ред. Ю. П. Титова. М. : ООО «ТК Велби», 2003. 451 с.
3. Агутин А. В., Зарубицкая Т. К., Ерашов С. С. Принцип законности в сфере уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. Государство и право : итоги XX века. 2001. № 2(4). С. 59-60.
4. Победкин А. В., Яшин В. Н. Принципы как нравственная основа уголовно-процессуальной деятельности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 260-269.
5. Макарова З. В. Конституционный принцип законности уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 4. С. 631-636
6. Якимович Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства. Томск, 2015. 166 с.
7. Безруков С. С. Принципы уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 513 с.
8. Афанасьев В. С. Обеспечение законности: вопросы теории и практики: (По материалам органов внутренних дел): автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993. 40 с.
9. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2006. 39 с.

10. Брциева З. Г. Принцип равенства всех перед законом и судом в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 22 с.
11. Волосова Н. Ю. О принципе равенства всех перед законом и судом // Закон и право. 2007. № 1. С. 36-38.
12. Романенко Н. В. Реализация принципа равенства перед законом и судом при осуществлении уголовного судопроизводства в отношении представителей власти: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 27 с.
13. Лукашевич В. З., Чичканов А. Б. Принцип состязательности и равноправия сторон в новом УПК РФ // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 2(241). С. 102-109.
14. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция"; отв. ред. П. А. Лупинская; М-во образования Российской Федерации, Московская гос. юрид. акад. М. : Юрист, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). 815 с.
15. Томин В. Т. К вопросу о понятии принципа советского уголовного процесса // Избранные труды; предисл. С.П. Гришина. СПб., 2004.
16. Агутин А. В. Мироззренческие идеи в уголовно-процессуальном доказывании: монография. М. : ИД "Юр-ВАК", 2004 (ПИК ВИНТИ). 545 с.
1. Vilkova T. Yu. Sistema principov rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 603 s.
2. Istoriya gosudarstva i prava Rossii / Pod red. Yu. P. Titova. M. : ООО «ТК Velbi», 2003. 451 s.
3. Agutin A. V., Zarubiczkaya T. K., Erashov S. S. Princip zakonnosti v sfere ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo. Gosudarstvo i pravo : itogi XX veka. 2001. № 2(4). S. 59-60.
4. Pobedkin A. V., Yashin V. N. Principy` kak npravstvennaya osnova ugolovno-processual`noj deyatel`nosti // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 2(103). S. 260-269.
5. Makarova Z. V. Konstitucionny`j princip zakonnosti ugolovnogo sudoproizvodstva // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2014. № 4. S. 631-636
6. Yakimovich Yu. K. Ponyatie, naznachenie, differenciaciya ugolovnogo processa. Principy` ugolovnogo sudoproizvodstva. Tomsk, 2015. 166 s.
7. Bezrukov S. S. Principy` ugolovnogo processa: dis. ... d-ra yurid. nauk . M., 2016. 513 s.
8. Afanas`ev V. S. Obespechenie zakonnosti: voprosy` teorii i praktiki: (Po materialam organov vnutrennix del): avtoreferat dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 1993. 40 s.
9. Zakonnost` v dosudebnom proizvodstve po ugolovny`m delam: avtoreferat dis. ... d-ra yurid. nauk. Omsk, 2006. 39 s.
10. Brcieva Z. G. Princip ravenstva vsech pered zakonom i sudom v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2005. 22 s.
11. Volosova N. Yu. O principe ravenstva vsech pered zakonom i sudom // Zakon i pravo. 2007. № 1. S. 36-38.
12. Romanenko N. V. Realizaciya principa ravenstva pered zakonom i sudom pri osushhestvlenii ugolovnogo sudoproizvodstva v otnoshenii predstavitelej vlasti: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2014. 27 s.
13. Lukashevich V. Z., Chichkanov A. B. Princip sostyazatel`nosti i ravnopraviya storon v novom UPK RF // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Pravovedenie. 2002. № 2(241). S. 102-109.

14. Ugolovno-processual'noe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po special'nosti Yurisprudenciya; otv. red. P. A. Lupinskaya; M-vo obrazovaniya Rossijskoj Federacii, Moskovskaya gos. yurid. akad. M. : Yurist, 2004 (OAO Mozhajskij poligr. komb.). 815 s.
15. Tomin V. T. K voprosu o ponyatii principa sovetskogo ugovnogo processa // Izbranny'e trudy; predisl. S.P. Grishina. SPb., 2004.
16. Agutin A. V. Mirovozzrencheskie idei v ugovno-processual'nom dokazyvanii: monografiya. M. : ID Yur-VAK, 2004 (PIK VINITI). 545 s.

Информация об авторе

Гульназ Юрисовна Каримова. Доцент кафедры административно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент.

Уфимский юридический институт МВД России.

1450103, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, улица Муксинова, 2.

Information about the author

Gulnaz Yu. Karimova. Associate Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines. Candidate of Law, Associate Professor.

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

1450103, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.13

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ НА СУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Козлова Елена Лорисовна¹, Баринаева Елена Дмитриевна²

¹Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, Калининград, Россия

²Академия управления МВД России, Москва, Россия

¹k_elena1979@mail.ru

²elena.barinova.1998@mail.ru

Аннотация. Авторами в статье рассматриваются особенности использования видео-конференц-связи на судебной стадии уголовного судопроизводства. Выявлены пробелы в законодательстве, связанные с недостаточной регламентацией использования видео-конференц-связи судебными органами. Обосновывается необходимость внесения дополнений в ст. 241.1 УПК РФ для законодательной регламентации проведения судебного заседания, допроса и иных судебных действий посредством видео-конференц-связи. Согласно данным дополнениям предлагается законодательно закрепить: обязательное участие специалиста в судебном заседании при использовании видео-конференц-связи; использование ЕИТКС (единой информационно-телекоммуникационной системы) при направлении подписки лица, участвующего в судебном заседании посредством использования видео-конференц-связи, и иных документов в суд, рассматривающий уголовное дело.

Ключевые слова: цифровизация, судебная стадия уголовного судопроизводства, использование видео-конференц-связи, обязательное участие специалиста, дистанционный способ направления процессуальных документов.

Для цитирования: Козлова Е. Л., Баринаева Е. Д. О некоторых особенностях использования видео-конференц-связи на судебной стадии уголовного судопроизводства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 322–327.

ABOUT SOME FEATURES OF USING VIDEO CONFERENCE COMMUNICATIONS AT THE TRIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Elena L. Kozlova¹, Elena D. Barinova²

¹Kaliningrad branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kaliningrad, Russia

²Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹k_elena1979@mail.ru

²elena.barinova.1998@mail.ru

Annotation. The authors of the article consider the features of using videoconferencing at the judicial stage of criminal proceedings. Gaps in the legislation related to insufficient regulation of the use of videoconferencing by judicial bodies are identified. The need for amendments to Art. 241.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation for legislative regulation of the conduct of a court hearing, interrogation and other judicial actions via videoconferencing is substantiated. According to these amendments, it is proposed to legislatively establish: mandatory participation of a specialist in a court hearing when using

videoconferencing; use of the Unified Information and Telecommunications System (UITCS) when sending a signature of a person participating in a court hearing using videoconferencing and other documents to the presiding judge of the court hearing.

Keywords: digitalization; judicial stage of criminal proceedings; use of video conferencing; mandatory participation of a specialist; remote method of sending procedural documents.

For citation: Kozlova E. L., Barinova E. D. On some features of the use of video conferencing at the judicial stage of criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 322–327.

С переходом на постиндустриальную стадию развития и внедрением информационных технологий в общественное производство феномен «цифровизация» вызывает повышенный интерес и в современной науке выступает отдельным направлением научных исследований. Процессы цифровизации не обошли стороной и такую общественно значимую сферу деятельности, как уголовное судопроизводство. Представляется, что активное использование средств информационных технологий способствует оптимизации и повышению качества производства по уголовному делу как на досудебных, так и на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

О перспективности цифровизации уголовного процесса высказываются учёные – процессуалисты. Так, К. С. Плахота рассматривает использование видео-конференц-связи при проведении следственных действий как обязательное условие [1, с. 98–104]. С. Л. Виноградова определяет использование аудио и видео в качестве гарантии прав участников уголовного судопроизводства [2, с. 3–8]. Е. Л. Козлова, Е. Н. Холопова и Е. Д. Баринава обосновывают преимущества дистанционного способа направления процессуальных документов органами предварительного расследования в суд [3, с. 28–30].

В. С. Латыпов и П. В. Фадеев цифровизацию уголовного судопроизводства в целом оценивают положительно и рассматривают в русле противодействия распространению коррупционных преступлений. Вместе с тем, как справедливо замечают авторы: «Массовая цифровизация требует крайне осторожного, поэтапного подхода с ориентиром на обеспечение равенства сторон и кибербезопасности» [4, с. 222]. Активное обсуждение использования средств информационных технологий правоохранительными органами на страницах научных публикаций и положительные оценки развития уголовного судопроизводства в данном направлении свидетельствуют об актуальности избранной темы. Однако многие исследователи, помимо положительных аспектов цифровизации уголовного судопроизводства, таких как оперативное взаимодействие органов предварительного расследования при производстве по уголовному делу, возможность проведения следственных действий дистанционным способом, обращают внимание на её негативные последствия, связанные с недостаточной законодательной регламентацией использования средств информационных технологий и снижением эффективности реализации тактических приёмов при проведении следственных действий в «заочной форме». Обозначенные проблемы многие исследователи рассматривают на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, связывая их с проведением следователем (дознавателем) следственных действий в соответствии со ст. 189.1. УПК РФ, и в меньшей степени заостряют внимание на проблемных аспектах проведения судебных действий дистанционным способом на стадии судебного разбирательства.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не так давно был дополнен новой статьёй, позволяющей проводить судебные действия посредством видео-конференц-связи (далее – ВКС) на стадии судебного разбирательства. В соответствии со ст. 278.1. УПК РФ допрос и иные судебные действия возможно проводить в дистанционном формате, а условия их реализации регламентированы ст. 241.1. УПК РФ. В соответствии со ст. 241.1 УПК РФ использование ВКС в судебном заседании допускается как по инициативе самого подсудимого и при наличии обстоя-

тельств, исключающих его непосредственное участие, так и по инициативе суда, а также в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 1 ст. 241.1. УПК РФ основанием проведения судебного заседания в дистанционном формате выступает ходатайство подсудимого, однако за судом остаётся право принятия окончательного решения. С учётом возможности проведения допроса судом посредством ВКС закономерно возникает вопрос о предотвращении технических проблем в период проведения следственного действия. В ст. 241.1 УПК РФ не определён перечень участников, участие которых обязательно при проведении судебного заседания в дистанционном формате в целом и допроса, а также иных судебных действий в частности. В ч. 5 ст. 241.1 УПК РФ лишь упоминается о том, что в судебном заседании, проводимом посредством ВКС, могут принять участие иные лица по решению суда, рассматривающего уголовное дело¹. Основанием принятия такого решения выступает ходатайство подсудимого, либо суд принимает его самостоятельно. Законодательная регламентация обязательного участия специалиста в судебном заседании, проводимом в дистанционном формате, позволит избежать или оперативно устранить технические проблемы, связанные с использованием технического оборудования для обеспечения участия подсудимого или иного лица, а также в целях проведения допроса и иных судебных действий. Положительно об обязательном участии специалиста высказывается Н. С. Костенко, который, исследуя особенности проведения онлайн-допроса, отметил, что «видится необходимым в обязательном порядке привлекать к участию в следственном действии посредством видео-конференц-связи специалиста для его технического сопровождения и выгрузки видеозаписи на электронный носитель с целью последующего приобщения к протоколу» [5, с. 135]. Автор рассматривает участие специалиста в дистанционном допросе, проводимом на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Представляется, что в обязательном порядке привлекать специалиста к участию в уголовном судопроизводстве необходимо и на судебной стадии, во всех случаях, когда возникает необходимость использования ВКС, как для обеспечения участия подсудимого или иного лица, так и для проведения допроса или иного судебного действия. Возникновение технических проблем (плохое качество звука, изображения) создаёт трудности в проведении допроса судом и иных судебных действий посредством ВКС, снижает их эффективность, может препятствовать восприятию поступающей информации, в связи с чем достоверность полученных доказательств может быть подвергнута сомнению со стороны защиты, а в последующем и вышестоящей судебной инстанцией.

После проведения судебного заседания, допроса и иных судебных действий посредством ВКС и в соответствии с ч. 8 ст. 241.1. УПК РФ все полученные процессуальные документы направляются соответствующим органом по месту нахождения участвующего лица (администрацией места содержания под стражей, администрацией учреждения или органа, исполняющих наказание) в суд, рассматривающий уголовное дело. В этой связи актуален вопрос о дистанционном способе направления процессуальных документов правоохранными органами друг другу. О преимуществах дистанционного способа ранее писали Е. Л. Козлова, Е. Н. Холопова, и в качестве основного они выделяют более эффективную реализацию принципа разумного срока уголовного судопроизводства за счёт экономии времени на решение организационных вопросов. Реализация дистанционного способа направления процессуальных документов авторами видится через единую информационно-телекоммуникационную систему правоохранительных органов (ЕИТКС), к которой они предлагают подключить судебные органы для обеспечения оперативного обмена информацией между ними и органами предварительного расследования [3, с. 29]. Видится, что ЕИТКС может стать платформой для обмена информацией не только между судами и органами предварительного расследо-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

вания, но и субъектами, указанными в ч. 8 ст. 241.1. УПК РФ, к которым относятся: судебные органы; администрация места содержания под стражей; администрация учреждения или органа, исполняющие наказание.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает проведение закрытого судебного заседания в случаях, предусмотренных законом. Закрытый формат поднимает вопрос целесообразности использования видео-конференц-связи в судебном заседании. Данный аспект закрытого судебного разбирательства выступал предметом дискуссии на страницах научных публикаций. М.В. Ромашова по этому поводу обозначила позицию в пользу отказа от использования видео-конференц-связи в закрытом судебном разбирательстве [6, с. 201]. Данная позиция была аргументирована с точки зрения предотвращения возможной утечки информации. В дополнение отказ от использования видео-конференц-связи при проведении судебного заседания в закрытом формате не встает в противоречие с принципом гласности, поскольку приоритетным является создание условий защищенности прав участников судебного разбирательства.

Вместе с тем в научной литературе высказаны предостережения популяризации использования видео-конференц-связи в судебном разбирательстве. С. М. Кузнецова не отрицает положительные стороны тенденции использования видео-конференц-связи в судебном производстве. Автор подчеркивает эффективность деятельности судов в данном направлении при условии проведения судебного разбирательства с использованием дистанционных систем в качестве исключения из общего порядка, закреплённого в законе [7, с. 74]. В противном случае полный переход на дистанционный формат подорвёт основы гласности и непосредственности судебного разбирательства, снизит качество правосудия и правовую защищённость его участников [8, с. 283].

Т. В. Топчиева поддерживает инициативу масштабного использования ВКС в судебном процессе, которое позволяет «существенно сократить сроки уголовного судопроизводства, обеспечить меры безопасности, применяемые к участникам уголовного судопроизводства» [9, с. 56]. Вместе с тем автором подчёркиваются и некоторые недостатки, которые видятся в отсутствии законодательной регламентации некоторых вопросов использования ВКС. Например, при обеспечении участия подсудимого посредством ВКС возникает проблема обеспечения конфиденциальной беседы с защитником, которая непосредственно связана с отсутствием пояснений по поводу места нахождения последнего (зал судебного заседания или место нахождения подсудимого) [10, с. 445; 11, с. 142], а также ещё ряд других вопросов, требующих законодательной доработки.

В статье были освещены лишь некоторые проблемные аспекты использования ВКС на судебной стадии производства. Представляется, что дальнейшая практика дистанционного формата проведения судебного заседания и судебных действий будет направлена на выявление недостатков и совершенствование использования ВКС в судебном производстве. При этом изложенное обосновывает необходимость внесения дополнений в соответствующие статьи Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а именно:

– ч. 5 ст. 241.1. УПК РФ дополнить словами: «Участие специалиста при проведении судебного заседания путём использования системы видео-конференц-связи обязательно»;

– ч. 8 ст. 241.1. УПК РФ «...подписка лица, участвующего в судебном заседании путём использования видео-конференц-связи, и иные документы направляются председательствующему в судебном заседании суда, рассматривающего уголовное дело» дополнить словами: «посредством ЕИТКС (единой информационно-телекоммуникационной системы)».

Предложенные дополнения нацелены на эффективность проведения допроса и иных судебных действий на стадии судебного разбирательства за счёт устранения технических проблем, связанных с использованием ВКС, и оптимизацию принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

1. Плахота К. С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. Вып. 1. С. 98-104.
2. Виноградова С. Л. Аудио- и видеозапись как дополнительная гарантия защиты прав участников уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2022. № 9. С. 3-8.
3. Козлова Е. Л., Барина Е. Д., Холопова Е. Н. Особенности дистанционного способа направления процессуальных документов в суд органами предварительного расследования // Эксперт-криминалист. 2022. № 3. С. 28-30.
4. Латыпов В. С., Фадеев П. В. Антикоррупционный фактор цифровизации уголовного судопроизводства России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 216-228.
5. Костенко Н. С., Рыжкова О. А. Онлайн-допрос на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: миф или реальность? // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2. С. 132-136.
6. Ромашова М. В. Проблемы использования видео-конференц-связи и аудиопотоколирования на судебном этапе уголовного судопроизводства // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2023. № 1(44). С. 200-203.
7. Кузнецова С. М. Проблемы обеспечения гласности и непосредственности судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела с использованием систем видео-конференц-связи // Актуальные проблемы теории практики уголовного процесса. Ростов-на-Дону, 2023. С. 72-75.
8. Проказин Д.Л., Флоря Д.Ф. Применение системы видео-конференц связи при производстве следственных действий на стадии предварительного расследования // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 282-288
9. Топчиева Т. В. Использование видео-конференц-связи в российском уголовном судопроизводстве: законодательные новеллы // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2024. № 24. С. 55-56.
10. Чаплыгина В.Н. Проблемы и перспективы использования средств видео-конференц связи при производстве следственных действий на стадии предварительного расследования // Теория и практика расследования преступлений. Материалы XII Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2024. С. 444-450.
11. Проказин Д.Л., Семенов Е.А., Ляпин А.И. Развитие видеотехнологий в уголовном процессе России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 171-178.

1. Plaxota K. S. Ispol'zovanie sledovatelem (doznavatelem) video-konferencz-svyazi pri proizvodstve sledstvenny`x dejstvij // Izvestiya TulGU. E`konomicheskie i yuridicheskie nauki. 2022. Vy`p. 1. S. 98-104.
2. Vinogradova S. L. Audio- i videozapis` kak dopolnitel`naya garantiya zashhity` prav uchastnikov ugolovnoego sudoproizvodstva // Rossijskij sledovatel`. 2022. № 9. S. 3-8.
3. Kozlova E. L., Barinova E. D., Xolopova E. N. Osobennosti distancionnogo sposoba napravleniya processual`ny`x dokumentov v sud organami predvaritel`nogo rassledovaniya // E`kspert-kriminalist. 2022. № 3. S. 28-30.
4. Laty`pov V. S., Fadeev P. V. Antikorrupcionny`j faktor cifrovizacii ugolovnoego sudoproizvodstva Rossii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 2(103). S. 216-228.
5. Kostenko N. S., Ry`zhkova O. A. Onlajn-dopros na dosudebny`x stadiyax ugolovnoego sudoproizvodstva: mif ili real`nost`? // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2021. №2. S. 132-136.

6. Romashova M. V. Problemy` ispol`zovaniya video-konferencz-svyazi i audioprotokolirovaniya na sudebnom e`tape ugovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 1(44). S. 200-203.
7. Kuzneczova S. M. Problemy` obespecheniya glasnosti i neposredstvennosti sudebnogo razbiratel'stva pri rassmotrenii ugovnogo dela s ispol`zovaniem sistem video-konferencz-svyazi // Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: Aktual'ny'e problemy` teorii praktiki ugovnogo processa. Rostov-na-Donu, 2023. S. 72-75.
8. Prokazin D.L., Florya D.F. Primenenie sistemy` video-konferencz svyazi pri proizvodstve sledstvenny`x dejstvij na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 1(102). S. 282-288
9. Topchieva T. V. Ispol`zovanie video-konferencz-svyazi v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve: zakonodatel'ny'e novelty` // Aktual'ny'e problemy` bor`by` s prestupleniyami i iny`mi pravonarusheniyami. 2024. № 24. S. 55-56.
10. Chaply`gina V.N. Problemy` i perspektivy` ispol`zovaniya sredstv video-konferencz svyazi pri proizvodstve sledstvenny`x dejstvij na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya // V sbornike: Teoriya i praktika rassledovaniya prestuplenij. Materialy` XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar, 2024. S. 444-450.
11. Prokazin D.L., Semenov E.A., Lyapin A.I. Razvitie videotexnologij v ugovnom processe Rossii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 3(96). S. 171-178.

Информация об авторах

Елена Лорисовна Козлова. Доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права.

Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России.
236006, Россия, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого, 30.

Елена Дмитриевна Барина. Адъюнкт.

Академия управления МВД России.

125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Information about the authors

Elena Lorisovna Kozlova. Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal-Executive Law.

Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

236006, Russia, Kaliningrad, General Galitsky Str., 30.

Elena Dmitrievna Barinova. Adjunct.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str., 8.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors contributed equally to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.1

ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ «ОБЩЕЕ» И «ОСОБЕННОЕ» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Красильников Алексей Владимирович

Академия управления МВД России, Москва, Россия

krass-al@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется значение философских категорий как предельно общих понятий, выражающих фундаментальные стороны бытия и мышления. Отмечается, что в истории философии выделяются три ключевых модели понимания категорий: онтологический подход – представление о категориях как родах бытия; гносеологический подход, в котором категории рассматриваются как априорные формы рассудка, и диалектический подход, предполагающий категории как моменты саморазвития идеи. Делается вывод, что философский категориальный аппарат сохраняет свою методологическую значимость и в современной правовой науке, в том числе в науке уголовного процесса. В уголовно-процессуальном праве философские категории общего и особенного находят своё нормативное выражение в регламентации общего и особых производств. Их соотношение выражает диалектическое единство универсальности и конкретности, стабильности и гибкости уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: философия, философия права, категории, общее, особенное, уголовный процесс, общее производство, особое производство.

Для цитирования: Красильников А. В. Философские категории «общее» и «особенное» в уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 328–335.

PHILOSOPHICAL CATEGORIES OF «GENERAL» AND «SPECIFIC» IN THE CRIMINAL PROCESS

Alexey V. Krasilnikov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

krass-al@yandex.ru

Annotation. The article explores the significance of philosophical categories as extremely general concepts that express the fundamental aspects of existence and thinking. It is noted that there are three key models of understanding categories in the history of philosophy: the ontological approach, which views categories as forms of existence; the epistemological approach, which considers categories as a priori forms of reason; and the dialectical approach, which views categories as moments of the self-development of an idea. The article concludes that the philosophical categorical apparatus retains its methodological significance in modern legal science, including the science of criminal procedure. In criminal procedure law, the philosophical categories of the general and the particular find their normative expression in the regulation of general and special proceedings. Their relationship expresses the dialectical unity of universality and specificity, stability and flexibility in criminal proceedings.

Keywords: philosophy, philosophy of law, categories, general, specific, criminal procedure, general proceedings, specific proceedings.

For citation: Krasilnikov A. V. Philosophical categories of "general" and "specific" in the criminal process // Scientific bulletin of the Orel law institute of the ministry of internal affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 328–335.

Философские категории – это предельно общие понятия, выражающие фундаментальные стороны бытия и мышления. Они фиксируют всеобщее в мире и служат исходными формами для построения научного и философского знания.

В отличие от понятий частного уровня, которые отражают отдельные свойства предметов, категории формируют универсальный «каркас» мышления. Ключевая роль категорий в процессе познания обуславливается тем, что они выражают не столько и не столько свойства вещей, сколько «сложнейший продукт тысячелетнего развития культуры человеческого мышления», «относятся не ко «многим», а ко всем без исключения объектам созерцания» [1, с. 17].

Термин «категория» (греч. *κατηγορία*) впервые теоретически осмыслил Аристотель. Именно он придал понятию «категория» онтологический смысл. По Аристотелю, категории – то, что говорится без связи с иным высказыванием и само по себе ни содержит никакого утверждения [2, с. 55]. Это означает, что они представляют собой фундаментальные способы предикации, то есть предельно общие формы высказываний о предмете, не просто логические конструкции, а фундаментальные структуры бытия.

В дальнейшем трактовка категорий претерпела значительные изменения. Средневековые схоласты рассматривали их как универсалии – общие сущности, существующие в разуме Бога и отражаемые в человеческом мышлении. В эпоху Нового времени обозначились два направления: эмпиризм (Ф. Бэкон, Дж. Локк, Д. Юм), в рамках которого в категориях видели результат обобщения опыта, и рационализм (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц), для представителей которого категории имели врождённый, априорный характер.

Радикальную переработку понятие «категория» получило в трудах И. Канта. В «Критике чистого разума» он мыслил категории как «чистые понятия рассудка» [3, с. 119]. Для Канта категории не отражают саму реальность, а задают форму возможного опыта. Они – не результат обобщения, а формы мышления, которые действуют как универсальные правила организации чувственного материала. Таким образом, у И. Канта категории имеют гносеологический характер: они не отражают реальность «саму по себе», а лишь структурируют опыт, доступный человеку. Георг Вильгельм Фридрих Гегель говорил, что основная мысль И. Канта – это то, что «категории следует признать чем-то принадлежащим самосознанию» [4, с. 117]. В этом видится принципиальный поворот в осмыслении категорий с гносеологической (хотя это поддерживается и не всеми философами) точки зрения.

Г. В. Ф. Гегель развил диалектическое понимание категорий. В «Науке логики» он рассматривал категории как элементы, из которых развёртывается вся логика. Это элементы чистой идеи, «идеи в себе», начальная ступень длительной и сложной работы абсолютного духа от неразвитого своего состояния до высшего, конечного пункта развития. В качестве таковых они выступают не просто как формы мышления, которым противостоит мир предметов, а и то и другое [4, с. 16]. В отличие от И. Канта, который понимал категории как априорные формы рассудка, Г. В. Ф. Гегель рассматривал их как ступени саморазвития абсолютной идеи. Его система категорий строится на принципе диалектического движения: от бытия к сущности, от сущности к понятию.

Здесь очень важно отметить, что особое место в гегелевской логике занимает триада «единичное – особенное – общее». Без исследования гегелевского подхода к соотношению данных конструкций нам будет чрезвычайно сложно уяснить, как они

проявляются в теории уголовного процесса. Именно Г. В. Ф. Гегель в учении о конкретности категорий показал, что «всеобщее как единство многообразного, как диалектически снимающее особенное и единичное есть единство противоположностей» [4, с. 45]. Категории рождаются одна из другой, вступая во внутреннее противоречие и преодолевая его в более развитой форме. Эта идея оказала огромное влияние на последующую философию, особенно на марксизм.

В марксистской философии категории понимаются как отражение объективных связей и закономерностей материального мира. Критикуя в «Философских тетрадах» «психологический идеализм» И. Канта, В. И. Ленин писал: «У Канта категории суть только определения, проистекающие из самосознания. Повышаясь от рассудка к разуму, Кант понижает значение мышления, отрицая за ним способность достигнуть завершённой истины» [5, с. 153]. При этом, соглашаясь с Г. В. Ф. Гегелем в части значения физической природы для логической идеи и духа, В. И. Ленин писал: «Логика есть учение о познании. Есть теория познания. Познание есть отражение человеком природы». Однако тут же конкретизировал природу, познание человека (мозг как высший продукт той же природы) и собственно форму отражения природы в познании человека. Вот эти формы отражения В. И. Ленин и рассматривал в качестве категорий. Моменты познания человеком природы – вот что такое категории логики [5, с. 164, 180]. Тем самым подчёркивается, что категории не оторваны от практики, а представляют собой её теоретическое выражение (отражение).

Советские философы XX века развили категориальный подход в методологии науки. Так, подчёркивая его роль в организации опыта и обеспечении единства познавательной деятельности, М. К. Мамардашвили говорил, что «в мире есть какие-то вещи, для мышления и рассуждения о которых вырабатываются такого рода понятия, которыми эти вещи доводятся до предельной, предельно мыслимо возможной формы, и, взятые в предельном виде, они позволяют теоретически, сообразно определённой логике понятий, двигаться и рассуждать» [6, с. 23].

Таким образом, в истории философии выделяются три ключевых модели понимания категорий: представление о категориях как родах бытия – Аристотелевский онтологический подход; гносеологический подход И. Канта, в котором категории суть априорные формы рассудка; и диалектический подход, предполагающий категории как моменты саморазвития идеи.

Эти концепции составляют основу всей последующей философской дискуссии о категориях и определяют осмысление сущности отдельных из них, в том числе и категорий «общего» и «особенного» в рассматриваемых подходах. Основываясь на указанных размышлениях, укажем, что категории можно определить как предельно общие формы мышления, отражающие наиболее существенные и всеобщие стороны объективной реальности и процесса её познания.

В этой связи представляется необходимым ещё раз подчеркнуть общее значение категориального аппарата для научного познания.

Безусловно, философские категории обладают универсальной методологической значимостью, поскольку задают структуру научного мышления. Прежде всего, это проявляется при переходе от эмпирического к теоретическому знанию. Именно категории позволяют перейти от описания фактов к выявлению закономерностей. Так, категория «причина» организует факты в причинно-следственные ряды, категория «развитие» раскрывает динамику изменений, категория «система» позволяет рассматривать объект как целостное образование, а категория «особенное» как совокупность сущностных признаков «общего» во взаимосвязи с признаками, позволяющими выделить объект во всех ему подобных.

Обобщая функциональное назначение научных категорий, можно совершенно определённо утверждать, что они обеспечивают переход от эмпирического к теорети-

ческому, являются ядром научных теорий, способствуют интеграции знаний из разных областей, задают строгие рамки для научного мышления. Именно поэтому философский категориальный аппарат сохраняет свою методологическую значимость и в современной правовой науке, в том числе в науке уголовного процесса.

Однако познание закономерностей бытия права, и в частности права уголовно-процессуального, представляется попросту невозможным без уяснения связи общей «большой» философии и философии права. Этот вопрос закономерно является одним из центральных в теоретико-правовой мысли. Право невозможно постичь вне философских категорий: бытия, сущности, свободы, необходимости, общего и особенного, которые задают онтологические и гносеологические основания правового мышления. Философия права возникает на пересечении метафизики, этики и социальной философии, и потому её развитие исторически связано с общими философскими концепциями – от античности до современной феноменологии, герменевтики и аналитической традиции.

Категория «общее» в философии права выражает универсальные свойства и закономерности правовой реальности, которые проявляются через конкретные правовые институты, нормы и отношения. Она отражает единство сущностных оснований права, его социальной функции и форм существования, связывая частные и особенные проявления юридических явлений с их фундаментальной природой.

Философия права стремится выявить общее в праве – то, что делает возможным существование различных правовых систем и норм. Рассматривая право как форму справедливости, направленной на благо полиса, уже греческая философия приходила к мысли, что именно право выражает общее начало, объединяющее частные интересы в целое. Схоластика, связывая позитивное (человеческое) право с естественным, находила «общее» в праве – его соответствие разуму и божественному порядку, выражающее универсальный разумный порядок, отражающий, в свою очередь, всеобщее благо. Общее начало права было очевидно и для мыслителей Нового времени, видевших его во всеобщности внешней свободы, которая ограничивается только той мерой, что согласуется со свободой других. В праве «общее» предстаёт как универсальная форма справедливости, обеспечивающая соразмерность частных волей. Общее в праве, следуя мысли классической немецкой философии, – никак не абстрактное понятие, а живое выражение разумности социальной жизни, оно проявляется в объективном духе – государстве, законе, нравственности.

В свою очередь, в теории права рассматриваемая категория выступает как методологическая основа всей юридической науки. Она обеспечивает связь между универсальными принципами права и их конкретными проявлениями в правовых институтах, между нормой и правоприменением, между теорией и практикой.

Общее в праве – это не просто абстракция, а живая закономерность, определяющая логику развития правовой системы. Оно выражает ту меру единства, без которой невозможно ни системное правопонимание, ни стабильное функционирование правового порядка.

Если в философском смысле «общее» выражает сущность, всеобщие свойства и закономерности, которые объединяют индивидуальные (единичные) и особенные явления, то применительно к праву оно определяет, что общие правовые принципы, нормы и институты служат основой упорядочения и согласования множества конкретных правовых ситуаций. Таким образом, в праве «общее» – это уровень сущности, на котором раскрываются закономерности его функционирования. Оно проявляется в таких категориях, как общие принципы права (справедливость, свобода, равенство, гуманизм); общие нормы (например, конституционные нормы, определяющие правовое положение человека); общие институты (правосубъектность, ответственность, форма собственности). Именно через эти элементы осуществляется воплощение универсальных правовых ценностей в конкретных формах правового регулирования. Кроме того, категория общего

тесно связана с понятием системы права. Система права представляет собой не просто совокупность норм, а внутренне упорядоченное единство, где общее выражается в единстве принципов и структурных связей. Право как социальная система основано на общих нормах, которые регулируют поведение неопределённого круга лиц. Категория «общее» в этом смысле помогает понять, как эти нормы формируются и действуют.

Однако общее (всеобщее), как уже было замечено, есть процесс снятия особенного. Особенность дидактического снятия заключается в том, что всеобщее сохраняет богатство особенного и единичного, представляет концентрированное воплощение последних [4, с. 44]. Это, на наш взгляд, смещает фокус познавательного интереса в сторону категории «особенное». Если общее выражает универсальные закономерности, а единичное – неповторимость конкретного объекта, то особенное фиксирует то, что объединяет и одновременно отличает отдельные предметы внутри рода или класса.

Г. В. Ф. Гегель определяет особенное как содержащее всеобщность. Род, говорит он, неизменен в своих видах; виды разнятся не от всеобщего, а только друг от друга. Таким образом, особенное имеет с другими особенными, к которым оно относится, одну и ту же всеобщность. Особенное – это само всеобщее и различается с ним только в силу своей определённости [7, с. 41]. Более того, В. И. Ленин утверждал, что «с известной точки зрения, при известных условиях всеобщее есть отдельное, отдельное есть всеобщее. Не только связь, и связь неразрывная, всех понятий и суждений, но переходы одного в другое, и не только переходы, но и тождество противоположностей – вот что для Гегеля главное» [5, с. 159]. Таким образом, особенное – это не «частное» в узком смысле, а особая форма проявления всеобщего. Именно в этом заключается его философское значение: оно показывает, что универсальное никогда не существует абстрактно, а реализуется через конкретные особенности.

Можно сделать вывод, что особенное выполняет три важнейшие функции: опосредует связь между общим и единичным, конкретизирует универсальные законы в формах их проявления и обеспечивает применение общих принципов в практике. Именно поэтому в диалектической философии особенное занимает ключевое место, позволяя понять, каким образом универсальное реализуется в индивидуальном.

В юридической науке категория «общее» не может быть рассмотрена изолированно от «особенного». Эти категории образуют диалектическое единство. Общее выражает повторяющееся, необходимое, тогда как особенное – форму проявления общего в конкретной сфере социальных отношений. Являясь фундаментальными философскими понятиями, отражающими взаимосвязь между универсальными закономерностями и их конкретными формами проявления, эти категории приобретают нормативное измерение: «общее» выражает универсальные принципы и институты, присущие всей правовой системе, тогда как «особенное» воплощается в конкретных отраслях и институтах, отражающих специфику определённых общественных отношений. Например, система принципов уголовного судопроизводства, формирующих методологическую, логическую и правовую основу функционирования всей уголовно-процессуальной модели, является отражением комплексного взаимодействия между юридической теорией, практикой и социальными трансформациями [8, с. 183]. При этом можно согласиться с авторами, утверждающими, что система принципов уголовного судопроизводства должна включать идеи, прежде всего, нравственного характера, пусть даже и имеющие правовое закрепление. Это должны быть концептуальные идеи, регулирующим последствиям которых есть место в соответствующих правовых институтах (процессуальный статус участников процесса, производство конкретных процессуальных действий, правила принятия конкретных процессуальных решений и др.) [9, с. 266].

В уголовно-процессуальном праве диалектика общего и особенного проявляется, прежде всего, через соотношение общих и особых производств. Общие производства представляют собой универсальную модель уголовного судопроизводства, регули-

рующую типичные случаи расследования и рассмотрения уголовных дел. Особые производства, напротив, содержат отклонения от общей процедуры, обусловленные специфическими целями, объектом или процессуальными условиями. Исследование категорий общего и особенного в уголовном процессе позволяет выявить не только структурную логику уголовно-процессуального закона, но и философские основания его дифференциации.

Общее производство – это основная, универсальная форма уголовного судопроизводства, регулируемая Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ). Оно основано на всеобщих принципах уголовного судопроизводства, закреплённых в главах 2–4 УПК РФ: законность, презумпция невиновности, состязательность сторон, обеспечение права на защиту, независимость суда, гласность, неприкосновенность личности и жилища и др. Общее производство представляет собой нормативную матрицу, из которой вырастают все иные виды процессуальных форм. Общее производство через стадии процесса образует универсальную структуру уголовного процесса, применимую ко всем категориям дел, если иное не установлено законом. Таким образом, общее производство – это форма проявления всеобщего в уголовном процессе: оно выражает принципы справедливости, состязательности, публичности, обеспечивая гарантии прав личности и государства.

В отличие от общего, особые производства предназначены для разрешения дел, требующих отклонения от универсальной процессуальной модели. Они характеризуются особыми целями, процедурой и субъектным составом. К особым производствам относятся (раздел XI УПК РФ): производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц (ст. 447–452 УПК РФ); производство по делам частного обвинения (ст. 318–319 УПК РФ); особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (ст. 314–317 УПК РФ); производство по применению принудительных мер медицинского характера (ст. 437–445 УПК РФ); производство по делам несовершеннолетних (ст. 420–425 УПК РФ).

Каждое из них отражает особенное в уголовно-процессуальной деятельности – конкретизацию общих принципов применительно к определённым ситуациям.

Так, особый порядок принятия судебного решения (глава 40 УПК РФ) представляет собой конкретизацию принципов состязательности и диспозитивности, реализуя экономию процессуальных ресурсов при признании вины обвиняемым. Производство по делам несовершеннолетних, напротив, конкретизирует принцип гуманизма и индивидуализации, адаптируя процессуальную форму к возрастным и психологическим особенностям субъекта. Можно сказать, что особые производства – это формы проявления гибкости уголовного процесса, обеспечивающие баланс между универсальностью и индивидуализацией правосудия.

Соотношение общих и особых производств отражает диалектическое единство категорий общего и особенного. Общее производство задаёт нормативный каркас, а особые производства – конкретизируют и адаптируют его под особые правовые ситуации. В этом смысле дифференциация уголовного процесса не разрушает его единства, а напротив, выступает условием эффективного применения общих принципов в конкретных обстоятельствах. Таким образом, общие и особые производства не противопоставлены, а взаимно обусловлены: без общего – особое утрачивает легитимность; без особого – общее теряет способность к адаптации; общее определяет принципы и стандарты уголовного судопроизводства, а особенное обеспечивает их гибкую реализацию в конкретных условиях.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Разграничение общего и особенного имеет важное практическое и методологическое значение.

Структура УПК РФ основана на этом принципе: общие нормы предшествуют и определяют содержание особенных процедур. Понимание различий между общими и особыми производствами позволяет следователю и суду выбирать адекватную процессуальную форму, не нарушая прав участников. Особые производства обеспечивают индивидуализацию правосудия при сохранении всеобщих гарантий защиты личности.

Дифференциация производств демонстрирует способность права к саморазвитию и отражает социальную природу правосудия. Например, особый порядок судебного разбирательства позволяет сократить сроки и повысить эффективность процесса, но при этом сохраняет всеобщие гарантии справедливости и добровольности признания вины.

Таким образом, общее и особые производства в уголовном процессе представляют собой нормативное выражение философских категорий общего и особенного. Общее производство воплощает универсальные принципы уголовного судопроизводства, формируя его каркас и обеспечивая системность. Особые производства, в свою очередь, конкретизируют эти принципы применительно к специфическим категориям дел, обеспечивая индивидуализацию процессуальной формы. Их соотношение выражает диалектическое единство универсальности и конкретности, стабильности и гибкости уголовного судопроизводства. Без общего уголовный процесс утратил бы единство и правовую природу, а без особенного — способность адаптироваться к многообразию жизненных ситуаций.

1. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., Изд-во Академии наук СССР, 1960. 285 с.
2. Аристотель // Сочинения. В 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 687 с.
3. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. 655 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 501 с.
5. Ленин В.И. Философские тетради // Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 29. 782 с.
6. Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. М.: Прогресс-Традиции. 2009. 248 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3 т. М.: Мысль, 1972. Т. 3. 371 с.
8. Виноградова В. А. Актуальное состояние законодательной модели системы принципов уголовного судопроизводства в России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025 г. № 3(104). С. 182-187.
9. Победкин А. В., Яшин В. Н. Принципы как нравственная основа уголовно-процессуальной деятельности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 260-269.

1. Il'nikov E.V. Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v «Kapitale» Marksa. M., Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. 285 s.
2. Aristotel' // Sochineniya. V 4 t. M.: My'sl', 1978. T. 2. 687 s.
3. Kant I. Kritika chistogo razuma. M.: Nauka, 1999. 655 s.
4. Gegel' G.V.F. Nauka logiki. V 3 t. M.: My'sl', 1970. T. 1. 501 s.
5. Lenin V.I. Filosofskie tetradi // Polnoe sobranie sochinenij. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1969. T. 29. 782 s.
6. Mamardashvili M.K. Lekcii po antichnoj filosofii. M.: Progress-Tradicii. 2009. 248 s.
7. Gegel' G.V.F. Nauka logiki. V 3 t. M.: My'sl', 1972. T. 3. 371 s.
8. Vinogradova V. A. Aktual'noe sostoyanie zakonodatel'noj modeli sistemy` principov ugolovnogo sudoproizvodstva v Rossii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025 g. № 3(104). S. 182-187.

9. Pobedkin A. V., Yashin V. N. Principy` kak npravstvennaya osnova ugodovno-processual`noj deyatel`nosti // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 2(103). S. 260–269.

Информация об авторе

Алексей Владимирович Красильников. Профессор кафедры управления органами расследования преступлений, кандидат юридических наук, доцент.
Академия управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Information about the author

Alexey V. Krasilnikov. Professor of the Department of Management of Crime Investigation Agencies, Candidate of Law, Associate Professor.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125993, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str., 8.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.13

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СТАТУСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО И ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Кузенков Сергей Владимирович¹, Белевский Роман Александрович²,
Каширский Дмитрий Юрьевич³

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

²Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

³Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

¹serg@mail.ru

²belevskiy@gmail.com

³dimka_kash@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу системных проблем разграничения процессуального статуса подозреваемого и обвиняемого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Актуальность исследования обусловлена наличием законодательной неопределённости в критериях и моментах перехода между данными статусами, что порождает на практике устойчивые процессуальные деформации. Целью работы является выявление доктринальных и правоприменительных коллизий в механизме дифференциации и разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства. В результате исследования раскрыта юридическая природа статусов подозреваемого и обвиняемого, проанализированы законодательные критерии их разграничения, исследованы типичные ошибки правоприменительной практики. На основе анализа судебной практики сформулированы конкретные рекомендации по возможным изменениям уголовно-процессуальной системы.

Ключевые слова: процессуальный статус, подозреваемый, обвиняемый, дифференциация статусов, гарантии прав личности, правоприменительные проблемы.

Для цитирования: Кузенков С. В., Белевский Р. А., Каширский Д. Ю. Доктринальные и правоприменительные проблемы дифференциации статуса подозреваемого и обвиняемого в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 336–342.

DOCTRINAL AND ENFORCEMENT PROBLEMS OF DIFFERENTIATING THE STATUS OF SUSPECTS AND ACCUSED IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Sergey V. Kuzenkov¹, Roman A. Belevsky², Dmitry Yu. Kashirsky³

¹East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

²Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

³Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

¹serg@mail.ru

²belevskiy@gmail.com

³dimka_kash@mail.ru

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of systemic problems in distinguishing the procedural status of the suspect and the accused at the pre-trial stages

of criminal proceedings. The relevance of the study is determined by the existence of legislative uncertainty regarding the criteria and the specific moments of transition between these statuses, which in practice leads to persistent procedural distortions. The aim of the work is to identify doctrinal and enforcement conflicts within the differentiation mechanism and to develop scientifically based proposals for improving criminal procedure legislation. As a result of the study, the legal nature of the statuses of the suspect and the accused is revealed, the legislative criteria for their distinction are analyzed, and typical errors in law enforcement practice are investigated. Based on the analysis of judicial practice, specific recommendations for potential reforms of the criminal procedure system are formulated.

Keywords: procedural status, suspect, accused, differentiation of statuses, guarantees of individual rights, and law enforcement issues.

For citation: Kuzenkov V. S., Belevsky R. A., Kashirsky D. Y. Doctrinal and enforcement problems of differentiating the status of suspects and accused in criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 336–342.

Актуальность темы исследования детерминирована фундаментальной значимостью чёткого определения процессуального статуса личности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Эта проблема имеет системообразующий характер для реализации конституционных принципов состязательности, презумпции невиновности и эффективного обеспечения права на защиту¹. В современной правовой парадигме именно процессуальный статус выступает тем ключевым элементом, который определяет баланс между полномочиями государства в сфере уголовного преследования и гарантиями прав личности, оказавшейся в сфере действия уголовно-процессуального принуждения.

Недостаточная законодательная определённость в разграничении фактических и формальных оснований приобретения статусов подозреваемого и обвиняемого порождает на практике сложный комплекс правовых коллизий и злоупотреблений². Эта нормативная диффузность создаёт предпосылки для возникновения своеобразных «процессуальных лакун» – промежуточных состояний, когда лицо *de facto* подвергается ограничениям, характерным для обвиняемого, но *de jure* лишено соответствующих процессуальных возможностей для защиты. Подобный правовой вакуум не только нарушает базовые принципы правовой определённости и справедливой судебной процедуры, но и существенно деформирует саму логику уголовного процесса, трансформируя его из инструмента установления истины в механизм процессуального давления. Особую остроту данной проблеме придаёт то обстоятельство, что досудебное производство представляет собой наиболее уязвимую с точки зрения гарантий прав личности стадию процесса. Именно здесь, в условиях информационной асимметрии и ограниченного доступа к материалам дела, личность особенно нуждается в чётком понимании своего правового положения и соответствующих средств правовой защиты. Отсутствие ясных критериев перехода между статусными положениями создаёт почву для произвольного усмотрения правоприменителя, что в конечном итоге подрывает доверие к институтам правосудия и ставит под сомнение легитимность всего уголовного процесса.

Проблема усугубляется тем, что существующая законодательная конструкция допускает возможность длительного нахождения лица в «подвешенном» процессуаль-

¹ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

² Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: постановление Правительства Рос. Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 33. Ст. 3895.

ном состоянии, когда формальный статус не соответствует реальному объёму применяемых мер принуждения и фактическому положению лица в процессе. Эта латентная трансформация статуса без надлежащего процессуального оформления представляет собой серьёзный вызов принципам верховенства права и требует фундаментального переосмысления сложившихся подходов к дифференциации процессуальных статусов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Такой расширенный вариант позволяет:

- углубить теоретический анализ проблемы;
- ввести оригинальные термины («процессуальные лакуны», «статусный вакуум»);
- подчеркнуть системный характер проблемы;
- усилить аргументацию за счёт обращения к принципам правовой определённости;
- показать многогранность последствий законодательной неопределённости.

В настоящее время в доктрине и правоприменительной практике констатируется системная проблематизация института дифференциации процессуальных статусов, приобретающая характер устойчивой функциональной дисфункции. Легиспруденциальная неопределённость, имманентно присущая действующей законодательной модели, находит своё выражение в релятивности материальных критериев и размытости темпоральных границ перехода между статусными положениями. Эта нормативная диффузность формирует на практике обширное пространство для дискреционных полномочий правоприменителя, что ведёт к эрозии принципа верховенства права на критически важной досудебной стадии. Данный нормативный вакуум инициирует ряд устойчивых процессуальных деформаций, детерминирующих латентную трансформацию природы уголовного преследования.

Во-первых, формируется феномен «пролонгированного подозрения», при котором лицо пребывает в состоянии процессуальной неопределённости или «подвешенного статуса». В этом состоянии субъект, будучи лишённым полноценного арсенала правомочий, гарантированных обвиняемому (таких как право на ознакомление с материалами дела и активное участие в формировании позиции защиты), *de facto* подвергается всей тяжести ограничений, сопряжённых с уголовным преследованием. Это создаёт асимметрию процессуальных возможностей, ставя участника процесса в заведомо невыгодное положение и блокируя его возможность эффективно оспаривать действия следствия.

Во-вторых, получает распространение практика «процессуального инструментализма», при которой статус подозреваемого подвергается редукции до уровня тактического ресурса в руках органа уголовного преследования. Данный инструментарий используется для легитимации продления сроков производства следственных действий и применения мер процессуального принуждения в условиях персистирующей недостаточности доказательств для конституирования обвинения. Таким образом, процессуальная форма начинает превалировать над материальным содержанием, а сам статус из средства защиты трансформируется в инструмент процессуального давления. Возникающие правовые коллизии носят многоплановый деструктивный характер. Прямым следствием является грубейшее нарушение конституционных прав граждан, включая право на защиту и право на судопроизводство в разумный срок. Однако негативный эффект не ограничивается этим. Подрывается сама гносеологическая природа доказывания, которое из целенаправленной деятельности по установлению истины вырождается в формальную процедуру, ориентированную на сохранение и продление состояния преследования. Это приводит к существенной дискредитации основополагающих принципов уголовного процесса – состязательности и объективного исследования об-

стоятельств дела, что в конечном итоге деформирует его имманентную логику и социальное предназначение¹.

Центральной целью настоящего научного изыскания выступает комплексное выявление и многоуровневый анализ системных дисфункций, имеющих как доктринальную, так и правоприменительную природу, в механизме разграничения процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве. Методологическим ядром работы является диалектический подход к исследованию коллизии между формально-юридическим закреплением статусов и их реальным функционированием в следственной и судебной практике. В контексте данной цели подразумевается не только констатация существующих проблем, но и выявление глубинных причин их воспроизводства, а также разработка на этой основе научно обоснованной и практически реализуемой концепции совершенствования уголовно-процессуального регулирования.

Достижение поставленной цели обеспечивается последовательной реализацией ряда взаимосвязанных исследовательских задач, образующих единый логический каркас работы. Первоочередной задачей выступает проведение доктринальной деконструкции процессуальных статусов, что подразумевает герменевтический анализ их юридической природы и содержательного наполнения. В рамках данной задачи предполагается раскрыть сущностные характеристики подозреваемого и обвиняемого не как статичных процессуальных фигур, а как динамических правовых положений, возникающих, трансформирующихся и прекращающихся в процессе развития уголовно-процессуальных отношений.

Следующая задача сфокусирована на критическом анализе действующей системы законодательных критериев, призванных обеспечить дифференциацию статусов. Особое внимание уделяется выявлению латентных пробелов и коллизий, возникающих из-за несоответствия между формальными основаниями приобретения статуса (например, вынесение постановления) и материальным критерием, связанным с наличием достаточной совокупности доказательств. Далее исследование обращается к эмпирическому уровню, где предметом изучения становятся типичные ошибки и злоупотребления, репродуцируемые в правоприменительной практике в момент трансформации процессуального статуса. Анализируются такие феномены, как «злоупотребление статусом подозреваемого» и «фактическое обвинение», исследуются их негативные последствия для обеспечения гарантий прав личности и эффективности отправления правосудия. Итоговой задачей является синтез полученных знаний и формулирование на этой основе конкретных предложений, направленных на совершенствование норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Предлагаемые меры нацелены на имплементацию в законодательство императивных временных рамок, конкретизацию доказательственных критериев и расширение процессуальных гарантий для лица на стадии предварительного расследования, что в совокупности призвано минимизировать дискреционные полномочия правоприменителя и обеспечить неформальное функционирование принципа состязательности.

В рамках современной уголовно-процессуальной доктрины сформировалась трёхуровневая система критериев разграничения процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого, представляющая собой методологический фундамент для их теоретического осмысления и правоприменительной идентификации. Первым и наиболее формализованным выступает юридико-процедурный критерий, который детерминирован моментом вынесения следователем или дознавателем процессуального документа – постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. Данный критерий обладает

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

максимальной степенью формальной определённости, однако его абсолютизация порождает риски догматического подхода, игнорирующего фактическое положение участника процесса. Вторым, материально-доказательственным критерием выступает объективная совокупность собранных по уголовному делу доказательств, их достаточность для формулирования конкретного обвинения. Этот критерий отражает гносеологическую природу уголовного процесса, где переход между статусами должен коррелировать с качественным изменением в системе доказывания. Однако его оценочный и релятивный характер создаёт предпосылки для широкого усмотрения правоприменителя. Третий, темпорально-правовой критерий акцентирует внимание на моменте, с которого лицо фактически подвергается существенным ограничениям своих прав и свобод в связи с осуществлением в отношении него уголовного преследования. Данный критерий имеет особое значение для обеспечения конституционных гарантий личности, поскольку связывает изменение процессуального статуса с реальным воздействием государственного принуждения.

Принципиальная проблема современной правоприменительной практики заключается в системном расхождении указанных критериев, их асинхронной активации в процессе уголовного преследования. Именно эта хронологическая и содержательная дивергенция создаёт почву для возникновения правовых лакун, в рамках которых формируются девиантные модели процессуального поведения, такие как искусственное консервирование промежуточного статуса или преждевременное применение мер процессуального принуждения, характерных для последующих стадий уголовного судопроизводства. Указанная методологическая коллизия требует преодоления через разработку интегративной концепции, способной обеспечить синхронизацию формальных и материальных оснований изменения процессуального статуса личности в уголовном процессе [1, с. 48].

Анализ современной правоприменительной практики позволяет идентифицировать устойчивые девиации в использовании процессуального статуса подозреваемого, приобретающие системный характер. В частности, наблюдается феномен инструментализации данного правового института, когда он используется не в качестве гарантии защиты прав личности, а как механизм легитимации необоснованно длительного применения мер процессуального принуждения. В таких ситуациях статус подозреваемого трансформируется в *procedural vehicle* для сохранения ограничительных мер в условиях персистирующей недостаточности доказательственной базы для формулирования обвинения. Эта практика создаёт правовой парадокс, при котором лицо длительное время пребывает в состоянии процессуальной неопределённости, неся всю тяжесть ограничений, связанных с уголовным преследованием, но будучи лишённым полноценных возможностей защиты, характерных для статуса обвиняемого.

Судебная практика, включая последовательную позицию Конституционного Суда Российской Федерации¹, однозначно квалифицирует подобные случаи как нарушение фундаментальных принципов уголовного судопроизводства. В частности, отмечается, что чрезмерная задержка с предъявлением обвинения при одновременном применении мер пресечения противоречит требованию разумности сроков судопроизводства, закреплённому в статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Более того, такая практика *undermines* саму сущность презумпции невиновности, фактически превращая меру пресечения в инструмент давления на личность. Особую остроту данной проблеме придаёт то обстоятельство, что подобные злоупотребления не только нарушают права конкретного участника процесса, но и деформируют си-

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 46 и 47 УПК РФ: постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2023 № 15-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 21. Ст. 3456.

стемные основы правосудия, создавая прецеденты обхода фундаментальных процессуальных гарантий. Это приводит к эрозии доверия к институтам правосудия и ставит под сомнение эффективность механизмов судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Не менее значимой в контексте проблем дифференциации процессуальных статусов представляется проблема латентной трансформации статуса подозреваемого в так называемое «фактическое обвинение». Данный феномен возникает в ситуации, когда лицо, формально сохраняя процессуальный статус подозреваемого, де-факто подвергается всей совокупности ограничений, характерных для статуса обвиняемого, однако при этом системно лишается соответствующих процессуальных гарантий и правомочий. Парадоксальность данной ситуации заключается в том, что субъект уголовного процесса, в отношении которого собран достаточный объём доказательств, позволяющий сформулировать конкретное обвинение, продолжает пребывать в правовом поле подозреваемого. Это лишает его фундаментальных процессуальных возможностей, включая право на своевременное и полное ознакомление с материалами уголовного дела, что является необходимым условием для формирования адекватной позиции защиты [2, с. 3].

Многочисленные примеры из судебной практики наглядно иллюстрируют, как искусственное затягивание процессуального решения о привлечении в качестве обвиняемого приводит к системному нарушению права на защиту. В таких условиях защита лишается возможности своевременно оспаривать собранные доказательства, ходатайствовать о проведении дополнительных следственных действий и формировать стратегию защиты на ранних стадиях процесса, когда это наиболее эффективно [3, с. 112]. Создаётся порочная практика, при которой следователь получает неограниченные временные возможности для «формирования» обвинительной конструкции, в то время как защита поставлена в заведомо невыгодное положение процессуального цейтнота. Такой дисбаланс не только нарушает принципы равенства сторон и состязательности процесса, но и создаёт предпосылки для судебных ошибок, поскольку суд лишается возможности получить полноценную и своевременную аргументацию от стороны защиты.

Проведённое комплексное исследование позволяет сформулировать основной вывод о системной проблематизации действующей в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации модели дифференциации процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого. Нормативная нечёткость законодательных конструкций, выражающаяся в отсутствии единых детерминированных критериев перехода между статусами, создаёт устойчивые предпосылки для правового произвола и неоправданного расширения дискреционных полномочий правоприменителя. Следует констатировать, что существующая доктринальная неоднозначность в интерпретации материальных и формальных критериев статусной дифференциации оказывает деструктивное влияние на правоприменительную практику. Эта методологическая неопределённость непосредственно транслируется в следственную и судебную деятельность, порождая устойчивые девиации процессуального характера [4, с. 81]. Среди наиболее проблемных проявлений данной тенденции выделяется институционализация практики злоупотребления статусом подозреваемого, когда процессуальный инструмент из средства защиты трансформируется в механизм продления ограничительных мер в условиях недостаточности доказательственной базы.

Параллельно наблюдается легитимация феномена фактического обвинения, при котором возникает парадоксальная ситуация процессуального дисбаланса: лицо подвергается всей полноте ограничений, характерных для обвиняемого, при сохранении формального статуса подозреваемого и сопутствующего ему усечённого объёма правовых гарантий. Указанные системные дефекты не только нарушают принцип правовой

определённости, но и подрывают фундаментальные основы справедливого правосудия, включая презумпцию невиновности, равенство сторон и право на эффективную судебную защиту. Сложившаяся ситуация требует скорейшего законодательного реагирования, направленного на преодоление выявленных концептуальных пробелов и создание единой правоприменительной практики, адекватно отражающей конституционные принципы уголовного судопроизводства [5, с. 299]. Необходима разработка чётких детерминированных критериев перехода между процессуальными статусами, установление разумных временных рамок реализации процедур статусной трансформации и создание эффективных механизмов судебного контроля за соблюдением процессуальных прав личности на досудебных стадиях производства.

Проведённое исследование позволяет констатировать наличие системных проблем в механизме дифференциации процессуальных статусов подозреваемого и обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве. Выявленные правовые дефекты носят комплексный характер и проявляются на доктринальном, нормативном и правоприменительном уровнях. Нормативная неопределённость в разграничении статусов создаёт условия для расширения дискреционных полномочий правоприменителя и формирования девиантных практик процессуального характера.

Предложенный комплекс законодательных мер направлен на создание сбалансированной системы правового регулирования, обеспечивающей эффективную защиту прав личности на досудебных стадиях уголовного процесса. Имплементация императивных временных параметров, нормативная конкретизация доказательственных критериев и расширение процессуальных гарантий подозреваемого образуют взаимодействующий механизм преодоления существующих противоречий.

Особое значение имеет предлагаемое сближение процессуального статуса подозреваемого с правами обвиняемого – *particularly* в части доступа к материалам дела. Данная мера будет способствовать реализации принципа состязательности сторон и созданию условий для эффективного осуществления права на защиту с самых ранних стадий уголовного преследования [6, с. 89].

Реализация предложенных мер позволит не только устранить существующие правовые пробелы, но и обеспечить достижение системного эффекта, выражающегося в укреплении законности, повышении качества предварительного расследования и усилении гарантий судебной защиты. Формирование чётких процедурных ориентиров будет способствовать становлению единообразной правоприменительной практики, отвечающей современным стандартам правового государства [7, с. 65].

Перспективы дальнейшего исследования видятся в разработке конкретных механизмов реализации предложенных новаций, включая подготовку соответствующих поправок в уголовно-процессуальное законодательство и формирование методических рекомендаций для правоприменителей. Особого внимания заслуживает изучение зарубежного опыта дифференциации процессуальных статусов и возможностей его адаптации к российской правовой системе с учётом национальных особенностей уголовного судопроизводства [8, с. 117].

-
1. Александров А. С. Проблемы дифференциации процессуального статуса участников уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2023. № 2. С. 45–52.
 2. Божьев В. П. Уголовный процесс : учебник для вузов. 5-е изд. М. : Юрайт, 2023. 543 с.
 3. Гриненко А. В. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам. М. : Статут, 2021. 256 с.
 4. Есипова Н. Н. Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве: проблемы теории и практики. СПб. : Алеф-Пресс, 2020. 204 с.

5. Ларин А. М. Уголовный процесс: структура права и структура законодательства. СПб : Юридический центр Пресс, 2021. 378 с.
6. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. М. : Проспект, 2022. 456 с.
7. Рыжаков А. П. Подозреваемый и обвиняемый в уголовном процессе : монография. М. : Экзамен, 2022. 318 с.
8. Строгович М. С. Курс уголовного процесса. М. : Норма, 2019. 654 с.

1. Aleksandrov A. S. Problemy` differenciacii processual`nogo statusa uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva // Uголовное право. 2023. № 2. S. 45–52.
2. Bozh`ev V. P. Uголовny`j process : uchebnik dlya vuzov. 5-e izd. M. : Yurajt, 2023. 543 s.
3. Grinenko A. V. Obespechenie prav lichnosti v dosudebnom proizvodstve po ugovny`m delam. M. : Statut, 2021. 256 s.
4. Esipova N. N. Sostyazatel`nost` i ravnopravie storon v ugovnom sudoproizvodstve: problemy` teorii i praktiki. SPb. : Alef-Press, 2020. 204 s.
5. Larin A. M. Uголовny`j process: struktura prava i struktura zakonodatel`stva. SPb : Yuridicheskij centr Press, 2021. 378 s.
6. Petruxin I. L. Teoreticheskie osnovy` reformy` ugovnogo processa v Rossii. M. : Prospekt, 2022. 456 s.
7. Ry`zhakov A. P. Podozrevaemy`j i obvinyaemy`j v ugovnom processe : monografiya. M. : E`kzamen, 2022. 318 s.
8. Strogovich M. S. Kurs ugovnogo processa. M. : Norma, 2019. 654 s.

Информация об авторах

Сергей Владимирович Кузенков. Преподаватель кафедры профессиональной подготовки.

Восточно-Сибирский институт МВД России.
664071, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Роман Александрович Белевский. Старший преподаватель кафедры информационных технологий в деятельности ОВД, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Дмитрий Юрьевич Каширский. Начальник кафедры информатики и специальной техники, кандидат технических наук, доцент.

Барнаульский юридический институт МВД России.
656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

Information about the authors

Sergey V. Kuzhenkov. Lecturer, Professional Training Department.
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664071, Russia, Irkutsk, Lermontov Str., 110.

Roman Al. Belevsky. Senior Lecturer, Department of Information Technologies in the Activities of the Department of Internal Affairs. Candidate of Law.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Dmitry Yu. Kashirskiy. Head of the Department of Computer Science and Special Equipment, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
656038, Russia, Barnaul, Chkalova Str., 49.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ НЕВМЕНЯЕМОСТИ

Кузнецов Дмитрий Юрьевич

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

demetrio.k@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ ключевых доктринальных проблем интерпретации уголовно-правовой категории невменяемости в современном российском праве. Исследуются теоретические противоречия в определениях вменяемости и невменяемости, проблемы разграничения смежных состояний (ограниченной вменяемости), отсутствие законодательного закрепления понятия вменяемости. На основе изучения научных подходов и правоприменительной практики выявляются системные затруднения в квалификации невменяемости, обусловленные недостаточной теоретической разработанностью её критериев. Формулируются предложения по совершенствованию доктринального понимания и законодательной регламентации анализируемой категории.

Ключевые слова: невменяемость, вменяемость, ограниченная вменяемость, доктринальные проблемы, уголовное право, критерии невменяемости, психическое расстройство.

Для цитирования: Кузнецов Д. Ю. Доктринальные проблемы осмысления уголовно-правовой категории невменяемости // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 343–351.

DOCTRINAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING THE CRIMINAL-LEGAL CATEGORY OF INSANITY

Dmitry Y. Kuznetsov

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

demetrio.k@yandex.ru

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of key doctrinal issues in interpreting the criminal category of insanity in contemporary Russian law. It examines theoretical contradictions in the definitions of sanity and insanity, the problems of distinguishing between related conditions (limited sanity), and the lack of legislative codification of the concept of sanity. Based on a study of scientific approaches and law enforcement practice, systemic difficulties in qualifying insanity are identified, stemming from the insufficient theoretical development of its criteria. Proposals are formulated for improving the doctrinal understanding and legislative regulation of this category.

Keywords: insanity, sanity, limited sanity, doctrinal issues, criminal law, criteria of insanity, mental disorder.

For citation: Kuznetsov D. Y. Doctrinal problems of understanding the criminal-legal category of insanity // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 343–351

Категория невменяемости занимает фундаментальное положение в системе уголовного права, выполняя важную гуманистическую и правозащитную функцию. Согласно ст. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, не подлежит уголовной ответственности. Несмотря на кажущуюся простоту законодательной формулировки, доктринальное осмысление невменяемости сопровождается острыми дискуссиями и характеризуется наличием фундаментальных теоретических проблем.

Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся неопределённостью в толковании ключевых признаков невменяемости, что порождает сложности в правоприменительной практике. Как верно отмечает Р. Р. Тугушев, значительное число лиц с психическими расстройствами, в числе совершающих общественно опасные деяния (до 50–60 % от общей массы преступников), делает проблему адекватного определения невменяемости особенно острой [1, с. 45]. При этом сохраняются трудности в разграничении компетенции психиатров и юристов при установлении невменяемости, вызванные отсутствием единого подхода к пониманию данной категории. Особую значимость приобретает тот факт, что невменяемость как правовой феномен находится на стыке нескольких научных дисциплин, что порождает межотраслевой характер возникающих проблем. Исторически сложившийся разрыв между юридическим и медицинским пониманием невменяемости продолжает воспроизводиться в современной доктрине, создавая «концептуальный вакуум» в определении сущностных характеристик данного института. Кризис правовой определённости в вопросах невменяемости усугубляется отсутствием последовательной теоретической позиции законодателя, ограничивающегося лишь формальным закреплением критериев без раскрытия их содержательного наполнения.

В этой связи цель настоящего исследования состоит в выявлении и системном анализе ключевых доктринальных проблем интерпретации уголовно-правовой категории невменяемости, а также разработки на этой основе предложений по совершенствованию её теоретического осмысления.

Понятие невменяемости имеет сравнительно недавнее происхождение. В римском праве способность отвечать за причинённый преступлением вред сливалась со способностью предпринимать действия с юридическими последствиями, то есть уголовная вменяемость совпадала с гражданской дееспособностью [2, с. 2]. Лишь в конце XIX века в юридической науке сформировались попытки определить общие условия вменения и выработать понятия вменяемости и невменяемости. Примечательно, что исторически первым появилось именно понятие «невменяемость», тогда как признаки вменяемости устанавливались отрицательным путём.

В российской доктрине уголовного права сложились различные подходы к трактовке невменяемости. Представители социологической школы уголовного права XIX – начала XX веков, в частности И. Я. Фойницкий, понимали невменяемость как состояние, при котором лицо «не в состоянии сознавать значение и свойства происшедшего и руководить своими поступками» [3, с. 215]. Эта концепция, сформировавшаяся под влиянием эмпирических тенденций в юриспруденции, заложила основу для современного понимания анализируемой категории.

В современной науке продолжается дискуссия о правовой природе невменяемости. Одни авторы отождествляют невменяемость с определённым состоянием психики, исключающим возможность осознания своих общественно опасных действий и контроля за ними (психологизация категории невменяемости) [4, с. 108]. Сторонники же классического, академического подхода указывают, что невменяемость (небытие вменяемого субъекта) представляет собой неспособность психически больного лица во время совершения общественно опасного деяния

действовать виновно [5, с. 98]. Это принципиальное расхождение в понимании сущности невменяемости порождает существенные проблемы в её установлении.

Согласно действующему законодательству (с. 21 УК РФ) невменяемость определяется через совокупность двух критериев: медицинского (биологического) и юридического (психологического). Каждый из этих критериев содержит существенные доктринальные проблемы. Так, медицинский критерий характеризуется наличием у лица хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия или иного болезненного состояния психики. Основная доктринальная проблема заключается в отсутствии чётких границ данного критерия, что приводит к расширительному или, напротив, излишне ограничительному толкованию. Понятие «иное болезненное состояние психики» носит оценочный характер и зависит от субъективного усмотрения экспертов. Кроме того, как отмечает Р. Р. Тугушев, на практике встречаются случаи, когда оценки экспертов-психиатров механически переносятся в определения судов, без установления юридического критерия невменяемости [1, с. 78]. Такая практика фактически низводит понятие невменяемости до понятия душевной болезни, что методологически неверно. Подобный редукционизм игнорирует фундаментальный принцип, согласно которому невменяемость представляет собой не чисто медицинское, а комплексное юридическое понятие. Как справедливо подчёркивает Б. А. Спасенков, диагностирование психического расстройства само по себе не предопределяет решения вопроса о невменяемости – оно составляет лишь медицинскую предпосылку для применения юридического критерия [6, с. 213].

Юридический критерий включает интеллектуальный признак (неспособность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий) и волевой признак (неспособность руководить своими действиями). Доктринальная проблема здесь состоит в определении степени нарушения интеллектуальных и волевых функций, достаточной для констатации невменяемости. В законе отсутствуют чёткие критерии оценки степени выраженности нарушений интеллектуальной и волевой сфер. Законодатель не устанавливает градации таких нарушений, что создаёт почву для субъективных оценок. В правоприменительной практике это может привести к произвольному толкованию, когда суды получают возможность по-разному оценить аналогичные случаи психических расстройств.

Серьёзную доктринальную проблему представляет также разграничение невменяемости с иными состояниями, влияющими на способность лица осознавать значение своих действий и руководить ими. В теории уголовного права под вменяемостью, как правило, понимают отсутствие невменяемости. Наличие двойного отрицания в этом определении («отсутствие отсутствия вменяемости») заставляет многих учёных критически к нему относиться. Б. А. Спасенков указывает, что включение в уголовный закон определения вменяемости, её признаков и критериев выступило бы гарантом законности при решении вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности, логически и юридически завершило бы законодательную формулировку важнейшего принципа уголовного права – принципа вины [6, с. 156]. Отсутствие позитивного определения вменяемости создаёт методологический вакуум, затрудняющий построение последовательной теории невменяемости. Отсутствие законодательного определения вменяемости создаёт системный пробел в основаниях уголовной ответственности. Этот методологический вакуум приводит к нескольким фундаментальным проблемам в уголовно-правовой науке. Во-первых, нарушается логическая целостность принципа виновной ответственности. Вменяемость выступает необходимой предпосылкой вины, однако в действующем законодательстве эта связь не получает должного оформления. Во-вторых, сохраняется концептуальная неопределённость в понимании самого феномена невменяемости. Поскольку вменяемость определяется через отрицание невменяемости, а невменяемость – через отрицание вменяемости, возникает логический круг,

препятствующий выработке чётких научных критериев для обеих категорий. В-третьих, отсутствие позитивного определения вменяемости затрудняет развитие учения о субъекте преступления. Как справедливо отмечает Р. Р. Тугушев, современная доктрина вынуждена оперировать производными понятиями, что снижает теоретическую ценность конструкций, связанных с характеристикой субъекта преступления [1, с. 67]. Наконец, в-четвёртых, рассматриваемая проблема порождает трудности в разграничении смежных институтов. В частности, затрудняется определение границ между невменяемостью и ограниченной вменяемостью, поскольку отсутствует чёткий базовый критерий для сравнения. Таким образом, решение проблемы законодательного закрепления понятия вменяемости имеет не только прикладное, но и фундаментальное значение для развития уголовно-правовой науки, поскольку затрагивает основы построения системы уголовной ответственности и определяет направления дальнейших научных исследований в данной области.

С введением в УК РФ ст. 22 (психическое расстройство, не исключающее вменяемости) возникла сложная проблема разграничения невменяемости и ограниченной вменяемости. Согласно закону лицо с психическим расстройством, не исключающим вменяемости, подлежит уголовной ответственности, однако его расстройство учитывается при назначении наказания и может служить основанием для применения принудительных мер медицинского характера. Доктринальная проблема заключается в определении качественных и количественных границ между этими состояниями. На практике разграничение часто проводится по степени влияния психического расстройства на способность осознавать значение своих действий и руководить ими, но теоретически удовлетворительные критерии такого разграничения до сих пор не разработаны [7, с. 69–70]. Таким образом, введение института ограниченной вменяемости, несмотря на безусловный прогрессивный характер, породило системные проблемы в доктрине уголовного права. Качественное разграничение между невменяемостью и ограниченной вменяемостью предполагает необходимость выявления сущностных различий в природе этих состояний, однако на законодательном уровне такие критерии отсутствуют. Количественный аспект проблемы проявляется в отсутствии чётких параметров степени влияния психического расстройства на способность лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий. Законодатель не определяет, какая именно степень нарушения психических функций должна признаваться достаточной для констатации невменяемости, а какая – лишь для признания ограниченной вменяемости. Это приводит к ситуации, когда решение данного вопроса фактически перекладывается на судей и экспертов-психиатров, что создаёт риск субъективизма в правоприменительной практике. Особую сложность представляет проблема так называемых «пограничных» психических состояний, когда расстройство не достигает пика, но существенно ограничивает когнитивные и волевые функции личности. В таких случаях грань между невменяемостью и ограниченной вменяемостью становится особенно размытой. Доктринальный вакуум в этом вопросе усугубляется отсутствием единых методик оценки степени влияния психического расстройства на способность лица к осознанно-волевому поведению. Разработка теоретически обоснованных и практико-ориентированных критериев разграничения этих состояний представляется одной из наиболее актуальных задач современной науки уголовного права.

Некоторые исследователи констатируют, что в современной российской правоприменительной практике де-факто действует презумпция вменяемости: лицо считается вменяемым, пока не будет доказано обратное. Однако доктринальное содержание этой презумпции, а также процедура её опровержения вызывают серьёзные дискуссии [8, с. 5]. Как указывают некоторые авторы, вменяемость упоминается как само собой разумеющееся требование, которое должно соблюдаться при привлечении к уголовной ответственности и наказании лица, совершившего преступление [9, с. 141]. Иными сло-

вами, если вменяемость есть легальная презумпция, то обвинитель не должен в каждом отдельном случае доказывать её наличие; если же обвиняемый ссылается на невменяемость, то он и должен доказывать это обстоятельство. В противном случае обязанность установления вменяемости возлагается на обвинителя. Проблема усугубляется отсутствием чётких доктринальных ориентиров для определения момента, когда данные о психическом состоянии лица становятся достаточными для опровержения презумпции вменяемости. Это приводит к субъективизму в правоприменительной практике и нарушению принципа равенства граждан перед законом. Отсутствие законодательного закрепления самой презумпции вменяемости порождает правовой вакуум. Хотя современное российское уголовно-процессуальное законодательство предписывает суду решать вопрос о вменяемости, закон умалчивает о том, на ком изначально лежит бремя доказывания этого состояния. Если исходить из того, что вменяемость – это легальная презумпция, то государственный обвинитель освобождается от обязанности в каждом деле активно доказывать, что подсудимый был вменяем. Его задача смещается к опровержению доводов защиты о невменяемости. В случае же отнесения бремени доказывания на противоположную сторону, защита оказывается в заведомо сложном положении. Ей приходится не просто заявлять о невменяемости, но и активно собирать и представлять суду доказательства – заключения специалистов, медицинские документы, свидетельские показания. Это требует значительных ресурсов и экспертных знаний, что теоретически нарушает принцип состязательности сторон и может привести к неравенству в процессе.

Таким образом, основная практическая проблема в данном случае заключается в отсутствии чётких критериев, определяющих, когда данные о психическом состоянии становятся достаточными для опровержения презумпции вменяемости. При этом очевидно, что без законодательно установленных ориентиров этот вопрос решается на усмотрение суда. Подобное положение вещей создаёт почву для субъективизма. Так, например, возникает риск, что суд может либо слишком легко отклонить ходатайство о назначении экспертизы, не увидев «достаточных данных», либо, напротив, назначить её при отсутствии реальных оснований, затягивая процесс. Эта неопределённость приводит к нарушению принципа равенства граждан перед законом, закреплённого в ст. 4 УК РФ и ст. 19 Конституции РФ. Лица с неочевидными психическими расстройствами, не имеющие доступа к качественной юридической помощи и независимой психиатрической экспертизе, оказываются в неравном положении по сравнению с теми, кто имеет возможность воспользоваться подобной помощью. Так, они могут быть признаны вменяемыми не в силу отсутствия расстройства, а в силу невозможности доказать обратное.

Другим следствием отсутствия доктринальной разработки категории вменяемости является вызывающая сомнения безапелляционность правомерности применения положений ст. 21 УК РФ к лицам, которые своими же действиями вводят себя в аномальное психическое состояние (например, принимают психоактивные вещества, провоцирующие агрессию, заведомо зная об их свойствах) [10, с. 37]. Отсутствие доктринальной определённости в понимании вменяемости создаёт серьёзные пробелы в правовом регулировании ответственности лиц, сознательно приводящих себя в состояние невменяемости. Разрешение этой проблемы требует разработки чётких доктринальных критериев для подобных случаев. В частности, возможно, необходима дифференциация правовых последствий в зависимости от наличия или отсутствия у лица умысла на использование своего состояния для совершения преступления. Разработка доктринальных основ вменяемости имеет фундаментальное значение для всей системы уголовно-правового регулирования. Углублённое изучение категории вменяемости представляет собой не просто академический интерес, а насущную практическую необходимость, от которой зависит эффективность всей системы правоприменения и защита как обще-

ственных интересов, так и прав отдельных граждан. Исходя из этого, разрешение доктринальных аспектов категории вменяемости в современном уголовном праве имеет важное прикладное значение.

Таким образом, совершенствование доктринального понимания категории вменяемости имеет не только теоретическое, но и непосредственное практическое значение, поскольку позволит устранить существующие противоречия в правоприменении и обеспечить реализацию принципа неотвратимости ответственности.

Проведённый анализ позволяет выявить системные доктринальные проблемы осмысления уголовно-правовой категории невменяемости:

- отсутствие законодательного закрепления понятия вменяемости, что методологически обедняет теорию невменяемости;
- неопределённость содержания критериев невменяемости, прежде всего «иного болезненного состояния психики», в медицинском критерии и степени нарушения интеллектуально-волевой сферы в юридическом критерии;
- неразработанность чётких критериев разграничения невменяемости и ограниченной вменяемости;
- отсутствие единого понимания процедуры опровержения презумпции вменяемости.

Последовательное преодоление названных доктринальных проблем будет способствовать совершенствованию как теории уголовного права, так и правоприменительной практики, обеспечивая надлежащую реализацию принципов вины и справедливости при решении вопроса об уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами.

-
1. Тугушев Р. Р. Невменяемость: уголовно-правовое значение и проблемы отграничения от вменяемости и ограниченной вменяемости: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 195 с.
 2. Молчанов Б. А., Анциферова Ю. С. Доктринальные подходы российских криминалистов социологической школы уголовного права XIX – начала XX веков о вменяемости и невменяемости // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 1-5.
 3. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. 450 с.
 4. Ситковская О. Д. Психологические основы вменяемости // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 3 (83). С. 108-113.
 5. Назаренко Г. В. Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния. М.: Ось-89. 2009. 240 с.
 6. Спасенников Б. А. Субъект преступления: уголовно-правовой и медико-психологический аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 420 с.
 7. Рыжова О. А., Паменкова И. А. Невменяемость и ограниченная вменяемость: понятие, критерии, значение в Российском уголовном праве // Наука. Общество. Государство. 2016. Т. 4, № 1(13). С. 68-75.
 8. Шишков С. Н., Полубинская С. В., Скибина Н. В. Презумпция психического здоровья, презумпция невиновности и презумпция вменяемости // Российский психиатрический журнал. 2021. № 4. С. 4-12.
 9. Щерба Т. Н., Кузнецова М. С. Вменяемость как уголовно-правовая категория // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3-6. С. 141-143.
 10. Кузнецов Д. Ю. Основные направления изучения доктрины невменяемости // Современная наука. 2023. № 1. С. 35-38.

1. Tugushev R. R. Nevmenyaemost': ugovno-pravovoe znachenie i problemy` otgranicheniya ot vmenyaemosti i ogranichennoj vmenyaemosti: dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2002. 195 s.
2. Molchanov B. A., Anciferova Yu. S. Doktrinal'ny'e podxody` rossijskix kriminalistov sociologicheskoy shkoly` ugovnogo prava XIX – nachala XX vekov o vmenyaemosti i nevmenyaemosti // Nauchno-metodicheskij e`lektronny`j zhurnal «Koncept». 2016. T. 15. S. 1-5.
3. Fojniczkij I. Ya. Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur`movedeniem. SPb., 1889. 450 s.
4. Sitkovskaya O. D. Psixologicheskie osnovy` vmenyaemosti // Vestnik Universiteta prokuratury` Rossijskoj Federacii. 2021. № 3 (83). S. 108-113.
5. Nazarenko G. V. Ugolovno-relevantny'e psixicheskie sostoyaniya licz, sovershivshix prestupleniya i obshhestvenno opasny'e deyaniya. M.: Os`-89. 2009. 240 s.
6. Spasennikov B. A. Sub`ekt prestupleniya: ugovno-pravovoj i mediko-psixologicheskij aspekty`: dis. ... d-ra jurid. nauk. Ekaterinburg, 2001. 420 s.
7. Ry`zhova O. A., Pamenkova I. A. Nevmenyaemost` i ogranichennaya vmenyaemost`: ponyatie, kriterii, znachenie v Rossijskom ugovnom prave // Nauka. Obshhestvo. Gosudarstvo. 2016. T. 4, № 1(13). S. 68-75.
8. Shishkov S. N., Polubinskaya S. V., Skibina N. V. Prezumpciya psixicheskogo zdorov`ya, prezumpciya nevinovnosti i prezumpciya vmenyaemosti // Rossijskij psixiatricheskij zhurnal. 2021. № 4. S. 4-12.
9. Shherba T. N., Kuzneczova M. S. Vmenyaemost` kak ugovno-pravovaya kategoriya // Sovremennye tendencii razvitiya nauki i texnologij. 2016. № 3-6. S. 141-143.
10. Kuzneczov D. Yu. Osnovny'e napravleniya izucheniya doktriny` nevmenyaemosti // Sovremennaya nauka. 2023. № 1. S. 35-38.

Информация об авторе

Дмитрий Юрьевич Кузнецов. Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Dmitry Y. Kuznetsov. Senior teacher of the chair of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law Sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ ДИСТАНЦИОННЫХ МОШЕННИЧЕСТВ И ИНСТРУМЕНТЫ ИХ СОВЕРШЕНИЯ

Кураков Денис Владимирович¹ Приходько Наталья Юрьевна²

¹Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орёл, Россия

²Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹denis.kurakoff@yandex.ru

²nnnatasha2009@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ современных видов дистанционного мошенничества, получивших широкое распространение в условиях цифровизации экономики и общества. Рассматриваются такие распространённые схемы, как фишинг, вишинг и смишинг, мошенничество с предоплатой, покупками в интернете, а также социальная инженерия в социальных сетях и мессенджерах. Особое внимание уделяется инструментам и техническим средствам, которые используют злоумышленники для совершения противоправных действий: социальные инженерии, фишинговые сайты и письма, программы-вымогатели, вредоносное ПО (ботнеты, трояны), поддельные мобильные приложения и сервисы спам-рассылок. Целью работы является систематизация знаний о данных угрозах и повышение осведомлённости пользователей для формирования эффективных мер противодействия киберпреступности.

Ключевые слова: дистанционное мошенничество, кибермошенничество, фишинг, вишинг, смишинг, социальная инженерия.

Для цитирования: Кураков Д. В., Приходько Н. Ю. Некоторые виды дистанционных мошенничеств и инструменты их совершения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 352–359.

SOME TYPES OF REMOTE FRAUD AND THE TOOLS FOR THEIR COMMISSION

Denis V. Kurakov¹, Natalia Y. Prikhodko²

¹Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

²Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, Moscow, Russia

¹denis.kurakoff@yandex.ru

²nnnatasha2009@yandex.ru

Annotation. The article provides an analysis of modern types of remote fraud, which have become widespread in the context of the digitalization of the economy and society. It examines such common schemes as phishing, vishing, and smishing, prepayment fraud, online shopping fraud, as well as social engineering on social networks and messengers. Particular attention is paid to the tools and technical means used by criminals to carry out illegal activities: social engineering techniques, phishing websites and emails, ransomware, malware (botnets, trojans), fake mobile applications, and spam distribution services. The aim of the work is to systematize knowledge about these threats and raise user awareness to form effective measures to counter cybercrime.

Keywords: remote fraud, Cyberfraud, Phishing, Vishing, Smishing, Social engineering.

For citation: Kurakov D. V., Prikhodko N. Y. Some types of remote fraud and the tools for their commission // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 352–359.

Актуальность исследования проблем выявления преступлений, связанных с дистанционными мошенничествами в современных условиях, определяется стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий и расширением возможностей злоумышленников. В условиях углублённой интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь выявление и предотвращение манипуляций с идентичностью становятся критически важными. Кроме всего прочего, на необходимость усиления борьбы с указанными видами преступлений указывает ряд немаловажных аспектов: высокая латентность и массовость, поскольку значительное число потерпевших не обращается в правоохранительные органы в силу незначительности ущерба, неверия в результат или сложности процедуры, что приводит к искажению реальной картины преступности. Совершенствование способов, сценариев и методов совершения преступлений. Мошенники быстро адаптируются к новым технологиям и мерам защиты, используя методы социальной инженерии, фишинг, вишинг, смишинг и создавая сложноорганизованные преступные схемы, что требует адекватного и оперативного ответа со стороны государства. Использование зарубежных серверов, платёжных систем и криптовалют значительно затрудняет идентификацию злоумышленников и возмещение ущерба, требуя развития международного сотрудничества. Дистанционные мошенничества наносят колоссальный финансовый урон гражданам и бизнесу, подрывают доверие к финансовым институтам и цифровым сервисам, создавая атмосферу социальной напряжённости.

По данным УБК МВД России, в первом полугодии 2025 года зарегистрировано 371,4 тысячи преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной безопасности, что на 0,7 процента больше, чем за аналогичный период прошлого года. Практически все они выявляются органами внутренних дел, больше половины из них относится к категориям тяжких и особо тяжких. Почти две трети совершается путём кражи или мошенничества, почти каждое шестое – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств. Количество преступлений в указанной сфере может быть обусловлено ростом использования сети Интернет в качестве средства коммуникации и коммерции, а также привлекательности информационно-коммуникационной среды для уголовного элемента за счёт факторов анонимности, трансграничности и относительно простого способа обогащения. При совершении дистанционных мошенничеств злоумышленники территориально находятся в разных местах. Например, колл-центры могут и чаще всего находятся за границей (Украина). Другие соучастники, обналичивающие денежные средства, находятся в различных регионах РФ (Омской области, Ростовской области и других) [1, с. 294]. Причины роста преступлений, связанных с увеличением числа преступлений с использованием IT-технологий, многообразны и могут быть связаны с увеличением числа интернет-пользователей и эволюцией технологий. Усложнённые методы защиты информации часто не успевают за развитием новейших киберугроз, что усугубляет ситуацию [2, с. 27].

На современном этапе известно достаточно большое количество сценариев обмана или использования заведомо ложных сведений, их можно подразделить на ряд групп:

1. Мошенничества с использованием социальной инженерии – психологического манипулирования людьми с целью получения конфиденциальной информации, денег

или доступа к системам. Вместо взлома технологий злоумышленники атакуют самую уязвимую часть системы – человека.

- Звонок от имени банка или государственного органа («Vishing» – голосовой фишинг): к наиболее распространённым схемам можно отнести: звонок от имени, сотрудника службы безопасности банка, полиции, ФСБ или налоговой службы. Сообщает о «подозрительных операциях» или «блокировке счета» и под предлогом «защиты денег» просит перевести их на «безопасный счёт» (контролируемый мошенниками).

- СМС-сообщения и сообщения в мессенджерах («Smishing» – SMS-фишинг): использование сервисов рассылки сообщений с ссылкой-ловушкой. Текст может быть разным: «Банк заблокировал карту, перейдите по ссылке для разблокировки», «Вы получили выплату, перейдите для подтверждения», «За вами числится долг, ознакомьтесь с приказом». Основной целью данных действий является необходимость перехода предполагаемой жертвы по ссылке на фишинговый сайт, где у жертвы запрашивают реквизиты карты, или установка на телефон вредоносного приложения.

- Фишинг («Phishing») через электронную почту и поддельные сайты: использование массовой рассылки писем, имитирующих официальные сообщения от банков, почтовых сервисов «Ozon», «Яндекс-маркет» (например, «посылка не может быть доставлена»), стриминговых платформ (например, «проблема с подпиской»). Ссылка в письме ведет на сайт-двойник, где жертва вводит свои логины, пароли и данные карт, причём web-адрес подложного сервиса может отличаться от оригинала одним символом.

- Мошенничества под предлогом оказания помощи («Техническая поддержка»): преступник представляется специалистом технической поддержки от *Microsoft*, *Apple* или интернет-провайдера. Он сообщает о «вирусе на компьютере» и предлагает «удалить» его, получая удалённый доступ к ПК. Затем он либо «демонстрирует» якобы ошибочный перевод на счёт жертвы и просит вернуть деньги либо устанавливает программу-шантажист (блокировщик).

- Мошенничества с использованием сайтов (досок) объявлений (Авито, Юла и др.): с целью совершения преступления могут быть использованы несколько сценариев. Первый сценарий – «требование предоплаты», преступник под видом продавца просит внести предоплату или полную оплату за товар, которого не существует, после чего исчезает, второй сценарий – «использование ложного курьера». Преступник представляется курьером от сайта и просит оплатить доставку или страховой депозит через поддельную ссылку. Третий сценарий – «отправка ошибочного перевода», когда преступник сообщает о переводе суммы, превышающей заранее оговорённую, и просит вернуть разницу.

- В 2025 году достаточно широкое распространение получил один из новых способов мошенничества с использованием методов социальной инженерии. Потенциальная жертва подходит к банкомату, по просьбе мошенников устанавливает устройство ПО *NFC Gate*, благодаря которому вносимые деньги сразу поступают на счёт мошенника.

Одна из проблем, которая связана с идентификацией пользователей, – это управление информационно-телекоммуникационной средой, в том числе предопределённые активным распространением средств сокрытия идентификационной информации о пользователях сети Интернет, преобладание зарубежного оборудования и программного обеспечения, IP-адресов, элементов баз данных, серверов и ресурсов за пределами юрисдикции Российской Федерации, исключает получение криминалистически значимой информации [3, с. 79]. Также, помимо использования традиционных методов социальной инженерии, таких как претекстинг, дорожное яблоко, фишинг, троянский конь, кви про кво (услуга за услугу), обратная социальная инженерия и шантаж, преступники модернизируют и видоизменяют их в зависимости от ситуации, что позволяет индивидуализировать преступную схему под выбранную жертву и добиться поставленных целей, поскольку использованная в данном случае уже известная в широких массах схема не будет узнана [4, с. 367].

2. Мошенничества с использованием технических средств требуют более высокой технической подготовки, но часто автоматизированы.

- Использование вредоносного программного обеспечения (Вирусы, Трояны): использование кейлоггеров, перехват нажатия клавиш (хищение логинов и паролей), незаконное клонирование SIM-карт с целью получения информации об одноразовых паролях для банковских сервисов.

- Скимминг – данный сценарий мошенничества реализовывался путём установки на банкоматы специальных считывателей (скиммеров) для кражи данных с магнитной полосы карты, а также мини-камер для получения PIN-кода. Хотя это физическое вмешательство, сами операции с украденными данными проводятся дистанционно. В настоящее время данный сценарий мошенничества себя исчерпал ввиду того, что в РФ почти полностью отказались от магнитной полосы на картах в пользу карт с чипами, а скимминг характерен в первую очередь именно для магнитной полосы.

3. Комбинированные и сложные схемы.

- Мошенничества с использованием социальных сетей и знакомств («*Dating-скам*»).

- Инвестиционное мошенничество (финансовые пирамиды, форекс-кухни).

- Мошенничества с кредитами и микрозаймами.

Развитие постиндустриального общества и цифровых технологий вывело на первое место и утвердило в качестве наиважнейшего ресурса информацию. Сегодня ИТ-технологии уже достигли пика своего развития и ежегодно набирают всё большие обороты. Безусловно, всё это влияет на большинство сфер жизнедеятельности общества и человека [5, с. 211].

Одним из способов совершения мошенничества с использованием электронных средств платежа является занесение вирусных программ на какие-либо мобильные или компьютерные устройства с целью извлечения материальных ценностей и выгоды. Под вирусами стоит понимать вредоносные программы, способные при попадании в устройство, создавать свои копии и нарушать механизм его работы [6, с. 268]. Учитывая постоянное совершенствование сферы ИТ, стоит отметить, что создаются и улучшаются различного рода инструменты, облегчающие процесс совершения мошеннических действий, а именно использование спуфинга. Спуфинг (от англ. *Spoofing* – подмена, обман) действительно является ключевым техническим приёмом, лежащим в основе многих видов дистанционных мошенничеств. Это не самостоятельная мошенническая схема, а механизм, который придаёт атаке видимость легитимности.

Вот развёрнутое объяснение спуфинга как одного из видов дистанционного мошенничества. Спуфинг – это кибератака, при которой злоумышленник маскирует свою личность или ресурсы под доверенные, легитимные объекты. Цель – обойти системы безопасности и вызвать доверие у жертвы или автоматизированных систем. Ключевая идея: жертва или система *думает*, что взаимодействует с известным и проверенным источником (банком, коллегой, сайтом госуслуг), но на самом деле связывается с мошенником.

Основные виды спуфинга и их связь с мошенническими схемами:

1. *IP-спуфинг* (подмена IP-адреса) изменению подвергается сетевой адрес отправителя пакетов данных, а именно: со стороны мошенников отправляются данные с поддельным IP-адресом, которые принадлежит, например, доверенной внутренней сети компании. Это может позволить обойти системы аутентификации, построенные на доверии к определённым IP-адресам. Хотя сегодня это сложнее из-за современных систем защиты, данная основа для более сложных атак типа *DDoS-атак*, где пакеты данных приходят с миллионов поддельных адресов.

2. *Email-спуфинг* (подмена адреса электронной почты): изменению подвергается поле «*From*» («От кого») в электронном письме. Жертва получает письмо, которое визуально ничем не отличается от официального письма из банка, от директора компании

или коллеги. Пример мошенничества: бухгалтер получает письмо от «генерального директора» с срочной просьбой необходимости перевода крупной суммы на указанные реквизиты для заключения важной сделки. Поскольку адрес отправителя выглядит как адрес шефа, доверие значительно выше. Спуфинг электронной почты, заключающийся в подделке заголовков сообщений, также вызывает серьёзные опасения. Используя доверие к известным отправителям, злоумышленники могут манипулировать получателями, иницируя фишинговые атаки или злоупотребляя личной информацией. Это подчёркивает необходимость более строгого контроля и анализа аутентичности исходящих сообщений.

3. *Caller ID Spoofing* (подмена номера телефона) – изменению подвергается номер, который отображается на экране телефона жертвы при звонке. Мошенник звонит жертве, и на дисплее телефона высвечивается номер службы безопасности банка (например, 900), номер полиции или даже номер родственника. Спуфинг мобильных устройств и идентификации включает подмену пользовательских данных, что позволяет обходить систему аутентификации. С учётом роста использования мобильных технологий этот вид атаки становится всё более актуальным. В таких условиях выявление и нейтрализация спуфинга требуют комплексного подхода и применения современных методов анализа, способных адаптироваться к постоянно меняющимся угрозам в киберпространстве.

4. *Website Spoofing / URL Spoofing* (Подмена веб-сайта или URL): изменению подвергается внешний вид и адресная строка сайта. Создаётся сайт с адресом, очень похожими на настоящие (например, vk0nite.com вместо vk0ntakte.com или использование кириллических символов, выглядящих как латинские yandex.рф). Часто используется в связке с email- или sms-рассылкой, где содержится ссылка на такой сайт.

Основные отличительные черты спуфинга:

1. Эксплуатация доверия. Он атакует базовый человеческий инстинкт – доверять знакомым идентификаторам (номеру телефона, адресу почты, логотипу).
2. Обход базовой бдительности. Большинство людей не проверяет цифровые «отпечатки» писем или сертификаты сайтов. Они верят тому, что видят.
3. Создание ощущения срочности. В сочетании с социальной инженерией («Ваша карта будет заблокирована через 5 минут!») спуфинг лишает жертву времени на критическую оценку ситуации.

Использование спуфинга расширяет возможности мошенников и используется как инструмент в арсенале киберпреступников. Он служит для придания атаке легитимности на первом, самом важном этапе – этапе установления контакта и завоевания доверия жертвы. Борьба с дистанционными мошенничествами невозможна без понимания и противодействия методам спуфинга на техническом и просветительском уровнях.

Современные технические средства и методы спуфинга представляют собой сложные и многообразные инструменты, используемые злоумышленниками для осуществления атак. В арсенале киберпреступников находятся различные технологии, такие как программное обеспечение для подмены IP-адресов, фальсификации заголовков электронной почты и приложения для манипуляции мобильной идентификацией. Эти инструменты позволяют злоумышленникам скрывать своё местоположение и идентичность, что затрудняет их вычисление и привлечение к ответственности [7, с. 40].

Не менее значимо влияние социальных технологий на осуществление спуфинга. Социальные сети и мессенджеры становятся платформами, где злоумышленники могут использовать манипуляции с идентификацией пользователей для ведения фишинга или распространения ложной информации. Лёгкость, с которой информация распространяется в этих средах, позволяет злоумышленникам достигать широких аудиторий, выдавая себя за надёжные источники, что, в свою очередь, усложняет задачу выявления спуфинга.

Вопрос его выявления и предотвращения в современную эпоху технического прогресса требует комплексного подхода, включающего как традиционные, так и современные способы. На сегодняшний день существуют достаточно точные решения задачи детектирования спуфинг-атак, применимые к конкретным наборам данных, однако они не универсальны, и через определённое количество времени возникают новые пути их обхода. Также существует необходимость поиска компромиссного решения, исходя из стоимости оборудования, точности и времени идентификации [8, с. 20]. Тем не менее данные подходы зачастую оказываются недостаточно эффективными в условиях постоянных изменений тактики злоумышленников.

В последние годы наблюдается тенденция к интеграции современных технологий, таких как машинное обучение и анализ больших данных, в процесс выявления спуфинга. Эти инновационные методы позволяют обрабатывать и анализировать огромные объёмы информации, выявляя скрытые закономерности, которые могут указывать на возможные атаки. Однако применение подобных технологий также сталкивается с проблемами, такими как необходимость в качественных входных данных, сложности в интерпретации результатов и высокий уровень вычислительных затрат [9, с. 270]. Проблемы применения существующих методов выявления спуфинга заключаются в их недостаточной адаптивности к быстро меняющимся условиям угроз, а также в необходимости постоянного обновления и оптимизации моделей и алгоритмов. Актуальность задачи состоит в необходимости синергии традиционных подходов и передовых технологий для достижения более эффективного уровня защиты в условиях современного киберпреступления.

В современных условиях высоких технологий выявление спуфинга представляет собой весьма непростую задачу, сопряжённую с рядом специфических сложностей и ограничений. Эволюция методов спуфинга, заимствующая многообразие техник и приёмов, приводит к их постоянной адаптации к режимам противодействия. Злоумышленники используют всё более изощрённые способы маскировки своих действий, что существенно затрудняет их обнаружение средствами традиционного мониторинга и анализа трафика. Это требует внедрения сложных алгоритмов и технологий, таких как машинное обучение, для более эффективной обработки информации и выявления закономерностей. Однако, несмотря на развитие технологий, значительной проблемой остаётся низкая осведомлённость пользователей. Часто они становятся заложниками собственных неосмотрительных действий при взаимодействии с интернет-ресурсами, что увеличивает вероятность успешного спуфинга. В дополнение к этим вызовам стоит упомянуть о проблемах законодательно-нормативного регулирования. Существующие законы и регламенты зачастую не успевают за динамично развивающимися технологиями, что создаёт правовые пробелы и неэффективные механизмы защиты прав граждан в киберпространстве. Большой комплекс факторов, влияющих на проблемы выявления спуфинга, требует серьёзного внимания как со стороны исследователей, так и со стороны законодательных органов. Для повышения эффективности механизмов выявления спуфинга в условиях современного технического прогресса необходимо реализовать несколько ключевых рекомендаций. Прежде всего, акцент следует сделать на повышении уровня кибербезопасности на уровне пользователей. Развитие современных стратегий и технологий и непрерывное совершенствование законодательства в данной области являются ключевыми компонентами успешного оперативно-разыскного противодействия дистанционным мошенничествам.

В заключение необходимо отметить о необходимости первоначально влиять на повышение правосознания граждан об имеющихся способах мошенничества, а также возможных инструментах, используемых в киберсреде, и иных проявлениях преступности в информационной сети Интернет. При этом, возможно, в первое время возникнет потребность в привлечении специалистов в IT-сфере, поскольку влияние на повышение осведомлённости граждан будет для правоохранительных органов непосильным.

Привлечение гражданских лиц для фиксации фактов совершаемых интернет-преступлений, дальнейшая обработка полученной информации совместно с правоохранительными органами, несомненно, повысят раскрываемость интернет-преступлений, будут способствовать минимизации ущерба обществу и государству, понесённого от действий мошенников. Таким образом граждане обезопасят себя от противоправных посягательств к их персональной информации, содействуя правоохранительным органам в выявлении признаков преступления.

1. Аксенов С. Г. Способы совершения дистанционного мошенничества // Национальная безопасность России: стратегии экономического и правового регулирования : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 23 мая 2024 года. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2024. С. 292-295.
2. Назаров Д. М., Бегичева С. В. Социальная инженерия в киберпространстве: методы противодействия // ВІ-технологии и корпоративные информационные системы в оптимизации бизнес-процессов цифровой экономики. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2024. С. 26-29.
3. Яковлева Л. В. Современные способы совершения дистанционного мошенничества // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 4(54). С. 77-80.
4. Бобровская М. В. Способ совершения дистанционного мошенничества как элемент его криминалистической характеристики // Криминалистика - наука без границ: традиции и новации : Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 ноября 2020 года. СПб: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 363-367.
5. Смирнов И. М. Оперативно-розыскная характеристика новых способов совершения мошеннических действий в сети // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 210-215.
6. Чаплыгина В. Н., Черкасова Е. А., Рудов Д. Н. Особенности расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Современный ученый. 2023. № 1. С. 267-271.
7. Маршалко Г. Б., Никифорова Л. О. Спуфинг атака на биометрическую систему идентификации, использующую алгоритм распознавания Eigenfaces // Методы и технические средства обеспечения безопасности информации. 2018. № 27. С. 37-44.
8. Закуанова М. Р. Детектирование спуфинг-атак на лицевую биометрическую систему посредством Multi-block LBP-дескриптора // С-к трудов VII Конгресса молодых ученых, СПб, 17-20 апреля 2018 года. Том 2.: Университет ИТМО, 2018. С. 20-23.
9. Чаплыгина В. Н., Черкасова Е. А., Рудов Д. Н. Особенности расследования мошенничества с использованием электронных средств платежа // Современный ученый. 2023. № 1. С. 267-271.

1. Aksenov S. G. Sposoby` soversheniya distancionnogo moshennichestva // Nacional`naya bezopasnost` Rossii: strategii e`konomicheskogo i pravovogo regulirovaniya : Materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Irkutsk, 23 maya 2024 goda. Irkutsk: Bajkal`skij gosudarstvenny`j universitet, 2024. S. 292-295.
2. Nazarov D. M., Begicheva S. V. Social`naya inzheneriya v kiberprostranstve: metody` protivodejstviya // BI-texnologii i korporativny`e informacionny`e sistemy` v optimizacii biznes-processov cifrovoj e`konomiki: Materialy` XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy ochnozaochnoj konferencii, Ekaterinburg, 01 dekabrya 2023 goda. Ekaterinburg: Ural`skij gosudarstvenny`j e`konomicheskij universitet, 2024. S. 26-29.
3. Yakovleva L. V. Sovremenny`e sposoby` soversheniya distancionnogo moshennichestva // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 4(54). S. 77-80.

4. Bobrovskaya M. V. Spособ soversheniya distancionnogo moshennichestva kak e`lement ego kriminalisticheskoy karakteristiki // Kriminalistika - nauka bez granicz: tradicii i novacii : Materialy` vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 26 noyabrya 2020 goda / Sostaviteli: A.V. Bachieva, E`.V. Lantux. SPb: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2021. S. 363-367.
5. Smirnov I. M. Operativno-rozy`sknaya karakteristika novy`x sposobov soversheniya moshennicheskix dejstvij v seti // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 2(91). S. 210-215.
6. Chaply`gina V. N., Cherkasova E. A., Rudov D. N. Osobennosti rassledovaniya moshennichestva s ispol`zovaniem e`lektronny`x sredstv platezha // Sovremenny`j ucheny`j. 2023. № 1. S. 267-271.
7. Marshalko G. B., Nikiforova L. O. Spufing ataka na biometricheskuyu sistemu identifikacii, ispol`zuyushhuyu algoritm raspoznavaniya Eigenfaces // Metody` i texnicheskie sredstva obespecheniya bezopasnosti informacii. 2018. № 27. S. 37-44.
8. Zakuanova M. R. Detektirovanie spufing-atak na licevuyu biometricheskuyu sistemu posredstvom Multi-block LBP-deskriptora // Sbornik trudov VII Kongressa molody`x ucheny`x, SPb, 17-20 aprelya 2018 goda. Tom 2.: Universitet ITMO, 2018. S. 20-23.
9. Chaply`gina V. N., Cherkasova E. A., Rudov D. N. Osobennosti rassledovaniya moshennichestva s ispol`zovaniem e`lektronny`x sredstv platezha // Sovremenny`j ucheny`j. 2023. № 1. S. 267-271.

Информация об авторах

Денис Владимирович Кураков. Начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Наталья Юрьевна Приходько. Доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук, доцент.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the authors

Denis V. Kurakov. Head of the chair of Operational Search Activity of the Internal Affairs Bodies. Candidate of Sciences (Law).

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Natalya Y. Prikhodko. Associate Professor of the Department of Criminal Law. Candidate of Law Sciences.

Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.13

ЗНАЧЕНИЕ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ «ТЕЛЕФОННОГО МОШЕННИЧЕСТВА»

Миликова Анна Владимировна

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

milikova@volsu.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной в настоящее время и вызывающей множество теоретических и практических вопросов теме, посвящённой телефонному мошенничеству и правильному процессуальному документированию в связи с проверкой сообщений о подобных преступлениях. В настоящее время отсутствует действенный механизм как осуществления проверки сообщений о подобных преступлениях, так и их эффективного расследования. Автором рассмотрены и проанализированы имеющиеся проблемные вопросы как со стороны лица, потерпевшего от преступления, так и имеющиеся недочёты в механизме проверки их заявлений должностными лицами правоохранительных органов. Представляется, что только путём правильного процессуального документирования всех необходимых действий и решений возможно избежать ошибок.

Ключевые слова: телефонное мошенничество, проверка сообщения о преступлении, процессуальное оформление, уголовно-процессуальный акт.

Для цитирования: Миликова А. В. Значение документирования при расследовании «телефонного мошенничества» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 360–366.

THE IMPORTANCE OF DOCUMENTATION IN THE INVESTIGATION OF "PHONE SCAM"

Anna V. Milikova

Volgograd state university, Volgograd, Russia

milikova@volsu.ru

Annotation. The article is devoted to the current and causing a lot of theoretical and practical issues topic, dedicated to telephone fraud and proper procedural documentation in connection with the verification of reports of such crimes. Currently, there is no effective mechanism for both the verification of reports of such crimes, and their effective investigation. The author examined and analyzed the existing problematic issues both from the person of the victim of the crime, and the existing shortcomings in the mechanism of verification of their statements by law enforcement officials. It seems that only by properly documenting all necessary actions and decisions can errors be avoided.

Keywords: telephone fraud, verification of a crime report, procedural formalization, criminal procedural act.

For citation: Milikova A.V., The importance of documentation in the investigation of "phone scam" // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 360–366.

Молниеносное развитие и появление новых, усовершенствованных способов совершения преступлений, стремительный рост и широкая огласка в средствах массовой информации новых случаев очередной «победы» телефонных мошенников и способов противостояния им сотрудниками правоохранительных органов и обычных граждан, которые каждый раз с опаской отвечают на звонок с незнакомого номера, обуславливают необходимость в проведении углублённых комплексных научных исследований в области уголовно-правовых наук с целью повышения эффективности расследования подобных преступлений и их профилактики.

Центральный банк Российской Федерации сообщает, что в 2024 году объём операций без добровольного согласия клиентов увеличился по сравнению с 2023 годом на 74,36 % – сумма составила более 27 млрд рубле¹. Согласно сведениям, приведённым МВД России о состоянии преступности в стране на январь-февраль 2025 года, мошенничество находится на третьем месте среди прочих отмеченных преступлений, и их доля составила 22,4 % за указанный период². Указанные данные позволяют говорить как о чрезвычайно высоких показателях совершения преступлений, так и о благоприятных условиях, способствующих их совершению – возможности дистанционно переводить денежные средства.

На сегодняшний день типичной видится ситуация, когда гражданину на банковский счёт переводятся денежные средства, которые неизвестные просят вернуть на указанный ими номер или счёт. Кажется, что ситуация классическая, из разряда почти бытовых, содержащихся в памятках МВД России или о которых говорят в средствах массовой информации. Первая мысль – это мошенничество. Вторая – а вдруг кто-то ошибочно или от невнимательности нажал не те цифры, не проверил, куда отправляет деньги, и в секунду оказалось, что вышла ошибка, а деньги уже отправлены. Ситуация рядовая, но на сегодняшний день с юридической точки зрения очень проблемная – и складывается она негативно как для стороны «ошибочно направившей перевод», так и для получившей неожиданную «выгоду».

В первую очередь речь идёт о предположительной «жертве мошенников», о человеке, который может ей стать, получив неизвестный перевод. Как таковых уголовно-процессуальных отношений в рассматриваемой ситуации пока нет ввиду отсутствия состава преступления и факта обращения в правоохранительные органы. Но уже есть другие участники, например банк. Он выступает посредником, так как предположительно обладает сведениями о том, кто и кому направил денежные средства. Но, к сожалению, банк не всегда готов оказать помощь гражданам в сложившейся ситуации. Например, трудности возникают при так называемых переводах по системе быстрых платежей. Сложившуюся ситуацию подтверждают и И. А. Завьялов, и Н. И. Болычев, отмечая, что как банки, так и отдельные онлайн-сервисы не предпринимают необходимых усилий для того, чтобы проводить достаточные и необходимые мероприятия для подтверждения достоверности переводов и защиты клиентов [1, с. 210].

Возникает парадоксальная ситуация. Гражданин, отправивший средства ошибочно, лишается их, а тот, кому направили средства, не знает, кто их направил и кому их нужно вернуть. Банк, в свою очередь, «прикрываясь» банковской тайной, сведения не представляет. И что самое важное, даёт официальный ответ – ждите пока с вами свяжется другая сторона. Что имеет в виду банк? Мошенников? Предлагает гражданину общаться с потенциальными преступниками? В данном случае гражданин остаётся беззащитным. И в этот момент важно вовремя начать правильно документаль-

¹ Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2024/ (дата обращения: 31.05.2025).

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-февраль 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/62890844/> (дата обращения: 31.05.2025).

но фиксировать свои действия. Как справедливо отмечает Э. В. Коваленко, существуют процессуальные особенности документирования данной категории преступлений ввиду того, что они являются относительно новыми, и как такового чёткого процессуального механизма ещё не выработано [2, с. 50].

Видов мошенничества в настоящее время множество, и их перечень с каждым днём пополняется новыми изощрёнными, замысловатыми по своим схемам способами. Одних только статей в Уголовном кодексе РФ о мошенничестве содержится несколько. Не лучшим образом выглядят и сообщения в средствах массовой информации о совершённых преступлениях, в том числе о количестве совершённых преступлений. По мнению А. В. Павлинова и И. В. Помыкаловой, наблюдаемая ситуация является лишь проявлением более серьёзной проблемы, только вершиной айсберга. Данный вывод позволяет сделать предположение о неспособности государственных, а именно правоохранительных и судебных, органов эффективно противодействовать данному социальному явлению [3, с. 36].

Уверенно входят в правовое пространство и термины «телефонное мошенничество» или «телефонные мошенники», в том числе в уголовном судопроизводстве, которые всё чаще используются в решениях судов¹. Согласно мнению Е. В. Демидовой-Петровой и Е. В. Зотиной, телефонное мошенничество следует определять как противоправную деятельность, осуществляемую с применением информационно-телекоммуникационных технологий. Данный вид преступления предполагает целенаправленное воздействие преступника на эмоционально-волевую сферу потерпевшего с использованием методов социальной инженерии [4, с. 343].

Вернёмся к гражданину, получившему денежные средства от неизвестного лица, что будет с ним? Нередко преступники начинают атаковать звонками или сообщениями с просьбой вернуть деньги, ссылаясь в том числе на незаконность удержания и невозврата денежных средств. В ст. 1102 Гражданского кодекса РФ говорится о неосновательном обогащении. То есть лицо получило от неизвестного денежные средства и согласно закону обогатилось. Если нет доказательств законности их получения, тогда их необходимо вернуть.

Помимо этого, в соответствии с определением Конституционного Суда Российской Федерации от 30.09.2019 № 2400-О на требования о взыскании неосновательного обогащения распространяется общий трёхлетний срок исковой давности, а также на сумму неосновательного денежного обогащения начисляются проценты за пользование чужими средствами с того времени, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности получения или сбережения денежных средств².

Что важно – в качестве неосновательного обогащения суды рассматривают следующие случаи: неосновательно произведённые платежи, в том числе ошибочный перевод денежных средств на банковскую карту. И сложившаяся судебная практика однозначно указывает на обязанность лица вернуть ошибочно направленные ему средства.

Например, в Определении коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 № 21-КГ20-9-К5³ говорится: «Приобретённое за

¹ Апелляционное постановление Тамбовского областного суда № 22-1402/2024 от 27 августа 2024 г. по делу № 1-87/2024; Апелляционное постановление Липецкого областного суда № 22-880/2024 от 8 августа 2024 г. по делу № 1-293/2024; Апелляционное постановление Челябинского областного суда № 10-4783/2024 от 29 июля 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/?regular> (дата обращения: 16.02.2025).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шмелевой Натальи Сергеевны на нарушение ее конституционных прав п. 1 ст. 200 и п. 2 ст. 1107 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 30 сентября 2019 г. № 2400-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О взыскании неосновательного обогащения, процентов за пользование чужими денежными средствами [Электронный ресурс]: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда

счёт другого лица без каких-либо на то оснований имущество является неосновательным обогащением и подлежит возврату в том числе, когда такое обогащение является результатом поведения самого потерпевшего». Как же быть, если неизвестен отправитель и банк данные не сообщает?

Как мы видим из сложившейся судебной практики, она не способствует прекращению мошеннических действий, а напротив, подталкивает мошенников к изобретению всё новых средств и способов мошенничества ввиду того, что гражданин, получивший средства ошибочно, становится заложником ситуации. С одной стороны, он потерпевший, который не виновен в потенциальной ошибке другого лица или потенциальная жертва телефонных мошенников, а с другой – может стать ответчиком в гражданском процессе. Но и это ещё не всё. Если всё же гражданин переведёт денежные средства по указанному ему неизвестным лицом номеру, то может стать и соучастником преступления, переведя деньги на счёт преступников. Если злоумышленники предусмотрели преступную схему, тогда уже из жертвы преступления он станет его соучастником или преступником. В том случае, если речь идёт о должностном лице, то данные средства могли бы предположительно стать взяткой.

Со стороны сотрудников органов предварительного расследования ситуация также видится неоднозначной, поскольку необходимо детально и подробно разбираться в сложившихся условиях, когда подозреваемые отрицают свою причастность к совершению преступления и преступный умысел при переводе денежных средств. Важным в данном случае является правильное процессуальное документирование всех действий и решений. Только своевременное обращение гражданина в правоохранительные органы с соответствующим заявлением (а в настоящее время подать соответствующее заявление можно и дистанционно, приложив все имеющиеся доказательства: переписку, принтскрин экрана входящих и исходящих вызовов, справку из приложения банка о поступивших средствах, копию обращения в банк и т. п.) будет подтверждением добросовестности действий.

Согласно анализу следственной и судебной практики, проведённому Г. Д. Бадзгарадзе, можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев уголовные дела о мошенничестве, осуществлённом с применением информационных технологий, возбуждаются по заявлению о преступлении [5, с. 5]. Данное утверждение ещё раз подтверждает необходимость такого рода обращений для своевременного выявления подобных преступлений.

К сожалению, на практике процесс проверки сообщения длительный, неприятный и, как представляется, совсем не соответствует тем требованиям, которые изначально в него заложены по смыслу УПК РФ. Например, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ говорится о рассмотрении сообщения о преступлении в течение трёх суток, однако в отдельных случаях срок может быть и продлён. В частности, в соответствии со ст. 6.1 УПК РФ следует руководствоваться и принципом разумного срока уголовного судопроизводства. Ввиду большого количества обращений не только недели, но и месяцы порой требуются сотрудникам правоохранительных органов для проверки подобных заявлений, в частности осуществления вызовов для дачи показаний и производства иных процессуальных и оперативно-разыскных мероприятий. Стоит отметить и необходимость документального оформления всех проводимых действий, в том числе своевременного уведомления заявителя. Кроме того, сотрудники правоохранительных органов, стремясь уменьшить свою нагрузку, нередко передают такие материалы по подследственности в соответствии со ст. 145 УПК РФ, оформляя эти действия соответствующим

уголовно-процессуальным актом – постановлением о передаче сообщения о преступлении по подследственности.

А. В. Павлинов и И. В. Помыкалова указывают на наличие нарушений со стороны сотрудников правоохранительных органов. В частности, это касается неустановления владельца телефонного номера, а также недостаточного контроля за выполнением оперативно-разыскных мероприятий, направленных на выявление виновных лиц. Кроме того, наблюдаются случаи, когда ходатайства о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами либо не направляются, либо отправляются с опозданием. При этом, как отмечают авторы, злоумышленники, напротив, легко получают доступ к персональным данным [3, с. 37–38]. И, как представляется, указанные проблемы невозможно решить очередными поправками в УПК РФ. Согласимся с мнением С. Б. Россинского, что необходимо менять концептуальные подходы к досудебной уголовной юстиции «при условии чёткого понимания перспектив её развития в соответствии с нуждами и интересами российского социума и государства» [6, с. 1013].

И всё же стоит отметить, что в рассматриваемом направлении со стороны государственных органов ведётся активная работа по противодействию данным преступлениям, в частности: важным видится недавнее подписание нового Федерального закона¹, который внёс изменения и дополнения в другие федеральные законы. К примеру, возможность использования единой системы межведомственного электронного взаимодействия, к примеру кредитными организациями, органами полиции, Федеральной службы безопасности РФ, Следственного комитета РФ; обязанность оператора связи, Банка России осуществлять взаимодействие в том числе посредством государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и другие важные нововведения.

После рассмотрения заявления сотрудниками правоохранительных органов важно обратить внимание на то, какие в итоге издаются процессуальные документы, какое содержит процессуальное решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела. Соответственно, данное решение оформляется при помощи вынесения уголовно-процессуального акта – постановления о возбуждении уголовного дела или постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. По результатам анализа полученных данных на этапе проверки сообщения о преступлении следователь, дознаватель, орган дознания или руководитель следственного органа принимает одно из указанных решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ. Подобные процессуальные решения могут быть обжалованы в установленном законом порядке.

Основываясь на проведённом исследовании, мы закономерно пришли к выводу о том, что в настоящее время как сам процессуальный механизм, так и практика применения не имеют чётко выраженной, слаженной системы действий, решений как со стороны правоохранительных органов, так и граждан, попавших в непростую ситуацию. По сути, в указанных ситуациях приходится делать самостоятельный выбор, как же поступить, какие действия предпринять, чтобы поступить верно, столкнувшись с телефонным мошенничеством. Выбирая правильное направление, опасаясь при этом стать ответчиком по возможному заявленному гражданскому иску: потерпевшим в уголовном процессе или, возможно, подозреваемым в совершении преступления, важно вовремя обратиться в правоохранительные органы с соответствующим процессуальным документом –

¹ О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

заявлением. И дожидаться официального ответа в виде уголовно-процессуального акта – постановления о возбуждении уголовного дела или об отказе в таковом.

Как представляется, пожалуй, самым действенным способом профилактики и предупреждения преступлений, связанных с телефонным мошенничеством, повышения эффективности их расследования является создание чёткого алгоритма процессуальных действий и решений должностных лиц правоохранительных органов, их правильное процессуальное документальное оформление. Как верно отмечает С. Б. Росинский, определяющее значение имеет не столько само по себе собирание доказательств, сколько их «юридическое превращение в допустимые средства доказывания», процессуальная сертификация и включение в доказательственные материалы [7, с. 273], то есть процессуальное документирование.

Важным является и реальное, и прямое взаимодействие между кредитными организациями, банками, операторами связи и правоохранительными органами, занимающимися расследованием подобных преступлений. Только правильное процессуальное оформление как со стороны заявляющей о совершённом или готовящемся преступлении, так и со стороны сотрудников правоохранительных органов будет способствовать эффективной работе (преимущественно в электронном формате). Положительное значение, несомненно, имеет и создание прочной нормативной базы, в том числе ведомственных нормативно-правовых актов, методических рекомендаций, чему способствует и новый Федеральный закон РФ. Безусловно, важное значение имеет информирование граждан о необходимости быть бдительными при получении денежных средств от неизвестных лиц, при телефонных звонках с неизвестных номеров.

При подозрении на телефонное мошенничество крайне важно незамедлительно обратиться в правоохранительные органы. Для этого нужно написать заявление – это основной процессуальный документ, который запускает производство проверки данного сообщения о преступлении. Сотрудники правоохранительных органов обязаны оперативно отреагировать на поданное заявление, провести проверку в разумные сроки и уведомить о предпринятых действиях и решениях, предоставляя доступ к необходимым уголовно-процессуальным актам и документам. Кроме того, для эффективного расследования телефонных мошенничеств необходима слаженная работа и взаимодействие правоохранительных органов с операторами связи и финансовыми учреждениями (банками, кредитными организациями) и иными, необходимыми для установления всех обстоятельств, органами и организациями. Только тесное сотрудничество всех этих сторон позволит быстро установить мошенников и предотвратить новые преступления. Без такой скоординированной работы и оперативной помощи гражданам телефонные мошенники будут продолжать действовать безнаказанно и число их жертв будет расти.

1. Завьялов И. А., Болычев Н. И. Актуальные способы совершения телефонных мошенничеств с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 2. С. 207–212.
2. Коваленко Э. В. Процессуальные особенности документирования киберпреступлений в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 5. С. 49–53.
3. Павлинов А. В., Помыкалова И. В. «Телефонное мошенничество» (ст. 159 УК РФ) и провокация дачи взятки как новая угроза безопасности Российского государства // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19. № 4. С. 35–40.
4. Демидова-Петрова Е. В., Зотина Е. В. Телефонное мошенничество: современные угрозы и вызовы // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18. № 4. С. 341–348.

5. Бадзгардзе Г. Д. Особенности возбуждения уголовного дела о мошенничестве, совершенном с использованием информационных технологий // Криминалист. 2023. № 3(44). С. 3–10.
6. Россинский С. Б. Система досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации: нужно ли возвращаться к французской типовой модели? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 4. С. 1012–1025.
7. Россинский С. Б. Очевидные-неочевидные различия между собиранием и исследованием доказательств по уголовному делу // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 270–277.
1. Zav`yalov I. A., Boly`chev N. I. Aktual`ny`e sposoby` soversheniya telefonny`x moshennichestv s ispol`zovaniem informacionno-kommunikacionny`x texnologij // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 2. S. 207–212.
2. Kovalenko E`. V. Processual`ny`e osobennosti dokumentirovaniya kiberprestuplenij v Rossijskoj Federacii // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2023. T. 16. № 5. S. 49–53.
3. Pavlinov A. V., Pomy`kalova I. V. «Telefonnoe moshennichestvo» (st. 159 UK RF) i provokaciya dachi vzyatki kak novaya ugroza bezopasnosti Rossijskogo gosudarstva // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya. 2023. T. 19. № 4. S. 35–40.
4. Demidova-Petrova E. V., Zotina E. V. Telefonnoe moshennichestvo: sovremenny`e ugrozy` i vy`zovy` // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2024. T. 18. № 4. S. 341–348.
5. Badzgarдзе G. D. Особенности возбужденија уголовногo дела о мoшенничестве, совршенном с испoл`зованием информaционны`x технологий // Криминалист`. 2023. № 3(44). С. 3–10.
6. Rossinskij S. B. Sistema dosudebnogo proizvodstva v ugodovnom processe Rossijskoj Federacii: nuzhno li vozvrashhat`sya k francuzskoj tipovoj modeli? // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2024. T. 15. № 4. S. 1012–1025.
7. Rossinskij S. B. Ochevidny`e-neochevidny`e razlichiya mezhdu sobiraniem i issledovaniem dokazatel`stv po ugodovnomu delu // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 2(103). S. 270–277.

Информация об авторе

Анна Владимировна Миликова. Доцент кафедры уголовного права и процесса кандидат юридических наук, доцент.

Волгоградский государственный университет.

400062, Россия, Волгоград, Университетский пр-т, 100.

Information about the author

Anna V. Milikova. Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure. Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.

Volgograd State University.

400062, Russia, Volgograd, Universitetsky Av., 100.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ВРЕД, ПРИЧИНЁННЫЙ ВСЛЕДСТВИЕ НЕЗАКОННОГО НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО: КАКОВ ПОРЯДОК ВОЗМЕЩЕНИЯ?

Назарова Мария Денисовна¹, Кадукова Рамила Рамисовна²

¹Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

²Академия управления МВД России, Москва, Россия

¹mari_denisova_2019@mail.ru

²Millenium5883@mail.ru

Аннотация. В статье авторы, основываясь на имеющихся в доктрине уголовного процесса позиций учёных-процессуалистов, а также на сложившейся правоприменительной практике, приходят к выводу о том, что право на возмещение вреда, причинённого вследствие незаконного применения ареста на имущество, выступает в качестве самостоятельной гарантии обеспечения прав и законных интересов любых лиц, чьё имущество подвергнуто аресту вне зависимости от их процессуального статуса, что находит своё подтверждение в результатах опроса респондентов. Помимо этого, авторы придерживаются позиции, согласно которой порядок и основания возмещения такого вреда должны быть исключены из нормы, регулирующей порядок реабилитации в уголовном судопроизводстве, и найти отражение в самостоятельной норме уголовно-процессуального кодекса РФ.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество, субъекты реабилитации, возмещение ущерба, действия (бездействия) должностных лиц мера процессуального принуждения, уголовно-процессуальное законодательство.

Для цитирования: Назарова М. Д., Кадукова Р. Р. Вред, причинённый вследствие незаконного наложения ареста на имущество: каков порядок возмещения? // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 367–373.

DAMAGE CAUSED AS A RESULT OF ILLEGAL SEIZURE OF PROPERTY: WHAT IS THE REFUND PROCEDURE?

Maria D. Nazarova¹, Ramila R. Kadukova²

¹Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

²Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow,
Russia

¹mari_denisova_2019@mail.ru

²Millenium5883@mail.ru

Annotation. In the article, the author, based on the positions of procedural scholars in the doctrine of criminal proceedings, as well as on the existing law enforcement practice, concludes that the right to compensation for damages caused by the illegal seizure of property acts as an independent guarantee for ensuring the rights and legitimate interests of any individuals whose property has been seized, regardless of their procedural status, which is confirmed by the results of the survey. In addition, the author takes the position that the procedure and grounds for compensating such harm should be excluded from the norm

regulating the procedure for rehabilitation in criminal proceedings and should be reflected in an independent norm of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: seizure of property, subjects of rehabilitation, compensation for damage, actions (inaction) of officials, measure of procedural coercion, criminal procedure legislation.

For citation: Nazarova M. D., Kadukova R. R. Damage caused as a result of Illegal Seizure of Property: what is the procedure for Compensation? // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 367–373.

Итогом применения наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве может быть не только благоприятный исход в виде достижения преследуемых его реализацией целей, но и признание действующего ареста незаконным с наделением собственника арестованного имущества правом на возмещение причиненного таким арестом вреда. Свои истоки данное право находит в Конституции Российской Федерации в ст. 53, которая декларирует о том, что любое лицо имеет право на возмещение вреда, причиненного действиями либо бездействиями как органов государственной власти, так и должностных лиц. Уголовно-процессуальный закон, защищая основные права и свободы человека и гражданина, предусматривает возмещение вреда, причиненного лицу в результате нарушения его прав и свобод, на уровне принципа уголовного процесса (ч. 4 ст. 11 УПК РФ). Помимо упомянутой нормы, вопросы возмещения причиненного вреда вследствие незаконного применения мер процессуального принуждения имеют место в ст. 133 УПК РФ, которая регламентирует процедуру возмещения вреда в порядке реабилитации [1 с. 159].

В процессе предварительного расследования существует риск причинения вреда не только подозреваемым или обвиняемым, но и другим лицам, не являющимся участниками уголовного дела. Уголовно-процессуальный кодекс содержит положения, гарантирующие возмещение ущерба, нанесенного как реабилитированным лицам, так и тем, в отношении кого были незаконно применены меры процессуального принуждения. Эти положения, объединенные в главе 18, и регулируют порядок компенсации вреда, причиненного незаконными действиями следственных органов, прокуратуры и суда.

Однако о несовершенстве вышеотмеченных норм законодательства в части, касающейся возмещения вреда, причиненного вследствие незаконного применения мер процессуального принуждения, в частности наложения ареста на имущество, справедливо говорит В. В. Николук [2, с. 4].

В действующей редакции УПК РФ предусмотрено два варианта возмещения вреда, причиненного незаконным наложением ареста на имущество:

1. Непосредственно привлекаемому к ответственности лицу (на основании ст.ст. 134–138 УПК РФ, предусматривающих порядок возмещения вреда реабилитированному);

2. Иным лицам, арест на имущество которых был наложен на основании ч. 3 ст. 115 УПК РФ и в порядке, предусмотренном ею.

Рассматривая первый вариант возмещения причиненного вреда, следует отметить, что в нормах УПК РФ данным вопросам компенсации в порядке реабилитации уделено достаточно внимания. Помимо этого, упомянутые аспекты и на страницах юридической печати не остались без должного внимания со стороны учёных-процессуалистов. В связи с чем подробно останавливаться на механизме возмещения вреда в порядке реабилитации нет необходимости. Особое внимание ввиду пробельного характера регулирования и связанных с этим проблем в теории и на практике привлекает процедура возмещения причиненного вреда незаконным наложением ареста на имущество лиц, в отношении которых уголовное судопроизводство не осуществлялось (иных лиц).

Так, в соответствии с нормами действующего законодательства вред, причиненный иным лицам незаконным применением мер процессуального принуждения, подлежит возмещению на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ в случаях, когда речь идёт о физи-

ческих лицах. Юридическим лицам причинённый вред подлежит возмещению на основании ст. 139 УПК РФ. Как можно заметить, упомянутые нормы расположены в главе, регулирующей вопросы реабилитации в уголовном судопроизводстве.

Справедливо отмечает О. А. Мядзелец: «Нормы-правила о возмещении лицу вреда, причинённого незаконным применением мер процессуального принуждения, законодатель механически, без учёта специфики реабилитационных отношений «вклинил» в правовое образование (гл. 18 УПК РФ), «имеющее дело» исключительно с реабилитированными, лицами, находившимися в статусе уголовно-преследуемых. «Материнская» же ч. 3 ст. 133 УПК РФ имеет главным своим назначением защиту имущественных и иных прав лиц, вовлечённых в уголовный процесс без предоставления им какого-либо процессуального статуса и в отношении которых не осуществлялось уголовное преследование [3, с. 278]». О самостоятельности ч. 3 ст. 133 УПК РФ говорит и Д. Л. Проказин, отмечая, что рассматриваемая норма является отдельным правом лица на возмещение вреда, незаконно подвергнутого мерам процессуального принуждения, независимо от оснований реабилитации. Лица, к которым незаконно применялись меры процессуального принуждения, не являются субъектами реабилитации [4, с. 8].

Однако не все учёные в области уголовного процесса считают, что нормы ч. 3 ст. 133 УПК РФ распространяют своё действие на иных лиц. К примеру, А. Н. Глыбина обращает внимание на то, что «лица, имеющие право на возмещение вреда в порядке реабилитации, – это только те субъекты, которые имеют право на реабилитацию». Автор убеждён, что иной подход будет противоречить сущности института реабилитации. Говоря об иных субъектах, имеющих право на возмещение причинённого вреда, автор считает, что их право должно быть реализовано в порядке гражданского судопроизводства [5, с. 122–124]. В схожем ключе размышляют А. А. Подопригора [6, с. 10], М. В. Орлова [7, с. 9] и др. Данная позиция представляется спорной, поскольку она лишает иных лиц, не являющихся субъектами, привлекаемыми к уголовной ответственности, возможности возмещения причинённого им вреда вследствие незаконных действий должностных лиц в рамках уголовного судопроизводства.

Рассматриваемый вопрос не оставлен без внимания со стороны Верховного Суда Российской Федерации. Так, в одном из своих решений высший судебный орган Российской Федерации дал следующее разъяснение по затронутому вопросу: «Физические лица, не указанные в ч. 2 ст. 133 УПК РФ, незаконно подвергнутые в ходе производства по уголовному делу мерам процессуального принуждения, а также юридические лица, которым незаконными действиями (бездействиями) и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания в ходе производства по уголовному делу причинён вред (например, вследствие незаконного наложения ареста на имущество юридического лица), не отнесены уголовно-процессуальным законом к кругу лиц, имеющих право на реабилитацию. Однако в случаях причинения вреда указанным лицам они имеют право на его возмещение в порядке, предусмотренном главой 18 УПК РФ (ч. 3 ст. 133, ст. 139 УПК РФ)¹».

На основании чего можно сделать вывод о том, что в ст. 133 УПК РФ содержатся схожие, но все же разные субъективные права, а именно: право на реабилитацию (ч. 1,2 ст. 133 УПК РФ) и право на возмещение вреда, причинённого иным лицам (ч. 3 ст. 133 УПК РФ). Как следует из предписаний упомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также из ч. 3 ст. 133: любое лицо, которому вследствие незаконного наложения ареста на имущество причинён вред, вправе обратиться в суд с целью возмещения причинённого ущерба.

¹ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако в правоприменительной деятельности использование рассматриваемой нормы порождает ряд проблем и вопросов. В связи с чем профессор В. В. Николук относит ч. 3 ст. 133 УПК РФ к разряду «мёртвых норм» [8, с. 19]. В подтверждение сказанному можно привести следующий пример из правоприменительной деятельности: управляющая компания обратилась в суд с иском о возмещении ущерба, причинённого вследствие наложенного ареста на их имущество. При рассмотрении заявленного иска суд отказал в его удовлетворении, мотивировав своё решение тем, что общество не является лицом, участвующим в уголовном судопроизводстве, указанным в главах 6,7,8 УПК РФ, и не имеет права на защиту своих интересов в порядке реабилитации»¹. Приведённый случай не является единичным в правоприменительной деятельности. В свою очередь, он ещё раз подтверждает доводы учёных-процессуалистов о проблемности реализации предписаний ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

С целью решения проблемы в виде несоответствия между названием главы 18 УПК РФ «Реабилитация» и её более широким содержанием В. С. Раменской было высказано предложение об объединении рассматриваемых аспектов в новом названии данной главы: «Защита прав и законных интересов лиц, незаконно привлечённых к уголовной ответственности или незаконно подвергшихся мерам уголовно-процессуального принуждения [9, с. 8]».

В юридических публикациях справедливо отмечается, что приведение названия главы в соответствие с её содержанием не решит основной проблемы. Право на возмещение ущерба лицам, незаконно подвергнутым мерам процессуального принуждения, только обозначено в ч. 3 ст. 133 УПК РФ, но не обеспечено чёткой процедурой реализации. Глава 18 УПК РФ фактически сосредоточена исключительно на реабилитации, что отражено в её текущем названии [11, с. 128–129]. Вместе с тем справедливо отмечает Л. В. Головкин: «Представляется необходимым разграничивать институт реабилитации, относящийся исключительно к лицам, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование, и «институт возмещения вреда, причинённого в рамках уголовного преследования», поскольку их реализация обусловлена разными правовыми основаниями и разными субъектами [12, с. 1185]». Основываясь на вышесказанном всё же видится, что право на возмещение вреда в порядке ч. 3 ст. 133 УПК РФ является самостоятельным средством защиты нарушенных прав граждан вне зависимости от их процессуального статуса, в связи с чем к институту реабилитации не относится [10, с. 232]. Соответственно, любое лицо вне зависимости от процессуального статуса, которому причинён вред вследствие незаконного наложения ареста на имущество, вправе защищать свои нарушенные права на основании ч. 3 ст. 133 УПК РФ.

Высказанная точка зрения находит одобрение и среди опрошенных респондентов. Результаты проведённого опроса сложились следующим образом: 67,7 % опрошенных из числа сотрудников прокуратуры и судей считают, что ч. 3 ст. 133 УПК РФ выступает в качестве самостоятельного средства защиты нарушенных прав граждан вне зависимости от их процессуального статуса, не входящего в институт реабилитации [1, с. 230].

Ещё одним дискуссионным вопросом в части, касающейся вопросов возмещения вреда, причинённого вследствие применения мер процессуального принуждения, является следующий: в рамках какого производства рассматривать соответствующие иски? Одни авторы выступают за гражданское судопроизводство [13, с. 24–25; 13, с. 121]. И. Б. Тутынин, в свою очередь, предложил перемещение из уголовно-процессуального права нормы о возмещении вреда в кодекс административного судопроизводства [15, с. 223–225]. Обоснованной видится точка зрения, высказанная А. В. Бажановым. Автор считает, что при возмещении имущественного вреда необходимо применять УПК РФ, мотивируя свою позицию тем, что исследуемые правоотношения включены в предмет его правового регулирования [16, с. 11].

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26 ноября 2018 г. по делу № А56-50657/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Также следует обратить внимание на ч. 4 ст. 11 УПК РФ, которая гласит: «Вред, причинённый лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, которые установлены УПК РФ». Наложение ареста на имущество применяется в ходе осуществления уголовного преследования лица, следовательно, возмещение вреда, причинённого вследствие его применения, должно осуществляться в рамках уголовного судопроизводства в соответствии с требованиями УПК РФ.

Возмещение причинённого вреда незаконным применением наложения ареста на имущество в УПК РФ предусмотрено нормой, регулирующей возмещение вреда, причинённого вследствие незаконного применения всех мер процессуального принуждения, в том числе и мер пресечения. Следует отметить, что, исходя из предписаний ч. 3 ст. 133 УПК РФ, совершенно непонятным остаётся порядок и основания возмещения вреда, причинённого незаконным наложением ареста на имущество иных лиц. Видится целесообразным вопросы о возмещении вреда, причинённого незаконным наложением ареста на имущество, переместить в отдельную от мер пресечения норму УПК РФ, поскольку меры пресечения и мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество имеют различные цели, а также различный круг субъектов, в отношении которых возможно применение.

Наложение ареста на имущество, которое нами уже было упомянуто ранее, может применяться к лицам без процессуального статуса, а меры пресечения – только к подозреваемым либо обвиняемым, которые являются субъектами реабилитации на основании ст. 133 УПК РФ. Лица без процессуального статуса субъектами реабилитации не являются, следовательно, не могут получить возмещение причинённого им вреда. В связи с этим для реализации возможности возмещения причинённого наложением ареста на имущество вреда, а также исключения имеющихся пробелов в правовом регулировании считаем целесообразным эту процедуру закрепить в отдельной норме УПК РФ, в которой должны найти своё отражение следующие аспекты: виды причинённого вреда, подлежащие возмещению; порядок признания незаконным применённый арест на имущество; орган, в котором подлежит рассмотрению соответствующий иск.

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1. Право на возмещение вреда, причинённого вследствие незаконного применения ареста на имущество, выступает в качестве самостоятельной гарантии обеспечения прав и законных интересов любых лиц, чьё имущество подвергнуто аресту вне зависимости от их процессуального статуса;
2. В нормах действующего законодательства не предусмотрен процессуальный порядок возмещения вреда, причинённого рассматриваемой мерой процессуального принуждения;
3. Полагаем, что для реализации возможности возмещения причинённого наложением ареста на имущество вреда, а также исключения имеющихся пробелов в правовом регулировании считаем целесообразным эту процедуру закрепить в отдельной норме УПК РФ, в которой должны найти своё отражение следующие аспекты: виды причинённого вреда, подлежащие возмещению; порядок признания незаконным применённый арест на имущество; орган, в котором подлежит рассмотрению соответствующий иск.

1. Назарова М. Д. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при наложении ареста на имущество: дис. ... канд. юрид. наук. Орел., 2024. 254 с.

2. Николук В. В. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения: монография. Омск: ОмА МВД России, 2012. 151 с.

3. Мядзелец О. А. Институт возмещения вреда, причиненного лицу незаконным применением мер процессуального принуждения: теория, законодательство, правоприменение: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2025. 360 с.
4. Проказин Д. Л. Реабилитация: основания, условия и содержание в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 23 с.
5. Глыбина А. Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2006. 24 с.
6. Подопригора А. А. Реабилитация в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004. 26 с.
7. Орлова М. В. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 25 с.
8. Николук В. В. Феномен «мертвых» норм в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 2 (77). С.19-25.
9. Раменская В. С. Институт реабилитации в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 21 с.
10. Чаплыгина В. Н. Проблемные вопросы реабилитации умершего подозреваемого (обвиняемого) // Уголовная политика на современном этапе. Материалы Международной научно-практической конференции, проходившей в рамках II Байкальского юридического форума. Иркутск, 2021. С. 230-235.
11. Николук В. В. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам процессуального принуждения: монография. Омск. 2012. 151 с.
12. Курс уголовного процесса / под. ред. Л. В. Головкин. М.: Статут, 2017. 1278 с.
13. Прощалыгин Р. А. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного следствия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 26 с.
14. Воробей С. Н., Чаплыгина В. Н. Наложение ареста на имущество: уголовно-процессуальный и гражданско-правовой анализ // Закон и право. 2022. № 4. С. 120-123.
15. Тутынин И. Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 350 с.
16. Бажанов А. В. Возмещение имущественного вреда реабилитированному в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 24 с.
1. Nazarova M. D. Obespechenie prav i zakonny`x interesov uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva pri nalozhenii aresta na imushchestvo: dis. ... kand. yurid. nauk. Orel., 2024. 254 s.
2. Nikolyuk V. V. Vozmeshhenie vreda liczu, nezakonno podvergnutomu meram ugolovno-processual`nogo prinuzhdeniya: monografiya. Omsk: OMA MVD Rossii, 2012. 151 s.
3. Myadzelec O. A. Institut vozmeshheniya vreda, prichinennogo liczu nezakonny`m primeneniem mer processual`nogo prinuzhdeniya: teoriya, zakonodatel`stvo, pravoprimeneniye: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2025. 360 s.
4. Prokazin D. L. Reabilitaciya: osnovaniya, usloviya i sodержanie v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. 23 s.
5. Gly`bina A. N. Reabilitaciya i vozmeshhenie vreda v poryadke reabilitacii v ugolovnom processe RF: dis. ... kand. yurid. nauk. Tomsk, 2006. 24 s.
6. Podoprighora A. A. Reabilitaciya v ugolovnom processe Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D, 2004. 26 s.
7. Orlova M. V. Institut reabilitacii v ugolovnom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2006. 25 s.
8. Nikolyuk V. V. Fenomen «mertvy`x» norm v ugolovno-processual`nom kodekse Rossijskoj Federacii // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2020. № 2 (77). S.19-25.
9. Ramenskaya V. S. Institut reabilitacii v ugolovnom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2004. 21 s.

10. Chaplygina V. N. Problemny`e voprosy` reabilitacii umershego podozrevaemogo (obvinyaemogo) // Ugolovnaya politika na sovremennom e`tape. Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, prohodivshej v ramkax II Bajkal`skogo yuridicheskogo foruma. Irkutsk, 2021. S. 230-235.
11. Nikolyuk V. V. Vozmeshhenie vreda liczu, nezakonno podvergnutomu meram processual`nogo prinuzhdeniya: monografiya. Omsk. 2012. 151 s.
12. Kurs ugolovnogo processa / pod. red. L. V. Golovko. M.: Statut, 2017. 1278 s.
13. Proshhaly`gin R. A. Vozmeshhenie vreda, prichinnogo nezakonny`mi dejstviyami organov predvaritel`nogo sledstviya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2010. 26 s.
14. Vorobej S. N., Chaplygina V. N. Nalozhenie aresta na imushhestvo: ugolovno-processual`ny`j i grazhdansko-pravovoj analiz // Zakon i pravo. 2022. № 4. S. 120-123.
15. Tuty`nin I. B. Teoreticheskie osnovy` ugolovno-processual`nogo prinuzhdeniya imushhestvennogo haraktera: monografiya. M.: Yurlitinform, 2022. 350 s.
16. Bazhanov A. V. Vozmeshhenie imushhestvennogo vreda reabilitirovannomu v ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011. 24 s.

Информация об авторах

Мария Денисовна Назарова. Преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Рамила Рамисовна Кадукова. Заместитель начальника отдела планирования и контроля научных исследований научно-исследовательского центра, кандидат экономических наук.
Академия управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Information about the authors

Maria D. Nazarova. Lecturer of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation at the IAB. Candidate of Law Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Ramila R. Kadukova. Deputy Head of the Department of Planning and Control of Scientific Research at the Research Center, Candidate of Economic Sciences.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125993, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str., 8.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.
The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.1

ОТ ЗАЩИТЫ К ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ: ТРАНСФОРМАЦИЯ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Никуленко Андрей Вячеславович¹, Смирнов Максим Андреевич²

¹ФГБОУ ВО РГПУ имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

²Коллегия адвокатов «Эгида» Адвокатской палаты Новгородской области,
Великий Новгород, Россия

¹nikulenkoa@mail.ru

²gazan87@rambler.ru

Аннотация. В статье представлен всесторонний анализ института крайней необходимости в российском уголовном праве, охватывающий его историческое развитие, теоретические основы и актуальные правовые проблемы. Авторы акцентируют внимание на ключевых сложностях правоприменения, в частности на размытости таких понятий, как «непосредственная угроза» и «соразмерность вреда», а также на дискуссионных аспектах применения данной нормы в области экономических отношений. В работе анализируются позиции видных правоведов, проводится сравнительный анализ с зарубежными законодательствами и формулируются предложения по модернизации статьи 39 УК РФ. На конкретных примерах из судебной практики, включая дела о налоговых преступлениях, авторы демонстрируют существующие противоречия в трактовке института и предлагают пути для снижения правовой неопределённости.

Ключевые слова: крайняя необходимость, обстоятельства, исключающие преступность деяния, соразмерность вреда, правоприменительная практика, налоговые правонарушения, правовая неопределённость, сравнительное правоведение.

Для цитирования: Никуленко А. В., Смирнов М. А. От защиты к злоупотреблению: трансформация крайней необходимости в современном уголовном праве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 374–383.

FROM PROTECTION TO ABUSE: THE TRANSFORMATION OF EXTRAORDINARY NECESSITY IN MODERN CRIMINAL LAW

Andrey V. Nikulenko¹, Maxim An. Smirnov²

¹Herzen University, Saint Petersburg, Russia

²Collegium of Advocates "Egida" of the Bar Association of the Novgorod Region,
Veliky Novgorod, Russia

¹nikulenkoa@mail.ru

²gazan87@rambler.ru

Annotation. The article presents a comprehensive analysis of the institute of extreme necessity in Russian criminal law, covering its historical development, theoretical foundations and current legal issues. The authors focus on the key difficulties of law enforcement, in particular on the vagueness of such concepts as "immediate threat" and "proportionality of harm", as well as on the controversial aspects of the application of this norm in the field of economic relations. The work analyzes the positions of prominent legal scholars,

conducts a comparative analysis with foreign legislation and formulates proposals for the modernization of Article 39 of the Criminal Code of the Russian Federation. Using specific examples from judicial practice, including cases of tax crimes, the authors demonstrate existing contradictions in the interpretation of the institute and suggest ways to reduce legal uncertainty.

Keywords: extreme necessity, circumstances excluding the criminality of an act, proportionality of harm, law enforcement practice, tax offenses, legal uncertainty, comparative law.

For citation: Nikulenکو A. V., Smirnov M. A. From protection to abuse: the transformation of extraordinary necessity in modern criminal law // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 374–383.

Защита интересов личности, общества и государства от криминальных посягательств обеспечивается не только через установление уголовных запретов, но, и что не менее важно, через закрепление в законодательстве норм, которые разрешают правомерное причинение вреда (физического, материального и др.) при обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Эти нормы объединены в главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹.

С теоретической точки зрения, оценка правомерности причинения вреда интересам, охраняемым уголовным законом, традиционно считается одной из самых сложных задач в российской юриспруденции. Многие криминалисты объясняют это многообразием реальных ситуаций, подпадающих под признаки того или иного обстоятельства и, как следствие, трудностями в их правовой оценке. Распространено мнение, что проблема заключается не в «почти идеальных» нормах УК РФ, а в недостаточной квалификации правоприменителей и в сложностях доказывания.

Мы придерживаемся иной точки зрения и считаем, что корень проблем правоприменения кроется в первую очередь в самом законодательстве. По нашему мнению, именно несовершенство формулировок норм материального права (уголовного закона) открывает возможность для квалификации действий, которая противоречит замыслу законодателя, духу закона и порой даже здравому смыслу.

Несмотря на то что институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, существует в действующем УК РФ почти три десятилетия, до сих пор не решён целый комплекс проблем как в сфере правотворчества, так и в правоприменении. Их устранение является необходимым условием для эффективного отправления правосудия, укрепления законности и надёжной защиты прав граждан.

Концепция крайней необходимости, известная с древних времён (что отражает поговорка «нужда закона не знает»), всегда была предметом острых дискуссий в уголовно-правовой науке. Так, Н. Д. Сергеевский возражал против чрезмерного расширения этого института, полагая, что распространение его на защиту интересов третьих лиц расшатывает правопорядок [1, с. 260]. С его точки зрения, закон не должен позволять причинять вред одним ради спасения других, так как это создаёт прецедент для произвола. Впрочем, современная правовая доктрина подходит к этой дилемме более гибко [2, с. 49; 3, с. 117–118].

Хотя в юридической литературе представлено множество определений крайней необходимости [4, с. 14; 5, с. 221], их суть сводится к одному: это ситуация, когда деяние, формально содержащее признаки преступления, признаётся правомерным, так как меньший вред причиняется с целью предотвратить больший. При этом абсолютная

¹ Уголовного кодекса Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ценность человеческой жизни не допускает умышленного лишения жизни одного человека для спасения другого. Однако в исключительных, безвыходных ситуациях (как в классическом примере с альпинистами, где жертва одного спасает двоих) такие действия могут быть признаны правомерными.

Современные угрозы, такие как терроризм и организованная преступность, способствовали появлению концепции «права безопасности», которую развивают учёные Д. А. Шестаков [6, с. 13–14], Н. В. Щедрин [7, с. 32], а ранее в схожем ключе рассуждали Д. А. Корецкий и С. Ф. Милюков [8, с. 112–113]. Эта концепция предполагает возможность причинения любого вреда ради защиты общественной безопасности, что уже нашло отражение в законах «О противодействии терроризму»¹ и «Об оперативно-розыскной деятельности»². Как указывает Г. А. Есаков, такие нормы по сути отменяют классическое для крайней необходимости требование соразмерности вреда [9, с. 203], что порождает споры о границах допустимого насилия в правовом государстве.

В своё время А. А. Пионтковский существенно расширил рамки применения крайней необходимости, считая её правомерной для защиты любых охраняемых законом интересов, а не только жизни, здоровья и имущества [10, с. 216]. Позднее он предложил новаторский подход, рассматривая крайнюю необходимость не как внешнее стечение обстоятельств, а как особое правовое положение, обязывающее лицо защищать одни ценности за счёт других [11, с. 455]. Эта трактовка особенно важна для профессий, сопряжённых с риском (спасатели, врачи, силовики).

Эту идею развил В. И. Михайлов, который заметил, что многие правовые институты изначально вышли из концепции крайней необходимости, прежде чем стать самостоятельными. В качестве примера он приводил задержание преступника [12, с. 67].

Наиболее радикальную позицию в этом вопросе занял В. Ф. Антонов, который прямо назвал необходимую оборону и задержание преступника частными случаями крайней необходимости [13, с. 7]. Он аргументировал это тем, что ведомственные инструкции, регулирующие применение силы правоохранителями, базируются на принципах крайней необходимости, а не обороны [14, с. 62]. По его мнению, нормы о задержании преступника и вовсе находятся на стыке этих двух институтов [15, с. 11–13, 60].

Исторически крайняя необходимость происходит от средневекового принципа «нужда закона не знает». Сегодня её суть – в столкновении двух правовых благ, когда ради спасения более ценного приходится жертвовать менее ценным. Интересно, что с этической точки зрения необходимая оборона и задержание преступника воспринимаются как более оправданные действия, чем крайняя необходимость [16, с. 119], особенно когда речь идёт о защите общественных интересов.

Одна из главных проблем на практике – расплывчатость критерия «непосредственной угрозы» в ст. 39 УК РФ. Некоторые учёные даже предлагают убрать это условие [17, с. 233], так как оно необоснованно сужает возможности для правомерной защиты. Особенно остро вопрос стоит на стыке с профессиональными обязанностями: уклонение от служебного долга под предлогом крайней необходимости может быть расценено как преступление (ст. 285 УК РФ).

Особого рассмотрения требует вопрос о применении крайней необходимости лицами, чья профессия обязывает их противостоять опасности. Как справедливо указывается в литературе, сотрудники правоохранительных органов, военные и представители других рискованных профессий не вправе ссылаться на крайнюю необходимость,

¹ О противодействии терроризму: Федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

² Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349

чтобы уклониться от выполнения служебных обязанностей [18, с. 105]. Этот подход закреплён и в зарубежном праве: УК Испании, Германии, штата Нью-Йорк (США) и Польши исключают применение этой нормы, если лицо само спровоцировало опасную ситуацию. Такая позиция законодателя продиктована стремлением предотвратить злоупотребления и пассивность со стороны тех, кто по долгу службы обязан сознательно идти на риск.

Анализируя субъективную сторону, важно понимать, что мотивы человека могут быть самыми разными: от альтруистических (сострадание, желание помочь) до эгоистических (страх, жажда признания) [19, с. 76]. Хотя мотивы не влияют на саму квалификацию деяния, совершённого в состоянии крайней необходимости, они важны при оценке превышения её пределов и могут быть учтены судом.

Важно также учитывать индивидуальные особенности лица, действовавшего в экстремальной ситуации: его возраст, пол, психофизиологическое состояние, профессионализм и опыт [20, с. 205–206]. При сомнениях в способности человека адекватно оценивать обстановку целесообразно назначать комплексную психолого-психиатрическую экспертизу. Мы также предлагаем закрепить в ст. 39 УК РФ указание на то, что целью действий должно быть именно устранение непосредственной угрозы.

В науке ведутся споры о совершенствовании ст. 39 УК РФ. Некоторые авторы предлагают формулировку: «Не совершает преступления тот, кто причиняет вред... в состоянии крайней необходимости» [21, с. 122; 22, с. 322]¹. Мы считаем такой вариант неудачным, так как оборот «тот, кто» является архаичным и заимствованным из зарубежного права, что нехарактерно для российского законодательства.

Более удачным решением видится включение в статью нормы, оправдывающей действия лица, которое добросовестно пыталось предотвратить вред, но не достигло цели. Подобное положение успешно применяется в Уголовном кодексе Республики Беларусь (ст. 36) [23, с. 174].

Действующее законодательство имеет серьёзный пробел: в отличие от необходимой обороны и задержания преступника (ст. 108, 114 УК РФ), в Особенной части Кодекса нет специальной статьи за превышение пределов крайней необходимости [24, с. 161–165]. Из-за этого суды вынуждены квалифицировать такие деяния по общим статьям УК РФ со ссылкой на ст. 39 УК.

Мы считаем целесообразным ввести специальный привилегированный состав за превышение пределов крайней необходимости, а также дополнить ст. 61 УК РФ (смягчающие обстоятельства) пунктом, который бы учитывал причинение вреда, равного предотвращённому, если все остальные условия были соблюдены. Сложность на практике представляет и оценка соразмерности вреда. Здесь нельзя подходить формально. Например, спасение населения целого посёлка от голода ценой жизни нескольких человек при соблюдении всех условий может быть признано правомерным. Главное – не абстрактное сравнение ценностей, а реальная оценка угрозы.

В российском праве крайняя необходимость (ст. 39 УК РФ) – это состояние, когда лицо вынуждено причинить меньший вред для предотвращения большего при условии, что иными способами устранить опасность невозможно. Источники опасности могут быть самыми разными: техногенные аварии, стихийные бедствия, физиологическое состояние человека, действия других людей и т. д.

Правомерность действий определяется строгими условиями:

1. Своевременность: действия должны совершаться в период существования угрозы (не раньше и не позже).

¹ Впервые данную формулировку предложила проф. С. В. Пархоменко, а впоследствии дословно воспроизвел в своей работе М. А. Якуньков.

2. Соразмерность вреда: причинённый вред не должен быть явно больше предотвращённого. Если вред равен или больше, ответственность наступает только при умышленном его причинении.

3. Характеристики опасности: она должна быть наличной (существовать в данный момент) и действительной (реальной, а не мнимой).

Нарушение этих условий рассматривается как смягчающее обстоятельство (п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ). При этом остаётся открытым вопрос о превышении пределов крайней необходимости путём бездействия. Хотя чаще всего это активные действия, теоретически возможно и бездействие (например, невыполнение одной из нескольких обязанностей).

Судебная статистика показывает, что ст. 39 УК РФ применяется крайне редко (0,7 % дел в 2022 году), что подтверждается данными Судебного департамента при Верховном Суде РФ. За последние десять лет количество случаев, когда суды ссылались на ст. 39 УК РФ, стабильно не превышало 0,5–1 % от общего числа рассмотренных уголовных дел, в основном в случаях ДТП или ЧС. Если рассматривать период с 2012 по 2022 год, можно выделить несколько этапов. В 2012–2015 годах показатель находился в пределах 0,6–0,8 %, при этом основная масса дел относилась к преступлениям против безопасности движения и эксплуатации транспорта, когда вред причинялся для предотвращения более тяжких последствий. В 2016–2019 годах наблюдалось снижение до 0,4–0,5 %, а в структуре начали преобладать дела, связанные с чрезвычайными ситуациями: пожарами, техногенными авариями. В период пандемии COVID-19 в 2020–2022 годах фиксировались единичные попытки применения нормы к делам о нарушениях санитарно-эпидемиологических требований, однако заметного роста показателя не произошло. В 2023–2024 годах по неполным данным в ряде регионов отмечено увеличение числа дел, где адвокаты пытались сослаться на крайнюю необходимость в экономической сфере, в том числе по обвинениям в неуплате налогов или нарушении условий государственных контрактов, что ранее было крайне редким явлением. Анализ структуры применения показывает, что наибольшую долю составляют дела о ДТП и транспортных происшествиях – порядка 60–65 % от общего числа. На втором месте – преступления против общественной безопасности (15–20 %), включая действия в условиях пожаров, наводнений и иных чрезвычайных ситуаций. Далее идут имущественные преступления (10–15 %), где вред причинялся для предотвращения более значительного ущерба, например при вскрытии чужого помещения для спасения людей¹.

Экономические преступления занимают менее 3 %, причём до 2019 года практически отсутствовали в практике. При этом существуют заметные региональные различия. В субъектах с повышенной вероятностью природных и техногенных катастроф (Сахалин, Камчатка, Якутия, Приморский край) суды чаще признают действия правомерными, тогда как в крупных экономических центрах институт нередко используется как аргумент защиты в делах о должностных и экономических преступлениях, но далеко не всегда находит поддержку у суда. К основным причинам низкой частоты применения нормы относятся отсутствие чётких законодательно закреплённых критериев «непосредственной опасности» и «соразмерности», нежелание судов создавать спорные прецеденты, сложности в доказывании невозможности устранения угрозы иным способом, а также недостаточную квалификацию участников процесса в вопросах применения института.

¹ Обзор практики применения судами положений главы 8 УК РФ, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 22 мая 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/thematics/28046/?ysclid=m9fb6lqomy730735284> (дата обращения: 13.04.2025)

Несмотря на гуманистическую природу крайней необходимости, её использование таит в себе риск превращения в инструмент ухода от ответственности. Наиболее распространёнными сценариями злоупотреблений являются фальсификация обстоятельств угрозы, когда создаётся видимость непосредственной опасности для оправдания противоправных действий (например, фиктивная неисправность оборудования, требующая срочных затрат без конкурсных процедур); подмена мотивов, при которой декларируется цель предотвращения вреда, но фактически преследуются личная выгода или уход от обязательств; затягивание реагирования до момента, когда опасность станет непосредственной, чтобы обосновать нарушение закона; а также перекладывание ответственности, когда руководитель ссылается на крайнюю необходимость, хотя имелись законные способы устранения угрозы, пусть и более затратные или длительные.

Факторами, способствующими злоупотреблениям, являются размытые формулировки ст. 39 УК РФ, отсутствие единых методик оценки соразмерности вреда, ограниченный контроль за достоверностью угрозы и редкость применения нормы, что делает практику нестабильной. Для снижения рисков целесообразно законодательно закрепить определение «непосредственной опасности» как конкретной, реальной и неизбежной угрозы, устранить которую иными способами невозможно; ввести процессуальные фильтры в виде обязательной технической, экономической или медицинской экспертизы для подтверждения угрозы; ограничить применение института в ряде экономических составов, где последствия носят отсроченный характер; предусмотреть ответственность за умышленное создание условий для ссылки на крайнюю необходимость; а также регулярно публиковать обзоры судебной практики с конкретными примерами правомерного и неправомерного применения нормы.

Как нами уже отмечалось, доля экономических преступлений в практике применения института крайней необходимости не превышает 3 %, а до 2019 года подобные случаи фактически отсутствовали. Это свидетельствует о том, что использование данного института в сфере экономических правонарушений является крайне редким явлением, исключения из которого составляют единичные прецеденты, например: дело, вошедшее в Обзор практики Верховного Суда РФ от 22 мая 2019 года (Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда от 16.04.2019).

Суд рассмотрел дело главы городского поселения, обвиняемого в неуплате налогов (ст. 199² УК РФ). Выяснилось, что он не перечислил налоги в бюджет, поскольку направил средства на срочный ремонт системы теплоснабжения, чтобы не сорвать отопительный сезон и не оставить население без тепла и горячей воды. Суд согласился, что руководитель действовал не с целью сокрытия средств, а для предотвращения гуманитарной катастрофы, потенциальный ущерб от которой был несоизмеримо выше суммы налоговой недоимки. Апелляционная инстанция признала его действия совершёнными в состоянии крайней необходимости и оправдала.

Этот прецедент вызвал широкую дискуссию: можно ли жертвовать фискальными интересами государства ради социальной стабильности? Проблема усугубляется отсутствием в законе чётких критериев «непосредственной опасности» и «соразмерности вреда», что создаёт правовую неопределённость.

Исторически подход к экономическим нарушениям был строгим. В дореволюционной России и в СССР (как показывает дело директора завода 1982 года¹) нарушение финансовой дисциплины не оправдывалось даже для предотвращения аварий.

Сегодняшний прецедент ставит под вопрос традиционное толкование крайней необходимости. Во-первых, неуплата налогов лишь опосредованно устраняет опас-

¹ Бюллетень Верховного суда СССР. 1983. № 3 [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_PER_B_2315682_1983_3/ (дата обращения: 13.04.2025)

ность, высвобождая ресурсы. Является ли это «непосредственным» устранением угрозы? Во-вторых, как объективно оценить соразмерность: что важнее – ущерб бюджету или сохранение рабочих мест? Наконец, очевиден риск злоупотреблений, который подрыывает основы правового государства. В европейской практике подобные случаи чаще рассматриваются через институт «обоснованного риска» (ст. 41 УК РФ), что позволяет избежать слишком широкого толкования.

Современные вызовы (санкции, пандемии) увеличивают число ситуаций, где нарушение закона может показаться «вынужденной мерой». Однако это размывает грань между правомерным и противоправным поведением. Расширительное толкование ст. 39 в налоговой сфере несёт риски и для государства (дефицит бюджета), и для честного бизнеса (неравные условия конкуренции).

Для минимизации правовой неопределённости мы предлагаем:

- дать в ст. 39 УК РФ более чёткое определение «непосредственной опасности» как конкретной и неизбежной угрозы;
- создать при судах экспертные комиссии (с участием экономистов, медиков и др.) для оценки соразмерности вреда;
- ограничить применение крайней необходимости в экономической сфере, возможно, составив перечень статей УК, к которым она неприменима.

В заключение укажем, что решение Верховного суда, хотя и спорное, отражает важную тенденцию: право должно быть гибким. Но эта гибкость не должна превращаться в лазейку для уклонения от ответственности. Крайняя необходимость – это исключительный инструмент спасения с чёткими правилами, а не индульгенция для правонарушителей. В противном случае этот гуманистический институт может стать орудием правового нигилизма.

1. Русское уголовное право. Часть общая : Пособие к лекциям / [Соч.] доц. СПб. ун-та и адъюнкт-проф. Воен.-юр. акад. магистра Н.Д. Сергеевского. 6-е изд. СПб : тип. М. Стасюлевича, 1905. VIII, 368 с.
2. Розин Н. О крайней необходимости : уголовно-юридическое исследование. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. – 251 с.
3. Русское уголовное право. Часть общая : лекции / [соч.] Н. С. Таганцева. 2-е изд., пересмотр. и доп. СПб. : Гос. тип., 1902. 324 с.
4. Домахин С. А. Крайняя необходимость по советскому уголовному праву. М. : Госюриздат, 1955. 79 с.
5. Уголовное право. Общая часть: учебник. 2-е изд. перераб. и доп. / А. В. Никуленко, С. А. Денисов, К. П. Семенов и др.; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. В. Никуленко. СПб : СПбУ МВД России, 2024. 424 с.
6. Шестаков Д. А. Еще раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1(32). С. 13-14.
7. Щедрин Н. В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 34 с.
8. Корецкий Д., Милюков С. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. № 1. С. 112-114.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. М. : Проспект, 2019. 1349 с.
10. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Герцензон А. А., Дурманов Н. Д., Исаев М. М., Маньковский Б., и др.; Под ред.: Герцензон А. А., Ошерович Б. С., Пионтковский А. А. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1939. 331 с.
11. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / Заслуж. деятель науки РСФСР А. А. Пионтковский. М. : Госюриздат, 1961. 666 с.

12. Михайлов В. И. О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключающих преступность деяния // Государство и право. 1995. № 12. С. 59-69.
13. Антонов В. Ф. Обстоятельства применения института крайней необходимости в деятельности правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 24 с.
14. Антонов В. Ф. Крайняя необходимость в уголовном праве : (специальность 021100 "Юриспруденция"). М. : ЮНИТИ, 2005. 111 с.
15. Энциклопедия уголовного права. Т. 7 : Обстоятельства, исключающие преступность деяния / С.Ф. Милуков и др. СПб., 2007. 735 с.
16. Винокуров В. Н. Правомерное причинение вреда в состоянии крайней необходимости : монография. Красноярск, 2001. 122 с.
17. Никуленко А. В. Совершенствование уголовного законодательства об обстоятельствах, исключающих преступность деяния // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке Материалы XIV международной научно-практической конференции. М., 2017. С. 232-236.
18. Никуленко А. В. Роль обстоятельств, исключающих преступность деяния, в современных реалиях противодействия преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2 (74). С. 103-107.
19. Никуленко А. В. Актуальные проблемы разграничения институтов крайней необходимости и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 4. С. 72-77.
20. Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния и возможности их модернизации // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. ст. по материалам IV Всерос. науч.-практич. конференции. Ответ. ред. Е. Н. Рахманова. СПб., 2016. С. 205-211.
21. Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004. 267 с.
22. Якуньков М. А. Крайняя необходимость / Энциклопедия уголовного права. Т. 7. 2-е изд. СПб., 2014. 722 с.
23. Никуленко А. В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящ. 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) : материалы VIII Российского конгресса уголовного права. М., 2013. С. 172-177.
24. Никуленко А. В., Смирнов М. А. Институт необходимой обороны в деятельности сотрудников правоохранительных органов. СПб : «Издательство «Юридический центр», 2023. 480 с.
1. Russkoe ugovnoe pravo. Chast` obshhaya : Posobie k lekciyam / [Soch.] docz. SPb. un-ta i ad`yunkt-prof. Voen.-yurid. akad. magistra N.D. Sergeevskogo. 6-e izd. SPb : tip. M. Stasyulevicha, 1905. VIII, 368 s.
2. Rozin N. O krajnej neobxodimosti : ugovno-yuridicheskoe issledovanie. SPb. : Tip. M. M. Stasyulevicha, 1899. – 251 s.
3. Russkoe ugovnoe pravo. Chast` obshhaya : lekcii / [soch.] N. S. Taganceva. 2-e izd., peresmotr. i dop. SPb. : Gos. tip., 1902. 324 s.
4. Domaxin S. A. Krajnyaya neobxodimost` po sovetskomu ugovnomu pravu. M.: Gosyurizdat, 1955. 79 s.
5. Ugovnoe pravo. Obshhaya chast`: uchebnik. 2-e izd. pererab. i dop. / A. V. Nikulenko, S. A. Denisov, K. P. Semenov i dr.; pod obshh. red. d-ra yurid. nauk, prof. A. V. Nikulenko. SPb : SPbU MVD Rossii, 2024. 424 s.

6. Shestakov D. A. Eshhe raz o prave bezopasnosti v svyazi s pravom protivodejstviya prestupnosti // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. 2014. № 1(32). S. 13-14.
7. Shhedrin N. V. Mery` bezopasnosti kak sredstvo preduprezhdeniya prestupnosti: dis. ... d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2001. 34 s.
8. Koreczkij D., Milyukov S. Vnesudebnaya repressiya kak zakonny`j sposob bor`by` s prestupnost`yu // Uголовное право. 2004. № 1. S. 112-114.
9. Kommentarij k Uголовному kodeksu Rossijskoj Federacii (nauchno-prakticheskij) / pod red. A. I. Chuchaeva. M. : Prospekt, 2019. 1349 s.
10. Uголовное право. Obshhaya chast`: Uchebnik / Gercenzon A. A., Durmanov N. D., Isaev M. M., Man`kovskij B., i dr.; Pod red.: Gercenzon A. A., Osheroovich B. S., Piontkovskij A. A. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurid. izd-vo NKYu SSSR, 1939. 331 s.
11. Uchenie o prestuplenii po sovetskomu uголовному pravu / Zasluzh. deyatel` nauki RSFSR A. A. Piontkovskij. M. : Gosyurizdat, 1961. 666 s.
12. Mixajlov V. I. O social`no-yuridicheskom aspekte sodержaniya obstoyatel`stv, isklyuchayushhix prestupnost` deyaniya // Gosudarstvo i pravo. 1995. № 12. S. 59-69.
13. Antonov V. F. Obstoyatel`stva primeneniya instituta krajnej neobxodimosti v deyatel`nosti pravooxranitel`ny`x organov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2000. 24 s.
14. Antonov V. F. Krajnyaya neobxodimost` v uголовном prave : (special`nost` 021100 Yurisprudenciya). M. : YuNITI, 2005. 111 s.
15. E`nciklopediya uголовного права. T. 7 : Obstoyatel`stva, isklyuchayushhie prestupnost` deyaniya / S.F. Milyukov i dr. SPb., 2007. 735 s.
16. Vinokurov V. N. Pravomernoe prichinenie vreda v sostoyanii krajnej neobxodimosti : monografiya. Krasnoyarsk, 2001. 122 s.
17. Nikulenko A. V. Sovershenstvovanie uголовного zakonodatel`stva ob obstoyatel`stvax, isklyuchayushhix prestupnost` deyaniya // Uголовное право: strategiya razvitiya v XXI veke Materialy` XIV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. M., 2017. S. 232-236.
18. Nikulenko A. V. Rol` obstoyatel`stv, isklyuchayushhix prestupnost` deyaniya, v sovremenny`x realiyax protivodejstviya prestupnosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 2 (74). S. 103-107.
19. Nikulenko A. V. Aktual`ny`e problemy` razgranicheniya institutov krajnej neobxodimosti i prichineniya vreda pri zaderzhanii licza, sovershivshogo prestuplenie // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2010. № 4. S. 72-77.
20. Nikulenko A. V. Obstoyatel`stva, isklyuchayushhie prestupnost` deyaniya i vozmozhnosti ix modernizacii // Uголовная politika i pravoprimenitel`naya praktika : sb. st. po materialam IV Vseros. nauch.-praktich. konferencii. Otvet. red. E. N. Raxmanova. SPb., 2016. S. 205-211.
21. Parxomenko S. V. Deyaniya, prestupnost` kotory`x isklyuchaetsya v silu social`noj poleznosti i neobxodimosti. SPb., 2004. 267 s.
22. Yakun`kov M. A. Krajnyaya neobxodimost` / E`nciklopediya uголовного права. T. 7. 2-e izd. SPb., 2014. 722 s.
23. Nikulenko A. V. Perspektivy` sovershenstvovaniya uголовно-pravovy`x norm ob obstoyatel`stvax, isklyuchayushhix prestupnost` deyaniya // Problemy` kodifikacii uголовного zakona: istoriya, sovremennost`, budushhee (posvyashh. 200-letiyu proekta Uголовного ulozheniya 1813 goda) : materialy` VIII Rossijskogo kongressa uголовного права. M., 2013. S. 172-177.
24. Nikulenko A. V., Smirnov M. A. Institut neobxodimoj oborony` v deyatel`nosti sotrudnikov pravooxranitel`ny`x organov. SPb : «Izdatel`stvo «Yuridicheskij centr», 2023. 480 s.

Информация об авторах

Андрей Вячеславович Никуленко. Профессор кафедры уголовного права, доктор юридических наук, профессор.

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена.
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, 48.

Максим Андреевич Смирнов. Юрист, кандидат юридических наук.
Коллегия адвокатов «Эгида» Адвокатской палаты Новгородской области.
173002, Россия, г. Великий Новгород, Октябрьская ул, 34.

Information about the authors

Andrey V. Nikulenko. Professor of the Department of Criminal Law. Doctor of Law, Professor.

Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen.
191186, Russia, St. Petersburg, Moika River Embankment, 48.

Maksim An. Smirnov. Lawyer. Candidate of Law.
Collegium of Advocates "Egida" of the Bar Association of the Novgorod Region.
173002, Russia, Veliky Novgorod, Oktyabrskaya Str., 34.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.163

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ¹

Отческая Татьяна Ивановна

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина
(МГЮА), Москва, Россия

tiotcheskaya@msal.ru

Аннотация. В целях реализации Указа Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» вопросы сохранения земельных ресурсов и обеспечения экологического благополучия приобретают характер важнейшего государственного приоритета. Статья представляет собой комплексное исследование роли прокуратуры как центрального элемента системы обеспечения законности в сфере сохранения и рационального использования земель и почв. В статье анализируется система природно-экономического учёта, применение стандартов оценки природного капитала. Особое внимание уделяется разработке эффективных механизмов возмещения экологического ущерба и обеспечению сбалансированного подхода к достижению национальной цели экологического благополучия. Автором сформулированы проблемы прокурорского надзора за исполнением экологического законодательства и выработаны предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: прокурорский надзор, национальные цели развития, охрана окружающей среды, природопользование, экологическое благополучие, устойчивая и динамичная экономика.

Для цитирования: Отческая Т. И. Совершенствование прокурорского надзора в сфере сохранения земельных ресурсов как условие реализации национальных целей // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 384–390.

IMPROVEMENT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE SPHERE OF LAND RESOURCES CONSERVATION AS A CONDITION FOR ACHIEVING NATIONAL GOALS²

Tatyana Iv. Otcheskaya

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

tiotcheskaya@msal.ru

Annotation. In accordance with the implementation of Presidential Decree «On national development goals of the Russian Federation for the period until 2030 and beyond until 2036», the issues of land resources conservation and ensuring environmental well-being have acquired the status of a paramount state priority. This scholarly article presents a comprehensive study of the role of the public prosecutor's office as a central

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030».

² The research was conducted in frame of the federal academic leadership program «Priority 2030».

element of the system for ensuring legality in the sphere of the conservation and rational use of land and soils. The article analyzes the system of environmental-economic accounting and the application of natural capital valuation standards. Particular attention is paid to the development of effective mechanisms for environmental damage compensation and to ensuring a balanced approach to achieving the national goal of environmental well-being. The author formulated the problems of prosecutorial supervision over the implementation of environmental legislation and developed proposals for its improvement.

Keywords: prosecutorial supervision, national development goals, environmental protection, environmental management, environmental well-being, sustainable and dynamic economy.

For citation: Otcheskaya T. I. Improvement of prosecutorial supervision in the sphere of land resources conservation as a condition for achieving national goals // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 384–390.

Согласно п. 1 Указа Президента Российской Федерации № 309 от 07.05.2024 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹ (далее – Указ Президента РФ) целями развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года являются экологическое благополучие и обеспечение устойчивой и динамичной экономики.

Реализация национальной цели «Экологическое благополучие» в Российской Федерации характеризуется формированием детализированной системы количественных показателей, регламентированных ведомственными нормативными актами. Основные ориентиры до 2030–2036 годов включают формирование экономики замкнутого цикла, что подразумевает достижение 100 % сортировки твёрдых коммунальных отходов, сокращение их захоронения до 50 % и вовлечение в хозяйственный оборот не менее 25 % вторичных ресурсов, что фиксируется в показателях, утверждённых Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации².

Достижение национальных целей развития обеспечивается согласованной работой ведомств и требует комплексного и системного подхода, в котором прокурорский надзор в сфере сохранения земельных ресурсов занимает приоритетное место.

По данным Статистического отдела ООН по разделу окружающая среда, общая площадь России составляет 1 637 687 тысяч гектаров (далее – тыс. га), из них пахотные земли – 121 649 тыс. га, лесные насаждения – 815 312 тыс. га, охраняемые территории для сохранения наземного биоразнообразия – 25, 48 %³.

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Рос. Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2024. № 20, ст. 2584.

² Об утверждении методики расчета показателя «Индекс использования вторичных ресурсов и сырья из отходов в отраслях экономики» федерального проекта «Экономика замкнутого цикла», входящего в состав национального проекта «Экологическое благополучие: приказ Минприроды России от 29 ноября 2024 г. № 692. Об утверждении методики расчета показателя «Доля захораниваемых твердых коммунальных отходов в общей массе образованных твердых коммунальных отходов: приказ Министерства природных ресурсов и экологии Рос. Федерации от 21 ноября 2024 г. № 690. Об утверждении методики расчета показателя «Доля обрабатываемых твердых коммунальных отходов в общей массе образованных твердых коммунальных отходов» федерального проекта «Экономика замкнутого цикл», входящего в состав национального проекта «Экологическое благополучие: приказ Министерства природных ресурсов и экологии Рос. Федерации от 29 ноября 2024 г. № 691. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Статистическая информация ООН «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс]. URL: <http://data.un.org/> (дата обращения: 19.10.2025).

Масштабы лесного фонда и территорий с охранным статусом возлагают на Россию особые обязательства в сфере поддержания глобального экологического баланса и диктуют потребность в продолжении политики устойчивого управления природными ресурсами. Земля обладает особой значимостью как уникальный экономический, экологический и социальный ресурс государства [1, с. 16–20]. Особая роль принадлежит прокуратуре, которая посредством осуществления прокурорского надзора обеспечивает исполнение природоохранного законодательства всеми участниками отношений – от органов государственной власти до хозяйствующих субъектов, занятых в добыче и переработке природных ресурсов.

Вопросы эффективности прокурорского надзора за исполнением экологического законодательства, а также выявления и устранения нарушений в сфере охраны окружающей среды, сохранения и рационального использования природных ресурсов являются актуальным направлением научного исследования. Подтверждением значимости этих проблем служит неоднократное обращение к ним в рамках научных исследований, проводимых в Университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА), в частности коллективом кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности издана монография «Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере охраны окружающей среды» [2, с. 144], что свидетельствует о постоянном научном интересе к данной проблематике.

Настоящее исследование не является единичным, а продолжает традиции научных работ, заложенные коллегами кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Фундаментальный вклад в изучение проблем прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере охраны окружающей среды внесли такие известные учёные, как В. Б. Агафонов [3, с. 132–141], Н. П. Воронина [4, с. 20–26], Г. В. Выпханова [5, с. 11–13], Ю. Г. Шпаковский [6, с. 28–32], В. Г. Елисеев [7, с. 2–7] и другие. В работах названных учёных были исследованы проблемы прокурорского надзора за исполнением природоохранного законодательства, что создало основу для дальнейшего научного изучения.

Работа прокуроров, в том числе природоохранных, по предупреждению и пресечению преступлений, оказывающих воздействие на окружающую среду, строится в рамках надзора за исполнением законов об охране окружающей среды и природопользовании в тесном взаимодействии с территориальными, транспортными и иными специализированными прокурорами, контрольно-надзорными и правоохранительными органами [8, с. 16–20].

Правовое регулирование в сфере охраны земель формируется под влиянием комплекса стратегических документов. Помимо вышеназванного Указа Президента РФ, важнейшее значение имеют:

1) основные международные договоры в сфере охраны окружающей среды и регулирования использования природных ресурсов: Конвенция о биологическом разнообразии, Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия;

2) Конституция Российской Федерации, которая в ст.ст. 9, 36, 42, 58 закрепляет обязанность каждого сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам. При этом осуществление прав владения, пользования и распоряжения землёй и другими природными ресурсами не должно наносить ущерба окружающей среде и нарушать права и законные интересы иных лиц;

3) Земельный кодекс Российской Федерации в ст. 1 устанавливает приоритет охраны земли как важнейшего компонента окружающей среды и средства производства в сельском хозяйстве и лесном хозяйстве перед использованием земли в качестве недвижимого имущества;

4) Федеральный закон «Об охране окружающей среды»¹ определяет правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды, обеспечивающие сбалансированное решение социально-экономических задач, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов;

5) Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, которая в пункте 25 в качестве задач указывает на необходимость осуществления эффективных мер по сохранению и рациональному использованию природных ресурсов, в том числе лесных, охотничьих и водных биологических ресурсов, по сохранению экологического потенциала лесов²;

6) к ведомственным правовым актам следует отнести приказы Генерального прокурора Российской Федерации от 15.04.2021 № 198 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере», от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» в части налаживания эффективного надзора за исполнением законов об охране природы и рациональном использовании её ресурсов, а также Указание от 04.08.2021 № 432/7 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере лесопользования»³.

Эффективный прокурорский надзор становится не только инструментом защиты правового порядка, но и важным элементом обеспечения экономической безопасности и суверенитета страны.

Ежегодно органами прокуратуры выявляется более 280 тыс. нарушений законов в области охраны окружающей среды и природопользования, порядка 40 % из которых составляют нарушения законов об отходах производства и потребления⁴.

Наиболее распространённым видом нарушений является нецелевое использование земельных участков, в том числе использование земель сельскохозяйственного назначения не для выращивания соответствующих культур, а для складирования, размещения промышленных объектов или неорганизованной рекреации.

Так, Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2025 № 427-О подтверждает правомерность участия прокурора в защите публичных земельных интересов. Рассматривая жалобу АО «Шапсугский чай» на изъятие земельных участков, суд подчеркнул, что полномочия прокурора по обращению в суд (ст. 45 ГПК РФ) соответствуют конституционному статусу прокуратуры и не нарушают права собственников. Особое значение имеет вывод о том, что прокурор вправе инициировать прекращение прав на землю при систематических нарушениях земельного законодательства, даже при наличии иных контролирующих органов⁵.

¹ Об охране окружающей среды: Федер. закон Рос. Федерации от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // Рос. газ. 2002. 12 янв. № 6.

² О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в экологической сфере: приказ Генерального прокурора Рос. Федерации от 15 апреля 2021 г. № 198. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина: приказ Генерального прокурора Рос. Федерации от 7 декабря 2007 г. № 195. Об усилении прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере лесопользования: указание Генерального прокурора Рос. Федерации от 4 августа 2021 г. № 432/7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Методические рекомендации по организации прокурорского надзора за исполнением законодательства об обращении с отходами производства и потребления: утв. Генпрокуратурой России 28 декабря 2018 г. № 74/3-34-2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Шапсугский чай» на нарушение его конституционных прав рядом законоположений [Электронный ресурс]: определение

Актуальность прокурорского надзора в сфере пресечения самовольного занятия земель подтверждается значительной долей подобных нарушений в структуре земельных правонарушений, осуществляемых как гражданами, так и коммерческими структурами. Ярким примером эффективности прокурорского реагирования служит Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.06.2025 № 13АП-9586/2025, которым удовлетворены искивые требования первого заместителя прокурора Ленинградской области об истребовании из незаконного владения АО «Электрон-стандарт» земельного участка площадью 850 кв. м. С привлечением кадастровых инженеров был документально зафиксирован факт самовольного занятия земель муниципальной собственности посредством установления ограждения за пределами границ земельных участков, зарегистрированных в едином государственном реестре недвижимости. Правовая позиция суда, основанная на нормах ст. 301 Гражданского кодекса Российской Федерации и 60 Земельного кодекса Российской Федерации, подтвердила правомерность применения такого способа защиты нарушенного права, как истребование имущества из чужого незаконного владения, при отсутствии у ответчика правоустанавливающих документов на спорную территорию¹.

Прокуратура активно противодействует коррупции при предоставлении земельных участков, что подтверждается Постановлением Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.02.2025 по делу № А22-532/2024. В данном случае прокурор Республики Калмыкии оспорил незаконную аренду 2 343 га земель сельхозназначения без торгов, выявив преступную схему главы администрации по передаче участков родственнику из корыстной заинтересованности. Признание договоров ничтожными на основании ст.ст. 166 и 168 ГК РФ стало результатом прокурорского вмешательства, направленного на восстановление законности и пресечение коррупции в земельных отношениях². Данная практика демонстрирует роль прокуратуры как гаранта соблюдения публичных интересов в сфере сохранения земель.

Основа экологического благополучия – состояние водных ресурсов, улучшение качества воды и водных экосистем, обеспечение населения питьевой водой, противодействие выбытию земель водного фонда из государственной собственности, а также пресечение фактов незаконного строительства в границах береговых полос водных объектов [9, с. 9–13].

Прокурорский надзор за исполнением законодательства в экологической сфере оказывает непосредственное влияние на экономические процессы. Эффективные меры прокурорского реагирования, обеспечивающие рекультивацию земель и восстановление прав на участки, способствуют стабилизации землепользования. В то же время сохраняются системные проблемы: беспорядочная застройка и нецелевое использование земель сельскохозяйственного назначения ведут к утрате плодородных земель. Данные процессы часто сопровождаются нарушениями законодательства при изменении вида разрешённого использования земельного участка. В связи с этим автором отстаивается позиция об усилении прокурорского надзора за соблюдением градостроительных регламентов и целевым использованием земель, а также о внедрении превентивных мер для обеспечения рационального землепользования.

Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 февраля 2025 г. № 427-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда [Электронный ресурс]: от 23 июня 2025 г. № 13АП-9586/2025 по делу № А56-98308/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда [Электронный ресурс]: от 26 февраля 2025 г. № 16АП-3372/2024 по делу № А22-532/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Современное развитие прокурорского надзора в данной сфере тесно связано с рассмотрением вопроса об использовании в правоприменительной практике концепции природного капитала, получившей международное признание после принятия ООН системы природно-экономического учёта¹. Указанная система представляет собой единый подход к оценке природных богатств страны. Она помогает проанализировать ценность природы для экономики.

Повышение эффективности прокурорского надзора в экологической сфере требует концентрации на направлениях, имеющих экономическое значение. Контроль в Арктической зоне сохраняет природный потенциал этих стратегических территорий, а надзор за обращением с отходами стимулирует внедрение экономичных технологий переработки. Реализация указанных мер создаст необходимые предпосылки для обеспечения устойчивого экономического развития при одновременном достижении национальных целей экологического благосостояния и устойчивой, динамичной экономики.

1. Михлина Н. В. Защита прокурором публичных интересов в сфере земельных отношений // Законность. 2022. № 5. С. 16-20.
2. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере охраны окружающей среды. Новые аспекты: монография: по материалам круглого стола X Московского юридического форума (Москва; 7 апреля 2023) / Т. И. Отческая, П. П. Ищенко, С. Х. Джиоев [и др.]; под ред. Т. И. Отческой; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА); Программа «Приоритет 2030». М.: Проспект, 2023. 144 с.
3. Агафонов В. Б. ESG-принципы и гринвошинг: правовые проблемы дифференциации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 9. С. 132-141.
4. Воронина Н. П. Правовое обеспечение цифровизации сельского хозяйства // Право и цифровая экономика. 2021. № 3. С. 20-26.
5. Выпханова Г. В. Теоретико-правовые и практические проблемы ликвидации накопленного вреда окружающей среде // Экологическое право. 2020. № 1. С. 11-13.
6. Шпаковский Ю. Г. Некоторые проблемы развития экологического права в отношении природных объектов - объектов недвижимости // Правовые вопросы недвижимости. 2025. № 2. С. 28-32.
7. Елисеев В. С. Особенности формирования прав на природные участки: терминологический аспект // Правовые вопросы недвижимости. 2025. № 2. С. 2-7.
8. Добрецов Д. Г. О некоторых реализуемых в Российской Федерации мерах по предупреждению и пресечению преступлений, оказывающих воздействие на окружающую среду, в рамках международной экологической повестки // Экологическое право. 2023. № 1. С. 16-20.
9. Куницына Е. А., Трудников А. В. Надзор за исполнением законодательства в экологической сфере // Законность. 2024. № 6. С. 9-13.

1. Mixlina N. V. Zashhita prokurorom publiczny`x interesov v sfere zemel`ny`x otnoshenij // Zakonnost`. 2022. № 5. S. 16-20.
2. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem zakonodatel`stva v sfere ohrany` okruzhayushhej sredy`. Novy`e aspekty`: monografiya: po materialam kruglogo stola X Moskovskogo yuridicheskogo foruma (Moskva; 7 aprelya 2023) / T. I. Otcheskaya, P. P. Ishhenko, S. X. Dzhioev [i dr.]; pod red. T. I. Otcheskoj; Mosk. gos. yurid. un-t im. O.E. Kutafina (MGYuA); Programma «Prioritet 2030». M.: Prospekt, 2023. 144 s.

¹ Центральная основа системы природно-экономического учета Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/files/10.%20SEEA-CF%2C%20RUS%3B%20Центральная%20Основа%20СПЭУ%20ООН%2C%20русский.pdf> (дата обращения: 19.10.2025).

3. Agafonov V. B. ESG-principy` i grinvoshing: pravovy`e problemy` differenciacii // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2024. № 9. S. 132–141.
4. Voronina N. P. Pravovoe obespechenie cifrovizacii sel'skogo xozyajstva // Pravo i cifrovaya e`konomika. 2021. № 3. S. 20-26.
5. Vy`pxanova G. V. Teoretiko-pravovy`e i prakticheskie problemy` likvidacii nakoplennoego vreda okruzhayushhej srede // E`kologicheskoe pravo. 2020. № 1. S. 11-13.
6. Shpakovskij Yu. G. Nekotory`e problemy` razvitiya e`kologicheskogo prava v otnoshenii prirodny`x ob`ektov - ob`ektov nedvizhimosti // Pravovy`e voprosy` nedvizhimosti. 2025. № 2. S. 28-32.
7. Eliseev V. S. Osobennosti formirovaniya prav na prirodny`e uchastki: terminologicheskij aspekt // Pravovy`e voprosy` nedvizhimosti. 2025. № 2. S. 2–7.
8. Dobreczov D. G. O nekotory`x realizuemy`x v Rossijskoj Federacii merax po preduprezhdeniyu i presecheniyu prestuplenij, okazy`vayushhix vozdejstvie na okruzhayushhuyu sredu, v ramkax mezhdunarodnoj e`kologicheskoy povestki // E`kologicheskoe pravo. 2023. № 1. S. 16-20.
9. Kunicyna E. A., Trudnikov A. V. Nadzor za ispolneniem zakonodatel'stva v e`kologicheskoy sfere // Zakonnost`. 2024. № 6. S. 9-13.

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Отческая. Заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности. Доктор юридических наук, профессор, почётный работник судебной системы.

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

Information about the author

Tatyana Iv. Otchetskaya. Head of the Department of Judicial and prosecutorial-investigative activities. Doctor of law, professor, honored worker of the judicial system.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya Str., 9.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЁННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В ПАРАДИГМЕ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ

Погорелова Ксения Руслановна

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

ksyu.pogorelova@inbox.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме возмещения вреда, причинённого преступлением. Автор приходит к выводу о том, что в настоящее время права потерпевшего в уголовном судопроизводстве не обеспечиваются в части компенсации материального ущерба и морального вреда. На основании анализа статистических данных лиц, привлечённых к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 158 УК РФ, а также характеристики выявленных лиц, совершивших общественно опасное деяние, автор предлагает пути совершенствования возмещения вреда, причинённого данным преступлением. В статье рассматривается вопрос о создании компенсационного государственного фонда. Обосновывается мысль о введении юридической возможности заключения досудебного соглашения о возмещении причинённого преступлением вреда на стадии предварительного расследования.

Ключевые слова: возмещение вреда, уголовное судопроизводство, компенсационный фонд, досудебное соглашение, права потерпевшего.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – заместителя начальника кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России доктора юридических наук, доцента Чабукиани О. А.

Для цитирования: Погорелова К. Р. Возмещение вреда, причинённого преступлением в парадигме восстановительного правосудия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 391–398.

COMPENSATION FOR HARM CAUSED BY A CRIME IN THE PARADIGM OF RESTORATIVE JUSTICE

Ksenia R. Pogorelova

Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russian Federation,
Saint-Petersburg, Russia

ksyu.pogorelova@inbox.ru

Annotation. The article deals with the problem of compensation for harm caused by a crime. The author comes to the conclusion that currently the rights of the victim in criminal proceedings are not ensured in terms of compensation for material and moral damage. Based on the analysis of statistical data on criminal prosecution under Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the characteristics of identified persons who committed a socially dangerous act, the author suggests ways to improve compensation for harm caused by the crime. The article presents views on the creation of a state compensation fund. The idea of introducing the legal possibility of concluding a pre-trial agreement on compensation for damage caused by a crime at the stage of the preliminary investigation is substantiated.

Keywords: compensation for harm, criminal proceedings, compensation fund, pre-trial agreement, rights of the victim.

Gratitude: the article was written with support of the scientific supervisor – Deputy Head of the Department of Criminal Procedure of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor Chabukiani O. A.

For citation: Pogorelova K. R. Compensation for Harm Caused by a Crime in the Paradigm of Restorative Justice // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 391–398.

Защита прав потерпевших является важнейшей задачей государства. Пострадавшие от преступлений лица нуждаются в компенсации причинённого морального вреда и имущественного ущерба, а иногда и в получении квалифицированной психологической помощи. По преступлениям имущественного характера потерпевшие заинтересованы именно в получении компенсации за причинённый вред, однако не всегда их право на возмещение реализуется. Так, за январь-март 2025 года ущерб от преступлений по оконченным и приостановленным делам составил 192 966 348 тыс. руб. [1, с. 39], за 2024 год – 627 910 448 тыс. руб. [2, с. 39]; в 2023 году данное значение составило 587 570 938 тыс. руб. [3, с. 39], в 2022 году – 748 313 490 тыс. руб. [4, с. 41], в 2021 году – 834 470 027 тыс. руб. [5, с. 41]; в 2020 году ущерб составил 512 835 434 тыс. руб. [6, с.41].

Несмотря на действительно высокие значения показателей причинённого преступлениями вреда, следует отметить, что данные официальной статистики не в полной мере отражают истинные обстоятельства. Мы не можем проанализировать размер материального ущерба и морального вреда по расследуемым преступлениям. В объём данных не включается тот ущерб, который зачастую претерпевают потерпевшие уже после вступления решения суда в законную силу, например размер упущенной выгоды для индивидуального предпринимателя. Кроме того, некоторые преступления и, соответственно, вред, причиняемый ими, остаются латентными для правоохранительных и судебных органов.

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин на оперативном совещании по вопросам возмещения ущерба в декабре 2024 года отметил, что за прошедший год на стадии расследования возместили ущерб в размере 111,7 млрд руб.¹, что составляет лишь около 18 % от общей суммы причинённого преступлениями ущерба в рассматриваемом периоде времени.

В настоящее время в России способами возмещения вреда, причинённого преступлением, являются добровольное его возмещение виновным лицом и в результате принятия судом решения по уголовному делу в части гражданского иска. Либо потерпевший сам вынужден обращаться в гражданское судопроизводство с целью возмещения вреда. Например, с введением в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство статей, предусматривающих приостановление, прекращение уголовного преследования в связи призывом на военную службу, прохождением военной службы, базисные конституционные права потерпевших оказались не защищены. В рамках принятия законопроекта, предусматривающего внесение изменений в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ), во втором чтении были внесены поправки, которые регламентировали вопросы возмещения вреда, причинённого лицами, освобождаемыми от уголовной ответственности и наказания по новым обстоятельствам, и закрепили, что

¹ Председатель СК России провел оперативное совещание по вопросам возмещения ущерба, причинённого преступлением [Электронный ресурс]. URL: [https://sledcom.ru/search?q=Оперативное+совещание+по+вопросам+возмещения+ущерба&dates=\(дата обращения: 24.02.2025\)](https://sledcom.ru/search?q=Оперативное+совещание+по+вопросам+возмещения+ущерба&dates=(дата+обращения: 24.02.2025)).

они должны разрешаться в порядке гражданского судопроизводства. В результате права потерпевшего на возмещение причинённого ему вреда не соблюдаются.

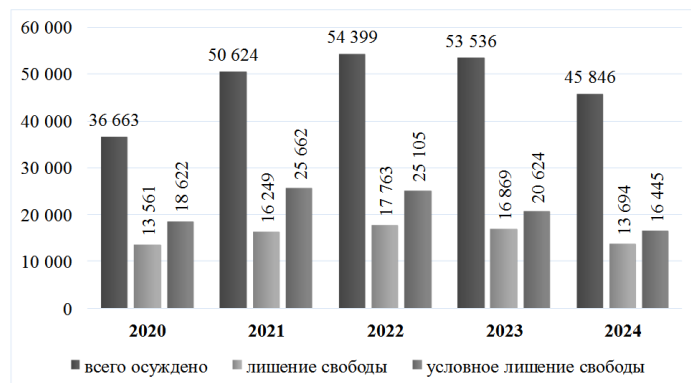
Согласно действующему уголовному законодательству одним из условий освобождения от уголовной ответственности является совершение преступления небольшой или средней тяжести впервые. Немаловажным условием является возмещение ущерба. В ряде статей предусматривается обязательность добровольной явки с повинной, способствование раскрытию и расследованию преступления.

Однако мы не в полной мере согласны с волей законодателя в данном вопросе. Хотелось бы обратить внимание, что деяние, квалифицируемое по ч. 3 ст. 158 УК РФ, является тяжким преступлением. По смыслу закона лицо, совершившее данное преступление, не может быть освобождено от уголовной ответственности ни в связи с деятельным раскаянием, ни в связи с примирением с потерпевшим, ни в связи с возмещением вреда. На наш взгляд, приведённое обстоятельство свидетельствует об общей карательной направленности существующего института привлечения к уголовной ответственности и назначения уголовного наказания.

Обратим внимание на количество совершённых преступных деяний, квалифицируемых по ч. 3 ст. 158 УК РФ (см. рис. 1). За 2024 год по данной части ст. 158 УК РФ были осуждены 45 846 лиц, 29,9 % из них было назначено уголовное наказание в виде лишения свободы на определённый срок, 35,9 % осуждённым назначено условное лишение свободы. В 2023 году всего осуждены 53 536 лиц, 31,5 % осуждены к лишению свободы, 38,5 % – условно. В 2022 осуждены 54 399 лиц, из них 32,6 % – к лишению свободы, 46,2 % осуждены условно. В 2021 году осуждены 50 624, лишение свободы назначено 32,1 % осуждённых, 50,7 % условно осуждены. В 2020 году 36 663 человека осуждены, 37 % – к лишению свободы, 50,8 % – к условному лишению свободы.

Анализ приведённых данных показывает, что большинству лиц, совершивших тяжкое преступление, квалифицируемое по ч. 3 ст. 158 УК РФ, в преобладающем процентном соотношении назначается уголовное наказание, не связанное с лишением свободы.

Мы считаем, что нельзя лишать лицо права на добровольное возмещение вреда, причинённого преступлением, более того, это должно поощряться со стороны государства, к примеру в форме освобождения от уголовной ответственности или уголовного наказания. Особенно учитывая тот факт, что большинству осуждённых суд назначает условное лишение свободы. Более того, у лиц, которые совершают преступления, нет мотивации возмещать причинённый ими вред. Лицо, совершившее преступление, квалифицируемое по ч. 3 ст. 158 УК РФ, не имеет желания компенсировать вред, так как его не освободят от уголовной ответственности и уголовного наказания, особенно если мы говорим о причинении ущерба в крупном размере. В свою очередь, право потерпевших на возмещение вреда, причинённого преступлением, не реализуется, так как в местах лишения свободы данный процесс затягивается на долгие годы, а лицам, получившим условное лишение свободы, не составляет труда скрываться от обязанности по возмещению причинённого вреда, ссылаясь на безработицу, недостаточный уровень дохода и т. д.

Следует обратить внимание на то, что согласно нормам УПК РФ для освобождения лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. ст. 75, 76, 77 УК РФ, вред, причинённый преступлением, должен быть возмещён, во-первых, в полном объёме, а во-вторых, до принятия должностным лицом процессуального решения.

Однако не всегда лица, совершающие преступления, имеют источник дохода или денежные средства для возмещения вреда. А если лицо хочет возместить причинённый ущерб и примириться с потерпевшим, но в силу жизненных обстоятельств и текущего материального положения не может сразу погасить полную сумму ущерба?

Согласно статистическим данным (см. рис. 2) за январь-март 2025 года примерно 62,1 % от общего количества лиц, совершивших преступления, составили учащиеся, студенты, безработные и лица, не имеющие постоянного источника дохода. В 2024 году процентное соотношение данных категорий к общему количеству составило 64,5 %, в 2023 году – 67,3 %, в 2022 году и 2021 году – 68,8 %, в 2020 году – 68,9 %.

Анализируя полученные данные, мы видим, что преобладающее число лиц, совершивших преступления, не имеют достаточно средств для возмещения вреда, который они причинили потерпевшему в результате совершённого ими общественно опасного деяния.

Безусловно, можно говорить о том, что некоторые студенты имеют заработок с места работы, а некоторые вовсе скрывают уровень и источники своих доходов от государства. Мы не отрицаем их существование и включение таких данных в общую статистику, однако процентное соотношение слишком велико и не может формироваться исключительно за счёт «ошибочно» включённых лиц.

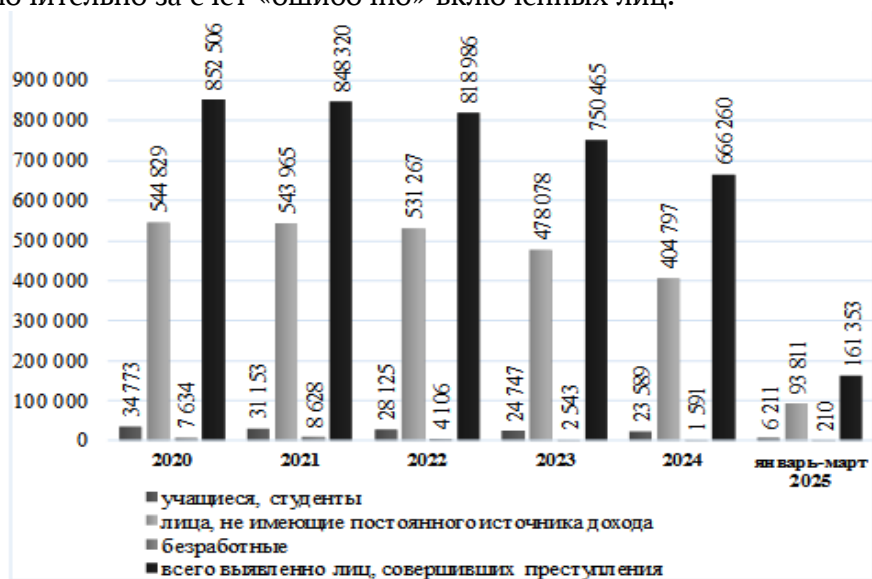

Рис. 2. Характеристика лиц, совершивших преступления

По нашему мнению, если лицо имеет желание возместить причинённый вред, но не может это сделать в данный момент, должностные лица должны предоставить ему право компенсировать его не единой суммой, а частями. Однако важно отметить негативный опыт, при котором лица, совершившие преступление, обещали возместить причинённый вред, даже внося определённые суммы, но не компенсировали его полностью, в результате чего права потерпевшего не восстанавливались. Исходя из этого, необходима разработка новых механизмов.

На наш взгляд, подобным механизмом может послужить создание компенсационного фонда, целью которого будет являться возмещение ущерба потерпевшему, причинённого обществом. Применение подобной конструкции не освобождает виновного

от уплаты материального ущерба и возмещения морального вреда. Государство будет взыскивать те возмещённые потерпевшему средства с виновного лица в порядке регресса.

Идея создания компенсационного фонда не является новой. Ещё в 2010 году Председатель Следственного Комитета РФ А. И. Бастрыкин говорил о разработке Национального компенсационного фонда¹, однако идея не получила практической реализации. Ещё раньше подобный институт был создан на международном уровне – в 1983 году с принятием Европейской конвенции по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений².

Кроме того, п. 30 ст. 30 Закона Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – РСФСР) от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР» относил к обязанностям государства возместить ущерб потерпевшему. Однако Л. В. Головкин в своих трудах отмечал, что подобная норма права на практике не применялась, впоследствии её действие было приостановлено в 1993 году, а после она была исключена [7, с. 382–383]. Г. П. Панфилов отмечает, что в действующем отечественном законодательстве существуют подобные правовые конструкции: ч. 6 и ч. 8 ст. 43 ФЗ «О полиции»³, которые закрепляют возмещение вреда, причинённого жизни и здоровью сотрудников полиции или их близких родственников, за счёт государства, а в последующем взыскание в регрессном порядке выплаченных сумм с причинителя вреда [8, с. 114]. Существует и противоположная точка зрения, в которой возмещение преступного вреда государством воспринимается как одна из его позитивных обязанностей [9]⁴. Так, Г. А. Гаджиев в своём Особом мнении к Постановлению Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П резюмировал: «Истолкование статьи 52 Конституции Российской Федерации как нормы прямого действия, позволяющей компенсировать ущерб от любых преступлений, когда не установлен обвиняемый или когда у него недостаточно средств, является преждевременным»⁵.

По нашему мнению, в случаях, когда правоохранительным органам не удалось установить или задержать лицо, совершившее преступление, потерпевший не должен оставаться наедине с причинённым ему ущербом и моральным вредом. Ущерб должен быть компенсирован государством, потому что именно на нём лежит обязанность по защите общества от преступных деяний. Это потребует от государства огромных денежных затрат. Для их снижения необходимо решать и комплекс других проблем: предупреждение преступности, повышение квалификации сотрудников правоохранительных и судебных органов, правовое воспитание населения и многие другие. Мы считаем, что в современных условиях создание подобного фонда будет обеспечивать баланс частных и публичных интересов, права потерпевших будут соблюдаться в полном объёме. Необходимо, чтобы средства данного фонда расходовались по назначению, в установленном законе порядке, что потребует от законодателя разработки соответствующего нормативно-правового акта. Ряд авторов видит новшество в заключении досудебного соглашения о возмещении вреда, причинённого преступлением [10]. Мы полностью поддерживаем данную инициативу. Потерпевший и лицо, совершившее преступление, в рамках гражданского судопроизводства заключают между собой соглашение, в котором устанавливается срок, в течение которого лицо обязано выплатить сумму причи-

¹ Александр Бастрыкин: «Жертвам преступлений должен помочь Национальный компенсационный фонд!». Фонд поддержки пострадавших от преступлений [Электронный ресурс]. URL: <https://fondpp.org/news/kрупnym-planom/1077-2/>. (дата обращения: 24.02.2025).

² Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (заключена в г. Страсбурге 24.11.1983). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 декабря 2005 г. № 523-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 мая 2013 г. № 10-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нённого преступлением ущерба, а также даты и конкретные суммы выплат. Представляется, что уголовное дело и (или) уголовное преследование в отношении лица, заключившего данное соглашение, должно быть прекращено, тем самым мы предоставляем лицу право выплатить причинённый преступлением ущерб частями [11, с. 383]. В случае, если соглашение не будет соблюдено, то потерпевший имеет право инициировать исполнительное производство, решение будет приниматься в рамках гражданского судопроизводства, а взыскивать денежные средства будет федеральная служба судебных приставов уже в принудительном порядке. В действующем законодательстве существует подобная правовая конструкция. Согласно ст. 46 УК РФ суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определёнными частями на срок до пяти лет. Если законодатель предусматривает подобную практику разделения суммы на несколько частей при назначении судебного штрафа, то, по нашему мнению, было бы целесообразно использовать подобную технологию и при возмещении ущерба, причинённого преступлением.

Мы считаем, что наиболее эффективным вариантом будет следующий: после заключения соглашения между сторонами о возмещении ущерба, причинённого преступлением, должностное лицо, осуществляющее расследование, приостанавливает производство по делу в отношении данного лица, а по выплате всей суммы ущерба прекращает уголовное дело и (или) уголовное преследование. В случае, если лицо, совершившее преступление, не соблюдает соглашение, производство по делу возобновляется. Здесь мы предоставляем лицу право выбора: либо возмещать вред частями путём заключения соглашения (мы идём навстречу и позволяем не выплачивать всю сумму сразу), либо призываем к уголовной ответственности и назначаем уголовное наказание.

Наиболее результативной, на наш взгляд, будет деятельность компенсационного фонда на данном этапе. Государство возмещает потерпевшему всю сумму причинённого преступлением вреда. В свою очередь, лицо, с которым заключено досудебное соглашение о возмещении вреда, выплачивает денежные средства государству. Тем самым государство защищает потерпевшего от риска неуплаты причинённого ущерба, берёт на себя обязанность по его взысканию с лица, совершившего преступление.

Резюмируя вышесказанное, мы считаем, что необходимо законодательно закрепить возможность возмещения вреда, причинённого преступлением, с рассрочкой выплаты определёнными частями. По нашему мнению, это будет способствовать увеличению добровольно погашенного имущественного ущерба. Безусловно, данная процедура должна иметь юридическое закрепление. Мы предлагаем предусмотреть возможность заключения соглашения о порядке возмещения вреда, причинённого преступлением, на основе гражданско-правового договора. Это потребует разработки правовых механизмов прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования/приостановления производства по делу/принятия иных процессуальных решений по уголовному делу. Мы видим подобную процедуру в приостановлении производства по делу, в случае полного погашения причинного вреда уголовное дело подлежит прекращению по основанию, предусмотренному ст. 76 УК РФ. В случае несоблюдения соглашения производство по делу возобновляется и осуществляется в общем порядке, что потребует использования альтернативных способов защиты права потерпевшего на возмещение вреда. На наш взгляд, способом обеспечения прав потерпевшего будет являться создание компенсационного фонда на государственном уровне, за счёт которого будет возмещаться вред потерпевшему, который был ему причинён в результате преступления, а виновный в порядке регресса будет возмещать денежные средства государству.

Мы считаем, что необходимо предусмотреть освобождение от уголовной ответственности, уголовного наказания либо использовать иные поощрительные меры для лица, совершившего преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 158 УК РФ, если лицо выполнило все необходимые условия: примирилось с потерпевшим, явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, а также добровольно воз-

местило ущерб, причинённый преступлением, или заключило соглашение с потерпевшим о порядке возмещения ущерба. Использование предложенных рекомендаций будет способствовать увеличению количества добровольно возмещённого вреда, причинённого преступлением, а также обеспечению защиты прав потерпевших, снизит нагрузку на пенитенциарную систему, правоохранные и судебные органы.

1. Состояние преступности в России за январь-март 2025 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». 63 с.
2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». 63 с.
3. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». 63 с.
4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2022 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». 63 с.
5. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». 63 с.
6. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации ФКУ «Главный информационно-аналитический центр». 63 с.
7. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: монография. М.: Городец, 2022. 464 с.
8. Панфилов Г. П. Предоставление компенсаций жертвам преступлений за счёт публичных фондов – благотворительность или имущественная ответственность государства? // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 114-118.
9. Проказин Д. Л. Реабилитация: основания, условия и содержание в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
10. Кузнецов Д. А., Чабукиани О. А. Залог имущества как мера, обеспечивающая возмещение вреда потерпевшему // Социология и право. 2024. Т. 16. № 4. С. 549-559.
11. Воробей С.Н., Чаплыгина В.Н. Соотношение уголовно-процессуального и гражданско-правового регулирования в вопросах возмещения имущественного вреда реабилитированному // Закон и право. 2021. № 4. С. 85-87.

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar`-mart 2025 goda // Ministerstvo vnutrennix del Rossijskoj Federacii FКУ «Glavny`j informacionno-analiticheskij centr». 63 s.
2. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar`-dekabr` 2024 goda // Ministerstvo vnutrennix del Rossijskoj Federacii FКУ «Glavny`j informacionno-analiticheskij centr». 63 s.
3. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar`-dekabr` 2023 goda // Ministerstvo vnutrennix del Rossijskoj Federacii FКУ «Glavny`j informacionno-analiticheskij centr». 63 s.
4. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar`-dekabr` 2022 goda // Ministerstvo vnutrennix del Rossijskoj Federacii FКУ «Glavny`j informacionno-analiticheskij centr». 63 s.
5. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar`-dekabr` 2021 goda // Ministerstvo vnutrennix del Rossijskoj Federacii FКУ «Glavny`j informacionno-analiticheskij centr». 63 s.
6. Sostoyanie prestupnosti v Rossii za yanvar`-dekabr` 2020 goda // Ministerstvo vnutrennix del Rossijskoj Federacii FКУ «Glavny`j informacionno-analiticheskij centr». 63 s.
7. Golovko L.V. Gosudarstvo i ego ugovnoe sudoproizvodstvo: monografiya. M.: Gorodec, 2022. 464 s.

8. Panfilov G. P. Predostavlenie kompensacij zhertvam prestuplenij za schyot publiczny`x fondov – blagotvoritel`nost` ili imushhestvennaya otvetstvennost` gosudarstva? // Evrazijskaya advokatura. 2024. № 4(69). S. 114-118.
9. Prokazin D. L. Reabilitaciya: osnovaniya, usloviya i sodержanie v уголовном sudoproizvodstve: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006.
10. Kuznecov D. A., Chabukiani O. A. Zalog imushhestva kak mera, obespechivayushhaya vozmeshchenie vreda poterpevshemu // Sociologiya i pravo. 2024. T. 16. № 4. S. 549-559.
11. Vorobej S.N., Chaply`gina V.N. Sootnoshenie уголовно-processual`nogo i grazhdansko-pravovogo regulirovaniya v voprosax vozmезheniya imushhestvennogo vreda reabilitirovannomu // Zakon i pravo. 2021. № 4. S. 85-87.

Информация об авторе

Ксения Руслановна Погорелова. Адъюнкт.
Санкт-Петербургский университет МВД России.
198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

Information about the author

Ksenia R. Pogorelova. Adjunct.
Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia.
198206, Russia, Saint Petersburg, Pilyutova Pilot Str., 1.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ

Подчерняев Александр Николаевич

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

aleksmoscow@mail.ru

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ уголовно-правовых проблем квалификации хулиганских побуждений в современном российском праве. Исследуются доктринальные подходы к определению сущности хулиганского мотива, его соотношение со смежными правовыми категориями, проблемы разграничения хулиганства и преступлений, совершённых из хулиганских побуждений. На основе изучения научных концепций, новейшей судебной практики и законодательных новелл выявляются системные затруднения в квалификации хулиганских побуждений. Формулируются предложения по совершенствованию практики применения ст. 213 УК РФ и норм, содержащих хулиганские побуждения в качестве квалифицирующего признака.

Ключевые слова: хулиганские побуждения, уголовно-правовая оценка, общественный порядок, квалификация хулиганства, мотив преступления, судебная практика.

Для цитирования: Подчерняев А. Н. Вопросы уголовно-правовой оценки хулиганских побуждений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 399–405.

ISSUES OF CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF HOOLIGAN MOTIONS

Alexander N. Podchernyaev

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

aleksmoscow@mail.ru

Annotation. This article provides a comprehensive analysis of the criminal law issues surrounding the classification of hooligan motives in contemporary Russian law. It examines doctrinal approaches to defining the essence of hooligan motives, their relationship with related legal categories, and the challenges of distinguishing between hooliganism and crimes committed with hooligan motives. Based on a study of scientific concepts, recent judicial practice, and legislative innovations, it identifies systemic difficulties in the classification of hooligan motives. Proposals are formulated for improving the application of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation and provisions containing hooligan motives as a qualifying feature.

Keywords: hooligan motives, criminal legal assessment, public order, qualification of hooliganism, motive of crime, judicial practice.

For citation: Podchernyaev A. N. Issues of criminal-legal assessment of hooligan motions // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2023. № 4(105). P. 399–405.

Институт уголовно-правовой оценки хулиганских побуждений занимает значительное место в системе норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Согласно данным судебной практики хулиганские побуждения являются мотивом каждого пятого умышленного убийства и почти каждого шестого тяжкого умышленного телесного повреждения. Законодательное закрепление хулиганских побуждений в качестве квалифицирующего признака в ряде составов преступлений против личности (п. «д» ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 167 УК России) свидетельствует о признании повышенной общественной опасности деяний, совершаемых по данному мотиву.

Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся доктринальной неопределённостью в понимании сущности хулиганских побуждений, что порождает существенные сложности в правоприменительной практике. Как верно отмечается в юридической литературе, в теории уголовного права, несмотря на многочисленные реформы статьи о хулиганстве, продолжается полемика, посвящённая определению сущности данного состава, оценке признаков, составляющих хулиганство как преступное деяние [1, с. 12]. Проблема усугубляется частыми изменениями законодательной регламентации хулиганства, а также отсутствием единых подходов к разграничению хулиганства и преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений. Это приводит к нарушению принципа единообразия судебной практики и создаёт условия для судебных ошибок. Кроме того, изучение данной проблемы имеет важное криминологическое значение. Хулиганские побуждения как мотив преступного поведения характеризуют особый тип личности преступника, отличающийся повышенной агрессивностью и пренебрежением к социальным нормам [2, с. 45]. Понимание природы этого мотива необходимо для разработки эффективных мер предупредительного воздействия. Также следует отметить, что изучение названной проблематики характеризуется несомненной теоретической значимостью, обусловленной необходимостью преодоления концептуальных противоречий в понимании хулиганских побуждений. Отсутствие чётких доктринальных ориентиров затрудняет формирование единообразной судебной практики и снижает эффективность уголовно-правового воздействия [3, с. 58]. Практическая важность темы определяется тем, что правильная квалификация хулиганских побуждений напрямую влияет на реализацию принципов законности, справедливости и индивидуализации уголовной ответственности. Ошибки в установлении данного мотива могут привести к неправильной квалификации содеянного и, как следствие, к нарушению прав граждан.

Понятие хулиганских побуждений имеет глубокие исторические корни в российском уголовном праве. Исторический анализ развития уголовной ответственности за хулиганство свидетельствует о постоянном поиске законодателем оптимального баланса между охраной общественного порядка и защитой прав личности [4, с. 27–29]. Доктринальное понимание хулиганских побуждений прошло сложную эволюцию – от отождествления с хулиганством как составом преступления к признанию их самостоятельным уголовно-релевантным мотивом. В современной науке под хулиганскими побуждениями понимается желание грубо нарушить общественный порядок, проявить неуважение к обществу, противопоставить себя ему [5, с. 167]. Однако, как справедливо указывают исследователи, правоприменительная практика показывает неясность самого понимания хулиганского побуждения в науке [2, с. 34].

Историко-правовой анализ позволяет выделить несколько этапов формирования современного понимания хулиганских побуждений. В дореволюционном уголовном праве России отсутствовало чёткое определение хулиганства, хотя отдельные составы преступлений содержали признаки, характерные для современных хулиганских побуждений. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года предусматривало ответственность за «буйство и бесчинство в публичных местах» [6].

Значительная трансформация понятия произошла в советский период. Первые советские уголовные кодексы 1922 и 1926 годов закрепили хулиганство в качестве самостоятельного состава преступления, однако акцент делался прежде всего на нарушении общественного порядка, а не на субъективных побуждениях виновного. Так, в специальной литературе по этому поводу констатируется, что в советской юридической доктрине хулиганские побуждения долгое время рассматривались как второстепенный элемент состава преступления [2, с. 45].

Качественно новый этап в понимании хулиганских побуждений связан с реформой уголовного законодательства 2003 года, когда произошло выделение хулиганских побуждений в качестве самостоятельного квалифицирующего признака ряда преступлений против личности. Это законодательное решение, как справедливо отмечается правоведами, свидетельствует о признании особой социальной опасности хулиганского мотива, который превращает обычное преступление в деяние, направленное против основ общественного порядка [1, с. 67].

В этой связи современная доктринальная дискуссия имеет своим предметом отношение объективных и субъективных признаков хулиганских побуждений. С одной стороны, хулиганские побуждения проявляются в конкретных действиях виновного лица, грубо нарушающих общественный порядок. С другой же стороны, именно субъективная направленность умысла, особое мотивационное содержание поведения отличают хулиганские побуждения от иных антисоциальных мотивов [3, с. 59]. Так, особую сложность представляет проблема разграничения хулиганских побуждений и личной неприязни. Судебная практика демонстрирует, что именно в этой области происходит наибольшее количество ошибок квалификации. Как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, отличие хулиганских побуждений от иных мотивов преступления заключается в том, что они направлены не против конкретного лица, а против общества в целом¹. Ключевая доктринальная проблема заключается в том, что на практике мотивационная сфера преступного поведения часто носит смешанный характер. Личная неприязнь может сочетаться с желанием продемонстрировать пренебрежение к общественным нормам, что создаёт серьёзные трудности при юридической квалификации содеянного. В таких ситуациях важное значение имеет установление доминирующего мотива, который определял поведение виновного во время совершения преступления. Существенную сложность представляет также доказывание субъективной стороны хулиганских побуждений. В отличие от объективных обстоятельств дела, которые могут быть установлены с помощью вещественных доказательств и свидетельских показаний, мотивационная сфера требует глубокого анализа личности преступника, обстоятельств совершения преступления и поведения виновного до, во время и после противоправных действий. С учётом сказанного подчеркнём, что современное понимание хулиганских побуждений требует комплексного подхода, учитывающего как объективные проявления противоправного поведения, так и субъективные мотивы лица, совершившего преступление. Отсутствие чётких критериев разграничения хулиганских побуждений и личной неприязни продолжает оставаться одной из наиболее актуальных проблем уголовно-правовой квалификации.

Таким образом, историко-доктринальный анализ показывает, что формирование современного понимания хулиганских побуждений стало результатом длительного развития уголовно-правовой мысли, в ходе которого произошёл переход от чисто объективного понимания хулиганства к признанию значимости его субъективной составляющей. Однако, как свидетельствует изучение судебной практики, доктринальные достижения

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 // Рос. газ. 2007. 21 нояб. № 260.

далеко не всегда находят адекватное отражение в правоприменительной деятельности, что обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования как законодательной регламентации, так и теоретического осмысления хулиганских побуждений.

Согласно действующей редакции ст. 213 УК РФ хулиганство определяется как грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу¹. Это законодательное определение составляет основу для понимания хулиганских побуждений как мотива преступного поведения. Однако каждый из этих признаков содержит существенные доктринальные проблемы квалификации. Как разъясняет Пленум Верховного Суда РФ, хулиганские действия совершаются либо в присутствии множества лиц, либо тайно, но с результатами, которые неизбежно отражаются в сознании многих лиц². Ключевым объективным признаком является грубое нарушение общественного порядка, которое представляет собой умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения, продиктованное желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним [5, с. 170].

Особую практическую проблему представляет определение критериев «грубости» нарушения общественного порядка. Этот признак является оценочным и зависит от конкретных обстоятельств дела. Как справедливо отмечается в комментариях к ст. 213 УК РФ, признание нарушения общественного порядка «грубым» является вопросом факта, поскольку данный признак оценочный, связан с характером действий виновного лица [5, с. 172]. Для единообразного понимания этого признака Пленум Верховного Суда РФ в упомянутом выше Постановлении от 15.11.2007 № 45 дал судам ряд важных разъяснений. В частности, при решении вопроса о наличии в действиях подсудимого грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, судам следует учитывать способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства.

Проведённый анализ показывает, что суды оценивают «грубость» нарушения по совокупности объективных обстоятельств. Во-первых, по способу, интенсивности и продолжительности. Например, агрессивные, дерзкие действия, их сила и длительность прямо влияют на уголовно-правовую оценку содеянного. Длительное нарушение спокойствия или активное навязывание окружающим своего поведения свидетельствует о грубом нарушении. Во-вторых, по времени и месту совершения. Так, действия в общественных местах или в ночное время, причиняющие беспокойство многим людям, рассматриваются как более грубые. Поведение на транспорте общего пользования выделено в отдельный квалифицирующий признак. В-третьих, по критерию публичности и явного неуважения к обществу. В данном случае ключевым признаком выступает умышленное противопоставление себя обществу, демонстрация пренебрежения к социальным нормам. Уголовно-правовая оценка содеянного в данном случае должна строиться на объективных проявлениях, а не на внутренних убеждениях виновного.

При этом такая интерпретация грубого нарушения общественного порядка порождает ряд правоприменительных сложностей. Отсутствие исчерпывающего перечня признаков «грубости» приводит к затруднениям в правоприменении и может проявиться в виде определённого риска субъективной оценки. Такая проблема может привести к тому, что суды будут вынуждены самостоятельно оценивать совокупность обстоятельств, что может привести к разной квалификации сходных действий в разных реги-

¹ Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 // Рос. газ. 2007. 21 нояб. № 260.

онах или даже разными судьями одного суда. Также обращает на себя внимание очевидная проблема разграничения соответствующего преступного деяния с административными правонарушениями. В этой связи суды должны тщательно анализировать, выходит ли нарушение за рамки мелкого хулиганства, подлежащего административной ответственности. Разумеется, отсутствие чёткого «барьера» между рассматриваемыми деяниями существенно осложняет поставленную задачу.

Таким образом, оценочный характер признака «грубости» нарушения общественного порядка требует от правоприменителя тщательного и всестороннего анализа всех обстоятельств дела в их совокупности. Несмотря на имеющиеся разъяснения высшей судебной инстанции, достижение единообразия в квалификации хулиганства продолжает оставаться актуальной практической проблемой.

Помимо оценки «грубости» нарушения общественного порядка, уголовно-правовой анализ хулиганских побуждений включает несколько других ключевых аспектов, которые напрямую влияют на квалификацию преступления. Эти аспекты помогают отграничить хулиганство от других правонарушений и правильно определить состав преступления. Как показывает проведённый анализ, современная следственно-судебная практика ориентируется на ряд критериев для комплексной оценки деяния, совершённого из хулиганских побуждений.

Основным подобным критерием является отсутствие повода или использование виновным незначительного повода. В прикладном аспекте это означает, что поводом к конфликту не может считаться противоправное поведение самого потерпевшего. Если зачинщиком ссоры или драки был потерпевший либо его поведение носило противоправный характер, лицо не подлежит ответственности за преступление из хулиганских побуждений. Так, убийство, совершённое без видимого повода или с использованием незначительного повода как предлога, квалифицируется как совершённое из хулиганских побуждений, так как мотивом выступает не личная обида, а желание противопоставить себя обществу.

Другим критерием, по нашему мнению, является направленность умысла против общества, а не конкретного лица. Принципиальное отличие хулиганских побуждений от, например, личной неприязни заключается именно в направленности умысла виновного. При наличии хулиганского мотива действия виновного направлены, как отмечалось, не против конкретного человека, а против общества в целом. Это своеобразный вызов, брошенный в целом общественному порядку, желание виновного лица продемонстрировать пренебрежение к общепринятым нормам морали и окружающим. При личной же неприязни конфликт возникает на почве личных отношений и его цели ограничены рамками этих отношений. Действия, вызванные личной неприязнью и не содержащие явного неуважения к обществу, не должны квалифицироваться как хулиганство.

Другой важной проблемой является разграничение собственно хулиганства (ст. 213 УК РФ) и иных преступлений, совершённых из хулиганских побуждений (например, п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ – «убийство из хулиганских побуждений»). Представляется, что, если в деянии содержатся все признаки хулиганства (грубое нарушение общественного порядка, явное неуважение к обществу, применение насилия и т. д.), но вред жизни, здоровью или имуществу не причинён, содеянное квалифицируется только по ст. 213 УК РФ. Аналогично следует квалифицировать также случаи применения животных в качестве орудия при совершении хулиганских действий [7, с. 55]. Однако, если в процессе хулиганства виновный умышленно причиняет средней тяжести или тяжкий вред здоровью либо совершает убийство, его действия квалифицируются по совокупности преступлений – по ст. 213 УК РФ и соответствующей статье о преступлении против жизни и здоровья (например, п. «д» ч. 2 ст. 112, п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Подобный подход связан с тем, что объективная сторона хулиганства не охватывает собой причинение тяжкого вреда здоровью или смерти [8, с. 117–118].

Подвергая хулиганский мотив научному теоретическому осмыслению, исследователь должен помнить также, что действующий российский уголовный закон содержит ряд статей, где хулиганские побуждения являются либо обязательным признаком состава, либо квалифицирующим признаком, ужесточающим наказание. Например, ст. 116 УК РФ («Побои»), ст. 245 УК РФ («Жестокое обращение с животными») содержат хулиганские побуждения в качестве обязательного признака субъективной стороны состава. Для наличия состава преступления необходимо установить именно хулиганский мотив. Примером учёта хулиганского мотива в качестве квалифицирующего признака являются составы преступлений, предусмотренные п. «и» ч. 2 ст. 105 УК РФ («убийство из хулиганских побуждений»), п. «д» ч. 2 ст. 111 УК РФ («умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное из хулиганских побуждений»). Наличие хулиганского мотива в таких случаях указывает на повышенную общественную опасность и влечёт более строгую санкцию.

На практике часто возникает ситуация, когда преступление совершается под влиянием нескольких мотивов, например: хулиганских побуждений и политической ненависти (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ). В доктрине уголовного права это вызывает споры, так как традиционно хулиганский мотив считается доминирующим. Однако законодатель выделил экстремистские мотивы в отдельный признак, что создаёт сложности для правоприменения и требует от суда тщательного выявления доминирующего побуждения виновного.

Проведённое исследование демонстрирует наличие фундаментальных методологических проблем в уголовно-правовом осмыслении природы хулиганских побуждений. Доктринальная неопределённость в понимании сущности данного уголовно-релевантного мотива создаёт серьёзные теоретические преграды для формирования единообразного подхода к его квалификации. Отсутствие чётких концептуальных ориентиров в определении содержания хулиганских побуждений закономерно порождает множественность научных трактовок и создаёт почву для непрекращающихся дискуссий в уголовно-правовой доктрине. Не менее значимой проблемой представляется недостаточная теоретическая разработанность критериев разграничения хулиганства как самостоятельного состава преступления и преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений. Сложность проведения такой дифференциации обусловлена многогранностью проявлений хулиганского мотива в различных составах преступлений, что требует глубокого и всестороннего изучения его юридической природы. Теоретическая значимость исследования хулиганских побуждений обусловлена их особым местом в системе уголовного права. Как мотив, характеризующий повышенную общественную опасность деяния, хулиганские побуждения заслуживают пристального внимания со стороны уголовно-правовой науки. Их комплексное изучение способно внести существенный вклад в развитие учений о субъективной стороне преступления и вине, а также обогатить теоретические представления о природе антисоциального поведения. Актуальность дальнейшего научного осмысления хулиганских побуждений подтверждается сохраняющейся потребностью в выработке единых доктринальных подходов к их пониманию и квалификации. Многолетняя дискуссия в юридической литературе относительно сущности и содержания данного мотива свидетельствует о его сложной правовой природе, требующей дополнительного теоретического анализа и концептуального осмысления.

1. Косарев И. И. Хулиганство и хулиганские побуждения как уголовно-правовой феномен: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 169 с.
2. Еркубаева А. Ю. Преступления, совершаемые из хулиганских побуждений, и их предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 182 с.
3. Скрипченко Н. Ю. Ориентиры в уголовно-правовой оценке действий, образующих насильственное и вооруженное хулиганство, нуждаются в корректировке // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78, № 4(221). С. 52-62.

4. Иванов Н. Г., Косарев И.И. Хулиганство и хулиганские побуждения как уголовно-правовой феномен : Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 119 с.
 5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2024. 896 с.
 6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. XX. Отд. 1. СПб., 1846.
 7. Плешаков А. М. Использование животных при хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3(98). С. 55-59.
 8. Абаев Д. Г. Проблема квалификации убийств, совершенных из хулиганских побуждений // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2016. № 5(119). С. 116-119.
-
1. Kosarev I. I. Xuliganstvo i xuliganskie pobuzhdeniya kak ugovolno-pravovoj fenomen: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2012. 169 s.
 2. Erkubaeva A. Yu. Prestupleniya, sovershaemy`e ix xuliganskix pobuzhdenij, i ix preduprezhdenie: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2015. 182 s.
 3. Skripchenko N. Yu. Orientiry` v ugovolno-pravovoj ocenke dejstvij, obrazuyushhix nasil`stvennoe i vooruzhennoe xuliganstvo, nuzhdayutsya v korrektyrovke // Lex Russica (Russkij zakon). 2025. T. 78, № 4(221). S. 52-62.
 4. Ivanov N. G., Kosarev I.I. Xuliganstvo i xuliganskie pobuzhdeniya kak ugovolno-pravovoj fenomen : Monografiya. M.: YuNITI-DANA, 2017. 119 s.
 5. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejny`j) / отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2024. 896 с.
 6. Ulozhenie o nakazaniyax ugovolny`x i ispravitel`ny`x 1845 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. T. XX. Otd. 1. SPb., 1846.
 7. Pleshakov A. M. Ispol`zovanie zhivotny`x pri xuliganstve i iny`x prestupleniyax, sovershenny`x iz xuliganskix pobuzhdenij // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2022. № 3(98). S. 55-59.
 8. Abaev D. G. Problema kvalifikacii ubijstv, sovershenny`x iz xuliganskix pobuzhdenij // Zhurnal nauchny`x publikacij aspirantov i doktorantov. 2016. № 5(119). S. 116-119.

Информация об авторе

Александр Николаевич Подчерняев. Начальник кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Alexander N. Pjdchernyaev. Chief of the chair of Criminal Law and Criminology.
Candidate of Law, Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.1

ДИСТАНЦИОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЁННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Полякова Анна Викторовна¹, Залива Анна Сергеевна²

¹Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

²Московский областной филиал Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя, Старотеряево, Россия

¹anna.lagutina.94@mail.ru

²anna7989@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы и пути их решения в процессе расследования дистанционных мошенничеств, которые в силу развития информационно-телекоммуникационных технологий в нашей стране приобрели особую распространённость. Ущерб от данного вида преступлений исчисляется миллионами рублей, их раскрываемость достаточно низкая, в связи с чем в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство требуется внесение изменений по расширению возможностей правоохранительных органов по раскрытию и расследованию указанного вида преступлений. Одной из положительных тенденций в данном направлении можно считать введение в УПК РФ новой статьи 115.2. «Приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесёнными в качестве аванса за услуги связи».

Ключевые слова: дистанционное мошенничество, IT-преступления, мошенничество, преступления в сети Интернет, цифровизация, иные меры уголовно-процессуального-принуждения, банковские операции, арест на имущество.

Для цитирования: Полякова А. В., Залива А. С. Дистанционное мошенничество как разновидность преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 406–413.

REMOTE FRAUD AS A TYPE OF CRIME COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Anna V. Polyakova¹, Anna S. Zaliva²

¹Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

²The Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the
Ministry of Interior of Russia, Staroteryaev, Russia

¹anna.lagutina.94@mail.ru

²anna7989@list.ru

Annotation. The article discusses current problems and ways to solve them in the process of investigating remote frauds, which have become particularly widespread due to the development of information and telecommunication technologies in our country. The damage caused by this type of crime amounts to millions of rubles, and the detection rate is quite low, which requires changes to the criminal and criminal procedure legislation to expand the

capabilities of law enforcement agencies to detect and investigate this type of crime. One of the positive trends in this area is the introduction of a new article 115.2 in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: «Suspension of transactions involving cash, electronic cash, and cash paid as an advance for communication services».

Keywords: remote fraud, IT crimes, fraud, Internet crimes, digitalization, other measures of criminal procedural coercion, banking operations, property seizure, investigator, interrogator.

For citation: Polyakova A. V., Zaliva A. S. Remote fraud as a type of crime committed using information and telecommunication technologies // Scientific Bulletin of the Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4(105). P. 406–413.

В настоящее время происходит стремительное развитие современных технологий, а именно информационных и телекоммуникационных, которые оказывают как положительное влияние на развитие общества, так и отрицательное. Преступность в современной России также претерпевает определённые изменения, не так распространены становятся карманные кражи, квартирные кражи, грабежи и разбои. Связано это с тем, что современные технологии позволяют злоумышленникам совершать преступления так называемым «дистанционным» способом, который в разы упрощает доступ к денежным средствам граждан, в том числе увеличивая ущерб от совершённых преступлений. В связи с чем достаточно актуальной выступает проблема выявления, раскрытия и расследования преступлений, осуществляемых с применением компьютерных и телекоммуникационных технологий.

Так, согласно статистическим данным в январе-августе 2025 года зарегистрировано 473,4 тыс. преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 5,4 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес уменьшился с 39,2 % в январе-августе 2024 года до 38,8 %. Несмотря на незначительное снижение преступности в сфере IT-технологий, проблема их предупреждения и пресечения на ранних этапах предварительного расследования всё также остаётся актуальной¹.

На очередном заседании коллегии МВД России, посвящённом противодействию IT-преступности, В. А. Колокольцев обратил внимание на важность раскрытия и расследования данного вида преступлений, а также отметил, что структура IT-преступлений постоянно меняется, появляются новые способы совершения таких посягательств. В криминальные схемы обналаживания дистанционно похищаемых денежных средств через счета третьих лиц вовлечено большое количество людей, включая молодёжь².

Сегодня в Российской Федерации деяния дистанционных мошенников подпадают под действие ст. 159. В 2012 году ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», разграничил ответственность за противоправные действия в зависимости от той или иной области действия (ст. 159.1–159.6 УК РФ)³.

¹ Официальный сайт Министерства внутренних дел Рос. Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.rf> (дата обращения 25.09.2025).

² Владимир Колокольцев провёл заседание коллегии МВД России, посвящённое противодействию IT-преступности. МВД МЕДИА. Новости. Официально. 4 июня 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/> (дата обращения 13.09.2025 г.)

³ Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С целью правильного разграничения мошенничества и дистанционного мошенничества необходимо дать определение данным понятиям.

Согласно ст. 159 УК РФ мошенничество – это хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путём обмана или злоупотребления доверием. Понятия «дистанционного мошенничества» в уголовном законодательстве не закреплено, так как оно является одним из способов совершения мошенничества. Тем не менее на основе анализа судебно-следственной практики некоторые учёные-процессуалисты высказали своё мнение о том, что оно представляет собой. Так, по мнению В. И. Лустина, «дистанционным мошенничеством является вид мошенничества, осуществляемого преступником дистанционно, по большей части используя телефонные либо компьютерные сети, через которые он путём обмана воздействует на потерпевшего и убеждает его передать своё имущество удалённым способом» [1, с. 68]. По мнению Г. В. Романовой, «дистанционное мошенничество – преступление, в котором преступник путём обмана просит жертву перечислить денежные средства на счёт заранее приобретённой карты, оформленной на третье лицо. При этом злоумышленник использует программное обеспечение, предусматривающее анонимизацию и шифрование» [2, с. 63]. Р. В. Кудрявцев считает, что «дистанционное мошенничество представляет собой вид мошенничества, при котором виновный, чаще всего используя компьютерные и телефонные сети, воздействует на сознание потерпевшего путём обмана, склоняет к передаче имущества удалённым образом» [3, с. 218].

По нашему мнению, дистанционное мошенничество можно охарактеризовать как разновидность мошенничества, совершённого посредством информационно-телекоммуникационных технологий автоматизированным способом, без прямого либо физического контакта с потерпевшим (удалённо), с целью хищения его имущества.

Преимущество совершения мошенничества дистанционным способом характеризуется особым способом совершения преступления, при котором преступник и его жертва не контактируют лично. Участники преступления изначально не знакомы и не имеют возможности оценить друг друга визуально или эмоционально. Отсюда можно выделить специфику взаимодействия и особенности коммуникации: отсутствие визуального контакта; невозможность оценки личности преступника; ограниченность информационного обмена; психологическое воздействие через вербальный канал. Психологическими аспектами воздействия на жертву выступают: создание стрессовой ситуации, манипуляция сознанием, формирование ложного доверия, постановка в ситуацию вынужденного подчинения [4, с. 824].

Приведём примеры дистанционного мошенничества из следственной практики. 20 мая 2025 года неустановленное лицо, используя абонентский номер +79393683941 и представившись сотрудником мобильного оператора «Теле 2», под предлогом продления договора оказания услуг связи убедил М. М. Шевченко сообщить код из СМС. Затем М. М. Шевченко позвонил по номеру телефона +74955329341, якобы чтобы спасти его персональные данные от утечки. Затем, используя абонентский номер +7 915 832 66 79, неустановленное лицо представилось сотрудником Центрального банка и сказало, что с ним свяжется менеджер в приложении «Телеграмм» и нужно будет следовать его указаниям. Затем в мессенджере «Телеграмм» с М. М. Шевченко связался менеджер с ником «Полина Викторовна Суворова», которая, имея умысел, направленный на хищение денежных средств, путём обмана, под предлогом оформления обновления финансового счёта убедило М. М. Шевченко перевести денежные средства на общую сумму 149 000 рублей по номеру телефона +7 901 554 89 97, получатель – Сергей Андреевич Д., банк получателя – Т-Банк.

Также в качестве примера можно рассмотреть следующее: 5 августа 2025 года неустановленное лицо, используя абонентский номер и представившись сотрудником цветочного магазина, убедило О. О. Раевскую сообщить код из СМС для получения до-

ставки цветов, после чего на абонентский номер О. О. Раевской позвонило другое неустановленное лицо, сообщив о том, что она передала код мошенникам и теперь её данные с портала «Госуслуг» взломаны, а потом предложило связаться со специалистом службы безопасности по номеру телефона. После того как О. О. Раевская связалась с данным абонентом, её перевели на менеджера по работе с клиентами – Илью. Затем неустановленное лицо в ходе разговора с О. О. Раевской по видеосвязи сообщило ей о том, что её данные попали в руки третьих лиц и ей необходимо перевести денежные средства с её кредитных карт её знакомым, так как их могут снять третьи лица. Затем О. О. Раевская перевела денежные средства со своей кредитной карты ПАО «Сбербанк» на банковскую карту своей подруги в сумме 225 000 рублей, а затем со своей кредитной карты АО «Альфабанк» перевела денежные средства в сумме 140 000 рублей другой своей подруге. В моменты перевода О. О. Раевская разговаривала по видеосвязи с неустановленным лицом и включённой трансляцией экрана, а неустановленные лица, имея доступ к её аккаунту в мессенджере «Whats App», убедили её подруг перевести денежные средства на неустановленные счета, якобы от имени О. О. Раевской, тем самым похитив денежные средства последней на общую сумму 365 000 рублей¹.

Ежегодно обсуждаются вопросы совершенствования борьбы с дистанционным мошенничеством: освещение в СМИ, создание различных буклетов и памяток, проведение разъяснительной работы с гражданами сотрудниками полиции. Также мобильные операторы и сотовые компании устанавливают блокировку звонков с неизвестных номеров, для того чтобы предостеречь граждан от попадания на «уловки» мошенников. Указанные мероприятия имеют свою положительную динамику, однако этого не всегда достаточно в связи с тем, что наиболее действенной мерой будет являться внесение соответствующих изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство.

Как мы уже обозначили в статистических данных, раскрываемость такого рода преступлений достаточно низкая, а ущерб, причинённый указанными преступлениями, очень высок. Денежные средства перечисляются на банковские счета (карты), в дальнейшем обналичиваются преступником, в связи с чем правоохранительным органам не удаётся найти лиц, совершивших преступление, а также не удаётся возместить потерпевшему причинённый преступлением ущерб.

Одним из основных нерешённых проблемных вопросов долгое время оставался вопрос приостановления банковских операций с денежными средствами, которые были похищены у потерпевшего в результате совершения дистанционного мошенничества.

В связи с чем с 1 сентября 2025 года в российском уголовно-процессуальном законодательстве начал действовать принципиально новый порядок блокировки банковских счетов и электронных денежных средств подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам. Федеральный закон от 31.07.2025 № 278-ФЗ внёс в Уголовно-процессуальный кодекс РФ новую ст. 115.2, которая кардинально изменила механизм финансового принуждения в уголовном процессе².

Это новая мера уголовно-процессуального принуждения, которая должна помочь правоохранительным органам своевременно установить движение денежных средств по банковским счетам и приостановить их дальнейшее снятие и реализацию преступником в свою пользу. Учитывая, что основными средствами совершения дистанционных мошенничеств выступают банковские счета (карты) потерпевших, а также банковские счета (карты) мошенников, то именно приостановление операций

¹ Материалы следственной практики ОМВД России по Орловскому району. 2025г.

² О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2025 г. № 278-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

по банковским счетам (картам) позволит вывести денежные средства потерпевшего из рук злоумышленника.

Ранее у органов предварительного расследования единственным возможным способом приостановления банковских операций по банковским счетам выступало наложение ареста на имущество, осуществление которого предусматривает достаточно большой перечень процессуальных действий и реализовать которые в достаточно короткий срок следователю или дознавателю не представляется возможным, то введение в УПК РФ статьи по временному приостановлению банковских операций с активами без обращения в судебные органы за соответствующей санкцией существенно сократит временной промежуток между совершённым преступлением и его фактическим пресечением.

Теперь в ходе осуществления досудебного производства по уголовному делу следователь либо же дознаватель с согласия руководителя следственного органа либо же дознаватель с согласия прокурора сможет осуществить приостановление на 10 суток операций с денежными средствами, электронными денежными средствами и денежными средствами, внесёнными в качестве аванса за услуги связи.

Приостановление операций подразумевает под собой прекращение каких-либо расходных операций на банковском счёте, депозите, вкладе; запрете списания денежных средств и снятия наличных денежных средств, а также закрытии счета, в том числе с выдачей наличных денежных средств с применением платёжных терминалов или банкоматов, операций по уменьшению остатка электронных денежных средств и по возврату внесённых в качестве аванса за услуги связи денежных средств [5, с. 76].

Приостановление осуществляется в пределах денежных средств по банковскому счету либо вкладу, на который они были зачислены или внесены в качестве аванса за услуги связи.

Важной особенностью указанных действий должен являться факт установления наличия достаточных оснований полагать, что денежные средства получены (переданы) преступным путём, не предусматривающих их изъятие и передачу на хранение.

Постановление о приостановлении операций подлежит незамедлительному исполнению оператором по переводу денежных средств, оператором электронных денежных средств, оператором подвижной радиотелефонной связи. Не позднее 48 часов до истечения срока приостановления операций и при наличии к тому оснований следователь (дознаватель) ходатайствует перед судом о наложении ареста на денежные средства. Однако указанная статья, а именно её диспозиция, вызывает ряд закономерных вопросов. Прежде всего, не совсем понятно основание для совершения указанных действий, а именно: «наличие достаточных оснований полагать, что банковские счета, электронные денежные средства, денежные средства, внесённые в качестве аванса за услуги связи, использовались при совершении преступления». Основная проблема в судебно-следственной практике будет заключаться в том, что указанное таким образом основание предоставит правоприменителю достаточно широкие дискреционные полномочия. В отдельных случаях это может привести к спорам между участниками процесса о достаточности либо же недостаточности в деле оснований на применение рассматриваемой меры процессуального принуждения. Также при отсутствии в статье чётких ограничений применения по каким-либо составам преступлений и субъектам может повлечь за собой злоупотребление при применении следователями приостановления операций с деньгами. В том числе в статье не предусмотрено действенных мер для своевременной защиты добропорядочных граждан, чьи операции могут быть приостановлены по ошибке. Безусловно, огромный плюсом выступает согласование указанных постановлений с руководителем следственного органа или прокурором, но, как показывает практика, «в отсутствие персональной ответственности за причинённые

убытки от неосторожных ошибок или сознательных злоупотреблений эти согласования такой защитой назвать сложно».

Ещё одной немаловажной проблемой является то, что в законе одним из оснований указано наличие возбуждённого уголовного дела. Однако на практике очень часто происходит так, что по заявлениям о мошенничестве не всегда уголовные дела возбуждаются сразу. Материал проверки может рассматриваться не только следователями, дознавателями, но и участковым. До этого момента проходит достаточно много времени, в связи с чем похищенные денежные средства уже могут быть списаны со счетов мошенниками, а сами счета могут быть закрыты.

Отсюда следует, что введение ст. 115.2 в УПК РФ – важный шаг на пути борьбы с преступлениями, совершёнными с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Несмотря на имеющиеся в ней правовые вопросы, необходимо отследить практику её применения правоохранительными органами с целью внесения в данную статью корректировок и поправок для более успешного её применения [6, с. 268].

Также следует отметить, что одним из положительных аспектов борьбы с дистанционными мошенничествами выступает внедрение в следственные подразделения информационно-поисковой системы «Дистанционное мошенничество», позволяющей аккумулировать данные, с помощью которых было совершено преступление, а именно: номер расчётного счета, номер банковской карты, номера мобильных телефонов, с которых осуществлялись звонки потерпевшим [7, с. 75]. Программа предназначена для систематизации информации по уголовным делам путём ввода, обработки и хранения информации, что позволит при совпадении одного или нескольких реквизитов передавать группу таких дел в производство одному сотруднику или СОГ. Программа помогает в формировании версий и визуализации предполагаемого места совершения преступления [8, с. 229].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: совершение такого вида преступлений, как дистанционное мошенничество, не теряет своей актуальности. Мошенники реализуют различные способы доступа к денежным средствам граждан, отличающиеся своей сложностью [9, с. 127]. Российское законодательство также реализует все возможные меры на борьбу с указанными видами преступлений. Одной из положительных тенденций в данном направлении выступает введение ст. 115.2. «Приостановление операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, денежными средствами, внесёнными в качестве аванса за услуги связи» в УПК РФ. Указанная норма направлена на борьбу с преступлениями, связанными с совершением мошеннических действий. Новый закон даёт следователям больше возможностей для успешного расследования данного вида преступлений, но одновременно повышает риски для обычных граждан. Важно, чтобы предоставленные законодателем полномочия использовались правоприменителями разумно и справедливо. Требуется выработка чёткой правоприменительной практики, исключающей злоупотребления и нарушения прав добросовестных граждан.

1. Лустин В.И. Дистанционные мошенничества. Закон и власть. 2023. № 5. С. 67-74
2. Романова Г. В., Романов В. И. Проблемы расследования мошенничеств, совершенных дистанционным способом // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики : Материалы XXI Международной научно-практической конференции, Тольятти, 17-18 апреля 2025 года. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева (институт), 2025. С. 61-64.
3. Кудрявцев Р. В. Организация деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 218-221.

4. Халмуратов Г. В. Дефиниция и характерные признаки дистанционного мошенничества // Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре : сборник материалов X международного молодежного форума, Белгород, 27 мая 2022 года. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. С. 822-825.
5. Жук О. Д. О приостановлении операций с денежными средствами, электронными денежными средствами, авансовыми платежами в ходе досудебного производства по уголовному делу // Законодательство. 2025. № 7. С. 72-77.
6. Головчанский А. В. Анагенез механизма совершения дистанционных мошенничеств в условиях противодействия подменной коммуникации // Вестник Воронежского института МВД России. № 4. 2024. С. 261-269.
7. Потетин В. А., Антонова Д. В. Дистанционное мошенничество: проблемные вопросы, возникающие при осуществлении предварительного расследования // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 3. С. 68-73.
8. Кирилук М. А. Портал государственных услуг Российской Федерации как платформа для дистанционных мошенничеств с использованием метода социальной инженерии // Таможенные чтения - 2023: Новые реалии внешнеэкономической деятельности: взгляд таможни, бизнеса и науки : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 21-23 ноября 2023 года. СПб: Российская таможенная академия, 2023. С. 226-229.
9. Рудов Д. Н., Чаплыгина В. Н. Электронные средства платежа как объект мошенничества // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Сборник научных статей. Орёл, 2023. С. 125-132.

1. Lustin V.I. Distancionny`e moshennichestva. Zakon i vlast`. 2023. № 5. S. 67-74
2. Romanova G. V., Romanov V. I. Problemy` rassledovaniya moshennichestv, sovershenny`x distancionny`m sposobom // Tatishhevskie chteniya: aktual`ny`e problemy` nauki i praktiki : Materialy` XXI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Tol`yatti, 17-18 aprelya 2025 goda. Tol`yatti: Volzhskij universitet imeni V.N. Tatishheva (institut), 2025. S. 61-64.
3. Kudryavcev R. V. Organizaciya deyatel`nosti po raskry`tiyu distancionny`x moshennichestv // Molodoj ucheny`j. 2019. № 24 (262). S. 218-221.
4. Xalmuratov G. V. Definiiciya i xarakterny`e priznaki distancionnogo moshennichestva // Nravstvenny`e imperativy` v prave, obrazovanii, nauke i kul`ture : sbornik materialov X mezhdunarodnogo molodezhnogo foruma, Belgorod, 27 maya 2022 goda. Belgorod: Belgorodskij gosudarstvenny`j nacional`ny`j issledovatel`skij universitet, 2022. S. 822-825.
5. Zhuk O. D. O priostanovlenii operacij s denezhny`mi sredstvami, e`lektronny`mi denezhny`mi sredstvami, avansovy`mi platezhami v xode dosudebnogo proizvodstva po ugovnomu delu // Zakonodatel`stvo. 2025. № 7. S. 72-77.
6. Golovchanskij A. V. Anagenez mexanizma soversheniya distancionny`x moshennichestv v usloviyax protivodejstviya podmennoj kommunikacii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. № 4. 2024. S. 261-269.
7. Potetinov V. A., Antonova D. V. Distancionnoe moshennichestvo: problemny`e voprosy`, vznikayushhie pri osushhestvlenii predvaritel`nogo rassledovaniya // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2023. № 3. S. 68-73.
8. Kirilyuk M. A. Portal gosudarstvenny`x uslug Rossijskoj Federacii kak platforma dlya distancionny`x moshennichestv s ispol`zovaniem metoda social`noj inzhenerii // Tamozhenny`e chteniya - 2023: Novy`e realii vneshnee`konomicheskoy deyatel`nosti: vzglyad tamozhni, biznesa i nauki : Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-

prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 21–23 noyabrya 2023 goda. SPb: Rossijskaya tamozhennaya akademiya, 2023. S. 226-229.

9. Rudov D. N., Chaply`gina V. N. E`lektronny`e sredstva platezha kak ob`ekt moshennichestva // Ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie problemy` bor`by` s prestupnost`yu. Sbornik nauchny`x statej. Oryol, 2023. S. 125-132.

Информация об авторах

Анна Викторовна Полякова. Преподаватель кафедры специальной подготовки, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Анна Сергеевна Залива. Преподаватель кафедры организации деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения.

Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

143100, Россия, Московская область, Рузский м.о., п. Старотеряево, тер. МОФ МосУ имени В. Я. Кикотя, 1.

Information about the authors

Anna V. Polyakova. Lecturer at the Department of Special Training. Candidate of Legal Sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Oryol, Ignatova Str., 2.

Anna S. Zaliva. Lecturer, Department of Organization of Road Safety Units.

The Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

143100, Russia, Moskovskaya oblast`, Ruzsky M.O., village of Staroteryaev, ter. MOF MosU named after V.Ya. Kikot, 1.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.9

НЕПОСРЕДСТВЕННОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ МОЛОДЁЖИ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОРГАНИЗАЦИЯХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ

Русина Татьяна Сергеевна

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

tanty92@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются механизмы вовлечения молодёжи в экстремистскую и террористическую деятельность через образовательные, общественные и иные институты. Особое внимание уделено психологическим и мотивационным аспектам вербовочной деятельности, в том числе корыстным, идеологическим и социальным мотивам экстремистов. Рассмотренный алгоритм вовлечения (поиск потенциальной жертвы, установление доверия, выбор способа воздействия, действия направленные на вовлечение и закрепление вовлечения) позволяет систематизировать процесс вербовки, выявлять уязвимые группы и определять ключевые точки вмешательства. Полученные выводы представляют интерес для научного сообщества и практиков, способствуя разработке комплексных мер противодействия и повышения устойчивости молодёжи к экстремистскому влиянию.

Ключевые слова: экстремистская деятельность, террористическая деятельность, экстремистская идеология, механизмы вовлечения, преступления экстремисткой направленности, молодёжь, вовлечение.

Для цитирования: Русина Т. С. Непосредственное вовлечение молодёжи в экстремистскую и террористическую деятельность в организациях и учреждениях // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 414–421.

DIRECT INVOLVEMENT OF YOUTH IN EXTREMIST AND TERRORIST ACTIVITIES IN ORGANIZATIONS AND INSTITUTIONS

Tatyana S. Rusina

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

tanty92@yandex.ru

Annotation. The article analyzes the mechanisms of youth involvement in extremist and terrorist activities through educational, public and other institutions. Particular attention is paid to the psychological and motivational aspects of recruitment activities, including selfish, ideological and social motives of extremists. The considered algorithm of involvement (search for a potential victim, establishment of trust, choice of the method of influence, actions not aimed at involvement and consolidation of involvement) allows to systematize the recruitment process, identify vulnerable groups and determine key points of intervention. The findings are of interest to the scientific community and practitioners, contributing to the development of comprehensive countermeasures and increasing the resilience of young people to extremist influence.

Keywords: extremist activities, terrorist activities, extremist ideology, mechanisms of involvement, extremist crimes, young people, and involvement.

For citation: Rusina T. S. Direct involvement of young people in extremist and terrorist activities in organizations and institutions // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 414–421.

Современное общество сталкивается с различными угрозами, среди которых особое место занимает вовлечение молодёжи в экстремистскую и террористическую деятельность. Как подчёркивает Президент Российской Федерации В. В. Путин, «необходимо противодействовать попыткам навязать нашим гражданам – особенно молодёжи – установки, разрушающие наши ценности, ... жёстко отвечать на вызовы, провоцирующие межэтнические и межрелигиозные конфликты»¹.

Вовлечение молодёжи в экстремистскую и террористическую деятельность в зависимости от форм общения может осуществляться как при помощи непосредственного контакта, то есть при помощи личного общения между экстремистом-вовлекателем и потенциальной жертвой (личные встречи, неформальное общение в доверительной обстановке), так и при помощи опосредованного взаимодействия, то есть через социальные сети, листовки, музыку, изображения и т. д.

Рассмотрим непосредственное взаимодействие, поскольку оно позволяет вербовщикам устанавливать более прочные доверительные отношения и оказывать психологическое воздействие на потенциальную жертву вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность.

Однако прежде чем перейти к анализу непосредственного вовлечения молодёжи в экстремистскую и террористическую деятельность в организациях и учреждениях, представляется методологически оправданным изучение способов вовлечения молодёжи. Так, экстремистская и террористическая деятельность предполагает исследование мотивационной сферы экстремистов-вовлекателей с учётом влияния внешней среды, поскольку «мотивация – феномен многогранный, имеющий специфические особенности в различных сферах социальной практики, в том числе и в сфере преступного поведения» [1, с. 25]. Криминологи приходят к выводу о том, что «мотивация включает в себя все виды побуждений: мотивы, интересы, потребности, стремления, влечения, цели, мотивационные установки, идеалы и т. п.» [2, с. 53].

Для перехода потребностей и интересов личности в конкретные действия требуется внешнее стимулирующее воздействие. Именно это формирует мотив – внутреннее побуждение, которое служит причиной определённых поступков и активной деятельности. Роль мотива могут выполнять различные психологические факторы: актуальные желания, потребности, эмоции или интересы. Однако сами по себе эти элементы остаются на уровне субъективных переживаний и не способны автоматически запустить деятельность. Только под влиянием внешних условий они трансформируются в действительные мотивы, побуждающие человека к активным шагам [3, с. 110].

В юридической психологии мотивы противоправных действий не возникают спонтанно – их формированию предшествуют сложные психические процессы. Фундаментом мотивационной структуры личности выступают базовые потребности индивида, которые в психологической науке рассматриваются в качестве «двигателя» личности.

С точки зрения права, потребности представляют собой осознанную или неосознанную нужду в чём-либо, необходимую для нормального функционирования индивида или социальной группы. Именно потребности, трансформируясь в мотивы, инте-

¹ Заседание Совета Безопасности Российской Федерации 10 июня 2025 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/security-council/77160> (дата обращения: 10.11.2025)

ресы, ценностные установки и поведенческие стратегии, определяют вектор деятельности человека.

Примечательно, что идентичная потребность (например, стремление к материальному благополучию) может реализовываться как в правовом поле (через предпринимательскую деятельность, карьерный рост), так и посредством противоправных действий (экстремистская и террористическая деятельность). Этот дуализм подчёркивает важность изучения мотивационной сферы в криминологии и судебной практике [2, с. 56]. Однако ограничивать корыстные мотивы только материальными аспектами было бы упрощением. Речь идёт о гораздо более широком спектре выгод, которые экстремисты-вовлекатели получают от своей деятельности.

Например, корыстные мотивы могут включать в себя получение власти и влияния. Для некоторых вовлечение молодёжи в экстремистскую и террористическую деятельность – это путь к укреплению собственного статуса внутри деструктивной организации. Так, вербовщики могут стремиться к завоеванию авторитета, возможности отдавать приказы и контролировать других, получая тем самым эмоциональное удовлетворение от чувства собственной значимости.

Другой важный аспект корыстных мотивов – это финансовая выгода, которая может выходить далеко за рамки простого удовлетворения базовых потребностей. Участие в экстремистской и террористической деятельности часто сопровождается значительным материальным вознаграждением. Это может включать получение денег, наркотиков, имущества или других ценностей. Для людей, ощущающих экономическую незащищённость или живущих в условиях бедности, такая перспектива может оказаться весьма привлекательной, перевешивая риски уголовного преследования.

По данным опроса сотрудников Центров по противодействию экстремизму из более чем 20 регионов России, 80 % респондентов отмечают, что в деятельности вовлечённых преобладают корыстные мотивы, хотя идеологическая составляющая также присутствует. Так, вербовщики могут манипулировать молодёжью, представляя экстремистскую идеологию как путь к достижению справедливости, спасению мира и т. д. [4, с. 117]. В формировании мотивов важную роль играют также интересы личности. Каждый интерес представляет определённое познавательное отношение к объекту, но не исчерпывается этим. Интерес включает в себя не только рациональное, интеллектуальное, но и эмоциональное отношение [5, с. 110].

В настоящее время вербовочная деятельность, по мнению опрошенных респондентов, в основном осуществляется:

1. В образовательных организациях.

Современные образовательные учреждения должны быть местами, где студенты имеют возможность развивать критическое мышление и объективно воспринимать информацию. Однако иногда преподаватели с радикальными взглядами используют своё влияние, чтобы продвигать экстремистские идеи, представлять идеологию экстремизма как научные или исторические факты, распространять экстремистскую литературу и т. д. Такое воздействие может привести к возникновению у молодёжи искажённого восприятия реальности, что, в свою очередь, увеличивает риск вовлечения их в экстремистскую и террористическую деятельность. Так, в Казани сотрудники МВД и ФСБ задержали трёх подозреваемых в организации экстремистской ячейки «Нурджулар» (запрещена в РФ). Среди задержанных оказался 36-летний преподаватель Казанского национального исследовательского технологического университета, который вербовал в своё сообщество студентов, отбирая юношей из мусульманских семей и приобщая их к запрещённой идеологии¹.

¹ В Казани преподаватель вербовал студентов в экстремистскую ячейку [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2639746> (дата обращения: 20.05.2025)

Таким образом, наличие в образовательных организациях радикально настроенных учителей, преподавателей способствует вовлечению молодёжи в экстремистскую и террористическую деятельность.

2. В спортивных клубах и секциях.

Экстремисты-вовлекатели проявляют свой интерес к молодёжи, занимающейся спортом. Интервьюеры отмечают следующие факторы, способствующие этому: особый режим тренировок, желание спортсменов реализовать свои лидерские качества. Дополнительным риском выступает психологическая уязвимость спортсменов в периоды стрессов, связанных с травмами, неудачами или давлением со стороны тренеров и болельщиков. В такие моменты молодые спортсмены особенно подвержены манипуляциям, становясь лёгкой добычей для вербовщиков. «Изучение биографических данных граждан государств – участников СНГ, выехавших в зоны боевых действий, свидетельствует о том, что часть из них прошла физическую подготовку в различных спортивных учреждениях (клубах, секциях и т. п.), а некоторые имеют спортивные достижения» [6, с. 48].

Экстремисты-вовлекатели умело используют эти особенности, применяя специфические методы воздействия. Они активно делятся историями успеха других спортсменов, присоединившихся к экстремистской и террористической деятельности, представляя такой путь как возможность обрести новый смысл и удовлетворение. Следует отметить и тот факт, что тренеры или другие спортсмены, пользующиеся уважением, ненавязчиво предлагают «криминальные возможности» вне спорта, которые можно реализовать при помощи экстремистской деятельности. Эти предложения, как правило, маскируются под обещания финансового благополучия, реализации амбиций и достижения небывалых высот. Они играют на чувстве неудовлетворённости, недооценённости и разочаровании, которые часто испытывают спортсмены, чья карьера подходит к концу или не достигла желаемого уровня.

На практике может быть такая ситуация: тренер, имеющий авторитет среди молодых бойцов, намекает на возможность заработка, значительно превосходящего спортивные гонорары, в качестве «инструктора» в частной военной компании, занимающейся охраной нефтепроводов в нестабильном регионе. При этом функции инструктора могут включать участие в боевых действиях, зачастую на стороне незаконных вооружённых формирований. Учитывая боевой опыт и навыки, спортсмен может быть вовлечён в планирование и осуществление диверсий, террористических актов или других преступных действий. В качестве «приманки» используются обещания хорошего денежного вознаграждения, бесплатного медицинского обслуживания, возможности получить «ценный опыт» и «по-настоящему изменить мир». В этом случае спортивная подготовка и дисциплина используются для воспитания боевиков, способных к проведению террористических актов и других преступных действий.

Важно понимать, что во всех этих сценариях ключевую роль играет доверие, которое спортсмены испытывают к своим тренерам и более опытным коллегам. Именно это доверие используется для манипуляции и вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность. При этом вовлечение в деструктивную деятельность происходит постепенно, ненавязчиво, с использованием психологических приёмов, целью которых является постепенное размывание границы между законной и незаконной деятельностью.

3. В религиозной среде (в местах отправления религиозных культов).

Как правило, в данных местах экстремисты-вовлекатели в первую очередь обращают внимание на молодёжь, которая только начинает осваивать основы религии [8, с. 148]. Вербовщики пытаются навязать свои радикальные идеи и взгляды. Однако в связи с пристальным вниманием правоохранительных органов и спецслужб к религиозным объединениям вербовщики осуществляют свою деятельность максимально

скрытно. Лидеры культов или проповедники представляют экстремистские идеи под флагом «истинного учения». Они искажают содержание священных текстов, заменяя их радикальными трактовками, такими как «джихад» или «очищение от неверных». Эти группы создают культ избранности, убеждая последователей в их особой роли: «Ты особенный, ты понял правду». Вовлечение в экстремистскую деятельность часто начинается с создания доверительных отношений. Экстремисты-вовлекатели проводят доброжелательные беседы, оказывают помощь (социальную или материальную) и создают атмосферу поддержки [9, с. 225]. На этом этапе потенциальной жертве вовлечения дают почувствовать, что «здесь его понимают». Например, в церковной или мечетной общине новичку помогают с жильём и работой. После нескольких месяцев, когда потенциальная жертва вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность уже чувствует себя частью группы, могут предложить ему «защищать веру» экстремистскими методами. Этот подход делает процесс радикализации менее заметным и более приемлемым для новобранца.

4. В пенитенциарных учреждениях.

Анализ приговоров, вынесенных по делам о преступлениях экстремистской направленности и террористического характера, позволяет сделать вывод о том, что большинство осуждённых за преступления экстремистской направленности и террористического характера остаются активными приверженцами радикальных взглядов. Они пытаются осуществлять вербовочную деятельность среди осуждённых. Наиболее восприимчивыми к радикальным взглядам и идеям являются заключённые, которые считают себя «жертвами произвола» действующей власти. Так, гражданин Ф., являясь участником экстремистской организации, решил осуществить склонение, вербовку и иное вовлечение лица, содержащегося в камере режимного корпуса, в деятельность экстремистской организации при следующих обстоятельствах.

Во исполнение указанного преступного умысла, находясь в камере режимного корпуса, в ходе межкамерного общения, действуя умышленно, неоднократно, путём уговоров, просьб, убеждений, принуждений, в том числе посредством нелегальной переписки и путём перекрикивания, в ходе которых обосновывал и оправдывал деятельность экстремистской организации, убеждал другого осуждённого, отбывающего наказание с ним в одной камере, в необходимости передачи, распространения каналов нелегальной связи, о допустимости осуществления незаконной деятельности, а также уговаривал и призывал его принять участие в осуществлении указанной деятельности, а именно предлагал жить по экстремистским законам вопреки условиям содержания и нарушать их, требовал оставлять открытым окно камеры и перетягивать из окон других камер верёвки с нелегальной перепиской через них для осуществления межкамерной коммуникации и пропаганды идей и устоев, правил поведения¹.

В другом случае в целях реализации преступного умысла гражданин Н. в ходе личных встреч с жителями вёл разъяснительную деятельность задач Комитета безопасности России, а также с соблюдением мер конспирации – пропагандистскую экстремистскую деятельность в целях поиска потенциальных участников создаваемого им экстремистского сообщества.

Вследствие целенаправленного воздействия на психологические качества и мировоззрение попавших в сферу его влияния жителей гражданин Н., находясь по месту жительства, во время личных встреч и бесед вовлёк в деятельность создаваемого им экстремистского сообщества ФИО3, ФИО4 и ФИО5 и посвятил в свой замысел по организации деятельности экстремистского сообщества с целью смены власти в Россий-

¹ Приговор № 1-407/2024 от 25 сентября 2024 г. по делу № 1-407/2024 Советского районного суда г. Улан-Удэ (Республика Бурятия) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nMfQmLRYZoV6/> (дата обращения: 20.05.2025)

ской Федерации путём восстановления режима правления СССР насильственными методами и распределения руководящих должностей между участниками указанного экстремистского сообщества, указав им на необходимость соблюдения строгих мер конспирации, чтобы не попасть в поле зрения правоохранительных органов, сообщив, что официально они будут действовать под видом законной деятельности регионального управления Комитета безопасности России (КОБРа). Подвергнувшись идеологическому и пропагандистскому воздействию гражданина Н., лица ФИО3, ФИО4 и ФИО5 согласились участвовать в созданном им экстремистском сообществе, поскольку солидарны с его преступными взглядами и воспринимали его как лидера и руководителя в реализации экстремистских целей¹.

Таким образом, на основе проведённого исследования можно выделить следующий алгоритм вовлечения молодёжи в экстремистскую и террористическую деятельность, который включает несколько ключевых элементов:

1. Поиск потенциальной жертвы.
2. Установление доверия. После выбора потенциальной жертвы вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность, вербовщики устанавливают контакт с ней, используя различные методы для налаживания доверительных и дружеских отношений. Это может происходить через общие интересы, участие в молодёжных группах или обсуждение неформальных тем.

3. Выбор способа воздействия. Лица, вовлекающие молодёжь в экстремистскую и террористическую деятельность, анализируют личные особенности потенциальной жертвы и выбирают наиболее подходящий способ вовлечения, например:

- идеологическая обработка (манипуляция религиозными, политическими или социальными убеждениями);
- эмоциональное воздействие (эксплуатация чувства обиды, несправедливости, мести);
- социальное давление (вовлечение через окружение, друзей, родственников, авторитетных лидеров);
- использование уязвимостей потенциальной жертвы вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность (использование финансовых трудностей, одиночества, личных кризисов).

4. Активизация действий. Вовлекатели формируют у молодёжи негативное отношение к праву, искажают их представления о законах, демонстрируя примеры, когда участники движений избегают ответственности за свои действия [10, с. 130]. Они внушают молодому поколению, что им отведена важная роль в их группе, одновременно формируя чувство солидарности и предлагая поддержку, в том числе и финансовую.

5. Закрепление вовлечения – изоляция от прежнего окружения, усиление зависимости от группы.

Рассмотренный алгоритм вовлечения молодёжи в экстремистскую и террористическую деятельность позволяет систематизировать этапы вербовки как важные по значению для разработки эффективных мер противодействия и облегчает понимание структуры этого процесса (целевой отбор, установление доверия, выбор способа воздействия, активизация действий и закрепление вовлечения), к тому же даёт возможность выявлять уязвимые группы и ключевые точки вмешательства.

¹ Приговор № 1-660/2023 от 28 сентября 2023 г. по делу № 1-660/2023 Волжского городского суда (Волгоградская область) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZYJB2a91rw6r/> (дата обращения: 20.05.2025)

Таким образом, рассмотренный нами системный алгоритм, используемый вербовщиками, представляет особый интерес практиков и учёных [8] с целью законодательской разработки комплексных мер, направленных на повышение устойчивости молодёжи к непосредственному её вовлечению в экстремистскую и террористическую деятельность.

1. Лунеев В. В. Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991. 382 с.
 2. Кудрявцев В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении. М.: Норма, 2007. 126 с.
 3. Бакшаева, Н. А. Психология мотивации студентов : учебник для вузов / Н. А. Бакшаева, А. А. Вербицкий. 2-е изд., стер. М. : Издательство Юрайт, 2025. 170 с.
 4. Луговенко Т. С. Криминологическая характеристика молодёжи, вовлекаемой в экстремистскую и террористическую деятельность в сети интернет // Феноменология и профилактика девиантного поведения: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 20 декабря 2018 года. Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2019. С. 115-119.
 5. Общая психология / под ред. А.В. Петровского. М., 1976. 479 с.
 6. Кочубей М. А., Мареев П. Л., Смирнов А. А., Сутормина Е. В. Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде. Спб.: ООО «Издательство «Русь», 2018. 96 с.
 7. Красинский В. В., Машко В. В. Особенности вербовочной деятельности международных террористических организаций на современном этапе // Преступность XXI века. Транснациональный характер. Теневая экономика. Влияние на государство: Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции с международным участием, Москва, 16–17 октября 2019 года. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Юнити-Дана", 2019. С. 146-160.
 8. Глуценко П. А. Криминологические основы противодействия финансированию экстремистской и террористической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2025. 29 с.
 9. Чаплыгина В. Н., Рудов Д. Н., Новикова Е.А. Основные факторы и черты проявления молодежного экстремизма // International Law Journal. 2024. Т. 7. № 2. С. 224-230.
 10. Флоря Д. Ф., Рудов Д. Н. Молодежный экстремизм: криминологический портрет личности преступника // Современное общество и право. 2024. № 1(68). С. 124-131.
-
1. Luneev V. V. Motivaciya prestupnogo povedeniya. M.: Nauka, 1991. 382 s.
 2. Kudryavcev V. N. Bor`ba motivov v prestupnom povedenii. M.: Norma, 2007. 126 s.
 3. Bakshaeva, N. A. Psixologiya motivacii studentov : uchebnik dlya vuzov / N. A. Bakshaeva, A. A. Verbiczkij. 2-e izd., ster. M. : Izdatel`stvo Yurajt, 2025. 170 s.
 4. Lugovenko T. S. Kriminologicheskaya karakteristika molodezhi, vovlekaemoj v e`kstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel`nost` v seti internet // Fenomenologiya i profilaktika deviantnogo povedeniya: Materialy` XII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Krasnodar, 20 dekabrya 2018 goda. Krasnodar: Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2019. S. 115-119.
 5. Obshhaya psixologiya / pod red. A.V. Petrovskogo. M., 1976. 479 s.
 6. Kochubej M. A., Mareev P. L., Smirnov A. A., Sutormina E. V. Profilaktika terrorizma i e`kstremizma v molodezhnoj srede. Spb.: ООО «Izdatel`stvo «Rus`», 2018. 96 s.
 7. Krasinskij V. V., Mashko V. V. Osobennosti verbovochnoj deyatel`nosti mezhdunarodny`x terroristicheskix organizacij na sovremennom e`tape // Prestupnost` XXI veka. Transnacional`ny`j karakter. Tenevaya e`konomika. Vliyanie na gosudarstvo: Sbornik

nauchny`x trudov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, Moskva, 16–17 oktyabrya 2019 goda. M.: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu Izdatel`stvo Yuniti-Dana, 2019. S. 146-160.

8 Glushhenko P. A. Kriminologicheskie osnovy` protivodejstviya finansirovaniyu e`kstremistskoj i terroristicheskoj deyatel`nosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2025. 29 s.

9. Chaply`gina V. N., Rudov D. N., Novikova E.A. Osnovny`e faktory` i cherty` proyavleniya molodezhnogo e`kstremizma // International Law Journal. 2024. T. 7. № 2. S. 224-230.

10. Florya D. F., Rudov D. N. Molodezhny`j e`kstremizm: kriminologicheskij portret lichnosti prestupnika // Sovremennoe obshhestvo i pravo. 2024. № 1(68). S. 124-131.

Информация об авторе

Татьяна Сергеевна Русина. Преподаватель кафедры уголовного процесса и права.

Краснодарский университет МВД России.

350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Information about the author

Tatiana S. Rusina. Teacher of the Department of criminal procedure

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya, Str., 128.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА РАССЛЕДОВАНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

Садюкова Ульяна Валерьевна¹, Асяев Альберт Рифатович²

¹Академия управления МВД России, Москва, Россия

²Следственное управление УМВД России по Оренбургской области, Оренбург, Россия

¹ulyana578@list.ru

²albert.asyaev@yandex.ru

Аннотация. В статье исследованы вопросы определения в теории управления понятия организационного обеспечения деятельности следственных органов, организационного обеспечения его отдельных функций и ведомственного контроля за расследованием преступлений. Анализируется действующее нормативное регулирование формирования функциональной и организационной структур органов предварительного следствия, аппаратов их управления; правоприменительная деятельность в этом направлении; выявлены проблемные вопросы; даны практические рекомендации.

Ключевые слова: организационное обеспечение, органы предварительного следствия, процессуальная деятельность, ведомственный контроль, аппарат управления, руководитель следственного органа.

Для цитирования: Садюкова У. В., Асяев А. Р. Организационное обеспечение ведомственного контроля за расследованием преступлений органами предварительного следствия в системе МВД России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 422–428.

ORGANIZATIONAL SUPPORT FOR DEPARTMENTAL OVERSIGHT OF CRIME INVESTIGATIONS BY PRELIMINARY INVESTIGATION AGENCIES IN THE SYSTEM OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Ulyana V. Sadiokova¹, Albert R. Asyaev²

¹Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

²Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Orenburg Region, Orenburg, Russia

¹ulyana578@list.ru

²albert.asyaev@yandex.ru

Annotation. The article explores the issues of defining the concept of organizational support for the activities of investigative bodies in the theory of management, organizational support for its individual functions, and departmental control over the investigation of crimes. The article analyzes the current regulatory framework for the formation of the functional and organizational structures of the preliminary investigation bodies and their management apparatuses; law enforcement activities in this area; identified problematic issues; and provided practical recommendations.

Keywords: organizational support, preliminary investigation bodies, procedural activities, departmental control, administrative apparatus, head of the investigative body.

For citation: Sadiokova U. V., Asyaev A. R. Organizational support for departmental oversight of crime investigations by preliminary investigation agencies in the system of the ministry of internal affairs of Russia // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 422–428.

Эффективность деятельности следственных органов в значительной степени зависит от её грамотной организации субъектами управления, предполагающей не только рациональное распределение ими задач и функций, но и создание необходимых условий для их выполнения. Одним из способов такой организации является организационное обеспечение деятельности следственного органа в целом и его отдельных функций, к последним относится и ведомственный контроль за расследованием преступлений. Следует отметить, что понятие «организационное обеспечение» широко используется в различных областях и не имеет единого определения и толкования в теории управления.

Так, А. И. Пригожин, рассматривая организацию как инструмент управления, подчёркивает, что организационное обеспечение деятельности объекта управления включает в себя формирование его структуры, распределение функций, определение процедур и регламентов, а также создание системы коммуникаций и контроля. По утверждению учёного, без надлежащего организационного обеспечения любая деятельность будет хаотичной и неэффективной [1, с. 145].

Один из основоположников системного подхода в отечественной науке управления, В. Г. Афанасьев, определяет организационное обеспечение как целенаправленное воздействие на организационные отношения, их упорядочение и совершенствование, ориентированное на достижение конкретных целей и задач при оптимальном использовании имеющихся ресурсов [2, с. 210].

Известный учёный в области административно-процессуального права В. Д. Сорокин подчёркивал роль организационного обеспечения в создании необходимых условий для реализации правовых норм и осуществления государственного управления, включающего в себя как материально-техническую базу, так и кадровую, информационную и методическую поддержку [3, с. 189].

И. Ю. Носков, в свою очередь, под организационным обеспечением применительно к деятельности судов и судей понимает комплекс мероприятий, направленных на объединение усилий субъектов, участвующих в совместном действии, с целью наиболее тесного их взаимодействия в интересах достижения наиболее качественного результата в наиболее короткие сроки [4, с. 55].

Одновременно понятие организационного обеспечения деятельности судей и судов, в отличие от органов предварительного следствия и органов внутренних дел в целом, определено и закреплено нормативно в правовых актах, регламентирующих их деятельность, в соответствии с которыми под организационным обеспечением понимаются «... мероприятия кадрового, финансового, материально-технического, информационного и иного характера, направленные на создание условий для полного и независимого осуществления правосудия»¹. Однако в иных нормативных актах организационное обеспечение трактуется как самостоятельное направление наряду с кадровым и ресурсным, что предполагает наличие у него специфического, не сводимого к другим видам

¹ О судах общей юрисдикции [Электронный ресурс]: Федеральный конституционный закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

содержания¹, порождая тем самым опять же терминологическую неопределённость даже в одной области.

Таким образом, в теории управления и нормативном регулировании нет точного и однозначного определения понятия «организационное обеспечение». Вместе с тем анализ содержания приведённых понятий позволяет выделить их общие черты и определить, что под организационным обеспечением субъектом управления деятельности его объекта следует понимать комплекс взаимосвязанных мер по созданию и поддержанию её оптимальных условий для достижения и решения поставленных цели и задач, включающих в себя формирование структуры, распределение функций, регламентацию процессов, ресурсное обеспечение и систему контроля.

Вместе с тем в теории управления органами предварительного расследования дифференцированно выделяется понятие организационного обеспечения реализации конкретной функции [5, с. 37; 6, с. 33]. Так, С. В. Валов обособляет понятие организационного обеспечения расследования отдельных видов преступлений, под которым определяет осуществляемые в соответствии с облачённым в правовую форму управленческим решением, принятым уполномоченными органами или должностными лицами государства, создание новых и/или реорганизацию существующих органов, определение в них подразделений или категории должностных лиц, уполномоченных реализовать функции предварительного следствия на постоянной или временной основе на всей территории государства или на определённой его части [7, с. 236]. Организационное обеспечение отдельной функции увязывается не столько с ресурсным снабжением, сколько с поддержанием в актуальном состоянии организационной и функциональной структур следственных органов, соответствующих оперативной обстановке, общим установкам и требованиям вышестоящего руководства, стратегическим и оперативным задачам, позволяющим эффективно и результативно её реализовать, отражает системный взгляд на управление следственными органами, его динамичность в постоянном управленческом воздействии.

С учётом изложенных теоретических позиций и нормативного регулирования, при исследовании вопросов организационного обеспечения ведомственного контроля за расследованием преступлений органами предварительного следствия как одной из выполняемых ими функций считаем возможным в настоящей статье исходить из позиции, что это целенаправленное управленческое непроцессуальное воздействие, осуществляемое в соответствии с облачённым в правовую форму решением уполномоченных субъектов управления по созданию или реорганизации специализированных структурных подразделений и/или определению должностных лиц, наделённых полномочиями по осуществлению ведомственного (отраслевого) контроля.

В современной системе управления органами предварительного следствия в системе МВД России функция ведомственного контроля за расследованием преступлений организационно обеспечивается созданием и деятельностью её системообразующих элементов – подразделений аппарата управления, выполняющих контрольно-методические, организационно-зональные и информационно-аналитические функции.

Формирование их организационной и функциональной структур, то есть определение организационных связей между указанными подразделениями и распределение между ними нормативно определённых функций, возлагается на руководителя следственного органа.

При решении вопросов организационного обеспечения ведомственного контроля, формирования организационной и функциональной структур его организующих и реали-

¹ Об органах судейского сообщества [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 14 марта 2002 г. № 30-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

зующих подразделений руководитель следственного органа использует, прежде всего, разработанный в теории управления функционально-структурный метод [8, с. 239].

Здесь следует напомнить, что приказ МВД России от 09.01.2018 № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России», определяющий их организационно-структурное построение, задачи и функции, утверждает типовые структуры следственных органов на районном, региональном, межрегиональном и окружном уровнях. В каждой из них предусмотрено создание подразделений аппарата управления, основным предназначением которых, как указано выше, является осуществление ведомственного контроля за деятельностью нижестоящих следственных органов, в том числе по расследованию преступлений. Одновременно приказ утверждает типовые положения этих органов, определяя в них их задачи и функции. Но при этом он не дифференцирует их между структурными элементами следственного органа, коими являются подразделения аппарата управления.

Идея ведомственного и отраслевого руководства такой модели правового регулирования, затронувшей прежде всего организационное обеспечение ведомственного контроля, заключалась в предоставлении возможности формирования функциональной структуры следственного органа в целом и его структурных подразделений с учётом особенностей условий функционирования каждого отдельно взятого следственного органа.

Этой идеей охвачены и иные, имеющие диспозитивные начала положения приказа № 1-2018, позволяющие при формировании организационной структуры следственного органа создавать и вводить указанные в типовых структурах подразделения и должности по мере необходимости для обеспечения выполнения возложенных задач.

Данные положения позволяют руководителю следственного органа и объединять функционально схожие структурные подразделения в пределах установленной для их формирования численности (п. 2.7). Следует отметить и то, что в положениях приказа о структурном делении подразделений следственного органа и установления организационных связей используются формулировки «могут создаваться», «может вводиться», предоставляя тем самым правомочие руководителю самостоятельно принимать решение об организационном обеспечении деятельности возглавляемого им следственного органа и её отдельных направлений (п. 2.2.). Такую модель нельзя не оценить положительно. С учётом этого сегодня сформированные функциональные и организационные структуры следственных органов территориальных органов внутренних дел индивидуальны в субъектах Российской Федерации и несколько отличаются по указанным выше причинам.

Между тем необходимо отметить, что своеобразным ориентиром в определении функциональной структуры следственных органов, безусловно, является приказ МВД России от 27.08.2021 № 54, утверждающий положения о структурных подразделениях возглавляющего подсистему следственных органов Следственного департамента МВД России, в том числе Управления ведомственного и процессуального контроля, Контрольно-методического и Организационно-аналитического управлений, осуществляющих централизованный ведомственный контроль за соответствующими его направлениями.

Вместе с тем в правоприменительной деятельности вышеуказанная модель правового регулирования обусловила, на наш взгляд, неоднозначно оцениваемые распределение и возложение в отдельных органах предварительного следствия контрольных функций и полномочий на подразделения аппарата управления.

К примеру, вполне обоснованное, но безусловное возложение принятым и облачённым в правовую форму управленческим решением руководителя следственного органа на информационно-аналитическое подразделение функции ведомственного (отраслевого) контроля и изучения всего массива уголовных дел, планируемых к приоста-

новлению производства предварительного следствия и уже приостановленных производством по основаниям, предусмотренным п.п. 2–4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, с дачей по ним указаний повлекло осуществление контроля за указанной категорией уголовных дел, находящихся в производстве следственной части по расследованию организованной преступной деятельности (далее – СЧ по РОПД). Напомним, начальник СЧ по РОПД является по должности заместителем начальника следственного органа и обладает процессуальным статусом руководителя следственного органа, полномочным осуществлять полновесный ведомственный и процессуальный контроль за расследованием преступлений, находящихся в производстве следователей возглавляемого им подразделения.

Тем самым при организационном обеспечении ведомственного контроля, формировании организационной и функциональной структур следственного органа не были учтены и не в полной мере верно построены организационные, субординационные и координационные связи между субъектами и подразделениями аппарата управления – элементами управляющей подсистемы.

Продолжая исследовать вопросы организационного обеспечения ведомственного контроля за расследованием преступлений, следует отметить и то, что руководителям следственных органов при проектировании функциональной и организационной структур аппаратов управления следует взвешенно, опять же с учётом особенностей условий функционирования конкретного следственного органа подходить к использованию принципов распределения функций между их подразделениями и сотрудниками. Помимо функционального и наиболее часто используемого в следственных органах объектно-территориального принципа, следует оценить возможность и целесообразность применения и объектно-видового (объектом контроля выступают подконтрольные следственные органы (подразделения), имеющие идентичный организационно-правовой статус) или объектно-проблемного (объекты – следственные органы, состоящие на особом контроле или имеющие в своей деятельности подобные слабые стороны и дефекты), положительно зарекомендованных в применении их в практической деятельности при организационном обеспечении ведомственного контроля.

Безусловно, эффективным и результативным является использование не одного, а грамотное сочетание руководителем следственного органа выработанных теорией управления принципов.

Подводя итог изложенному, следует определить, что организационное обеспечение ведомственного контроля за расследованием преступлений органами предварительного следствия в системе МВД России, обеспечение упорядоченности и согласованности функциональной и организационной структур подразделений аппарата управления, предназначением которых является осуществление ведомственного контроля, достижение соответствия их типовым положениям и структурам, а также оперативной обстановке, складывающейся на обслуживаемой территории, являются важнейшими управленческими задачами, решаемыми руководителями следственных органов.

Только при умелом и компетентном организационном обеспечении эффективной работы контрольно-методических, организационно-зональных и информационно-аналитических подразделений как ключевых помощников руководителя может быть обеспечено надлежащее качество предварительного следствия, соблюдение законности и прав граждан.

Организационное обеспечение ведомственного контроля за расследованием преступлений позволяет создать институциональные и ресурсные гарантии эффективности и результативности реализации указанной функции управления.

Успешность решения этих задач, соответствие принимаемого или уже принятого решения требованиям законодательства Российской Федерации, нормативным право-

вым актам МВД России, единой организационно-штатной политике во многом определяются знаниями руководителями теоретических основ управления.

1. Пригожин А. И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003. 863 с.
2. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980. 368 с.
3. Сорокин В. Д. Административный процесс и административно-процессуальное право. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та. 2002. 471 с.
4. Носков И. Ю. К вопросу об употреблении понятия «организационное обеспечение» применительно к деятельности судов и судей // Современное право. № 3. 2018. С. 52-57.
5. Бурынин С. С. Особенности организационного обеспечения расследования налоговых преступлений // Налоги. 2020. № 6. С. 37-41.
6. Валов С. В. Организационное обеспечение расследования уголовных дел о киберпреступлениях // Противодействие киберпреступности: современное состояние и пути повышения эффективности : сборник статей / Следств. ком. Респ. Беларусь. Минск : ЮрСпектр, 2020. С. 33-37.
7. Валов С. В. Понятие и способы организационного обеспечения функции предварительного следствия // Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы научно-практической конференции. М., 2017. С. 236-238.
8. Валов С. В. Организация деятельности органов внутренних дел по расследованию преступлений: Курс лекций. М., 2014. 350 с.

1. Prigozhin A. I. Metody` razvitiya organizacij. M.: MCzFE`R, 2003. 863 s.
2. Afanas`ev V. G. Sistemnost` i obshhestvo. M.: Politizdat, 1980. 368 s.
3. Sorokin V. D. Administrativny`j process i administrativno-processual`noe pravo. SPb.: Izd-vo Yurid. in-ta. 2002. 471 s.
4. Noskov I. Yu. K voprosu ob upotreblenii ponyatiya «organizacionnoe obespechenie» primenitel`no k deyatel`nosti sudov i sudej // Sovremennoe pravo. № 3. 2018. S. 52-57.
5. Bury`nin S. S. Osobennosti organizacionnogo obespecheniya rassledovaniya nalogovy`x prestuplenij // Nalogi. 2020. № 6. S. 37-41.
6. Valov S. V. Organizacionnoe obespechenie rassledovaniya ugovolny`x del o kiberprestupleniyax // Protivodejstvie kiberprestupnosti: sovremennoe sostoyanie i puti povыsheniya e`ffektivnosti : sbornik statej / Sledstv. kom. Resp. Belarus`. Minsk : YurSpektr, 2020. S. 33-37.
7. Valov S. V. Ponyatie i sposoby` organizacionnogo obespecheniya funkicii predvaritel`nogo sledstviya // Sledstvie v Rossii: tri veka v poiskakh koncepcii: materialy` nauchno-prakticheskoy konferencii. M., 2017. S. 236-238.
8. Valov S. V. Organizaciya deyatel`nosti organov vnutrennix del po rassledovaniyu prestuplenij: Kurs lekcij. M., 2014. 350 s.

Информация об авторах

Ульяна Валерьевна Садикокова. Доцент кафедры управления органами расследования преступлений.

Академия управления МВД России.

125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Альберт Рифатович Асяев. Заместитель начальника следственной части по расследованию организованной преступной деятельности.

Следственное управление УМВД России по Оренбургской области.

460000, Россия, Оренбург, ул. Комсомольская, 49.

Information about the authors

Ulyana V. Sadiokova. Associate Professor Department of Crime Investigation Management.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str., 8.

Albert R. Asyaev. Deputy Head of the Investigative Department for Organized Crime.

Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Orenburg Region.

460000, Russia, Orenburg, Komsomolskaya Str., 49.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРЕСТУПНИКУ ПРИ ЕГО ЗАДЕРЖАНИИ

Семенов Владимир Ремович¹, Рахимов Эльдар Харисович²

¹Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

²Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹wladirom@yandex.ru

²kaf_gpd_mail@mvd.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу института причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление. Рассматривается правовая природа данного института, направленного на достижение баланса между защитой прав личности и эффективным предупреждением преступности. Авторы исследуют критерии правомерности применения силы, ключевым из которых является принцип соразмерности, запрещающий явное несоответствие мер характеру и степени общественной опасности деяния. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам, в частности допустимости причинения смерти задерживаемому. На примерах судебных решений демонстрируется, как оценивается правомерность действий задерживающего с учётом как объективной ситуации, так и его субъективного восприятия угрозы.

Ключевые слова: причинение вреда при задержании, превышение мер, правомерность применения силы, принцип соразмерности, уголовная ответственность.

Для цитирования: Семенов В. Р., Рахимов Э. Х. Некоторые вопросы правомерности причинения вреда преступнику при его задержании // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 429–435.

SOME QUESTIONS REGARDING THE LEGALITY OF CAUSING HARM TO A CRIMINAL DURING HIS ARREST

Vladimir R. Semenov¹, Eldar K. Rakhimov²

¹Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

²Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

¹wladirom@yandex.ru

²kaf_gpd_mail@mvd.ru

Annotation. This article analyzes the concept of causing harm during the apprehension of a person who has committed a crime. It examines the legal nature of this concept, which aims to achieve a balance between protecting individual rights and effectively preventing crime. The author examines the criteria for the legality of the use of force, a key one being the principle of proportionality, which prohibits measures from being clearly disproportionate to the nature and degree of public danger posed by the act. Particular attention is given to controversial issues, in particular the permissibility of causing death to the person being arrested. Examples of court decisions demonstrate how the legality of the arrester's actions is assessed, taking into account both the objective situation and their subjective perception of the threat.

Keywords: Causing harm during detention, excessive force, legality of the use of force, principle of proportionality, criminal liability.

For citation: Semenov V.R., Rakhimov E. K. Some questions regarding the legality of causing harm to a criminal during his arrest // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 429–435.

Институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, по своей правовой природе, призван обеспечивать баланс между защитой прав, свобод личности и эффективным выполнением задач предупреждения и пресечения преступности. В современных условиях возрастающей угрозы преступности и ужесточения мер общественной безопасности вопрос о допустимых пределах применения силы приобретает особое значение. С одной стороны, сотрудники правоохранительных органов должны иметь возможность эффективно пресекать преступные действия, защищать жизнь и здоровье граждан, обеспечивать общественный порядок. С другой стороны, недопустимо нарушение прав и свобод задерживаемых лиц, особенно если применение силы выходит за рамки разумной необходимости и причиняет чрезмерный вред.

Правовое регулирование вопросов, связанных с причинением вреда при задержании преступника, включает нормы уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства, что требует комплексного анализа для определения чётких критериев правомерности подобных действий. Актуальность темы обусловлена неоднозначной судебной практикой, когда возникает необходимость разграничения правомерного применения силы и превышения допустимых пределов, влекущих уголовную ответственность для сотрудников правоохранительных органов и граждан.

Вопросы допустимости причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, возникают при толковании норм уголовного права. Согласно ст. 38 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) задержание может применяться только к лицу, которое совершило преступление. Иными словами, обязательным условием действия названной нормы является юридический факт совершения преступления. Безосновательно задерживать человека в уголовно-правовом порядке, например за административное правонарушение, так как оно не является преступлением.

Лицом, совершившим преступление, признаётся не только тот, кто завершил свой преступный замысел (окончил преступление), но и тот, кто совершил оконченное или неоконченное покушение на преступление, участвовал в приготовлении к особо тяжкому или тяжкому преступлению, а также выполнял различные преступные роли (организатор, пособник, подстрекатель) в групповом преступлении. Названная позиция расширяет потенциальный круг лиц, которым может быть причинён вред при задержании, даже если их действия не привели к окончательному преступному результату. В практической плоскости нередко заблуждения относительно факта совершения лицом общественно опасного деяния. Такие ошибки могут возникать из-за неправильной оценки ситуации очевидцами, потерпевшими или даже сотрудниками правоохранительных органов. Важно помнить, что до вынесения обвинительного приговора судом лицо не может считаться преступником – действует принцип презумпции невиновности.

Кроме того, необходимо обратить внимание на правовую неопределённость в вопросе разграничения статуса лица, в отношении которого осуществляется задержание. Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации «наличие вступившего в законную силу обвинительного приговора в отношении таких лиц (задерживаемых) не является обязательным условием при решении вопроса о правомерности причинения

им вреда в ходе задержания»¹. Подобный подход, безусловно, размывает границы между понятиями «преступник», «подозреваемый», «осуждённый», что может создать предпосылки для нарушения принципа презумпции невиновности. В этом контексте актуальным остаётся вопрос толкования понятия «лицо, совершившее преступление». Существует мнение, что его нужно понимать гораздо шире, включая криминологические признаки, связанные с личностью преступника. Однако такой подход вызывает сомнения, поскольку криминология – это не отрасль права, а сфера научного знания, изучающая природу преступности и личность преступников. Криминологическая наука не может устанавливать правовых норм и регулировать уголовно-правовые отношения. Уголовное право, в отличие от криминологии, оперирует чётко определёнными юридическими категориями и признаками субъекта преступления, что и должно быть основой для принятия решений о задержании.

При рассмотрении вопроса о законности причинения вреда в процессе задержания компетентные органы проводят всесторонний анализ обстоятельств дела. В частности, оцениваются такие факторы, как условия и характер задержания, личные характеристики задерживаемого, уровень общественной опасности совершённого деяния, а также наличие и использование задерживаемым оружия или иных опасных предметов. Совокупность этих факторов позволяет определить, были ли действия лица, осуществлявшего задержание, соразмерными и необходимыми в сложившейся ситуации.

Основополагающим критерием правомерности применения силы при задержании лица, совершившего преступление, является запрет на превышение пределов необходимых мер. Согласно части 2 статьи 38 УК РФ превышение указанных мер выражается в их явной несоразмерности характеру и степени общественной опасности совершённого деяния, а также условиям, в которых осуществляется задержание. Поскольку термин «явное несоответствие» носит оценочный характер, его интерпретация может варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

При определении допустимости применения силы учитывается ряд факторов, включая время суток, наличие у задерживаемого оружия или иных опасных предметов, а также индивидуальные характеристики сторон, такие как пол, возраст, физическое состояние как задерживаемого, так и лица, осуществляющего задержание. Эти параметры позволяют объективно оценить соразмерность применённых мер и определить, были ли они действительно необходимы для обеспечения успешного и безопасного задержания.

Особый интерес в научной дискуссии вызывает вопрос о правомерности причинения вреда при задержании лиц, совершивших преступления невысокой степени опасности, и допустимости нанесения смертельных повреждений в процессе задержания. Так, Т. Г. Шавгулидзе придерживается мнения, что применение физического воздействия, способного причинить телесные повреждения, может быть оправдано исключительно в случаях задержания лиц, виновных в совершении тяжких преступлений [1, с. 10]. Данный подход акцентирует внимание на необходимости строгого соблюдения принципа соразмерности между характером преступления и применяемыми мерами принуждения.

В противоположность этой точке зрения В. А. Блинников считает, что «ограничение права на причинение вреда только случаями тяжких преступлений неоправданно, так как это может сузить права граждан на защиту от преступных посягательств» [2, с. 107]. Действительно, нередко даже при совершении преступления небольшой или

¹ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

средней тяжести сложившаяся ситуация может не позволить задержать преступника без применения физического воздействия.

Проблема допустимости причинения смерти лицу, совершившему преступление, при его задержании остаётся одной из наиболее дискуссионных в уголовно-правовой науке. Различие в подходах учёных обусловлено как этическими, так и правовыми аспектами данной темы. Так, А. В. Наумов утверждает, что лишение жизни преступника может считаться правомерным лишь в исключительных ситуациях, когда его действия создают непосредственную угрозу жизни и здоровью окружающих и иные меры не способны нейтрализовать эту опасность [3, с. 23–26]. Такая точка зрения основывается на принципе крайней необходимости, когда защита жизни одних лиц оправдывает причинение смерти другому лицу.

В то же время В. Д. Иванов и С. И. Никулин придерживаются противоположной позиции. В. Д. Иванов считает, что основная цель задержания заключается в доставлении правонарушителя в правоохранительные органы для последующего разбирательства и вынесения судебного решения. По его мнению, причинение смерти противоречит этой цели, так как фактически исключает возможность реализации правосудия. С. И. Никулин идёт ещё дальше, утверждая, что лишение жизни преступника недопустимо ни при каких обстоятельствах. Он аргументирует это тем, что такое действие не только нарушает право на жизнь, закреплённое в Конституции, «но и лишает государство возможности осуществить полноценное судебное разбирательство, вынести объективный приговор и назначить справедливое наказание» [4, с. 134].

Наиболее убедительной представляется позиция данных учёных, так как она акцентирует внимание на рисках, связанных с возможными злоупотреблениями при применении смертельной силы. Предоставление прав на причинение смерти при задержании может создать предпосылки для роста случаев самосуда, а также привести к нарушению основополагающих прав граждан. Учитывая эти обстоятельства, приоритет следует отдавать мерам, которые позволяют минимизировать угрозу для жизни как подозреваемого, так и окружающих, одновременно обеспечивая выполнение задач правосудия в рамках законных процедур.

Превышение пределов причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, представляет собой сложный правовой феномен, который требует тщательного анализа как с теоретической, так и с практической точек зрения. Согласно положениям действующего уголовного законодательства превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признаётся применение таких мер, которые явно не соответствуют характеру и степени общественной опасности преступления, а также обстоятельствам задержания. Иными словами, речь идёт о случаях, когда задерживающий причиняет вред, который чрезмерен по сравнению с тем, что требуется для успешного и безопасного задержания преступника. Важно отметить, что такое причинение вреда влечёт уголовную ответственность лишь при наличии умысла со стороны задерживающего. При этом ключевым аспектом является не столько объективная оценка обстановки, сколько субъективное восприятие ситуации самим задерживающим, который действует исходя из собственного видения угрозы.

Показателен в этом контексте приговор, вынесенный в отношении гражданина Зайцева, который, исполняя обязанности военной службы в составе дежурного подразделения, привлечённого к охране и обороне аэродрома, преследовал лиц, напавших на контрольно-пропускной пункт воинской части. Зайцев, «будучи убеждённым в причастности ФИО1 к нападению и опасаясь попытки завладения своим табельным оружием, произвёл два выстрела в спину убегающему человеку, что привело к его смер-

ти»¹. В данном случае Зайцев, по сути, превысил пределы необходимого вреда при задержании, поскольку стрелять в спину было безосновательно: у подозреваемого не было реальной возможности скрыться, учитывая, что он находился в замкнутом пространстве и сам факт бегства на пятый этаж общежития фактически лишал его шансов на успешное уклонение от преследования. Кроме того, Зайцев мог бы применить оружие правомерно, если бы ФИО1 представлял непосредственную угрозу жизни или здоровью военнослужащего, однако таких действий со стороны задерживаемого не последовало. Следовательно, причинённый вред оказался чрезмерным и не оправданным обстоятельствами задержания.

Впрочем, судебная практика демонстрирует и иные примеры, когда действия задерживающего лица признавались правомерными. Например, в деле инспектора ДПС Н., рассмотренном Зеленоградским районным судом города Москвы в 2015 году, изначально действия сотрудника полиции были квалифицированы как превышение должностных полномочий с применением насилия. Н. нанёс несколько ударов задерживаемому С., который лежал на полу и, казалось бы, не оказывал активного сопротивления. Однако в ходе апелляционного разбирательства было установлено, что Н. действовал в условиях, когда у него были все основания полагать, что преступники вооружены и представляют реальную угрозу для сотрудников полиции. Инспектор заметил предметы, похожие на оружие, и опасался, что С., не будучи обездвиженным, мог бы попытаться выхватить пистолет у своего соучастника. Учитывая сложившуюся ситуацию, суд апелляционной инстанции пришёл к выводу, что «Н. не имел умысла на превышение своих полномочий, а его действия были обусловлены необходимостью пресечения возможной угрозы»². В итоге обвинительный приговор был отменен, а уголовное дело прекращено.

Необходимо подчеркнуть, что такие дела наглядно демонстрируют трудности, с которыми сталкиваются правоприменители при квалификации действий, связанных с задержанием преступников. В частности, в судебной практике возникает проблема правильного толкования оценочных понятий, таких как «явное несоответствие» и «превышение мер, необходимых для задержания». Эти термины по своей природе субъективны, и их наличие или отсутствие определяется судом на основе анализа всех обстоятельств конкретного дела. При этом важно учитывать не только объективные факты, такие как место, время и характер преступления, но и субъективное восприятие ситуации самим задерживающим лицом [5, с. 62–64].

Примечательно, что в уголовном законе отсутствуют прямые указания на допустимость причинения большего вреда лицам, совершившим тяжкие или особо тяжкие преступления, по сравнению с теми, кто совершил менее опасные деяния. Тем не менее в теории уголовного права существует мнение, что степень общественной опасности преступления может оказывать влияние на допустимость применения тех или иных мер. Однако данная позиция является спорной, так как закон устанавливает единые критерии для всех случаев, акцентируя внимание на необходимости соблюдения принципа соразмерности при задержании.

Ещё один интересный пример касается сотрудника ППС из Краснодарского края, который в 2020 году произвёл предупредительный выстрел, а затем четыре вы-

¹ Апелляционное постановление Судебной Коллегии по уголовным делам Северо-Кавказского окружного военного суда от 14 мая 2015 года по делу № 22-209/2015 в отношении Зайцева. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

² Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда РФ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стрела по ногам нарушителя, пытавшегося завладеть его табельным оружием¹. В данном случае действия полицейского были признаны правомерными, так как он действовал с целью пресечения непосредственной угрозы, что полностью соответствует требованиям закона.

Полагаем, что правомерность причинения вреда преступнику при его задержании должна быть основана на совокупности условий. Во-первых, ущерб при задержании должен быть причинён непосредственно преступнику при наличии объективных данных, свидетельствующих о его причастности к преступлению. Это означает, что задерживающий должен иметь твёрдую уверенность в том, что перед ним именно преступник, основанную на достоверных фактах, а не на предположениях. Во-вторых, задержание должно осуществляться в связи с фактом уже совершённого преступления или попытки его совершения, а не на основании предположений о возможных правонарушениях в будущем. В-третьих, применение силы допустимо только в случае крайней необходимости, когда иные, менее опасные способы задержания невозможны или неэффективны. Причинённый вред должен быть минимальным и строго ограничиваться целью задержания. Четвёртым важнейшим условием является цель применения силы, т. е. фактическое задержание лица и его доставление в компетентные органы для последующего разбирательства. Любая иная мотивация, такая как месть, самосуд или личная выгода, делает действия неправомерными. Наконец, все действия должны соответствовать принципу соразмерности, предполагающему, что характер, объём и степень причинённого вреда должны соответствовать уровню общественной опасности преступления и конкретным обстоятельствам задержания.

В заключение следует отметить, что превышение пределов причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, представляет собой сложный правовой феномен, требующий учёта как объективных обстоятельств задержания, так и субъективного восприятия угрозы самим задерживаемым. Ключевым критерием правомерности применения силы является соблюдение принципа соразмерности между характером и степенью общественной опасности преступления и мерами, необходимыми для его пресечения. Уголовная ответственность за превышение этих мер наступает только при наличии умысла на причинение чрезмерного вреда. Судебная практика показывает, что оценка правомерности действий задерживающего всегда носит индивидуальный характер и зависит от множества факторов, включая обстановку задержания, поведение подозреваемого и степень реальной угрозы.

1. Шавгулидзе Т. Г. Право граждан на задержание преступника следует регламентировать законом // Сов. юстиция. 1966. № 2.
2. Блинников В. А. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния в уголовном праве России: Монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 212 с.
3. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций : в 2 т. М. : Волтерс Клувер, 2007. Т. 1 : Общая часть. 576 с.
4. Уголовное право России. Части общая и особенная : Журавлев М. П., Наумов А. В., Никулин С. И. и др.] ; под редакцией заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора А. И. Рарога. М. : Проспект, 2020. 941 с.
5. Кондратьев А. А. Значение обстоятельств, исключаящих преступность деяния в деятельности сотрудников полиции // Наука и практика. 2015. № 2(63).

1. Shavgulidze T. G. Pravo grazhdan na zaderzhanie prestupnika sleduet reglamentirovat` zakonom // Sov. yusticiya. 1966. № 2.

¹ На Кубани полицейский выстрелил в угрожавшего ему дебошира [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20201004/strelba1578187923.html> (дата обращения: 15.10.2025)

2. Blinnikov V. A. *Obstoyatel'stva, isklyuchayushhie prestupnost' deyaniya v ugovnom prave Rossii: Monografiya*. M.: Yurlitinform, 2014. 212 s.
3. Naumov A. V. *Rossiyskoe ugovnoe pravo. Kurs lekciy : v 2 t. M. : Volters Kluver, 2007. T. 1 : Obshhaya chast'.* 576 s.
4. *Ugovnoe pravo Rossii. Chasti obshhaya i osobennaya : Zhuravlev M. P., Naumov A. V., Nikulin S. I. i dr.] ; pod redakciej zacluzhennogo deyatelya nauki RF, doktora yuridicheskikh nauk, professora A. I. Raroga. M. : Prospekt, 2020. 941 s.*
5. Kondrat'ev A. A. *Znachenie obstoyatel'stv, isklyuchayushhix prestupnost' deyaniya v deyatel'nosti sotrudnikov policii // Nauka i praktika. 2015. № 2(63).*

Информация об авторах

Владимир Ремович Семенов. Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Эльдар Харисович Рахимов. Начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент

Уфимский юридический институт МВД России.
450103, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Муксинова, 2.

Information about the authors

Vladimir. R. Semenov. Senior teacher of the chair of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law Sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov Str., 2.

Eldar K. Rakhimov. Head of the Department of Civil Law Disciplines, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
450103, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muksinova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.3/7

О НЕКОТОРЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ РИСКАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Сидорова Екатерина Закариевна

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

ketrik6@mail.ru

Аннотация. В статье автор обращается к исследованию уголовно-правовой проблематики использования беспилотных летательных аппаратов. Подчеркивается, что за последние годы область применения подобных технических изобретений значительно расширилась. В частности, беспилотные летательные аппараты используют в сельском хозяйстве, строительстве, энергетике, в работе правительственных структур и другое. Вместе с тем эти средства применяются не только в мирных целях, но и для совершения различных преступлений: террористических актов, диверсий, распространения наркотических средств, причинения вреда здоровью и жизни людей и много другого. Осветив ряд уголовно-правовых рисков, порождаемых использованием беспилотных летательных аппаратов, автор приходит к выводу, что помочь в нейтрализации или минимизации негативных последствий неправомерного применения беспилотных летательных аппаратов может законодательное урегулирование правовых пробелов в сфере беспилотной транспортной инфраструктуры, а также официальные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, имеющие практикообразующее значение для правоприменителя.

Ключевые слова: беспилотники, уголовная ответственность, преступление, беспилотные летательные аппараты.

Для цитирования: Сидорова Е. З. О некоторых уголовно-правовых рисках использования беспилотных летательных аппаратов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 436–443.

ON SOME CRIMINAL RISKS OF USING UNMANNED FLYING APPLIANTS

Ekaterina Z. Sidorova

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

ketrik6@mail.ru

Annotation. In this paper, the author addresses the study of the criminal law issues of the use of unmanned vehicles. The article emphasizes that in recent years the field of application of such technical inventions has expanded significantly. In particular, unmanned vehicles are used in agriculture, construction, energy, government agencies, and more. At the same time, unmanned vehicles are used not only for peaceful purposes, but also to commit various crimes: terrorist acts, sabotage, distribution of narcotic drugs, harm to human health and life, and much more. Having highlighted a number of criminal law risks generated by the use of unmanned vehicles, the author concludes that legislative regulation of legal gaps in the field of unmanned transport infrastructure, as well as official explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, which are of practical importance for law

enforcement officers, can help to neutralize or minimize the negative consequences of the misuse of unmanned vehicles.

Keywords: drones, criminal liability, crime, unmanned aerial vehicles.

For citation: Sidorova E. Z. On some criminal risks of using unmanned flying appliances // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 436–443.

В настоящее время одним из актуальных аспектов развития социума выступает сфера применения беспилотных летательных аппаратов. Согласно данным проведённых исследований, российский рынок производства и продажи беспилотных летательных аппаратов для коммерческого сектора вырос в 2023 году на 63 % и составил более 8 млрд рублей, при этом по прогнозам к 2028 году этот рынок составит почти 82 млрд рублей¹. Вместе с тем по данным специалистов, готовность российской инфраструктуры для эксплуатации беспилотных летательных аппаратов составляет не более 45 %². Это свидетельствует о том, что в дальнейшем будут происходить неизбежные изменения тех сфер общественных отношений, в которых применяются беспилотные транспортные средства, в целях модернизации и улучшения данных областей жизнедеятельности социума [1, с. 38].

При этом если раньше беспилотные летательные аппараты применялись в большей степени для осуществления видео- и фотосъёмки, то сейчас область внедрения подобных технических изобретений значительно расширилась. В частности, беспилотные летательные аппараты применяются в сельском хозяйстве, строительстве, энергетике, в работе правительственных структур и другое. С их помощью повышается производительность труда, снижается нагрузка на сотрудников, сокращаются производственные затраты, улучшается качество обслуживания клиентов, повышается безопасность производственных процессов. Беспилотные летательные аппараты используются для тушения пожаров, для доставки продуктов и обмундирования в труднодоступные места, для наблюдения за выгулом домашнего скота и для многого иного. Кроме того, в дальнейшем наше государство планирует расширить область применения этих средств, создав систему наземной и подземной транспортной инфраструктуры, позволяющей осуществлять перемещение пассажиров и грузов без участия водителя, снизив тем самым риски, порождаемые так называемым человеческим фактором в управлении транспортным средством.

Однако, к сожалению, как и любое иное техническое изобретение, беспилотные летательные аппараты в ряде случаев применяются при совершении преступлений. В рамках настоящего исследования мы хотим обозначить некоторые уголовно-правовые риски, порождаемые распространением использования беспилотных летательных аппаратов.

1. Риски, связанные с отсутствием единого законодательного закрепления терминологии в области беспилотной транспортной инфраструктуры.

Согласно распоряжению Правительства России от 25.03.2020 № 724-р под беспилотным транспортным средством можно понимать высоко- или полностью автомати-

¹ 2024 Рынок гражданских беспилотных аппаратов [Электронный ресурс]. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/tekhnologii-i-produktyii/2024_rynok_grazhdanskih_bespilotnyh_apparotov_obyem_dinamika_i_scenarii_primeneniya_bespilotnikov_v_otraslyah_ekonomiki_rostelekom/ (дата обращения: 07.04.2025).

² Аналитический сборник оценки развития интеллектуальной транспортной инфраструктуры Российской Федерации для беспилотных транспортных средств за 2021 год [Электронный ресурс]. URL: <https://rosdornii.ru/upload/iblock/a0f/h0iq2uyco50gyvqp2fafuxam7fc323w/Analiticheskiy-sbornik-otsenki-razvitiya-ITI-RF-dlya-bespilotnykh-transportnykh-sredstv-za-2021g.pdf?ysclid=m1boelus4j749177177> (дата обращения: 07.04.2025).

зированное транспортное средство, функционирующее без вмешательства человека (в беспилотном режиме). Однако в других нормативных правовых актах и в научной литературе можно встретить иные термины, связанные с беспилотной транспортной инфраструктурой. В частности, речь идёт о таких терминах, как «беспилотные воздушные суда», «беспилотные летательные аппараты», «беспилотные мобильные средства» и др. [2, с. 125]. Кроме того, в средствах массовой информации и в повседневной гражданской жизни нередко применяются понятия «дрон», «квадрокоптер», «беспилотник» и прочее. Отсутствие единой терминологии может привести к объективным трудностям и неопределённостям применения уголовно-правовых норм.

Например, в действующем уголовном законе России предусмотрена статья 267 «Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения»: если в результате повреждения или уничтожения транспортного средства создаётся угроза жизни, здоровью и безопасности граждан либо угроза уничтожения или повреждения имущества физических и (или) юридических лиц, то в таких случаях наступает уголовная ответственность по названной уголовно-правовой норме. Кроме того, с 2011 года действует статья 271.1 УК РФ «Нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации», предусматривающая уголовную ответственность за неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека в связи с использованием российского воздушного пространства без разрешения. Однако поскольку в настоящее время нет чёткого легального определения понятия «беспилотный летательный аппарат», возникает вопрос, возможно ли применение названных уголовно-правовых норм к тем случаям, когда вред гражданам причиняется в связи с неправомерным использованием беспилотного летательного аппарата.

2. Риски, связанные с обоснованностью и целесообразностью введения в уголовное законодательство специальных норм, предусматривающих случаи совершения преступления посредством применения беспилотных летательных аппаратов.

В научной литературе существуют различные точки зрения о том, каким образом следует учитывать использование беспилотного летательного аппарата при совершении преступления [3, с. 335; 4, с. 8]. Например, высказано мнение о необходимости введения в уголовный закон самостоятельных норм, предусматривающих ответственность:

- 1) за внешнее вмешательство в функционирование беспилотного транспортного средства, в том числе за несанкционированное его использование;
- 2) за совершение любого преступления с использованием беспилотного транспортного средства (как обстоятельство, отягчающее наказание).

Кроме того, озвучивается мнение о необходимости дополнения существующих составов преступлений таким квалифицирующим признаком, как «совершение преступления с использованием беспилотного транспортного средства».

На наш взгляд, целесообразным является согласиться с мнением, согласно которому с уголовно-правовыми изменениями за вред, причинённый беспилотным летательным аппаратом, торопиться не следует [5, с. 94]. Связано это с тем, что технический прогресс не стоит месте. Беспилотная транспортная сфера постоянно развивается, изменяется, совершенствуется, и законодатель не всегда успевает учесть и отразить такие изменения в нормах законодательства. На наш взгляд, при квалификации преступных деяний, при совершении которых используются беспилотные транспортные средства, целесообразно опираться на те нормы уголовного закона, которые уже закреплены в настоящее время. При этом совершение преступного деяния при помощи беспилотного летательного аппарата не должно рассматриваться «безапелляционно» только в качестве отягчающего вину обстоятельства. По нашему мнению, целесообразно предоставить суду право самостоятельно решать в каждом отдельном случае, признавать ли использование беспилотного транспортного средства в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

3. Риски, связанные с фактическим использованием беспилотных летательных аппаратов.

С 2020 года законодателем установлена обязанность граждан, владеющих беспилотными летательными аппаратами, ставить их на специальный учёт. Согласно данным Федерального агентства воздушного транспорта (далее по тексту – Росавиация) в последние годы наблюдается рост числа ежегодно регистрируемых таких аппаратов гражданами (рис. 1)¹.

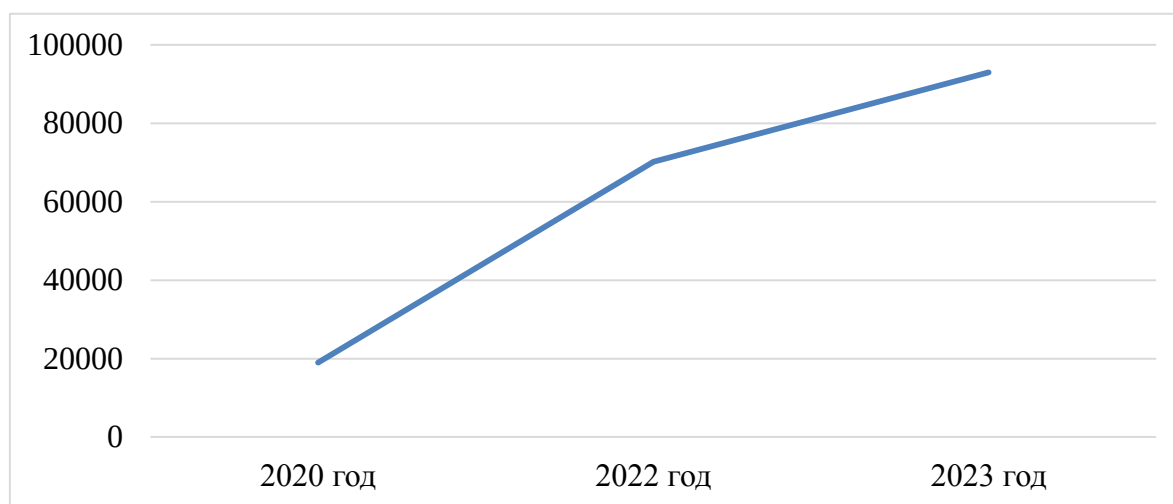

Рис. 1. Количество беспилотных летательных аппаратов, поставленных на учёт в России в 2020–2023 гг.

Для реализации установленной обязанности владелец беспилотного транспортного средства обращается с соответствующим заявлением в Росавиацию. При этом неисполнение указанной обязанности может повлечь за собой наступление либо административной ответственности (например, по ст. 11.4. «Нарушение правил использования воздушного пространства» КоАП РФ, по ст. 11.5. «Нарушение правил безопасности эксплуатации воздушных судов» КоАП РФ), либо уголовной ответственности (например, по ст. 271.1 УК РФ «Нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации»).

Вместе с тем, несмотря на то что законодатель предусмотрел негативные последствия для лиц, которые не ставят на государственный учёт приобретаемые беспилотные летательные аппараты, граждане не спешат осуществлять подобную регистрацию. Обязанность регистрировать беспилотные транспортные средства обусловлена не «прихотью» законодателя, а объективной необходимостью государства обеспечивать безопасность общества. Подобное поведение гражданского населения приводит к невозможности максимально защитить социум от несанкционированного использования беспилотных летательных аппаратов, а значит, не позволяет гарантировать защиту от использования подобной техники в преступных целях.

4. Риски, связанные с определением субъектов, ответственных за использование беспилотных летательных аппаратов для совершения преступления.

Беспилотное транспортное средство – это роботизированный механизм, который запрограммирован на выполнение определённых задач, связанных с перемещением в пространстве, при этом такое перемещение осуществляется без нахождения человека

¹ Росавиация: В России на треть выросло число учтенных дронов. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/01/18/rosaviaciia-v-rossii-na-tret-vyroslo-chislo-uchtennyh-dronov.html> (дата обращения: 07.04.2025).

в так называемой «кабине пилота». В зависимости от конструкции управление беспилотным летательным аппаратом может осуществляться как полностью без человеческого вмешательства (в этом случае «беспилотный робот» изначально программируется под выполнение конкретной задачи), так и посредством дистанционного управления человеком, который находится вблизи от беспилотного летательного аппарата (управление осуществляется посредством пульта).

Ключевым является вопрос, кто в таких случаях выступает субъектом преступной деятельности? Можно ли привлекать к ответственности в подобных ситуациях разработчиков беспилотных летательных аппаратов? Применим ли институт соучастия в случаях поочерёдного управления беспилотным летательным аппаратом?

После начала проведения специальной военной операции (февраль 2022 года) целый ряд российских регионов подвергся атаке беспилотных летательных аппаратов (Москва, Белгородская область, Воронежская область, Донецкая и Луганская Народные Республики, Курская область и другие)¹. В результате таких атак погибает мирное население, причиняется вред здоровью граждан различной степени тяжести, разрушаются социально значимые объекты инфраструктуры, повреждаются жилые дома, взрывается общественный и частный транспорт и самое главное – в обществе зарождается страх. Подобные действия могут быть квалифицированы по различным статьям Уголовного кодекса РФ, в частности:

- по статье 205 УК РФ «Террористический акт»;
- по статье 281 УК РФ «Диверсия»;
- по статье 271.1 УК РФ «Нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации»;
- по статье 275 УК РФ «Государственная измена»;
- по статье 276 УК РФ «Шпионаж»;
- по статье 167 УК РФ «Умышленное уничтожение или повреждение имущества» и др.

Так, целью совершения террористического акта посредством применения беспилотного летательного аппарата (ст. 205 УК РФ) должна являться либо дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций, либо воздействие на принятие ими решений. В свою очередь, целью совершения диверсии при помощи беспилотного летательного аппарата (ст. 281 УК РФ) выступает подрыв экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации. Другими словами, на правильную квалификацию содеянного влияет установление мотивов и целей преступников, использующих беспилотные летательные аппараты для причинения вреда обществу и государству.

В свою очередь, для того чтобы у правоприменителя появилась возможность привлечь виновное лицо к уголовной ответственности по ст. 275 УК РФ «Государственная измена», необходимо, чтобы преступник был гражданином Российской Федерации, а для привлечения лица к ответственности по ст. 276 УК РФ «Шпионаж» делинквент должен обладать гражданством иностранного государства. В этой связи можно заключить, что только при установлении всех обстоятельств содеянного можно будет говорить о правильной квалификации действий, связанных с использованием беспилотного летательного аппарата, что, свою очередь, повлияет на возможность привлечения к уголовной ответственности соучастников преступной деятельности.

5. Риски, связанные с отнесением беспилотного летательного аппарата к предмету или средству преступления.

¹ Регионы РФ подверглись массовой атаке БПЛА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sovsekretno.ru/news/125-bpla-bylo-unichtozheno-za-noch-nad-territoriy-rf/?ysclid=m1otwy68m6329635255> (дата обращения: 25.06.2025).

В научной литературе обоснованно подчёркивается, что беспилотное транспортное средство не только может быть использовано в качестве орудия или средства совершения преступления, но может выступать и в качестве предмета преступной деятельности [6, с. 149]. Например, преступники могут предпринять целенаправленные действия по повреждению или уничтожению беспилотного летательного аппарата, запрограммированного на осуществление контроля за выгулом крупного рогатого скота (в таких случаях можно говорить о вменении ст. 167 УК РФ «Умышленные уничтожение или повреждение имущества»). Или беспилотное транспортное средство может быть тайно похищено для дальнейшего использования в личных, в том числе преступных целях (в подобных ситуациях следует вести речь о ст. 158 УК РФ «Кража»). Однако сложнее ответить на вопрос о квалификации содеянного в тех случаях, когда в уголовно-правовой норме содержится упоминание «транспортное средство». Например, в ст. 166 УК РФ «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения» речь идёт об угоне «автомобиля» или «иного транспортного средства»; в ст. 211 УК РФ «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава» также упоминаются специальные виды транспортных средств. Несмотря на разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвящённые вопросам квалификации случаев угона транспортных средств¹, в настоящее время до сих пор нет чёткого понимания, можно ли относить беспилотные транспортные средства к традиционным «транспортным средствам» или к «судам воздушного транспорта». На наш взгляд, подобная правовая неопределённость должна быть разрешена законодателем в ближайшее время в целях защиты прав граждан, в том числе владеющих беспилотными транспортными средствами на законных основаниях и соблюдающих установленные правила пользования названными механизмами.

Таким образом, в завершение сказанного подчеркнём, что в настоящее время с развитием технологий сфера использования беспилотных летательных аппаратов значительно расширилась. Правоведы подчёркивают, что летательные аппараты могут быть использованы во благо (например, для раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в зоне специальной военной операции) [7, с. 138]. Законодатель, учитывая опасность бесконтрольного применения подобных механизмов, установил обязанность граждан регистрировать беспилотные летательные аппараты именно с целью обеспечения безопасности использования воздушного пространства. В целом важная роль в превенции противоправного использования летательных аппаратов отводится работе профилактирующих субъектов, в том числе органам внутренних дел [8, с. 174]. Вместе с тем, как показывает практика, беспилотные транспортные средства применяются не только в мирных целях, но и для совершения самых различных преступлений: террористических актов, диверсий, распространения наркотических средств, причинения вреда здоровью и жизни людей и много другого. Другими словами, сфера применения беспилотных транспортных средств, как и других достижений технического прогресса, не освобождена от различных уголовно-правовых рисков, о которых мы говорили в настоящей статье. По нашему мнению, помочь в нейтрализации или минимизации негативных последствий неправомерного использования беспилотных транспортных средств может законодательное урегулирование правовых пробелов в сфере беспилотной транспортной инфраструктуры, а также официальные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, имеющие практикообразующее значение для правоприменителя.

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

1. Баканов К. С. Некоторые вопросы правового регулирования и эксплуатации беспилотных транспортных средств в сфере коммерческих перевозок // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3 (100). С. 38–46.
2. Кочои С. М. Уголовно-правовые риски использования беспилотных транспортных средств // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 7(128). С. 125–135.
3. Куфлева В. Н., Соболев Д. В., Фирсов В. В. Проблемные аспекты квалификации преступлений с использованием беспилотного транспортного средства // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4). № 3. С. 335–342.
4. Каух П. В., Шишкин Н. Д., Дидковский Е. В. Проблемы правового регулирования использования беспилотных транспортных средств в уголовном праве // Colloquium-Journal. 2019. № 13-13 (37). С. 8–10.
5. Бимбинов А. А. Криминальные угрозы транспортной среды «умного города» // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 94–99.
6. Шумихин В. Г. Беспилотные летательные аппараты как предмет преступления // Ex Jure. 2025. № 2. С. 149–157.
7. Лугинец Э. Ф., Мовсисян А. Г., Щерица А. С. К вопросу о применении беспилотных летательных аппаратов при раскрытии и расследовании преступлений (на положительном опыте их использования в зоне специальной военной операции) // Философия права. 2024. № 4(111). С. 138–145.
8. Приходько Н. Ю., Кураков Д. В. Роль органов внутренних дел в деятельности по профилактике преступлений на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 174–181.

1. Bakanov K. S. Nekotory`e voprosy` pravovogo regulirovaniya i e`kspluatatsii bespilotny`x transportny`x sredstv v sfere kommercheskix perevozok // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 3 (100). S. 38–46.
2. Kochoi S. M. Ugolovno-pravovy`e riski ispol`zovaniya bespilotny`x transportny`x sredstv // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 7(128). S. 125–135.
3. Kufleva V. N., Sobolev D. V., Firsov V. V. Problemny`e aspekty` kvalifikatsii prestuplenij s ispol`zovaniem bespilotnogo transportnogo sredstva // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2019. T. 27 (1–4). № 3. S. 335–342.
4. Kaux P. V., Shishkin N. D., Didkovskij E. V. Problemy` pravovogo regulirovaniya ispol`zovaniya bespilotny`x transportny`x sredstv v ugovnom prave // Colloquium-Journal. 2019. № 13-13 (37). S. 8–10.
5. Bimbinov A. A. Kriminal`ny`e ugrozy` transportnoj sredy` «umnogo goroda» // Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2020. № 3 (51). S. 94–99.
6. Shumixin V. G. Bepilotny`e letatel`ny`e apparaty` kak predmet prestupleniya // Ex Jure. 2025. № 2. S. 149–157.
7. Luginecz E`. F., Movsisyan A. G., Shhericza A. S. K voprosu o primenenii bespilotny`x letatel`ny`x apparatov pri raskry`tii i rassledovanii prestuplenij (na polozhitel`nom opy`te ix ispol`zovaniya v zone special`noj voennoj operacii) // Filosofiya prava. 2024. № 4(111). S. 138–145.
8. Prihod`ko N. Yu., Kurakov D. V. Rol` organov vnutrennix del v deyatel`nosti po profilaktike prestuplenij na ob`ektax transporta i transportnoj infrastruktury` // Nauchny`j

Информация об авторе

Екатерина Закариевна Сидорова. Заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук, доцент.

Восточно-Сибирский институт МВД России.

664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Information about the author

Ekaterina Z. Sidorova. Deputy Head of the Department of Criminal Law and Criminology. Candidate of Law, Associate Professor.

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

664074, Russia, Irkutsk, Lermontov Str., 110.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.1

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПУБЛИЧНОГО УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ (ДЕЛА) ПО НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ

Смоляков Данил Андреевич

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

Dansmol19010121@yandex.ru

Аннотация. В данной статье анализируются проблемные вопросы прекращения публичного уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям в Российской Федерации. На основе анализа статистических данных автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего развития и совершенствования института прекращения публичного уголовного преследования (дела), а также пересмотра подходов руководителей следственных органов и органов прокуратуры к процедуре прекращения производства по делу на досудебной стадии производства в целях снижения нагрузки на соответствующие органы и пополнение средств федерального бюджета.

Ключевые слова: уголовные дела публичного обвинения, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, нереабилитирующие основания, судебный штраф, военная служба.

Для цитирования: Смоляков Д. А. Проблемные вопросы прекращения публичного уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 444–450.

PROBLEMATIC ISSUES OF PUBLIC CRIMINAL PROSECUTION(CASE) TERMINATION ON NON-REHABILITATING GROUNDS

Danil An. Smolyakov

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

Dansmol19010121@yandex.ru

Annotation. This article analyzes the problematic issues of termination of public criminal prosecution (case) on non-rehabilitating grounds in the Russian Federation. Based on the analysis of statistical data, the author concludes that it is necessary to further develop and improve the institution of termination of public criminal prosecution (case), as well as to revise the approaches of the heads of investigative bodies and prosecutor's offices to the procedure for terminating proceedings in the pre-trial stage, in order to reduce the workload on the relevant bodies and replenish the federal budget.

Keywords: Criminal cases of public prosecution, termination of a criminal case, termination of criminal prosecution, non-rehabilitating grounds, judicial fine, military service.

For citation: Smolyakov D. A. Problematic issues of public criminal prosecution(case) termination on non-rehabilitating grounds // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 444–450.

Институт прекращения публичного уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям прошёл немалый исторический путь своего развития и по сей день продолжает совершенствоваться. Сочетая в себе одновременно уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы, рассматриваемый институт является сложным, но при этом не менее важным видом процессуальной деятельности органов расследования и судов. В данных условиях на органы расследования уголовных дел ложится огромная ответственность, ведь их основной задачей является не только профилактика, предупреждение и пресечение преступлений, а также их качественное и своевременное расследование и раскрытие, но и обеспечение законных прав и интересов всех участников уголовного процесса. Именно поэтому институт прекращения публичного уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям не перестаёт терять своей актуальности, поскольку полное или частичное прекращение производства по уголовному делу будет также являться формой защиты законных прав и свобод участников уголовного процесса. Отечественная уголовная политика развивается в направлении расширения альтернативных и компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов на различных стадиях уголовного судопроизводства [1, с. 75]. Именно поэтому законодательные органы государственной власти продолжают вводить новые основания для прекращения производства по уголовному делу. Однако, несмотря на значительную фундаментальную базу, которая состоит из чёткой законодательной регламентации и отработанных механизмов производства процедуры, в институте прекращения публичного уголовного преследования (дела) на сегодняшний день существуют проблемные вопросы, отсутствие решения которых, в свою очередь, может привести к негативным последствиям в правоприменительной практике.

Хотелось бы отметить, что на сегодняшний день отдельными отечественными юристами и правоведами неоднократно было отмечено обстоятельство, связанное с учётом лиц, в отношении которых было принято решение о прекращении уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям. Обращаясь к п. 40 приказа Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 «О едином учёте преступлений», было отмечено, что лица, в отношении которых принято решение о прекращении уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям, подлежат учёту наравне с лицами, в отношении которых вынесено обвинительное заключение (акт)¹. По мнению П. И. Щеголева, данное положение, согласно которому в статистическом учёте лицо, в отношении которого было прекращено производство по уголовному делу по нереабилитирующим основаниям, считается виновным в совершении преступления, противоречит ст. 49 Конституции РФ, согласно которой лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным до того момента, пока его вина не будет установлена судом [2, с. 57].

На наш взгляд, данная позиция является не до конца обоснованной. Прекращение публичного уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям невозможно, если лицо, в отношении которого прекращается производство, против этого возражает. Подтверждая своё согласие на прекращение уголовного дела (преследования), подозреваемый, обвиняемый по уголовному делу признаёт свою виновность в совершении преступления, однако в связи с наличием обстоятельств, являющихся нереабилитирующим основанием, освобождается от уголовной ответственности и, соот-

¹ О едином учёте преступлений [Электронный ресурс]: приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

ветственно, от уголовного преследования, тем самым лишая себя последующего права на реабилитацию. В случаях, когда подозреваемый, обвиняемый считает себя невиновным в совершении преступления, то ему необходимо отказаться от прекращения уголовного дела (преследования) по данным основаниям и настаивать на продолжении производства по уголовному делу в общем порядке, а в последующем, доказав свою невиновность, у лица возникнет соответствующее право на реабилитацию. Таким образом, на наш взгляд, учёт лиц, в отношении которых принято решение о прекращении уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям, не содержит в себе существенных противоречий ст. 49 Конституции Российской Федерации, поскольку лицо, в отношении которого было прекращено производство, самостоятельно подтверждает свою виновность в совершённом преступлении. Здесь следует учитывать, что главным положительным результатом для гражданина, в отношении которого прекращено дело по нереабилитирующему основанию, является неполучение судимости и наказания, но при этом вся информация о принятом решении будет храниться в единой информационной базе данных МВД в течение неограниченного времени [3, с. 433].

В ходе изучения рассматриваемой темы, а также при просмотре статистики нами была выявлена следующая актуальная проблема. Согласно статистическим данным за 2024 год в суды поступило 651 312 уголовных дел, одновременно с этим количество уголовных дел, прекращённых на судебной стадии производства, составило 117 632, что, в свою очередь, составляет 18,06 % от общего количества¹. При этом из указанных 117 632 прекращённых уголовных дел лишь в отношении 0,54 % было прекращено по реабилитирующим основаниям, в то время как остальные 99,46 % были прекращены по нереабилитирующим, что позволяет нам также сделать соответствующий вывод: производство по каждому шестому уголовному делу, направленному в суд, было прекращено по нереабилитирующим основаниям.

В свою очередь, следует отметить, что обстоятельства, наличие которых является основанием для прекращения публичного уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям, наиболее часто возникают ещё на досудебной стадии производства, а следовательно, производство по таким делам могло быть прекращено органами расследования на досудебном этапе производства. Для сравнения, рассмотрим количество уголовных дел, прекращённых в 2024 году в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Так, на досудебном этапе производства по ходатайству органов расследования уголовное преследование было прекращено в отношении 2 533 лиц, в то время как число лиц, в отношении которых уголовное преследование было прекращено судом по аналогичному основанию, составило 10 290, что практически в четыре раза больше.

На наш взгляд, основной причиной, по которой органы расследования на сегодняшний день не прекращают производство по уголовным делам, является позиция органов прокуратуры, которые наиболее часто настаивают на направлении уголовного дела в суд, несмотря на наличие обстоятельств, являющихся основанием для прекращения уголовного дела (преследования). Так, за период 2017–2021 годов, прокуроры отменили от 21 до 27 % направленных им для проверки постановлений следователей и дознавателей о прекращении уголовного дела [4, с. 624], однако здесь также нельзя не отметить, что количество отменённых постановлений сократилось с 23 298 за 2021 год до 20 907 за 2022 год (на 10,3 %). Нельзя также не отметить то обстоятельство, что руководители следственных органов часто отказывают в утверждении постановления о прекращении уголовного дела (преследования) под страхом дисциплинарной или иной

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020-2024 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.10.2025).

ответственности от вышестоящих руководителей, что, в свою очередь, также препятствует прекращению производства по уголовному делу по нереабилитирующим основаниям.

Таким образом, мы сталкиваемся с ситуацией, когда имеется объективная возможность для прекращения публичного уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям на досудебном этапе производства, однако уголовное дело всё равно доходит до судебной стадии, и только там прекращается его производство. Данная ситуация не только увеличивает нагрузку на судебные органы, но также затягивает сроки производства по уголовным делам и приводит к излишним тратам средств федерального бюджета.

На наш взгляд, следует изменить подход органов прокуратуры и руководителей следственных органов на вопросы, касающиеся прекращения публичных уголовных дел (преследования) по нереабилитирующим основаниям и предоставлять возможность органам расследования прекращать производство по уголовным делам на досудебном этапе производства. Данное решение не только позволит существенно снизить нагрузку как на судебные органы, так и на органы расследования и органы прокуратуры, но также позволит существенно экономить средства государственного бюджета.

Одновременно с вышеуказанными положениями хотелось бы отметить ещё одну актуальную проблему, связанную с существенным снижением количества ходатайств о прекращении уголовного дела (преследования) в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и, соответственно, уголовных дел, прекращённых по данному основанию.

Согласно статистическим данным количество уголовных дел, прекращённых в связи с поступившим ходатайством органов расследования, в 2024 году составило 2 092, в 2023 году данное значение было равно 2 783, в 2022 году – 5 508, в то время как в 2021 году данное значение составило – 15 648, а в 2020 – 32 427 уголовных дел¹. Таким образом, количество уголовных дел, производство по которым было прекращено в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, за год снизилось на 24,83 %, а за четыре года данное значение было сокращено практически в 16 раз.

На наш взгляд, существенное сокращение количества уголовных дел, которые были прекращены в связи с назначением судебного штрафа, является необоснованным, поскольку прекращение уголовного дела (преследования) в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа является наиболее оптимальным вариантом для всех участников уголовного судопроизводства. Так, подозреваемый, обвиняемый освобождается от уголовной ответственности и не несёт бремя, связанное с судимостью, одновременно с этим данное основание обязывает лицо, совершившее преступление, возместить причинённый ущерб или же загладить вред, что также является средством защиты законных прав и интересов потерпевшего. Прекращение производства по указанному основанию также позволяет снизить нагрузку на органы расследования, поскольку в данном случае лицо полностью признаёт свою вину и оказывает содействие при расследовании уголовного дела, при этом также будет снижена нагрузка на органы прокуратуры, судебные органы и органы уголовно-исполнительной системы. Нельзя не согласиться с мнением, что законодательные нормы в данной области являются гуманными и целесообразными с точки зрения приоритета прав человека и гражданина [5, с. 52]. Важнейшим преимуществом для государства также является тот факт, что денежные средства, которые были уплачены в каче-

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020–2024 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 01.10.2025).

стве судебного штрафа, зачисляются в федеральный бюджет по нормативу 100 %, то есть в полном объёме, что, в свою очередь, позволяет пополнять средства федерального бюджета. В этой связи необходимо отметить, что в 2024 году общая сумма судебных штрафов составила примерно 60,3 млн рублей, в то время как в 2023 году данная сумма составила 66,7 млн рублей, в 2022 – 100,4 млн рублей, в 2021 – 278,1 млн рублей, в 2020 – 535,8 млн рублей¹. Как мы видим, в результате снижения количества ходатайств органов расследования о прекращении уголовных дел (преследования) в связи с назначением судебного штрафа одновременно привело к снижению денежных средств, поступивших в федеральный бюджет. На наш взгляд, необходимо расширить практику применения ст.ст. 25.1 и 446.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) органами расследования, что будет способствовать снижению нагрузки на органы дознания, предварительного следствия, прокуратуры, уголовно-исполнительной системы и судебные органы, а также пополнять федеральный бюджет.

Нельзя обойти стороной и нововведённое основание для прекращения уголовного преследования в отношении лиц, проходящих военную службу в период мобилизации или в военное время. Мы можем заметить, что законодатель отнёс данное основание к одному из подвидов деятельного раскаяния. Данное основание позволяет отстоять права лиц, желающих защищать интересы нашего государства, в т. ч. в зоне выполнения специальной военной операции [6, с. 316]. В действительности никто не оспаривает тот факт, что действия гражданина, совершившего преступление, который решил искупить свою вину на полях сражений, рискуя не только собственным здоровьем, но и собственной жизнью, героически отстаивая законные права и геополитические интересы Российского государства и Российского народа, в полной мере можно отнести к раскаянию, а поскольку уголовное преследование по данному основанию прекращается только в отношении тех граждан, которые проявили мужество и героизм в период военных действий и были удостоены государственных наград, либо в отношении тех, кто уже не может продолжать нести военную службу по состоянию здоровья или в силу возраста, то здесь исключается возможность злоумышленного использования данного основания в целях избегания уголовной ответственности.

Однако здесь можно столкнуться с проблемой, что прекращение уголовного преследования по основанию, закреплённому статьёй 28.2 УПК РФ, может допустить нарушение прав и законных интересов потерпевших, поскольку в этой ситуации не предусматривается обязательство гражданина, совершившего преступление, возмещать ущерб или заглаживать вред, причинённый в результате совершённого им преступления. Как было отмечено: «Такая обязанность не предусматривается, что обуславливается превалирующим значением участия в СВО, искуплением таким образом вины перед государством и обществом» [7, с. 261]. Для сравнения: прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием, предусмотренное ст. 28 УПК РФ, возможно только при условии, что лицо, совершившее преступление, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причинённый преступлением, а прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба, предусмотренное ст. 28.1 УПК РФ, лицу, совершившему преступление в сфере налоговых сборов и уплаты страховых взносов в государственный внебюджетный фонд, также необходимо возместить ущерб, причинённый государству, в полном объёме. Как мы можем отметить, основным критерием, по которому уголовное преследование может быть прекращено по вышеуказанным основаниям, остаётся именно тот факт, что лицо должно устранить

¹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2020-2024 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения : 01.10.2025).

причинённый им же вред общественным отношениям, которые охраняются государством, именно благодаря чему органы расследования и суда могут в полной мере быть уверенными, что лицо «раскаялось», причинённый ущерб возмещён, вред заглажен, а следовательно, преступление перестаёт быть общественно опасным. Таким образом, возникает ситуация, что у однородного с деятельным раскаянием основания для прекращения уголовного преследования отсутствует важнейший элемент – возмещение ущерба или заглаживание вреда, что не позволяет нам в полной мере судить о том, что преступление перестаёт быть общественно опасным, поскольку в данном случае права и законные интересы потерпевших остаются незащищёнными. Поскольку критериев оценки возмещения вреда не разработано, то ответить на данный вопрос может только потерпевший по своему субъективному восприятию [8, с. 118]. При этом отсутствие обязанности возмещать ущерб остаётся логичным в случаях, когда в результате преступления он был причинён обществу или государству, поскольку военную службу в период мобилизации или военных действий можно отнести к иному способу заглаживания вреда. На наш взгляд, при прекращении уголовного преследования в отношении лиц, проходящих военную службу в период мобилизации или в военное время, необходимо обязать лицо, совершившее преступление в отношении частного или юридического лица, возмещать ущерб или заглаживать вред, причинённый преступлением, что, в свою очередь, позволит в полной мере соблюдать законные права и интересы всех участников уголовного процесса.

Таким образом, институт прекращения публичного уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям имеет очень богатую историю и практику применения в деятельности органов расследования, прокуратуры и суда, однако это не исключает возникновения отдельных проблемных вопросов, которые могут повлечь за собой негативные последствия.

1. Истомин А. Г. Отдельные вопросы прекращения уголовных дел (уголовного преследования) прокурором на этапе окончания предварительного расследования // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 74-78.
2. Щеголев П. И. Проблемные вопросы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Вестник. Государство и право. 2021. № 4(31). С. 56-58.
3. Белков Р.С. Процессуальные основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям // Вестник науки. 2024. № 5(74). С. 429-435.
4. Ендольцева Ю. В. Прекращение уголовного преследования и прекращение уголовного дела: современное состояние правоприменения // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 4(24). С. 619 - 628.
5. Ветрова О. А. Актуальные проблемы современности в области применения судебного штрафа // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2020. № 3(84). С. 49-53.
6. Зиборов К. О. Прекращение уголовного преследования в отношении участника СВО: баланс интересов общества и потерпевшего // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2025. С. 312-318.
7. Семенов Е. А., Батуева А. Б. Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в системе альтернативных наказанию мер // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 258-264.
8. Петров В.В. Уголовная политика государства в области прекращения уголовного преследования // Аграрное и земельное право. 2023. № 11(203). С. 116-118.

1. Istomin A. G. Otdel'ny'e voprosy` prekrashheniya ugodovny`x del (ugolovnogo presledovaniya) prokurorom na e'tape okonchaniya predvaritel'nogo rassledovaniya // Ugodovnaya yusticiya. 2024. № 23. S. 74-78.
2. Shhegolev P. I. Problemny'e voprosy` prekrashheniya ugodovny`x del po nereabilitiruyushhim osnovaniyam // Vestnik. Gosudarstvo i pravo. 2021. № 4(31). S. 56-58.
3. Belkov R.S. Processual'ny'e osnovaniya prekrashheniya ugodovnogo dela i ugodovnogo presledovaniya po nereabilitiruyushhim osnovaniyam // Vestnik nauki. 2024. № 5(74). S. 429-435.
4. Endol'ceva Yu. V. Prekrashhenie ugodovnogo presledovaniya i prekrashhenie ugodovnogo dela: sovremennoe sostoyanie pravoprimereniya // Aktual'ny'e problemy` gosudarstva i prava. 2022. T. 6, № 4(24). S. 619 - 628.
5. Vetrova O. A. Aktual'ny'e problemy` sovremennosti v oblasti primereniya sudebnogo shtrafa // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2020. № 3(84). S. 49-53.
6. Ziborov K. O. Prekrashhenie ugodovnogo presledovaniya v otnoshenii uchastnika SVO: balans interesov obshhestva i poterpevshego // Bezopasnost` lichnosti, obshhestva i gosudarstva: teoretiko-pravovy`e aspekty`: SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD RF, 2025. S. 312-318.
7. Semenov E. A., Batueva A. B. Prekrashhenie ugodovnogo presledovaniya v svyazi s prizy`vom na voennuyu sluzhbu v sisteme al'ternativny`x nakazaniyu mer // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 258-264.
8. Petrov V.V. Ugodovnaya politika gosudarstva v oblasti prekrashheniya ugodovnogo presledovaniya // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2023. № 11(203). S. 116-118.

Информация об авторе

Данил Андреевич Смоляков. Преподаватель кафедры физической подготовки и спорта.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Danil An. Smolyakov. Lecturer of the Department of Physical Training and Sports.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Сретенцев Андрей Николаевич

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

tarkatanalien@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются возможности перспективных методов искусственного интеллекта для решения задач в правоохранительной сфере. Автор указывает, что в настоящее время на базе данных методов происходит формирование следующих групп интеллектуальных систем: системы профилактики и выявления преступлений в сети; интеллектуальные системы автоматизации деятельности правоохранительных органов; полицейская интеллектуальная робототехника. Приведён обзор экспериментальных интеллектуальных систем по каждой из указанных групп.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальный агент, автоматизация деятельности правоохранительных органов, полицейская робототехника, борьба с преступностью, профилактика преступлений в сети Интернет.

Для цитирования: Сретенцев А. Н. Об использовании искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 451–460.

ON THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Andrey N. Sretentsev

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

tarkatanalien@yandex.ru

Annotation. This article examines the potential of promising artificial intelligence methods for solving problems in law enforcement. The author notes that the following groups of intelligent systems are currently being developed based on these methods: online crime prevention and detection systems; intelligent systems for automating law enforcement activities; and intelligent police robotics. A review of experimental intelligent systems for each of these groups is provided.

Keywords: artificial intelligence, intelligent agent, automation of law enforcement activities, police robotics, crime control, online crime prevention.

For citation: Sretentsev A. N. On the use of artificial intelligence in the activities of law enforcement agencies // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 451–460.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) в настоящее время представляет собой «зонтичное» понятие, используемое для обозначения целого ряда технологических

направлений. В Стратегии развития искусственного интеллекта в РФ¹ (далее – Стратегия) можно встретить упоминание следующих направлений (субтехнологий) ИИ: компьютерное зрение; обработка естественного языка; распознавание и синтез речи; интеллектуальная поддержка принятия решений; перспективные методы ИИ.

Перспективные методы в настоящее время можно отнести к наименее развитым технологическим направлениям ИИ. Пункт 5 Стратегии определяет их как методы, направленные на создание принципиально новой научно-технической продукции, в том числе в целях разработки универсального (сильного) искусственного интеллекта (автономное решение различных задач, интерпретируемая обработка данных и другие методы). Несложно заметить, что указанный документ разъясняет содержание перспективных методов ИИ достаточно расплывчато.

Для снижения смысловой неопределённости в отношении содержания перспективных методов ИИ обратимся к Приказу Минэкономразвития России от 29.06.2021 № 392 «Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта»². Указанный документ, определяя круг технологических задач, на реализацию которых может быть направлен проект в сфере ИИ, косвенным образом конкретизирует направления, которые могут быть отнесены к перспективным методам. Обращаясь к «Перечню технологических задач, на реализацию которых может быть направлен проект в сфере искусственного интеллекта» (Приложение к приказу № 392, раздел 5), перечислим те из них, которые, по нашему мнению, могут найти применение в сфере борьбы с преступностью:

- разработка автономных интеллектуальных агентов в том числе на основе обучения с подкреплением, а также мультиагентных систем с искусственным интеллектом;
- использование искусственного интеллекта для проектирования сложных объектов (систем, роботов, алгоритмов) в том числе для сквозного проектирования аппаратной и программной части, алгоритмов работы;
- управление данными при помощи искусственного интеллекта (например, интеграция, обогащение, контроль качества) в том числе через системы объединения данных из различных источников (цифровой профиль, единый источник знаний из объединённых информационных систем, геомаркетинговые сервисы, системы управления основными данными);
- интерпретируемые модели искусственного интеллекта и методы генерации обоснований автоматически принимаемых решений (включая создание объяснимого искусственного интеллекта);
- оценка предвзятости систем искусственного интеллекта, в том числе оценка статистических отклонений в выводах (включая разработку методов);
- анализ мультимедийных материалов с целью выявления признаков внесения изменений и фальсификаций, а также установления даты, времени и места съёмки, диагностики и идентификации аудио-, фото- и видеорегистрирующей аппаратуры и программно-аппаратных средств обработки мультимедийной информации;
- восстановление утраченной информации на машинных носителях информации;
- моделирование угроз информационной безопасности на базе технологии искусственного интеллекта.

¹ О развитии искусственного интеллекта в Рос. Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

² Об утверждении критериев определения принадлежности проектов к проектам в сфере искусственного интеллекта [Электронный ресурс]: приказ Минэкономразвития России от 29 июня 2021 г. № 392. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В настоящее время уже имеется некоторый отечественный и зарубежный опыт применения подобных технологий в правоохранительной деятельности. Рассмотрим примеры использования систем ИИ такого класса в решении задач правоохранительной деятельности.

Первую группу таких систем ИИ можно обозначить как «Системы профилактики и выявления преступлений в сети». Многие авторы обращают внимание на перспективность развития автоматизированных систем поиска и анализа контента в сети Интернет с последующим анализом в имеющемся массиве информации о совершённых преступлениях и разыскиваемых лицах [1, с. 236; 2, с. 17; 3, с. 176–177; 4, с. 271]. Формирование этой группы связано с тем обстоятельством, что значительная часть генерируемых цифровых данных с помощью алгоритмов ИИ может быть использована в профилактике преступлений, а также в их раскрытии и расследовании: профили страниц социальных сетей, потоковые видеоданные, данные платёжных систем, протоколы интернета вещей.

В 2012 году в Китае была внедрена система антикоррупционного искусственного интеллекта *Zero Trust*. В течение 7 лет система помогала вычислять незаконную передачу имущества, подозрительные приобретения земли и снос домов, инициированные китайскими чиновниками. Система черпала данные из различных источников, в том числе открытых, фиксировала необычные изменения на банковских счетах чиновника, его семьи и близких друзей. Эксперимент с *Zero Trust* затронул около 30 районов и городов Китая и позволил охватить всего 1 % административного состава страны. Тем не менее в его ходе было выявлено почти 9 тыс. случаев злоупотреблений. В 2019 году эксперимент был завершён, по данным СМИ по причине активного неприятия со стороны чиновников идеи о том, что выявление коррупции можно отдать на откуп компьютерной модели, которая может совершить ошибку и привести к наказанию невиновного (как известно, наказанием за ряд коррупционных преступлений в Китае является смертная казнь)¹.

Начиная с 2017 года в США ведётся разработка системы *ИИ Mayhem*, основной задачей которой является распознавание индивидуального почерка хакеров и хакерских группировок, обнаружение попыток внешнего тестирования систем информационной защиты и осуществление преследования хакеров в сети с целью их деанонимизации и установления местонахождения [5, с. 39].

Ещё одно направление возможного использования подобных систем – создание ИИ-агентов, осуществляющих выявление лиц, склонных к преступлениям. Фактически речь идёт о весьма оригинальной, хотя и довольно неоднозначной практике – «ловле на живца». Так, в ходе зарубежного экспериментального проекта *Sweetie 2.0* (Нидерланды) ИИ-агент имитировал ребёнка 10 лет, который «общался» в сети с реальными людьми для выявления лиц, склонных к педофилии, и пресечения фактов детского секс-туризма².

Другим примером использования интеллектуальных агентов для профилактики преступлений, совершаемых с помощью информационных технологий, является проект Британской компании O2, которая для борьбы с телефонным мошенничеством создала «ИИ-бабушку». Её основная задача – ничего не понимать, задавать вопросы и тянуть

¹ Неподкупный детектив: как искусственный интеллект борется с преступностью [Электронный ресурс]. URL: https://www.dp.ru/a/2020/11/27/nepodkupnij_detektiv (дата обращения: 04.08.2025).

² Sweetie 2.0 is a research project commissioned by Terre des Hommes on online child sex tourism and criminal law. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.universiteitleiden.nl/en/research/research-projects/law/sweetie-2.0> (дата обращения: 04.08.2025).

время. Как рассказывает автор проекта: теперь британские злоумышленники тратят на общение с роботом по сорок минут в день¹.

В России сходный проект запустил Т-Банк. Отмечается, что модель, созданная на базе искусственного интеллекта, провела анализ более 40 тысяч минут звонков мошенников, скриптов их разговоров, фраз-триггеров и эмоциональной реакции мошенников на разные сценарии событий. На основе собранного массива данных с участием психологов были созданы персонажи с разными архетипами личностей. Так, например, робот может говорить от лица мамы, которая вышла на прогулку с ребёнком и постоянно на него отвлекается, или от лица пожилого мужчины, который плохо слышит и постоянно переспрашивает звонящего. Создатели отмечают, что средняя продолжительность разговоров их роботов с мошенниками составляет 2–4 минуты². К. В. Шевелева в качестве преимуществ «киберагентов» отмечает следующее: «Имеющие определённую степень автономии, они способны действовать в зависимости от обстоятельств и осуществлять одновременное наблюдение за большим количеством лиц, нежели реальные оперативные работники, внедряться в преступные сети, не компрометируя свою личность, передавая оперативные данные в действующие правоохранительные органы» [6, с. 449].

Ещё одну группу таких ИИ-систем можно условно обозначить как «Интеллектуальные системы автоматизации деятельности правоохранительных органов». Автоматизации могут быть подвержены различные процессы в сфере борьбы с преступностью – от ведения криминалистических учётов до приёма обращений граждан и заполнения процессуальных документов. Одним из примеров может служить автоматизация ведения полицейских учётов с помощью технологий ИИ. Так, ещё в 2015 году в США высказывались предложения и предпринимались попытки по созданию рекуррентной базы данных. По замыслу в такой системе будет функционировать модуль ИИ, которой будет самостоятельно принимать решение о размещении профиля конкретного человека в базе данных, а также о его своевременном исключении из базы. Предполагалось, что основными отличиями от классических учётов, помимо высокой степени автономности системы, должна стать работа на потоках нефильтрованной информации, а также взаимодействие с конечным пользователем на естественном языке и с использованием визуальных средств [5, с. 36–37].

Ещё одно направление – автоматизация рутинных процессов следственной деятельности [7, с. 241]. К примеру, автоматизированное составление шаблонных документов (запросов, статистических карточек и пр.), заполнение отдельных элементов протоколов (например, анкетной части) следственных действий, транскрибирование информации, получаемой в ходе следственных действий вербального характера. Реализация указанных мер может значительно увеличить производительность труда следователя, сократить время, которое он затрачивает на выполнение простых, но многочисленных операций, постоянно встречающихся в деятельности субъектов расследования [8, с. 49].

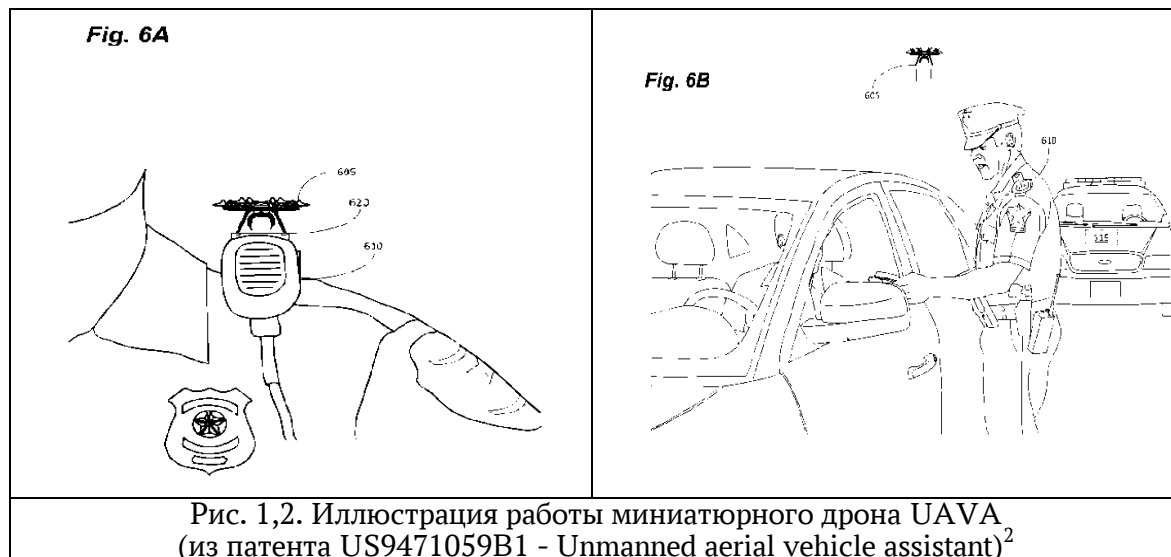
Одним из примеров реализации указанного подхода является формат «умных полицейских участков», который был недавно представлен в Дубае. Такие участки работают 24 часа в сутки 7 дней в неделю, принимая обращения. При этом для обслужи-

¹ O2 unveils Daisy, the AI granny wasting scammers' time. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.virginmediao2.co.uk/o2-unveils-daisy-the-ai-granny-wasting-scammers-time/> (дата обращения: 04.08.2025).

² В России создали человекоподобных роботов для отвлечения мошенников от обмана людей. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2023/09/20/21323114.shtml> (дата обращения: 04.08.2025).

вания не требуются люди – работу выполняют специальные терминалы, сочетающие интерактивные технологии и искусственный интеллект¹.

Отдельной группой перспективных систем ИИ являются автономные и полуавтономные роботизированные платформы – «Полицейская интеллектуальная робототехника» [9, с. 20–21; 10, с. 149]. Ещё в 2015 году *Amazon* оформила патент на миниатюрные дроны для полицейских. Полицейский дрон получил название *UAVA* (*Unmanned Aerial vehicle Assistant*), в переводе «беспилотный летательный аппарат-ассистент».

В настоящее время интеллектуальные роботы, используемые полицией, могут быть разделены на две большие группы: патрульные роботы (роботы охранники) и тактические полицейские роботы.

К числу первых могут быть отнесены, например, роботы, функционирующие в Международном аэропорту Нарита (Япония). Они представляют собой мобильную платформу высотой 120 см, способную мгновенно анализировать изображение, которое фиксируют установленные в них камеры. Также они оснащены динамиками и могут при необходимости обратиться к пассажирам с просьбой или требованием. Заявлено, что роботы будут следить за порядком в терминале, а также вести поиск забытых или подозрительных вещей³.

Первого интеллектуального робота в Индии (компания *H-Bots Robotics*) тестируют в Хайдарабаде. Робот самостоятельно передвигается, способен различать людей, отвечать на разнообразные вопросы, позволяет принимать заявления потерпевших и находить взрывчатые вещества. Разрабатывается план по применению полицейских роботов и в других индийских городах⁴.

¹ Неподкупный детектив: как искусственный интеллект борется с преступностью. [Электронный ресурс]. URL: https://www.dp.ru/a/2020/11/27/nepodkupnij_detektiv (дата обращения: 04.08.2025).

² Изображение с Интернет-ресурса [Электронный ресурс]. URL: <https://patents.google.com/patent/US9471059B1/en> (дата обращения: 05.08.2025).

³ В японском аэропорту – роботы с искусственным интеллектом. [Электронный ресурс]. URL: https://uza.uz/ru/posts/v-yaponskom-aeroportu-roboty-s-iskusstvennym-intellektom_381259 (дата обращения: 05.08.2025).

⁴ Полицейские роботы в современном мире. [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/XX5b4b1jlj6Cbi_U (дата обращения: 05.08.2025).

В китайском городе Шэнчжоу создали полицейских роботов, которые распознают лица и оказывают помощь полиции в розыске правонарушителей¹. Кроме того, они могут общаться с людьми и отвечать на различные вопросы.

Рис. 3. Китайский патрульный робот²

Американской компанией *KnightScope* создана серия роботов-охранников, они могут работать на закрытых объектах, в аэропортах, на вокзалах, на улицах.

Позволяют обнаружить оружие, также ведётся работы над системой, которая улавливает фоновые звуки, например взлом замка.

Благодаря алгоритмам система сможет определять местоположение такого события в пространстве, чтобы охранники имели возможность добраться на место происшествия ещё до того, как произойдёт преступление³.

Рис. 4. Американский патрульный робот⁴

В Южной Корее (в тюрьме Пхохан) проходит тестирование робота, который создан присматривать за заключёнными. Робот-охранник оснащён камерами и способен анализировать поведение лиц, находящихся под арестом, выявлять опасные сценарии и передавать информацию о них оператору⁵.

¹ Там же.

² Изображение с Интернет-ресурса [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/XX5b4b1jlj6Cbi_U (дата обращения: 05.08.2025).

³ Эпоха робокопов? Роботы вместо полицейских и тюремных охранников. [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/XxapXJM3LlNcwd8H?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera (дата обращения: 05.08.2025).

⁴ Изображение с Интернет-ресурса [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/XxapXJM3LlNcwd8H?utm_medium=organic&utm_source=yandexsmartcamera (дата обращения: 05.08.2025).

⁵ «You have 20 seconds to comply»: South Korea unleashes robot guards. [Электронный ресурс]. URL: <https://arstechnica.com/gadgets/2012/04/you-have-20-seconds-to-comply-south-korea-unleashes-robot-guards/> (дата обращения: 05.08.2025).

Рис.5. Южнокорейский тюремный робот-охранник¹

Ещё одна группа интеллектуальных роботов – тактические роботы. Так, польская полиция недавно получила в своё распоряжение нового робота-разведчика – *TRM* (*Taktyczny Robot Miotany*). Конструкция тактического робота позволяет забрасывать его в здания или спускать с высоты. Аппарат предназначен для разведки обстановки при помощи установленных на устройстве камер, микрофона и различных вариантов освещения, а также позволяет осуществлять доставку светозумовых гранат или взрывчатки, которые в дальнейшем могут быть активированы с помощью панели управления².

Рис. 6. Польский тактический полицейский робот³

Подобные устройства есть и в США. Робот *Throwbot 2 (TB2)* – это переносная микророботная платформа. Полицейские могут забрасывать его в окна или на крыши зданий, чтобы заглянуть внутрь. После развёртывания робот может перемещаться по зданию и передавать видео- и аудиосигнал в режиме реального времени. Эти функции разведки позволяют обнаруживать и идентифицировать объекты, подтверждать наличие заложников

¹ Изображение с Интернет ресурса [Электронный ресурс]. URL: <https://arstechnica.com/gadgets/2012/04/you-have-20-seconds-to-comply-south-korea-unleashes-robot-guards/> (дата обращения: 05.08.2025).

² Реальные робокоты: самые необычные роботы-полицейские мира. [Электронный ресурс]. URL: <https://ren.tv/longread/987782-samye-neobychnye-roboty-politseiskie-mira-s-iskusstvennym-intellektom?ysclid=mfawaywynq27110981> (дата обращения: 05.08.2025).

³ Изображение с Интернет ресурса [Электронный ресурс]. URL: <https://ren.tv/longread/987782-samye-neobychnye-roboty-politseiskie-mira-s-iskusstvennym-intellektom?ysclid=mfawaywynq27110981> (дата обращения: 05.08.2025).

и показывать планировку помещения. Заявлено, что робот способен преодолевать препятствия высотой до 10 см или переносить и буксировать полезную нагрузку весом до 1,8 кг с помощью встроенных точек крепления или дополнительной планки Пикатинни¹.

Рис.7. Американский тактический полицейский робот²

Ещё один пример – робота американской компании *Boston Dynamics*. Проект *Digidog* – это дистанционно управляемый робот, предназначенный для работы в опасных зонах. Робот может быть использован в качестве инструмента общественной безопасности – в 2020 году полиция Нью-Йорка использовала его для разведки в ситуации, когда в здании забаррикадировался преступник, а в 2021 году во время вторжения в дом, чтобы получить представление о том, что происходит внутри помещения³.

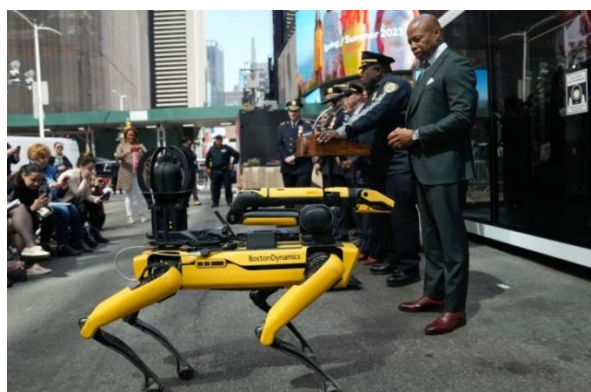

Рис. 8,9. Американский полицейский робот Digidog⁴

Китайский робот *Rotunbot RT-G* (компанию *Logon Technology*) – самобалансирующаяся сфера, которая может преследовать преступников со скоростью до 35 км/ч на суше или воде и наносить удары различными видами нелетального оружия. Устройство оборудовано разнообразными датчиками, включая GPS для определения местоположения, а также несколькими камерами и ультразвуковыми датчиками для наблюдения за окружающей обстановкой, предотвращения

¹ Throwbot. [Электронный ресурс]. URL: <https://robotsguide.com/robots/throwbot> (дата обращения: 05.08.2025).

² Изображение с Интернет ресурса [Электронный ресурс]. URL: <https://robotsguide.com/robots/throwbot> (дата обращения: 05.08.2025).

³ Полиция Нью-Йорка нанимает роботов Речь идет пока не о робокопах, а о робособаках [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalocean.ru/n/policiya-nyu-jorka-nanimaet-robotov?ysclid=mfawf8biz0924313453> (дата обращения: 05.08.2025).

⁴ Изображение с Интернет-ресурса [Электронный ресурс]. URL: <https://digitalocean.ru/n/policiya-nyu-jorka-nanimaet-robotov?ysclid=mfawf8biz0924313453> (дата обращения: 05.08.2025).

столкновений с людьми и объектами, а также для отслеживания угроз и целей. В настоящее время он проходит испытания с полицейскими патрулями в провинции Чжэцзян на юго-восточном побережье Китая. Для полицейских целей он был дополнительно модернизирован, были добавлены: слезоточивый газ, дымовые шашки, гудки и акустические разгонщики толпы, а также сетемет¹.

Рис. 10,11. Китайский полицейский робот Rotunbot²

Таким образом, в настоящее время уже видны предварительные очертания использования потенциала перспективных систем ИИ в деятельности по борьбе с преступностью. Основными направлениями их экспериментального применения на данный момент являются: системы профилактики и выявления преступлений в сети; интеллектуальные системы автоматизации деятельности правоохранительных органов; полицейская интеллектуальная робототехника.

1. Завьялов И.А. Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в раскрытии преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 228–236.
2. Гомозова О.Ю., Чаплыгина В.Н. Проблемные аспекты использования глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет в раскрытии и расследовании преступлений // Актуальные проблемы уголовно-процессуального права, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. Орёл, 2022. С. 17–19.
3. Колычева А. Н. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в раскрытие и расследование преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3(92). С. 172–179.
4. Таршева М. Н., Вастьянова О. Д. Искусственный интеллект в борьбе с преступностью: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 266–275.
5. Овчинский В. С. Технологии будущего против криминала («Коллекция Изборского клуба»). М.: Книжный мир. 2017. 288 с.
6. Шевелева К. В. Возможности использования технологий искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности: зарубежный опыт // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7(223). С. 448–450.
7. Химичева О. В., Андреев А. В. Некоторые замечания о принципах использования технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве России // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 240–243.

¹ Китайская полиция испытывает робота-сферу для борьбы с преступностью [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ixbt.com/live/offtopic/kitayskaya-policiya-ispytyvaet-robota-sferu-dlya-borby-s-prestupnostyu.html?ysclid=mfawcign4r153649678> (дата обращения: 05.08.2025).

² Изображения с Интернет-ресурса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ixbt.com/live/offtopic/kitayskaya-policiya-ispytyvaet-robota-sferu-dlya-borby-s-prestupnostyu.html?ysclid=mfawcign4r153649678> (дата обращения: 05.08.2025).

8. Сретенцев А. Н. К вопросу о методологии и дидактике криминалистики в эпоху цифровой трансформации // Вестник Самарского юридического института. 2024. № 5(61). С. 45–50.
 9. Быстрыakov Е. Н., Усанов И. В. Криминалистическая робототехника как новая отрасль криминалистической техники // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 1(7). С. 17–21.
 10. Смушкин А. Б. Криминалистическая робототехника: основы концепции // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 11(156). С. 146–153.
1. Zav`yalov I.A. Zarubezhny`j opy`t ispol`zovaniya iskusstvennogo intellekta v raskry`tii prestuplenij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 3. S. 228–236.
 2. Gomozova O.Yu., Chaply`gina V.N. Problemny`e aspekty` ispol`zovaniya global`noj informacionno-telekommunikacionnoj seti Internet v raskry`tii i rassledovanii prestuplenij // Aktual`ny`e problemy` ugovolno-processual'nogo prava, kriminalistiki i operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti. 2022. S. 17–19.
 3. Koly`cheva A. N. Perspektivy` vnedreniya iskusstvennogo intellekta v raskry`tie i rassledovanie prestuplenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 3 (92). S. 172–179.
 4. Tarsheva M. N., Vast`yanova O. D. Iskusstvenny`j intellekt v bor`be s prestupnost`yu: ugovolno-processual`ny`j i kriminalisticheskij aspekty` // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 3 (100). S. 266–275.
 5. Ovchinskij V. S. Tekhnologii budushhego protiv kriminala. («Kollekciya Izborskogo kluba»). M.: Knizhny`j mir. 2017. 288 s.
 6. Sheveleva K. V. Vozmozhnosti ispol`zovaniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v pravooxranitel`noj deyatel`nosti: zarubezhny`j opy`t // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 7 (223). S. 448–450.
 7. Ximicheva O. V., Andreev A. V. Nekotory`e zamechaniya o principax ispol`zovaniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v ugovolnom sudoproizvodstve Rossii // Vestnik e`konomicheskoy bezopasnosti. 2021. № 2. S. 240–243.
 8. Sretencev A. N. K voprosu o metodologii i didaktike kriminalistiki v e`poxu cifrovoj transformacii // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2024. № 5(61). S. 45–50.
 9. By`stryakov E. N., Usanov I. V. Kriminalisticheskaya robototexnika kak novaya otrasl` kriminalisticheskoy texniki // Problemy` ugovolnogo processa, kriminalistiki i sudebnoj e`kspertizy`. 2016. № 1(7). S. 17–21.
 10. Smushkin A. B. Kriminalisticheskaya robototexnika: osnovy` koncepcii // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2023. Т. 18. № 11(156). S. 146–153.

Информация об авторе

Андрей Николаевич Сретенцев. Профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Andrey N. Sretentsev. Professor of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation in Internal Affairs, candidate of Law.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОЗАПИСЕЙ В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ДЕЛАМ О ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Сучков Андрей Игоревич

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
России

andr2892@mail.ru

Аннотация. Эффективность применения видеозаписи напрямую зависит от её тактически грамотной интеграции в структуру каждого следственного действия, что исключает универсальность её использования. В статье предложены тактические рекомендации, позволяющие систематизировать работу следователя с видеоданными, минимизировать риски утраты доказательств, а также повысить общее качество и эффективность расследования дорожно-транспортных преступлений в условиях цифровой трансформации. Автором предложен алгоритм действий следователя по использованию видеозаписи для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по данной категории уголовных дел.

Ключевые слова: следователь, следственные действия, видеозапись, расследование, дорожно-транспортные преступления.

Для цитирования: Сучков А. И. Использование видеозаписей в качестве доказательств по делам о дорожно-транспортных преступлениях // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 461–470.

USE OF VIDEO RECORDS AS EVIDENCE IN ROAD TRANSPORT CRIMES

Andrei Ig. Suchkov

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

andr2892@mail.ru

Annotation. The effectiveness of using video recordings directly depends on their tactical integration into the structure of each investigative action, which eliminates the universality of their use. The article provides tactical recommendations that allow investigators to systematize their work with video data, minimize the risks of losing evidence, and improve the overall quality and efficiency of investigating traffic crimes in the context of digital transformation. The author proposes an algorithm for investigators to use video recordings to establish the circumstances that need to be proven in this category of criminal cases.

Keywords: investigator, investigative actions, video recording, investigation, traffic crimes.

For citation: Suchkov A. I. Use of video records as evidence in road transport crimes // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 461–470.

Расследование дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), которые влекут тяжкий вред или смерть, всегда представляет собой достаточно сложный процесс, который порой сопровождается повышенным общественным резонансом [1, с. 155].

Ключевым элементом предварительного следствия по делам о дорожно-транспортных преступлениях является работа с видеозаписями регистраторов. Их поиск, изъятие и последующий анализ приобретают особое значение в условиях сложного механизма преступления, который может включать как отдельный вид ДТП, так и совокупность нескольких видов [2, с. 236].

Расследование дорожно-транспортных происшествий, совершённых в условиях неочевидности, сопряжено со значительными процессуальными и криминалистическими сложностями [3, с. 299].

Электронные следы являются весьма сложным объектом криминалистического исследования в силу того, что они недоступны для непосредственного человеческого восприятия, а также могут быть отделены от материального носителя без взаимных изменений, их возможно быстро обрабатывать, изменять и уничтожать в том числе путём удалённого доступа [4, с. 330].

Видеореги­стратор, устанавливаемый в автомобиле, либо иные средства фиксации видеоизображений является носителем видеogramм, на которых запечатлены события дорожно-транспортного происшествия. Так как объектом видеотехнической экспертизы являются видеogramмы, то на экспертизу может быть предоставлен как сам видеореги­стратор с видеоизображениями, так и отдельно видеogramма на носителе [5, с. 29].

При крайних обстоятельствах информационной неопределённости, например: только при наличии записи камеры видеонаблюдения, автотехническую экспертизу можно провести и по этой информации.

Основное требование к исходной информации – стационарное расположение камеры видеонаблюдения, не меняющее условия съёмки [6, с. 42]. В данном случае речь идёт о камерах наружного видеонаблюдения, соответственно, данное требование к видеореги­стратору, установленному в салоне транспортного средства, предъявляться не может.

В связи с изложенным представляется целесообразным комплексное использование всех имеющихся видеозаписей для установления обстоятельств, причин и условий ДТП. При этом анализу подлежат не только записи непосредственного момента дорожно-транспортного происшествия, но и видеоматериалы, фиксирующие обстановку, предшествовавшую ему. Указанные материалы следует применять не только в рамках судебных экспертиз, но и непосредственно при производстве следственных действий.

Анализ видеозаписи предоставляет следователю возможность оценить не только внешнюю дорожную обстановку, но и ситуацию внутри салона транспортного средства в процессе развития критической дорожной ситуации:

1) проанализировать действия и психофизиологическую реакцию водителя: оценить адекватность и своевременность его реакции на возникшую опасность; определить, воспринимал ли водитель ситуацию как реально опасную; установить характер реакции на развивающуюся аварийную ситуацию;

2) выявить внешние воздействия на управление транспортным средством: зафиксировать возможное вмешательство пассажиров в управление; обнаружить воздействие на органы управления (рулевое колесо, рычаг переключения передач, стояночный тормоз); установить факты физического или психологического воздействия на водителя.

Анализ видеозаписи салона транспортного средства предоставляет возможность установления причин ДТП, которые могут быть связаны со следующими обстоятельствами:

1) отвлечение водителя от управления транспортным средством (общение с пассажирами, использование мобильных устройств);

2) нахождение водителя в сонном или ином болезненном состоянии;

3) несвоевременная реакция на стремительно развивающуюся аварийную ситуацию.

Проведённый анализ правоприменительной практики позволил систематизировать тактические приёмы производства следственных действий с использованием видеоданных с регистраторов транспортных средств и камер наружного наблюдения. Комплексное использование указанных материалов даёт возможность:

- оценить поведение участников дорожного движения на всех этапах развития опасной ситуации;
- определить объективные параметры движения транспортных средств;
- установить субъективные факторы, повлиявшие на действия водителя.

Современные подходы к организации дорожного движения всё чаще опираются на технологии интеллектуальных транспортных систем. Их внедрение позволяет решать комплекс задач: от повышения пропускной способности магистралей и сокращения времени поездок до уменьшения вредных выбросов и сбора больших данных для анализа. Как показывает исследование, функциональное ядро таких систем составляют средства видеомониторинга, установленные на дорогах. С помощью алгоритмов компьютерного зрения они в режиме реального времени анализируют транспортные потоки, определяя ключевые параметры (интенсивность, скорость, плотность), а также фиксируя инциденты, такие как ДТП или выезд на встречную полосу [7, с. 8].

Уникальный случай в следственной и судебной практике: уголовная ответственность за умышленное преступление, совершенное посредством ДТП. В правоприменительной практике зафиксирован беспрецедентный случай привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего особо тяжкое преступление путём инсценировки дорожно-транспортного происшествие. Речь идёт о так называемом «спровоцированном ДТП», когда транспортное средство используется в качестве орудия преступления. Детальный анализ видеозаписи с места происшествия в г. Иркутске позволил переквалифицировать деяние со статьи 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) на более тяжкие составы преступлений.

Так, Иркутским областным судом 29 января 2020 года водитель П.С.В. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 111 УК РФ «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ «умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»; п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ «убийство»; ч. 1 ст. 167 УК РФ «умышленное уничтожение имущества»¹.

Данный правовой подход принципиально отличается от общепринятой практики квалификации подобных действий. Вместо стандартного применения ч. 3 ст. 264 УК РФ суд квалифицировал действия виновного как умышленные преступления против жизни и здоровья. Этот судебный акт устанавливает важный правовой прецедент, демонстрирующий возможность переквалификации инсценированных ДТП в умышленные преступления.

Так, во время движения П.С.В. решил, что водитель автомобиля марки «Киа Рио» под управлением Ж. совершил опасный манёвр перед его автомобилем. В связи с этим у П.С.В. на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений из мести возник умысел на совершение опасного манёвра в отношении водителя автомобиля «Киа Рио», учитывая, что его автомобиль имеет массу 2 260 кг, которая значительно превышает массу и размер автомобиля «Киа Рио» (1 160 кг). Реализуя намеченное, П.С.В., нарушая требования п.п. 10.2, 8.4 Правил дорожного движения, действуя умышленно, общественно опасным способом, превышая разрешённую скорость движения, двигаясь со скоростью около 85 км/ч, целенаправленно резко отклонил влево управляемый им автомобиль

¹ Обвинительный приговор № 2-4/2020 (2-46 / 2019) в отношении П.С.В. по факту ДТП от 08 октября 2018 года (г. Иркутск) [Электронный ресурс]. URL: <https://oblsud--irk.sudrf.ru> (дата обращения 01.10.2025).

«Тойота Ленд Крузер» и на значительной скорости направил его в сторону автомобиля «Киа Рио».

Таким образом, П.С.В. умышленно ударил автомобиль «Киа Рио» своим автомобилем, применяя его в качестве предмета, используемого в качестве оружия, сознавая, что действует общеопасным способом, своими действиями создаёт опасность для жизни и здоровья водителя автомобиля «Киа Рио» и пассажиров, а также других лиц – участников дорожного движения, в том числе для жизни водителя автомобиля «Мицубиси» под управлением А., двигающегося во встречном направлении.

В результате этого автомобиль «Киа Рио» под управлением Ж. по независящим от неё причинам выехал на полосу встречного движения, где столкнулся с двигавшимся во встречном направлении автомобилем «Мицубиси Лансер» под управлением А., так как по причине неправомерных действий П.С.В. и скоротечности происходящего водителя указанных автомобилей не имели технической возможности предотвратить столкновение управляемых ими автомобилей.

Несомненно, исследование видеоматериалов, включая анализ условий фиксации, характеристик носителей и следов обработки, занимает важное место в раскрытии преступлений. Эволюция видеотехнической экспертизы проявляется в изменении как её задач, так и методологии их решения¹. Стоит отметить, что видеозапись ДТП не всегда является информативной и имеющей хорошее качество записи. Так, в рамках назначенной автотехнической экспертизы требовалось определить скорость движения столкнувшихся автомобилей, дистанцию между транспортными средствами в транспортном потоке на момент возникновения критической ситуации, а также положения транспортных средств по полосам движения.

Качество видеозаписи и ракурс съёмки не позволяли установить указанные параметры непосредственно из видеоматериалов. В качестве метода исследования было избрано натурное моделирование, суть которого заключалась в следующем: на основе космических снимков местности был построен масштабированный план-схема участка дороги; в качестве исходной точки на плане было определено место расположения видеокамеры; от данной точки были построены линии визирования на стационарные объекты, находящиеся в зоне места дорожно-транспортного происшествия [8, с. 208]. Одна из ключевых задач эксперта-видеотехника при расследовании уголовных дел – определение средней скорости движения участников дорожного движения. Это обусловлено необходимостью установления скорости различных участников ДТП, к которым относятся: скорость движения транспортного средства; скорость движения велосипедиста; скорость движения пешехода; скорость движения при осуществлении манёвров.

Назначение видеотехнической экспертизы не ограничивается вынесением следователем соответствующего постановления. Подготовка к проведению экспертизы включает предоставление дополнительных сведений, которые могут быть получены исключительно в ходе следственных действий. Речь идёт, в частности, о повторном осмотре места ДТП с фиксацией ранее не зарегистрированных параметров и проведении необходимых измерений, которые не осуществлялись при первоначальном осмотре. На основе практического опыта автора, полученного в специализированном следственном отделе по расследованию ДТП регионального следственного управления, проиллюстрируем процедуру дополнительного осмотра места происшествия на примере дела о наезде на пешехода.

В ходе расследования с фасада здания, прилегающего к проезжей части, была изъята видеозапись с камеры наружного наблюдения. Для установления скорости транспортного средства, совершившего наезд на пешехода на нерегулируемом пешеходном переходе, потребовалось назначение видеотехнической экспертизы. В рамках дополни-

¹ О перспективах развития видеотехнической экспертизы [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/upload/site1/> (дата обращения: 01.10.2025).

тельного осмотра места ДТП использовались дорожные вехи высотой 1,5 метра на подставках (рис. 1), которые размещались на проезжей части с интервалом один метр между осями столбиков. Данные мероприятия позволили создать масштабные ориентиры, необходимые для последующего экспертного исследования видеозаписи.

Рис. 1. Рабочий момент дополнительного осмотра участка проезжей части

Для проведения следственного эксперимента был задействован участок проезжей части перед нерегулируемым пешеходным переходом, расположенный до места наезда на пешехода, установленного в ходе первоначального осмотра. После завершения дополнительного осмотра следователю необходимо повторно изъять видеозапись с камер наблюдения, зафиксировавших размещение сигнальных вех на проезжей части в месте ДТП. Полученные материалы направляются в экспертное учреждение в качестве приложения к постановлению о назначении видеотехнической экспертизы. Соблюдение данного порядка является обязательным условием для получения заключения эксперта с установлением скорости движения транспортного средства непосредственно перед наездом на пешехода. Таким образом, качественная подготовка дополнительных материалов следователем имеет основополагающее значение для проведения видеотехнических экспертиз по делам о дорожно-транспортных преступлениях.

Однако изъятие видеорегистратора вместе с картой памяти транспортного средства при осмотре места ДТП не всегда гарантирует успех последующего расследования. Это характерно для случаев, когда запись не сохраняется на накопителе из-за сильного механического воздействия на автомобиль во время происшествия. Повреждение или полное разрушение самого видеорегистратора в результате удара также приводит к утрате видеоданных. Так, по уголовному делу о ДТП от 14 декабря 2019 года¹, возбуждённого по факту столкновения автомобилей «Форд» и «ВАЗ-2115» на автодороге «Орёл – Ефремов» в Орловском районе Орловской области, повлёкшего гибель водителя и пассажира автомобиля «ВАЗ-2115», в ходе осмотра места происшествия из автомобиля «Форд» был изъят видеорегистратор с картой памяти. Целью изъятия являлось обнаружение видеофайла, зафиксировавшего обстоятельства дорожно-транспортного происшествия. Однако при подключении карты памяти с маркировкой «SD» через устройство для считывания USB-накопителей к ноутбуку было установлено, что на указанном носителе присутствует папка, при открытии которой обнаружены видеозаписи в формате AVI.

Для предварительного следствия представлял интерес файл, содержащий видеозапись с регистратора автомобиля «Форд» от 14 декабря 2019 года. Транспортное средство двигалось по автодороге в направлении от Орла к посёлку городского типа Зале-

¹ Уголовное дело № 1-70/2020 в отношении С.В.В. по ч. 5 ст. 264 УК РФ. Архив Орловского районного суда Орловской области [Электронный ресурс]. URL: <https://orlovsky.orl.sudrf.ru> (дата обращения 01.10.2025).

гощ. В ходе осмотра видеозаписи было установлено, что водитель С.В.В. при выполнении обгона двух транспортных средств пересёк сплошную линию разметки 1.1. Видеофайл обрывался в момент совершения данного нарушения; столкновение с автомобилем «ВАЗ-211540» на записи зафиксировано не было (рис. 2).

Рис. 2. Фрагменты стоп-кадров, предшествующие обрыву видеозаписи

Вместе с тем проблема восстановления повреждённых видеофайлов с карт памяти видеорегистраторов может быть решена в ходе осмотра вещественных доказательств с привлечением специалиста, обладающего познаниями в области специализированного программного обеспечения. Так, по уголовному делу о ДТП от 22 июня 2017 года¹, возбуждённому по факту столкновения экскаватора-погрузчика «New Holland B115-B» и автомобиля «Шкода Октавия» на автодороге «Орёл – Тамбов» в Орловском районе Орловской области, повлёкшего гибель водителя автомобиля «Шкода Октавия», в ходе осмотра места происшествия было установлено, что в салоне автомобиля ранее был установлен видеорегистратор. На это указывали следы крепления на лобовом стекле и провода питания. Однако сам видеорегистратор с картой памяти обнаружен не был, поскольку родственники погибшего изъяли его до прибытия следственно-оперативной группы. В последующем указанные видеорегистратор и карта памяти были изъяты в ходе производства выемки с целью обнаружения видеофайла, зафиксировавшего обстоятельства дорожно-транспортного происшествия. При осмотре видеорегистратора в нём была обнаружена карта памяти. Анализ её содержимого показал наличие папки с несколькими видеофайлами. Для восстановления несохранных данных (фрагментов видеофайлов, утраченных вследствие экстренного отключения питания устройства) использовались программы «Active FileRecovery 7.5.1» и «DMDE 3.0.4 Express Edition». После успешного восстановления видеофайл был просмотрен (рис. 3), он и зафиксировал дорожную обстановку, предшествовавшую ДТП. В целях сохранения вещественного доказательства восстановленный файл был записан на оптический диск.

Рис. 3. Восстановленный видеофайл
с изображением дорожной обстановки до момента ДТП

¹ Уголовное дело № 1-11/2018 (1-122/2017) в отношении Б.Е.В. по ч. 3 ст. 264 УК РФ. Архив Орловского районного суда Орловской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://orlovsky.orl.sudrf.ru> (дата обращения 01.10.2025).

После проведения осмотра видеофайла, зафиксировавшего ДТП, был незамедлительно произведён дополнительный осмотр места происшествия. В ходе осмотра установлено, что на проезжей части автодороги «Орёл – Тамбов», помимо временной сплошной линии разметки 1.1 (жёлтого цвета), нанесены метки белой краской (рис. 4). При проведении дополнительного осмотра на участке 8 км + 800 м автодороги «Орёл – Тамбов» зафиксированы следующие расстояния: от места столкновения транспортных средств до метки № 1 – 14,2 м; между меткой № 1 и меткой № 2 – 19,8 м; между меткой № 2 и меткой № 3 – 20,2 м; между меткой № 3 и меткой № 4 – 19,9 м; между меткой № 4 и меткой № 5 – 20,3 м.

Рис. 4. Временная дорожная разметка
на участке автодороги «Орёл – Тамбов»

Таким образом, в ходе расследования было установлено, что в момент возникновения опасности экскаватор-погрузчик перекрыл полосу движения, в то время как автомобиль находился у дорожной метки № 3. Расстояние от данной метки до места столкновения составило 54,2 метра.

Таким образом, комплексное и последовательное проведение следственных действий, включая анализ видеозаписи с автомобильного регистратора, позволяет восстановить полную картину дорожно-транспортного происшествия – от момента возникновения аварийной ситуации до её разрешения. Данный подход имеет особое значение при расследовании спровоцированных ДТП. По нашему мнению, ключевой задачей расследования ДТП, произошедших без непосредственного контакта транспортных средств, является объективная техническая оценка действий водителя в условиях аварийной обстановки, а также анализ реакции иных участников дорожного движения на возникшую опасность.

В качестве примера эффективного использования видеозаписей в расследовании целесообразно обратиться к материалам уголовного дела о ДТП на автодороге «Орёл – Тамбов», получившего значительный общественный резонанс. Ливенский районный суд Орловской области рассматривал дело № 1-1-59/2019¹ по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 264 УК РФ, совершённого 30 октября 2016 года. В ходе досудебного и судебного производства установлено, что водитель автомобиля «Лада» совершил выезд на полосу встречного движения и приступил к обгону нескольких транспортных средств на участке дороги, обозначенном дорожным знаком «Обгон запрещён», тем самым нарушив требования дорожных знаков и разметки. Параллельно в попутном направлении осуществлял движение автомобиль «Пежо», водитель которого,

¹ Уголовное дело № 1-1-59/2019 в отношении С.А.И. и К.В.В. по ч. 5 ст. 264 УК РФ. Архив Ливенского районного суда Орловской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://livenisky----orl.sudrf.ru> (дата обращения 01.10.2025).

обнаружив автомобиль «Лада» на своей полосе движения, предпринял действия по избежанию столкновения путём смещения к правой обочине, что привело к зацепу колёс за грунтовое покрытие обочины. Прямого столкновения между автомобилями «Лада» и «Пежо» не произошло; транспортные средства разъехались без физического контакта. Однако водитель автомобиля «Пежо», предпринимая манёвр уклонения, потерял контроль над управлением, что привело к неконтролируемому выезду на полосу встречного движения. В результате данного нарушения произошло столкновение автомобиля «Пежо» с автомобилем «ВАЗ». Водитель автомобиля «Лада Калина» покинул место происшествия, поскольку его транспортное средство не имело физического контакта с участниками аварии.

Анализ видеозаписи с транспортного средства, не участвовавшего в ДТП, позволил восстановить хронологию событий. На 22-й секунде автомобиль «Лада Калина» начал обгон в условиях ограниченной видимости, игнорируя предупреждающие сигналы большегрузного автомобиля. На 30-й секунде на встречной полосе зафиксирован автомобиль «Газель». На 1-й минуте 40-й секунде произошло столкновение в районе Кургана Славы (Ливенский район, Орловская область). Последующий осмотр места происшествия (1-я минута 59-я секунда) выявил характерные признаки ДТП: взвешенные частицы снега в кювете, осколки и детали транспортных средств, а также дугообразный след протектора большегрузного автомобиля с выходом на встречную полосу в интервале 1–11 секунд записи. Данные видеоматериалы стали ключевым доказательством при установлении механизма дорожно-транспортного происшествия.

Данный пример наглядно демонстрирует существенную доказательственную ценность видеозаписей с регистраторов транспортных средств. Отсутствие записи, фиксирующей непосредственный момент столкновения, негативно повлияло на ход расследования, которое продолжалось в течение трёх лет. Вместе с тем в распоряжении следствия имелась видеозапись, запечатлевшая начальную стадию развития аварийной ситуации. Анализ данного фрагмента оказал значительное влияние на формирование итоговой следственной версии, определив тактику и объём последующих следственных действий.

В ходе исследования видеозаписей могут решаться и другие, менее распространённые задачи, такие как определение режима работы осветительных приборов транспортных средств и светофорных объектов, диагностика неуправляемого движения ТС, диагностика технического состояния ТС [9, с. 82].

Таким образом, анализ позволяет констатировать, что видеозапись представляет собой наиболее объективный источник информации о дорожно-транспортном происшествии. Её ключевое доказательственное значение заключается в фиксации: обстоятельств, предшествовавших развитию аварийной обстановки; механизма формирования опасной ситуации; непосредственных последствий ДТП. Наличие видеоматериалов позволяет исключить ошибочную интерпретацию механизма происшествия в условиях отсутствия вещественных доказательств: следов шин на проезжей части и повреждений на кузовных элементах транспортных средств. Наличие видеозаписи, фиксирующей механизм развития дорожно-транспортного происшествия, а также условия и причины, предшествовавшие созданию аварийной обстановки, позволяют органам предварительного следствия:

- установить причинно-следственную связь между действиями виновника и наступившими последствиями;
- обоснованно квалифицировать действия участников происшествия;
- соблюсти принципы объективности и всесторонности расследования.

Достоверная видеофиксация обеспечивает неотвратимость уголовной ответственности для лица, создавшего аварийную ситуацию, и гарантирует реализацию конститу-

ционного права на доступ к правосудию для потерпевших (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

1. Сучков А. И. Спровоцированное дорожно-транспортное происшествие: тактика расследования // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 4 (43). С. 154-157.
2. Сучков А. И. Типичные следственные ситуации и тактика первоначальных следственных действий при расследовании спровоцированных дорожно-транспортных происшествий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4 (101). С. 235-241.
3. Сезонова, Т.В. Особенности организации и планирования расследования преступлений против безопасности дорожного движения, совершённых в условиях неочевидности // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования: Материалы XIX Международной научно-практической конференции, Орёл, 24 апреля 2025 года. Орёл: Орловский юридический институт МВД РФ им. В.В. Лукьянова, 2025. С. 298-301.
4. Особенности автотехнической экспертизы ДТП по данным материалов видеозаписи камер наблюдения / А.Д. Ефимов, Б.Г. Гасанов, А.Н. Бессарабов, К.М. Ефимова // Современные прикладные исследования: Материалы пятой национальной научно-практической конференции, Шахты, 17–19 марта 2021 года. Том 1. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 2021. С. 41-46.
5. Евдокимова В. А. К вопросу о возможности назначения видео-технической экспертизы цифровых видеозаписей, полученных с видеорегистраторов, по установлению обстоятельств дорожно-транспортных происшествий // Криминологический журнал. 2018. № 3. С. 27-30.
6. Колотушкин С. М. Использование спутниковой картографии и материалов видеозаписи при расследовании ДТП // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: Сборник материалов МНПК. К 300-летию российской полиции, Орел, 18–19 октября 2018 года / Под редакцией Е.Б. Гришина. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2018. С. 207-213.
7. Проказин Д.Л. Интеллектуальные транспортные системы (ITS): исследование возможностей применения ITS для управления потоками, мониторинга дорожной ситуации и повышения безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2025. № 2. С. 6-10.
8. Сретенцев Д. Н. Использование криминалистически значимой информации, содержащейся в электронных следах, при расследовании дорожно-транспортных преступлений // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования: Материалы XIX Международной научно-практической конференции, Орёл, 24 апреля 2025 года. Орёл: Орловский юридический институт МВД РФ им. В.В. Лукьянова, 2025. С. 329-332.
9. Петров С. М. Исследование материалов видеозаписи с целью установления обстоятельств дорожно-транспортного происшествия // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 4(32). С. 62-82.

1. Suchkov A. I. Sprovocirovannoe dorozhno-transportnoe proisshestvie: taktika rassledovaniya // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2024. № 4 (43). S. 154-157.
2. Suchkov A. I. Tipichny`e sledstvenny`e situacii i taktika pervonachal`ny`x sledstvenny`x dejstvij pri rassledovanii sprovocirovanny`x dorozhno-transportny`x proisshestvij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 4 (101). S. 235-241.

3. Sezonova, T.V. Osobennosti organizatsii i planirovaniya rassledovaniya prestuplenij protiv bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya, sovershyonny`x v usloviyax neochevidnosti // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya: Materialy` XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Oryol, 24 aprelya 2025 goda. Oryol: Orlovskij yuridicheskij institut MVD RF im. V.V. Luk`yanova, 2025. S. 298-301.
4. Osobennosti avtotekhnicheskoy e`kspertizy` DTP po dannym materialov videozapisi kamer nablyudeniya / A.D. Efimov, B.G. Gasanov, A.N. Bessarabov, K.M. Efimova // Sovremennyye prikladny`e issledovaniya: Materialy` pyatoy nacional`noj nauchno-prakticheskoy konferencii, Shaxty`, 17–19 marta 2021 goda. Tom 1. Novocherkassk: Yuzhno-Rossiiskij gosudarstvenny`j politexnicheskij universitet (NPI) imeni M.I. Platova, 2021. S. 41-46.
5. Evdokimova V. A. K voprosu o vozmozhnosti naznacheniya video-tekhnicheskoy e`kspertizy` cifrovyy`x videozapisej, poluchenny`x s videoregistratorov, po ustanovleniyu obstayatel`stv dorozhno-transportny`x proisshestvij // Kriminologicheskij zhurnal. 2018. № 3. S. 27-30.
6. Kolotushkin S. M. Ispol`zovanie sputnikovoj kartografii i materialov videozapisi pri rassledovanii DTP // Sovremennoe ugolovno-processual`noe pravo - uroki istorii i problemy` dal`nejshego reformirovaniya: Sbornik materialov MNPK. K 300-letiyu rossijskoj policii, Orel, 18–19 oktyabrya 2018 goda / Pod redakciej E.B. Grishina. Orel: OrYuI MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova, 2018. S. 207-213.
7. Prokazin D.L. Intellektual`ny`e transportny`e sistemy` (ITS): issledovanie vozmozhnostej primeneniya ITS dlya upravleniya potokami, monitoringa dorozhnoj situacii i povysheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2025. № 2. S. 6-10.
8. Sretencev D. N. Ispol`zovanie kriminalisticheski znachimoj informacii, soderzhashhejsya v e`lektronny`x sledax, pri rassledovanii dorozhno-transportny`x prestuplenij // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya: Materialy` XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Oryol, 24 aprelya 2025 goda. Oryol: Orlovskij yuridicheskij institut MVD RF im. V.V. Luk`yanova, 2025. S. 329-332.
9. Petrov S. M. Issledovanie materialov videozapisi s cel`yu ustanovleniya obstayatel`stv dorozhno-transportnogo proisshestiya // Teoriya i praktika sudebnoj e`kspertizy`. 2013. № 4(32). S. 62-82.

Информация об авторе

Андрей Игоревич Сучков. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного следствия в ОВД.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Andrei Ig. Suchkov. Head Teacher of the chair of Criminalistics and Preliminary Investigation at the Internal Affairs Department.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

Сущенко Светлана Алексеевна

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

svetlana.sushchenko@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемные аспекты представления результатов оперативно-разыскной деятельности органам предварительного расследования, связанные с противоречиями между ведомственным регулированием порядка представления результатов ОРД и требованиями уголовно-процессуального закона, отсутствием возможности проверки в стадии возбуждения уголовного дела достоверности результатов ОРД, представляемых следователю или органу дознания, а также с допустимостью пределов представления результатов ОРД, обусловленных требованиями конспирации, негласным характером оперативно-разыскных мероприятий и необходимостью защиты отдельных категорий граждан и сотрудников.

Ключевые слова: результаты оперативно-разыскной деятельности, представление оперативно-разыскной деятельности, использование результатов оперативно-разыскной деятельности, оперативно-разыскные мероприятия.

Для цитирования: Сущенко С. А. Представление результатов оперативно-разыскной деятельности: современное состояние и проблемы // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 471–476.

PRESENTATION OF THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES: CURRENT STATE AND PROBLEMS

Svetlana A. Sushchenko

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

svetlana.sushchenko@yandex.ru

Annotation. The article examines the problematic aspects of presenting the results of operational-search activities to the preliminary investigation bodies, which are related to the contradictions between the departmental regulation of the procedure for presenting the results of operational-search activities and the requirements of the criminal procedure law, the lack of an opportunity to verify the reliability of the results of operational-search activities presented to the investigator or the body of inquiry at the stage of initiating a criminal case, as well as the permissibility of the limits of presenting the results of operational-search activities, which are determined by the requirements of secrecy, the covert nature of operational-search activities, and the need to protect certain categories of citizens and employees.

Keywords: results of operational and investigative activities, presentation of operational and investigative activities, use of results of operational and investigative activities, operational and investigative measures.

For citation: Sushchenko S. A. presentation of the results of operational investigative activities: current state and problems // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 471–476.

Успешное расследование преступлений, в особенности совершённых в условиях неочевидности или организованными преступными группами, далеко не всегда может быть осуществлено лишь путём производства следственных или иных процессуальных действий. В указанных случаях важнейшее значение приобретает использование специфических возможностей оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), которые способствуют решению целого ряда задач, связанных с обеспечением уголовно-процессуальной деятельности. Вопросы, связанные с представлением результатов ОРД, в разное время в различной степени разрабатывались целым рядом учёных, специализирующихся как в теории ОРД (К. К. Горяинов, В. С. Овчинский, Г. К. Синилов, А. Ю. Шумилов, А. Е. Чечетин), так и учёных-процессуалистов (А. В. Агутин, Е. А. Доля, В. И. Зажицкий, А. В. Земскова, А. В. Смирнов, А. А. Сумин, О. В. Химичева). Однако, несмотря на свою кажущуюся изученность, вопросы представления и использования результатов ОРД остаются предметом острой научной дискуссии. Данное обстоятельство обусловлено рядом причин.

Понятие «результаты ОРД» используется как в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ), так и в Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее – Закон об ОРД). Однако Закон об ОРД не формулирует правовое определение результатов оперативно-разыскной деятельности, тем самым усложняя применение норм, регулирующих вопросы использования её результатов. В уголовно-процессуальном законе (п. 36.1 ст. 5 УПК РФ) результаты ОРД определяются как «сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершённого преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следователя или суда». Данные разъяснения ограничиваются общей отсылкой к Закону об ОРД, который, в свою очередь, сам не содержит определения результатов ОРД. Приведённое в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ понятие не отражает направления использования результатов оперативно-разыскной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Как следствие, сформировались разнообразные подходы к теоретическому пониманию и толкованию этого понятия. Если исходить из спектра направлений использования результатов ОРД, то содержание данного понятия в теории ОРД гораздо шире уголовно-процессуального значения этого термина. Сложившаяся правовая неопределённость негативно влияет на возможность использования названных результатов в уголовном процессе и ведёт к возникновению различного толкования возможности их использования, в том числе и в доказывании по уголовному делу [6, с. 61].

Статья 89 УПК РФ, регламентирующая использование результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании, имеет крайне некорректную формулировку и не конкретизирует механизм её реализации [3, с. 121]. Вышеуказанная правовая норма также не воспроизводит содержание ст. 11 Закона об ОРД, регулирующей в рамочной форме основные направления и порядок использования результатов указанной деятельности. Всё это усугубляется правовой несостыкованностью норм Закона об ОРД и основанного на нём подзаконного регулирования, касающегося порядка представления результатов ОРД Инструкции о порядке представ-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

² Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (далее – Инструкция)¹.

Остаётся дискуссионным вопрос о возможности регулирования порядка представления результатов ОРД следователю (органу дознания) ведомственными нормативными актами. Так, статья 11 Закона Об ОРД устанавливает, что этот порядок регламентируется ведомственными нормативно-правовыми актами, вышеуказанной Инструкцией. УПК РФ не регулирует порядок представления результатов ОРД несмотря на то, что оно является начальным моментом возникновения уголовно-процессуальных правоотношений. Таким образом, существует не меньше оснований говорить о том, что представление результатов ОРД должно регулироваться всё же уголовно-процессуальным законом.

Вызывает сомнения и положение ст. 11 Закона об ОРД, согласно которому передача результатов ОРД органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность. Подобная формулировка представляется крайне неудачной, так как она создаёт почву для злоупотреблений, предоставляя руководителю свободу усмотрения в вопросе передачи или сокрытия полученных сведений. Это может привести к умышленному блокированию возбуждения уголовного дела или оказанию влияния на его ход путём утаивания значимой доказательственной информации. При этом средства прокурорского надзора зачастую не позволяют выявить подобные нарушения, поскольку результаты ОРД могут быть намеренно разрознены по разным номенклатурным делам и делам оперативного учёта, что исключает их комплексный анализ.

Особая правовая природа результатов ОРД, отличная от уголовно-процессуальной, предопределяет их использование уже на стадии возбуждения уголовного дела. Однако и на данной стадии возникает ряд противоречий. С одной стороны, ст. 11 Закона об ОРД позволяет использовать любые результаты ОРД в качестве повода и основания для возбуждения дела. С другой – ч. 2 ст. 140 УПК РФ признаёт основанием для возбуждения уголовного дела не сами по себе сведения, каковыми по смыслу п. 36.1 ст. 5 УПК РФ являются результаты ОРД, а наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, то есть их определённой качественно-количественной характеристики.

Существует проблема эффективности проверки достоверности результатов ОРД, представляемых следователю или органу дознания. С одной стороны, статья 140 УПК РФ признаёт основанием для возбуждения дела «достаточные данные, указывающие на признаки преступления», что теоретически допускает использование результатов ОРД, поскольку они подпадают под категорию «данных». С другой стороны, отсутствует научно обоснованный и отражённый в уголовно-процессуальных нормах механизм, а также реальная возможность полноценной процессуальной проверки достоверности и допустимости таких сведений на данной стадии. Ограниченный круг допустимых следственных действий объективно превращает оценку результатов ОРД в предположительную [1, с. 85]. В итоге, если основанием для возбуждения уголовного дела служат в основном результаты ОРД, высока вероятность принятия незаконного или необоснованного решения. Подобный риск обусловлен возможными нарушениями в ходе проведения ОРМ, некачественной проверкой информации сотрудниками оперативных подразделений и риском фальсификации данных или провокации преступления. Как

¹ Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [Электронный ресурс]: приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

следствие, уголовное дело может быть возбуждено при отсутствии признаков состава преступления или в отношении непричастного лица [7, с. 22]. Таким образом, в рамках действующего уголовно-процессуального закона и правоприменительной практики данная проблема остаётся неразрешимой.

На практике нередко возникают проблемные ситуации, связанные с представлением результатов ОРД, полученных в ходе ОРМ с использованием специальных технических средств (далее – СТС). Судебная практика свидетельствует о том, что сторона защиты на стадии предварительного расследования или судебного разбирательства заявляет ходатайства о признании недопустимыми доказательств, сформированных с использованием результатов ОРД, полученных с применением СТС, аргументируя это непредоставлением самих СТС или сведений об их технических характеристиках следователю при назначении технических и фоноскопических экспертиз аудио- и видеозаписи. В свою очередь, оперативные подразделения ОВД, осуществляющие применение СТС, считают категорически недопустимым представление СТС следователю, поскольку существует риск утечки сведений о технических характеристиках таких технических средств, а их применение раскрывает тактику и методы проведения ОРМ, что относится к сведениям, составляющим государственную тайну [8, с. 260]. В таких ситуациях следует ориентироваться на позицию, сформулированную в кассационном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации 31.01.2013 № 32-О13-2. По этому делу стороной защиты было заявлено ходатайство об исключении аудиозаписи, полученной в результате ОРМ, и заключения технической экспертизы на предмет установления наличия или отсутствия признаков монтажа в этой записи по тому основанию, что вместе с результатами ОРМ не был представлен используемый в ходе его осуществления диктофон, что, по мнению защиты, исключило возможность проверки в ходе экспертного исследования признаков монтажа. Суд сделал вывод о том, что «непредставление ... следствию и суду диктофона, при помощи которого им производились аудиозаписи разговоров ..., не свидетельствует о незаконности проведения аудиозаписей и не влечёт их недопустимость». Также в апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам Ульяновского областного суда от 01.07.2013 № 22-1865/2013 высказана обоснованная позиция о том, что «не может служить основанием для признания доказательств недопустимыми отсутствие в деле сведений о том, каким образом непосредственно производились аудиозаписи и видеозапись, кем, на какие устройства, с помощью каких устройств производилась перезапись, а также непредоставление суду документов, представленных в обоснование ходатайства о получении разрешения на проведение оперативно-разыскного мероприятия в отношении ... руководителю Ульяновского областного суда, так как сохранение в тайне этих сведений соответствует требованиям закона. Технические средства для получения акустической и видеоинформации при осуществлении оперативно-разыскной деятельности не рассекречиваются, так как входят в перечень «виды специальных технических средств», утверждённый постановлением Правительства Российской Федерации № 770 от 01.07.1996»¹. По нашему мнению, указанная спорная правовая ситуация, возникающая при представлении результатов ОРД с применением СТС, требует своего законодательного решения.

Существует проблема оценки допустимости и пределов раскрытия данных о содержании оперативно-разыскных мероприятий как источниках результатов оперативно-разыскной деятельности. На практике часто возникает вопрос о допустимости

¹ Официальный сайт Ульяновского областного суда [Электронный ресурс]. URL: http://uloblsud.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=192&Itemid=63&idCard=39783. Указанное в судебном решении постановление Правительства Российской Федерации в настоящее время действует в редакции от 15 июля 2002 г.

пределов представления результатов ОРД следователю, дознавателю, обусловленных требованиями конспирации, негласным характером оперативно-разыскных мероприятий, а также необходимостью защиты информации о лицах, оказывающих конфиденциальное содействие, и штатных негласных сотрудников оперативных подразделений. Подзаконные ведомственные нормативные акты предписывают рассекречивание представляемых результатов ОРД, однако на практике нередко возникают ситуации, когда снятие грифа секретности невозможно даже в случае, если результаты ОРД имеют ключевое доказательственное значение. Несмотря на то что Инструкция предусматривает меры безопасности для вышеуказанных категорий лиц, а уголовно-процессуальное законодательство допускает проведение закрытых судебных заседаний по делам, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, на практике лица, оказывающие содействие, и негласные сотрудники практически всегда отказываются от участия в процессуальных действиях. Причинами их отказа зачастую являются обоснованные опасения за личную безопасность и жизнь, риск раскрытия их принадлежности к оперативным подразделениям и, как следствие, утрата возможности дальнейшей работы в качестве штатного негласного сотрудника или конфиденциально сотрудничающего лица [2, с. 110]. Сложившееся противоречие между нормами ст. 12 Закона об ОРД, требующей сохранения в тайне сведений о силах, средствах, источниках и методах ОРД, и принципом состязательности сторон, закреплённом в ст. 15 УПК РФ, создаёт значительные трудности в использовании результатов ОРД в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, поиск решений указанных и иных важных проблем, связанных с представлением результатов ОРД, затрагивает теоретические основы этой деятельности и по ряду обозначенных проблем носит междисциплинарный характер. Правовой порядок представления результатов ОРД для дальнейшего их использования нуждается в коренном совершенствовании с учётом изменившегося законодательства, развития современных технологий и существующих потребностей оперативной и следственной практики.

1. Екимцев С. В. Взаимодействие оперативных сотрудников и следователей при реализации оперативно-розыскной информации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 3(84). С. 84-91.
2. Ковалев А. В., Бардадым И. С., Попандопуло Д. В. Актуальные проблемы представления результатов оперативно-разыскной деятельности органам предварительного расследования. Юрист-Правоведъ, 2017. № 3(82). С. 104-111.
3. Назаров М. В. Изменение положений статьи 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как необходимый этап развития института уголовно-процессуального использования результатов оперативно-розыскной деятельности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 4. С. 120-127.
4. Пашаева Э. Х. О допустимости использования непроцессуальной информации в доказывании при производстве по уголовным делам // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2019. № 1 (36). С. 132-135.
5. Родичев М. Л. Использование результатов оперативно-разыскной деятельности: современные проблемы и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 162-169.
6. Россинский С. Б. Надлежащее понимание результатов оперативно-розыскной деятельности - ключ к решению проблемы их использования в доказывании по уголовным делам // Lex russica. 2022. № 1. С. 60-73.
7. Сумин А. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (актуальные проблемы теории и практики): учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я Кикотя, 2015. 81 с.

8. Поддубный И. В., Флоря Д.Ф. Некоторые особенности раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 2(95). С. 259–266.

1. Ekimcev S. V. Vzaimodejstvie operativny`x sotrudnikov i sledovatelej pri realizacii operativno-rozy`sknoj informacii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2020. № 3(84). S. 84-91.

2. Kovalev A. V., Bardady`m I. S., Popandopulo D. V. Aktual`ny`e problemy` predstavleniya rezul`tatov operativno-razy`sknoj deyatel`nosti organam predvaritel`nogo rassledovaniya. Yurist`-Pravoved``, 2017. № 3(82). S. 104-111.

3. Nazarov M. V. Izmenenie polozhenij stat`i 89 Ugolovno-processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii kak neobxodimy`j e`tap razvitiya instituta ugolovno-processual`nogo ispol`zovaniya rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 4. S. 120–127.

4. Pshaeva E`. X. O dopustimosti ispol`zovaniya neprocessual`noj informacii v dokazy`vanii pri proizvodstve po ugolovny`m delam // Vestnik Barnaul`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 1 (36). S. 132-135.

5. Rodichev M. L. Ispol`zovanie rezul`tatov operativno-razy`sknoj deyatel`nosti: sovremenny`e problemy` i perspektivy` // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 3 (91). S. 162-169.

6. Rossinskij S. B. Nadlezhashhee ponimanie rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti - klyuch k resheniyu problemy` ix ispol`zovaniya v dokazy`vanii po ugolovny`m delam // Lex russica. 2022. № 1. S. 60-73.

7. Sumin A. A. Ispol`zovanie rezul`tatov operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti v dosudebny`x stadiyax ugolovnogo sudoproizvodstva (aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki): uchebnoe posobie. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.Ya Kikotya, 2015. 81 s.

8. Poddubny`j I. V., Florya D.F. Nekotory`e osobennosti raskry`tiya prestuplenij, sovershaemy`x s ispol`zovaniem informacionno-telekommunikacionny`x texnologij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 2(95). S. 259–266.

Информация об авторе

Светлана Алексеевна Сущенко. Старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД, кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Svetlana Al. Sushchenko. Senior Lecturer at the Department of Operational-Search Activities of the Department of Internal Affairs. Candidate of Law.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

**СВЕДЕНИЯ О ТРАНСПОРТНОМ СРЕДСТВЕ КАК ЭЛЕМЕНТ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ
И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В СФЕРЕ
ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК**

Сырецкий Михаил Викторович

Омская академия МВД России, Омск, Россия

msyrecky@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к пониманию природы криминалистической характеристики преступлений и её содержания. Приведены некоторые требования, которым должны соответствовать элементы криминалистической характеристики. Автор приходит к выводу о необходимости выделения в методике расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатацией транспортных средств в сфере пассажирских перевозок, в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики «сведений о транспортном средстве». Точка зрения обоснована анализом действующего законодательства в сфере пассажирских перевозок, а также информации, которая наполняет элемент её значимостью для расследования данной категории преступлений. Продемонстрирована взаимосвязь и взаимообусловленность сведения о транспортном средстве с иными элементами криминалистической характеристики.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступлений, элементы, расследование, сведения о транспортном средстве, пассажирские перевозки, водитель, организатор перевозок.

Для цитирования: Сырецкий М. В. Сведения о транспортном средстве как элемент криминалистической характеристики преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025 № 4(105). С. 477–486.

**VEHICLE INFORMATION AS A FORENSIC CHARACTERISTIC ELEMENT
OF CRIMES RELATED TO VIOLATIONS OF TRAFFIC RULES AND VEHICLE
OPERATION IN PASSENGER TRANSPORTATION**

Mikhail V. Syretsky

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia

msyrecky@yandex.ru

Annotation. This article examines approaches to understanding the nature and content of forensic characterization of crimes. Several requirements are presented that elements of forensic characterization must meet. The author concludes that it is necessary to identify «vehicle information» as an independent element of forensic characterization in the investigation methodology for crimes related to traffic violations and the operation of passenger transportation vehicles. This point of view is substantiated by an analysis of current legislation in the field of passenger transportation, as well as information that

imbues this element with its significance for the investigation of this category of crimes. The relationship and interdependence of «vehicle information» with other elements of forensic characterization is demonstrated.

Keywords: forensic characteristics of crimes, elements, investigation, vehicle information, passenger transportation, driver, transportation organizer.

For citation: Syretsky M. V. Vehicle Information as an Element of Forensic Characteristics of Crimes Related to Traffic Violations and the Operation of Passenger Transportation Vehicles // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025 № 4(105). P. 477–486.

В научной литературе криминалистическая характеристика преступлений трактуется неоднозначно, различны подходы относительно её структуры и предназначения. Анализ определений криминалистической характеристики позволяет сделать вывод о том, что учёные по-разному рассматривают её природу, например: как «научную абстракцию» (Р. С. Белкин, В. К. Гавло, В. И. Шиканов) [1, с. 317; 2, с. 122; 3, с. 18]; как «систему (совокупность) сведений (данных, информации)» (И. А. Возгрин, А. Н. Колесниченко и В. Е. Коновалова, В. А. Образцов, Г. А. Густов) [4, с. 21; 5, с. 16; 6, с. 7–15; 7, с. 43]; как «систему научного описания» (Н. П. Яблоков) [8, с. 33]; как «научную категорию» (Л. Я. Драпкин) [9, с. 33]; как «информационную модель» (И. М. Лузгин) [10, с. 26]; как «модель криминальных ситуаций и сопутствующих им обстоятельств» (А. Ф. Облаков) [11, с. 15].

Не ставя перед собой цели формулирования определения понятия криминалистической характеристики преступления, на основе имеющихся и проанализированных нами позиций учёных присоединяемся к мнению о том, что указанную категорию следует понимать как систему сведений, содержащих криминалистически значимые данные, позволяющие следователю на этапах рассмотрения сообщения о преступлении и его последующего расследования осуществлять поисковые действия по обнаружению доказательственной информации и всестороннего исследования произошедшего события с установлением причин и условий его возникновения [12, с. 44]. Это возможно благодаря комплексному анализу конкретных фактов расследуемого преступления и известных типичных данных, наполняющих криминалистическую характеристику исследуемого вида преступлений [13, с. 238]. Учитывая сказанное, отметим: предназначение криминалистической характеристики преступлений раскрывается через её наполнение, а именно наличие определённых элементов и их содержание. Следует заметить и то, что структура криминалистических характеристик тоже отличается, что обусловлено спецификой конкретного вида (группы) противоправного деяния.

Рассматривая теоретические основы криминалистической характеристики преступлений, А. Б. Соколов, А. А. Шаевич, А. Р. Жайтуменова обратили внимание на то, что «криминалистическая характеристика, являясь первичной базой аккумуляции информации о преступлении, создаёт возможность обоснованного предположения об иных, входящих в её состав элементах; определения содержания элементов, исходя из особенностей, присущих определённому виду (группе) преступлений» [14, с. 186–194]. Это позволяет сделать выводы о том, что криминалистическая характеристика преступлений не является закрытой системой сведений, её структурные элементы и их содержание могут меняться не только в зависимости от конкретного вида преступления, но и от складывающейся ситуации, потребностей правоприменителя. Однако необходимо понимать, что не всякая информация, относящаяся к расследуемому событию, подлежит включению в криминалистическую характеристику преступлений. Так, например, Р. С. Белкин [1, с. 315], А. А. Эйсман [15, с. 100] в своих работах отмечали о необоснованных тенденциях расширения содержания криминалистической характеристики. Сказанное привело нас к выводу о том, что элементы криминалистической ха-

раактеристики преступления, являющиеся её информационным базисом, должны соответствовать определённым требованиям. Выделим некоторые из них:

- практическая значимость для организации расследования, которая заключается в том, что, обладая определёнными сведениями, следователь, посредством выдвижения версии определяет направления поиска новой информации [16, с. 237]. Так, например, особенности технического состояния транспортного средства, являющиеся информацией, входящей в элемент криминалистической характеристики «сведения о транспортном средстве», позволяют определить круг лиц, которые могут располагать криминалистически значимой информацией, а также обстоятельства, подлежащие установлению;
- непосредственная относимость к совершённому преступлению (в нашем случае это механизм дорожно-транспортного происшествия, его стадии);
- устойчивость (закономерная повторяемость);
- взаимосвязанность элементов.

Анализ научных работ, посвящённых вопросам методики расследования дорожно-транспортных преступлений, позволяет прийти к выводу о том, что большинство авторов, рассматривая вопросы криминалистической характеристики преступления, в качестве её структурных элементов отмечают данные о механизме преступления; данные об обстановке совершения преступления; особенности механизма слеодообразования; данные о личности преступника; данные о личности потерпевшего [17, с. 413–418; 18, с. 90] и др. Встречаются единичные суждения о включении в криминалистическую характеристику рассматриваемого вида преступлений информации о транспортном средстве, при этом сведения о нём не рассматриваются как самостоятельный элемент.

Так, В. И. Тарасова, затрагивая вопросы криминалистической характеристики дорожно-транспортных преступлений с участием маршрутных транспортных средств, рассматривает «транспортное средство» в качестве элемента системы дорожного движения, включая в неё также совокупность данных о водителе, дороге, окружающей среде и пассажирах [19, с. 101–105].

Т. А. Маховая в своём диссертационном исследовании в качестве элемента криминалистической характеристики предложила выделить «вид транспортного средства» [20, с. 58–60], аргументируя свою позицию положениями правил учёта дорожно-транспортных происшествий, массой транспортного средства, указав на закономерную связь последней и скорости движения с кинетической энергией движущегося тела, а также «возрастом» автомобиля, при этом не раскрывает иной значимой информации, связанной с транспортным средством, для расследования дорожно-транспортных преступлений, а именно: связь с водителем, собственником, условиями эксплуатации.

Мы полагаем, что «транспортное средство» при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок, обладает гораздо большими связями, нежели те, о которых было отмечено предыдущими исследователями. При расследовании рассматриваемой категории уголовных дел изучению подлежит не только факт самого дорожно-транспортного происшествия, совершённого конкретным водителем, когда выявляются и анализируются закономерные связи между действиями водителя, сопряжёнными с управлением транспортным средством и нарушением им правил дорожного движения, которые привели к наступлению соответствующих последствий, но и особенности осуществления деятельности, связанной с перевозкой пассажиров. Установлению подлежат: а) условия эксплуатации данного транспортного средства, в которые входят ежедневные технические осмотры перед выпуском на линию и по завершении рабочего дня, ремонты и т. п.; б) особенности владения транспортным средством и его использования для конкретных целей; в) взаимоотношения водителя с организатором пассажирских перевозок, собственником транспортного средства.

Данный тезис обусловлен следующими обстоятельствами:

1. Транспортное средство, используемое в пассажирских перевозках, обладает определёнными свойствами, отличными от иных автомобилей. Это продиктовано правилами пассажирских перевозок, которые закреплены в различных нормативно-правовых актах (например, таких как Федеральный закон Российской Федерации от 13.07.2015 № 220-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон Российской Федерации от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» и др.), видом транспортного средства, размером, категорией. Транспортные средства используемые для перевозки пассажиров, выделены в отдельную категорию «М», имеют три классификации: «М1», «М2», «М3»¹ – для управления двумя последними необходимо иметь водительское удостоверение категории «D».

2. Многогранность требований повышенной безопасности к транспортным средствам, используемым в сфере перевозки пассажиров, проявляется не только в строгом соблюдении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, правил перевозки пассажиров, но и в организации на должном уровне деятельности по подбору автотранспорта и персонала (водителей; лиц, ответственных за обслуживание и техническое состояние транспортных средств, выезжающих в рейс; лиц, осуществляющих контроль за состоянием здоровья водителей, выходящих на линию, а также соблюдения режима рабочего времени).

3. Транспортные средства по рассматриваемой категории дел имеют чёткую связь с такими объектами, как «водитель», «собственник», «перевозчик», «фрахтователь», «обслуживающий персонал», «ремонт, переоборудование, эксплуатация».

Эти обстоятельства обусловили необходимость рассмотрения «сведений о транспортном средстве» в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок.

Раскрывая вопросы информационного характера криминалистической характеристики преступлений, мы предлагаем последнюю рассматривать в качестве системы – криминалистическая характеристика преступлений – элементы криминалистической характеристики преступлений – компоненты её элементов (криминалистически значимые данные, наполняющие элемент). Компонентов, входящих в состав конкретного элемента криминалистической характеристики, может быть множество, это обусловлено особенностями конкретного преступления. Например, элемент криминалистической характеристики – «сведения о лице, совершившем преступление», может содержать такие компоненты, как возраст, профессиональные навыки, взаимоотношения с потерпевшим, и они вариативны в зависимости от ситуации. Таким образом, перечень компонентов не является исчерпывающим. Анализируя судебную-следственную практику рассматриваемой категории уголовных дел, отметим, что в качестве базовых компонентов элемента криминалистической характеристики – «сведения о транспортном средстве» – могут выступать данные:

а) о транспортном средстве, предусмотренные заводом-изготовителем (марка, вид (категория), год выпуска);

б) о собственнике транспортного средства, арендаторе, фрахтователе;

в) об организаторе перевозки (перевозчике), если таковой не является собствен-

¹ О принятии технического регламента Таможенного союза О безопасности колесных транспортных средств. [Электронный ресурс]: решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ником, арендатором, фрахтователем;

г) о водителях;

д) о техническом оснащении, повышающем уровень безопасности и контроля.

В указанный блок может входить информация:

– о системах безопасности, различного рода «электронных помощниках».

Так, в ходе производства по уголовному делу по факту падения пассажира из салона транспортного средства было установлено, что водитель, не убедившись в завершении посадки пассажира, отвлёкся и начал движение с открытыми дверями, в результате чего пассажир выпал. В ходе предварительного следствия было установлено, что автобус оснащён системой безопасности, исключающей возможность движения последнего с открытыми дверями. Экспериментальным путём было доказано, что движение с открытыми дверями возможно при отключении системы вручную с рабочего места водителя¹;

– о системах видеофиксации и видеоконтроля, установленных в салоне транспортного средства как штатно, так и дополнительно;

– об оборудовании дополнительного контроля, к которым можно отнести тахографы, комплексы мониторинга автомобильного транспорта на базе космических систем геопозиционирования ГЛОНАСС (GPS). В соответствии с действующим законодательством транспортные средства, осуществляющие пассажирские перевозки, подлежат обязательному оснащению данным оборудованием²;

е) об изменении комплектации, предусмотренной заводом изготовителем, которая осуществлена после выпуска транспортного средства с предприятия-изготовителя.

К ним относятся сведения:

– об оборудовании, не предусмотренном заводом-изготовителем, но установленном в соответствии с правилами, согласованием и регистрацией в Госавтоинспекции (вид, предназначение, кем, когда и на основании чего устанавливалось, наличие санкционирующей документации);

– о фактах установки запасных частей без получения согласования соответствующими органами. Так, при расследовании уголовного дела в отношении С. установлено, что он является индивидуальным предпринимателем и осуществляет пассажирские перевозки, достоверно зная, что его автомобиль имеет технические неисправности в виде внесения изменений в конструкцию транспортного средства, влияющие на безопасность дорожного движения, а именно: в салоне транспортного средства демонтированы три сиденья, предусмотренные заводом-изготовителем транспортного средства и установлены четыре сиденья, не предусмотренные конструкцией транспортного средства, из которых два не оборудованы ремнями безопасности. Однако он продолжал оказывать услуги, не отвечающие требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей³. При расследовании уголовного дела в отношении О. было установлено, что в конструкцию автобуса «Mercedes-Benz Sprinter», на котором осуществлялись пассажирские перевозки, были внесены изменения, не зарегистрированные в Госавтоин-

¹ Приговор Ленинского районного суд г. Пензы по делу № 1-88/2019 по часть 1 статьи 264 Уголовного Кодекса Рос. Федерации [Электронный ресурс] URL: https://leninsky--pnz.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=46718829&delo_id=1540006&case_type=0&new=0&text_number=1&srv_num=1 (дата обращения: 01.10.2025)

² Об утверждении требований к тахографам, устанавливаемым на транспортные средства, категорий и видов транспортных средств, оснащаемых тахографами, правил использования, обслуживания и контроля работы тахографов, установленных на транспортные средства [Электронный ресурс]: приказ Министерства транспорта Рос. Федерации № 36 от 13 февраля 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Постановление Якутского городского суда (Республика Саха (Якутия)) по делу 1-379/2020. [Электронный ресурс]. URL: https://jakutsky--jak.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=3154190&delo_id=1540006&new=&text_number=1 (дата обращения 01.10.2025)

спекции: салон автобуса переоборудован, установлены три дополнительных сидения. Автотехнической экспертизой установлено, что в результате переоборудования штатные сиденья сдвигались, дополнительные установлены не в штатные места, закреплены не на все предусмотренные конструкцией кронштейны и отверстия, что в случае ДТП может привести к причинению вреда здоровью, в том числе тяжкого, а также к гибели людей. Выявленные неисправности в соответствии с п. 7.18 ПДД РФ входят в перечень неисправностей, при которых запрещена эксплуатация транспортного средства¹;

ж) о техническом состоянии транспортного средства. В этих сведениях прослеживается закономерная связь между эксплуатацией транспортного средства, проводимыми ремонтными и профилактическими работами, обслуживанием (предрейсовым, послерейсовым, сезонным) техническими осмотрами, выпуском на линию, лицах, осуществлявших либо не осуществлявших эту деятельность, хотя в соответствии с занимаемой должностью, договором на оказание услуг, должностной инструкцией должны были её выполнить. Так, Б., занимая должность контролёра контрольно-пропускного пункта, на которого в соответствии с должностной инструкцией возложены функции осуществления контроля за техническим состоянием подвижного состава перед выпуском на линию и после возвращения с линии, находясь на своём рабочем месте на территории автотранспортной базы при исполнении своих должностных обязанностей, грубо нарушая требования нормативных актов в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, действуя небрежно, допустил к эксплуатации автобус SCANIA с наличием технической неисправности в виде отсутствия стекла, предусмотренного конструкцией транспортного средства, которая в результате столкновения стала причиной причинения потерпевшему телесных повреждений не совместимых с жизнью².

Прослеживается взаимосвязь и взаимообусловленность элемента криминалистической характеристики «сведения о транспортном средстве» с такими элементами, как «сведения о личности преступника», «сведения об обстановке совершения преступления», «сведения об особенностях механизма следообразования». Наш тезис находит подтверждение в позиции Н. П. Яблокова, который отмечал: «Зацепив одно звено в этой системе взаимосвязей, можно вытащить наружу всю цепь. В частности, выявление наличия в расследуемом преступлении какого-либо элемента из взаимосвязанной цепочки с той или иной степенью вероятности может указать на существование другого, ещё не установленного элемента и определить направления и средства его поиска» [21, с. 11–12]. Анализ «сведений о транспортном средстве» даёт возможность получить достаточно широкий круг информации, позволяющей определить направления деятельности следователя.

Взаимосвязь «сведений о транспортном средстве» со «сведениями о личности преступника» выражается в таких деталях, как закрепление определённых водителей и обслуживающего (технического) персонала за конкретным транспортным средством, опыт работы в сфере пассажирских перевозок и на конкретной машине; данные об организаторе перевозок, особенности владения (использования) пассажирским транспортом, условия осуществления перевозок по конкретному маршруту. Связь «сведений о транспортном средстве» со «сведениями об обстановке совершения преступления» проявляется в информация о специфике эксплуатации транспорта, особенностях маршрута (аварийно опасных участках, нюансах движения в «часы пик»). Взаимосвязью

¹ Приговор Наро-Фоминского городского суда (Московской области) по делу 1-214/2018. по ч. 1 ст. 238 УК РФ [Электронный ресурс] URL: https://naro-fominsk--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=54343815&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения 26.09.2025)

² Приговор Мотовилихинского районного суда г. Перми по делу № 1-305/2020 по ч. 2 ст. 266 УК РФ [Электронный ресурс] URL: https://motovil--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo (дата обращения 29.08.2025)

и взаимообусловленностью «сведений о транспортном средстве» и «сведений об особенностях механизма слеодообразования» являются данные о техническом состоянии и особенностях эксплуатации транспортного средства (например, о плановом техническом обслуживании; ремонте, его причинах и результатах, переоборудовании транспортного средства, о наличии технических средств контроля и безопасности движения).

Таким образом, «сведения о транспортном средстве» необходимо рассматривать в качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в сфере пассажирских перевозок. Указанный элемент обладает информацией многоуровневого характера и включает в себя такие блоки, как:

1) данные технического характера транспортного средства (состояние и условия его эксплуатации, наличие дополнительного оборудования и др.);

2) сведения правового характера (предназначение транспортного средства, соответствие его целям использования в пассажирских перевозках, особенности владения, пользования, распоряжения, организация пассажирских перевозок, взаимоотношение с обслуживающими организациями).

-
1. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юрист, 1997. 480 с.
 2. Гавло В. К. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений (Статья первая) // Вопросы повышения эффективности борьбы с преступностью. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. С. 149–159.
 3. Шиканов В. И. Проблемы использования специальных познаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве. автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 1980. 31 с.
 4. Возгрин И. А. Научные основы криминалистической методики расследования преступлений: курс лекций. Ч. IV. СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т, 1993. 79 с.
 5. Коновалова В. Е., Колисниченко А. Н. Теоретические проблемы криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов. М.: Всесоюзный н-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. 93 с.
 6. Образцов В. А. Криминалистическая характеристика преступлений: дискуссионные вопросы и пути их решения // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов. М.: Всесоюзный ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. С. 7-15.
 7. Густов Г. А. Понятие и виды криминалистической характеристики преступления // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов. М.: Всесоюзный н-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. С. 43.
 8. Яблоков Н. П. Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 414 с.
 9. Драпкин Л. Я. Предмет доказывания и криминалистические характеристики преступлений // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 69. Свердловск: УрГУ, 1978. 391 с.
 10. Лузгин И. М. Некоторые аспекты криминалистической характеристики и место в ней данных о сокрытии преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов. М.: Всесоюзный н-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. С. 26.
 11. Облаков А. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений и криминалистические ситуации: учеб. пособие. Хабаровск: Хабаровская Высшая школа МВД СССР, 1985. 86 с.

12. Чаплыгина В. Н., Васюков В. Ф. Тактические особенности осмотра места дорожно-транспортного происшествия с использованием беспилотных летательных аппаратов // Безопасность дорожного движения. 2025. № 3 (38). С. 43-48.
 13. Морозова Н. В. Способ и механизм совершения дорожно-транспортных происшествий как элементы криминалистической характеристики // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. Материалы XIX Международной научно-практической конференции. Орёл, 2025. С. 237-241.
 14. Соколов А. Б. Шаевич А. А. Жайтуменова А. Р. Криминалистическая характеристика преступлений: неразрешенные вопросы Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. № 2 2020 Иркутск С. 186-194.
 15. Эйсман А. А. О содержании понятия криминалистической характеристики преступления // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. трудов. М.: Всесоюзный н-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. С. 100.
 16. Сучков А. И. Типичные следственные ситуации и тактика первоначальных следственных действий при расследовании спровоцированных дорожно-транспортных происшествий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 235-241.
 17. Коморов Д. С. К вопросу об элементах криминалистической характеристики дорожно-транспортных преступлений // Научный электронный журнал «Академическая публицистика». 2023. № 5-2. С. 413-418.
 18. Таюрская Е. А., Шишмарева Е. В. Криминалистическая характеристика дорожно-транспортных преступлений // Сибирский юридический вестник. № 2 Иркутск 2020. 90 с.
 19. Тарасова В. И. Взаимосвязь основных элементов дорожного движения как источник формирования криминалистической характеристики дорожно-транспортных преступлений с участием маршрутных транспортных средств. Вестник Калининградского юридического института МВД России. № 1(27). 2012. С. 101-105.
 20. Маховая Т. А. Методика расследования преступлений против безопасности дорожного движения: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 223 с.
 21. Яблоков Н. П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Московского ун-та. Серия 11 «Право». 2000. № 2. С. 11-12.
-
1. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki. V 3 t. T. 3: Kriminalisticheskie sredstva, priemy` i rekomendacii. M.: Yurist`, 1997. 480 s.
 2. Gavlo V. K. K voprosu o kriminalisticheskoy karakteristike prestuplenij (Stat`ya pervaya) // Voprosy` povыsheniya e`ffektivnosti bor`by` s prestupnost`yu. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1980. S. 122.
 3. Shikanov V. I. Problemy` ispol`zovaniya special`ny`x poznanij i nauchno-texnicheskix novshestv v ugovnom sudoproizvodstve. Avtoref. dis. na soisk. uchenoj stepeni doktora yurid. nauk. M., 1980. 31 s.
 4. Vozgrin I. A. Nauchny`e osnovy` kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestuplenij: kurs lekcij. Ch. IV. SPb.: Sankt-Peterburgskij yuridicheskij in-t, 1993. 80 s.
 5. Konovalova V. E., Kolisnichenko A. N. Teoreticheskie problemy` kriminalisticheskoy karakteristiki // Kriminalisticheskaya karakteristika prestuplenij: sb. nauch. trudov. M.: Vsesoyuzny`j n-t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1984. S. 16.
 6. Obraczov V. A. Kriminalisticheskaya karakteristika prestuplenij: diskussionny`e voprosy` i puti ix resheniya // Kriminalisticheskaya karakteristika prestuplenij: sb. nauch.

trudov. M.: Vsesoyuzny`j in-t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1984. S.7-15.

7. Gustov G. A. Ponyatie i vidy` kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniya // Kriminalisticheskaya kharakteristika prestuplenij: sb. nauch. trudov. M.: Vsesoyuzny`j n-t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1984. S. 43.

8. Yablokov N. P. Kriminalistika: uchebnik. 2-e izd., persrab. i dop. M.: Norma, 2008. 414 s.

9. Drapkin L. Ya. Predmet dokazyvaniya i kriminalisticheskie kharakteristiki prestuplenij // Kriminalisticheskie kharakteristiki v metodike rassledovaniya prestuplenij: mezhvuz. sb. nauch. trudov. Vy`p. 69. Sverdlovsk: UrGU, 1978. 17 s.

10. Luzgin I. M. Nekotory`e aspekty` kriminalisticheskoy kharakteristiki i mesto v nej dannyx o sokry`tii prestuplenij // Kriminalisticheskaya kharakteristika prestuplenij: sb. nauch. trudov. M.: Vsesoyuzny`j n-t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1984. S. 26.

11. Oblakov A. F. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestuplenij i kriminalisticheskie situacii: ucheb. posobie. Xabarovsk: Xabarovskaya Vy`sshaya shkola MVD SSSR, 1985. 88 s.

12. Chaplygina V. N., Vasyukov V. F. Takticheskie osobennosti osmotra mesta dorozhno-transportnogo proisshestiya s ispol`zovaniem bespilotny`x letatelny`x apparatov // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2025. № 3 (38). S. 43-48.

13. Morozova N. V. Sposob i mexanizm soversheniya dorozhno-transportny`x proisshestiya kak e`lementy` kriminalisticheskoy kharakteristiki // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya. Materialy` XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Oryol, 2025. S. 237-241.

14. Sokolov A. B. Shaevich A. A. Zhajtumenova A. R. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestuplenij: nerazreshenny`e voprosy` Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. № 2 2020 Irkutsk S. 186-194.

15. E`jsman A. A. O soderzhanii ponyatiya kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniya // Kriminalisticheskaya kharakteristika prestuplenij: sb. nauch. trudov. M.: Vsesoyuzny`j n-t po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1984. S. 100.

16. Suchkov A. I. Tipichny`e sledstvenny`e situacii i taktika pervonachalny`x sledstvenny`x deystvij pri rassledovanii sprovocirovanny`x dorozhno-transportny`x proisshestiya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 4(101). S. 235-241.

17. Komorov D. S. K voprosu ob e`lementax kriminalisticheskoy kharakteristiki dorozhno-transportny`x prestuplenij // Nauchny`j e`lektronny`j zhurnal «Akademicheskaya publicistika». 2023. № 5-2. S. 413-418.

18. Tayurskaya E. A., Shishmareva E. V. Kriminalisticheskaya kharakteristika dorozhno-transportny`x prestuplenij // Sibirskij yuridicheskij vestnik. № 2 Irkutsk 2020. 90 s.

19. Tarasova V. I. Vzaimosvyaz` osnovny`x e`lementov dorozhnogo dvizheniya kak istochnik formirovaniya kriminalisticheskoy kharakteristiki dorozhno-transportny`x prestuplenij s uchastiem marshrutny`x transportny`x sredstv. Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. № 1(27). 2012. S. 101-105.

20. Maxovaya T. A. Metodika rassledovaniya prestuplenij protiv bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2016. 223 s.

21. Yablokov N. P. Kriminalisticheskaya kharakteristika prestuplenij kak sostavnaya chast` obshhej kriminalisticheskoy teorii // Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 11 «Pravo». 2000. № 2. S. 11-12.

Информация об авторе

Михаил Викторович Сырецкий. Преподаватель кафедры криминалистики.
Омская академия МВД России
644092, Россия, г. Омск, ул. Комарова, 7.

Information about the author

Mikhail V. Syretsky. Lecturer of the Criminology Department.
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
644092, Russia, Omsk, Komarova Str., 7.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ СПОРТСМЕНАМИ

Табурченко Павел Алексеевич

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова», Брянск, Россия

P.Taburchenko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы криминализации спортсменов как субъектов преступлений. Освещаются некоторые аспекты криминологической характеристики преступлений, совершаемых указанной категорией лиц. Устанавливаются наиболее часто встречающиеся в судебно-следственной практике преступные деяния занимающихся спортом. Особый акцент делается на личностных характеристиках спортсменов. Определяются виктимологические особенности преступлений, совершаемых ими. Приводится авторская типология спортсменов-преступников. Предлагается подход в выработке предупредительных мер преступлений, совершаемых спортсменами, с учётом специфики субъекта преступления. Определяется актуальность и вектор дальнейшего научного исследования данной категории преступлений.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, преступления спортсменов, умышленные преступления, преступления против жизни и здоровья, корыстно-насильственные преступления, преступные группировки спортсменов, предупреждение и профилактика преступлений, детерминанты преступлений, субъект преступного деяния, спортивные навыки и умения, криминализация спортсменов, классификация спортсменов-преступников.

Для цитирования: Табурченко П. А. Некоторые вопросы криминологической характеристики преступлений, совершаемых спортсменами // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 487–495.

SOME QUESTIONS OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS CRIMES COMMITTED BY ATHLETES

Pavel A. Taburchenko

Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Bryansk, Russia

P.Taburchenko@yandex.ru

Annotation. The article discusses certain issues of criminalization of athletes as subjects of crimes. Some aspects of criminological characteristics of crimes committed by athletes are highlighted. The criminal acts of athletes, which are most common in judicial and investigative practice, are being established. Special emphasis is placed on the personal characteristics of athletes. The victimological features of crimes committed by athletes are determined. The author's typology of athletes-criminals is given. An approach is proposed to develop preventive measures for crimes committed by athletes, taking into account the

specifics of the subject of the crime. The relevance and vector of further scientific research of this category of crimes is determined.

Keywords: criminological characteristics, crimes of athletes, intentional crimes, crimes against life and health, mercenary and violent crimes, criminal gangs of athletes, crime prevention and prevention, determinants of crimes, the subject of a criminal act, sports skills and abilities, criminalization of athletes, classification of athletes-criminals.

For citation: Taburchenko P. A. Some questions of criminological characteristics crimes committed by athletes // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 487–495.

Современные процессы жизнедеятельности общества не всегда в достаточной мере регулируются государством и его правовой системой, что в конечном итоге зачастую приводит к определённым последствиям, которые так или иначе отражаются на качестве жизни людей, их безопасности, а также приоритетах развития как общества, так и самого государства. Как показывает история, неправильные ориентиры и возникающие из-за них социально-экономические, культурные, морально-нравственные и духовные проблемы способны уничтожить целые империи и сверхдержавы, которые невозможно было «покорить» военно-политическими средствами.

Современная наука должна своевременно реагировать на возникающие проблемы в любой сфере, идентифицируя их, предвидя негативные последствия, а также предлагать различные способы решения данных вопросов. Будь то социологическая, экономическая, политическая, юридическая или иная другая отрасль научного познания, она должна ставить перед собой цель общего блага, опираясь на духовно-нравственные основы нашего государства, формировавшиеся на протяжении многовековой истории посредством слияния народов и конфессий в единую общность, способную противостоять абсолютно любой проблеме как внутригосударственного, так и международного характера. Именно такой подход позволит гармонично развиваться государству и обществу в условиях повсеместной подмены ценностно-моральных ориентиров во всём современном мире.

Юриспруденция с её различными научными направлениями как инструмент и гарант создания гармоничных и правильных взаимоотношения в обществе и государстве должна постоянно реагировать на возникающие тревожные сигналы и вызовы. Так, в настоящее время криминология как неотъемлемая часть юридической науки располагает большим объёмом научного знания, свидетельствующего о разделении преступности на отдельные её виды не только исходя из объекта посяательства (экономическая, информационная, насильственная преступность и т. д.), но и субъекта, его совершившего (мужская, женская, преступность несовершеннолетних и т. д.). Это разделение позволяет давать качественные криминологические оценки современной преступности и вырабатывать правильные пути противодействия ей. В развитие подобных дифференциаций одним из относительно новых направлений исследований в криминологии можно считать изучение преступности в спортивной сфере и преступлений, совершаемых спортсменами [1; 2; 3]. На фоне этого совершенно обоснованно в научных кругах возникает новый раздел криминологии – спортивная криминология [4; 5].

Польза спорта очевидна: оздоровление населения, повышение патриотизма, занятость молодёжи, профилактика наркомании и алкоголизма и многое другое. Относительно недавнее возрождение на государственном уровне системы физкультурно-спортивного воспитания – «Готов к труду и обороне» (далее – ГТО) – указывает на особую важность физической культуры и спорта для развития страны в целом. Но, как и любой другой вид социальной активности, спорт уязвим со стороны многих негативных явлений, в том числе процессов криминализации.

В научной литературе имеются различные точки зрения, согласно которым выдвигаются или опровергаются предложения считать противоправными действия спортсменов, нарушающие правила вида спорта (видов спорта), совершённые в тренировочной или соревновательной деятельности, повлёкшие при этом общественно опасные последствия [6; 7; 8]. Не акцентируя внимания на данной проблематике и не вдаваясь в диспут с той или иной точкой зрения, в рамках настоящего исследования мы проведём криминологический анализ общеуголовных наказуемых деяний, совершённых спортсменами.

При кажущейся на первый взгляд простоте спортивная среда представляет собой довольно сложное социальное явление, проявляющееся устойчивыми межличностными связями и ценностными ориентирами, складывающееся продолжительное время посредством тренировочной и соревновательной деятельности. Всё это указывает на обилие «спортивных» терминов, без освещения которых трудно провести криминологическое исследование. В этой связи, безусловно, важным для определения является понятие «спортсмен». Так, согласно п. 22 ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»¹ под спортсменом понимается физическое лицо, занимающееся выбранным видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях. Таким образом, определяющим фактором в разграничении смежных на первый взгляд понятий с термином «спортсмен» является наличие цели у субъекта в виде выступления на спортивных соревнованиях.

Итак, раскрывая вопросы, связанные с криминологической характеристикой преступлений, совершаемых спортсменами, следует согласиться с мнением авторов, которые указывают на то, что «в связи с отсутствием точной статистики криминалистических показателей по данному субъекту предоставить точные данные по тому или иному факту зачастую не представляется возможным» [9, с. 66]. Указанное обстоятельство в значительной степени затрудняет исследование преступлений, совершаемых спортсменами, но, безусловно, его актуализирует.

В последнее время в СМИ нередко упоминались преступления, фигурантами которых выступали спортсмены². Разумеется, большую опасность, а также научный интерес представляют преступления, совершаемые спортсменами умышленно. Важнейшим обстоятельством для криминологической характеристики и предупреждения таких деяний является обладание субъектом преступления навыками и умениями, полученными в ходе тренировочной и соревновательной деятельности, а также использование их в преступной деятельности. Зачастую преступления, совершаемые лицами, обладающими указанными спортивными навыками и умениями, как правило, носят хорошо подготовленный системный характер. Так, к примеру, в марте 2022 года Краснокамский городской суд Пермского края приговорил группу спортсменов-единоборцев, занимавшихся вымогательством и грабежом на протяжении длительного времени. По данным следствия, жертвами «спортивного» ОПГ являлись предприниматели и наркопотребители, которые, по мнению преступников, не могли обратиться в правоохрани-

¹ О физической культуре и спорте в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² В Перми за разбой судят группу спортсменов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4986625?ysclid=mby08v7ggo186105295> (дата обращения: 20.05.2025); Объявленный в международный розыск чиновник, депутат и олимпийский чемпион Сагид Муртазалиев арестован заочно [Электронный ресурс]. URL: <https://kavkaz.versia.ru/obyavlenyj-v-mezhdunarodnyj-rozysk-chinovnik-deputat-i-olimpijskij-chempion-sagid-murtazaliev-arestovan-zaочно?ysclid=mby1higywb197552526> (дата обращения: 20.05.2025); В Челябинской области вынесли приговор спортсмену за смертельную драку с вагнеровцем [Электронный ресурс]. URL: <https://74.ru/text/criminal/2024/03/04/73295765/> (дата обращения: 20.05.2025) и т.д.

тельные органы. При отказе выполнять требования преступной группы и платить за «крышевание» граждан избивали¹. Похожая история сложилась в г. Магнитогорске Челябинской области, где на протяжении двух лет группа, состоящая из более десятка представителей спортивных единоборств, занималась организованной преступной деятельностью в виде грабежей, вымогательства, самоуправства и даже похищения человека. По данным следствия, наряду с остальными участниками в группу входило двое несовершеннолетних спортсменов².

Следует отметить, что вышеприведённые примеры объединения спортсменов в криминальные группы далеко не единичны. В новейшей российской истории известна ситуация с расколом криминального мира в 90-х годах прошлого столетия. Как раз одними из таких инициаторов «размежевания» являлись преступные группировки, отличавшиеся наличием в их составе большого количества спортсменов, в большей степени представителей спортивных единоборств. Именно данные виды спорта наделяют их представителей профессиональными навыками и умениями, которые чаще всего применимы как в единичных умышленных насильственных преступлениях, так и в организованных формах преступного поведения.

Если говорить о некоторой взаимосвязи организованной преступности и преступлениях спортсменов, то можно отметить, что наличие спортивных качеств у лиц, вступающих в криминальные ряды, является одним из определяющих и значимых факторов, дающих кандидату больше шансов. Криминальные авторитеты признают за спортсменами живую силу и авторитет, которые позволяют контролировать незаконный бизнес, территорию и решать многие другие задачи.

Лидерские качества, физическая подготовка и обладание спортивными навыками и умениями различных видов спорта оказываются наиболее конкурентными характеристиками в преступной деятельности, что отразилось на последующих изменениях в криминальном мире России в 90-е годы прошлого столетия. Спортсмены, обладающие лидерскими качествами, не имели желания вливаться в криминальный мир на вторых планах. Таким образом, «физическая сила» и «спортивные навыки и умения» не были «приручены» «воровскими» законами и криминальными традициями. Ярким примером тому могут послужить многочисленные заказные убийства в середине 90-х годов «воров в законе» и известных в криминальном мире спортсменов, которые возглавляли банды³.

Анализ научной литературы, средств массовой информации, а также судебной следственной практики свидетельствует о довольно большом разнообразии преступлений, совершаемых спортсменами, но, как уже указывалось выше, для настоящего исследования интересны умышленные преступления. Так, большая часть умышленных преступлений, совершаемых спортсменами с использованием спортивных навыков и умений, носит корыстно-насильственный и насильственно-бытовой характер, сопровождающийся причинением различной степени тяжести вреда здоровью и жизни потерпевшему. Следует выделить наиболее распространённые и часто встречающиеся

¹ В Краснокамске вынесли приговор группе спортсменов за вымогательство [Электронный ресурс]. URL: <https://sm.news/v-prikame-osudili-chetveryx-bojcov-mma-za-vymogatelstvo-70356-u3t5/> (дата обращения: 20.05.2025)

² 13 спортсменов держали в страхе бизнесменов Магнитогорска [Электронный ресурс]. URL: https://ural.tsargrad.tv/news/13-sportsmenov-derzhali-v-straxe-biznesmenov-magnitogorska_487145 (дата обращения: 20.05.2025)

³ Появились новые данные об убийстве криминального авторитета Сильвестра [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/07/21/pokoinik.html> (дата обращения: 20.05.2025); Поставлена точка в самом громком деле 90-х [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/society/2008/9/25/211737.html> (дата обращения: 20.05.2025) и т.д.

в преступной деятельности спортсменов составы, предусмотренные действующим уголовным законодательством Российской Федерации¹:

- Статья 105. Убийство;
- Статья 109. Причинение смерти по неосторожности;
- Статья 111. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью;
- Статья 112. Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью;
- Статья 115. Умышленное причинение лёгкого вреда здоровью;
- Статья 116. Побои;
- Статья 119. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью;
- Статья 126. Похищение человека;
- Статья 127. Незаконное лишение свободы;
- Статья 161. Грабёж;
- Статья 162. Разбой;
- Статья 163. Вымогательство;
- Статья 167. Умышленное уничтожение или повреждение имущества.

Излагая причины и условия преступности среди спортсменов, В. В. Белецкий выделяет следующие базовые положения методологии изучения преступности [1, с. 79–82]:

1. Системный подход. Данное положение характеризует то, что причинам и условиям преступности характерны признаки взаимосвязи, системности и последовательности.

2. Наличие принципов криминогенной детерминации. Здесь автор указывает на то, что, помимо экономической составляющей детерминантов преступности, важную, а порой определяющую роль играет социально-психологический феномен. Данное положение как никакое другое относится к преступности среди спортсменов, где личностные черты могут выступать значимыми детерминантами их преступного поведения.

3. Существование уровней криминогенной детерминации. Это положение означает, что криминогенная детерминация состоит из взаимодействующих между собой микроуровня, среднего уровня, макроуровня (где микроуровень криминогенной детерминации представляет собой причины и условия конкретных преступлений; средний уровень – причины и условия видов и групп преступных посягательств; макроуровень – причины и условия преступности в целом).

4. Выделение в механизме криминогенной детерминации причин и условий. Заключительное положение означает дифференциацию причин и условий преступности в зависимости от их роли в криминогенной детерминации (продуцирующая или способствующая).

Полагаем, что использование базовых положений методологии изучения преступности, приведённых В.В. Белецким, позволят с некоторой индивидуальностью подойти к исследованию детерминантов преступлений, совершаемых спортсменами, в частности, акцентируя внимание на специфике субъекта данной преступности и его личностных свойств.

Приоритетными мотивами преступного поведения спортсменов выступают: самоутверждение посредством своего физического преимущества над жертвой преступления и возможность «быстро заработать» в «криминальных» и «околокриминальных» кругах. По имеющимся оперативным данным практике известны случаи тайного покровительства и финансирования спортивных школ криминалитетом с целью отбора

¹ Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

и подготовки «бойцов» для совершения преступлений. Подобное обстоятельство ставит под опасность правомерное воспитание молодых спортсменов.

Определяя нравственную сущность спортсменов-преступников, следует указать на такие индивидуальные их качества, как корыстолюбие, тщеславие, завышенные запросы, стремление к «лёгким» деньгам, зависть, пренебрежение общепринятыми нормами поведения. Но также данной категории присущи и положительные признаки: товарищество, упорство, религиозность и исполнительность. Перечисленные свойства как отрицательные, так и положительные формируют общие нравственно-психологические черты личности рассматриваемой группы. Поэтому, выделяя индивидуальные особенности, необходимо опираться на специфику физиологической и психологической сфер деятельности спортсменов. К их числу следует отнести: физическую силу, физическую выносливость, психологическую выносливость, решительность, силу воли, сдержанность в критических ситуациях, умение концентрации собственных сил в нужный момент, склонность к риску и азарту. Все указанные качества сами по себе имеют нейтральный характер и не несут какой-либо социальной опасности. Их «носители» могут в полной мере быть полезными обществу. Но когда речь идёт о преступниках или лицах с девиантным поведением, находящихся под влиянием криминальных факторов, обладающих определёнными навыками и умениями для подавления физической силы, то общественная опасность от таких «носителей» явно возрастает.

В последнее время в связи с повсеместной пропагандой физической культуры и программой оздоровления населения в спортивную сферу «подалось» немало количество людей с некоторыми признаками деструктивного и девиантного поведения. Став спортсменами, лица с подобного рода социальными отклонениями «вооружаются» специальными навыками и умениями, а правового регулирования их применения со стороны государства так и не выработано. Столкнувшись с определёнными материальными трудностями, спортсмены прибегают к корыстным преступлениям, зачастую сопряжённым с умышленным причинением вреда здоровью.

Самостоятельным криминальным фактором в детерминации преступлений, совершаемых спортсменами, обладающими профессиональными навыками и умениями в том или ином виде спорта (преимущественно в спортивных единоборствах), выступают недостатки правового регулирования спортивной сферы в целом, что, в свою очередь, затрудняет выявление правонарушений спортсменов, а также адекватное правовое реагирование на их деструктивное и девиантное поведение. Часто ввиду значительной степени латентности к спортсменам-нарушителям не применяются меры ни дисциплинарного, ни административного, ни уголовного характера.

В свете проводимых реформ последних десятилетий вопросы преступлений, совершаемых спортсменами, затрагивались неоднократно, но так и не решались в полной мере и несли в себе односторонний взгляд на сложившуюся ситуацию¹. Но, как уже указывалось выше, спортивная среда – это довольно сложное социальное явление, и решение той или иной проблемы в данной сфере должно нести в себе комплексный и научно проработанный характер.

Особое место в преступном поведении спортсменов играют виктимологические аспекты. В первую очередь к таковым деяниям следует отнести бытовые насильственные преступления, где от поведения потерпевших во многом зависит применение субъектом спортивных навыков и умений. Так, ФИО4, будучи действующим спортсменом ММА (смешанные единоборства), причинил ФИО18 смерть по неосторожности. ФИО4

¹ Кулаки спортсменов решили приравнять к оружию [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/news/518498> (дата обращения: 20.05.2025); Госдума решила приравнять кулаки спортсменов к боевому оружию [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/society/1111344-pulemet/> (дата обращения: 20.05.2025) и т.д.

в период с 2 часов 00 минут до 4 часов 00 минут ДД.ММ.ГГГГ находился около здания, расположенного по адресу: <адрес>, где у него с ФИО18 возникла ссора на почве личной неприязни, вызванной аморальным и неправомерным поведением ФИО18, который в состоянии алкогольного опьянения вёл себя агрессивно, вызывая, конфликтовал с другими посетителями бара, на замечания не реагировал, его поведение не соответствовало нормам морали и правилам поведения в обществе, ФИО18 грубо вёл себя в отношении ФИО4, допустив оскорбительное высказывание в его адрес и ударив его рукой в правую часть лица. В результате указанной ссоры, вызванной неправомерным поведением ФИО18, ФИО4 умышленно, с целью применения насилия нанёс один удар правой рукой в область головы и шеи ФИО18, в результате чего последний, находясь в состоянии алкогольного опьянения, потерял равновесие и упал на твёрдую тупую поверхность, ударившись о неё головой¹.

Проведённый в ходе исследования преступлений, совершаемых спортсменами, анализ позволяет классифицировать спортсменов-преступников, следующим образом:

1. К первому типу можно отнести спортсменов, пришедших в спорт с явно выраженными преступными признаками (члены ОПГ, рецидивисты и т. д.). Данная категория лиц посещает спортивные секции (помимо выступлений на соревнованиях) для отработки навыков и умений, с помощью которых совершаются преступления; для подбора кандидатур с целью пополнения криминальных группировок и т. д.

2. Ко второму типу следует отнести спортсменов с деструктивным, девиантным поведением (подростки и несовершеннолетние из неблагополучных семей и т. д.). Ненадлежащее воспитание или полное его отсутствие у подростков и несовершеннолетних, обладающих теми или иными спортивными навыками и умениями, и несвоевременное выявление признаков их криминализации способствуют увеличению количественных и качественных показателей совершаемых ими преступлений.

3. К третьему типу относятся спортсмены без криминальных признаков, но в силу сложившихся обстоятельств, совершивших преступление посредством своих навыков и умений, полученных в ходе тренировочного процесса. Например, решение конфликтной ситуации с помощью физической силы посредством спортивных навыков². Также следует отметить болезненность периода, когда происходит уход спортсменов из спортивной карьеры, тогда человек сталкивается с ненужностью и бесполезностью для других, что может подтолкнуть его к необдуманным поступкам.

Предупреждение преступлений, совершаемых спортсменами, должно нести в себе комплексный и всеобъемлющий характер. Рамки предупреждения данного криминологического феномена наряду с противодействием преступности в целом должны учитывать специфику субъекта, рассматриваемых преступлений, индивидуализируя подход профилактической и предупредительной работы. Определяя перспективы общесоциального и специально-криминологического предупреждения преступлений, совершаемых спортсменами, следует учитывать нарастающую популярность физической культуры и спорта в России (в особенности спортивных единоборств). В контексте сказанного следует привести слова Ю. М. Антоняна, который справедливо отмечает, описывая отдельные преступления как «сложные явления, состоящие из множества частей, причудливо переплетающихся друг с другом», тем самым указывая на необходимость

¹ Приговор Карталинского городского суда Челябинской области № 1-15/2024 1-265/2023 от 3 марта 2024 г. по делу № 1-15/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/faOhBAotflUI/?regular-txt=1-15%2F2024+1-265%2F2023+от+3+марта+2024+г.+по+делу+№+1-15%2F2024&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1750197438901&snippet_pos=3356#snippet (дата обращения: 20.05.2025)

² Дело Расула Мирзаева: ход следствия, судебные слушания и приговор [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20120730/712855889.html> (дата обращения: 20.05.2025)

борьбы с ними с помощью мер комплексного характера, «включающих в себя разные знания об обществе и человеке» [10, с. 29].

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что необходимость криминологического изучения преступлений, совершаемых спортсменами, определяется рядом факторов. Во-первых, возрастающим значением физической культуры и спорта в стране (в частности, повсеместной популяризацией спортивных единоборств), а также важностью нейтрализации в этих сферах всего того, что вредит развитию в них позитивных тенденций, для которых они пропагандируются в обществе. Во-вторых, преступления, совершаемые спортсменами, зачастую влекут за собой общественный резонанс и широко освещаются в средствах массовой информации, порой необоснованно дискредитируя работу общественных организаций, государственных органов и саму спортивную сферу в целом. В-третьих, состояние и динамика преступлений, совершаемых спортсменами, характеризуется латентностью, организованностью, системностью преступного поведения, а также вовлечением в преступную деятельность несовершеннолетних спортсменов. В-четвёртых, процесс криминализации спортсменов – сложное социальное явление, подпитываемое рядом детерминирующих факторов, противодействие которым можно выработать только посредством глубокого комплексного научного исследования. В-пятых, как известно, история со всеми своими проявлениями ходит по кругу. Полагаем, что если вовремя не среагировать на локальные проявления преступного поведения спортсменов и не выявить природу данных преступлений, то можно ожидать более глобального катаклизма, который объединит в себе высокий рост количественных и качественных показателей преступности в целом, как это было в 90-е годы прошлого столетия.

1. Белецкий В. В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности среди спортсменов: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 1996. 185 с.
2. Бобылев О. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты борьбы с преступлениями несовершеннолетних, занимающихся спортом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 203 с.
3. Фазлиев А. А. Нарушение антидопинговых правил: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2023. 285 с.
4. Алексеева А. П. Спортивная криминология: монография / Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации. М.: ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2021. 325 с.
5. Клейменов М. П. Спортивная криминология // Уголовно-правовые аспекты борьбы с преступностью в сфере спорта: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Омск: Омская академия МВД России, 2011. С. 21-27.
6. Бабурин В. В. Содержание субъективной стороны правомерного причинения вреда при занятиях профессиональным спортом (спортивными единоборствами) / Противодействие преступности в сфере профессионального спорта: тезисы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2019. С. 53-57.
7. Берестовой А. Н., Цветков П. В. Проблемы определения субъективной стороны преступлений, связанных с причинением вреда жизни и здоровью в ходе спортивных состязаний и занятий спортом // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 3 (91). С. 58-64.
8. Сумачев А. В. Уголовно-правовые грани спортивного травматизма / Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступности в спорте: СПб: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2020. С. 97-102.
9. Минигалеев И. Х. Амиров У. А. Нухов Р. Р. Криминологическая характеристика преступлений, совершенных спортсменами // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2020. № 4 (4). С. 64-68.

10. Антонян Ю. М. Общая концепция предупреждения преступности // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3 (82). С. 21-29.

1. Belecckij V. V. Kriminologicheskaya xarakteristika i preduprezhdenie prestupnosti sredi sportsmenov: dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 1996. 185 s.
2. Boby`lev O. V. Uголовно-pravovy`e i kriminologicheskie aspekty` bor`by` s prestupleniyami nesovershennoletnix, zanimayushhixsya sportom: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1993. 203 s.
3. Fazliev A. A. Narushenie antidopingovy`x pravil: uголовно-pravovoj i kriminologicheskij aspekty`: dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan`, 2023. 285 s.
4. Alekseeva A. P. Sportivnaya kriminologiya: monografiya / Volgogradskaya akademiya Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii. M.: ООО «Nauchno-izdatel`skij centr INFRA-M», 2021. 325 s.
5. Klejmenov M. P. Sportivnaya kriminologiya // Uголовно-pravovy`e aspekty` bor`by` s prestupnost`yu v sfere sporta: mat-ly` vseros. nauch.-prakt. konf. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2011. S. 21-27.
6. Baburin V. V. Soderzhanie sub`ektivnoj storony` pravomernogo prichineniya vreda pri zanyatiyax professional`ny`m sportom (sportivny`mi edinoborstvami) / Protivodejstvie prestupnosti v sfere professional`nogo sporta: tezisy` dokladov i soobshhenij Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2019. S. 53-57.
7. Berestovoj A. N., Czvetkov P. V. Problemy` opredeleniya sub`ektivnoj storony` prestuplenij, svyazanny`x s prichineniem vreda zhizni i zdorov`yu v xode sportivny`x sostyazanij i zanyatij sportom // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 3 (91). S. 58-64.
8. Sumachev A. V. Uголовно-pravovy`e grani sportivnogo travmatizma / Uголовно-pravovy`e i kriminologicheskie problemy` protivodejstviya prestupnosti v sporte: SPb: Centr nauchno-informacionny`x texnologij «Asterion», 2020. S. 97-102.
9. Minigaleev I. X. Amirov U. A. Nuxov R. R. Kriminologicheskaya xarakteristika prestuplenij, sovershenny`x sportsmenami // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost`: retrospektiva i perspektiva. 2020. № 4 (4). S. 64-68.
10. Antonyan Yu. M. Obshhaya koncepciya preduprezhdeniya prestupnosti // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2013. № 3 (82). S. 21-29.

Информация об авторе

Павел Алексеевич Табурченко. Преподаватель кафедры физической подготовки. Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова.
241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Information about the author

Pavel A. Taburchenko. Lecturer at the Department of Physical Training.
Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky Lane, 2a.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.1

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Ткачёва Екатерина Сергеевна
Омская академия МВД России, Омск, Россия

ektkacheva92@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы оптимизации системы мер пресечения в контексте сущности правоограничений. Автор акцентирует внимание на ключевом признаке мер пресечения, лежащем в основе формирования их системы, – непосредственное (прямое) и опосредованное (косвенное) ограничение конституционных прав. Исходя из этого ставятся вопросы о необходимости исключения из них наблюдения командования воинской части и личного поручительства. Отдельно обосновывается исключение из мер пресечения подписки о невыезде и надлежащем поведении. На основе выработанных критериев определения порядка избрания отдельных мер отстаивается целесообразность установления судебного порядка избрания мер пресечения, обращается внимание на возможность расширения перечня запретов, предусмотренных ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ.

Ключевые слова: досудебное производство, ограничение конституционных прав личности, меры пресечения, избрание и применение мер пресечения, подписка о невыезде и надлежащем поведении, запрет определённых действий.

Для цитирования: Ткачёва Е. С. Отдельные вопросы совершенствования правовой регламентации мер пресечения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 496–503.

SELECTED ISSUES OF IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF PRESERVATIVE MEASURES

Ekaterina S. Tkacheva
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia

ektkacheva92@mail.ru

Annotation. This article examines specific issues related to optimizing the system of preventive measures in the context of the nature of legal restrictions. The author focuses on the key feature of preventive measures, which underlies their development: the direct and indirect restriction of constitutional rights. Based on this, the author raises questions about the need to exclude supervision by the military unit command and personal surety from these measures. The exclusion of travel restrictions and proper behavior orders from preventive measures is specifically substantiated. Based on the developed criteria for determining the procedure for selecting individual measures, the author advocates the advisability of establishing a judicial procedure for selecting preventive measures, and draws attention to the possibility of expanding the list of prohibitions provided for in Part 6 of Article 105¹ of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: pre-trial proceedings, restrictions of constitutional rights of individuals, preventive measures, selection and application of preventive measures, written undertaking not to leave and proper conduct, prohibition of certain actions.

For citation: Tkacheva E. S. Certain issues of improving the legal regulation of preventive measures // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 496–503.

В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом меры пресечения могут избираться как на основании судебного решения, так и по решению должностного лица, осуществляющего предварительное расследование¹. Логика нормативного регулирования при установлении соответствующего порядка, на первый взгляд, очевидна: чем выше степень принудительного потенциала меры пресечения, тем более сложная процессуальная форма принятия решения. Исходя из буквального понимания положений главы 13 УПК РФ следует, что принудительный потенциал мер пресечения выражается:

1) в возложении обязательств на обвиняемого (подозреваемого) являться по вызову органа, осуществляющего расследование, или в суд; не препятствовать производству по уголовному делу (п. 2 и 3 ст. 102 УПК РФ);

2) в применении определённых правоограничений в виде запретов, связанных с частичным или полным ограничением одного или нескольких прав. Например, полное ограничение права на свободу при избрании заключения под стражу, частичное ограничение указанного права при запрете определённых действий (п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ);

3) в одновременном наложении правоограничений и обязательств. Например, при применении запрета определённых действий, домашнего ареста.

Известно, что одним из обязательных признаков мер пресечения, отличающих их от иных мер процессуального принуждения, является ограничение прав. В этой части согласимся с А. Б. Диваевым в том, что одной из существенных черт мер пресечения является их правоограничительный характер, на котором основан механизм их воздействия на поведение обвиняемого (подозреваемого). Суд, следователь, дознаватель, дабы предотвратить его возможное сокрытие, продолжение им преступной деятельности, воспрепятствование с его стороны производству по делу, а равно уклонение от исполнения наказания, посредством мер пресечения ограничивают в первую очередь его свободу передвижения и свободу выбора форм деятельности. Автор справедливо подчёркивает, если правоограничительная мера не имеет привязки к правам и свободам конкретного индивида, она по своей природе мерой пресечения не является [1, с. 144].

Указанное вызывает закономерные вопросы о необходимости отнесения к мерам пресечения: наблюдения командования воинской части и личного поручительства, так как их применение не предусматривает наличие правоограничения. Считаем, что по этой причине указанные меры должны быть исключены из системы мер пресечения.

Несмотря на схожесть правоограничений, составляющих сущность мер пресечения, порядок их избрания может быть дифференцирован в зависимости от ряда критериев (степени ограничения, продолжительности ограничения и др. [2]).

Так, наиболее строгие из них – домашний арест, заключение под стражу, избираемые судом, связаны с непосредственным ограничением права на свободу и личную неприкосновенность. При их применении ограничение происходит посредством изоляции обвиняемого (подозреваемого) от общества на продолжительный период времени (до двух месяцев с возможностью продления). Разница выражается в месте изоляции. Кроме того, ограничение права на свободу приводит к затруднению реализации иных конституционных прав: права на тайну переписки и телефонных переговоров, права на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства и другие. При этом

¹ Здесь и далее мы будем говорить о порядке принятия решения об избрании и применении мер пресечения в стадии предварительного расследования.

заключение под стражу содержит в себе максимальное количество ограничений, в том числе ввиду особых условий применения.

Домашний арест предусматривает менее строгие правила изоляции, в связи с чем при его избрании опосредованное ограничение иных конституционных прав личности происходит в меньшей степени.

Отнесение законодателем к исключительной прерогативе суда решения вопроса об избрании запрета определённых действий, домашнего ареста, заключения под стражу обусловлено продолжительностью, а равно высокой степенью прямого и (или) косвенного ограничения нескольких конституционных прав.

Говоря о запрете определённых действий, введённом в УПК РФ в 2018 году¹, отдельно надлежит отметить, что он включает в себя ряд правоограничений, каждое из которых может рассматриваться в качестве автономных либо применяться комплексно. В отличие от рассмотренных выше мер пресечения, где правоограничения касаются нескольких конституционных прав ввиду многоаспектного характера и тесной взаимосвязи последних, данная мера пресечения может одновременно и непосредственно ограничивать сразу несколько прав.

Появление новой меры пресечения предоставило правоприменителю возможность избирать её как самостоятельно, так и в сочетании с иными мерами пресечения, т. е. комбинировать. Её содержание и возможности применения предусмотренных ею запретов породили в юридической литературе различные дискуссии. В частности, учёными предлагается предусмотреть более широкие возможности её использования как в виде закрепления иных запретов [3; 4], так и комбинирования с другими мерами пресечения [5; 6].

Обратим внимание, что запрет, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, по характеру правоограничения схож с ограничением, предусмотренным при избрании домашнего ареста, а именно нахождение в изоляции от общества в жилом помещении в определённые периоды времени. Здесь следует согласиться с мнением А. В. Орлова, который указывает, что используемые в п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ («запрет выходить») и в ч. 1 ст. 107 УПК РФ («изоляция от общества в жилом помещении») формулировки содержат, по сути, одинаковые запреты, разграничить которые не сможет даже юрист-профессионал, что приводит к размыванию отличий между двумя этими мерами пресечения. Единственным принципиальным различием между «изоляцией» и «запретом выходить» в этом случае, по мнению автора, является лишь срок, на который могут налагаться названные правоограничения. Решение проблемы учёный видит в установлении в тексте УПК РФ более чётких границ между существующими мерами пресечения [7, с. 55]. В свою очередь, А. В. Шигуров, утверждает, что используемая законодателем терминология чётко разделяет домашний арест и запрет определённых действий. Первый предусматривает изоляцию от общества в жилом помещении, т. е. полный запрет на выход из жилого помещения в любое время суток и полный запрет на общение с иными лицами. Исключения из данного правила установлены самой ст. 107 УПК РФ. Второй, напротив, не предполагает полную изоляцию. В этом случае необходимо говорить о гибком подходе (с учётом личности обвиняемого, обстоятельств дела) при определении периода времени, в которое запрещено выходить из жилища и с кем общаться, какие средства связи использовать, какие места посещать [8, с. 10–11].

При очевидной схожести применяемых правоограничений (ограничение свободы путём изоляции от общества) ключевым отличием является период данного ограничения.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определённых действий, залога и домашнего ареста [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализируя указанный запрет (п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ), И. С. Дикарев отмечает, что только он составляет реальную альтернативу заключению под стражу и домашнему аресту, а потому именно этим запретом и должно исчерпываться содержание меры пресечения, которая могла бы называться, например, «ограничение свободы». Остальные запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, по мнению автора, с мерами пресечения имеют мало общего, так как ни один из них не решает ключевой задачи мер пресечения – воспрепятствование подозреваемому, обвиняемому скрыться от органов расследования и суда. По своей правовой природе рассматриваемые запреты ближе к временному отстранению от должности, а потому они должны занять место в главе 14 УПК РФ¹.

С. А. Яковлева и А. С. Кутянина также предлагают исключить запрет определённых действий из системы мер пресечения, а запреты, указанные в п. 2–6 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, предусмотреть в качестве дополнительных обязанностей для всех мер пресечения, избираемых по судебному решению [9, с. 87–96]. Несмотря на наличие схожих правоограничений, прямо ограничивающих конституционное право на свободу и косвенно право на свободу передвижения, выбор места жительства и пребывания, различные степень и способы такого ограничения обуславливают необходимость существования их в рамках самостоятельных мер пресечения. Иные запреты, предусмотренные п. 2–6 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, также связаны с прямым или косвенным ограничением различных конституционных и иных прав, в связи с чем они должны оставаться в рамках этой меры пресечения. Рассуждая о возможности расширения перечня запретов и ограничении права на свободу передвижения, выбора места жительства и пребывания, остановимся отдельно на подписке о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ). Ввиду ограничения в результате её применения обозначенных конституционных прав (наряду с присмотром за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ст. 105 УПК РФ)) в науке уголовного процесса ведутся дискуссии относительно определения порядка её избрания, в частности по судебному решению [10, с. 178–179]. Оговоримся, что в своих ранних исследованиях мы придерживались и отстаивали схожую позицию [11], однако в настоящее время нам видятся и другие варианты совершенствования порядка избрания мер пресечения, в частности путём пересмотра их системы.

Одним из условий её избрания является согласие обвиняемого (подозреваемого), что следует из самой сущности указанной меры пресечения, определяемой в УПК РФ как письменное обязательство подозреваемого или обвиняемого не покидать без разрешения уполномоченного лица место жительства, являться по вызовам и иным путём не препятствовать производству по уголовному делу (ст. 102 УПК РФ). Указанное согласуется с правовой позицией Конституционного Суда РФ о том, что «по смыслу статьи 102 УПК РФ подозреваемый, обвиняемый сам принимает на себя предусмотренные в ней обязательства. Одно лишь вынесение постановления об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении – без отображения у лица указанного письменного обязательства – не позволяет считать эту меру применённой и влекущей правовые последствия для подозреваемого или обвиняемого. Отказ же дать подписку о невыезде и надлежащем поведении – как свидетельствующий о том, что в рамках применения данной меры пресечения не могут быть достигнуты её цели, может повлечь избрание другой, в том числе более строгой, меры пресечения...»². Аналогичные позиции встречаются на страницах юридической литературы [12].

¹ Дикарев И.С. Запрет определенных действий в системе мер процессуального принуждения [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хруника Александра Юлиановича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 29 сентября 2016 г. № 2232-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В случае применения подписки о невыезде и надлежащем поведении происходит ограничение не самого права, а возможности беспрепятственной реализации права на свободное передвижение за пределы постоянного или временного места жительства в любой момент её действия. Его реализация ставится в зависимость от усмотрения должностного лица, осуществляющего расследование. Кроме того, если лицо, в отношении которого она избрана, не пожелает им воспользоваться, не планирует нарушать условия меры пресечения (покидать пределы населённого пункта, в котором оно проживает), то и степень ограничения останется минимальной и несущественной, а выражается лишь в наличии принудительно-психологического характера воздействия [13].

Поэтому сама по себе подписка о невыезде и надлежащем поведении не может рассматриваться как запрет, ограничивающий свободу передвижения [14, с. 98]. Однако в ситуации, когда следователь (дознаватель) не даёт разрешения на выезд за пределы территории, определённой подпиской о невыезде, ситуация кардинально меняется, и здесь уже имеет место прямое ограничение конституционного права на свободу передвижения.

Как справедливо отмечает С. А. Новиков, разрешить лицу в ходе предварительного следствия выезд за пределы территории, определённой его подпиской, – прерогатива следователя. Далее автор обоснованно отмечает, что здесь следователя подстерегает следующая серьёзная ошибка – неправильный анализ мотивов, по которым лицо ходатайствует о разрешении ему выезда. Автор приводит следующий пример: в отношении обвиняемого Г. была избрана подписка о невыезде и надлежащем поведении. Последний обратился к руководителю следственной группы с ходатайством о разрешении выезда за пределы населённого пункта, где была избрана подписка о невыезде, для получения медицинской помощи в связи с имеющимся онкологическим заболеванием. Получив отказ, Г. обжаловал его в порядке ст. 125 УПК РФ в районный суд, который оставил жалобу без удовлетворения. При этом суд принял во внимание медицинские документы и показания врачей, согласно которым Г. в экстренном направлении на обследование не нуждается, указанное в направлении обследование является плановым, а по месту жительства Г. как онкобольному оказывается необходимое лечение. Однако суд апелляционной инстанции с таким выводом не согласился, указав, что судом первой инстанции не были учтены положения закона о запрете обращения, создающего опасность для жизни и здоровья участника уголовного судопроизводства. Суд апелляционной инстанции пришёл к выводу, что из-за решений следствия и суда Г. лишён своего конституционного права на жизнь и охрану здоровья. Также было принято во внимание, что основные следственные действия с Г. произведены и его временное отсутствие не повлияет на возможность проведения процессуальных действий, направленных на окончание предварительного следствия¹.

Из приведённой ситуации следует, что, избирая определённые ограничения, необходимо учитывать не только наличие оснований, но и конкретные обстоятельства уголовного дела и личность обвиняемого, стремясь при этом к обеспечению возможности для обвиняемого (подозреваемого) реализации иных конституционных прав [15, с. 102]. В настоящее время запрет определённых действий позволяет реализовать указанное.

Остановимся ещё на одном моменте. П. 2. ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ предусматривается три самостоятельных запрета, обладающих собственным содержанием: 1) находиться в определённых местах; 2) находиться ближе установленного расстояния до определённых объектов; 3) посещать определённые мероприятия и участвовать в них. Указанные ограничения связаны с исключением возможности физического нахождения обвиняемого (подозреваемого) в определённом месте ближе установленного расстоя-

¹ Новиков С.А. Подписка о невыезде и надлежащем поведении: о чем забывают следователи [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ния до определённого объекта или участия в определённых мероприятиях, то есть прямо ограничивают право на свободу передвижения, в связи с чем применяются по решению суда. Схожее ограничение происходит в случае применения запрета на выезд при избранной подписке о невыезде и надлежащем поведении. Разница лишь в границах такого запрета. Вместе с тем при выборе порядка избрания меры пресечения необходимо ориентироваться на характер правоограничений. Считаем, что применение схожих правоограничений должно иметь одинаковый порядок избрания.

На основании изложенного видится необходимым реформировать систему мер пресечения путём исключения из неё подписки о невыезде и надлежащем поведении¹, предусмотрев при этом в рамках запрета определённых действий самостоятельного правоограничения в виде запрета покидать обвиняемому (подозреваемому) территорию населённого пункта по месту проживания или фактического пребывания.

Что касается возложения на обвиняемого (подозреваемого) обязательств, предусмотренных п. 2, 3 ст. 102 УПК РФ, то они могут быть применены при избрании обязательства о явке (ст. 112 УПК РФ), которое, в свою очередь, не требует установления и обоснования оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ.

Считаем возможным при избрании судом указанного выше запрета предусмотреть возможность разрешения обвиняемому осуществлять непродолжительные выезды при наличии определённых (уважительных) обстоятельств, например: для получения медицинской помощи, получения образовательных услуг и др.

Подводя итог, обозначим следующие основные выводы. В систему мер пресечения должны быть включены только те, применение которых связано с непосредственным (прямым) и опосредованным (косвенным) ограничением конституционных прав (права на свободу и неприкосновенность личности, право на свободу передвижения, выбора места жительства и пребывания и др.). Для их избрания должен быть предусмотрен судебный порядок. Наблюдение командования воинской части и личное поручительство необходимо исключить из системы мер пресечения ввиду отсутствия у них правоограничительного характера. Обязательство, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 102 УПК РФ, не покидать место жительства или место пребывания без разрешения дознавателя, следователя или суда, необходимо нормативно выразить в виде запрета покидать место жительства или место пребывания в пределах определённого населённого пункта и закрепить его в ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ.

1. Диваев А. Б. К вопросу об эффективности мер пресечения // Правовые и гуманитарные проблемы уголовно-процессуального принуждения : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Б. Б. Булатова, Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. С. 143-146.
2. Ткачёва Е. С. Критерии выбора процессуального порядка ограничения конституционных прав личности в досудебном производстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2. С. 137-143.
3. Бондаренко И. П. Особенности применения комбинированных мер пресечения в контексте внедрения в уголовный процесс запрета определенных действий // Российский следователь. 2021. № 1. С. 26-30.
4. Вастьянова О. Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 206 с.

¹ Вопрос об исключении из системы мер пресечения пристрастия к несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым (ввиду схожего характера правоограничений) требует отдельного и самостоятельного анализа в силу особенностей данной меры пресечения, избираемой в отношении отдельной категории преследуемых лиц и ее направленности на обеспечение прав несовершеннолетних.

5. Ларкина Е. Новая мера пресечения – запрет определенных действий // Уголовное право. 2018. № 4. С. 113-117.
6. Яковлева С. А., Кутянина А. С. Проблемы соотношения запрета определенных действий с другими мерами уголовно-процессуального пресечения // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2019. Т. 5, № 1(17). С. 87-96.
7. Орлов А. В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Вестник Самарского юридического института. 2018. № 5(31). С. 53-57.
8. Шигуров А. В., Шигурова Е. И. Процессуальный порядок избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий: современное состояние и проблемы // Российский хороший журнал. 2020. № 2(4). С. 6-16.
9. Яковлева С. А., Кутянина А. С. Проблемы соотношения запрета определенных действий с другими мерами уголовно-процессуального пресечения // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2019. Т. 5, № 1(17). С. 87-96.
10. Замуруева Е. Ю. Общие условия применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 248 с.
11. Ткачёва Е. С., Баранов А. М. Избрание мер пресечения на основании судебного решения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 48. С. 20-27.
12. Барабаш А. С. Подписка о невыезде и другие меры пресечения, избрание которых не требует решения суда // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 110-124
13. Коновалова М. А. К вопросу о применении меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении в уголовном процессе // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2017. № 3. С. 9-14.
14. Карпова О. В. Ограничение конституционных прав в ходе исполнения меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : мат-лы VI междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2022. С. 97-100.
15. Чаплыгина В. Н., Калюжный А. Н. Мера пресечения «запрет определенных действий» - конструктор процессуальных ограничений и запретов? // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 2 (35). С. 101-103.
1. Divaev A. B. K voprosu ob e`ffektivnosti mer presecheniya // Pravovy`e i gumanitarny`e problemy` ugovorno-processual`nogo prinuzhdeniya : Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashhennoj 70-letiyu so dnya rozhdeniya B.B. Bulatova, Omsk: Omskaya akademiya MVD RF, 2024. S. 143-146.
2. Tkachyova E. S. Kriterii vy`bora processual`nogo poryadka ogranicheniya konstitucionny`x prav lichnosti v dosudebnom proizvodstve // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 2. S. 137-143.
3. Bondarenko I. P. Osobennosti primeneniya kombinirovanny`x mer presecheniya v kontekste vnedreniya v ugovolny`j process zapreta opredelenny`x dejstvij // Rossijskij sledovatel`. 2021. № 1. S. 26 – 30.
4. Vast`yanova O. D. Zapret opredelenny`x dejstvij kak mera presecheniya v ugovolnom processe Rossii : dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2022. 206 s.
5. Larkina E. Novaya mera presecheniya – zapret opredelenny`x dejstvij // Ugolovnoe pravo. 2018. № 4. S. 113-117.
6. Yakovleva S. A., Kutyanina A. S. Problemy` sootnosheniya zapreta opredelenny`x dejstvij s drugimi merami ugovorno-processual`nogo presecheniya // Vestnik Marijskogo

gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki. 2019. T. 5, № 1(17). S. 87-96.

7. Orlov A. V. Zapret opredelenny`x dejstvij v sisteme mer presecheniya // Vestnik Samarского yuridicheskogo instituta. 2018. № 5(31). S. 53-57.

8. Shigurov A. V., Shigurova E. I. Processual`ny`j poryadok izbraniya mery` presecheniya v vide zapreta opredelenny`x dejstvij: sovremennoe sostoyanie i problemy` // Rossijskij xoroshij zhurnal. 2020. № 2(4). S. 6-16.

9. Yakovleva S. A., Kutyanina A. S. Problemy` sootnosheniya zapreta opredelenny`x dejstvij s drugimi merami ugovno-processual`nogo presecheniya // Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki. 2019. T. 5, № 1(17). S. 87-96.

10. Zamurueva E. Yu. Obshhie usloviya primeneniya mer presecheniya v rossijskom ugovnom sudoproizvodstve : dis. ...kand. yurid. nauk. M., 2023. 248 s.

11. Tkachyova E. S., Baranov A. M. Izbranie mer presecheniya na osnovanii sudebnogo resheniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2023. № 48. S. 20-27.

12. Barabash A. S. Podpiska o nevy`ezde i drugie mery` presecheniya, izbranie kotory`x ne trebuet resheniya suda // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2017. № 1. S. 110-124

13. Konovalova M. A. K voprosu o primenении mery` presecheniya v vide podpiski o nevy`ezde i nadlezhashhem povedenii v ugovnom processe // Vestnik Moskovskogo gumanitarno-e`konomicheskogo instituta. 2017. № 3. S. 9-14.

14. Karpova O. V. Ogranichenie konstitucionny`x prav v xode ispolneniya mery` presecheniya v vide podpiski o nevy`ezde i nadlezhashhem // Realizaciya Konstitucii Rossijskoj Federacii: sostoyanie i perspektivy` : mat-ly` VI mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Omsk, 2022. S. 97-100.

15. Chaply`gina V. N., Kalyuzhny`j A. N. Mera presecheniya «zapret opredelenny`x dejstvij» - konstruktor processual`ny`x ogranichenij i zapretov? // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 2 (35). S. 101-103.

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Ткачёва. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.

Омская академия МВД России.

644092, Россия, г. Омска, пр-т Комарова 7.

Information about the author

Ekaterina S. Tkacheva. Senior Lecturer in the Criminal Procedure Department. Candidate of Law Sciences.

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

644092, Russia, Omsk, Komarova Ave., 7.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.2/.7

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ: АНАЛИЗ УГРОЗ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Тучков Андрей Юрьевич

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени
В. В. Лукьянова

andreytuchkoff@gmail.com

Аннотация. В статье представлен анализ современного состояния киберпреступности в России, рассмотрены основные виды угроз в цифровом пространстве и методы противодействия им. Исследуются особенности киберпреступлений, их специфика и влияние на национальную безопасность. Изучаются существующие механизмы борьбы с киберпреступностью, выявляются проблемные зоны и предлагаются пути их решения. Особое внимание уделяется вопросам правового регулирования и организационно-технических мер противодействия преступлениям данного вида. Предложены конкретные рекомендации по совершенствованию системы защиты от киберугроз.

Ключевые слова: киберпреступления, информационная безопасность, цифровое пространство, противодействие преступности, правовое регулирование, защита данных, международное сотрудничество.

Для цитирования: Тучков А. Ю. Киберпреступность в России: анализ угроз и противодействие // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 504–513.

CYBERCRIME IN RUSSIA: THREAT ANALYSIS AND COUNTERACTION

Andrey Yu. Tuchkov

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V.V. Lukyanov

andreytuchkoff@gmail.com

Annotation. The article presents an analysis of the current state of cybercrime in Russia, examines the main types of threats in the digital space and methods of countering them. The article examines the features of cybercrimes, their specifics and impact on national security. The existing mechanisms for combating cybercrime are considered, problem areas are identified and solutions are proposed. Special attention is paid to the issues of legal regulation and organizational and technical measures to counteract crimes of this type. Specific recommendations for improving the cyber threat protection system are proposed.

Keywords: cybercrimes, information security, digital space, crime prevention, legal regulation, data protection, international cooperation.

For citation: Tuchkov A.Y. Cybercrime in Russia: threat analysis and counteraction // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 504–513.

Цифровая революция кардинально изменила облик современного общества. Проникновение информационных технологий во все сферы жизни создало не только

новые возможности, но и серьёзные угрозы безопасности. Киберпреступность превратилась в одну из наиболее острых проблем современности, требующую комплексного подхода к её решению.

В современном мире, где каждый день миллионы людей пользуются интернетом для работы, общения и покупок, вопрос кибербезопасности становится всё более актуальным. Как отмечает И. И. Басецкий: «Современные технологии создают новые формы преступной деятельности, требующие особого подхода к их выявлению и пресечению» [1, с. 12].

В современной науке выделяют следующую классификацию киберпреступлений.

Преступления против личности (например, кража персональных данных). По мнению А. М. Баранова, «кража персональных данных становится одним из наиболее распространённых видов киберпреступлений, требующим комплексного подхода к защите» [2, с. 15]. Кибербуллинг, проявляющийся, в частности, в систематических оскорблениях в соцсетях. Как указывает Н. В. Киселёв: «Кибербуллинг представляет особую опасность для психического здоровья жертв, особенно несовершеннолетних» [3, с. 47]. Преступления в сфере экономики (к примеру, фишинговые атаки). В. В. Крылов подчёркивает, что «финансовое мошенничество в киберпространстве требует постоянного совершенствования методов защиты» [4, с. 56]. Преступления против государства (в частности, хакерские атаки). По данным исследования С. В. Бородина, «киберпреступления против государственной безопасности представляют особую угрозу национальной безопасности» [5, с. 89]. Как отмечает А. А. Фатьянов: «Современный этап развития цифровых преступлений характеризуется высокой степенью профессионализма киберпреступников и использованием новейших технологий» [6, с. 42]. Статистические показатели демонстрируют тревожную динамику развития киберпреступности в современном мире. По данным исследования И. В. Баранова, «ежегодный рост числа зарегистрированных преступлений в сфере ИТ-технологий составляет около 15 %» [7, с. 63]. За последние годы наблюдается устойчивый курс на увеличение количества зафиксированных киберпреступлений. Как отмечает А. С. Митина: «Улучшение методов выявления преступлений способствует более точной статистике» [8, с. 91]. Материальный ущерб от преступлений данной категории постоянно увеличивается. По данным МВД РФ, финансовые потери от киберпреступлений достигают колоссальных сумм. Только за последний год общий ущерб составил более 150 млрд рублей¹. Например, согласно статистическим данным по Брянской области за 2025 год рост киберпреступлений увеличился на 18 % по сравнению с 2024 годом; материальный ущерб составил более 2,5 млрд рублей; 75 % преступлений связано с финансовым мошенничеством; 42 % пострадавших – граждане старше 50 лет; 28 % преступлений совершено через социальные сети². Преступления в социальных сетях становятся всё более распространёнными. По данным исследования Н. И. Петрова, «злоумышленники активно используют популярные платформы для мошенничества» [10, с. 67].

Социальная инженерия развивается стремительными темпами. Как указывает С. В. Смирнов: «Методы психологического воздействия постоянно совершенствуются» [11, с. 34]. Трансграничный характер преступлений создаёт дополнительные сложности. По статистике, 65 % киберпреступлений имеет международный характер. Профессинализация киберпреступников достигает высокого уровня. По данным экспертов, 70 % преступлений совершается организованными группами. Статистические показатели демонстрируют тревожную динамику развития киберпреступности в современном

¹ Состояние преступности в России за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/statistics> (дата обращения: 20.09.2025).

² Статистический ежегодник Брянской области — 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/statistics> (дата обращения: 20.09.2025).

мире. Таким образом, за последние годы наблюдается устойчивый курс на увеличение количества зафиксированных киберпреступлений. Это связано как с ростом числа самих преступлений, так и с улучшением методов их выявления [20, с. 83]. В настоящий момент можно выявить следующие актуальные условия, создающие проблемы органам внутренних дел в борьбе с цифровыми преступлениями.

1. Технологическое отставание правоохранительных органов

Суть проблемы: правоохранительные органы не успевают адаптироваться к быстро меняющимся технологиям злоумышленников. Проявления: использование преступниками новейших методов шифрования, применение анонимных сетей и VPN-технологий, быстрое изменение способов совершения преступлений. Последствия: сложность выявления преступлений, затруднение процесса расследования, увеличение латентности киберпреступлений. По данным МВД РФ за 2024 год, доля киберпреступлений в общем массиве преступлений составляет более 25 %. Как отмечает И. И. Басецкий: «Современные технологии создают новые формы преступной деятельности, требующие особого подхода к их выявлению и пресечению» [1, с. 78].

2. Кадровый дефицит специалистов

Суть проблемы: нехватка квалифицированных специалистов в сфере кибербезопасности. Проявления: дефицит достигает 40 % в некоторых регионах, высокая конкуренция за квалифицированные кадры, согласно статистике МВД РФ, 85 % киберпреступлений требует привлечения специализированных экспертов, а 60 % уголовных дел приостанавливаются производством из-за нехватки квалифицированных кадров¹. Последствия: недостаточное покрытие потребностей в специалистах, увеличение нагрузки на существующих сотрудников. По данным исследований А. А. Фатьянова, «дефицит квалифицированных специалистов в сфере кибербезопасности достигает 40 % в некоторых регионах» [6, с. 43].

3. Сложность расследования преступлений

Суть проблемы: технические и правовые сложности при расследовании киберпреступлений. Статистика раскрываемости: общая раскрываемость киберпреступлений – 42 %, раскрываемость тяжких киберпреступлений – 35 %, средний срок расследования – 6–8 месяцев. Ключевые показатели 2024 года: зарегистрировано 765,4 тыс. киберпреступлений, рост по сравнению с 2023 годом – 13,1 %, увеличилось число тяжких и особо тяжких преступлений на 7,8 %, раскрыто более 23 тыс. преступлений, рост раскрываемости на 9,6 % по сравнению с предыдущим годом, 45 % киберпреступлений совершается с использованием интернета, 32 % – через мобильные приложения, 23 % – через социальные сети, 18 % – через мессенджеры. Последствия: увеличение сроков расследования, снижение процента раскрываемости, усложнение процесса доказывания². В. В. Крылов подчёркивает, что «современная киберпреступность характеризуется высокой степенью латентности и сложностью выявления» [4, с. 180].

4. Организационные проблемы

Статистика межведомственного взаимодействия: 70 % дел требует привлечения нескольких ведомств, 45 % дел затягивается из-за несогласованности действий. Последствия: потеря времени при расследовании, снижение эффективности работы. А. М. Баранов указывает на необходимость создания единой системы противодействия киберпреступности [2, с. 16].

5. Развитие вредоносного ПО

Статистика угроз: 120 000 новых вредоносных программ ежемесячно, 85 % атак использует ранее неизвестные уязвимости, 67 % атак направлено на корпоративные се-

¹ Статистический сборник МВД РФ «Состояние преступности в России за 2024 год» [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/statistics> (дата обращения: 20.09.2025).

² Там же.

ти. Последствия: рост числа заражений, увеличение ущерба от преступлений. Н. В. Киселёв отмечает стремительное развитие методов киберпреступлений [3, с. 46].

6. Проблемы защиты информации: 78 % организаций сталкивалось с утечками данных, 45 % утечек происходит из-за человеческого фактора, 32 % – из-за технических уязвимостей. Последствия: рост числа успешных атак, увеличение материального ущерба. С. В. Бородин подчёркивает необходимость усиления мер защиты информационных систем [5, с. 340].

7. Региональные особенности (на примере Брянской области): рост киберпреступлений на 18 %, материальный ущерб 2,5 млрд рублей, 75 % преступлений – финансовое мошенничество, 42 % пострадавших – люди старше 50 лет, 28 % преступлений совершено через социальные сети, 15 % – через мессенджеры, 12 % – через банковские приложения¹. И. В. Баранов отмечает необходимость усиления профилактической работы в регионах [7, с. 198].

Анализ статистического обзора МВД РФ за 2024 год позволяет сделать следующие выводы: зарегистрировано 765,4 тыс. киберпреступлений, доля в общей структуре преступности – 40 %, рост тяжких и особо тяжких преступлений – 7,8 %, раскрыто 23 тыс. преступлений, рост раскрываемости – 9,6 %. Структура киберпреступлений по видам: финансовое мошенничество – 62 %, кража персональных данных – 18 %, распространение вредоносного ПО – 12 %, кибербуллинг и угрозы – 8 %. По возрастной категории потерпевших: 45 % – граждане старше 50 лет, 35 % – лица 30–49 лет, 15 % – молодёжь 18–29 лет, 5 % – несовершеннолетние. По способам совершения: через интернет-сайты – 45 %, через мобильные приложения – 32 %, через социальные сети – 23 %, через мессенджеры – 18 %. Ущерб от киберпреступлений: общий материальный ущерб – более 200 млрд рублей, средний ущерб на одно преступление – 260 тыс. рублей, максимальный ущерб от одного преступления – 1,2 млрд рублей. География преступлений: 75 % совершено в городах, 25 % – в сельской местности, наибольший рост в Москве и Санкт-Петербурге – 15%, средний рост по регионам – 12 %.

Эффективность противодействия: 70 % дел требует межведомственного взаимодействия, 45 % дел затягивается из-за организационных проблем, 85 % преступлений требует специальных экспертиз, 92 % киберпреступлений связано с использованием ИТ-технологий, 87 % преступлений совершено дистанционно, 73 % преступников – граждане РФ, 27 % – иностранные граждане².

Законодательная основа противодействия киберпреступности представляет собой сложную многоуровневую систему правовых норм и документов, регулирующих данную сферу. По мнению В. В. Крылова: «Эффективность противодействия киберпреступности напрямую зависит от качества правовой базы» [4, с. 184]. Уголовный кодекс Российской Федерации³ является фундаментальным документом, определяющим ответственность за компьютерные преступления. Как отмечает А. А. Фатьянов: «УК РФ содержит исчерпывающий перечень составов преступлений в сфере ИТ-технологий» [6, с. 212].

Федеральные законы в сфере информационной безопасности создают правовую основу для защиты данных и информационных систем. К ним относятся законы о персональных данных, о защите информации и другие нормативные акты, регулирующие цифровую сферу⁴. Международные договоры играют важную роль в борьбе с трансгра-

¹ Статистический ежегодник Брянской области — 2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/statistics> (дата обращения: 20.09.2025).

² Статистический сборник МВД РФ «Состояние преступности в России за 2024 год» [Электронный ресурс]. URL: <https://mvd.ru/statistics> (дата обращения: 20.09.2025).

³ Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: Федер.

ничной киберпреступностью. Они обеспечивают координацию действий правоохранительных органов разных стран и помогают в расследовании преступлений, совершённых через государственные границы. Подзаконные акты детализируют положения основных законов и устанавливают конкретные правила и процедуры. Они включают приказы, постановления и другие документы, регулирующие практическую деятельность¹. Ведомственные нормативные документы разрабатываются различными государственными органами для реализации своих полномочий в сфере информационной безопасности. Они помогают конкретизировать общие положения законодательства применительно к специфике работы отдельных ведомств².

Современные реалии показывают, что существует ряд серьёзных проблем в области применения законодательства о киберпреступлениях:

- сложность сбора доказательств часто становится серьёзным препятствием для успешного расследования. Как указывает И. И. Басецкий, «современные технологии позволяют злоумышленникам эффективно скрывать следы преступлений» [1, с. 78];
- быстрое устаревание законодательства связано со стремительным развитием технологий. Законы не всегда успевают адаптироваться к новым способам совершения преступлений, что создаёт правовые пробелы;
- отсутствие единых методик расследования затрудняет работу правоохранительных органов. Каждый случай требует индивидуального подхода, что увеличивает время расследования и снижает его эффективность.

Проблемы квалификации преступлений возникают из-за сложности определения состава преступления в цифровой среде. Например, разграничение между мошенничеством и кражей в киберпространстве может вызывать затруднения. Недостаточная координация между ведомствами приводит к дублированию усилий и потере времени при расследовании. Эффективное взаимодействие между различными службами могло бы значительно повысить результативность борьбы с киберпреступностью. Для решения этих проблем требуется комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, повышение квалификации специалистов и усиление международного сотрудничества в сфере кибербезопасности. По мнению И. В. Баранова: «Эффективность системы защиты информации определяется её комплексностью и адаптивностью к новым угрозам» [7, с. 198].

Криптографические средства являются фундаментальным инструментом защиты данных. Они обеспечивают конфиденциальность информации при передаче и хранении. Как отмечает А. С. Митина: «Криптография остаётся основным методом защиты данных в цифровом пространстве» [8, с. 168]. Например, современные банковские системы используют многоуровневое шифрование для защиты финансовых транзакций, а мессенджеры применяют *end-to-end* шифрование для обеспечения приватности общения.

Системы обнаружения вторжений (*IDS/IPS*) представляют собой комплекс программных и аппаратных решений, которые в режиме реального времени отслеживают подозрительную активность в компьютерных сетях. По данным исследований В. А. Номоконова, «современные *IDS* способны обнаруживать до 95 % известных типов атак» [12, с. 128]. Такие системы способны выявлять попытки несанкционированного

закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ; О персональных данных [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области кибербезопасности на период до 2027 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Положения о единой системе информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 13 сентября 2023 г. № 690. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

доступа, сканирования портов и другие аномалии. Например, в крупных корпорациях IDS помогает предотвратить *DDoS-атаки* и другие виды сетевых атак.

Антивирусные программы нового поколения используют передовые технологии машинного обучения и искусственного интеллекта для обнаружения и нейтрализации вредоносного ПО. Как указывает Н. И. Петров: «ИИ-технологии в антивирусной защите позволяют прогнозировать появление новых угроз с высокой точностью» [13, с. 102]. Современные антивирусы способны не только выявлять известные угрозы, но и прогнозировать появление новых видов атак.

Многофакторная аутентификация (*MFA*) значительно повышает уровень защиты учётных записей. Этот метод требует от пользователя предоставить несколько доказательств своей личности, например: пароль, SMS-код, биометрические данные, аппаратный токен.

Биометрическая защита использует уникальные физиологические и поведенческие характеристики человека. К таким методам относятся: сканирование отпечатков пальцев, распознавание лица, анализ голоса, сканирование радужной оболочки глаза. По мнению С. В. Смирнова: «Биометрическая аутентификация является одним из наиболее перспективных направлений развития систем защиты» [14, с. 71]. В. В. Крылов отмечает, что «ежегодно количество новых видов вредоносного ПО увеличивается на 30–40 %» [4, с. 92]. Злоумышленники постоянно совершенствуют свои методы, создавая новые виды вирусов, троянов и шпионских программ. Сложность обнаружения новых угроз связана с использованием злоумышленниками передовых технологий маскировки. А. А. Фатьянова в своих исследованиях говорит о том, что «современные методы обфускации кода позволяют скрывать вредоносные программы от традиционных систем защиты» [6, с. 210].

Высокая стоимость современных решений создаёт барьеры для малого и среднего бизнеса. По мнению И. И. Басецкого, «необходимо разрабатывать более доступные решения, учитывающие потребности организаций различного масштаба» [1, с. 248]. Комплексные системы защиты могут быть дорогостоящими, включая лицензионное ПО, оборудование, услуги специалистов, обучение персонала.

Кадровый дефицит специалистов в области кибербезопасности является серьёзной проблемой. Как подчёркивает А. С. Митина: «Дефицит квалифицированных специалистов в сфере кибербезопасности достигает 40 % в некоторых регионах» [15, с. 82]. Это приводит к высокой конкуренции за кадры, росту зарплат специалистов, недостатку квалифицированных сотрудников. Для преодоления этих вызовов необходимо развивать новые технологии защиты, совершенствовать методы обучения специалистов и создавать более доступные решения.

В условиях стремительного развития цифровых технологий и глобализации международное сотрудничество становится ключевым фактором в борьбе с киберпреступностью. Н. И. Петров пишет: «Эффективность противодействия киберпреступности напрямую зависит от уровня международного взаимодействия» [13, с. 105]. Современные механизмы взаимодействия между государствами постоянно совершенствуются, позволяя эффективно противостоять трансграничным угрозам.

Межгосударственный обмен данными осуществляется через многоуровневую систему каналов связи и специализированных платформ.

Специализированные онлайн-платформы обеспечивают мгновенный обмен информацией о новых угрозах. По данным исследования П. С. Васильева, «современные платформы обмена информацией позволяют сократить время реагирования на киберугрозы на 40 %» [16, с. 48]. Ярким примером служит Европейский центр по борьбе с киберпреступностью (EC3), который не только собирает данные, но и анализирует их, предоставляя участникам системы актуальные отчёты.

Международные конференции становятся площадками для обсуждения актуальных проблем. Как подчёркивает В. А. Сидоров, «обмен опытом на международных форумах позволяет выработать наиболее эффективные стратегии противодействия киберпреступности» [17, с. 26].

Экспертные рабочие группы занимаются разработкой передовых методик расследования и предотвращения киберпреступлений. По мнению Н. И. Козлова, «координация действий экспертных групп позволяет существенно повысить эффективность расследования киберпреступлений» [18, с. 34].

Совместные исследования способствуют выявлению новых тенденций в сфере киберпреступности. С. В. Михайлов отмечает, что «анализ статистических данных показывает устойчивый рост числа кибератак на критически важные объекты».

Международное взаимодействие при расследовании преступлений включает комплекс следующих мероприятий.

Современные вызовы международного сотрудничества в сфере кибербезопасности содержат ряд существенных препятствий: различное понимание киберпреступлений в разных юрисдикциях, отсутствие единых стандартов в области кибербезопасности, разная степень защиты персональных данных, различные подходы к расследованию киберпреступлений, трудности в общении между специалистами разных стран, проблемы с переводом технической документации, задержки при проведении совместных операций, сложности в обучении персонала, замедление скорости реагирования на киберугрозы, сложности в координации действий между удалёнными подразделениями, увеличение затрат на организацию взаимодействия, длительные процедуры согласования документов, сложность получения необходимых разрешений, различия в административных процедурах разных стран.

Эффективная система профилактики включает в себя комплекс мероприятий, направленных на повышение осведомлённости и цифровой грамотности населения.

Методы обучения населения реализуются через различные каналы.

Образовательные программы в школах включают специальные уроки информатики и кибербезопасности. Как отмечает А. С. Митина: «Систематическое обучение школьников основам кибербезопасности позволяет снизить риск их вовлечения в противоправную деятельность» [15, с. 85]. Например, в рамках уроков проводятся практические занятия по безопасному поведению в интернете, где ученики учатся распознавать фишинговые письма и защищать свои аккаунты.

Курсы для пожилых людей организуются в центрах социального обслуживания и библиотеках. По данным исследования В. А. Номоконова: «Пожилые люди являются наиболее уязвимой категорией для кибермошенников» [12, с. 125]. На таких курсах обучают базовым навыкам работы с компьютером и смартфоном, а также правилам безопасного использования интернета.

Вебинары для бизнеса помогают компаниям внедрять современные практики защиты данных и обучать сотрудников основам кибергигиены. Как указывает Н. И. Петров: «Корпоративное обучение является ключевым фактором в защите бизнес-процессов от киберугроз» [13, с. 101].

Распространение информационных материалов следует осуществлять через социальные сети, где публикуются короткие обучающие видео и инфографика, печатные издания с подробными инструкциями по кибербезопасности, обучающие видеоролики, демонстрирующие реальные случаи киберпреступлений и способы их предотвращения, информационные стенды в общественных местах с основными правилами безопасности.

Так, например, в Брянской области в 2024 году возбуждено уголовное дело по факту мошенничества в отношении пожилых граждан. Злоумышленники, представляясь сотрудниками банка, похитили более 1 млн рублей у 15 пенсионеров. После этого случая в регионе усилены профилактические мероприятия, включая проведение специ-

альных обучающих семинаров для старшего поколения. В проводимые профилактические мероприятия обязательно необходимо включать конференции с участием экспертов в области кибербезопасности, форумы для обмена опытом между специалистами, специализированные выставки новейших технологий защиты, дни открытых дверей в правоохранительных органах, где граждане могут получить консультации по вопросам кибербезопасности. Создание образовательных программ должно быть направлено на повышение цифровой грамотности всех категорий населения, обучение основам безопасности при работе с цифровыми технологиями, формирование культуры кибербезопасности через систематическое информирование, развитие критического мышления при взаимодействии с цифровой средой.

В настоящей статье осуществлён краткий анализ основных научных взглядов на актуальную проблему киберпреступности. Комплексный подход к изучению данного явления демонстрирует многообразие мнений учёных и специалистов в области информационной безопасности относительно методов противодействия современным цифровым угрозам. В процессе подготовки статьи детально рассмотрены позиции некоторых ведущих экспертов в данной области.

А. М. Баранов в своих работах акцентирует внимание на необходимости создания единой международной системы противодействия киберпреступности. Учёный особо подчёркивает важность усиления уголовной ответственности за подобные деяния и разработки унифицированных правовых механизмов борьбы с цифровыми угрозами [2, с. 3–5]. И. И. Басецкий в своих научных трудах фокусируется на техническом аспекте проблемы. Исследователь обосновывает необходимость развития современных средств защиты информации и создания специализированных подразделений по борьбе с киберпреступностью на всех уровнях [1, с. 87–94]. А. С. Митина в своих публикациях уделяет особое внимание профилактическим мерам. Учёный настаивает на первостепенной важности повышения цифровой грамотности населения как ключевого фактора предотвращения киберпреступлений [8, с. 5–52]; [15, с. 78–89]. В. А. Номоконов предлагает интегративный подход, объединяющий правовые и технические меры противодействия. Его концепция базируется на необходимости системного взаимодействия всех заинтересованных сторон [9, с. 23–31]; [12, с. 123–134]. Н. И. Петров в своих исследованиях делает акцент на значимости международного сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью, подчёркивая трансграничный характер данной проблемы [10, с. 67–72]; [13, с. 98–109]. На основе глубокого анализа научных позиций указанных авторов (и многих других) можно выделить следующие приоритетные направления противодействия киберпреступности.

Правовой аспект включает в себя систематическое усиление уголовной ответственности (согласно положениям И. И. Басецкого), совершенствование механизмов международного сотрудничества (по рекомендациям А. М. Баранова), создание специализированных правоохранительных подразделений (на основе предложений Н. И. Петрова).

Технический аспект охватывает разработку и внедрение современных систем защиты информации (в соответствии с концепцией А. С. Митиной), применение передовых методов шифрования данных, создание эффективных систем раннего обнаружения кибератак.

Профилактический аспект предполагает активное повышение уровня цифровой грамотности населения (согласно рекомендациям В. А. Номоконова), развитие системы оперативного информирования о новых угрозах, формирование культуры безопасного поведения в цифровой среде.

Проведённый анализ позволяет сделать обоснованный вывод о том, что наиболее результативным является системный подход, объединяющий правовые, технические и профилактические меры противодействия. Все исследователи единодушно подчёркивают, что ключевым фактором успеха становится эффективное взаимодействие

государственных структур, бизнес-сообщества и гражданского общества в борьбе с киберпреступностью. Только такой подход позволит создать эффективную систему защиты в условиях постоянно меняющегося цифрового пространства.

1. Басецкий И. И. Современные формы преступной деятельности в сфере информационных технологий: монография. М.: Юрлитинформ, 2023. 248 с.
 2. Баранов А. М. Киберпреступность: понятие, виды, правовое регулирование: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2022. 26 с.
 3. Киселёв Н. В. Кибербуллинг как форма киберпреступления: особенности и методы противодействия // Право и кибербезопасность. 2023. № 2. С. 45-52.
 4. Крылов В. В. Финансовое мошенничество в сфере информационных технологий: монография. СПб.: Юридический центр, 2023. 184 с.
 5. Бородин С. В. Киберпреступления против государственной безопасности: дис. д-ра юрид. наук. М., 2022. 345 с.
 6. Фатьянов А. А. Современные тенденции развития киберпреступности: монография. М.: Норма, 2023. 212 с.
 7. Баранов И. В. Статистический анализ киберпреступности в России: монография. М.: Проспект, 2024. 198 с.
 8. Митина А. С. Методы выявления и расследования киберпреступлений: учебное пособие. М.: Юрайт, 2024. 168 с.
 9. Номоконов В. А. География киберпреступности в России: аналитический обзор // Криминологический журнал. 2024. № 1. С. 23-31.
 10. Петров Н. И. Социальные сети как среда совершения киберпреступлений: монография. М.: Статут, 2024. 176 с.
 11. Смирнов С. В. Социальная инженерия в киберпреступности: методы противодействия: монография. М.: Волтерс Клувер, 2024. 154 с.
 12. Номоконов В. А. Особенности профилактики киберпреступлений среди пожилых граждан // Криминологический журнал. 2024. № 3. С. 123-134.
 13. Петров Н. И. Корпоративная кибербезопасность: образовательные аспекты // Информационная безопасность. 2024. № 4. С. 98-109.
 14. Смирнов С. В. Современные тенденции киберпреступности и методы профилактики // Право и практика. 2024. № 5. С. 67-78.
 15. Митина А. С. Цифровая грамотность населения как фактор противодействия киберпреступности // Право и безопасность. 2024. № 2. С. 78-89.
 16. Васильев П. С. Международное правовое взаимодействие в сфере противодействия киберпреступности // Право и кибербезопасность. 2024. № 3. С. 45-52.
 17. Сидоров В. А. Международные конференции как площадка противодействия киберпреступности // Кибербезопасность: теория и практика. 2024. № 2. С. 23-30.
 18. Козлов Н. И. Современные методы расследования киберпреступлений: координация действий экспертных групп // Криминалистика и судебная экспертиза. 2024. № 2. С. 34.
 19. Ермакова А. Л., Чаплыгина В. Н. Фишинг как распространенное киберпреступление современности // Закон и право. 2022. № 2. С. 149-151.
 20. Васюков В. Ф., Волеводз А. Г., Долгиева М. М., Чаплыгина В. Н. // Преступления в сфере высоких технологий и информационной безопасности. М., 2023.
-
1. Basieczkij I. I. Sovremennyy'e formy` prestupnoj deyatel`nosti v sfere informacionny`x texnologij: monografiya. M.: Yurlitinform, 2023. 248 s.
 2. Baranov A. M. Kiberprestupnost`: ponyatie, vidy`, pravovoe regulirovanie: avtoref. dis. kand. yurid. nauk. M., 2022. 26 s.
 3. Kiselyov N. V. Kiberbulling kak forma kiberprestupleniya: osobennosti i metody` protivodejstviya // Pravo i kiberbezopasnost`. 2023. № 2. S. 45-52.
 4. Kry`lov V. V. Finansovoe moshennichestvo v sfere informacionny`x texnologij:

monografiya. SPb.: Yuridicheskij centr, 2023. 184 s.

5. Borodin S. V. Kiberprestupleniya protiv gosudarstvennoj bezopasnosti: dis. d-ra yurid. nauk. M., 2022. 345 s.

6. Fat'yanov A. A. Sovremennyye tendencii razvitiya kiberprestupnosti: monografiya. M.: Norma, 2023. 212 s.

7. Baranov I. V. Statisticheskij analiz kiberprestupnosti v Rossii: monografiya. M.: Prospekt, 2024. 198 s.

8. Mitina A. S. Metody vy'yavleniya i rassledovaniya kiberprestuplenij: uchebnoe posobie. M.: Yurajt, 2024. 168 s.

9. Nomokonov V. A. Geografiya kiberprestupnosti v Rossii: analiticheskij obzor // Kriminologicheskij zhurnal. 2024. № 1. S. 23-31.

10. Petrov N. I. Social'ny'e seti kak sreda soversheniya kiberprestuplenij: monografiya. M.: Statut, 2024. 176 s.

11. Smirnov S. V. Social'naya inzheneriya v kiberprestupnosti: metody protivodejstviya: monografiya. M.: Volters Kluver, 2024. 154 s.

12. Nomokonov V. A. Osobennosti profilaktiki kiberprestuplenij sredi pozhilyx grazhdan // Kriminologicheskij zhurnal. 2024. № 3. S. 123-134.

13. Petrov N. I. Korporativnaya kiberbezopasnost': obrazovatel'ny'e aspekty // Informacionnaya bezopasnost'. 2024. №4. S. 98-109.

14. Smirnov S. V. Sovremennyye tendencii kiberprestupnosti i metody profilaktiki // Pravo i praktika. 2024. № 5. S. 67-78.

15. Mitina A. S. Cifrovaya gramotnost' naseleniya kak faktor protivodejstviya kiberprestupnosti // Pravo i bezopasnost'. 2024. № 2. S. 78-89.

16. Vasil'ev P. S. Mezhdunarodnoe pravovoe vzaimodejstvie v sfere protivodejstviya kiberprestupnosti // Pravo i kiberbezopasnost'. 2024. № 3. S. 45-52.

17. Sidorov V. A. Mezhdunarodny'e konferencii kak ploshhadka protivodejstviya kiberprestupnosti // Kiberbezopasnost': teoriya i praktika. 2024. № 2. S. 23-30.

18. Kozlov N. I. Sovremennyye metody rassledovaniya kiberprestuplenij: koordinaciya dejstvij ekspertnyx grupp // Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza. 2024. № 2. S. 34.

19. Ermakova A. L., Chaplygina V. N. Fishing kak rasprostranennoe kiberprestuplenie sovremennosti // Zakon i pravo. 2022. № 2. S. 149-151.

20. Vasyukov V. F., Volevodz A. G., Dolgieva M. M., Chaplygina V. N. // Prestupleniya v sfere vy'sokix texnologij i informacionnoj bezopasnosti. M., 2023.

Информация об авторе

Андрей Юрьевич Тучков. Начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности и специальной техники, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

241050, Россия, г. Брянск, пер. Советский, 2а.

Information about the author

Andrey Yu. Tuchkov. Head of the Department of Operational Investigative Activities and Special Equipment. Candidate of Law Sciences.

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V.Lukyanov

241050, Russia, Bryansk, lane Soviet, 2a.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

Научная статья
УДК 343.12

ПРИЧИНЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПУТЁМ ОБМАНА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОВЕРИЕМ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Федотова Ольга Владимировна

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия

f3dotovao@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем при привлечении к уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием. В ней дана общая характеристика состава статьи 165 УК РФ, квалифицирующие признаки, а также предпринята попытка анализа проблем квалификации в правоприменительной практике. В статье исследуются особенности преступления, связанного с привлечением к уголовной ответственности за причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием; проводится системный анализ действующего законодательства; определяется правовая природа деяния, связанного с уголовной ответственностью за причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием.

Ключевые слова: преступление, реальный ущерб, злоупотребление доверием, имущественный ущерб, взыскание денежных средств, квалификация.

Для цитирования: Федотова О. В. Причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием: проблемы квалификации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 514–524.

CAUSING PROPERTY DAMAGE BY DECEPTION OR ABUSE OF TRUST: QUALIFICATION ISSUES

Olga V. Fedotova

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

f3dotovao@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the analysis of problems in bringing to criminal responsibility for causing property damage by deception or abuse of trust. It provides a general description of the composition of Article 165 of the Criminal Code of the Russian Federation, qualifying features, and an attempt to analyze the problems of qualification in law enforcement practice. The article examines the specifics of a crime involving criminal liability for causing property damage by deception or abuse of trust, conducts a systematic analysis of current legislation, and determines the legal nature of an act involving criminal liability for causing property damage by deception or abuse of trust.

Keywords: crime, real damage, abuse of trust, property damage, recovery of funds, qualification.

For citation: Fedotova O. V. Causing Property Damage by deception or Abuse of Trust: Problems of Qualification // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 514–524.

«Причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием» обусловлено ростом количества преступлений в данной сфере, вызванным как социально-экономическими, так и технологическими изменениями современного общества. В условиях сложных экономических отношений, высоких темпов цифровизации, расширения возможностей использования новых технологий, а также развития дистанционного взаимодействия между гражданами и юридическими лицами возникает благоприятная почва для совершения противоправных действий, связанных с хищением или причинением имущественного ущерба.

Одним из наиболее распространённых способов совершения таких действий является использование обмана или злоупотребления доверием, что делает эти преступления труднораскрываемыми.

С учётом изменений в глобальной экономике и широкой популяризации цифровых технологий, таких как онлайн-платформы, электронная коммерция и криптовалюты, появляются новые и более изощрённые схемы совершения преступлений. Преступники активно используют дистанционные методы взаимодействия, позволяющие скрывать их идентичность, что усложняет как защиту интересов потерпевших, так и работу правоохранительных органов.

Кроме того, рост количества дел, связанных с имущественными преступлениями, особенно ярко раскрывают проблемы морально-нравственного разложения общества, снижение доверия между людьми и институтами, а также дефицит правовой грамотности граждан. В этих условиях совершенствование законодательства, направленного на защиту имущественных прав, разработка эффективных мер профилактики, а также повышение уровня правосознания населения становятся крайне важными задачами.

Рассматриваемый состав относится к экономическим преступлениям против собственности ненасильственного характера. Оно отличается от кражи и других форм хищения тем, что не всегда связано с прямым изъятием имущества: здесь ущерб может быть нанесён опосредованно, например: через подписание невыгодного договора, передачу прав или отказ от имущественной выгоды.

Анализируемый состав закреплён в разделе VIII УК РФ, в него включены преступления, посягающие на общественные отношения в сфере экономики. Однако в науке существует несколько точек зрения на точное содержание родового объекта раздела VIII [1, с. 106].

С. М. Кочои подчёркивает, что сюда можно отнести собственность, порядок осуществления экономической деятельности, а также интересы госслужбы и службы в коммерческих организациях [2, с. 150].

Другие учёные, такие как Н. А. Лопашенко, считают, что преступления этого раздела охраняют экономические общественные отношения, базирующиеся на принципах рыночной и законной экономической деятельности [3, с. 38]. Независимо от разногласий все авторы сходятся в том, что родовым объектом данного раздела являются общественные отношения в экономической сфере в широком смысле.

Видовой объект начинает сужать охват анализируемого объекта. Для преступлений, предусмотренных главой 21 («Преступления против собственности»), видовым объектом является собственность. Однако вопрос о природе и содержании собственности до сих пор остаётся предметом научных дискуссий.

Собственность воспринимается:

- как экономическое отношение (применительно к отношениям владения, распоряжения и пользования материальными благами);
- как юридическая категория (право собственности в объективном и субъективном смыслах);
- как совокупность экономического содержания и правовых норм.

Мы согласны с мнением А. Г. Безверхова, который в своих исследованиях утверждает, что видовой объект преступлений против собственности необходимо рассматривать комплексно как сочетание экономических и юридических аспектов собственности, что позволяет чётче определить суть причиняемого ущерба, облегчить квалификацию деяния и разграничить его с кражей, вымогательством и др. [4, с. 246]. Таким образом, видовой объект преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, следует рассматривать как собственность, включающую экономические и юридические аспекты.

Важной, по нашему мнению, характеристикой исследуемого состава, на которой необходимо остановиться, является непосредственный объект, под которым в теории уголовной науки понимают конкретные общественные отношения, которым причиняется вред или создаётся угроза такого вреда в ходе совершения преступления. Именно через анализ непосредственного объекта удаётся правильно квалифицировать преступление.

В случае со ст. 165 УК РФ непосредственным объектом являются общественные отношения:

- между собственником или владельцем имущества, который предоставляет своё имущество для какого-либо использования, например в аренду, или предоставляет имущественные услуги;

- между лицом, которое действует в рамках обязательств перед собственником. Это лицо должно либо использовать имущество в интересах собственника, либо оплатить его использование.

Некоторые исследователи также относят к непосредственному объекту отношений, защищаемых ст. 165, общественные взаимоотношения между лицами, обязанными уплачивать обязательные платежи (налоги, сборы) в интересах государства, что подчёркивает разнообразие механизмов злоупотреблений в экономической сфере, охраняемой данным составом преступления.

Вопрос о предмете преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, вызывает значительные разногласия среди учёных-юристов и практиков. Суть проблемы заключается в том, что предмет данного преступления не всегда совпадает с предметом хищения, что становится очевидным при буквальном толковании диспозиции статьи, где подчёркивается, что деяние совершается «при отсутствии признаков хищения». Данное положение предполагает отличие природы ущерба, наносимого в рамках ст. 165, от ущерба, характерного для преступлений против собственности, связанных с хищением.

Существуют различные точки зрения относительно того, что именно может выступать предметом преступления по ст. 165 УК РФ. Например, профессор А. И. Рарог утверждает, что в данном случае предметом преступления может быть также упущенная выгода [5, с. 256]. Таким образом, автор предлагает расширить традиционные представления о предмете данного преступного посягательства, включив в него не только физически осязаемые вещи, но и потенциальные имущественные интересы, которых лицо лишается в результате противоправных действий виновного.

Разъяснение по данному вопросу можно найти в Пленуме Верховного суда РФ, который в Постановлении от 27.12.2007 № 51 указал, что «состав преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 165 УК РФ, может быть установлен, если действия виновного причинили владельцу имущества реальный материальный ущерб или ущерб в виде упущенной выгоды». Стоит отметить, что данное толкование не устранило все спорные вопросы. Так, например, до сих пор остаётся открытым вопрос: исключает ли Верховный суд возможность применения ст. 165 УК РФ в случаях, когда причинён только реальный ущерб, или же оба вида убытков – реальный ущерб и упущенная выгода – подлежат одинаковому вменению в рамках данной статьи?

При этом однозначным остаётся утверждение, что такое понятие, как «неполучение должного», не вводит новый самостоятельный вид имущественного ущерба, от-

личного от двух категорий убытков, закреплённых в гражданском законодательстве – реального ущерба и упущенной выгоды. Именно эта дихотомия убытков остаётся основой для правовых оценок в данном вопросе.

Согласимся с мнением И. В. Ботвина, который в своих исследованиях под «неполучение должного» подразумевает более широкую трактовку, включая упущенную выгоду как неполучение блага вследствие удержания или обращения имущества, что собственно и составляет предмет преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ. Согласно его позиции, «это имущество по закону или иному нормативно-правовому акту должно было быть передано кредитору, но виновное лицо помешало этому, нарушив имущественные права и интересы» [6, с. 140].

Для того чтобы понять особенности объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ (причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием), необходимо сначала определить законодательную конструкцию данного состава.

В случае ст. 165 УК РФ диспозиция закона чётко указывает, что обязательным элементом состава является причинение имущественного ущерба. Это свидетельствует о том, что состав данного преступления является материальным. Соответственно, преступление считается оконченным с момента, когда для собственника или иного владельца имущества наступили реальные убытки имущественного характера [7, с. 105].

Общественно опасное деяние в данном составе характеризуется либо действием, либо бездействием. Оно выражается в причинении имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием. При этом принципиально важно, что в таких деяниях отсутствуют признаки хищения.

Характер ущерба может проявляться в двух основных формах. Во-первых, это воспрепятствование поступлению имущества в распоряжение собственника или владельца, то есть уменьшение его имущественного фонда (общей массы имущества, которой лицо располагает). Во-вторых, это уклонение от передачи имущества, которое должно было перейти владельцу на законных основаниях (например, из-за неоплаты обязательных платежей). Таким образом, имущество, которое в нормальной ситуации должно было быть получено собственником, остаётся за рамками его владения.

Преступление, предусмотренное ст. 165 УК РФ, может быть реализовано:

1. В форме действия. Примером может быть незаконное использование имущества виновным, при котором нарушаются права собственника или иного законного владельца. Также это могут быть и преступные действия, направленные на препятствование созданию или поступлению средств в имущественные фонды собственника, например: махинации, связанные с перераспределением денежных поступлений.

2. В форме бездействия. Типичным примером является уклонение от исполнения обязанностей, таких как уплата обязательных платежей (например, налогов или сборов), или намеренное несообщение необходимых сведений, которые влекут за собой взыскание денежных средств. Здесь ущерб собственнику или государству наносится за счёт того, что виновный не пополняет имущественный фонд лица, который должен был быть увеличен на законных основаниях.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 22 Постановления № 48 от 30.11.2017¹ предлагает подробное разъяснение о специфике состава преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ. Это разъяснение имеет ключевое значение для уточнения границ между данным преступлением и мошенничеством (ст. 159 УК РФ), так как оба состава преступлений содержат такие признаки, как обман и злоупотребление доверием. Однако

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в ст. 165 УК РФ наличие изъятия имущества или его обращения в пользу виновного лица или третьих лиц не является обязательным элементом, что отличает данное преступление от мошенничества и других посягательств на собственность.

Пленум подчёркивает, что случаи, охватываемые диспозицией ст. 165 УК РФ, включают ситуации, при которых виновное лицо причиняет имущественный ущерб без прямого изъятия имущества, например через уклонение от оплаты услуг, работ или установленных законом платежей (таких как коммунальные, транспортные, гостиничные). При этом обязательным является использование способов совершения преступления – обмана или злоупотребления доверием, смысл которых нуждается в подробной интерпретации.

Обман как способ совершения преступления следует понимать как умышленное введение потерпевшего в заблуждение, направленное на достижение корыстной цели путём получения имущественной выгоды [8, с. 293–298]. Это может быть реализовано:

- через сообщение ложных сведений (явно недостоверной информации, искажённой или сфальсифицированной);
- через умалчивание (несообщение потерпевшему сведений, которые должны были быть предоставлены в предусмотренных законом или обычаями ситуациях).

Классическим примером обмана является подделка документов для уклонения от оплаты обязательных платежей (налогов, сборов, платы за коммунальные услуги или аренду) либо самовольное подключение к сетям энергоснабжения для незаконного пользования электроэнергией, что отражается в судебной практике.

Злоупотребление доверием, в отличие от обмана, основано на использовании доверительных отношений как формальных (закреплённых в договорах, соглашениях, иных юридически значимых актах), так и личных (фактических). Здесь виновное лицо намеренно обманывает либо манипулирует ожиданием потерпевшего, полагающего, что его права и законные интересы соблюдаются. Примерами можно назвать ситуации, когда должностное лицо использует вверенный ему транспорт или ресурсы в личных целях либо когда нанятое лицо уклоняется от выполнения обязанностей или обязательных выплат. Такие способы совершения преступлений охватывают довольно широкий спектр действий, где имущественный ущерб причиняется без прямого изъятия имущества, но через неисполнение установленных обязательств или незаконное извлечение выгоды.

Важно отметить, что имущественный ущерб всегда носит материальный характер и выражается в реальном экономическом вреде, который потерпевший может оценить в денежной или иной форме. Это касается как расходов (например, на оплату несанкционированно использованных ресурсов), так и утраченной выгоды. Существенное значение здесь имеет фиксация факта причинения ущерба и доказательства связи между действиями виновного и наступившими последствиями.

Статья 165 УК РФ вызывает значительные споры среди исследователей относительно понимания природы вреда, причиняемого данным преступлением. Вопрос заключается в том, можно ли считать такое деяние настоящим имущественным преступлением, ведь ущерб, причиняемый потерпевшему, не всегда связан с традиционными отношениями собственности, которые составляют объект преступлений, регламентированных главой 21 УК РФ.

Некоторые учёные считают, что характер ущерба, причиняемого действиями по ст. 165 УК РФ (например, уклонение от оплаты коммунальных услуг, неуплата налогов, безучётное использование электро- и теплоэнергии), скорее, выражается в неполучении потерпевшим определённых доходов, которые ему причитаются, нежели в лишении его имущества. Исследователь утверждает, что правонарушитель извлекает выгоду из активов или ресурсов (вроде электроэнергии или оказываемых услуг), которые ещё не перешли в его законное владение, но должны были перейти при соблюдении нормаль-

ного хода экономических отношений. При этом потерпевший, по сути, сталкивается не с реальной потерей имущества, а с упущенной выгодой – деньгами, благами или доходами, которые он должен был бы получить в рамках нормального юридического порядка.

Несмотря на такие аргументы, в уголовном праве нет единого подхода к трактовке имущественного ущерба, причиняемого данным преступлением. В теории уголовного права ущерб традиционно воспринимается как состоящий из двух элементов: прямого реального ущерба (утраты имущества) или упущенной выгоды (недополученных доходов). Однако исследователи расходятся в том, какой именно ущерб преобладает в случае деяния по ст. 165 УК РФ. Одни считают, что здесь имеет место исключительно упущенная выгода, против чего выступают их оппоненты, настаивающие на необходимости учитывать также реальный ущерб.

Так, по мнению М. Б. Костровой [9, с. 42–45], природа имущественного вреда, причиняемого данным преступлением, складывается из двух составляющих – реального ущерба и упущенной выгоды. В то же время представители гражданско-правовой теории предлагают дифференцировать три основных типа ущерба:

- неполучение доходов или благ, которые должны были поступить в распоряжение потерпевшего;
- уменьшение объёма имущества потерпевшего в результате его использования преступником по своему усмотрению;
- сочетание указанных двух видов ущерба в различных соотношениях.

Таким образом, при анализе ущерба от преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, можно выделить несколько его форм. Это либо недополучение причитающихся имущественных благ (упущенная выгода), либо прямой имущественный ущерб, либо их сочетание.

Уголовная ответственность за анализируемое деяние наступает для лица, достигшего 16-летнего возраста. Субъектом является физическое, вменяемое лицо.

С субъективной стороны деяние характеризуется прямым умыслом. Это означает, что виновное лицо осознаёт характер своих действий, понимает, что своими действиями может причинить имущественный ущерб, и желает наступления именно этого результата. Основным мотивом является корыстная цель – стремление извлечь материальную выгоду либо для себя, либо для третьих лиц за счёт собственника, владельца имущества или государства. Выгода может выражаться в незаконном удержании имущества, пользовании им без оплаты либо в уклонении от уплаты обязательных платежей, в результате чего причиняется реальный ущерб или ущерб в виде [10, с. 41–44] упущенной выгоды (например, неполучение доходов, которые должны были быть обеспечены).

Важной характеристикой данного преступления является его объективно-субъективный характер, что иногда приводит к несправедливой квалификации действий виновного. В судах часто принимается за очевидное, что виновное лицо осознавало возможность причинения ущерба в крупном размере, даже если это не было доказано. Таким образом, возможны случаи объективного вменения (ответственности за результат без учёта субъективных признаков вины), что нарушает принцип законности. В таких ситуациях возникает вопрос о целесообразности привлечения лица к уголовной ответственности именно по ст. 165 УК РФ, так как не всегда доказаны необходимые субъективные признаки преступления.

Таким образом, родовым объектом анализируемого преступления выступают экономические отношения, связанными с оборотом имущества. Видовым объектом является собственность как экономическая и юридическая категория. Непосредственный объект преступления делится на два основных аспекта: отношения между собственником или владельцем имущества (или лица, предоставляющего имущественные услуги) и лицом, которое обязано оплатить пользование имуществом либо действовать в инте-

ресах владельца; отношения между государством и лицами, обязанными платить налоги, сборы и иные обязательные платежи. Уголовная ответственность за анализируемое деяние наступает для лица, достигшего 16-летнего возраста. Субъектом является физическое, вменяемое лицо. С субъективной стороны деяние характеризуется прямым умыслом.

Квалификация преступлений, предусмотренных ст. 165 УК РФ, вызывает существенные затруднения в теории и практике уголовного права. Основные проблемы связаны с разграничением данного состава преступления от других смежных составов, прежде всего от мошенничества (ст. 159 УК РФ), а также с определением правомерного применения ст. 165 УК РФ в тех или иных ситуациях.

Основная сложность заключается в том, что оба преступления предусматривают использование обмана или злоупотребления доверием как способов совершения противоправного деяния. Однако ключевым различием между ними является форма наступления ущерба. При мошенничестве виновный похищает имущество путём изъятия его из владения потерпевшего либо получает право на чужое имущество. В случае с причинением имущественного ущерба по ст. 165 УК РФ виновный не изымает имущество, а причиняет ущерб его собственнику или иному владельцу, например, путём неисполнения обязательств или создания препятствий в достижении экономических выгод. Таким образом, разница между составами заключается в том, как именно возникает имущественный ущерб, однако на практике чёткой границы зачастую не проводится.

Рассмотрим это более подробно.

Действующая редакция ст. 165 УК РФ вызывает многочисленные споры как в научной среде, так и в правоприменительной практике. Учёные-юристы акцентируют внимание на сложностях конструирования диспозиции данной статьи, а также на противоречиях и трудностях, которые испытывают судьи и практики при её применении. В частности, основной сложностью является отграничение этого состава от мошенничества (ст. 159 УК РФ), поскольку оба состава преступления имеют схожие признаки способов совершения – «обман» и «злоупотребление доверием». Эти схожие признаки обуславливают серьёзные трудности при квалификации преступлений и формулировке обвинений.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» попытался устранить некоторые из этих проблем. В частности, в п. 16 данного постановления подчёркивается ключевое различие между хищением (в том числе мошенничеством) и причинением имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием. Оно заключается в характере причинённого ущерба и механизме его наступления.

Главное отличие состоит в том, что при хищении происходит изъятие чужого имущества или обращение его в пользу виновного. В свою очередь, при причинении имущественного ущерба по ст. 165 УК РФ изъятие имущества не происходит. Механизм причинения ущерба заключается в невыполнении виновным лицом своих обязанностей в ущерб собственнику [11, с. 293–298]. В результате имущество не попадает во владение лица, которому оно должно было передаваться, или не происходит получение доходов, на которое рассчитывал правообладатель. Таким образом, ущерб в данном случае выражается в упущенной выгоде или в неполучении имущества.

Пленум Верховного суда Российской Федерации, давая рекомендации по вопросу применения ст. 165 УК РФ, допускает, что данное преступление может сопровождаться причинением реального материального ущерба. Однако он не уточняет, в каких случаях данный ущерб подпадает под ст. 165 УК РФ, а в каких – относится к мошенничеству. Это создаёт почву для разного рода толкований, поскольку оба состава преступления (ст. 165 и ст. 159 УК РФ) имеют сходные признаки: использование обмана или злоупотребление доверием в качестве способа совершения противоправных действий.

Ключевым критерием для разграничения этих составов является отсутствие в преступлении, предусмотренном ст. 165 УК РФ, признаков хищения. В отличие от мошенничества, при котором имущество изымается у собственника окончательно и переходит во владение виновного (или других лиц) [12, с. 320] с целью безвозмездного обращения в свою пользу, при преступлении по ст. 165 УК РФ такие действия отсутствуют. Вместо этого преступник способствует незаконному использованию чужого имущества либо препятствует его правомерному распоряжению. Одним из примеров может быть ситуация, когда виновное лицо, имея доступ к имуществу в силу служебных или иных отношений, использует это имущество в своих интересах, причиняя собственнику ущерб, но не изымая имущество из его владения полностью.

Примером практического применения ст. 165 УК РФ является случай, рассмотренный Кемеровским областным судом, когда директор вагона-ресторана, злоупотребляя доверием, воспользовался предоставленными служебными полномочиями для незаконного провоза груза багажа. Он действовал против интересов своего работодателя – ОАО «ФПК» – в собственных корыстных целях, чем причинил организации имущественный ущерб. Данное преступление включает использование злоупотребления доверием (основанный на факте трудовых отношений) для извлечения незаконной имущественной выгоды, оставляя имущество потерпевшего физически в его владении, однако уменьшая имущественные права или доходы владельца [13, с. 599–602].

Основное отличие между мошенничеством и преступлением по ст. 165 УК РФ заключается в механизме извлечения выгоды. Мошенничество предполагает изъятие имущества из имущественного фонда потерпевшего, то есть его физическое выбытие из обладания собственника. В то время как преступление по ст. 165 УК РФ связано с незаконным использованием имущества или действиями, нарушающими имущественные интересы, но при этом не приводящими к непосредственному перемещению имущества во владение виновного.

Однако на практике провести чёткую грань между этими двумя составами бывает крайне сложно. Это связано с тем, что способы совершения преступлений (обман и злоупотребление доверием) совпадают по своему фактическому содержанию, а различия, заложенные в законе, часто остаются неочевидными. Проблемы также усугубляются деятельностью недобросовестных субъектов, которые прибегают к сложным преступным схемам, не вписывающимся в рамки прямолинейных дефиниций уголовного права.

Кроме того, сложность понимания таких способов, как злоупотребление доверием, также добавляет путаницы. Часто суды и следственные органы сталкиваются с затруднениями в том, чтобы доказать факт именно противоправного злоупотребления доверием, особенно если виновный использовал предоставленные ему полномочия для собственных целей.

Можно сделать вывод, что причиной появления проблем в правоприменении и сложностей разграничения является отсутствие чёткой законодательной регламентации. Недостатки нормативной техники ст. 165 УК РФ порождают расхождения как в научных подходах, так и в практике её применения. Эти проблемы требуют серьёзного анализа и, возможно, пересмотра формулировки статьи, чтобы минимизировать разночтения и затруднения в работе правоприменителей.

Одной из ключевых особенностей ст. 165 УК РФ является то, что преступление не связано с хищением имущества, как при мошенничестве. Ущерб причиняется путём создания ситуаций, при которых собственник имущества несёт потери, не выраженные напрямую в изъятии имущества, например: невыполнением обязательств, предоставлением недостоверной информации, нарушением договоров. Однако из-за схожести применяемых методов (обман, злоупотребление доверием) правоприменительные органы часто неверно квалифицируют такие действия как мошенничество, что ведёт к неправильной квалификации преступления.

Статья 165 УК РФ предусматривает ряд обстоятельств, которые повышают степень общественной опасности при причинении имущественного ущерба: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; причинение ущерба в особо крупном размере. Согласно примечанию 4 к ст. 158 УК РФ особо крупным размером признаётся сумма ущерба, превышающая один миллион рублей; совершение преступления с использованием служебного положения виновного лица. Таким образом, при квалификации действий виновного основная задача – определить, был ли исключительно причинён ущерб имущественного характера без признаков хищения или же имело место хищение.

Проблемы квалификации по ст. 165 УК РФ связаны как с объективными трудностями разграничения составов преступлений, так и с недочётами в нормативно-правовой регламентации, что порождает неоднозначное применение статьи на практике. Решение этих проблем требует как доработки уголовного законодательства (введение чётких критериев разграничения составов), так и повышения уровня правоприменительной подготовки сотрудников правоохранительных органов.

Причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием требует чёткого разграничения с мошенничеством. Оба преступления используют схожие способы (обман и злоупотребление доверием), однако их ключевое отличие заключается в способе причинения ущерба. В случае мошенничества происходит хищение имущества, то есть фактическое изъятие имущества у потерпевшего. В отличие от этого, преступление, предусмотренное ст. 165 УК РФ, не предполагает изъятия имущества, а направлено преимущественно на уклонение от выполнения обязательств или создания ситуации, когда имущество не поступает в распоряжение собственника, хотя это должно было произойти в рамках закона.

Для квалификации по ст. 165 УК РФ необходимо установить факт реального имущественного ущерба, то есть снижение рыночной стоимости имущества потерпевшего или уменьшение его финансовых активов. На практике оценка размера ущерба может быть затруднительна и субъективна, особенно если он связан, например, с упущенной выгодой, что не всегда чётко фиксируется.

Ещё одной проблемой является необходимость разграничения состава преступления по ст. 165 УК РФ и гражданско-правовых нарушений. Например, в случаях, когда договорные обязательства нарушены, вопрос о привлечении к уголовной ответственности зависит от того, доказано ли умышленное причинение имущественного ущерба преступным способом (обман или злоупотребление доверием). Однако граница между добросовестным неисполнением договора и умышленным действием виновного, направленным на причину вреда, зачастую размыта, что приводит к спорам в правоприменительной практике.

-
1. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник (коллектив авторов; под ред. д.ю.н., проф. А.В. Бриллиантова; 3-е изд., перераб. и доп.). «Проспект», 2021 г. 1184 с.
 2. Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности: Учеб.-практ. пособие / С. М. Кочои. 2. изд., доп. и перераб. М.: АНТЭЙ 2000, 2000. 286 с.
 3. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономической деятельности: понятие, система, проблемы квалификации и наказания: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. 43 с.
 4. Безверхов А. Г. Имущественные преступления. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. 359 с.
 5. Уголовное право России. Общая часть : [учебник] / [Комиссаров В. С. и др.]; под ред. А. И. Рарога. 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2008. 494 с.

6. Ботвин И. В. Общественно опасные последствия как структурный элемент состава причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 382. С. 140-143.
7. Молчанова С. В. Преступления против собственности : Учебное пособие. Ижевск : Всероссийский государственный университет юстиции, 2024. 200 с.
8. Ботвин И. В. Обман и злоупотребление доверием как способы причинения имущественного ущерба // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2014. № 4. С. 105-107.
9. Кострова М. Б. Возможности уголовного и уголовно-процессуального права в преодолении экономического кризиса и некоторые проблемы "экономико-ориентированной" уголовной политики России // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 31 октября 2016 года. Уфа: Башкирский государственный университет, 2016. С. 42-55.
10. Гладких В. И. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверием: уголовно-правовой анализ статьи 165 УК РФ // Евразийский Союз Ученых. 2021. № 3-8 (84). С. 41-44.
11. Толстая М. В. Некоторые вопросы трактования понятия ущерба в составе причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения (ст. 165 УК РФ). В сборнике: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XIII Международной научно-практической конференции: в 5-и томах. 2016. С. 293-298
12. Коршунова О. Н., Васильчикова Н. А., Ломакина И. Б., Честнов И. Л., Амплеева Е. Е., Безбородов Д. А., Головки И. И., Зарубин А. В., Краев Д.Ю., Никитин Е.Л., Серова Е.Б., Преображенская К.В., Мурашкин И.Ю., Кузбагаров Э.А., Омелянович В.В., Тимощук К.И., Бердинских С.В., Боброва Ю.М., Дытченко Г.В., Кахивова А.В. и др. Актуальные проблемы прокурорской деятельности. Деятельность прокурора по обеспечению безопасности в Российской Федерации: проблемы теории и практики. 2025. 320 с.
13. Гражданкина Д. Д. К вопросу о проблемах квалификации преступлений против собственности, совершаемых путем обмана или злоупотреблением доверия. Аллея науки. 2018. Т. 1. № 3(19). С. 599-602.

1. Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshhaya i Osobennaya: uchebnik (kollektiv avtorov; pod red. d.yu.n., prof. A.V. Brilliantova; 3-e izd., pererab. i dop.). «Prospekt», 2021 g. 1184 s.
2. Kochoi S. M. Otvetstvennost` za kory`stny`e prestupleniya protiv sobstvennosti: Ucheb.-prakt. posobie / S. M. Kochoi. 2. izd., dop. i pererab. M.: ANTE`J 2000, 2000. 286.
3. Lopashenko N. A. Prestupleniya v sfere e`konomicheskoy deyatel`nosti: ponyatie, sistema, problemy` kvalifikacii i nakazaniya: avtoreferat dis. ... d-ra yurid. nauk. Saratov, 1997. 43 s.
4. Bezverxov A. G. Imushhestvenny`e prestupleniya. Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 2002. 359 s.
5. Ugolovnoe pravo Rossii. Obshhaya chast` : [uchebnik] / [Komissarov V. S. i dr.] ; pod red. A. I. Raroga. - 2-e izd., ispr. i dop. M.: E`ksmo, 2008. 494 s.
6. Botvin I. V. Obshhestvenno opasny`e posledstviya kak strukturny`j e`lement sostava prichineniya imushhestvennogo ushherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2014. № 382. S. 140-143.
7. Molchanova S. V. Prestupleniya protiv sobstvennosti : Uchebnoe posobie. Izhevsk : Vserossijskij gosudarstvenny`j universitet yusticii, 2024. 200 s.

8. Botvin I. V. Obman i zloupotreblenie doveriem kak sposoby` prichineniya imushhestvennogo ushherba // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 4. S. 105-107.
9. Kostrova M. B. Vozmozhnosti ugovnogo i ugovno-processual'nogo prava v preodolenii e`konomicheskogo krizisa i nekotory`e problemy` e`konomiko-orientirovannoj ugovnoj politiki Rossii // Aktual'ny`e problemy` vzaimosvyazi ugovnogo prava i processa: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, Ufa, 31 oktyabrya 2016 goda. Ufa: Bashkirskij gosudarstvenny`j universitet, 2016. S. 42-55.
10. Gladkix V. I. Prichinenie imushhestvennogo ushherba putem obmana ili zloupotrebleniem doveriem: ugovno-pravovoj analiz stat'i 165 UK RF // Evrazijskij Soyuz Ucheny`x. 2021. № 3-8 (84). S. 41-44.
11. Tolstaya M. V. Nekotory`e voprosy` traktovaniya ponyatiya ushherba v sostave prichineniya imushhestvennogo ushherba putem obmana ili zloupotrebleniya doveriem pri otsutstvii priznakov xishheniya (st. 165 UK RF). V sbornike: Tatishhevskie chteniya: aktual'ny`e problemy` nauki i praktiki. Materialy` XIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 5-i tomax. 2016. S. 293-298
12. Korshunova O. N., Vasil`chikova N. A., Lomakina I. B., Chestnov I. L., Ampleeva E. E., Bezborodov D. A., Golovko I. I., Zarubin A. V., Kraev D.Yu., Nikitin E.L., Serova E.B., Preobrazhenskaya K.V., Murashkin I.Yu., Kuzbagarov E`.A., Omel`yanovich V.V., Timoshhuk K.I., Berdinskix S.V., Bobrova Yu.M., Dy`tchenko G.V., Kaxivova A.V. i dr. Aktual'ny`e problemy` prokurorskoj deyatel`nosti. Deyatel`nost` prokurora po obespecheniyu bezopasnosti v Rossijskoj Federacii: problemy` teorii i praktiki. 2025. 320 s.
13. Grazhdankina D. D. K voprosu o problemakh kvalifikacii prestuplenij protiv sobstvennosti, sovershaemy`x putem obmana ili zloupotrebleniem doveriya. Alleya nauki. 2018. T. 1. № 3(19). S. 599-602.

Информация об авторе

Ольга Владимировна Федотова. Старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат биологических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Olga V. Fedotova. Senior Lecturer at the Department of Civil Law Disciplines.
Candidate of Biological Sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПРОВОКАЦИИ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Хузиахметов Денис Мингалеевич

Московская юридическая коллегия «Белая Сова», Москва, Россия

minglden@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется правовая природа провокации коррупционного преступления как сложного и не до конца урегулированного явления, находящегося на стыке уголовного права, криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Рассматриваются теоретические подходы к определению провокации, её признаки, отличия от законных оперативно-разыскных мероприятий и соучастия, а также влияние действий провокатора на формирование умысла провоцируемого лица. Особое внимание уделено историческому развитию института провокации взятки в российском праве, позиции судебной практики и современному состоянию уголовно-правового регулирования, включая анализ ст. 304 УК РФ. На основе детального изучения нормативных актов, научных концепций и судебных решений формулируется вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования и выработки однозначных критериев недопустимости провокации при противодействии коррупции.

Ключевые слова: провокация преступления, коррупционное преступление, оперативный эксперимент, подстрекательство, соучастие, ответственность провокатора, злоупотребление полномочиями, судебная практика.

Для цитирования: Хузиахметов Д. М. О правовой природе провокации коррупционного преступления // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 525–532.

ON THE LEGAL NATURE OF THE PROVOCATION OF A CORRUPTION CRIME

Denis M. Khuziahmetov

Moscow Law Firm «White Owl», Moscow, Russia

minglden@mail.ru

Annotation. The article analyzes the legal nature of the provocation of a corruption crime as a complex and not fully regulated phenomenon that lies at the intersection of criminal law, criminology, and operational investigative activities. It examines the theoretical approaches to the definition of provocation, its characteristics, differences from legitimate operational investigative activities and complicity, as well as the impact of the provocateur's actions on the formation of the provoked person's intent. Special attention is given to the historical development of the institution of bribery provocation in Russian law, the position of judicial practice, and the current state of criminal law regulation, including an analysis of Article 304 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis of regulatory acts, scientific concepts, and court decisions, a conclusion is formulated on the need to further improve legal regulation and develop unambiguous criteria for the inadmissibility of provocation in the fight against corruption.

Keywords: provocation of a crime, corruption crime, operational experiment; instigation, complicity, responsibility of the provocateur, abuse of authority, judicial practice.

For citation: Khuziahmetov D. M. On the legal nature of the provocation of a corruption crime // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 525–532.

Разграничение провокации от правомерного проведения оперативно-разыскного мероприятия (далее – ОРМ), определение понятия провокации, установление её признаков, соотношение провокации преступления с соучастием, определение степени общественной опасности провокации, пределы ответственности провокатора и спровоцированного на совершение преступления составляют круг нерешённых уголовно-правовых и криминалистических вопросов на теоретическом уровне на тему провокации преступления.

Определение провокации преступления содержится в ст. 5 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹, в которой указано, что органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, запрещено осуществлять провокацию – подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий. Фактически настоящий нормативный акт отождествляет провокацию с подстрекательством преступления, предусмотренным ч. 4 ст. 33 УК РФ.

Провокация этимологически понимается как предательское поведение, подстрекательство кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжёлые для него последствия. В первом номере за 2021 год Всероссийского криминологического журнала в рубрике дискуссионная трибуна опубликованы две статьи. Первая – С. В. Милюкова и А. В. Никуленко, которые, обращаясь к зарубежному опыту, приводят ряд убедительных примеров в пользу допустимости полицейской провокации [1, с. 36], во второй М. П. Клейменов, опираясь на общественное мнение, обосновывает недопустимость провоцирования государством к совершению преступления даже неустойчивых лиц [2, с. 47].

В то же время, по нашему убеждению, признание провокации преступления правомерным деянием предполагает отсутствие при её совершении общественной опасности. Вместе с тем даже общее смысловое понимание термина «провокация» как подстрекательство к каким-либо действиям, которые могут повлечь за собой тяжкие последствия [3, с. 597], не позволяет говорить об этом деянии как об имеющем позитивную социальную направленность. Провокация преступления предполагает наличие причинной связи между действиями провокатора и совершением преступления, что, как представляется, не позволяет исключить её общественную опасность. Процесс имитации эффективной борьбы с выявлением преступлений у отдельных правоохранителей превалирует над выявлением реальных преступных посягательств. Указанные действия сотрудников можно подразделить на следующие виды: правомерное, провокационное и провокационно-подстрекательские действия. Если первые два вида поддаются несложному определению, правомерное – обоснованное оперативно-разыскное мероприятие, проводимое с целью изобличения взяточполучателя, характеризующееся в качестве общественно полезного поведения, провокация взятки – преступление. Провокационно-подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов специалисты предлагают рассматривать «...в качестве нового, пока не отражённого в гл. 8 УК РФ обстоятельства, исключающего преступность деяния, совершённого лицом, в отношении которого эта деятельность осуществлялась» [4, с. 8].

¹ Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализируя позицию авторов, посвятивших свои труды изучению проблематики провокации преступлений, можно выделить ряд признаков провокационного преступления:

1. Создание искусственных условий или воздействие на лицо с целью совершения преступления. Провокатор активно формирует обстановку, которая подталкивает человека к совершению преступления. Например, посредством подкупа, обмана, угроз [5, с. 45–52]; организации ситуаций, имитирующих возможность преступления [6, с. 234]; использования служебного положения [7, с. 178]. Данный признак провокации составляют две характерные черты, во-первых, это активное поведение провокатора, и, во-вторых, действия провокатора с точки зрения его субъективного отношения к деянию являются умышленными [8, с. 21].

2. Отсутствие первоначального умысла у провоцируемого лица. Ключевой элемент – отсутствие готовности у лица совершить преступление до вмешательства провокатора, а именно: лицо «не имело преступных намерений» [7, с. 178]; преступление совершается только под влиянием провокатора [9, с. 112].

3. Противоправность действий провокатора. Провокация всегда нарушает правовые нормы и принципы посредством злоупотребления должностными полномочиями с использованием запрещённых методов (обман, подкуп, угрозы и др.), подрывая принципы законности и справедливости. Этот признак и отличает провокацию от оперативно-разыскных мероприятий, где правоохранители лишь выявляют уже существующий умысел, а не участвуют в поэтапном его формировании у спровоцированного лица. Можно ли говорить, что провокация создаёт преступление «из ничего»? Точно нет, такие выводы будут излишне абстрактными, в то же время с уверенностью можно утверждать, что всегда провокация характеризуется воздействием на волю лица, в отношении которого она осуществляется, это и делает её незаконной.

4. Цель провокации – перенос ответственности. Действия провокатора направлены на обвинение спровоцированного в совершении преступления, а равно привлечение его к уголовной ответственности либо наступление иных неблагоприятных последствий. При этом провокатор стремится переложить ответственность на провоцируемого, сам при этом, избегая её либо выгораживая от ответственности третьих лиц, из личных или неправильно понятых должностных интересов. При этом внешне провокатор демонстрирует своё поведение как общественно полезное, направленное на оказание помощи правоприменительным органам в изобличении лиц, совершивших преступление. Но объективно он сам определяет и направляет деятельность исполнителя, выступая в роли подстрекателя, организатора или пособника [10, с. 95–96].

На основе изложенных выше признаков провокации преступления под провокацией преступления в широком смысле автором понимается умышленные противоправные действия лица, осуществляемые посредством склонения, побуждения в прямой или косвенной форме с целью создания условий, побуждающих другое лицо к совершению умышленного общественно опасного деяния с целью привлечения последнего к уголовной ответственности при отсутствии признаков соучастия.

Переходя к провокации коррупционного преступления, следует отметить, что в первых советских уголовных законах провокация носила исключительно отрицательную коннотацию и, более того, уголовный закон устанавливал исключительную ответственность за провокацию коррупционного преступления. Так, ст. 115 Уголовного кодекса (УК) РСФСР 1922 года определяла провокацию взятки как «заведомое создание должностным лицом обстановки и условий, вызывающих предложение взятки, в целях последующего изобличения дающего взятку»¹.

¹ Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: постановлением ВЦИК, 26 мая 1922 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Расширяя диспозицию провокации коррупционного преступления, ст. 119 УК РСФСР 1926 года¹ устанавливала ответственность за провокацию не только дачи взятки, но и её получения. Советское законодательство более позднего периода (УК РСФСР 1960 года) не содержало специальных норм об ответственности за провокацию какого-либо преступления (исключение составил лишь УК УССР 1960 года, где норма об ответственности за провокацию взятки была сохранена). Общеизвестным оставалось понимание того, что «провокация склоняет к совершению преступления, чтобы затем изобличить преступника», а «все случаи провокационной деятельности должны квалифицироваться на общих основаниях, то есть как подстрекательство к совершаемому преступлению». Верховный Суд СССР в своё время верно отметил, что «каковы бы ни были мотивы, побудившие лицо прибегнуть к провокации преступления, она составляет уголовно наказуемое действие, так как самый способ изобличения, заключающийся в подстрекательстве к совершению преступления, является общественно опасным и поэтому должен влечь уголовную ответственность лица, которое к нему прибегло» [11, с. 619].

Таким образом, под провокацией коррупционного преступления мы понимаем умышленные противоправные действия лица, осуществляемые в форме оперативно-разыскных мероприятий посредством склонения, побуждения в прямой или косвенной форме, с целью создания условий, побуждающих другое лицо к совершению коррупционного преступления (дачи или получению взятки, коммерческого подкупа), с целью привлечения последнего к уголовной ответственности при отсутствии признаков соучастия.

Приводя определение понятия «провокация коррупционного преступления», автор отмечает, что законодательство Российской Федерации в настоящее время отказалось от закрепления прямой ответственности провокатора провокационного преступления коррупционной направленности. Исключение составляет ст. 304 УК РФ, в которой предусматривается ответственность лишь за провокацию взятки либо коммерческого подкупа, под которой понимается попытка передачи должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа.

Юридическая природа провокации преступления, в том числе провокации взятки либо коммерческого подкупа, не детерминируется такой разновидностью соучастия, как подстрекательство, а обладает собственными характеристиками: а) вызвана намерением субъекта обеспечить одностороннее проявление искомой (желательной) модели поведения со стороны провоцируемого лица, имеющей лишь внешние признаки преступного деяния; б) осуществляется в порядке односторонней умышленной деятельности со стороны виновного лица, не охватываемой сознанием провоцируемого; в) предполагает использовать спровоцированное «криминальное» деяние лица не в целях достижения совместного преступного результата, а в целях дискредитации либо создания искусственных доказательств обвинения; г) цель действий провокатора – наступление вредных последствий для провоцируемого; д) наличие у провокатора только прямого умысла, причём этот умысел должен быть направлен не на вид и последствия совершённого вовлечённым преступления, а на сам факт его совершения [12, с. 63].

Если говорить об отличии оперативной провокации от соучастия в совершении преступления, то следует отметить, что в первом случае к противоправным действиям склоняет государство в лице своих представителей, в том числе правоохранителей

¹ Уголовный кодекс РСФСР [Электронный ресурс]: постановлением ВЦИК, 22 ноября 1926 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13, с. 220]. Такое обстоятельство, как участие представителей государства в провокации, по мнению А. П. Дмитриенко, исключает преступность действий спровоцированного [14, с. 57]. Правоохранители в процессе борьбы с преступностью осуществляют оперативные действия по выявлению склонных к совершению преступлений лиц и осуществляют действия по нейтрализации исходящей от них опасности для защиты общественного интереса. Такие действия и отличают соучастие от провокации преступления со стороны представителей государства, которые неправильно восприняли цели службы. Ряд авторов указывает, что борьба с уже совершённым преступлением – пережиток прошлого, при котором игнорируется поведение лица, которое допустило общественно опасное поведение. В частности, такого мнения придерживается и М. В. Бавсун [15, с. 31].

Трудно спорить с тем, что выжидание совершения преступления лицом, потенциал которого к противоправным действиям был выявлен ранее в ходе осуществления им подготовительных действий, не является логичным. Целью правоохранительной деятельности в этой ситуации является выявление лица, от которого исходит криминальная угроза, и своевременная её нейтрализация.

Следовательно, под давлением такой логики деяние спровоцированного лица не является преступлением, это необходимое условие предупреждения в будущем общественно опасных посягательств. Однако непризнание содеянного под воздействием провокации преступлением делает невозможным осуществление в отношении него специального предупреждения. С этической точки зрения описанный подход непригоден, поскольку он основан на идее допустимости государственной провокации. Общий запрет сотрудникам правоохранительных органов на провокацию преступлений не может однозначно и во всех случаях предрешать вопрос об исключении ответственности спровоцированного лица.

Оперативная провокация коррупционного преступления основана на потенциальной угрозе, исходящей от спровоцированного лица, с безусловной социальной опасностью деяния, которое не только пресекается сотрудниками правоохранительных органов, но и, как правило, ими же и организовывается. Как верно отмечает В. Н. Борков: «Неспособность объекта провокации устоять перед «соблазном» совершения преступления и склонность к противоправному удовлетворению своих интересов не могут служить основанием уголовной ответственности» [16, с. 114].

Следуя правовой позиции Конституционного Суда РФ, можно отметить, что, «устанавливая преступность и наказуемость тех или иных общественно опасных деяний, федеральный законодатель может по-разному в зависимости от существа охраняемых общественных отношений конструировать составы преступлений, учитывая степень их распространённости, значимость тех ценностей, на которые они посягают, и характер причиняемого ими вреда – имущественного, организационного или иного – охраняемому объекту»¹.

Из чего следует, что проблематика оперативной провокации коррупционного преступления проявляет то обстоятельство, что уровень опасности деяния может зависеть не только от поведения виновного лица, но и от деятельности других лиц, провокаторов, осуществивших в его отношении провокацию. В этой связи деятельность правоохранителей становится значимой для её правовой оценки, начиная с этапа развития преступного умысла спровоцированного лица, на котором было пресечено посягательство, и с учётом особенностей проявления общественной опасности преступления, к которому осуществлялось прямое или косвенное склонение.

¹ По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Демёшиной [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 февраля 2020 г. № 10-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Анализ приговоров и определений судов по делам о взяточничестве показал, что отсутствие доказательств наличия оснований подозревать лицо в совершении преступления до вмешательства органа, проводившего оперативно-разыскные мероприятия, может выступать поводом для признания действий сотрудников правоохранительных органов провокационными. Безусловным примером такой позиции может служить Апелляционный приговор Костромского областного суда от 30.09.2020 по делу № 22-643/2020¹ (оставленный в силе кассационным определением от 14.12.2021 № 77-4085/2021 Второго кассационного суда общей юрисдикции²).

Апелляция инстанции в оправдательном приговоре констатировала, что сотрудники ОРЧ СБ УМВД России по Костромской области незаконно, т. е. при отсутствии предусмотренных ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» оснований проводили в отношении участкового уполномоченного отдела полиции Х. оперативно-разыскные мероприятия, побуждая его, помимо всего прочего, к совершению противоправных действий. К таким выводам суд пришёл исходя из анализа, в том числе из показаний взяткодателя. Так, согласно показаниям К. (взяткодатель), именно он был инициатором передачи Х. материального вознаграждения за осуществление проверки персональных данных граждан, самостоятельно определяя, в чём конкретно оно будет выражаться. Несмотря на то что сам осуждённый никаких требований в этой части ему не предъявлял, именно К. изначально решил передать Х. денежные средства в размере 1 000 руб., от чего тот отказался. После этого продолжал настаивать на необходимости благодарности за оказанную ему услугу и, оставив без внимания слова осуждённого об офисной бумаге, самостоятельно принял решение передавать ему спиртное и какой именно стоимости. Апелляция фактически указала на то, что до визита оперативников в офис К. (взяткодателя) они ничего не знали о якобы противоправной деятельности Х. Только после визита правоохранителей к К. у них родилась мысль начать «разработку» Х. Для этого они подослали к нему К., который, видимо, желая выслужиться и угодить оперативникам, уговорил Х. принимать от него «подарки».

Такая «разработка» не является единичным случаем противоправной деятельности отдельных сотрудников правоохранительных органов, а зачастую носит системный характер. Проблема не научного, а практического толкования провокации состоит в том, что она во многом отождествляется с оперативным экспериментом как с основой пресечения преступления коррупционной направленности. Основу такой деятельности составляют действия агентов-провокаторов, желающих избежать собственной уголовной ответственности как по совершённым преступлениям, так и с целью прикрытия своей преступной деятельности в будущем. При этом наличие оснований проведения указанного оперативного мероприятия уходит на второй план, поскольку вредит раскрываемости.

1. Милюков С. Ф., Никуленко А.В. Неочевидные решения проблем силового противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 36–45.
2. Клейменов М. П. Полицейский произвол: мифы и реальность // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 46–54.

¹ Апелляционный приговор Костромского областного суда от 30 сентября 2020 г. по делу № 22-643/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-44OS0000-22-643-2020-2020-07-06-2-1/>. (дата обращения: 01.10.2025).

² Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Второго КСОЮ от 14 декабря 2021 г. по делу № 7У-13053/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-26KJ0005-7u-3415-2021-77-1629-2021-2021-07-22-2-2/> (дата обращения: 01.10.2025).

3. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1964. 1375 с.
4. Комиссаров В., Яни П. Провокационно-подстрекательская деятельность в отношении должностного лица как обстоятельство, исключающее ответственность за получение взятки // Законность. 2010. № 9. С. 8-12.
5. Комиссаров В.С. Провокация в уголовном праве: проблемы квалификации // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 45-52.
6. Наумов А. В. Уголовное право России. Общая часть., М.: Юрайт, 2020. 410 с.
7. Кузнецова Н. Ф. Курс уголовного права: Общая часть., М.: Зерцало, 2002. 611 с.
8. Жарких И. А. Провокация преступления в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 32 с.
9. Рарог А. И. Уголовное право России. Особенная часть. М.: Проспект, 2021. 624 с.
10. Иванов В. Д. Об уголовной ответственности за провокацию преступления // Актуальные проблемы уголовного права и правоприменительной деятельности органов внутренних дел в новых социально-политических условиях. М.: МВШМ МВД России, 1992. С. 95-96.
11. Курс советского уголовного права: в 5 т. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1968 – 1981. Т. 1: Часть общая / М.Д. Шаргородский [и др.]; отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский, - 1968. 646 с.
12. Радачинский С.Н. Юридическая природа провокации преступления // Уголовное право. 2008. № 1. С. 59-63.
13. Дизер О.А. Уголовно-правовое исследование провокации преступления // Юрист-Правовед. 2019. № 4. С. 219-224.
14. Дмитриенко А. П. Соотношение провокации преступления и подстрекательства к преступлению // Общество и право. 2018. № 4. С. 57-61.
15. Бавсун М. В. Предмет и метод уголовного права в условиях трансформации общественных отношений / Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов VII Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 1-2 ноября 2019 г.). Санкт-Петербург: Астерион, 2019. С. 29-35.
16. Борков В.Н. Жертва оперативной провокации или преступник? / Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, № 2 (86). 2020. С. 111-116.
1. Milyukov S. F., Nikulenko A.V. Neochevidny`e resheniya problem silovogo protivodejstviya prestupnosti // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2021. T. 15, № 1. S. 36-45.
2. Klejmenov M. P. Policejskij proizvod: mify` i real`nost` // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. 2021. T. 15, № 1. S. 46-54.
3. Ozhegov S. I. Slovar` russkogo yazy`ka. M., 1964. 1375 s.
4. Komissarov V., Yani P. Provokacionno-podstrekatel`skaya deyatel`nost` v otnoshenii dolzhnostnogo licza kak obstoyatel`stvo, iskluchayushhee otvetstvennost` za poluchenie vzyatki // Zakonnost`. 2010. № 9. S. 8-12.
5. Komissarov V.S. Provokaciya v ugodovnom prave: problemy` kvalifikacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2015. № 8. S. 45-52.
6. Naumov A. V. Ugodovnoe pravo Rossii. Obshhaya chast`, M.: Yurajt, 2020. 410 s.
7. Kuzneczova N. F. Kurs ugodovnogo prava: Obshhaya chast`, M.: Zerczalo, 2002. 611 s.
8. Zharkix I. A. Provokaciya prestupleniya v ugodovnom prave Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2021. 32 s.
9. Rarog A. I. Ugodovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast`. M.: Prospekt, 2021. 624 s.
10. Ivanov V. D. Ob ugodovnoj otvetstvennosti za provokaciju prestupleniya // Aktual`ny`e problemy` ugodovnogo prava i pravoprimeritel`noj deyatel`nosti organov vnutrennix del v novy`x social`no-politicheskix usloviyax. M.: MVShM MVD Rossii, 1992. S. 95-96.

11. Kurs sovetskogo ugolovnogogo prava: v 5 t. – L.: Izd-vo Leningr. gos. un-ta, 1968 – 1981. T. 1: Chast` obshhaya / M.D. Shargorodskij [i dr.]; otv. red. N.A. Belyaev, M.D. Shargorodskij, - 1968. 646 с.
12. Radachinskij S.N. Yuridicheskaya priroda provokacii prestupleniya // Ugolovnoe pravo. 2008. № 1. С. 59-63.
13. Dizer O.A. Ugolovno-pravovoe issledovanie provokacii prestupleniya // Yurist-Pravoved. 2019. № 4. S. 219-224.
14. Dmitrienko A. P. Sootnoshenie provokacii prestupleniya i podstrekatel'stva k prestupleniyu // Obshhestvo i pravo. 2018. № 4. S. 57-61.
15. Bavsun M. V. Predmet i metod ugolovnogogo prava v usloviyax transformacii obshhestvenny`x otnoshenij / Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika : sb. materialov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 1–2 noyabrya 2019 g.). Sankt-Peterburg: Asterion, 2019. S. 29-35.
16. Borkov V.N. Zhertva operativnoj provokacii ili prestupnik? / Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, № 2 (86). 2020. S. 111-116.

Информация об авторе

Денис Мингалеевич Хузиахметов. Управляющий директор.
Московская юридическая коллегия «Белая Сова».
101000, Россия, г. Москва, Покровский бульвар, 4/17с4Б

Information about author

Denis M. Khuziahmetov. Managing Director.
Moscow Law Firm «Belaya Sova».
101000, Russia, Moscow, Pokrovsky Boulevard, 4/17s4B.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНСТИТУТА ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Яшин Василий Николаевич

Тульский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет (РПА Минюста России)», Тула, Россия

6021111@inbox.ru

Аннотация. В статье анализируются последние изменения института прекращения уголовного преследования. Данные изменения законодательства предлагается рассматривать как очередной шаг в гуманизации отечественного уголовного судопроизводства. Однако, несмотря на важность и своевременность исследуемых изменений, обращается внимание на неоднозначность и недостаточность их урегулирования. Отмечается явный дисбаланс прав участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и защиты. Предлагается ряд решений, направленных на дальнейшее совершенствование процедур реализации положений п. 3¹ ч. 1 ст. 208 и ст. 28² УПК РФ.

Ключевые слова: приостановление предварительного следствия, нереабилитирующие основания, контракт, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного преследования.

Для цитирования: Яшин В. Н. Модернизация института прекращения уголовного дела и уголовного преследования в уголовном судопроизводстве России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 4(105). С. 533–536.

MODERNIZATION OF THE INSTITUTION OF TERMINATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINAL PROSECUTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS JUDICIAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Vasily N. Yashin

Tula Institute (branch) of All-Russian State University of Justice, Tula, Russia

6021111@inbox.ru

Annotation. The article analyzes the latest changes to the institution of termination of criminal prosecution. These legislative changes are proposed to be considered as another step towards the humanization of domestic criminal proceedings. However, despite the importance and timeliness of the changes analyzed, attention is drawn to the ambiguity and insufficiency of their regulation. There is a clear imbalance in the rights of participants in criminal proceedings on the part of the prosecution and the defense. The article proposes a number of solutions aimed at further improving the procedures for implementing the provisions of Part 1, Article 208 and Article 282 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: suspension of the preliminary investigation; non-rehabilitating grounds; contract; release from criminal liability; termination of criminal prosecution.

For citation: Yashin V. N. Modernization of the institution of termination of criminal proceedings and criminal prosecution in criminal proceedings judicial proceedings in Russia // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 4(105). P. 533–536.

В течение срока своего действия Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) перманентно претерпевает изменения и дополнения, которые порой кардинально меняли его сущность и содержание. Не является исключением и институт прекращения уголовного преследования. В частности, в ст. 28² УПК были закреплены дополнительные основания, условия и процедура принятия такого решения, а именно: в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в эти периоды контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время. Детальный анализ указанных изменений и дополнений убеждает в необходимости их корректировки и уточнения, так как существующие редакции они могут вызвать определённые трудности в их реализации на практике.

Несмотря на то что некоторые специалисты отрицают положительное значение анализируемых нововведений [3, с. 111], полагаем, что их принятие представляет собой важное и значимое совершенствование законодательства, которое позволит благоприятным образом повлиять на снижение объёмов работы для органов предварительного расследования и судов.

Следует отметить, что, помимо нового основания прекращения уголовного дела, законодатель дополнил также перечень оснований приостановления предварительного расследования п. 3¹ ч. 1 ст. 208 УПК, предусмотрев в качестве такового аналогичные по своему содержанию институту прекращения уголовного преследования обстоятельства, превратив таким образом данный институт в первоначальный этап процедуры прекращения уголовного преследования.

При этом в ч. 9 ст. 208 УПК в качестве основания приостановления предварительного следствия законодатель указывает ходатайство командования воинской части (учреждения), а не сам факт призыва на военную службу и не заключение контракта о прохождении военной службы. Таким образом, законодатель устанавливает как фактическое (наличие обстоятельств, предусмотренных п. 3¹ ч. 1 ст. 208 УПК), так и юридическое (наличие ходатайства командования воинской части (учреждения)) основание приостановления предварительного следствия, и именно последнее является определяющим для запуска механизма прекращения уголовного дела. Сложившаяся ситуация породила среди процессуалистов мысль о том, что иерархия публично-правовых ценностей не может быть одинаковой в мирное и в военное время. В военное время приоритет отдаётся решениям военных властей [4, с. 10].

Однако некоторую неразбериху в эту ситуацию внесло постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору»¹ [5, с. 10] (далее – Постановление), предусмотрев в п. 5 возможность приостановления предварительного расследования в соответствии с ч. 9 ст. 208 УПК РФ, если отсутствуют предусмотренные законом препятствия для удовлетворения ходатайства командования воинской части. При этом

¹ О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурор [Электронный ресурс]: постановление пленума Верховного суда Рос. Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ни в УПК, ни в указанном Постановлении нет указаний, что можно рассматривать в качестве последних.

Детальный анализ указанных выше новелл прекращения уголовного преследования позволяет сделать, на наш взгляд, ряд конструктивных замечаний.

Первое, на чём хотелось бы сделать акцент, это то, что действующая редакция закона не предусматривает свободу выбора со стороны должностного лица, принимающего решения о прекращении уголовного преследования по указанному основанию, предоставляя полную свободу командованию воинской части (учреждения) на заключение контракта или призыва на военную службу или отказа в этом.

Отсутствие свободы выбора в принятии данного решения у следователя и дознавателя в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 78¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК), делает бессмысленным его согласование с руководителем следственного органа и прокурором, как этого требует ч. 1 ст. 28² УПК, ибо содержание статьи носит предписывающий характер и не предполагает наличие альтернативы в принятии решения у данных должностных лиц.

Тем не менее, несмотря на безапелляционный характер предписаний анализируемой нормы, в ней не указано, в течение какого времени после получения соответствующего ходатайства следователь (дознаватель) должен принять решение о приостановлении предварительного расследования. Не определены законом и сроки согласования данного ходатайства руководителем следственного органа и прокурором.

Не устанавливает ст. 28² УПК и категорию уголовных дел, прекращение преследования по которым допускается по анализируемому основанию. При этом имеет место лишь отсылка к ч. 1 ст. 78¹ УК, содержащей перечисление лишь отдельных видов преступлений, за совершение которых право на освобождение от уголовной ответственности не предоставляется [6, с. 57]. Из анализа указанной нормы следует, что совершение целого ряда тяжких и особо тяжких преступлений не исключает освобождения от уголовного преследования и наказания. Полагаем необходимым согласиться с авторами, считающими, что прекращение уголовного преследования и освобождение от уголовной ответственности безотносительно количества и вида преступлений являются неприемлемым обстоятельством [7, с. 162].

Не определены в законе и конкретные сроки заключения контракта. Из положений ч. 3¹ ст. 86 УК и подпунктов «а», «в» и «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»¹ [8] (далее – Закон № 53-ФЗ) следует, что контракт заключается максимум до окончания периода мобилизации, отмены (прекращения действия) военного положения и (или) истечения военного времени либо до достижения предельного срока пребывания на военной службе, а минимум – до признания военно-врачебной комиссией данного лица не годным к военной службе. Из сказанного следует, что награждение государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы данным лицом, не завершает действие контракта, а лишь погашает судимость соответствующего лица.

Учитывая изложенное, представляется необходимым предусмотреть в законе как минимум конкретные сроки заключения контракта или призыва подозреваемого или обвиняемого на военную службу для участия в СВО с учётом тяжести совершённого преступления и сделать этот процесс максимально открытым. Кроме этого, из содержания анализируемых новелл уголовно-процессуального закона следует, что законодатель проигнорировал интересы потерпевшего, не предусмотрев в данном случае не только получения от него согласия на прекращение уголовного дела, но и его уведомления о принятом решении, что неприемлемо как с морально-этической точки зрения,

¹ О воинской обязанности и военной службе [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

так и с правовой. В этой части можно согласиться с авторами, утверждающими, что внесённые изменения, безусловно, повлекут негативные последствия в виде снижения защищённости граждан, пострадавших от преступлений [1; 2, с. 40], что противоречит назначению отечественного уголовного судопроизводства, провозглашённому в ст. 6 УПК, и противоречит принципу состязательности, основной составляющей которого является равенство сторон (ст. 15 УПК). Более того, это в последующем может повлечь определённые проблемы в возмещении вреда, причинённого противоправными действиями лица, освобождённого от уголовной ответственности по анализируемому основанию, в порядке гражданского судопроизводства.

Представляется, что освобождение лица от уголовной ответственности в любом случае не должно лишать потерпевшего права на судебную защиту своих интересов и справедливого разрешения уголовного дела. В этой связи с целью обеспечения баланса прав и законных интересов сторон представляется необходимым внесение корректив в ст. 28² УПК, которые бы предусматривали возмещение имущественного вреда, причинённого преступлением, как условие принятия решения о прекращении уголовного преследования [9, с. 32].

Неразрешённым, на наш взгляд, остаётся вопрос о судьбе соучастников преступления в случае приостановления уголовного дела по основанию, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК. В частности, ч. 4 данной нормы предусматривает, что если раздельное судебное разбирательство препятствует рассмотрению уголовного дела, то всё производство по нему должно быть приостановлено. Возникает закономерный вопрос: что делать с иными обвиняемыми, как быть с избранными в отношении них мерами пресечения, каковы основания их продления и т. п. Требуется разъяснения и ситуация, о возможности возобновления производства по уголовному делу, когда соответствующее лицо негативно проявит себя при соблюдении условий контракта (неисполнение приказа командира, самовольный уход с занимаемой позиции и т. п.). Этот вопрос также требует своего разрешения на законодательном уровне. Следует подчеркнуть, что круг вопросов, касающихся институтов приостановления и прекращения уголовного преследования, рассмотренных в настоящей статье, далеко не исчерпан, а высказанные суждения не носят характер категорических утверждений и могут стать предметом дальнейшего обсуждения. Видится необходимым принятие в перспективе по данным вопросам как минимум руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

1. Войтенко Е. В., Шевалье В. А. Прекращение уголовного преследования в отношении участника специальной военной операции (СВО) // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2024. № 5(92).
2. Володин А. А. Современные тенденции развития института освобождения от уголовной ответственности // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2024. № 2. С. 39-42.
3. Гончаров Д. Ю., Гончарова С. Г. Освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с поступлением на военную службу: последствия для потерпевших от преступлений // Виктимология. 2024. Т. 11, № 1. С. 103-113.
4. Головкин Л. В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31, № 1(96). С. 5-10.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 2.
6. Жукова Т. Г., Долгополов К. А., Жуков А. П. Освобождение от уголовной ответственности в связи с прохождением военной службы // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2(41). С. 55-60.
7. Семенов Е. А., Батуева А. Б. Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу в системе альтернативных наказанию мер // Научный

вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 158-164.

8. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.09.2025).

9. Шурухнов Н. Г. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с изменением обстановки: суждения на одну из законодательных инициатив // Представительная власть – XXI век. 2023. № 5-6. С. 28–35.

1. Vojtenko E. V., Sheval'e V. A. Prekrashhenie ugodovnogho presledovaniya v otnoshenii uchastnika special'noj voennoj operacii (SVO) // Nauchno-prakticheskij e'lektronny'j zhurnal «Alleya Nauki». 2024. № 5(92).

2. Volodin A. A. Sovremennyy'e tendencii razvitiya instituta osvobozhdeniya ot ugodovnoj otvetstvennosti // Aktual'ny'e voprosy` bor'by` s prestupleniyami. 2024. № 2. S. 39-42.

3. Goncharov D. Yu., Goncharova S. G. Osvobozhdenie ot ugodovnoj otvetstvennosti i nakazaniya v svyazi s postupleniem na voennuyu sluzhbu: posledstviya dlya poterpevshix ot prestuplenij // Viktimologiya. 2024. T. 11, № 1. S. 103-113.

4. Golovko L. V. Diskussionny'e voprosy` priostanovleniya i prekrashheniya ugodovnogho presledovaniya v otnoshenii uchastnikov special'noj voennoj operacii // Nauchny'j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2025. T. 31, № 1(96). S. 5-10.

5. Byulleten` Verxovnogo Suda RF. 2025. № 2.

6. Zhukova T. G., Dolgopolov K. A., Zhukov A. P. Osvobozhdenie ot ugodovnoj otvetstvennosti v svyazi s proxozhdeniem voennoj sluzhby` // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2024. № 2(41). S. 55-60.

7. Semenov E. A., Batueva A. B. Prekrashhenie ugodovnogho presledovaniya v svyazi s prizy`vom na voennuyu sluzhbu v sisteme al'ternativny`x nakazaniyu mer // Nauchny'j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii im. V.V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 158-164.

8. Oficial'ny'j internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://pravo.gov.ru> (data obrashheniya: 22.09.2025).

9. Shuruxnov N. G. Prekrashhenie ugodovnogho dela ili ugodovnogho presledovaniya v svyazi s izmeneniem obstanovki: suzhdeniya na odnu iz zakonodatel'ny`x iniciativ // Predstavitel'naya vlast` – XXI vek. 2023. № 5-6. S. 28–35.

Информация об авторе

Василий Николаевич Яшин. Заведующий кафедрой уголовного права и процесса кандидат юридических наук, доцент.

Тульский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет (РПА Минюста России)».

300026, Россия, г. Тула, пр-т Ленина, 104.

Information about author

Vasily N. Yashin. Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor.

Tula Institute (branch) of All-Russian State University of Justice.

300026, Russia, Tula, Lenin Av., 104.

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 23.12.2025.

The article was received in the editorial office on 20.09.2025; approved after review on 15.11.2025; accepted for publication on 23.12.2025.

ТРЕБОВАНИЯ,

предъявляемые к статьям, представляемым для опубликования
в журнале «Научный вестник Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова»

В целях ускорения прохождения рукописей к принятию к опубликованию в журнале просим соблюдать следующие требования.

Содержание статей должно отражать современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции. Тематика научных статей, принимаемых к опубликованию в журнале, должна соответствовать отрасли «Юридические науки» по специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

К рассмотрению не принимаются **рукописи, опубликованные в других изданиях**. Если рукопись статьи одновременно направлена в другое издание либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

В статье не должно быть **сведений ограниченного распространения**, ответственность за соблюдение режима секретности возлагается на автора и должностных лиц, осуществляющих контроль за соблюдением режима секретности, в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

Статья представляется в **бумажном варианте**, отпечатанном на одной стороне листов формата А4 (210х297 мм), заверенном подписью автора(ов). **Электронная версия** статьи в виде файла MS Word должна соответствовать распечатке и иметь в названии файла фамилию автора, например: Ivanov.doc, Ivanov-Petrov.doc.

Объём статьи вместе со сведениями об авторах, списком используемой литературы и ключевыми словами должен соответствовать диапазону от 0,45 до 0,6 авт.л. (18-24 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Основной текст рукописи набирается через 1 интервал гарнитурой Times New Roman (12-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов. Все поля на страницах должны быть одинаковы и равны 2,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см.

В статье должен быть указан номер по Универсальной десятичной классификации (**УДК**) и **шифр научной специальности**, соответствующий тематике статьи.

Название статьи набирается на русском и английском языках полужирным шрифтом, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ**, без абзацного отступа и центрируется относительно полосы набора.

Сведения об авторе на русском и английском языках включают: Ф.И.О., учёную степень, учёное звание, занимаемую должность, место работы (в именительном падеже) и электронный адрес.

Статья должна быть снабжена **аннотацией** на русском и английском языках с объемом 500-1000 знаков, включая пробелы. В аннотации должна быть четко сформулирована основная идея статьи (она должна содержать характеристику темы исследования, раскрывать актуальность, степень разработки, теоретико-методологическое и практическое значение темы, цель работы и ее результаты).

Статья также должна содержать **список ключевых слов** на русском и английском языках (шесть-десять основных слов (словосочетаний) статьи, характеризующих проблематику статьи, через запятую).

Статья авторов-адъюнктов (аспирантов) должна содержать **благодарность** научному руководителю с указанием занимаемой должности, места работы, ученой степени, ученого звания и ФИО.

Размещение **таблиц, рисунков, диаграмм, схем и другого иллюстративного материала** на страницах с альбомной (горизонтальной) ориентацией не допускается. Графики, диаграммы не должны иметь сплошную (в т.ч. цветную) заливку.

Рисунки и таблицы (размер используемого шрифта – 12 пунктов) должны быть в черно-белом или полутонном исполнении размещены в тексте после абзацев, содержащих ссылки на них (см. таблицу 1).

Таблица 1
Заголовок таблицы

Текст	Текст	Текст	Текст	Текст

Схемы должны иметь общую группировку всех объектов, входящих в них, быть центрированы относительно полосы набора.

Размеры и разрешение рисунков должны обеспечивать их дальнейшее качественное полиграфическое воспроизведение.

Рисунок

Рис. 1. Название рисунка.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ).

К рассмотрению принимаются статьи, имеющие **оригинальность не менее 60%**. Текст статьи проверяется системой специализированного программного обеспечения («Антиплагиат»). По решению редакционной коллегии статья может быть рекомендована к опубликованию в журнале и в том случае, если оригинальность статьи ниже установленного порогового значения.

Цитаты и заимствования текста из научных источников должны сопровождаться соответствующими **ссылками**, которые оформляются арабскими цифрами в квадратных скобках с указанием через запятую страницы, на которой размещается цитируемый текст, например: «По мнению П.А. Лупинской, ...» [1, с. 100].

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Каждый используемый научный источник указывается в списке литературы **один раз в порядке упоминания** в тексте.

При повторном использовании данного источника в квадратных скобках указывается тот же порядковый номер из списка литературы. Указание в списке литературы источников, на которые нет ссылок в тексте, не допускается.

Список литературы, как правило, должен содержать от 8 до 20 источников.

Обязательная версия списка литературы на латинице размещается в статье сразу за списком русскоязычных (исходных) ссылок и подготавливается автором(ами) статьи из русскоязычных ссылок независимо от того, имеются ли иностранные источники. На сайте <http://translit.ru> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу, выбрав стандарт BGN.

Ссылки на нормативные акты, иные официальные документы и электронные источники информации, сведения об анкетировании и т.п. указываются в виде постраничных сносок с нумерацией на каждой странице.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Статья должна быть обязательно **подписана автором (соавторами)** следующим образом: «Своей подписью подтверждаю, что материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Ранее статья нигде не публиковалась.

«Я безвозмездно предоставляю редакции журнала права на опубликование моей статьи, в том числе на неограниченное её распространение любым способом, включая создание её электронного варианта, с целью доведения статьи до всеобщего сведения».

Авторам-адъюнктам (аспирантам) дополнительно следует указать: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее указываются: дата, ФИО руководителя, его подпись.

При наличии **соавторов** необходимо указать, что ими внесен равный вклад в написание статьи, или указать объем вклада каждого соавтора, а также отметить заявление об отсутствии конфликта интересов.

К статье прилагаются:

краткий отчет о проверке статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, сформированный программой;

для научных статей адъюнктов, аспирантов, магистрантов – отзыв научного руководителя.

Образец оформления статьи размещен на веб-сайте по адресу:
<https://орюи.мвд.рф/Nauka/nauchnij-zhurnal-instituta>

Уважаемые читатели и авторы!

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объём статей и принимать решение о включении их в журнал.

Отклонённые материалы не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.